

ОЛЕГ ГОБЧАРЕНКО

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

ББК 63.3(2)

Г65

Художник А.В. Акимов

Гончаренко О.Г.

Г65 Белое движение. Поход от Тихого Дона до Тихого океана / О.Г. Гончаренко. — М. : Вече, 2007. — 384 с. (За веру и верность).

ISBN 978-5-9533-1988-1

«Да! Проломилась доноская галуба! Белая гвардия — да! — погибла...», — писала Марина Цветаева в 1918 году. На берегах Тихого Дона разыгрался первый акт великой национальной трагедии, а на побережье Тихого океана наступила ее развязка. Почти девять десятилетий назад Гражданская война, позабытая в наши дни, расколола народ на два враждующих лагеря. Люди, не изменившие присяге российскому императору, воевали с теми, кто стал под красивые знамена. О годах Русской Смуты, о боевой повседневной жизни на фронтах Гражданской рассказывает новая книга историка Олега Гончаренко. Издание богато иллюстрировано не только широко известными фотодокументами, но и редкими материалами из семейного архива автора.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9533-1988-1

© Гончаренко О.Г., 2007

© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

Глава I

С ДОНА НА КУБАНЬ

Архетип добровольца

Наш рассказ о Белом движении стоит начать словами человека нейтрального, не принимавшего участия ни на чьей стороне: «...Если бы Добровольческой войны не было, — отмечала в своем дневнике в 1920 году З.Н. Гиппиус, — вечный стыд лег бы на Россию, сразу нужно было бы оставить надежду на ее воскресение. И прав Дм(итрий)Серг(еевич), сказав, что не о прощении грехов убитых следует нам молиться, а у них просить прощения. Ведь если они в чем и виноваты — они, павшие на поле чести, — живые виноваты перед ними в тысячу раз больше.» И далее, рассуждая о причинах неудач и поражений Белой армии, о чем пойдет речь в этой книге, Зинаида Николаевна завершила свою заметку словами: «При всех этих условиях, какой же успех могла иметь с в я т а я Белая борьба с зараженным русским народом? Я подчеркиваю „святая“, потому что такой она была».

Кто же были они, выступившие с оружием в руках против поработителей державы? Один из них, 18-летний доброволец, служивший в рядах Белгородских улан, входивших 3-м эскадронном в один из конных полков, Иван Савин, оставил потомкам пронзительные строчки, на которые способна лишь пылающая душа русского гимназиста:

И только ты, бездомный воин,
Причастник Русского стыда,
Был мертвой Родины достоин,
В те недостойные года...

Этот юноша, проживший не так много лет, был певцом жертвенного патриотизма. А еще он оставил нам стихи о Корнилове, к которому питал безусловное уважение, создал летопись судеб своего поколения, тех юных мальчиков-кадет, гимназистов и студентов. О них, страдавших и погибавших на опаленных огнем дорогах Гражданской войны, умиравших на лазаретных койках или от рук ленинских палачей, рассказали впоследствии читателям стихи юного поэта. Его строки ценил даже такой строгий критик творческих порывов современников, каким был Иван Алексеевич Бунин. Сколько их, замерзших в донских степях, застреленных в атаках, зарубленных при отступлении, но всегда поражавших своих противников удивительной для их возраста стойкостью духа?

Если б ты, мама, увидела,
Как я озяб на ветру...

Это строки из савинского стихотворения «Chanson Triste», в словах которого прорывается неожиданное отчаяние, зна-

комое каждому из юных солдат Ледового похода. Для многих Ледовый поход стал первым и последним подвигом в их жизни...

Поиски выхода и заблуждения

Принято считать, что распад державы начался в феврале 1917 года. Однако прежде чем возглавить вооруженную борьбу лучшей части народа, ее вождем пришлось пройти краткую эволюцию своих политических убеждений. В крахе монархии далеко не все из них усмотрели надвигавшееся «начало конца». «Старое рухнуло! — публично заявил Корнилов вскоре после отречения Государя.

Народ строит новое здание свободы, и задача Народной армии «всемерно поддерживать новое правительство!». Поддержали ли эти настроения все их подчиненные, не говоря о солдатах? Далеко не все офицерство встретило подобные утверждения с восторгом, но в момент пугающего безвластия для армии был необходим вождь, личность, умеющая сплотить и удержать ее от поражения в войне. Очень быстро Корнилов пришел к убеждению, что опыты либеральных демократов над армией с февраля по июль 1917 года лишь ухудшили ее положение и практически уничтожили систему управления на всех уровнях. Некогда победоносное воинство постепенно таяло и превращалось в трудно управляемую вооруженную массу, готовую идти за любым демагогом, потакающим ее эгоистичным инстинктам. Опору Корнилов нашел в офицерах и лучшей части сол-

дат, а также в воинских организациях, созданных за последние пять месяцев 1917 года — Союзе Армии и Флота, Союзе казачьих войск под руководством Алексея Максимовича Каледина и Союзе Георгиевских кавалеров. Энергичная деятельность Корнилова на своем посту в краткие сроки даже позволила достичь некоторых результатов. Утихла буйная разнузданность солдатских масс; офицерами кое-как сдерживалась дисциплина. Подобные меры обеспечили некоторый порядок, но никак не могли повлиять на усиливающийся поток пораженческой пропаганды, которую вели законспирированные большевистские агитаторы в армии и представители Правительства во время своих коротких вояжей на передовую, где они пытались заигрывать с армейскими низами. Наиболее прозорливая часть офицерства, видя угрозу полному развалу фронта, предлагала Корнилову начать формирование особых частей, верных присяге, чтобы оперативно наводить порядок в частях и предавать пойманных агитаторов суду по закону военного времени. Эти логически обоснованные и ясные по содержанию рапорты подчиненных по какой-то странной причине не доходили до Главнокомандующего. Достойные предложения оставались нереализованными. Не поступало ясных директив по наведению порядка в армии и от Временного правительства. Бездействие власти в конечном счете парализовало все немногие благие начинания Корнилова. В армии и на флоте все оставалось неизменным, пока Временное правительство не сочло популярность в армии самого Корнилова слишком опасной для «революции».

В поисках сильной руки

Могла ли власть либералов установить минимальный порядок в стране, наладить дисциплину и вернуть спокойствие? Ведь временные министры и комиссары сами успели приложить руку к дестабилизации положения в стране и развалу фронта. Власть скорее заигрывала с участниками этого страшного действия, разворачивающегося у всех перед глазами, ибо штыки армии были готовы вот-вот повернуты против временщиков.

7 сентября 1917 года верховная власть изолировала наиболее активную и государственно-мыслящую часть генералитета, арестовав и отправив в Быховскую тюрьму около 20 человек — самого Корнилова, Деникина, Маркова, Романовского и других. Одновременно с этим Временное правительство освободило большевиков, и в том числе Троцкого, арестованных за попытку июльского переворота 1917 года.

Мысль о твердой власти владела в то время умами многих высших чинов армии и флота. Но кто смог бы консолидировать усилия, если большинство энергичных и деятельных людей оказалось в заточении? Остававшийся на свободе генерал Алексеев попытался соединить воедино известную ему лично «лучшую часть офицерства», готовую в нужный момент поддержать выступление армии против Временного правительства и, возможно, участвовать в его свержении для установления прочной власти, ориентированной на национальные интересы России. Вскоре Алексеев был уволен из армии и проживал в Петрограде под над-

зором Совета Депутатов и Временного правительства, однако даже не сохранив формального положения в армии, Алексеев в условиях полной конспирации вел моральную обработку надежных офицеров путем личных встреч и устраивал публикации в патриотически-настроенной прессе. В Петрограде Алексеев являлся душой политической организации «Русская Государственная карта», объединившей силы многих, готовых повоевать за интересы державы. Она была создана бесарабским помещиком и депутатом Государственной Думы Владимиром Митрофановичем Пуришкевичем. На Алексеева возлагалась задача по объединению и связи с сохранившими порядок и дисциплину воинскими частями. И хотя таковых к этому моменту оставалось не так уж и много, но все же координационная работа Алексеева была поистине титанической. Для того, чтобы не утратить людей, не имеющих жилья и возможности оставаться в Петрограде, Алексеев поручил полковнику лейб-гвардии Преображенского полка Петру Александровичу Веденяпину, одному из своих ближайших помощников, войти в состав некоммерческого общества борьбы с туберкулезом под названием «Капля молока» и направить деятельность общества в сторону открытия питательного пункта и своего рода подпольное управление «этапного коменданта». Одним из стратегических замыслов Алексеева был пуск в ход нескольких бездействующих петроградских заводов, по согласованию с их владельцами, чтобы под видом рабочих разместить до переворота организованные офицерские группы.хлопоты генерала стяжали

его делу новое название — «Алексеевская организация»; ее филиал был открыт и в Москве.

Могли ли имевшиеся под началом Алексева силы выступить против безвольной власти и оттеснить большевиков на данной стадии своего существования? Алексеев не торопился смещать власть вооруженным путем. Он терпеливо ожидал нового правительственного кризиса, который рано или поздно неизбежно должны были спровоцировать в своих интересах большевики, и вот тогда он был готов предложить этому новому Временному правительству свои услуги по стабилизации обстановки силами руководимых им офицерских отрядов при условии перемены политического курса от леволиберального к умеренно-консервативному республиканскому правлению. О монархии речи быть не могло, ибо членство в военной масонской организации и личные убеждения Алексева не позволяли ему способствовать восстановлению в России самодержавного строя правления. Был ли уверен именно в таком ходе развития событий генерал Алексеев? Он допускал и иное, и даже временную победу большевизма. В этом случае, полагал генерал, члены его организации должны были сделать тактически важный шаг — отступить на Дон, где уже существовала сепаратная донская власть, провозгласившая себя независимой, и там при помощи генерала Каледина основать платформу для организации небольшой армии, чтобы продолжить борьбу за республиканский строй против большевизма.

Едва ли все члены подпольной офицерской организации разделяли политичес-

кие убеждения ее руководителя. В самом начале формирования подпольной «Алексеевской организации» ее состав оказался весьма многообразным. К осени 1917 года огромное количество хорошо подготовленных кадровых армейских и гвардейских офицеров империи погибли на фронтах Великой войны. Изначально основу белых армий на всех фронтах составили немногие уцелевшие прапорщики ускоренного производства военного времени, а также офицеры, призванные из запаса, учителя, инженеры, гражданские специалисты, студенты старших курсов и учащиеся военных и военно-морских учебных заведений. Корнилов неизменно держался «республиканских» взглядов. Он приветствовал свержение самодержавия в феврале 1917 года и не разлюбил напомнить подчиненным офицерам, что даже лично «арестовывал царя». Марков держался иных убеждений, но надеялся на изменения к лучшему, которые должны были произойти, раз пало самодержавие. Генерал Романовский считался «социалистом» до конца своих дней, а Лукомский принадлежал к военной масонской ложе. Деникин также полагал, что монархия в России — уже отживший институт власти. Как видим, никто из организаторов Добровольчества, находясь в тюрьме или на свободе, не был по существу опасен республиканскому правительству Керенского. Впрочем, наряду с публично декларируемыми политическими убеждениями в глубине души каждый из генералов был все же выходцем из военной консервативной среды и уже успел прожить добрую половину жизни в стабильном и сильном Российс-

ком государстве. Безучастно наблюдать гибель державы было выше их сил.

Генералы в Быхове

Было ли столь безмятежно быховское заключение и чем могло оно для них завершиться, случись большевикам захватить власть раньше? 28 августа 1917 года, еще при переводе генералов из бердичевской тюрьмы в Старый Быхов, им пришлось пережить немало неприятных минут. Арестованные под конвоем юнкерского караула численностью в 40 человек, во главе которого был штабс-капитан Бетлинг, прибыли на вокзал. Словно по команде все улицы, примыкающие к железной дороге, быстро заполнились солдатами Бердичевского гарнизона, рабочими и просто люмпенами. Что же произошло дальше? Об этом следует спросить у очевидца: «Со всех сторон раздавались громкие крики, требовавшие оставления арестованных в Бердичеве. По мере приближения к вокзалу, толпа все увеличивалась, и в арестованных стали бросать камни и комья грязи, требуя самосуда. Слабый... юнкерский караул с трудом сдерживал наседавшую толпу». Нужны были опытные конвоиры или неустрашимые фронтовики. Для помощи юнкерам был выделен отряд кавалергардов во главе с поручиком Александром Викторовичем Чичериным.

Вокруг заключенных в Быховской тюрьме либеральной и социалистической прессой нагнеталась волна истерии и выдвигались требования немедленной расправы над «контрреволюционерами». «Крик, рев и гиканье толпы с каждым

мгновением становилось все громче. Толпа наседала на юнкеров, расстояние, разделявшее ее от них, становилось все меньше и, наконец, у самого входа в вокзал, почти совсем исчезло. В заключенных летели кирпичи, бутылки и камни. Пропустив арестованных и конвой, кавалергардам удалось с большим трудом закрыть входные двери, в которые уже ломилась толпа», — писал В.Н. Звезинцов. Генералы потом еще долго вспоминали рев озверевшей солдатской толпы, требующей выдать им на расправу «генералов-кровапийц», и как рота юнкеров 3-й Житомирской роты прапорщиков под командой штабс-капитана Бейтлинга выстрелами в воздух охлаждала агрессивные намерения толпы. Увиденные картинки русской жизни за окнами тюрьмы не добавляли оптимизма узникам. Каково было настроение заключенных генералов? Спасение от самосуда вызвало смешанные чувства. Самый бесстрашный и решительный человек среди них, генерал Марков, и тот записывал в дневник свои невеселые мысли: «Зачем нас судят, когда участь наша предрешена! Пусть бы уж сразу расстреляли...» Осознание крушения военной карьеры, наверное, посещало многих быховских узников. Иные из них даже радовались, что «дотянули» до высокого звания, другие, говоря образно, и в тюрьме не утратили надежду на фельдмаршальские жезлы. Марков досадовал: «...теперь на смарку идет 39-летняя упорная работа. И в лучшем случае придется начинать сначала... Военное дело, которому целиком отдал себя, приняло формы, при которых остается лишь одно: взять винтовку и встать в ряды тех, кто готов еще уме-

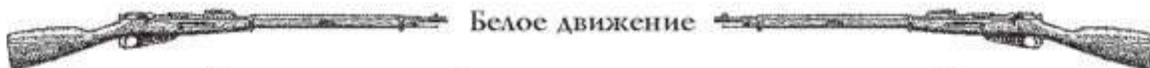
реть за родину». Но так ли безнадежно было их положение? Ситуация, в которой оказались заключенные генералы в Быхове, благоприятствовала их конспиративным начинаниям. Охрану там нес знакомый Корнилову не по-наслышке Текинский конный полк, без меры преданный своему «бояру», как текинцы называли Корнилова. Ответственный за охрану содержащихся в Быховской тюрьме лиц, генерал-лейтенант Николай Николаевич Духонин (служивший тогда начальником штаба Верховного главнокомандующего) не подвергал генералов полной изоляции от окружающего мира. Узникам разрешалось писать и передавать письма с верными людьми, к ним допускались посетители и разрешались свидания с ними без присутствия третьих лиц. Именно это и позволило Корнилову и остальным рассылать во все дружественные политические организации послания о своем решении продолжить борьбу вместе с составленной политической программой, без указания авторов и места ее составления.

Генерал Алексеев в действии

Личность Алексеева, пребывавшего тем временем на свободе, и его благие цели находили отклик в среде частных благотворительных организаций. От них алексеевцы нерегулярно получали скудные субсидии, уходившие на выплату пособий офицерам, которые собирались на Дон и регистрировались в организации как потенциальные борцы с большевизмом. Количество зарегистрировавшихся лиц росло, вместе с ними росли и расходы на содержание самой организацион-

ной деятельности. Развивая свою деятельность, Алексеев установил связь с генералом от инфантерии Дмитрием Григорьевичем Щербачевым, бывшим командиром лейб-гвардии Павловского полка, а теперь Главнокомандующим армиями Румынского фронта. Некоторые из частей этого фронта еще не были поражены пропагандой большевиков. Однако у Главнокомандующего не хватило воли отдать приказ о формировании добровольческих частей и начать антибольшевистскую борьбу со стороны юго-западного направления.

Для того было немало и объективных причин, однако неуверенность в успехе оставалась основным препятствием к решительным действиям. В ходе своей довольно обширной переписки с единомышленниками престарелый генерал Алексеев пытался привлечь к борьбе и тех генералов, кто по окончании войны выехал «на воды», переместившись на Северный Кавказ, и жил на тамошних курортах. Генералы от инфантерии Николай Владимирович Рузский и Радко-Дмитриев охотно поддерживали Алексеева на словах, но даже ни помышляли встать во главе каких-либо офицерских объединений в городах Минеральных Вод. С немалым риском для себя и офицеров-добровольцев, связанных между Алексеевым и подпольными офицерскими группами на Северном Кавказе, в Петроград верными людьми привозились сведения о готовности небольших отрядов выступить против большевиков. Однако никакой координационной работы, для ведения которой как нельзя лучше подходили генералы и вообще люди с опытом организации

крупных войсковых соединений, не велось, и энтузиазм отдельных офицеров не мог заменить наличия единовластного и решительного вождя, готового протянуть

Генерал от инфантерии М.В. Алексеев

руку помощи алексеевской организации. Лично Михаил Васильевич дважды предпринял тайные поездки в Екатеринодар, находившийся под властью атамана Кубанской области, для обсуждения с ним возможности сформировать добровольческие отряды кубанцев, желающих бороться с большевиками.

Однако по отзывам сведущих людей, дело это на Кубани не имело ближайшей перспективы. Атаман не желал ссориться хотя и с большевистской, но все же центральной властью, а сами кубанские казаки неохотно откликались на призыв отправиться на новую войну. В Москве, куда порой заезжал генерал Алексеев, он встречался с сочувствовавшим его идеям генералом от кавалерии Алексеем Бруси-

ловым, впрочем, последний недолго сохранял нейтралитет, вскоре поступив на службу к большевикам.

Все генералы, с которыми Алексеев встречался в Петрограде и Москве, оказывались на словах горячими сторонниками идеи свержения большевистской власти вооруженным путем; немногие из них были готовы к решительным действиям по формированию новой армии, еще меньше из них собиралось участвовать в начинаниях Алексеева, а пошли за ним лишь те, кто в пору его энергичных поездок по стране оказался изолированным в Быховской тюрьме. Получалось так, что вести все дела созданной подпольной организации Алексееву приходилось одному, имея в технических помощниках нескольких верных офицеров-добровольцев. Старого генерала угнетало сознание того, как мало людей из русской военной среды, в сплоченность которой он так верил всю свою жизнь, оказались готовыми поддержать его благие начинания и как близоруки были те, кто надеялся пересидеть и переждать дни большевистского ненастья! И все же он продолжал верить в успех своего дела, изо дня в день кропотливо трудясь над созданием первой ударной силы добровольческих частей, призванных вернуть России ее бывшее величие.

Дилемма двух генералов

После того как большевики взяли власть, Алексеев привел в действие план тактического отхода на Дон. Но все ли реализовалось там именно так, как представляла себе этот главный военный теос-

ретик прежде? В Новочеркасске он был тепло принят Походным атаманом Войска Донского Калединым. Тот встретил прибывшего генерала сочувственно, однако, зная нежелание части казаков воевать и видя многих из них изрядно испорченными разлагающей большевистской пропагандой, любезно попросил Алексеева при первой возможности перебраться подальше, за пределы области Войска Донского, например в Ставрополь. Каледин просил не затевать формирования воинских подразделений на донской территории, боясь неверно быть понятым большевиками, по отношению к которым Дон соблюдал нейтралитет. Почему Алексей воспринял это вежливое предложение убираться подальше с некоторой долей смирения и даже безропотно? Он предвидел, что недалек тот час, когда большевики захотят простереть свою власть и на юг России. И тогда союз с Калединым будет неизбежен.

Так ли важен был этот союз? Кем был Каледин для казаков в целом, и каков был его удельный политический вес на Дону? Среди донских казаков Походный атаман считался фигурой заметной и авторитетной. Еще в Великую войну, командуя 12-й кавалерийской дивизией в составе 18-й армии А.А. Брусилова, он стяжал славу «второй шашки России». Каледин был смелым и вместе с тем чутким командиром, всегда лично водившим своих кавалеристов в бой. После ухода Брусилова он принял под командование 8-ю армию, отличившуюся в ходе «Брусиловского прорыва», наголову разгромив 4-ю австрийскую армию. После октябрьского переворота 1917 года известность бывшего

командующего 8-й армией оказалась столь широка, что его единодушно избрали Походным атаманом. К этому времени роль атаманов вообще и в Донской области в частности была сведена лишь к представительству власти в заседаниях правительства. Алексей Максимович хорошо сознавал, что казачья психология и убеждения — единственное, что до поры остается непоколебимым, и оттого положился на Провидение. Случись казакам опомниться и вовремя выступить против большевистской власти, их ждал бы успех, но «если этого не происходит, — пророчески говорил Каледин, — казачья песня спета». В душе он искренне сочувствовал корниловским попыткам изменить положение дел в стране и оттого не мог безучастно относиться к набиравшему силу сплочению офицерства вокруг Алексева и других генералов в их отчаянном шаге противоборствовать распаду бывшей Империи. Его авторитет зиждился на прежних заслугах. Оставаться популярным у казачества можно было, лишь поддерживая в целом его главные устремления, одно из которых было окончание военных действий вообще и возврат казаков к мирному труду. Даже после того как большевики небольшими отрядами стали просачиваться на Дон, сея раздор и смерть среди казаков, консолидация усилий казаков для изгнания врагов из пределов Донской области стала для Походного атамана делом почти неисполнимым. Любой призыв к военным действиям мог поколебать его прочный на первый взгляд атаманский пьедестал. Оставалось лишь осторожно выжидать дальнейшего развития событий.

Безденежье

Создавая армию, Алексеев тяготился отсутствием финансирования, и потому денежного оклада для добровольцев первое время не существовало. Но любая армия — это прежде всего люди, а люди не могут питаться воздухом. Как решалась задача по обеспечению продовольствием на первых порах? Все содержание сначала ограничивалось лишь пайком, затем стали выплачивать небольшие денежные суммы (в декабре офицерам платили по 100 руб. в месяц, в январе 1918 г. — 150, в феврале — 270 руб.). И все же, невзирая на буквально спартанские условия существования Добровольческой армии, в среднем в день приезжало и записывалось в ее ряды от 75 до 80 добровольцев.

Быт должен был наладиться, и мысли Алексеева занимала необходимость сосредоточить свои усилия на финансовой подпитке своей организации. Как он предполагал уладить эти вопросы? В первую очередь — установить постоянный поток пожертвований от частных лиц на вооружение армии, а потом провести закупку вооружения и амуниции. Но главным вопросом, находившимся постоянно в поле зрения Алексеева, было, как писал А.И. Деникин, «приютить, обогреть и накормить бездомных и гонимых людей» — офицеров его будущей армии.

Первые шаги добровольчества

Все прибывшие в Добровольческую армию на первых порах регистрировались в Бюро записи, подписывая особые расписки, свидетельствующие об их доб-

ровольном желании служить в течение 4-х месяцев. Из переполненного лазарета на Барочной было решено выделить всех юнкеров, кадетов и учащуюся молодежь, переведя их в лазарет № 23, расположившийся на Грушевской улице. Эти молодые люди и положили начало созданию новой воинской части — Юнкерской роты, во главе которой был поставлен штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка Василий Дмитриевич Парфенов. Первый взвод Юнкерской роты составил из юнкеров пехотных училищ, и прежде всего Павловского пехотного училища, воспитанники которого сумели выбраться после разгрома их учебного заведения в Петрограде осенью 1917 года красногвардейцами и выпущенными из тюрем уголовниками. Второй взвод состоял из юнкеров артиллерийских — Михайловского и Константиновского — училищ. В 3-м взводе были гардемарины и кадеты морских училищ, а в 4-м — кадеты и учащаяся молодежь — гимназисты, ученики ремесленных училищ и даже семинаристы. В таком виде Юнкерская рота просуществовала всего 4 дня. Когда 19 ноября 1917 года в ряды добровольцев влились около 100 человек юнкеров артиллерийских училищ, 2-й взвод роты был пополнен и выделен в особую часть, именовавшуюся «Свободной Михайловско-Константиновской батареей» в честь представителей юнкерских училищ, ее составлявших.

Батарея быстро прирастала беспрестанно прибывающими юнкерами-добровольцами и достигла в скором времени численности почти 250 человек. 190 из них составляли юнкера Константиновс-

кого артиллерийского училища. Командовать артиллеристами был поставлен капитан Николай Александрович Шоколи, бывший офицер лейб-гвардии 2-й артил-

Добровольцы корниловского полка

лерийской бригады и нынешний офицер курса Михайловского артиллерийского училища, единственный из его преподавателей, последовавший за своими юнкерами и подтвердивший свою запись в Алексеевской организации делом. Таким запечатлел образ Шоколи один из его подчиненных, В.А. Ларионов: «Кадровый офицер, кончивший Артиллерийскую Академию, слегка суховатый формалист, строгий и придирчивый, он тем не менее был любим юнкерами за ровный и добрый характер... Мы почувствовали себя вновь юнкерами и прежнюю обстановку дисциплины юнкерского училища. Капитан Шоколи цукал за опоздание из отпуска, строго требовал соблюдение общего военного порядка и чистоты... запрещал

пить, курить в помещении и играть в карты... Ввиду своей учебной и академической деятельности не знал войну в действительности, а о пехотных строях и боевых развертываниях не имел представления... Капитан-академик считал, что сводно-артиллерийской роте придется действовать лишь на улицах городов против слабо вооруженной толпы. Очевидно, он сравнивал события наших дней с восстаниями 1905 года». Судьба судила Николаю Александровичу не погибнуть в первом же походе, но преподавать артиллерийское дело в Кубанском военном училище в 1919 году, а после эвакуации из Крыма долго доживать за пределами России: сначала в Югославии, потом в США. Он окончил свои дни в Нью-Йорке в 1963 году.

... Батарею разместили в здании просторной Платовской гимназии. Пополнились и ряды Юнкерской роты в целом. В течение нескольких дней ее численность составила уже 150 человек, и роту пришлось развернуть в Юнкерский батальон 3-го ротного состава, из которого первые две роты были полностью юнкерские, а 3-ю составляли кадеты и гимназисты. Сводно-офицерскую роту возглавил штабс-капитан Некрашевич. Общее количество добровольцев в двух ротах и сводной Михайловско-Константиновской батарее было немногим более 600 человек. Все они впоследствии, сведенные воедино, образовали Офицерскую дивизию, получившую со временем почетное шэфство генерал-лейтенанта Сергея Леонидовича Маркова. Примерно в эти же дни в стадии формирования находилась и 4-я часть добровольческих сил — так на-

зываемая Георгиевская рота, состав которой насчитывал 50 с лишним человек солдат и офицеров из числа Георгиевского полка, бывшего некогда при Ставке Верховного Главнокомандующего на фронте во время Великой войны. В ходе дальнейших переформирований, происходивших в Добровольческой армии, эта рота вошла в легендарный Корниловский полк. Офицеры в первых добровольческих формированиях составляли в 1917 году лишь треть, а солдат в них насчитывались буквально единицы. Сформировав отряды, необходимо было предложить первоначальную программу действий, придумать воззвание к народу, оправдывающее вооруженное выступление, сформировать полноценные штаты боевых единиц — взводов, рот, батальонов и полков. На дивизии народа еще не набиралось.

Трудности добровольческого движения

Бремя хозяйственных забот М.В. Алексеева оставалось почти неизменным, и они отнимали большую часть времени. Работа над емким по содержанию и ясным по смыслу документом-призывом затягивалась намеренно, ибо Алексею претила сама мысль о вызове людей в несформированную армию, без обеспечения провиантом, униформой и оружием. Первое формальное воззвание к офицерству (прибыть на Дон и присоединиться к создаваемой армии) вышло лишь в декабре 1917 года, когда многие пути туда были перекрыты фронтами. Часть людей добиралась до Дона самостоятельно, неболь-

шими группами, а то и в одиночку. Ехали, полагаясь на слухи и собственную интуицию, надеясь, что консервативная казачья среда станет непреодолимым валом на пути большевиков. Донское казачество и его лидеры, не желая обострения отношений с советской властью, нехотя принимали прибывавших офицеров, осторожно признавая их лишь «беженцами». Либеральная и социалистическая печать пестрела крайне неодобрительными заголовками о прибывших на Дон военных, статьи борзописцев рисовали ситуацию как «критическую» из-за «устойчивой концентрации контрреволюционного элемента». Рабочие Ростова и Таганрога, обработанные большевистской прессой, недальновидно отстранялись от назревающего конфликта с новой властью и выражали ей полную поддержку на многочисленных стихийных митингах в крупных губернских городах. Администрации Походного атамана с трудом удавалось гасить стихийные очаги общественной напряженности, вызывая к исторической памяти станичных казаков с ее основополагающим принципом — «С Дона выдачи нет!». Однако это снимало возрастающую напряженность лишь на время, действуя главным образом на умы «казачьего сословия» с его сложившейся системой ценностей и взглядов.

В.А. Ларионов зарисовал характерную картинку отношения толпы в Новочеркасске к подчеркнуто организованным и даже отчасти щеголеватым юнкерам и офицерам: «А вокруг все та же улица: „революционные“ чубы, расстегнутые шинели и гимнастерки, сигарки в зубах, мятые фуражки на затылках... Нас ненавидят и

шипят вслед, бросая взгляды, полные ярости и ненависти: „Буржуи... империалисты... войну затеваете? Зачем сюда приехали? Мать вашу!.. Кадеты проклятые”. Несмотря на видимую враждебность, возникавшую у части местного населения по отношению к формирующейся армии, жизнь продолжалась и шла своим чередом. Авторитет начальников, поставленных над добровольческими формированиями, был высок, и они поддерживали его умелой организацией дела и отношением к подчиненным: неустанно занимались военной подготовкой с учащимися гимназии и учениками духовых школ, преподавали и пулеметное дело в пехотном строю артиллеристам (однако орудий в батарее еще не было). Сказывалась и нехватка винтовок. На 600 человек добровольцев всего лишь 100 винтовок, а пулеметы отсутствовали вообще.

Генерал Каледин

Вооруженные формирования Добровольческой армии на Дону стали своего рода гарантом от военного вторжения большевиков. Если бы вооруженные силы были снабжены хоть минимумом боеприпасов, это усилило бы позиции казаков в их диалоге с большевиками, случись им обсуждать независимость Дона. Однако сознавал ли это сам Атаман? Просьбы генерала Алексеева, обращенные к Каледину о выделении винтовок и патронов к ним, остались без ответа. Атаман не мог пойти против решений Круга поддерживать нейтралитет в отношениях с петроградской властью. Кроме того, истекал разрешенный Калединым срок пребывания

добровольцев в Донской области — те две недели, за которые нужно было вооружить алексеевские формирования и поставить им четкие боевые задачи. У добровольческих поместий стояли по-прежнему безоружные дневальные, а внутри зданий велись занятия по боевой подготовке без винтовок. Городское население, либералы и все сочувствующие новому режиму, еще не вкусившие прелестей большевизма, продолжали митинговать и требовать остановить деятельность Алексева. Увы, они не представляли себе, как близки ужасы большевизма, и по «февральской привычке» все ругали армию, виня ее во всех неурядицах бестолковой гражданской жизни тех дней.

И вот первый звонок прозвучал. 20 ноября 1917 года возникли стихийные волнения в двух пехотных запасных полках, стоявших в Новочеркасске и состоявших из «распропагандированных» пехотинцев. Началось, как это часто бывает, с мелочи. Затем атмосфера вседозволенности наэлектризовала солдатские умы, записные демагоги взвинтили толпу, и понеслось... Но разогнать своей властью этот незначительный в общем-то мятеж Каледин оказался не в состоянии: донские казаки просто отказались выполнять приказ своего Атамана, усмотрев в нем «старорежимные замашки» генерала царского производства. События стремительно развивались. Большевизм продолжал экспансию. Большевики, чутко прислушиваясь к пульсу донской жизни, посчитали, что настал их час.

26 ноября 1917 года Ростов был взят немногочисленным десантом красных, подошедших к городу по реке Дон на двух

тралящиках. Захватив власть, они организовали по привычной для себя схеме «военно-революционный комитет», кото-

вались, с городских окраин в вербовочное бюро потянулись местные «солдаты удачи» из числа политизированных рабочих и сочувствующих «революции» люмпенов, которые просто жаждали получить оружие «законным путем».

Генерал А.М. Каледин

рый призвал население города к борьбе против «казачьей контрреволюции». Первыми на призыв откликнулись местные уголовные элементы и городская чернь, привыкшие за последние месяцы кого-нибудь грабить, воспользовавшись беспорядками. По городу прокатилась серия грабежей, погромов и убийств. Основу захвативших город красногвардейских отрядов составили черноморские матросы. Толпа под их разудалой командой отправилась на городские оружейные склады и вооружилась добытым там вооружением и амуницией. Матросы объявили запись желающих поступить в «красную гвардию». Пока обыватели под разными предложениями испуганно отказы-

Казачество медлит. Каледин решает. Добровольцы воюют

Зададимся вопросом, как отозвались ростовские события в умах вольного казачества и не послужили ли они сигналом для единения всех контрреволюционных сил? Увы, нет. Произошедшие беспорядки в Ростове, как ни странно, мало взволновали донское казачество. Несмотря на очевидную угрозу потери независимости, оно соблюдало по отношению к мятежникам полный нейтралитет. Объявив о том телеграммой, направленной в военно-революционный комитет Ростова, казаки мирно пребывали в своих станицах в полной уверенности, что «их хата с краю». Однако для стабилизации политической обстановки два полка — лейб-гвардии Атаманский и лейб-гвардии Казачий, пришедшие из центральной России, — были размещены Калединым в станице Каменской, ставшей своего рода форпостом антибольшевистского движения на Дону. Несмотря на энтузиазм части донского офицерства и его готовность защищать всю Россию от нашествия большевиков, казачьи полки, даже бывшие лейб-гвардейские, не стремились к боевым действиям, и некоторые их представители выступали за гипотетический мир с «новой властью». Чины казачьих

лейб-гвардейских полков проводили большую часть времени на митингах и всеми силами включились в организацию съезда «фронтового казачества». Неудивительно потому, что приказ Походного атамана о наступлении казачьих сил на Ростов был проигнорирован как малозначительный. Каледин, справедливо предвидя, что дело принимает серьезный оборот и большевики не ограничатся «установлением» в одном лишь Ростове «советской власти», незамедлительно запросил генерала Алексеева о помощи. Ему, в отличие от большинства казаков, становилось все более и более очевидным, что бездействие донской власти только усугубляет кризис власти, а «донское судно» без авторитетного капитана при царящей повсеместно демократии и свободе политического выбора рискует разбиться о гранитные камни большевистской диктатуры.

Каледин не стал дожидаться визита в его приемную красногвардейцев с мандатом на собственный расстрел и поспешил распорядиться направить в Ростов донской пластунский батальон и казачью сотню юнкеров Новочеркасского военного училища. Алексеев добавил к ним свою Георгиевскую роту добровольцев, и уже следующей ночью отряд полковника Хованского, состоявший из Офицерского батальона и Юнкерской роты, выдвинулся в направлении Ростова. Сведения об отправке из Новочеркасска вооруженных частей через многочисленных шпионов быстро достигли Ростова. Высаживающиеся из вагонов офицеры из отряда полковника лейб-гвардии Преображенского полка Николая Константиновича Хованского были встречены беглым ружейным

огнем противником еще на станции Нахичевань. Казаки-пластуны засомневались в целесообразности наступления, и Хованский распорядился о подчинении себе донского пластунского батальона, отдав приказ разворачивать все прибывающие части в боевой порядок для наступления.

Вдоль железной дороги под беспрестанным свистом пуль залегла Офицерская рота, а правее нее повел наступление на ростовское предместье Темерник донской пластунский батальон. Слева от Офицерской роты расположились юнкера, а на дальнем левом фланге по матросам и вооруженной городской черни вела ответный огонь рота кадет и гимназистов. Большевики с изумлением обнаружили, что прибывшие части уже атакуют их, невзирая на плотный заградительный огонь. Первыми на окраину города ворвались Офицерский батальон и юнкера. Донской пластунский батальон вошел в предместье Питомник и остановился, утратив наступательную инициативу под обстрелом. Большевики «зацепились» за помещения городских казарм и упорно держали их, обороняя от наседавших мальчишек-кадетов. Чтобы избежать контратаки на свои фланги, Хованский послал распоряжение в Офицерский батальон о приостановлении наступления. Из батальона Хованский выделил взвод и направил его донским пластунам, которые не только утратили наступательную инициативу, но и бессмысленно толпились на занятой позиции. Взвод офицеров едва подоспел подойти к Питомнику, как застал там живописную картину: между казаками-пластунами и прибывшими к

ним из Темерника большевистскими парламентарями уже вовсю шли переговоры о сдаче. Офицеры без лишних эмоций арестовали большевистских посланников и в назидание расстреляли на глазах у изумленных казаков. Тогда красные всеми имевшимися у них силами бросились в наступление на добровольцев со стороны Темерника и казарм. Их отряды сразу обрушились на левый фланг добровольцев, откуда еще недавно их преследовали немногочисленные оставшиеся в живых юные кадеты.

Видя, что дело плохо, донские пластуны первыми стали покидать занятые позиции, отходя в беспорядке, напоминаяшем повальное бегство. Гимназисты и кадеты тоже отходили, но в боевом порядке, ведя арьергардный бой по всем правилам военного искусства. Видя, что атака не удалась, полковник Хованский приказал отходить и Офицерскому батальону. Первоначальное стремительное продвижение офицеров и юнкеров к городу оставило их почти без патронов, и в отсутствие резервов для контратаки, единственным остающимся выходом оставалось отступление.

Атака красногвардейцев на отступающих офицеров была так стремительна, что одна из оборонявшихся офицерских рот едва не попала в окружение. Ее командир штабс-капитан Некрашевич оставил единственный имеющийся в его распоряжении взвод для сдерживания большевистской атаки, а силами трех других пытался контратаковать превосходящие его силы противника. Ближайшие цепи большевиков были опрокинуты контрударом взвода офицеров во фланг, но за

ними обнаружили новые цепи стрелков, и Некрашевичу ничего не оставалось, как командовать немедленный отход к железной дороге в Нахичевань, дабы успеть погрузить хотя бы остатки своей роты. Большевики, обогнавшие отходящую роту, ворвались на станцию и завязали там с добровольцами продолжительный бой. Под сильнейшим обстрелом рота Некрашевича все же начала погрузку в вагоны и состав наконец медленно тронулся с места. Вслед отъезжавшим добровольцам стучали пулеметные очереди, не умолкала ружейная и револьверная стрельба, но наступившие сумерки не позволили красногвардейцам вести прицельный огонь дальше.

Возле ближайшей станции состав остановился для отдыха и подсчета потерь. Статистика выглядела весьма печально. Первый бой с большевиками унес 80 жизней, 20 офицеров погибли, прикрывая отход роты к железнодорожным путям. Добровольцы были возмущены бездействием и позорным бегством донских пластунов, однако их боевой дух и решимость выбить красных из города еще более укрепились.

Наутро, оставив Офицерскую роту в резерве, Хованский расположил юнкерский батальон и немногих оставшихся пластунов возле станции Кизетеринки, не вдалеке от станицы Александровской. Красногвардейские отряды находились неподалеку и в случае атаки могли достичь позиций добровольцев довольно скоро. В Новочеркасск Хованским было послано срочное донесение о положении дел, завершавшееся просьбой о высылке подкрепления. В ответ на просьбу из казачь-

ей столицы, как называли Новочеркасск сами казаки, с первым же организованным составом, незамедлительно выехала Михайловско-Константиновская батарея с пулеметами, а также приданная ей сотня казаков с донским артиллерийским взводом. Но тут произошла небольшая заминка. Машинисты, не желавшие вести состав с подкреплением, разбежались, и от Новочеркасска паровоз вели сами юнкера, вернее те из них, кто оказался знаком с управлением паровозом. Сводная батарея сменила на позиции Юнкерский батальон, а Офицерская рота вернулась с юнкерами в Новочеркасск, оставив на позиции один из своих взводов. Юнкера — михайловцы и константиновцы — проявили чудеса изобретательности, укрепив бог знает где найденными стальными листами пригнанный ими поезд. В ход пошли и железнодорожные шпалы. А после на платформы втащили станковые пулеметы. Едва комплектация новоявленного «бронепоезда» завершилась, красногвардейцы, словно бы желая испытать судьбу, поспешили атаковать позиции добровольцев. Завидев приближающиеся цепи красных, донские пластун тут же затеяли отход, но Юнкерский батальон, подошедший из резерва на помощь казакам, легко отбросил первую волну атакующих.

С еще большей решимостью атака большевиков повторилась на следующее утро. Сюда же подключились и подошедшие со стороны Дона маломерные суда, которые открыли огонь по позициям добровольцев из установленных на них орудий. В ответ на обстрел с реки оборонявшаяся молодежь перенесла огонь своих

двух орудий на покачивавшийся на воде большевистский «флот», чем повергла нападавших в некоторую оторопь. Бодрое наступление красногвардейцев захлебнулось; они спешно отходили на свои позиции, а корабли, снявшись с якорей, отбыли восвояси. В том бою храбрые «михайловцы» и «константиновцы» потеряли убитыми и ранеными 34 человека.

Просмотрев донесения с мест сражений, Алексей Максимович Каледин решил лично прибыть на «театр военных действий» и отдал распоряжение «укрепить» силы добровольцев взводом донских артиллеристов. Прибывшие в пополнение казачьи орудия стали обслуживать «михайловцы» и «константиновцы», ибо прежняя орудийная прислуга особым доверием у юнкеров не пользовалась. С легкой руки Каледина в добровольческом отряде оказались и два миномета, называемые в те времена «бомбометами». Юнкера-артиллеристы сразу же нашли минометам применение, облюбовав удобную позицию для обстрела середины Дона, откуда в любой час могли снова подойти большевистские суда. Обе стороны — красногвардейцы и добровольцы — весь день вели перестрелку, однако атаки юнкеров сдерживались начальством до прибытия Донского атамана.

1 декабря 1917 года после непродолжительного орудийного обстрела совместный добровольческо-донской отряд под прикрытием огня единственного самодельного бронепоезда перешел в наступление на большевистские позиции. Почувствовав что-то неладное, большевики даже и не пытались оказывать наступав-

шим серьезного сопротивления. Быстро погрузившись в вагоны, красные отряды удалились в направлении Ростова. Там в городском порту революционные матросы уже осаждали пришвартованные суда. При выходе катеров и баркасов из порта матросские канониры в бессильной злобе нет-нет да и давали одиночные выстрелы из установленных на палубах орудий по удалявшемуся от них неприветливому городу, не оценившему по достоинству «прелестей» советской власти.

Тем временем под этот «красный аккомпанемент» немногочисленные добровольческие и донские отряды постепенно втягивались в пределы Ростова. Заняв город, Юнкерский батальон и взвод Офицерской роты расположились в районе вокзала и через сутки, сев в вагоны, отбыли назад, в Новочеркасск. В центре Ростова до 6 декабря 1917 года для поддержания порядка еще оставались юнкера-артиллеристы, чье присутствие в городе внушало жителям уверенность в собственной безопасности. Благодарные жители преподнесли в подарок юнкерам 10 000 рублей. Казна добровольцев пополнилась! Поутру 6 декабря юнкеры погрузили орудия на платформы и выехали в Новочеркасск, оставив город на попечение донских частей. В ходе боев за Ростов добровольческие части потеряли 40 человек убитыми и 110 ранеными, но снискали себе неподдельное уважение населения и признание верховной Донской властью. Несколько донских партизанских отрядов, включая те, которыми командовали есаулы Василий Михайлович Чернецов и Роман Григорьевич Лазарев, а также отряд сотника лейб-гвардии Ата-

манского полка Георгия Александровича Грекова, с готовностью поддерживали добровольцев. Это укрепило силы добровольцев и создало прецедент их успешного боевого содружества с донцами.

Прибытие Корнилова и новые разногласия

6 декабря 1917 года в Новочеркасске появился сам А.Г. Корнилов. Каким увидел он этот город — бывшую казачью вольницу и нынешнюю «колыбель русского добровольчества»? Не исключено, что ожидания генерала были созвучны воодушевлению простого добровольца Р. Гуля, запечатлевшего их в своих бесхитростных записках: «Туда (в Новочеркасск) сбежалось лучшее, лихорадочно организуется. Отсюда тронется волна национального возрождения. Во главе — национальный герой... Лавр Корнилов. Вокруг него объединилось всё, забыв партийные, классовые счёты...»

С Кубани и Северного Кавказа в Новочеркасск постепенно подтягивались генералы А.И. Деникин, С.А. Марков, А.С. Лукомский и И.Г. Эрдели. В ходе обсуждений Корнилов, сам уроженец Семиречья, уже начинал подумывать о распространении добровольческого движения на восток, чтобы отправиться поднимать для борьбы с большевизмом Сибирь и Поволжье. Организация добровольческих отрядов на юге справедливо представлялась Корнилову лишь частным, но далеко не самым главным эпизодом в ходе начинавшейся освободительной борьбы, тем более что вопрос участия в этой борьбе казачества сильно зависел от решений их выборных органов,

доброй воли Походного атамана и Круга. Корнилов был убежден, что при создании массивного фронта на востоке, добровольческим отрядам можно будет вести

Генерал А.Г. Корнилов
и подполковник М.О. Неженцев

наступательные операции против большевиков с двух направлений, а после соединения всех добровольческих сил восстановить германский фронт, продолжив войну.

Однако эти соображения не вполне разделял его соратник генерал Алексеев. Существенны ли были их разногласия? Признавая полководческие таланты Алексева, Корнилов не был никогда близок ему ни по складу характера, ни по подходам к вопросам комплектования и формирования Добровольческой армии. Возникавшие на этой почве неизбежные «личные трения» в отношениях между генералами усугубляла и ставший истори-

ей следующий факт. Как известно, Алексеев по представлению Временного правительства арестовал смещенного со своего поста Корнилова, а затем, само собой, последовал также нелегкий и малоприятный процесс принятия Алексеевым дел у развенчанного армейского кумира. Впрочем, оба генерала не желали переносить свои «личные счета» в процесс подготовки антибольшевистского сопротивления, тем более афишировать это перед лицом пламенного добровольческого офицерства, о чем Корнилов признавался Алексееву в одной из многочисленных их бесед. Остались ли разногласия между генералами тайной для подчиненных? Понятно, «шила в мешке не утаишь», и невольно отношения двух столпов добровольчества переносились и на их подчиненных. При отсутствии внешних признаков вражды отстраненность присутствовала. Не укрылась она и от глаз простых участников добровольческого движения, поведавших о том читающей публике: «В маленькой комнате прапорщик-мужчина и прапорщик-женщина записывали и отбирали документы; подпоручик опрашивал: „Кто может вас рекомендовать?“ „Подполковник Колчинский“, — называю я близкого родственника генерала Корнилова. Подпоручик делает мину, пожимает плечами и цедит сквозь зубы: „Видите, он, собственно, у нас в организации не состоит...“ Я удивлен. Ничего не понимаю. Только после объясняет мне подполковник Колчинский: офицеры бюро записи — ставленники Алексева, а он — корниловец: между этими течениями идет скрытый раздор и тайная борьба». При обсуждении воен-

ных вопросов между профессионалами вполне естественны разногласия, но как обстояло дело в области политических взглядов?

Разногласия между генералами-основателями Добровольческой армии простирались и на политику. Алексеев, член военной масонской ложи, всегда тяготел к либеральным формам правления в будущей России, в противоположность Корнилову, отрицавшему монархию, но и настоятельно относившемуся к либеральным ценностям. Политические позиции Алексеева усилились, когда из Москвы на Дон приехала группа видных представителей либеральной общественности. Частью это были бывшие министры Временного правительства, недавние виновники и организаторы свержения самодержавия в России — князь Н.Н. Львов, П.Н. Милюков, П.Б. Струве. Среди приехавших были и деятели рангом ниже, но исповедующие те же ценности — князь Г.Н. Трубецкой, М.М. Федоров и профессор новочеркасского университета Белоусов. После долгих обсуждений будущего армии представители умеренных и либеральных объединений приняли решение все же поддержать строительство Добровольческой армии в надежде подчинить ее будущую деятельность директивам, поступающим из миссий стран Антанты, все еще находившихся в состоянии войны с Германией. Для этих политиков, уже утративших власть и поддержку широких слоев русского народа, но жаждавших возвращения на российский политический Олимп, Корнилов представлял яркую фигуру, популярную в армии, необходимую для консолидации всех антибольшевистских сил. Под

его имя и гарантию работы «в добросердечном духе» всех назначенных «вождей» зарождающегося Белого движения военные представители стран Антанты обещали финансовую помощь в размере 100 миллионов рублей. Помощь должна была предоставляться в виде единовременных траншей по 10 миллионов рублей в месяц.

Конец большевизма и продолжение войны с Германией новым правительством России предполагалось Антантой через 10 месяцев, а именно к концу лета 1918 года. В обмен на постоянную финансовую помощь западных союзников «назначенные» ими вожди Белой армии обязывались подписать соответствующий меморандум о совместной работе, где ясно и четко между ними были распределены все их обязанности. Подписанный меморандум являлся документальным подтверждением существующей антибольшевистской оппозиции в России, которая после прихода к власти гарантировала бы союзникам не только военную помощь, но и возмещение сделанных инвестиций. Корнилов вынужденно согласился. Тремя высшими военачальниками было тогда же подписано соответствующее соглашение о создании армии, носившей название Добровольческой, под командованием самого А.Г. Корнилова. В соответствии с соглашением, Алексеев принимал на себя обязанности по координации всех финансовых аспектов и вопросов внутренней и внешней политики создаваемой армии. А.М. Каледину отводилась основная роль в формировании Донской армии и решении специфических казачьих вопросов.

Формирование армии шло полным ходом. Создавалась она из небольших вооруженных групп, всеми правдами и неправдами проникавших на Дон. Так, часть корниловских офицеров-текинцев из интернированного на Украину полка пробилась на Дон, чтобы влиться в создаваемую их командиром армию. Сам главнокомандующий сколько мог тесно взаимодействовал со своими подчиненными и активно привлекал их к созданию очагов сопротивления большевизму в Астрахани, Царицыне, Самаре, Казани и Нижнем Новгороде. Считая Сибирь местом своих будущих попечений, Лавр Георгиевич состоял в деятельной переписке с сибирскими политическими деятелями, в том числе и с будущим героем Белого сопротивления в Сибири генерал-лейтенантом Анатолием Николаевичем Пепеляевым. Задача по обеспечению добровольческих войск оружием и боеприпасами была отчасти решена за счет реквизиций оружия у демобилизующихся солдат и приобретения вооружений у местных перекупщиков.

Политическая программа Корнилова

Известная программа, разработанная генералом Корниловым в Новочеркаске, не могла считаться исчерпывающим документом, который мог бы в равной степени охватить все стороны будущей политической жизни России, но, по крайней мере, она обозначала ряд безусловных ценностей, для защиты которых и происходило формирование Добровольческой армии. Обсуждая детали про-

граммы с Милюковым и Струве, Корнилов быстро понял их реакцию на содержательную часть документа: оба профессора заявили генералу, что она выглядит чрезвычайно «право» и... не охватывает интересы(!) крестьянства. Заигрывание с крестьянами было многолетним заблуждением либералов. Не стал исключением и 1917 год.

Корнилов, не желавший портить отношения с политическими советниками накануне решающих событий, не решился настаивать на своей редакции, а вскоре все его силы и время были отданы строго военным вопросам. Текст Корнилова, который можно считать идеологической платформой «Белой Гвардии», стал известен лишь немногочисленным слоям Добровольческой армии, приближенным к ее Главнокомандующему. Читатель вправе самостоятельно оценить его положения и направленность, ознакомившись с 14 пунктами, приведенными ниже.

1. Восстановление прав гражданина: все граждане России равны перед законом, без различия пола и национальности; уничтожение классовых привилегий, сохранение неприкосновенности личности и жилища, свобода передвижений, местожительства и пр.

2. Восстановление в полном объеме свободы слова и печати.

3. Восстановление свободы промышленности и торговли, отмена национализации частных финансовых предприятий.

4. Восстановление права собственности.

5. Восстановление русской армии на началах подлинной военной дисциплины. Армия должна формироваться на добровольных началах (по принципу англий-

кой армии), без комитетов, комиссаров и выборных должностей.

6. Полное исполнение всех принятых Россией союзных обязательств международных договоров. Война должна быть доведена до конца в тесном единении с нашими союзниками. Мир должен быть заключен всеобщий и почетный, на демократических принципах, то есть с правом на самоопределение поработанных народов.

7. В России вводится всеобщее, обязательное начальное образование с широкой местной автономией школы.

8. Сорванное большевиками Учредительное собрание должно быть созвано вновь. Выборы в Учредительное собрание должны быть произведены свободно, без давления на народную волю и во всей стране. Личность народных избранников священна и неприкосновенна.

9. Правительство, созданное по программе ген. Корнилова, ответственно в своих действиях только перед Учредительным собранием, к которому оно и передаст всю полноту государственно-законодательной власти. Учредительное собрание, как единственный хозяин земли Русской, должно выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй.

10. Церковь должна получить полную автономию в делах религии. Государственная опека над делами религии устраняется. Свобода вероисповеданий осуществляется в полной мере.

11. Сложный аграрный вопрос представляется на разрешение Учредительного собрания. До разработки последним в

окончательной форме земельного вопроса и издания соответствующих законов всякого рода захватно-анархические действия граждан признаются недопустимыми.

12. Все граждане равны перед судом. Смертная казнь остается в силе, но применяется только в случаях тягчайших государственных преступлений.

13. За рабочими сохраняются все политико-экономические завоевания революции в области нормировки труда, свободы рабочих союзов, собраний и стачек, за исключением насильственной национализации предприятий и рабочего контроля, ведущего к гибели отечественную промышленность.

14. Генерал Корнилов признает за отдельными народностями, входящими в состав России, право на широкую местную автономию, при условии, однако, сохранения государственного единства. Польша, Украина и Финляндия, образовавшиеся в отдельные национально-государственные единицы, должны быть широко поддержаны правительством России в их стремлении к государственному возрождению, дабы этим еще более спаять вечный и нескрушимый союз братских народов.

«Партизанский фактор»

При формировании Добровольческой армии на первых порах весомый вклад в ее боеспособность внесли донские партизаны. Самых первых из них начал собирать еще с 30 ноября 1917 года Василий Михайлович Чернецов. В минувшую Великую войну он был лучшим офицером-разведчиком 4-й Донской Казачьей дивизии, во-

евающим во фронтовом партизанском отряде войскового старшины Шкуро. В отряд Чернецова пошли в основном гимназисты, кадеты и студенты. Участники его смелых атак вспоминали об «особой тактике» своего кумира: «...Чернецов с успехом применял собственную партизанскую тактику. Он с малой группой выходил в тыл скопления Красной гвардии у одного из железнодорожных узлов, оставляя часть группы у железной дороги с фронта. На рассвете одновременно атаковал красных с фронта и тыла. Тысячи красногвардейцев и матросов, латышей и китайцев в панике бежали в разные стороны от 200 партизан-мальчишек — „чернецовцев“, бросая свои поезда с десятками вагонов с богатой награбленной добычей».

Это был порыв и успех нескольких десятков пылких молодых сердец, в то время как 3 тысячи кадровых казачьих офицеров в Новочеркасске и 16 тысяч офицеров других родов оружия в Ростове все еще продолжали занимать выжидательную позицию. Они не спешили снова встать в строй, несмотря на то что атаман Каледин объявил приказом по Войску Донскому формировать части для защиты Дона от красных. В практическом плане это были хотя и белые формирования, однако трудно подвергающиеся централизованному управлению.

Медленный рост добровольческих сил

Как протекало формирование Добровольческой армии дальше? В январе 1918 года деятельность А.Г. Корнилова и А.М. Каледина разделилась: Доброволь-

ческая армия вступила в Ростов, оставив Походному атаману для защиты Новочеркасска артиллерийскую батарею и офицерский батальон. Вопросы финансового обеспечения войск решались крайне медленно, желающих финансировать добровольцев практически не было. Промышленники и состоятельные граждане города не торопились вкладывать средства в столь бесприбыльное предприятие. Алексеев старался убеждать, рисовал перспективы борьбы, ссылаясь на поддержку добровольческих соединений союзниками по Антанте, однако всюду встречал поразительную инертность и равнодушие. Денежные потоки были крайне незначительными и состояли из некоторого числа незначительных частных пожертвований отдельных граждан. Пожертвования направлялись в штаб добровольчества.

Поинтересуемся у очевидца, как выглядел в те дни этот мозговой центр армии и кто населял его недра? «В Ростове штаб армии — во дворце Парамонова. Около красивого здания — офицерский караул. У дверей — часовые. Стильный с колоннами зал полон офицерами в блестящих формах. Среди них плотная медленная фигура Деникина. В штатском, хорошо сшитом костюме он больше похож на лидера буржуазной партии, чем на боевого генерала. Из угла в угол быстро бегает нервный худой Марков. Появляется начальник штаба — молодой надменный генерал Романовский, хитрый Лукомский с лицом городничего, старик Эльснер; из штатских — член 1-й Думы Аладьин в форме английского офицера, сотрудник «Русского Слова» — маленький, горбатый

Лембич... Борис и Алексей Суворины... Казаки сражаться не хотят, сочувствуют большевизму и неприязненно относятся к добровольцам...»

Генерал Е.Ф. Эльснер

Казаки и добровольчество

Что же в действительности происходило с казачеством и можно ли назвать его виновниками всех последующих бедствий, обрушившихся на вольный Дон? Ситуацию к худшему изменили сами казаки, вернее часть казачества, по-прежнему питавшая надежды, что центральная большевистская власть сумеет оценить их нейтралитет и благосклонно примет начинания по формированию собственного революционного комитета, если без такового жить теперь в России невозможно. Но споряча выбитые из Каменской недовольными станичниками, сомнительные представители «Донского революционного комитета», недолго думая, направили по

телеграфу в Петроградский Совнарком просьбу об оказании Центром немедленной помощи регулярными войсками. Посоветовавшись, Совнарком приказал направить на Дон Воронежский полк под командованием некоего Петрова.

Прибыв, полк выступил совместно с казаками под водительством перешедшего на сторону большевиков войскового старшины Голубова. Из делегатов казачьего съезда и сочувствующих бредовым идеям большевизма станичников Голубов собрал целый отряд. Объединенными усилиями эти две силы обрушились на белых партизан и взяли их в кольцо, из которого смогло выбраться немногим более сорока человек студентов, гимназистов и юнкеров, включая некоторых офицеров-добровольцев, приданных партизанскому отряду для связи с основными силами Добровольческой армии. Своему спасению эти люди были обязаны в первую очередь своему командиру: «Чернецов крикнул, что он сдается казакам. Партизаны и юнкера были окружены казаками и направлены к месту расположения красных. Самого Чернецова, раненного в ступню, посадили на коня. Подтелков ехал с ним рядом. Неожиданно Чернецов ударил Подтелкова кулаком в лицо и крикнул юнкерам и партизанам: „Дети, бегите!“ Все бросились врассыпную, и многим удалось скрыться под покровом наступающих сумерек. Сам Чернецов вырвался было вперед, но Подтелков был на лучшем коне — он догнал донского героя и зарубил его шашкой». Остальных членов отряда, не успевших убежать, казаки изрубили шашками. После скорой расправы над белыми

партизанами, соединившиеся части 3-го Московского, Харьковского и Воронежских полков, при участии «красных казаков» Голубова, отправились на штурм столицы Донского войска Новочеркасска.

Однако пока красные успешно воевали с нерегулярными частями добровольцев, под Таганрогом небольшой отряд юнкеров и офицеров под командованием полковника лейб-гвардии Преображенского полка А.П. Кутепова нанес ощутимый урон частям красновардейской армии Сиверса. Дальнейшее поражение красных стало неминуемым, если бы рабочие крупного таганрогского филиала Русско-Балтийского завода не подняли восстание против белого отряда, что дало передышку красным частям Сиверса и позволило им в ходе контрнаступления войти в Таганрог, удержать который имевшимися у белых силами было невозможно. На помощь Сиверсу из Ставрополя выступили наскоро сформированные красновардейские части, которые без труда заняли Батайск, оказавшись в непосредственной близости от Ростова. От города их отделяла лишь водная преграда — батюшка Дон. Вероятность того, что добровольческие части, оставшиеся в Ростове, удержат город с помощью казаков, была ничтожна.

Генерал Черепов и его деятельность

По-прежнему людей в армии не хватало. Предоставим слово свидетелю тех грозных дней Р. Гулю: «...Притока из России в армию — нет. Командующий объявил мобилизацию офицеров Ростова, но

в армию поступают немногие — большинство же умело уклоняется...» Для предупреждения большевистских провокаций в самом Ростове был сформирован офицерский отряд самообороны под командованием генерала Черепова. В его задачи входило несение службы по охране города и поддержанию в нем порядка. Большинство офицеров охотно откликнулись на участие в отряде и с готовностью записались в его ряды. Возможно, что отклик можно было найти и в среде казачьих офицеров, но, памятуя об их подчиненности Походному атаману, генерал Черепов решил действовать строго по субординации.

Что же предпринял энергичный создатель офицерских отрядов? Не теряя времени, он отправился в Новочеркасск для доклада атаману Каледину о положении дел в Ростове. Но Каледин, недослушав его, переадресовал генерала к Алексееву, сказав, что сам ведает лишь казачьими делами, предоставляя все «армейские вопросы» на усмотрение Алексеева. Черепов хотел было возразить, сказав, что следует распространить опыт отрядов офицерской самообороны на казачьих офицеров в том числе, но, поразмыслив, решил действительно обсудить это сначала со своим «армейским» начальством. Доложенная Алексееву идея формирования отрядов самообороны понравилась Михаилу Васильевичу, ибо в Ростове не переставало действовать Бюро записи добровольцев, в чьи полномочия можно было включить и составление списков желающих попасть в подобный отряд. Большого притока добровольцев все же не оказалось, а те офицеры, что все же приходили, из любопытства

спрашивали: «Что дает Добровольческая организация?» на что не без иронии чины вербовочного бюро отвечали им: «Винтовку и пять патронов». Не все военные были уверены в неизбежном печальном для себя исходе, случись повсеместно в России победа большевиков, ибо в короткое время «большевизма» в Ростове соблюдавших нейтралитет чинов Императорской армии не трогали. Многих подобное положение вещей устраивало. Они не спешили «заниматься политикой», для проформы отмечаясь в некоей вооруженной организации.

И все же, какова была объективная картина тех дней? Первые две недели работы вербовочного центра дали приток в ряды добровольцев не более 300 человек. Ростовское и Нахичеванское офицерство открыто пренебрегало вступлением в армию, нередко посмеивалось над теми, кто записался «спасти Россию», не упуская случая задеть молодых добровольцев едким словом или насмешкой вроде «игры в солдатики». Атмосфера поразительной беспечности, казалось, витала над городом. Кафе и рестораны каждый день переполнялись веселящимися людьми, среди которых было немало и офицеров.

Неукротимая энергия Александра Николаевича Черепова воистину не знала пределов. Невзирая на явную нехватку людей, его деятельность сосредоточилась на создании добровольческих отрядов «других родов оружия», как говорили тогда. С согласия командования он принял живейшее участие в формировании бригады бронепоездов и отряда броневедомостей. Офицеры саперных частей под его командой дружно принялись за наладку поврежденных телеграфных линий и

ремонт железнодорожного полотна, мостов, узлов связи, а также оборонительных укреплений. Из Таганрога в Ростов по железной дороге офицерами Черепова был доставлен первый неуклюжий аэроплан Добровольческой армии, оказавшийся на поверку не вполне готовым к полетам, но за возвращение его к полетам тотчас же взялись несколько авиаторов. Своим терпением и старанием они постепенно вернули боевую машину к ее изначальному назначению.

И все же людей не хватало, особенно для управления и непосредственной работы с железнодорожным транспортом. С согласия Черепова в «железнодорожные части» брались решительно все офицеры, кто хоть в малой степени был знаком с паровозным делом. Новички осваивались и вскоре быстро брались за работу. Несмотря на внешнюю неопытность железнодорожных подразделений, на транспорте за время их существования не было зафиксировано ни одной катастрофы или неисправности, выведшей из строя подвижной состав. Командовал паровозным депо прапорщик Петр Эдуардович Шмидт, офицер Технической роты, большой энтузиаст своего дела, человек огромной энергии. И когда над Добровольческой армией нависала угроза быть рассеянной многократно превосходящим противником, инженеры чины Технической роты, плечом к плечу со строевиками вставали для отпора большевикам. Ведь все записавшиеся в добровольцы в Ростове не составили собой и полка. Чтобы не растерять немногочисленный кадровый резерв, Корнилов отдал приказ своему штабу разработать план отвода добровольцев на Кубань.

Гибель атамана Каледина

В эти дни положение в области Войска Донского стремительно менялось в пользу большевиков, ежедневно принимая все более угрожающий оборот. Через Лукомского Каледин просил передать Главнокомандующему Добровольческой армии, что в случае ухода из города всех добровольческих сил для защиты Новочеркасска у него останется только 147 штыков. Напуганные развитием событий, члены Донского правительства рекомендовали Походному атаману немедленно оставить город и отправиться собирать по станицам верные части, которые могли бы быть привлечены для борьбы с наступающими красногвардейцами. Каледин отказался от этого предложения, посчитав недопустимым для себя оставить казачью столицу в крайне тяжелом положении и под видом консолидации сил прятаться по станицам. Невзирая на внешнюю твердость, он все чаще ощущал себя морально опустошенным человеком, чьим планам поднять Дон на борьбу с большевизмом не суждено сбыться. За свой недолгий атаманский срок генерал Каледин не раз сталкивался с непониманием правительством Дона, да и самими казаками, лежащих на нем многосторонних задач, которые включали и дипломатию, помимо чисто военной деятельности. В условиях грозивших существованию донской вольницы опасности Каледин как-то сразу потерял надежду воздействовать на казаков. Он ясно видел частую смену настроения, овладевавшую ими и бросающую людей в крайности — от полной индифферентно-

сти по отношению к защите независимости до неожиданных проявлений самого крайнего сепаратизма, как только речь заходила о совместной с Добровольческой армией борьбе за единую Россию.

Сразу после совещания с представителем Добровольческой армии и правительством Дона атаман Каледин покончил жизнь самоубийством. Возвратившись с заседания правительства, Походный атаман написал письмо и, затворившись в своей комнате, прилег на диван. Он поднес к виску пистолет и указательным пальцем нажал на спусковой крючок. Грянул выстрел. Донской атаман Митрофан Петрович Богаевский отмечал в своих воспоминаниях: «Застределся... лежа на кровати, сняв тужурку и Георгиевский крест. Смерть, очевидно, была легкая. Успел и руки сложить. Так и лежал со скрещенными руками и вытянувшись во фронт». В своем предсмертном письме он писал Верховному руководителю Добровольческой армии генералу М.В. Алексеву: «Казачество идет за своими вождями до тех пор, пока вожди приносят ему лавры победы, а когда дело осложняется, то они видят в своем вожде не казака по духу и происхождению, а слабого проводителя своих интересов и отходят от него. Так случилось со мной и случится с Вами, если Вы не сумеете одолеть врага». Эта мысль была впоследствии повторена в мемуарах генерал-майора Александра Васильевича Голубинцева: «Вособще, надо заметить, что казаки, при всех своих положительных военных качествах и доблести, при неудачах восстаний, как это подтверждает нам история, часто стремятся расписаться головами своих вождей и начальников.

В этих случаях только самообладание, решимость и авторитет начальника могут сдержать толпу от выступлений. Малейшее колебание, уступчивость или робость, как масло, налитое в огонь, увеличивают пламя. Эти обстоятельства я всегда учитывал, ибо уже несколько раз бывал в таком положении во время военных неудач при антибольшевистских восстаниях, и еще раньше, при военных волнениях в начале революции». Поступок Каледина вызвал широкий общественный резонанс в казачьей среде. Что же произошло дальше?

Недолгий век нового Донского атамана

Смерть Походного атамана не могла не пробудить раскаяния у предавшей его части казачества, интуитивно почувствовавших приближение далеко неблагоприятных для Дона перемен. Собравшийся Малый Казачий круг избрал новым Походным атаманом генерал-майора Анатолия Михайловича Назарова. Он попытался исправить создавшуюся ситуацию, отдав немедленный приказ о мобилизации казаков в возрасте от 18 до 50 лет. Вместе с тем началось официальное формирование новых казачьих частей. В спешном порядке эти силы перебрасывались на фронт для противодействия наступающим красногвардейцам, и после непродолжительных боев наступление красных оказалось приостановленным. Едва победив части красных, казаки посчитали для себя возможным разойтись по домам, считая, что полученный побежденными большевиками урок отобьет у них охоту

продвигаться дальше, и снова ошиблись в своих расчетах.

Назаров снова попытался собрать людей и распорядился напечатать значитель-

Генерал-лейтенант А.С. Лукомский

ное количество листовок-призывов, пестревших призывами: «Помогите партизанам!», «Спасите честь Родины и старого Дона! Пушки гремят уже под Сулиным!» Но листовки не находили отклика в казачьих городах и станицах. Маятник общественных настроений снова качнулся в сторону преступного равнодушия. Население продолжало будничную жизнь, словно бы не замечая происходившего вокруг политического хаоса и не сознавая опасности. Наблюдая за этим стихийно организованным отпором красным и невероятной беспечностью станичников, оставивших фронт после первой же удачной операции, Корнилов все более укреплялся в мнении, что в пределах Войска Донского Добровольческой армии уже

делать нечего. Через своего представителя в Новочеркасске генерал-лейтенанта Александра Сергеевича Лукомского он предложил новоизбранному атаману генералу Назарову присоединиться к добровольцам и вместе с ними оставить город. Назаров в ответ на это поступил соответственно казачьей этике, отказавшись от совместного отхода. Он был глубоко убежден, что красные не посягнут на законно избранного Кругом Походного атамана и не станут бесчинствовать в своей же столице. Тем не менее он разрешил генерал-майору Петру Харитоновичу Попову вывести из города войсковые ценности в сопровождении отряда верных казаков, приняв решение лично оставаться в Новочеркасске. Назаров повелел даже выслать делегацию представителей Малого круга для переговоров с «красными казаками» и другими представителями советской власти. 12 февраля 1918 года в город беспрепятственно вошли красные части. Первым делом они арестовали Походного атамана и всех делегатов Казачьего круга, провозгласив в городе «советскую власть». Едва красные части вошли в Новочеркасск, войсковой старшина Голубов поспешил ворваться в атаманский дворец, где Назаров проводил заседание Войскового круга. Атаман невозмутимо встретил изменника. Голубов приказал сопровождавшему его личному конвою взять Назарова под стражу. Через пять дней А.М. Назарова расстреляли. Когда взвод красных казаков выстроился напротив него, Походный атаман снял с шеи иконку-благословение, что сохранила его на войне, помолился и поцеловал святыню. Стрелки вскинули винтовки,

Анатолий Михайлович скрестил руки на груди и вдруг властно скомандовал: «Раз, два, три... сволочь, пли!» По упавшему мертвому телу атамана продолжали стучать выстрелы... Это предательство не могло не остаться неотомщенным. Возмездие за творимые жестокости не заставляло долго ждать.

Конец казачьего изменника

Как завершилась бесславная жизнь казачьего изменника? Очевидец В.Д. Матасов сохранил для нас краткий рассказ об этом: «Казаки по-свойски расправились и с вожаками красных... войсковым старшиной Николаем Голубовым и подпрапорщиком гвардейской конной артиллерии Подтелковым. Эти два изменника казачества были виновны в разложении фронтовиков и в убийствах и расстрелах казачьих руководителей. В станице Заплавской казаки арестовали Голубова и на площади у станичного управления учинили допрос об убийстве легендарного Чернецова, атамана Назарова, донского златоуста Митрофана Богатевского (брата генерала) и др. Приговор: смерть предателю и изменнику, что и было приведено в исполнение одним выстрелом (30 марта)».

Что было в Ростове?

Все это случилось потом. А пока вернемся немного назад, задавшись вопросом: что происходило в Ростове после падения белой власти в Новочеркасске? Город был окружен со всех сторон противником. Войска командующего 5-й армией, недав-

него прапорщика Рудольфа Фердинандовича Сиверса, а ныне большевика, продолжали теснить малочисленные заслоны добровольцев, и Корнилову ничего не оставалось, как отдать приказ по армии выйти из города в направлении бескрайних донских степей через узкий коридор, по оплошности не занятый красными. Защищать город у Добровольческой армии не было сил. Одной из последних попыток пополнить ряды армии стала получившая широкий отклик акция полковника Борисова. С его легкой руки был инициирован известный ультиматум, предъявленный офицерами-добровольцами оставшимся в городе «неприкаянным» офицерам, который публиковался в ростовских газетах. Вот его текст: «Вам объявляет 1-й офицерский батальон: кто не с нами, тот против нас. В трехдневный срок предлагаем всем офицерам, находящимся в Ростове, или вступить в ряды армии, или покинуть Ростов». Ультиматум возымел должное действие. Часть офицерства стала покидать город, споров погоня и сняв с головных уборов кокарды. Кто-то подавался на север, в сторону большевиков, чтобы разведать возможности службы у них, а часть постаралась исчезнуть и раствориться, прячась по частным ростовским квартирам. В добровольческом регистрационном бюро снова оказались десятки офицеров, хотя несравнимо большая их часть спешно покидала город. «...Ну, вольному — воля, спасенному — рай и... к чертовой матери их! Мы без них не пропадем, а им плохо придется», — констатировал Сергей Леонидович Марков, наблюдая картину исхода встревоженных ультиматумом офицеров. Ко-

мандование армией назначило его начальником обороны города Ростова с южной стороны. Так в течение трех дней Ростов был более или менее очищен от потенциальных предателей. Оставшиеся и вступившие в армию офицеры удостоились уважительного упоминания Деникиным в своих очерках: «Сколько мужества, терпения и веры должны были иметь те „безумцы“, которые шли в армию, невзирая на все тяжкие условия ее зарождения и существования!».

В преддверии похода генерал Корнилов решил освободить от обязательной службы представителей учащейся молодежи, предупредив их, что решение остаться в Ростове не только не будет сочтено за измену, но даже не поставлено в упрек. В частях это решение Главнокомандующего было объявлено через начальников подразделений и соединений. Генерал Боровский, командир Студенческого батальона, обратился к подчиненным с прочувственной речью: «Предоставленной мне властью освобождаю вас от данного вами слова. Вы свой долг выполнили, охраняя Ставку и город. Кто из вас хочет остаться в батальоне, оставайтесь. Но... раньше, чем окончательно решить, вспомните еще раз о своих семьях... Мы уходим в тяжелый путь. Так решили наши Вожди. Придется пробиваться по степям и горам... Нести жертвы... Быть может, на время мы уйдем далеко от ваших родных мест... Подумайте!» Тем, кто решил остаться дома, предложили выйти из строя. Вышли единицы, а вечером того же дня все они снова вернулись в батальон. Двести человек, составлявших Студенческий батальон, снова были вместе. Началась подготовка к походу. В Лаза-

ретном городке она шла полным ходом. И вот день исхода настал. Время приближалось к 9 часам вечера. Все главные силы армии собраны и ждут приказаний. Еще немного, и «Ледяной поход» начнется.

В преддверии «Ледяного похода»

Что происходит в эти последние часы в стане добровольчества? Генерал Алексеев записывает наскоро на бумаге несколько главных мыслей для письма о грядущем походе. Вот они: «Мы уходим в степи. Можем вернуться, если на то будет милость Божия. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хотя бы одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы...» Эти слова и стали воплощением идеи, которая одна и могла стать обоснованием для продолжения Белой борьбы в тот трагический для Отечества момент. Об исходе Добровольческой армии должна была узнать вся Россия, и для того в Ростове осталось несколько офицеров с поручением пробраться на север, в Петроград и Москву, и сообщить там о начавшейся миссии добровольцев. Командование Добровольческой армией уже наметило станицу Аксайскую местом сбора всей армии, выходящей из города. С запада станица надежно прикрывалась партизанским отрядом имени Корнилова и несколькими другими мелкими отрядами, которым помогало орудие, обслуживаемое юнкерами 1-й батареи. Утром 10 февраля из Аксайской должна была начаться переправа через Дон. Заблаговременно в станицу отошел эшелон, тяжело груженный боеприпасами и воинским имуществом. Следом за

ним походным порядком отбыла Техническая рота и Ударный дивизион, в чьи задачи входило наладить переправу через Дон и подготовить все для успешного ухода армии в степные пространства за рекой. Ушли в станицу и пять орудий из батареи подполковника Дмитрия Тимофеевича Миончинского.

Поход начинается...

В ночь на 9 февраля 1918 года много менее половины Добровольческой армии, почти две тысячи человек, при морозе и ледяном ветре, оставляло Ростов. А ведь записалось в нее почти шесть тысяч человек. Во главе армии шел сам Корнилов, в обозе ехал престарелый Алексеев, везший с собой чемодан с армейской казной. Его образ хорошо запомнился всем тем, кому случилось видеть выезд алексеевской двуколки: «Вот проехал на тележке генерал Алексеев; при нем небольшой чемодан; в чемодане и под мундирами несколько офицеров его конвоя — „деньгонош” — вся наша тощая казна, около шести миллионов рублей кредитными билетами и казначейскими обязательствами...», — писал А.И. Деникин. В составе гвардейской роты где-то рядом с отцом двигался его сын, штабс-ротмистр лейб-гвардии Уланского Его Величества полка Николай Михайлович Алексеев. В одной из телег везли тяжело простудившегося А.И. Деникина, накрытого ворохом шинелей. На случай гибели командующего армией Деникин был назначен преемником Корнилова. Однако и сам Антон Иванович пребывал в эти дни не в лучшей физической форме. За армией тащился хвост из

гражданских лиц, беженцев, не желавших оставаться под красными.

Предоставим слово одному из многих тысяч участников этого похода: «По бес-

Знак Ледяного похода 1918 г.

конечному, гладкому снегу шли обозы, груженные наспех и ценными запасами, и всяким хламом; по снежному полю видлась темная лента, пестрая, словно цыганский табор: в повозках ехали какие-то штатские люди; женщины в городских костюмах и в легкой обуви вязли в снегу. А попеременно шли небольшие, словно случайно затерянные среди „табора“ войсковые колонны — все, что осталось от некогда великой русской армии... Шли мерно, стройно. Как они одеты! Офицерские шинели, штатские пальто, гимназические фуражки; в сапогах, валенках, опорках... Ничего — под этим нищенским покровом живая душа. В этом все». Армия медленно переправлялась по непрочному льду через Дон и вытягивалась в длинный хвост, направлявшийся к ближайшим станциям.

Известно, что среди вышедших в тот метельный вечер было 36 генералов, в том

числе 3 генерала от инфантерии и от кавалерии и 8 генерал-лейтенантов. Среди участников похода оказалось 190 полковников, 50 подполковников и войсковых старшин. В рядах добровольцев, покинувших тогда Ростов, было 215 капитанов, ротмистров и есаулов. Среди них 220 штабс-капитанов, штабс-ротмистров и подьесаулов, а кроме того, 409 поручиков и сотников, 535 подпоручиков, корнетов и хорунжих, 668 прапорщиков, 12 морских офицеров (в т.ч. 1 капитан 1-го ранга и 1 капитан 2-го ранга), 437 вольноопределяющихся, юнкеров, кадет и добровольцев и 2 гардемарина, 364 унтер-офицера (в т.ч. подпрапорщики и им равные), 235 солдат (в т.ч. ефрейторы и им равные) и 2 матроса. Кроме того, 21 врач, 25 фельдшеров и санитаров, 66 чиновников, 3 священника и 14 гражданских лиц. Из 165 женщин 15 были прапорщицами, 17 рядовыми добровольцами, 5 врачами и фельдшерицами, 122 — сестрами милосердия и только 6 не служили в армии. Всего в походе, не считая женщин и гражданских лиц, приняли участие 2325 офицеров и 1067 добровольцев. По возрасту: старше 40 лет было около 600 человек и около 3000 — моложе. Из этих кадров были сформированы впоследствии штаты Офицерского полка генерал-лейтенанта Сергея Леонидовича Маркова. Кроме того, ударный корниловский батальон под командованием подполковника Митрофана Осиповича Неженцева, полк пеших партизан под командованием генерала Африкана Петровича Богаевского, сводный батальон юнкеров под командованием генерал-майора Александра Александровича Бо-

ровского, Чехословацкий и Галицко-русский батальон, Техническая рота, артиллерийский дивизион в количестве восьми трехдюймовых орудий. Накануне исхода в армии были созданы три кавалерийских дивизиона, включавших в себя соответственно партизан под командованием бывшего офицера гвардейского запасного кавалерийского полка, полковника Петра Владимировича Глазенапа, казаков донских отрядов есаула Бокова и офицеров-кавалеристов бывшего офицера лейб-гвардии Уланского Его Величества полка полковника Василия Сергеевича Гершельмана. В обозе, на двухколках, простых телегах или разбитых экипажах времен царя-мироотворца по заснеженной равнине перемещались бывший председатель Государственной думы масон М.В. Родзянко и еще недавно знаменитые политические деятели. Едва ли теперь кто мог узнать в закутанном в офицерский башлык беженце бывшего министра Временного правительства, масона высшего градуса посвящения, князя Н.Н. Львова. Неискушенному взгляду было трудно определить еще недавно столь известных журналистов и наследников издательского дела своего знаменитого отца, трясущихся теперь по неровной дороге под старенькой дохой, братьев А.С. и Б.С. Сувориных. И едва ли кто из донских студентов, марширующих под командой генерала Боровского в снежную неизвестность, различил в напуганных беженцах, восседающих подле запорошенных снегом чемоданов, профессора Н.П. Щетинину и ее двоих спутников, профессоров Донского политехнического института — Белоусова и Федоро-

ва. Остальным гражданским лицам предложили покинуть армию и пробираться поодиночке или малыми группами через станицы в Россию.

Quo vadis?

Куда двигалась вся эта масса людей? Существовал ли у предводителей Добровольческой армии четкий план действий после исхода? Сначала Корнилов предлагал Алексееву и Деникину отправиться в Сальские степи на зимовку, где можно было привести армию в абсолютную боеготовность после пополнения запасов фуража, пошива обмундирования и просто восстановления сил уставших от долгих переходов людей на дальних Сальских хуторах и усадьбах. Алексеев резко отрицал целесообразность распыления единого армейского организма по удаленным друг от друга точкам, к тому же не имеющим достаточно помещений для размещения добровольцев по зимним квартирам. Рассредоточение Добровольческой армии на малые отряды, утверждал Алексеев, создаст возможность красным нападать на них поодиночке и уничтожать. Вдобавок раздробленная таким образом армия окажется зажатой между Доном и сетью железных дорог, контролируемых красными. Помимо этого, зимовка даже при самом благоприятном для Добровольческой армии исходе невольно выключала ее из активной политической жизни и обрекала на бездействие. А.И. Деникин и И.П. Романовский убеждали Корнилова поворачивать на Екатеринодар. На Кубани, по утверждению генералов, еще сохранялась вероятность соединения с кубанскими

казаками под командованием полковника Александра Петровича Филимонова. Кроме того, убеждал Деникин, в случае очевидного перевеса в силах противника для Добровольческой армии сохранялась возможность рассеяться в горах или отойти в Грузию, о неблагодарности и негостеприимности которой советники Корнилова даже не догадывались. Постепенно убежденность Корнилова двигаться в Екатеринодар окрепла, и когда в станице появились генерал П.Х. Попов и его начальник штаба полковник В.И. Сидорин, начавшие убеждать его продолжить движение армии на восток, дабы отвести войска на «зимние квартиры», Корнилов решил поступить иначе. В конце концов, необходимо было ввязаться в войну, показать большевикам, что сопротивление их режиму крепнет, что Дон и Кубань не станут безвольно дожидаться полного порабощения их большевиками «из России».

Добровольческая армия тронулась на встречу своей неизбежной трагедии. Постепенно добрались до станицы Ольгинской, названной так в честь Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны. О краткой остановке там добровольцы вспоминали: «В Ольгинской расположилась вся армия... Здесь... наскоро переформировываемся... Через день выступаем в степи на станцию Хомутовскую. Шумит, строится на талых улицах пехота, скачут конные, раздаются команды, крики приветствия... Армия тронулась. В авангарде — генерал Марков, а арьергарде — корниловцы».

Поход Добровольческой армии совпал по времени с возвращением на Кубань

войск развалившегося полуторамиллионного Закавказского фронта. Люди пытались поскорее добраться домой по железной дороге, прорвавшись через территорию Закавказья и Грузии. На Кубани их ожидали агитаторы из штаба армии Сиверса, представители армий бывшего хорунжего Кубанского казачьего войска Алексея Ивановича Автономова и члена партии, представителя левых эсэров Ивана Лукича Сорокина. Молодцеватые вербовщики, одетые в новые с иголочки шинели и лихие кубанки, изображали радетелей за судьбы Отечества, обращаясь к солдатам и призывая их вступать в ряды Красной армии для того, чтобы помочь «восстанавливать революционный порядок» на Кубани или просто «прижать местных контрреволюционеров» и воспользоваться реквизированными ценностями у буржуазии. В иных случаях с озабоченными лицами пропагандисты мрачно рисовали раскрывшим от удивления рты фронтовикам чудовищный образ Корнилова, как единственную для них преграду для полного окончания войны и возвращения к мирному труду. Именно такой образ Корнилова сложился у фронтовиков еще раньше, и слова агитаторов ложились на подготовленную почву.

С боями на Кубань

Между тем в политической жизни кубанской столицы царил беспрецедентная даже по меркам Гражданской войны неразбериха. Заседания Кубанской Рады сменялись новыми заседаниями, депутаты сосредоточили усилия на создании кубанской «демократической конститу-

ции», словно бы в те дни не существовало никаких иных задач, в особенности перед лицом приближающейся опасности большевизма. Некоренные жители Кубани были готовы принять новую власть большевиков, так как регулярные части утратили всякую боеспособность: входящие в них казаки могли по собственному желанию внезапно бросать фронт. Но они могли и стихийно организовываться, в зависимости от общеполитической конъюнктуры. Казачьи офицеры уже не могли совладать с то и дело митингующей и практически неподконтрольной им массой. В целом политические лидеры Кубани не имели тогда ни единой цели своей борьбы, ни приемлемых лидеров, ни даже простой возможности защитить свою территорию и призрачные демократические «гражданские свободы» организованными вооруженными силами, о которых Кубанская Рада продолжала вести нескончаемые дебаты на каждом из своих заседаний. Для налаживания связи с представителями кубанского политического руководства Корнилов командировал в Екатеринодар двух своих доверенных лиц — генералов Александра Сергеевича Лукомского и Ивана Александровича Ронжина. Переодевшись для конспирации в гражданское платье, генералы отбыли на Кубань, а Добровольческая армия медленно продолжила свое движение на восток. По пути в Екатеринодар незадачливые посланники были схвачены отрядами красноармейцев. Случилось так, что оба конспиратора попали даже на допрос к командующему красными частями Сиверсу, по странному стечению обстоятельств не распознавшего в арестованных

своих бывших сослуживцев по императорской армии. Лукомский и Ронжин были допрошены и отправлены под арест как положительно подозрительные личности, однако умудрились бежать. Петляя, пересаживаясь с одного поезда на другой, спасались от своих преследователей так резво, что сами не заметили, как вместо кубанской столицы оказались в Харькове...

Сиверс пристально следил за передвижениями Добровольческой армии. Он приступил к планомерному рассеиванию добровольческих сил, начав с череды мелких атак, дабы держать добровольцев в постоянном напряжении, не давая им длительного отдыха. Среди генералов снова начались обсуждения возможности кратковременного отвода армии в тихое место, где она могла бы принять форму для долговременных боевых действий. Нужно было освободиться от гражданских лиц и сбросить с себя тяжеловесное ярмо беженцев, еще раз провести ревизию чинов армии, пополнить роты и взводы прибывшими по ходу движения добровольцами — военными и гражданскими. Вместе с тем Корнилову доносили, что экономическое положение донских зимовий и запасы фуража и провизии там были далеко неудовлетворительными, и что провести там армии целую зиму и набраться сил едва ли получится. Не имея известий от Ронжина и Лукомского о положении на Кубани, Корнилов в некотором сомнении продолжал вести армию на Екатеринодар. Пройдя последнюю донскую станицу Егорлыцкую, добровольцы оказались на Ставрополе, при вступлении в пределы которого были атакованы Дербентским полком,

перешедшим на сторону большевиков при поддержке небольших отрядов местных красногвардейцев, и огнем артиллерийского дивизиона у села Лежанка. Корнилов дал приказ авангарду атаковать противника с ходу, направив Офицерский полк прямо на солдат Дербентского полка и приказав Партизанскому и Корниловскому полкам обойти большевиков с флангов. Картина боя была прекрасно описана его участником: «...Мы идем цепью по черной пашне. Чуть-чуть зеленеют всходы. Солнце блестит на штыках. Все веселы, радостны — как будто не в бой. Недалеко от меня идет красивый князь (Георгий. — *Авт.*) Чичуа, в шинели нараспашку, командует: „Не забегайте вы там! Ровнее, господа!“ Юнкера-артиллеристы стали выкачивать пушки на прямую наводку. Офицерский полк Маркова атаковал противника, переправившись через едва замерзшую речку. Прямой удар в лоб, нанесенный Офицерским полком с ходу, оказался неожиданным для солдат Дербентского полка, в их рядах началась паника, завершившаяся бегством. Паника передалась и красным артиллеристам, бросившим орудия и устремившимся прочь за пехотой».

В этой атаке добровольцы потеряли убитыми 3 (!) человека, красногвардейцы и солдаты Дербентского полка — свыше 250 человек. Еще примерно такое же количество обезумевших от страха солдат и каких-то странных личностей из красногвардейских отрядов, явно уголовной внешности, было поймано добровольцами в селе Лежанки и расстреляно на месте. Участь этих пленных живописал один из свидетелей стремительно разворачиваю-

щихся событий: «Пленные. Их обгоняет подполковник Неженцев, скачет к нам, остановился — под ним танцует мышиного цвета кобыла. „Желающие на расправу!“ — кричит он. „Что такое? — думаю я. — Расстрел? Неужели?“... Я оглянулся на своих офицеров. „Вдруг никто не пойдет?“ (пронеслось у меня. Нет, выходят из рядов. Некоторые, смущенно улыбаясь, некоторые с ожесточенными лицами. Вышли человек пятнадцать. Идут к стоящим незнакомым лицам и щелкают затворами. Прошла минута. Долетело: „Паи!“ Сухой треск выстрелов, крики и стоны...»

Удалившись из негостеприимного Ставрополя, войска Корнилова вступили на Кубань. Наперерез добровольцам командование красных начинает бросать отряд за отрядом. Лишь тактика стремительных натисков добровольцев позволяла опрокидывать силы, численно их превосходившие, обращая противника в бегство. Корнилов ввел в практику занятие населенных пунктов для ночлега, вне зависимости от присутствия в них красных, ибо, не решившись на атаку «на ночь глядя», армия принуждена была бы оставаться под холодным небом в степи. 4 марта 1918 года разыгралось сражение с 14-тысячной армией Ивана Лукича Сорокина, стоявшей на станции Кореновской. На головные части красных был брошен Юнкерский полк под командованием генерала Боровского. Потери начались с первых минут атаки, большая часть юнкеров была убита или ранена, маршируя под шквальным огнем красноармейцев, при массивной артиллерийской поддержке.

В охват флангов противника Корнилов направил свой последний резерв —

партизан-чернецовцев и чехословаков. Добровольцы в буквальном смысле дрались в тот день до последнего патрона. Снаряды в артдивизионе полковника Дмитрия Тимофеевича Миончинского тоже подходили к концу. Корнилов приказал обозникам выдать весь последний резерв боеприпасов, а когда из обоза пришло донесение о кавалерийской атаке красных, он приказал обозу занять оборону и защищать себя собственными силами. Были розданы винтовки легко раненым и тем, кто мог держать оружие. В цепи встали донской писатель Родионов и журналист Борис Суворин. Обозные солдаты, раненные, переворачивая телеги, установили два действующих пулемета системы Максим и, заняв круговую оборону, отстреливались от яростно атаковавших их красных кавалеристов, как могли. Корнилов лично остановил попятившиеся было цепи и с взводом верных своих текинцев обошел станицу с тыла, открыв огонь по ничего не подозревавшим красным. Подбодренные этим маневром Главнокомандующего, добровольцы поднялись под свистящими пулями и устремились вперед в общей контратаке. Бежавший с винтовкой наперевес в этой безумной атаке ее участник вспоминал: «Вперед, братцы! Вперед!» — раздаются голоса. Двинулись вперед одиночки, группами... Крики ширятся. «Вперед, вперед.» Вся цепь пошла. Даже далеко убежавшие медленно возвращаются... На полотне наш пулемет, за ним прапорщик-женщина Мерсье, прижалась, стреляет по поезду и звонко кричит: «Куда же вы?! Зачем назад?» — А пули свистят. Видны большевистские цепи и далеко на полотне их

бронированный поезд...» Не выдержав напора малочисленных цепей добровольцев, красные дрогнули, и один за другим, оставляя позиции, побежали. Потери во всех добровольческих частях оказались на это раз значительными, составив около 400 человек убитыми и ранеными. Раненых наспех перевязывали и направляли в обоз, медицинских сестер не хватало, они едва справлялись с теми, кто мог сам прийти на медицинский пункт. О хаосе, царившем в полевом лазарете, сохранилось воспоминание: «На будке одна сестра. Около нее сидят, лежат, стоят раненные. „Сестрица, перевяжите, пожалуйста“. „Сейчас, сейчас, подождите, не всем сразу, — спокойно отвечает она. — Вот видите, я на позиции одна, а все сестры где? Им только на подводах с офицерами кататься”».

Цена каждой версты, пройденной Добровольческой армией, становилась все более высокой, список потерь рос, вместе с ним возросли и обозы, в которых прибавилось раненых. Вскоре пришли и совсем неутешительные новости. Дальнейшее продвижение Добровольческой армии к Екатеринодару было приостановлено вестью о том, что город уже пал и что кубанское правительство, дабы сохранить себя «как идейно-политический центр», решило оставить город в ночь на 1 марта 1918 года. Казаки кубанского полковника Виктора Леонидовича Покровского, казачья фракция Кубанской Рады и некоторые городские беженцы бежали в аулы черкесов. Сам Покровский стремился к соединению с Корниловым для совместной попытки выбить красных из города, но Добровольческой армии

после прошедших тяжелых боев требовался хотя бы краткий отдых. Разбитая 14-я армия красных под командованием Сорокина, собранная снова воедино, была вновь отправлена им на преследование добровольцев. Красные отряды шли по пятам, старались прижать ускользавшую от них Добровольческую армию к берегу реки Кубань. Арьергарды добровольцев, состоявшие из донских казаков под командованием Африкана Петровича Богатевского, едва сдерживали наседающие им на пятки части 14-й армии, а корниловцы и чины Юнкерского батальона тем временем пытались прорывать оборону противника у главного моста через реку Кубань. Перед приходом добровольческих частей, заранее оповещенные большевиками о зверствах белогвардейцев на занятых территориях, жители некоторых кубанских станиц в панике разбегались кто куда, наспех угоняли свой скот и старательно прятали продовольственные припасы, едва заслышав о приближении добровольческих авангардов.

Движение Корниловской армии сопровождалось перестрелками, беспрестанными боями и сопутствующими таким боям потерями. Будни похода навсегда отпечатались одним серым пятном в памяти мемуариста: «Несколько раз долетал похоронный марш. Хоронят убитых и умерших. Похоронный марш звучит в каждой станице, и на каждом кладбище вырастают белые кресты со свежими надписями». Кто-то из участников похода точно заметил, что Корнилов так восходил на свою Голгофу.

Путь к Екатеринодару был тернист. Кубанские населенные пункты, в кото-

рых добровольцы останавливались на привал, по наводке вездесущих красных лазутчиков из числа местного населения нередко подвергались артиллерийскому обстрелу. Однажды во время одного из таких обстрелов, случившихся, как всегда, неожиданно, шальной снаряд попал в просторный дом, где одновременно находились генералы Алексеев, Деникин и Романовский. Лишь по случайности все находившиеся в доме остались целы и невредимы. Основные силы большевистских армий тем временем сосредотачивались в районе Майкопа для новых атак. Иван Лукич Сорокин не прекращал своего преследования добровольцев ни на день. Его армия, казалось, вот-вот настигнет добровольцев, сомнет арьергарды и врубится в самую гущу обозов, сея смерть и панику и переходя постепенно к окружению всей армии с флангов.

10 марта 1918 года при форсировании Корниловым одной из кубанских рек его армия все же оказалась в засаде, запертая частями Сорокина в долине. По добровольцам, оказавшимся в тактически неудобном положении, рассеянными в низине, красные сверху открыли шквальный огонь из орудий и пулеметов. С гребня холма красногвардейцы густыми цепями, не торопясь, начали свое наступление, все теснее сжимая кольцо окружения. А те из авангардных частей армии Сорокина, что преследовали отходивших добровольцев, прознав об устроенной им ловушке, уже ускоряли марш, готовясь развернуться в боевые порядки и перейти в наступление... Видя опасность создавшегося

положения, Корнилов распорядился выдать винтовки легкораненым в обозе, а тяжелораненым — покончить с собой, как это нередко уже случалось ранее. В быстрых сумерках мартовского дня добровольцы поднялись в контратаку и с отчаянием бросились на окружавшие их красные части. Под разрывами шрапнели и в грохоте большевистских орудий, шаг за шагом добровольческие цепи с чувством обреченных начали оттеснять красных, а затем выходить из окружения. Отступали в направлении виднеющихся кавказских предгорий. Когда в аулы черкесов начали вступать первые полки добровольцев, там уже побывали представители большевистской власти, объявившие непокорным черкесам, что им грозит за «контрреволюцию».

Черкесы и большевики

Чем этот привычный большевистский штамп мог угрожать им? В первую очередь все тем же объявлением черкесов «вне закона». Как поставленные «вне закона» люди рассматривались большевистской властью? Лишенные отныне всех прав гражданина пресловутой РСФСР, они подлежали преследованию в той степени, какую заслуживали по усмотрению местных властей, а их имущество изымалось в пользу местных коллаборационистов. Красные кубанцы под предводительством чужаков увидели возможность поживиться землей черкесов, не признавших советской власти, а следовательно, объявленных ею врагами на законных основаниях. С приходом в аулы большевистских подразделений

начался массовый грабеж и убийство мирных жителей и тех, кто оказал сопротивление. Увы, но так называемые «иногородние» — крестьяне, арендовавшие до революции у кубанских казаков часть их земельных угодий, регулярно совершали грабежи черкесских аулов. Пока приезжие хладнокровно убивали черкесов, их жены и дети тащили вещи из опустевших саклей, уводили скот, уносили птицу, хватая все, что только можно было увести с собой. А ведь имущество горцев особым изобилием тогда совсем не блистало. Поэтому неудивительно, что корниловскую армию, чьи чины ничего не брали без спросу и спешили расплатиться за провизию, черкесы встретили как освободителей. Вот зарисовка мемуариста о пребывании добровольцев в одном из горных селений: «...На площади около мечети гремит музыка, гудят войска. Корнилов говорит, обращаясь к черкесам. Черкесы стоят конною толпой с развевающимся зеленым знаменем с белым полумесяцем и звездой. Внимательно слушают они небольшого человека с восточным лицом. А когда Корнилов кончил, раздались нестройные крики, подхваченные тушем оркестра... После парада на вышке минарета оказался муэдзин — худой, черный. Долго слышались горловые крики его и ответный гул черкесской толпы. Муэдзин призывал к борьбе, к оружию, к мести за убитых отцов и братьев».

Полковник Покровский

Получив сведения о бедственном положении кубанцев полковник Покров-

ского, чьи отряды были зажаты красными в кольцо под станицей Калужская 11 марта 1918 года, в штабе Корнилова решили двинуть армию по тяжелым горным путям, чтобы успеть на помощь кубанцам. Положение дел у окруженного отряда было из рук вон плохим: под непрерывными атаками красных силы кубанских казаков таяли, на смену убитым вставали обозники, старики и даже более или менее боеспособные депутаты Кубанской Рады, оказавшиеся вместе с военными в окружении. Отбив одну за другой несколько атак красноармейцев, кубанцам все же удалось вырваться. Поредевшему отряду казаков Покровского пришлось провести ночь в открытом поле, под холодным мартовским дождем и ветром. В ожидании погони кубанцы готовились к своему последнему бою и неминуемой смерти, как вдруг у их импровизированных позиций, вынырнув откуда-то из пронзительной степной тьмы, появился конный разъезд корниловцев. Увидев гарцующих всадников в коротких кавалерийских полушубках с нашитыми на рукавах треугольниками национального триколора, кубанцы воспрянули духом. Когда Покровскому доложили о корниловцах, он тотчас отдал приказ своим частям без промедления атаковать красных, не дожидаясь их наступления. В отчаянной схватке, с посвистом и гиканьем, казаки налетели на передовые цепи противника, мгновенно смявшие их, и обратили красноармейцев в беспорядочное бегство.

После первой встречи кубанцев с корниловским разъездом прошло три дня, а в аул Шенджи, где расположился штаб

Корнилова, приехал сам полковник Покровский. На этой встрече весть о желании кубанцев воссоединиться с добровольцами Покровский приправил «горькой пилюлей»: Кубанская Рада требовала обязательной самостоятельности кубанских частей в составе Добровольческой армии, при сохранении формального оперативного подчинения Корнилову. «Одна армия и один главнокомандующий. Иного положения не допускаю» — был ответ Корнилова. Покровский принял его с пониманием, и еще через два дня, 15 марта 1918 года, пополненная кубанцами Добровольческая армия перешла в крупное наступление.

Тяготы похода

Под проливным дождем, с увязающей в грязи артиллерией, которую тащили усталые лошади, добровольцы подошли к станице Ново-Дмитровской. Стемнело, сильно похолодало, и вскоре в воздухе закружилась густая метель. Всех стало постепенно засыпать снегом и покрывать ледяной коркой. Авангардный Офицерский полк под командованием Сергея Леонидовича Маркова, оказавшись далеко впереди от основных сил добровольцев, решил не дожидаться подхода основных сил армии. Остановка в степи на ледяном ветру могла людям стоить здоровья, а то и жизни. Марков принял решение поднять свой полк в атаку. Деникин вспоминал: «Марков решил: „Ну, вот что. Ждать некого. В такую ночь без крыши тут все подохнем в поле. Идем в станицу“. И бросился с полком под убийственный огонь мгновенно затрепавших со всех сторон

ружей и пулеметов.» Участник этой атаки Р. Гуль вспоминал: «Полк, вперед! — и генерал Марков первым шагает вброд. Идут в бой через ледяную реку, высоко в темноте держат винтовки... Перешли. Ударили... Ворвалась армия в станицу». В непроницаемой завесе метели, под леденящим ветром, офицеры с ходу опрокинули заставы красноармейцев и погна-ли их бегом впереди себя по улицам ста-ницы. Основная часть красных в это время спокойно грелась по домам. К за-нятой добровольцами окраине станицы подъехал сам Корнилов и его штабные. Офицерский полк уже продвинулся в центр станицы. Из окон и дверей здания станичного правления в ужасе выбегали красные и некоторые из их комиссаров. Собравший многочисленных свидетель-ства участников того памятного боя, мар-ковец В.Е. Павлов отмечал: «...Из домов начали выбегать люди. Один кричал: „То-варищи! Не разводите панику!“ — „А ты кто?“ — задает ему вопрос офицер. — „Я председатель военно-революционного комитета“, — и... он немедленно падает мертвым. — „Что вы наделали с нашим председателем?“ — кричит другой. — „А ты кто?“ — „Я секретарь!“ — и труп секретаря упал на труп председателя. Спе-реди и сзади от идущих офицеров выбе-гавшие из домов красногвардейцы не от-давали себе отчета в положении и падали под штыками добровольцев без единого выстрела с той и другой стороны.» Дру-гой свидетель этой атаки так запечатле-ет ее в своих воспоминаниях: «Полузамерз-шие, держа в онемевших руках винтов-ки, падая и проваливаясь в густом месиве грязи, снега и льда, офицеры бежали к

станице, ворвались в нее и перемешались в рукопашной схватке с большевиками...»

На следующее утро вся станица была захвачена добровольцами, и к ней начали подтягиваться основные силы Доброволь-ческой армии. Там же свершился и суд над пленными: «На другой день на пло-щади строят семь громадных виселиц. На них повесили семь захваченных комисса-ров». Прошли сутки, и весть о дерзком броске белых достигла ближайших час-тей Красной армии. Сорокин направил стрелковые части для захвата станицы, и красные раз за разом пытались атаками отбить Ново-Дмитровскую, но безуспеш-но, большевики несли существенные по-тери.

И снова Покровский...

17 марта 1918 года к занятой Добро-вольческой армией станице подтянулись кубанцы Покровского и атамана Фили-монова, подъехали также и члены прави-тельства Кубанской Рады. В штабе Корни-лова было проведено первое совместное совещание сторон, где кубанцы вновь по-пробовали поднять вопрос о независимом статусе своих частей в составе Доброволь-ческой армии, но получили категоричес-кий отказ самого Главнокомандующего. Они пытались возражать, заявляя, что в таком случае снимают с себя всякую от-ветственность за постоянную помощь Добровольческой армии. Корнилову сно-ва пришлось напомнить о принятых ими ранее на себя обязательствах, при условии выполнения которых отряд Покровско-го включался в состав Добровольческой армии. После совещания Корнилов пред-

принял ряд мер. Первым делом он отстранил Покровского и лишил его тем самым влияния на жизнь отряда кубанских казаков. Полковник Покровский был направлен в распоряжение Кубанской Рады для инспекции добровольческой «Кубанской армии». А чтобы поднять дисциплины среди казаков, Главнокомандующий влил их отряды в те полки, которым командовали проверенные боевые кавалерийские генералы — Богаевский и Эрдели.

Под Екатеринодаром

После этих организационных преобразований Корнилов командировал Сергея Леонидовича Маркова для пополнения резерва боеприпасов армии. Офицерский полк под командованием Маркова отправился штурмовать железнодорожную станцию Георге-Афипскую. Сильный огонь оборонявшихся красных сразу же обрушился на атаковавшие цепи марковцев и не дал офицерским ротам взять эту станцию с ходу. Получив первое же донесение о неудачной атаке, Главнокомандующий немедленно направил конную бригаду Богаевского в помощь Маркову. Офицеры штаба докладывали Корнилову, что силы красных оцениваются в 18 тысяч штыков и сабель, при наличествующих трех бронепоездах с огневой поддержкой десяти артиллерийских орудий.

Истинное положение было иное: численность переданных штабом Корнилову данных оказалась заниженной как минимум втрое. Основываясь на донесениях штаба, Корнилов вступил в сражение 27 марта 1918 года, пришедшееся по

церковному календарю на Страстную неделю. С утра красные повели обширное наступление на переправу. Со стороны Екатеринодара уже был слышан гул тяжелых орудий. Корниловский и Партизанский полки, двигаясь в безмолвии, без единого выстрела, своей «психической» атакой легко обратили первые линии обороны красных в бегство. Окрыленный этими успехами, Корнилов приказал продолжить наступление, не дожидаясь подхода основных сил. Видя успех добровольцев, казаки окрестных станиц повсеместно восстали против большевиков, и к Добровольческой армии стали подтягиваться мелкие пополнения. На следующий день, 28 марта 1918 года, сражение с красными приняло еще более ожесточенный характер. Стороны попеременно чередовали атаки и контратаки. Огонь красной артиллерии порой достигал интенсивности 500 или 600 выстрелов в час. В ответ на это 1-я батарея Добровольческой армии отвечала редкими выстрелами — боеприпасов не хватало. В тылу, полевом лазарете и обозе, могли лишь догадываться о том, что происходит на передовой, но по интенсивности стрельбы становилось ясно, что происходило нечто ужасное. «Я Львов, Перемышль брал, но такого боя не слыхал, — говорит раненый полковник. — Они из Новороссийска тридцатью пятью тяжелыми орудиями палят. Слышите? Залпами...» артиллерия ухала тяжелыми страшными залпами, как будто что-то громадное обрывалось и падало...», — вспоминали обозники. Добровольцы, отбивая предместье за предместьем, медленно вышли на окраины Екатеринодара.

Потери добровольцев

Потери Добровольческой армии начали исчисляться сотнями. Ранеными оказались командиры кубанцев Сергей Георгиевич Улагай и Петр Константинович Писарев, контужен и ранен командир донских казаков, партизан есаул Роман Григорьевич Лазарев. Под разрывы гранат и шипение шимозы с поля боя добровольцы вынесли раненого командира Партизанского полка генерал-майора Бориса Ильича Казановича.

На передовой кипел жаркий бой, а в тылу Добровольческой армии, в станичных храмах, шли великопостные службы. Те, кто остался в обозе и не мог участвовать в бою, оказались свидетелями трогательных картинок, словно бы возникших из прежней, мирной жизни, и особо не примечаемых в мирное время: «Старенький священник прошел в церковь. Пахнет свежим весенним воздухом и ладаном. Мерцают желтые огоньки тонких свечей. Священник читает тихим голосом. Поют. Молятся раненые. Плачут склонившиеся женщины-казачки... А со стороны Екатеринодара ревет артиллерия». С наступлением ночи бой не закончился, но упорное наступление добровольцев не продвинуло их ближе к намеченной цели: Екатеринодар не сдавался. В штаб Корнилова продолжали поступать сведения о том, что из Новороссийска на помощь к оборонявшимся красным прибыло несколько поездов с «революционными» матросами. 29 марта 1918 года к Екатеринодару подошел Офицерский полк Маркова, державшийся Корниловым доселе в резерве, и, вступив в бой, занял считавшиеся хорошо укреплен-

ными городские артиллерийские казармы. На короткое время воцарилось затишье. Добровольцы подбирали своих раненых и убитых, ротные командиры Офицерского полка наскоро проверяли наличие живых и размещали их для отдыха. В штабе собрались все генералы: те, кто участвовал в атаках, и те, кто корректировал наступление. «...Скоро показался и Марков. Идет широким шагом, размахивая нагайкой, и издали, еще на ходу, ругается: „Черт знает что! Раздергали мой Кубанский полк, а меня вместо инвалидной команды к обозу пришили. Пускали бы сразу со всей бригадой — я бы уже давно в Екатеринодаре был“. — „Не горюй, Сережа, — отвечает Романовский, — Екатеринодар от тебя не ушел!“» — записал с иронией о кипучей энергии Маркова его начальник Деникин. Бой за город вскоре снова возобновился, и в новую атаку на красных двинулся Корниловский полк, который лично повел подполковник Неженцев. Однако вскоре он был ранен шальной пулей в голову: «...Он чувствовал, что наступил предел человеческому дерзанию и пришла пора пустить в дело „последний резерв“. Сошел с холма, перебежал в овраг и поднял цепи. „Корниловцы, вперед!“ Голос застрял в гортани. Ударил в голову пуля, он упал; потом поднялся, сделал несколько шагов и повалился опять, убитый наповал второй пулей».

Полк погибшего Неженцева принял полковник Владимир Иванович Индейкин, но в первой же своей атаке он также оказался раненным шальной пулей, и находившиеся рядом корниловские офицеры едва успели оттащить его в тыл. Капитан Василий Курочкин повел в наступление Партизанский батальон, чтобы поддержать

корниловцев, но упал, сраженный пулей насмерть в одной из атак. Корниловский полк, оставшись без командиров и поредевший, приостановил свое продвижение, и его атака захлебнулась. На помощь замешкавшимся корниловцам уже спешил, вырвавшись из лазарета, раненый генерал Казанович, возглавивший Резервный полк. Под его командованием полк прорвал оборону красных на одном из участков и ворвался в город. Быстро продвинувшись со своими частями в центр города, генерал Казанович обнаружил, что его успех не поддержан другими частями добровольцев. Небольшой Резервный полк, всего в количестве в 250 штыков, продолжил свое продвижение по городу, по пути отбивая у большевиков повозки с фуражом и хлебом.

А на передовой, окутанной облаками дыма и гари, под разрывами снарядов и бесконечной стрельбой, у добровольцев оставались всего трое живых командиров. Командование принял полковник Александр Павлович Кутепов, но еще долго не мог собрать остатки полка, чтобы направить их вслед далеко ушедшему в глубь города Резервному полку Казановича. До Маркова не дошло донесение, отправленное Казановичем из центра Екатеринодара, и Офицерский полк не подошел. Под утро 30 марта 1918 года, не дождавшись помощи, генерал Казанович приказал полку начать отход из города. Построившись в колонну, Резервный полк возвращался назад. Встреченным по пути красным разбедам добровольцы рекомендовались «красным кавказским полком» и продолжали движение. Одно время Резервный полк Казановича шел в рядах красных частей,

возвращающихся на покинутые позиции! Солдаты двух сторон перемешались друг с другом и шли, мирно беседуя, куря и обсуждая недавний бой. Так, продвигаясь вме-

Генерал от инфантерии А.П. Кутепов

сте, они дошли до передовой, и здесь красные с удивлением обнаружили, что колонна «красного кавказского полка» с захваченными обозами, не остановившись на линии обороны, продолжила движение за линию фронта. Придя в себя от изумления, красные открыли огонь, однако полк Казановича был уже вне досягаемости их выстрелов.

Затишье

В течение всего дня 30 марта 1918 года бои за Екатеринодар постепенно угасали: противоборствующие стороны были из-

мотаны и нуждались в отдыхе, сил на стремительные атаки не оставалось. Бо-еприпасы заканчивались, а потери Добровольческой армии в живой силе при первых подсчетах оказались просто катастрофическими: численность убитых и раненых превысила полторы тысячи человек. Штаб-офицеров, которые могли бы возглавить подразделения взамен убитых и раненых, почти не осталось. Кубанские казаки из близлежащих станиц, видя складывающееся положение дел и явный перевес в силах у красных, начали покидать расположение Добровольческой армии, бросая фронт, как всегда. На состоявшемся военном совете Корнилов заявил, что иного пути, как взятие Екатеринодара, у Добровольческой армии нет: красные не дадут отойти, начав преследование, хотя осада города станет медленной агонией армии, чьи силы таяли на глазах. Выход из тупика виделся Главнокомандующему лишь в однодневном отдыхе и переформировании уцелевших полков, а затем в окончательном штурме кубанской столицы. Корнилов сообщил собравшимся на совет генералам, что лично поведет армию на штурм города. Присутствовавшие генералы молча согласились с ним. Марков дремал, опустив голову на плечо генералу Романовскому, остальные были слишком измучены, чтобы сделать возражение на этот самоотверженный, но и самоубийственный план Главнокомандующего.

Гибель Корнилова

Штурм города был назначен на 1 апреля 1918 года, но 31 марта, в восьмом часу утра, шальной снаряд, выпущенный

орудием красных, пробил стену одиноко стоящего в степи здания фермы, и взорвался под столом, за которым сидел Главнокомандующий. Взрывная волна бросила Корнилова в сторону и ударила о печь. Когда дым рассеялся, вбежавшие офицеры и конвой текинцев застали еще дышащего Корнилова. Его осторожно вынесли на улицу. Возле лежавшего на земле вождя стояли его адъютант, поручик Виктор Иванович Долинской, командир верных текинцев, корнет Хан Хаджиев, генералы Деникин и Романовский и несколько случайно оказавшихся рядом офицеров. В течение нескольких минут Корнилов, еще живой, стонал, а затем, не проронив ни слова, затих. Деникин и Романовский тотчас же отдали приказ скрыть от армии хотя бы до вечера смерть ее Главнокомандующего, однако это оказалось тщетным. Весть о гибели вождя добровольцев почти мгновенно донеслась не только до передовой, но достигла лазарета и обоза. Обозник вспоминал: «Знакомый текинец понес из церкви аналой. Выходит бледный, взволнованный капитан Ростомов. „Ты ничего не знаешь?“ — „Нет. Что?“ — „Корнилов убит, — глухо говорит он, — но ради Бога, никому не говори, просят скрывать“. Куда-то оборвалось, покатилося сердце, отаила кровь от головы. Нельзя поверить!» Тело Корнилова перевезли в станицу Елизаветинскую, в сопровождении верных текинцев. Там убитого омыли и уложили в сосновый гроб, в который кем-то были принесены и положены первые весенние цветы. Священник Елизаветинской станицы отслужил панихиду. 2 апреля 1918 года Корнилова тайно похоронили. Отдать последние почес-

ти Главнокомандующему были допущены лишь нескольких ближайших к Главнокомандующему лиц. Рядом с Корниловым был похоронен тогда его боевой товарищ и уважаемый им человек — полковник Неженцев, погибший при первом штурме Екатеринодара. Чтобы не привлекать внимания посторонних, обе могилы тщательно сровняли с землей, и старшие командиры Добровольческой армии прощались с Главнокомандующим, намеренно проходя место захоронения стороной, чтобы лазутчики красных не смогли с точностью определить этого места.

Командир текинцев Хан Хаджиев решил покинуть ряды Добровольческой армии и отбыть к себе на родину в Хиву, объясняя свой поступок словами: «Смерть Верховного подействовала на меня так, как будто бы солнце исчезло с небосклона, оставив на своем месте слабо мерцавшую свечу, которая вот-вот, при малейшем дуновении ветерка потухнет». Предыстория его восточного конвоя была хорошо известна. Еще в начале января 1918 года в Новочеркасск прибыла партия текинцев, около 40 человек, которых Корнилов давно отпустил по домам, выдав предварительно по 25 рублей на дорогу. До конца с Корниловым, которого по инициативе Хана Хаджиева текинцы продолжали называть «Верховным», осталось 6 текинцев и один киргиз из киргизского взвода полка, вошедших в его личный конвой и прошедших с ним весь путь вплоть до самой гибели 31 марта под Екатеринодаром. Генерал Корнилов очень ценил верных текинцев и всегда разговаривал с ними на их родном туркменском языке. Покинуть

ряды Добровольческой армии Хаджиев смог лишь в сентябре 1918 года, то есть после выхода приказа командующего Добровольческой армией генерала А.И. Деникина об учреждении «Знака отличия Первого Кубанского похода». Сам Хан Хаджиев был награжден не в первую очередь, его знак носил номер 824. Судьба судила ему не скоро вернуться к мирной жизни. В августе 1918 года приказом исполняющего должность Астраханского войскового атамана князя Данзана Тундугова была сформирована отдельная Текинская сотня для конвойной службы, а командиром ее был назначен уже получивший чин поручика Хан Хаджиев. Эту сотню Хан Хаджиев формировал из текинцев. В количестве 60 человек они оказались в Ростове в июне 1918 года. Вернувшись на родину, в Хиву, Хан Хаджиев продолжил борьбу с большевиками. Он воевал в войсках Закаспийской области, а затем служил в кавалерийской дивизии Ураз Хан Сердара (в 1917 г. в чине полковника Ураз Хан Сердар был командиром 4-го эскадрона Текинского полка и помощником командира полка, многие из его подчиненных служили под знаменами своего командира и в Гражданскую войну). В отряде Юсуф Хана Хан Хаджиев участвовал в боях под Байрам Али в мае 1919 года. В том же году он проделал нелегкий путь в Бухару, к тамошнему эмиру, и в Хиву к Джунаид Хану, одному из лидеров местного антибольшевистского сопротивления. В феврале 1920 года остатки войск Закаспийской области эвакуировались морем из Красноводска на остров Ашур-Аде у берегов Персии. При помощи британцев Хан Хаджиев вместе с группой офицеров попал во Владивосток,

добравшись туда, по его собственным словам, через Месопотамию и Индию. Из Владивостока в Китай он эвакуировался только в 1921 году.

Глумление большевиков над телом Корнилова

Большевики торжествовали победу. Известие о гибели Корнилова достигло штаба Сорокина, и тот распорядился проверить, не было ли сделано недавних захоронений в местности, где еще недавно стояла Добровольческая армия. Каковы были результаты этого беспрецедентного поиска тела «мертвого врага»? По материалам Следственной комиссии при командующем ВСЮР, составленным мировым судьей Г.А. Мейнгардом в 1919 году, стала общеизвестна картина глумления большевиков над прахом Корнилова. Когда на Кубани снова воцарилась советская власть, по приказу Сорокина его подчиненные раскопали несколько свежих могил; в одной из них гробокопатели нашли человека с генеральскими погонами на кителе. Женщина, служившая медсестрой в Добровольческой армии, а после отхода добровольцев попавшая в плен к войскам Сорокина, была привезена в Особый отдел фронта для опознания останков. Она пыталась отрицать, что это Корнилов, но нашлись и такие люди, которые подтвердили большевикам обратное. Тело Корнилова было отправлено в Екатеринодар. Сорокин и Золотарев приказали сделать несколько фотографических снимков погибшего. После этого они распорядились сорвать с тела китель и принялись с помощью ординарцев вешать бездыханное тело

на дереве, начали наносить яростные шашечные удары. Искромсав тело Корнилова до неузнаваемости, сильно подвыпившие красные командиры приказали отвезти изрубленные ими останки на городскую бойню, где красноармейцы обложили их дровами и соломой и сожгли. Посмотреть на это приехали все высшие командиры и комиссары, бывшие в городе. Все участвовавшие в кощунстве пили спирт и в сатанинском неистовстве растапывали медленно сгорающий остов. Некоторое время спустя в Екатеринодаре большевистские власти устроили шутовскую процессию «похорон Корнилова». Городские обыватели были обложены по этому случаю «контрибуцией на помин души». Летом 1918 года на месте гибели Корнилова чинами Вооруженных сил Юга России был установлен обыкновенный крест, на скорую руку сколоченный из деревянных планок. Рядом с крестом упокоилась и жена Лавра Георгиевича Корнилова, пережившая мужа на шесть месяцев. Когда в 1920 году на Кубани окончательно установилась советская власть, большевики сломали эти кресты и разорили захоронения Корниловых.

Отход белых от Екатеринодара

И все же спросим себя, был ли необходим штурм большевистской цитадели, и оказались ли жертвы, понесенные Добровольческой армией, напрасными? Последнее сражение у Екатеринодара, данное Корниловым Сорокину в конце марта 1918 года, стоило большевикам только по официально обнародованным Советами

данным 5 тысяч убитых и 10 тысяч раненых. Фактическое их количество было неизмеримо большим.

Однако и обезглавленной Добровольческой армии требовался новый вождь. После гибели Корнилова идеолог добровольчества Алексеев обратился к Деникину: «Ну, Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помогите вам Бог!» В армии был зачитан приказ за подписью Алексеева, состоявший всего из двух параграфов. Первый официально извещал о кончине генерала Корнилова, а второй гласил о вступлении в командование армией генерал-лейтенанта Деникина. Сам Алексеев сначала даже задумался о том, как подписывать этот приказ, ведь до сих пор он, как основатель Добровольческой армии, не придумал себе формальной в ней должности. Романовский посоветовал подписаться просто «генерал Алексеев». «Разве добровольцы не знают, кто вы такой?» — задал Романовский риторический вопрос основателю армии.

А на фронте красные части, не ослабляя давления на левый фланг Добровольческой армии, продолжали теснить добровольцев. Кавалерийская бригада генерала Эрдели едва успевала сдерживать их бешеный натиск. Моральный дух добровольцев был надломлен гибелью Корнилова, и новый командующий дал приказ об отходе. Чинов армии волновал вопрос — куда? На юге был берег реки Кубань, на востоке — не сдавшийся Екатеринодар, на западе тянулась череда болот. Единственным направлением, которое было еще приемлемым для отходящей армии, оставался север. Армия продолжила свой путь в неизвестность. «Впере-

ди — никакой надежды. Строевые части уменьшились до смешного: Корниловский полк сведен в одну роту; с другими полками почти то же; снарядов нет, патронов нет; казаки разбегаются по домам, не желая уходить от своих дел. Настроение тревожное, тяжелое...», — с горечью констатировал участник отхода.

Главной целью этого марша в никуда было вырваться любой ценой и отдалиться от преследования большевиков. Тяжелораненых вместе с денежным обеспечением оставили на попечение медсестер и врача в станице Елизаветинской. Пришедшие следом большевики убили свыше пятидесяти трех добровольцев, и лишь одиннадцати удалось чудом избежать расправы. Офицер, участник боев на Юге России, вспоминал о судьбе раненых и больных товарищей: «Страшно было заболеть тифом. В период наступательных операций раненый и заболевший эвакуировался в больницу ближайшего города. Но при отступлении это была трагедия... Навсегда прощались с ним, зная, что уже больше не увидимся. Среди шедших за нами красных неизбежно были кроважидные звери и садисты. Скроет ли больничный персонал беспомощного белого воина? Была какая-то надежда на сострадание и человечность, но, увы, как часто людская подлость торжествовала!» Акт Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России, составленный чиновниками министерства юстиции в Екатеринодаре 20 марта 1919 года, свидетельствовал о случаях злодеяний красноармейцев в отношении мирного населения, раненых

добровольцев и медперсонала, оставленного ухаживать за ними.

«1-го апреля в станицу Елизаветинскую вступили передовые большевистские отряды, которые отнеслись терпимо к оставленным раненым, но затем по мере подхода других частей, особенно пехоты, раненные подверглись глумлению и избиению, и у них были отобраны деньги... 1-го же апреля начались единичные случаи убийства... Выяснить точное число убитых большевиками в лазаретах станицы Елизаветинской раненых и больных участников Добровольческой армии не удалось, но по показанию одного казака, закапывавшего трупы, он насчитал положенных в могилу 69 тел. Кроме того, тогда же были убиты и две сестры милосердия, из которых одну большевики бросили в Кубань, а другую, совсем молодую девушку, институтку 6 кл (асса) Веру Пархоменко, расстреляли за кладбищем станицы...»

Сестры милосердия и женщины-бойцы в Добровольческой армии

Героизм медсестер в Добровольческой армии был непередаваем.

В дни похода их самоотверженный труд вызывал у добровольцев уважение и восхищение. Немало людей задавалось одним и тем же вопросом: что заставляло этих юных девушек, оставивших свои семьи и дома, следовать за Добровольческой армией, выносить раненых с поля боя, терпеть бытовые неудобства, делить тяготы военных походов с мужчинами, многие из которых уже прошли по военным дорогам долгие три года Великой войны? Военный доктор В.Иляхин-

ский, участник «Ледового похода», вспоминал: «В Добровольческой армии сестер милосердия называли ласково по именам, часто не знали ни фамилии, ни отчества сестры, но по имени сестру часто знал весь полк...» Историю одной из сестер, бывшей ростовской гимназистки Шуры, рассказал повествователь. Она «...подговорила свою репетиторшу, слушательницу Высших женских курсов, и тайком отправилась на вокзал, где в это время готовился к отходу на фронт, в Батайск, эшелон юнкеров и кадет... „Возьмите нас с собой, мы будем перевязывать раненых и ухаживать за больными“. — „А вы умеете?“ — с некоторым сомнением задали вопрос юнкера, видя перед собой двух юных девушек, мало похожих на опытных сестер милосердия. — „О, мы все умеем!“ — „Пожалуйста, садитесь, но чтобы начальство не видело“...»

Так пополнялись походные лазареты армии, и кому-то из добровольных помощниц санитарных частей посчастливилось пережить годы лихолетья Гражданской войны. Многие из этих молодых женщин навсегда остались на полях Гражданской войны, а иным суждено было окончить свои дни вдали от Отечества, за которое они бы без тени сомнения отдавали свои молодые жизни в дни войны. Конечно, подготовка сестер милосердия была не бог весть как высока. В воспоминаниях доктора Иляхинского сохранились его впечатления о первом «боевом крещении» сестры милосердия Шуры, ставшей впоследствии «официальной сестрой» Юнкерского батальона: «Нужно было сделать на лице перевязку раненому. Шура подошла с приготовленным бинтом к юнкеру, но, увидев все лицо в крови, так

испугалась, что начала рыдать навзрыд, и бедному раненому пришлось ее не только успокаивать, но и доказывать, что ранение нестрашное и ему „даже не больно”...»

Не лишним будет напомнить читателю и о том, что первыми сестрами милосердия Добровольческой армии стали дочери ее вождей. Благодарные добровольцы вспоминали о них: «...Дочь Верховного Главнокомандующего генерала Алексеева, Клавдия Михайловна Алексеева, была моим „ангелом-хранителем”, дни и долгие вечера боролась она за мою жизнь. Всегда бодрая, энергичная, она не отступала перед трудностями жизни, и, глядя на нее, верилось в лучшее будущее и в конечную победу. Ее младшая сестра, Вера Михайловна, такая же идейная и целеустремленная, готовая жертвовать всем ради раненого... Третьей добровольной сестрой нашей палаты была дочь генерала Корнилова, Наталья Лавровна. Красавица-блондинка с изумительно нежной кожей и очаровательной улыбкой, открывавшей жемчуг ровных зубов... Наталья Лавровна не скрывала, что она республиканка: „Как и мой папа”, — говорила она, улыбаясь. Эти ее слова приводили в ярость двух лежащих в нашей палате ... ярых монархистов... Оба жаловались Клавдии Михайловне и просили ее устроить так, чтобы Наталья Лавровна за ними больше не ухаживала. (Уже тогда намечался раскол среди приехавших добровольцев, делившихся идейно на „монархистов” и „республиканцев”, ожидавших приезда генерала Корнилова)».

Но среди многих девушек и женщин, приходивших в Добровольческую ар-

мию, были и те, кто работе в лазаретах предпочел тяготы строевой жизни и наравне с мужчинами отправился воевать с красными до последнего. Участники «Ледяного похода» вспоминали в изгнании о некой «княжне Черкасской», как назвала себя одна из неожиданно появившихся у белых девушек. Упоминание о ней встречается у нескольких мемуаристов, но история ее жизни и службы более ясно рассказана лишь у одного из них: «Рассказывали мне и о гибели одного фельдфебеля Юнкерской батареи, которого я не знал. Этим фельдфебелем была молодая девушка, княжна Черкасская. Однажды во второй взвод батареи явилась высокая красивая девушка в кавалерийской шинели и сказала, что она княжна Черкасская, что недавно большевики убили ее отца, мать, брата, и что она хочет стать добровольцем, ездит отлично на лошади и стреляет без промаха. И вот в первых же боях она показала себя не только лихим, но и смелым, распорядительным бойцом, способным понимать обстановку и командовать другими. Ее все полюбили, заботились о ней подчас трогательно, но, к сожалению, не могли удержать ее от боевых порывов. Она как бы искала смерти... И нашла ее под Малаховым курганом, когда два орудия, прикрывая отход пехоты перед сильнейшим противником, готовились уже бить картечью, а она, стоя во весь рост между орудиями, выпускала обойму за обоймой из карабина. Снежная пыль взметалась от пуль, воздух был насыщен свинцовым градом... Сраженная наповал, она упала на снег без стога, — прекрасная русская

девушка, мстившая за свою семью и поруганную родину. Имя ее читалось в синодике Юнкерской батареи и впоследствии в бригаде генерала Маркова».

Отход

Отход Добровольческой армии был не менее трудным, чем путь к Екатеринодару. Части нередко обстреливали казаки, норовя выпустить несколько пуль вслед проходящим их станицы колоннам. Мотивы казачьей мести были не вполне ясны, но в ответ им всегда гремели дружные залпы добровольческих арьергардов. Не вступая в длительную перестрелку, станичники предпочитали затаиваться. Как-то, когда армия проходила железную дорогу, вызванный со станции по телефону тяжелый бронепоезд красных уже на подходе к месту перехода добровольцев открыл залповую стрельбу из установленных на нем морских орудий. Тяжело пришлось замыкающим колонны. Задержав белых под обстрелом, большевики выигрывали время и направляли стрелковые части, атакуя отступавшего противника. Под огнем юнкерской батареи наступавшие, однако, остановились, а бронепоезд дал задний ход и отошел на ближайшую станцию. В штабе армии имелись сведения, что нападения корректируются казаками, решившими таким образом подчеркнуть свою дояльность красным.

Что же происходило в армии и что пытался сделать в те дни ее новый Главнокомандующий? Деникин стремился дезориентировать противника и, сделав ложный маневр, якобы он уводит армию на север, вечером в наступивших сумер-

ках отдал приказ двигаться восточнее, в направлении железнодорожного полотна, к станции Медведковской. Генерал Марков с небольшим отрядом разведчиков пробрался и захватил один из железнодорожных переездов. Позвонив станционному начальству красных и представившись сторожем, он сообщил, что все в порядке и белых нигде не видно. На самой станции стоял один бронепоезд и два эшелона с пехотой красных, а на переезде, в домике станционного сторожа собрался весь штаб Добровольческой армии в полном составе. Красное станционное начальство сказала, что несмотря на внешнее спокойствие, «для верности», к переезду подойдет бронепоезд.

Историограф Марковского полка В.Е. Павлов так описывает последовавшие за этим события: «„Пришлите, товарищи. Оно будет вернее“, — согласился генерал Марков. Немедленно посыпались короткие, твердые распоряжения подехавшим к будке начальникам: „Сейчас подойдет красный бронепоезд. Его мы не должны упустить“, — заявил генерал Марков. Полковнику Миончинскому было приказано одно орудие перевести через полотно железной дороги и поставить на позицию для стрельбы по бронепоезду в упор, в бок ему; другое у переезда, для стрельбы вдоль железной дороги. Полковнику Бонину — сорвать телефонные и телеграфные провода в сторону Екатеринодара; выслать конных подрывников для подрыва железнодорожного полотна... Третье приказание для Инженерной роты — завалить у будки шпалами железнодорожную линию... Слегка шипя, бронепоезд прошел мимо лежа-

щих, рассыпая под себя искры из топки... Генерал Марков давно уже увидел противника и... приготовился. В руке у него ручная граната. Он снял свою белую папаху и пошел навстречу бронепоезду... „Кто на пути?“ — спрашивают с бронепоезда. — „Не видите, что свои!“ — отвечает генерал Марков и, подойдя вплотную к паровозу, бросает ручную гранату в машинистов. Граната взрывается. — „Орудие, огонь!“ — кричит генерал Марков, отбегая от паровоза... Гарнизон бронепоезда защищался героически и погиб полностью. Составляли его матросы. Впрочем, одному из них посчастливилось: он выскочил в тлеющей на нем одежде и натолкнулся на генерала Маркова. Генерал приказал оказать ему помощь...» Марковцы принялись отцеплять от горящего бронепоезда вагоны с боеприпасами. Трофеи Добровольческой армии составили в этот раз 400 снарядов и 100 тысяч патронов... Красные попытались направить эшелон с пехотой к месту недавнего боя, но с платформы захваченного бронепоезда его обстреляли артиллеристы батареи Александра Альфредовича Шперлинга. Эшелон дал задний ход и отошел назад на станцию.

Шперлинг — еще один незаметный герой этого похода. Тепло вспоминали о нем и спустя годы: «Капитан Шперлинг, михайловец выпуска 1914 года, начал выдвигаться еще до Кубанского похода, и скоро его имя, как лучшего артиллериста Добровольческой армии, покрылось славой. Замечательный стрелок, выдержанный и спокойный, он был действительно храбр в бою, никогда не ложился под пулями, никогда не «кланялся» низко про-

летающим снарядам. Незаметный, скромный, молчаливый, он преображался в бою, влияя своим спокойствием и бесстрашием на подчиненных». Война окончилась для него в августе 1920 года, когда в Северной Таврии гремели бои. Кавалер ордена св. Николая Чудотворца, полковник Марковской артиллерийской бригады Александр Шперлинг был убит в бою у разъезда Чакрак.

Бой заканчивался. После того как батарея Шперлинга отогнала эшелон с красноармейцами, генерал Боровский во главе Юнкерского батальона, при поддержке Кубанского полка, атаковал станцию и взял ее после ожесточенной рукопашной схватки. В это время с южного направления приблизился другой бронепоезд красных, однако батареи Александра Альфредовича Шперлинга и Василия Николаевича Биркина открыли по нему ураганный огонь, и железной машине пришлось пятиться назад. Удаляясь, бронепоезд отвечал редкими выстрелами. Теперь добровольцы наконец получили возможность вырваться из кольца и форсированным маршем направились на отдых и пополнение сил в сторону друженно настроенных станций. А.И. Деникин вел армию, меняя маршруты движения, и обманывал разведку красных так, что у преследующих его красных частей не было точной ориентировки движения Добровольческой армии.

Большевистская пресса в те дни писала о разгроме и ликвидации «белогвардейских банд, рассеянных по Северному Кавказу», не совсем точно представляя себе истинное положение дел. Добровольческая армия, оторвавшись от противни-

ка, приняла пополнение и вскоре снова вышла на границу Дона и Ставрополя. Первый Кубанский поход окончился. Начиналась следующая страница белой борьбы на Юге. В боях и маршах, продолжавшихся с редкими перерывами 44 дня, Добровольческая армия прошла в общем свыше 1000 километров, потеряв 400 человек убитыми и около полутора тысяч ранеными, не считая тех, кто был оставлен в станицах до выздоровления. «Ледяной поход» Белой армии породил своих героев и дал начало новым традициям. «Генерал Корнилов задумал, а генерал Деникин осуществил» — так говорили впоследствии участники 1-го Кубанского похода о его командовании. Каждый из 80 дней похода — с 9 февраля по 30 апреля — армия шла в постоянном окружении, голодная и оборванная, и каждый бой этой офицерской армии был ставкой на жизнь или смерть. Никто из офицеров не ждал для себя пощады в случае поражения. Они могли выжить, только составляя армию, и армию побеждающую. Наматывая десятки километров то по заснеженной степи, то по жидкой грязи, переходя по грудь в воде ледяные речки, ночуя в снегу, добровольцы претерпели неимоверные лишения, но стали «первопоходцами» и заслуженно обрели тот ореол мученичества, которым были окружены впоследствии. Большинство этих людей явились потом ядром и душой Белого движения на Юге России, из их числа выдвинулись почти все видные командиры («первопоходниками» были практически все командиры батальонов и полков и большинство командиров рот Добровольческой армии), а многие ря-

довые дослужились до обер-офицерских чинов.

После отхода из Екатеринодара на север около 300 человек осталось в станице Елизаветинской и еще 200 — в Дядьковской. Оставленные в Елизаветинской станице раненые почти все были добиты красными преследователями. При этом 69 человек зарублено топорами. Согласно статистике, из четырех с половиной тысяч участников Добровольческой армии, ушедших в «Ледяной поход» с генералом Корниловым, в живых к 1922 году оставалось менее 300 человек. Остальные погибли на фронтах Гражданской войны.

21 сентября 1918 года в Екатеринодаре генерал Деникин издал приказ № 499, согласно которому «в воздаяние воинской доблести и отменного мужества, проявленных участниками похода, и понесенных ими беспримерных трудов и лишений устанавливался знак Отличия первого Кубанского похода». Им награждались все чины армии, участвовавшие в походе. Список награжденных лиц, считавшийся многими исследователями единственным, хранился в Белграде у полковника К.Н. Николаева, но бесследно пропал в 1945 году. С августа 1939 года Союз Первопоходников принял решение о передаче права ношения знака по наследству. В прошлом году в Россию из Буэнос-Айреса вернулась копия списка первопоходников, заверенная председателем Южноамериканского отдела Союза участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода полковником И.А. Эйхенбаумом. В него оказались внесенными 3799 человек.

Глава II

БОРЬБА НА ЮГЕ (о втором Кубанском походе)

«Дом на Барочной, снега, сугробы,
Счастье, молодость, Степной поход...
А февраль снежит, поет..
Над детьми, над полушубком белым,
Над звездой чернильной на плече,
Над высоким, благородным смелым,
Над словами в красном кумаче...»

Николай Евсеев, донской поэт

Добровольцы на Северном Кавказе

За то время, пока Добровольческая армия пополняла свои резервы и восстанавливала силы, огромная, сосредоточенная на Северном Кавказе Красная армия, выросшая до невероятных размеров за счет оставивших фронт солдат Закавказского фронта, превращалась во все более трудно управляемую даже красными начальниками силу. Так случилось, что к 1918 году на курортах Пятигорска, Минеральных Вод и Ессентуков скопилось свыше 15 тысяч больных и раненых офицеров, солдат и гражданских лиц. Местные советы неожиданно объявили лечившихся людей «резервом Корнилова». Их перестали кормить в санаториях, запретили местным торговцам продавать им любые продукты под угрозой ареста. На-

чавшие голодать больные люди попытались выразить свой протест, но он был неоправданно жестоко подавлен под предлогом борьбы с мятежом «в тылу красных войск». В краткой справке Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главном командующем ВСЮР, посвященной статистике арестов, которые проводили большевики с 1 января по 8 июля 1918 года, говорится следующее: «...Число лишившихся свободы не поддается точному учету, так как полный произвол арестов без регистрации и документально фиксированных распоряжений об аресте, без соблюдения хотя бы гарантий правильности ареста, вызвал отсутствие необходимых сведений. Арестовывать мог каждый красноармеец и рабочий именем советской власти, и арестованные сдавались в различные пункты при советских учреждениях без документа...»

В ходе репрессий большевики Северного Кавказа сделали особый упор на работу с так называемыми «иногородними» крестьянами, становившимися их подручными практически во всех злодеяниях, творимых от имени советской власти. Почти каждый второй крестьянин, проживавший на Кубани, имел статус «иногороднего», то есть не обладающего казачьими привилегиями и правами, а, следовательно, пользующимся меньшими земельными наделами. «Иногородние» освобождались и от финансового бремени расходов на несение военной службы, однако главным в их отношении к казакам было странное понятие своей «земельной ущербности». «Иногородние» стали потому главным оплотом большевиков в деле реквизиций казачьих земель, доставшихся им в качестве награды за участие в борьбе с «буржуазией». Особо жестоко они расправлялись с офицерами, а порой даже унтер-офицерами. Когда не оставалось источников подпитки, большевики направляли «иногородних» на духовных лиц, обещая реквизировать церковные земли. Репрессии против духовенства на Северном Кавказе носили методичный характер. Так, местные советские власти запрещали колокольный звон в храмах, запрещали священникам отпевать и хоронить «контрреволюционеров», поощряли издевательства люмпенов над крестными ходами. Протоколы белогвардейских следователей фиксировали даже такие случаи, когда красноармейцы въезжали в церковь на лошадях, присутствовали в храмах в шапках, часто с папиросами во рту, нецензурно бранились в храмах, как это было в станице

Новокорсунская на Кубани. Достоинством следствия стали многочисленные случаи взлома замков наружных дверей храмов и похищения денег клира и церковных ценностей, как это было в станицах Батуринской и Кирпильской.

Обычной большевистской практикой все чаще становилось повсеместное объявление духовенства «вне закона». Как правило, за этим следовал арест и почти всегда мученическая гибель от рук чекистов или натравленных на священников рядовых исполнителей-красноармейцев. Лиц духовного звания в те дни казнили за любое произнесение проповедей, в которых большевиками мог быть усмотрен хоть малейший намек на осуждение богоборческой власти. Неминуемые расправы следовали и за служение напутственных молебнов проходящим частям Добровольческой армии, за участие в погребении отставных чинов Императорской армии или погибших добровольцев. Причины для расправ над духовенством выбирались совершенно произвольно. Так, в справке Особой комиссии по расследованиям злодеяний большевиков рассказывается об убийстве на площади станицы Вознесенской священника Троицкой церкви о. Алексея Ивлева, прослужившего в этом храме к тому времени 36 лет, за то, что тот происходил из казаков и когда-то служил в лейб-гвардии. Священник станицы Усть-Лабинской о. Михаил Лисицын был убит вообще без повода. Перед убийством красноармейцы накинули ему петлю на шею, водили по станице, гладили и били его, так что под конец он уже сам, падая на колени, просил поскорее с ним покончить. Жене священника пред-

ложили заплатить 600 рублей за разрешение похоронить его. Только в сравнительно небольшом Ставрополе Следственная комиссия при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России собрала многие тома материалов, документально доказывающих убийства 32 священнослужителей, 4 дьяконов и 3 псаломщиков. Но в действительности количество жертв среди духовенства было еще больше...

Казачи становятся под ружье. Новочеркасское восстание

С приходом на Северный Кавказ советской власти репрессиям и гонениям подвергалось не только одно духовенство. Постепенно большевики переместили свое внимание на кубанских и ставропольских станичников и крестьян. Казаки, добровольно сдавшие оружие, пребывали в уверенности, что в обмен на свою лояльность новой власти та ответит сохранением казачьих привилегий и земельных наделов. Большевики не только не демонстрировали добрую волю по отношению к нейтральному казачеству, но при случае стремились жестоко карать любое проявление вольнолюбия или свободомыслия. В ответ казаки начинали восставать, возмущенные разгулом большевистского террора, проникавшего уже не просто в уклад казачьей жизни и ее быт, но посягавшей на духовные устои в самом оскорбительном и варварском виде. В апреле 1918 года пламя восстаний полыхнуло в 11 казачьих станицах в районе Ейска, потом в станице Кавказской и городе Армавире, а затем одна за другой

на борьбу с большевиками поднялись горные станицы Батапашинского отдела. Войсковой старшина А.Г. Шкуро сумел объединить там кубанских казаков в ма-

Генерал-лейтенант В.А. Покровский

лочисленный и неудовимый для большевиков отряд.

14 апреля 1918 года казаки близлежащих к Новочеркасску станиц совершили дерзкий рейд, ворвавшись в город. Четыре дня Новочеркасск оставался в руках восставших, пока подоспевшие красные части не выбили их из города, сопровождая свое возвращение в Донскую столицу волной новых погромов и казней местного населения. Центром консолидации антибольшевистских сил стал отряд генерал-майора Петра Харитоновича Попова, возвратившийся с зимовья в Сальских степях. Части Красной армии двинулись на повстанцев, однако

в эти дни к границам Дона подходила Добровольческая армия А.И. Деникина. Еще на полпути к Дону казаки передали Деникину обращение через высланного для связи подполковника Генерального штаба Владимира Петровича Барцевича: «Дон восстал. Задонские станицы бьют челом Добровольческой армии, просят забыть старое и поскорее прийти на помощь».

29 апреля 1918 года добровольцы выступили на помощь донцам. А.И. Деникин приказал генералу В.А. Покровскому взять четыре сотни казаков и черкесов и идти с разведкой впереди основных частей армии. Как всегда, Покровский сначала попытался возразить Главнокомандующему, сказав, что кубанские казаки вряд ли пожелают биться за интересы донских станиц, в то время как их собственные кубанские земли стонут под игом большевиков, но дипломатичный Деникин заверил Покровского, что в его планы не входит оставление Кубани. Он пообещал, что скоро Добровольческая армия вернется, чтобы закрепиться и на Кубани окончательно. Армия выступила на северо-восток и, вступив в бой с красновардейскими отрядами на Ставрополье, вечером того же дня, разгромив противника, развернулась и двинулась в западном направлении, перешла железнодорожное полотно возле станции Ея и остановилась. Добровольцы-подрывники двинулись вдоль железной дороги, взрывая пути. К рассвету следующего дня появился бронепоезд противника и эшелоны со свежими частями красновардейцев. Высаживаясь из вагонов под огнем добровольцев, они пытались атаковать их, но безуспешно, ибо все по-

пытки большевиков перейти в наступление остановил мощный артиллерийский огонь 1-й добровольческой батареи. Обстрел железнодорожных путей не позволил бронепоезду подойти на приемлемую дистанцию и ответить огнем по добровольческой артиллерии.

Станичные бои

После этого изнурительного боя части Добровольческой армии направились в село Лежанка. В него то и дело прибывали с известиями о новых восстаниях против большевиков казаки окрестных станиц. Выяснилось, что в станицах Кагальницкой и Мечетинской находятся части Красной армии и что там идет расправа над захваченными казаками-повстанцами, теми, кто не успел бежать в дальнюю станицу Егорлыжскую. Деникин распорядился выслать в станицы конный дивизион полковника Петра Владимировича Глазенапа. Затем Главнокомандующий направил бригаду Африкана Петровича Богаевского, Корниловский и Офицерский полки двигаться в обход станиц. Задача этих частей заключалась в том, чтобы, воздерживаясь от прямого столкновения с красными, попытаться охватить их части в станицах с флангов. По некоторым данным, полученным от высланных лазутчиков, командование большевиков сочло начавшиеся передвижения добровольческих частей за общее отступление всей армии. Вознамерившись преследовать «бегущего» противника и подтянув дополнительные силы, большевики выступили на село Лежанку. Бой у Лежанки начался и продолжался двое суток, которые пришлось на

Беликую пятницу и Страстную субботу. Красные части беспрестанно атаковали добровольцев. Каждая их цепь, сметенная контратакой марковцев, сразу же сменялась другой. На помощь Офицерскому полку подходили свежие части, прибывавшие со Ставрополя и Кубани. В ответ на контратаки добровольческих частей артиллерия красных обрушила на них шквальный огонь. Несколько шальных снарядов попало в дом, где располагался штаб Деникина. На находившихся в нем генералов и офицеров посыпалась штукатурка и пыль, поднятая от взрывов.

На следующий день, пришедшийся на Светлый праздник Пасхи, основные силы добровольцев нанесли встречный удар красным войскам, а вышедшие к ним в тыл конный дивизион Петра Владимировича Глазенапа и Партизанский полк ударили столь слаженно и внезапно, что по всему большевистскому фронту наблюдалось беспорядочное бегство красноармейцев и командиров Красной армии. Деникин распорядился передвинуть обоз в станицу Егорлыцкую, чтобы высвободить часть Марковского полка, которая прикрывала ее. Марковцы отправились в штыковую «психическую» атаку, обратившую, как и обычно, красных в бегство. Догонять отступавших устремился конный корпус Ивана Георгиевича Эрдели. Потери полка генерала Маркова составили 80 человек, из которых семеро были в Офицерском батальоне. Инженерная рота потеряла убитыми 8 офицеров и свыше 20 ранеными. В походном лазарете лежало около 160 человек раненых. Командир Офицерского полка полковник Николай

Николаевич Дорошевич был ранен в бою, и по приказу Маркова полк принял полковник князь Иван Константинович Хованский...

Генерал С.А. Марков

Историограф Марковского полка подполковник Василий Ефимович Павлов восстановил в памяти день, проведенный его полком в канун Светлой Пасхи близ станицы Лежанка: «...22 апреля (5 мая), 1-й день Святой Пасхи. Перед рассветом части бригады готовились к возможному наступлению красных, но последние не появились; решили праздновать. Так русские люди, вчера ведшие бой, сегодня отдыхали и отмечали день Святой Пасхи в пятнадцати — двадцативерстном удалении друг от друга».

Отряд полковника Дроздовского

Незадолго до затишья, воцарившегося в пасхальные дни у Лежанки, отряд полковника Михаила Гордеевича Дроздовского пришел на юг России, проделав многоверстный поход из Бессарабии. Отряд разбил оборону красных у Мелитополя, штурмом взял город, а затем стал обходить Таганрог с севера. Дело в том, что в эти дни небольшой приазовский городишко оказался в руках у германских частей. Сделав обход города, дроздовцы вышли к Ростову. Там находились украинские, донецкие и местные красновардейцы и царил «красный террор». В ответ на вспыхивавшие в окрестных станицах восстания красные брали заложников, которые беспощадно расстреливались без суда и следствия. Помимо всего прочего, большевистские отряды совершали налеты на ростовские магазины и склады и безжалостно их грабили. Чувство неминуемого поражения заставило большевиков обрушить свою ярость на местное население. Генерал-майор А.В. Туркул, служивший в описываемое время в отряде Дроздовского в чине капитана, вспоминал: «...В Страстную субботу, 22 апреля 1918 года, вечером, началась наша атака Ростова. Мы заняли вокзал и привокзальные улицы. На вокзале, где от взрывов гремело железо, допались стекла и ржали лошади, был убит пулей на перроне доблестный начальник штаба нашего отряда генерального штаба полковник Войналович. Он первый со своим 2-м конным полком атаковал вокзал. За ним подошла наша вторая офицерская рота. Большеви-

ки толпами потекли на Батайск и Нахичевань...» Большевистское руководство спешно покинуло Ростов с первыми же поездами, и солдаты красных полков, видя бегство начальников, предпочитали сдаваться неожиданно появившимся на улицах города дроздовцам. Подавляя отдельные очаги сопротивления, дроздовцы занимали город без существенного противодействия. Очевидец по прошествии долгого времени вспоминал ту Пасхальную ночь: «...Ночь была безветренная, теплая, прекрасная — воистину Святая ночь. Одна полурота осталась на вокзале, а с другой я дошел по ночным улицам до ростовского кафедрального собора. В темноте сухо рассыпалась ружейная стрельба. На улицах встречались горожане-богомольцы, шедшие к заутрене... Выслав вперед разведку, я с несколькими офицерами вошел в собор... Нас обдало теплотой огня и дыхания живой огромной толпы молящихся. Все лица были освещены снизу, таинственно и чисто, свечами... Мы были так рады, что вместо боя застали в Ростове светлую заутреню, что начали осторожно пробираться вперед, чтобы похристосоваться с владыкой. А на нас сквозь огонь свечей смотрели темные глаза, округленные от изумления, даже от ужаса. С недоверием смотрели на наши офицерские погоны, на наши гимнастерки... Нас стали расспрашивать шепотом, торопливо. Мы сказали, что белые, что в Ростове Дроздовский...»

Казавшийся на первый взгляд многочисленным, отряд Дроздовского без труда растворился в большом городе, преследуя мелкие группы чекистов и пытавших-

ся спрятаться на частных квартирах комиссаров. Из Новочеркасска по телеграфу большевики вызвали на помощь еще несколько эшелонов пехоты, впереди которых был пущен бронепоезд. Свежие силы красных, высадившись, сразу пошли в атаку на город при непрерывной огневой поддержке из орудий бронепоезда. Тотчас между красными и дроздовцами закипел ожесточенный бой. В самый разгар схватки на командный пункт к Дроздовскому прискакали германские уланы из полка, квартировавшего неподалеку от Ростова. Они предложили полковнику свою помощь, но Дроздовский, вежливо поблагодарив посланцев германской армии, отказался принять ее. Под натиском превосходящих сил противника дроздовцы стали отходить к армянскому селу Мокрый Чалтырь. Потери отряда при отступлении составили около ста человек убитыми и ранеными. «В этот день до нас дошли слухи, что в Новочеркасске идет бой между красными и восставшими казаками. Полк выступил в Новочеркасск», — вспоминал один из дроздовских офицеров.

Выступление отряда пришлось как нельзя кстати, — Южная группа казачьего ополчения под командованием полковника Святослава Варламовича Денисова уже штурмовала Новочеркасск. Силы красных были еще велики, и они контратаковали казаков с удвоенной силой. Двое суток шли бои; казаки несли тяжелые потери и начали отступать из города. «Когда мы внезапно показались под городом, он уже почти был оставлен восставшими донцами, державшимися только на окраинах. Красные наступали.

На наступающих двинулась наша кавалерия, бронеавтомобиль и конно-горная батарея. Нас не ждали ни донцы, ни красные. Наша атака обратила красных в отчаянное бегство...» — свидетельствовал А.В. Туркул. Заполучив неожиданно союзников, казаки воспрянули духом и перешли в контратаку. Большевистские цепи дрогнули, и их преследовали и били еще на протяжении 15 километров. На третий день Светлой Пасхи, 25 апреля 1918 года, Новочеркасск был полностью освобожден. Дроздовцы вступали в город, а под ноги им бросали первые весенние цветы от благодарных жителей. Шагавший в колонне молодой обер-офицер Антон Васильевич Туркул вспоминал: «Наш капитан с подчеркнутым щегольством командовал ротой, сверкали триста штыков, и, как говорится, земля дрожала от крепкого шага. — Христос Воскресе! Христос Воскресе! — обдавала нас толпа теплым гулом. — Воистину Воскресе! — отвечали мы дружно... Так и колесили мы в тот день по улицам. Кругом улыбающиеся, заплаканные лица... Нас было мало, но мы должны были проходить так, чтобы наше появление в разных местах города могло создать впечатление, будто бы нас много...»

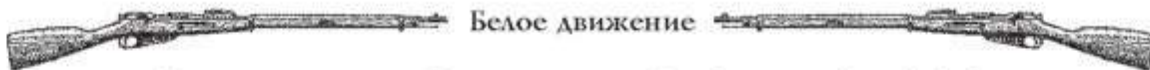
Из Новочеркасска Дроздовский направил донесение Деникину о прибытии своего отряда и добавил, что «в случае необходимости, готов к бою прямо сейчас...» Автор обширного двухтомного труда «Дроздовцы от Ясс до Галлиполи», изданного в Германии в 1975 году, капитан дроздовского полка Владимир Михайлович Кравченко привел яркую характеристику шефа полка: «Нервный, худой пол-

ковник Дроздовский был типом воина-аскета: он не пил, не курил и не обращал внимания на блага жизни. Всегда — от Ясс и до самой смерти — в одном и том же поношенном френче, с потертой георгиевской ленточкой в петлице. Из скромности он не носил самого ордена. Всегда занятый, всегда в движении. Трудно было понять, когда он находил время даже есть и спать... В походах верхом, с пехотной винтовкой за плечами, он так напоминал средневекового монаха Петра Амьенского, ведшего крестоносцев освобождать Гроб Господень. Полковник Дроздовский и был крестоносцем распятой родины...» Он не родился героем в полном смысле этого слова. Напротив, в отрочестве Дроздовского встречалось мало того, что выдавало в нем будущего вождя. Его одноклассник по Киевскому кадетскому корпусу, будущий генерал-майор Добровольческой армии Михаил Милонович Георгиевич, вспоминал: «Чайковский, пробывший некоторое время в должности начальника штаба Дроздовской дивизии, рассказывал мне об ее начальнике — тоже бывшем кадете Киевского корпуса, одним годом старше нас. Оба мы хорошо помнили этого кадета. Наши воспоминания отчетливо рисовали забавную фигуру чудаковатого мальчика — яркого «индейца» по Майн-Риду, сплошь и рядом «в битвах» попадавшего благодаря сильной близорукости в комические, жалкие положения. Как-то не вязались эти детские шалости с нынешним суровым обликом «современного Моисея» — героя подвига «вывода» горсти верных долгу воинов из плена разложившегося Румынского фронта».

Ясская бригада полковника Дроздовского появилась довольно скоро. За короткий срок она собрала под свои знамена 200 бойцов. Как же она начиналась? Увы, но идея добровольчества Румынский фронт не воодушевила. Политическая обстановка там стремительно изменилась лишь с февраля 1918 года. Правительство Румынии было возмущено миром, заключенным большевиками с Германией. В стране была организована антирусская кампания. Румыны разоружали русские части, захватывали их фронтовое имущество. Главком русских армий в Румынии, генерал от инфантерии Дмитрий Григорьевич Щербачев, и официальный глава Управления добровольческих войск, генерал Антонин Киприанович Кельчевский, в такой обстановке решили распустить едва начавшие формироваться добровольческие бригады. На их взгляд, добровольцы не имели возможности пройти в Россию через румынские кордоны и германские оккупационные войска, постепенно занимавшие всю страну. Но Дроздовский решил вести свой отряд, невзирая ни на какие внешние условия. Узнали, что из Измаила пробивается к ним сводная офицерская рота Морской дивизии полковника Михаила Антоновича Жебрака-Рузановича. Вместе с отрядом полковника Жебрака (который принес им свой Андреевский флаг Балтийской дивизии, ставший впоследствии полковым знаменем стрелкового Офицерского полка дроздовцев) дроздовцев было немногим более одной тысячи: 667 офицеров, 370 солдат, 14 врачей, священников и чиновников, 12 сестер милосердия. В авангарде отряда Дроздовского шли кавалеристы под

командой начальника его штаба, полковника Михаила Кузьмича Войналовича. Начальником артиллерии был назначен генерал-майор Николай Дмитриевич Неводовский, инфантерии — генерал Семенов, связи — полковник Гран, интендантства — полковник Абрамов.

Путь отряда до Новочеркасска проходил через реки Буг и Днепр. Дроздовцы с боями прошли Каховку, Мелитополь, Бердянск, Ростов-на-Дону. «А на дворе был май. Все так легко, светло: дуновение ветра в акациях, солнце, длинные тени на провинциальном бульваре, мягком от пыли, стук калиток, молодой смех, далекая военная музыка и вечерние зори с „церемонией“, торжественное „Коль славы“», — вспоминал молодой капитан Туркул. На волне небывалого общественного подъема в отряд Дроздовского стали поступать новые добровольцы, приходившие в Ростов отовсюду. Первыми среди них были новочеркасские кадеты и студенты. Кроме представителей донской учащейся молодежи, в отряд шли потерпевшие некогда поражение в Бердянске повстанцы «Союза увечных воинов», а также те кадровые офицеры, которые смогли перейти фронт и пробиться на Дон самостоятельно. Все это позволило развернуть отряд в три батальона.

Спустя неделю после занятия города дроздовцами новым Донским атаманом был избран генерал от кавалерии П.Н. Краснов. Он предложил полковнику Дроздовскому вступить в ряды Донской армии и развернуть отряд под новым названием «Донской пешей гвардии», однако Дроздовский решил вести свое соединение численностью в 2000 человек

в район боевых действий Добровольческой армии. Краснов считал, что по причине развала Российской империи Дон должен стать самостоятельным государством, независимость которого гарантируют германские союзники. С ними уже в ближайшем будущем Краснов надеялся заключить перемирие. Кроме того, он отдал приказ готовить проект соглашения с германцами об охране донских границ от большевиков. Все эти действия атамана были глубоко чужды Дроздовскому, ибо он всегда оставался монархистом и державником. Михаил Гордеевич справедливо полагал, что части Русской армии, к которым он причислял и свой небольшой отряд, ведут борьбу за сохранение России единой и неделимой, а потому никогда не участвовал в растаскивании державы на мелкие удельные области.

Атаман Краснов

Петр Николаевич Краснов помышлял лишь о том, чтобы в созданном им Донском государстве поскорее ввести все атрибуты, присущие суверенной державе, а главное, принять свод законов об атаманской власти, дабы не повторять ошибок покойного Алексея Максимовича Каледина. Печальный пример погибшего атамана, которому демократическое «коллегиальное управление» Дона не давало ступить ни шага, был еще свеж в памяти у многих, в том числе и у Краснова. Противовесом подобного рода власти он считал власть духовную, а потому предполагал создание закона о вере, в котором наряду с законодательно закрепленным главенством православной веры гражда-

нам Донского государства разрешалось бы отправление богослужений иных исповеданий. Кроме того, в свод законов должны были войти акты о правах и обязанностях казаков и граждан, о флаге, о гербе и гимне. Будучи всю свою жизнь убежденным антисемитом, на заседании Казачьего круга Краснов заявлял: «...Вы можете предложить мне другой флаг, кроме красного, любой герб — кроме еврейской пятиконечной звезды или иного масонского знака, и любой гимн, кроме Интернационала». Все эти законы были Кругом приняты и в ходе долгих обсуждений даже учреждено новое государство — Всевеликое Войско Донское. Согласно законодательству этого «суверенного государства», у находящихся в Новочеркасске чинов дроздовского отряда появился статус иностранных подданных. А так как Россия в то время все еще находилась в состоянии войны с Германией, Краснов поспешил заверить своих германских союзников, что русские офицеры находятся в его государстве временно и скоро обязательно покинут его пределы. Атаман Краснов направил «правительственную» телеграмму германскому императору Вильгельму II, сообщив ему о своем избрании и делая заверения Его Величеству, что Всевеликое Войско Донское, как новый субъект международного права, не считает себя находящимся в состоянии войны с Германией. В отдельном послании атаман просил германцев о предоставлении помощи оружием для борьбы с местными большевиками и предлагал поскорее установить торговые отношения. В следующем своем послании к Вильгельму II Краснов попросил

монарха, чтобы Германия, по мере освобождения от большевиков Кубанской, Терской и Астраханской областей, признала суверенитет Великого Войска Донского, а также и независимость от России всего Северного Кавказа. Послание завершилось уверением в том, что Германия смогла бы выступить посредником на переговорах Всевеликого Войска Донского с большевиками в Москве и посодействовала установлению мирных отношений с ними. Краснов обещал соблюдение нейтралитета с Германией и недопущение на Донскую территорию «враждебных германскому народу» вооруженных сил. Как и следовало ожидать, все телеграммы и письма Краснова были благожелательно приняты германским монархом в Берлине. Германские власти признали Дон и ускорили ему поставку вооружений в обмен на сельскохозяйственную продукцию. В Ростове с одобрения Краснова образовалась так называемая «Донно-Германская экспертная комиссия по товарообмену».

Из Новочеркасска в Мечетинскую с Дроздовским

Последние дни дроздовского отряда на Дону трогательно запечатлены мемуаристом Туркулом: «Это было в конце мая. Нашим юным хозяйкам, новочеркасским институткам, мы дали прощальный бал... Я не забуду полонеза... не забуду белые бальные платья институток, такие скромные и прелестные, и длинные белые перчатки — впервые на девичьих руках... В полночь на балу случилось замешательство: начальница отослала в спальни млад-

ших воспитанниц. Оркестр умолк. Никогда мы не видели полковника Жебрака таким виноватым и растерянным. Он просил начальницу нарушить институтские правила и разрешить малышам остаться. Просил начальницу и я. Начальница слегка улыбнулась и внезапно разрешила все воспитанникам остаться еще на несколько танцев. Светлее стали огни, обрадовался оркестр. Вся наша молодежь страшно бережно, ступая немного пожуравлиному, водила в танце малышкой, едва перебирающих туфельками, еще заплаканных, но уже счастливых. Все мы с застенчивой печалью слушали детский смех на нашем последнем балу». А 9 июня 1918 года уже Михаил Васильевич Алексеев растроганно приветствовал проходящих перед ним церемониальным маршем дроздовцев в станице Мечетинской: «Спасибо вам, рыцари духа, пришедшие издалека, чтобы влить в нас новые силы!» В своей краткой речи, обращенной к вливавшемуся в Добровольческую армию отряду, генерал Алексеев вспоминал, что к началу смуты в Русской армии насчитывалось до четырехсот тысяч офицеров. И, добавил он, если придет, откликнувшись на его призыв, лишь десятая часть их, а к ним добавится шестьдесят тысяч солдат, то это коренным образом сможет повернуть весь ход Гражданской войны. А стотысячной армии будет достаточно, убежденно говорил Алексеев, чтобы спасти Россию. Слушавший Алексева Деникин сокрушенно размышлял: «...В душу закрадывалась грустная мысль: почему их только три тысячи? Почему не 30 тысяч прислали к нам умиравшие фронты великой некогда Русской армии?» В двух

станциях, Мечетинской и Егорлыкской, собралось тогда все, что осталось лучшего от императорской армии — добровольческие части, только что испытывавшие все тяготы первого Кубанского похода, и преодолевшие тысячеверстный переход чины армии с Румынского фронта, не считая постоянно примыкавших к армии казаков. Дроздовцы влились в ряды добровольцев вовремя. За две недели до этого, по поступившим в штаб Деникина разведанным, на перегоне Ростов — Тихорецкая начало скапливаться значительное количество эшелонов с боеприпасами и обмундированием, предназначенных для многочисленных красных частей.

Добывание боеприпасов

Добровольческая армия пребывала в состоянии постоянной острой нехватки вооружений и даже военной формы. Ее новому Главнокомандующему Деникину виделся для армии лишь один выход пополнить запасы боеприпасов и приодеться — ударить по месту скопления эшелонов с важными стратегическими грузами и овладеть ими. Недолго думая, по армии был оглашен приказ о новом выступлении в поход. Построившись в три колонны, 8 мая 1918 года добровольцы вышли на Кубань. Утром следующего дня части генералов Маркова, Эрдели и Богаевского атаковали железнодорожный перегон Тихорецкая — Ростов в районе станций Ново-Леушковская, Крыловская и Сосыка и после ожесточенных боев заняли их. В стоявших на железнодорожных путях эшелонах они захватили разнообразные грузы, в том числе и боеприпасы. Отходя,

подрывники-марковцы повредили железнодорожные пути. Услышав взрывы, красные, находившиеся на близлежащих станциях, срочно стали передавать по телеграфу «о неожиданном ударе белых». Красногвардейцы слали противоречивые и панические телеграммы о захвате эшелонов на соседних станциях и взрывах путей и даже заставили собственные штабы предположить новое массированное наступление добровольцев. В спешном порядке к станциям, откуда не переставая телеграфировали о помощи, подтянулись значительные силы Красной армии. Добровольцы не стали рисковать и без боя удалились с трофеями назад, в Егорлыцкую и Мечетинскую, в которых, спешно переобмундировавшись и раздав оружие, они приобрели утраченный лоск.

Тыл и политические течения в рядах Добровольческой армии

Штаб Деникина разработал ряд необходимых шагов по упорядочению тыла. Для придания добровольческим полкам большей мобильности, лазареты из двух станций было решено направить в освобожденный Новочеркасск. Деникин объявил о разрешении коротких отпусков чинам армии. Марков, выступая перед своими офицерами, часть которых робко подавала рапорты об отпуске, занял, однако, жесткую позицию. Вот что пишет В.Е. Павлов: «Вот здесь лежат несколько рапортов. Их подали некоторые из чинов моей бригады. Они устали... желают отдохнуть, просят освободить их от дальнейшего участия в борьбе. Не знаю, может

быть, к сорока годам рассудок мой не понимает некоторых тонкостей. Но я задаю себе вопрос: одни ли они устали? одни ли они желают отдыхать? И где, в какой стране они найдут этот отдых? А если, паче чаяния, они бы нашли желанный отдых, то... за чьей спиной они будут отдыхать? А если после отдыха они пожелают снова поступить в армию, то я предупреждаю: в свою бригаду я их не приму. Пусть убираются на все четыре стороны к чертовой матери...» Несмотря на жесткую выраженную позицию своего командира, офицеры-марковцы с неослабевающим интересом продолжали засыпать его вопросами о положении дел в тылу, о том, принимать ли предложения от армий новообразованных и зачастую марионеточных государств, предлагавших некоторым из них службу в своих рядах... Не спеша, словно бы размышляя, Марков отвечал: «Что дадут офицерам, пошедшим на службу в какие-то татарские и иные армии, несуществующие государства? Хотите хватать чины? Пожалуйста, обгоняйте меня, но я как был произведен в генерал-лейтенанты законным Русским Монархом, так и останусь им до тех пор, пока не явится законный Хозяин земли Русской...»

Говоря о положении дел в тылу, Марков подчеркнул, что лично ему непонятны те случаи, когда ростовские дельцы давали 400 рублей на Добровольческую армию генералу Алексееву, а следом выплачивали миллионы рублей большевикам после того, как добровольцы оставляли город. «Наша гуманность погубит нас! — добавил он, немного подумав, — в таком случае приходится не просить, а требо-

вать, тогда и результат войны будет другой...» Чины марковской бригады не отпускали своего командира несколько часов. В результате был снят вопрос о сроке службы в Добровольческой армии: служба становилась бессрочной и могла кончиться лишь в случае освобождения страны и установления в ней порядка. Все офицеры, подавшие рапорты об уходе из армии, за несколькими исключениями, забрали их назад. Чувство недоговоренности пропало. Люди чувствовали себя истинными защитниками традиционных ценностей империи — самодержавия и православной веры.

В таком политически разнородном организме, как Добровольческая армия, далеко не все придерживались монархических убеждений. Таковых, по сути, были единицы. Значительная часть добровольцев исповедовала либеральные ценности, еще какая-то часть считала, что России необходима парламентская республика, как единственно прогрессивная форма правления. На этой почве и получались конфликты: монархисты не желали служить в одном батальоне с «социалистами», а те, кто видел оплот монархизма в образовавшемся Всевеликом Войске Донском, счел неприемлемой службу в армии, стоявшей за Учредительное собрание. Человек либеральных воззрений, Главнокомандующий писал в своих воспоминаниях о тех трудностях, с которыми он столкнулся, когда его ближайший боевой товарищ попал под подозрение за свои леворадикальные взгляды, несосторожно высказанные в присутствии монархистов: «...Время от времени в различных секретных донесениях, в которых

описывались настроения армии и общества, ставилось рядом с именем начальника штаба (Романовского. — *Авт.*) слово „социалист“. Нужно знать настроение офицерства, чтобы понять тяжесть обвинения, которая ложилась на Романовского. Социалист — олицетворение всех причин, источник всех бед, стрясшихся над страной...»

Политические разногласия в армии не сгладились до ноября 1920 года, но тогда в кубанских степях они все же отходили на второй план, а на первом для всех была долгожданная победа над большевизмом. Казалось, еще одно усилие, — и дело сдвинется с мертвой точки, Юг восстанет, а отсюда пламя добровольчества перебросятся на северные территории и на восток. Ожидание победы совпало с всепообеждающей силой весны, неповторимым цветением степи, теплым воздухом и черным бархатом неба по ночам и ослепительным солнцем днем. После февральских и мартовских выюг, снегов и бездорожья в ежегодном воскрешении природы всем хотелось видеть добрый знак и залог грядущих побед.

Весенний поход

Уверенность в правоте Белого дела среди добровольцев заметно возросла, и дисциплина, вещь столь необходимая любой армии, усилилась и наконец полностью воцарилась во всех частях. Численность армии, в которую вновь потянулись добровольцы и казачьи отряды, стала увеличиваться. Наблюдая этот приток свежих сил, все снова воспрянуло духом. 10 мая 1918 года казачьи разъезды принесли

весть, что со стороны станицы Великокняжеской вышел большой отряд красноармейцев. По пути он начал теснить Донской отряд к западу, что создавало угрозу добровольческому тылу и утере связи с Новочеркасском. Деникин и Романовский приказали генералу Маркову выступить в северо-восточном направлении, взяв под особый контроль стратегически важную переправу — мост через реку Маныч. Штаб пообещал снабжать марковцев всеми необходимыми данными, получаемыми от военной разведки. Однако информация, которая пришла к Маркову от штабных, заставила генерала ошибочно нанести удар не в тыл противника, как полагал сам генерал, а ввязаться в бой с главными силами красных. Эти отборные части были готовы к бою и сумели в ожесточенном сражении не только отстоять переправу, но и нанести большой урон марковцам, потерявшим несколько десятков человек. Когда изрядно потрепанный полк вернулся в Егорлыкскую, у генерала произошло объяснение с чинами штаба и Главнокомандующим, ожидавшими от него полного разгрома красных. Деникин так описывает эту ситуацию: «...Высокую дисциплину в отношении командования проявили генерал Марков и полковник Кутепов. Но и с ними были осложнения... Марков после одной небольшой операции в окрестностях Егорлыкской усмотрел в сводке, составленной штабом, неодобрение его действиям, прислал мне рапорт об увольнении своем от службы. Разве возможен был уход Маркова? Генерала легендарной доблести, который в боевом активе армии был равен целой дивизии... Поехал Иван Павло-

вич (Романовский. — *Авт.*) в Егорлыкскую к своему близкому еще со времен молодости другу извиняться за штаб...»

Донской «Ренессанс»

Время шло, а марковцы и дроздовцы, равно как и иные части Добровольческой армии, по сути боролись за свое существование, чтобы хоть как-нибудь поддержать, казалось, всеми забытую, потерявшуюся в степях армию. Необходим был подход совсем иного свойства, и штаб Деникина искал направление для удара; наконец было не признано целесообразным начать переговоры с правителем близлежащего Всевеликого Войска Донского — генералом от кавалерии П.Н. Красновым. Став атаманом, генерал развил активную деятельность по развитию инфраструктуры и экономики казачьего государства. Войска ВВД составляли на середину 1918 года 17 тысяч человек; свои полки выставляла каждая станица. Были приняты на военную службу «иногородние» крестьяне, за что им жаловалось от лица атамана казачество и выделялась земля, а также брошен призыв к офицерству о возвращении в Донскую армию. Это укрепило иерархическую структуру и сделало возможным формирование казачьих полков по принципам, принятым в Императорской армии. Были созданы штабы при донских войсковых соединениях, и новая Донская армия не замедлила явить своих героев — генерала Константина Константиновича Мамантова, полковника Адриана Константиновича Гусельщикова, генерала Святослава Варламовича Денисова, опытного бойца, генерала Ивана Георгиевича Фиц-

хелаурова, столь удачно воевавшего против красных частей Щаденко. На Дону стараниями Краснова ввели военно-полевые суды и объявили о мобилизации пяти возрастов. Станичные пополнения сводились по несколько в номерные полки, конница и артиллерия выделялись в конные и артиллерийские бригады, дивизии и корпуса. Казаки 1899—1900 годов рождения определялись Красновым в особые военные формирования, получившие названия Молодой армии. На нее атаман возлагал особые надежды, ибо надеялся воспитать молодое пополнение в православно-самодержавном духе, свободными от крайностей революционной пропаганды, которой были значительно поражены казаки, вернувшиеся с фронтов Великой войны. По замыслу атамана эта армия могла стать будущим ядром кадровой армии Дона, ее гвардией в истинном смысле этого слова.

Наряду с сухопутными силами создавался и собственный флот, составленный из оставшихся маневренных пассажирских судов. Они обшивались стальными листами и на них устанавливались легкие орудия и пулеметы. В Таганроге из моряков Азовской флотилии был даже сформирован батальон береговой защиты. К лету 1918 года в составе Донского флота находились 3 морских и 5 речных судов, готовых к выполнению различных тактических задач. В Новочеркасске открылось военное училище с рядом профильных направлений обучения, традиционных для военных училищ прежних лет, выпускавшее пехотинцев, артиллеристов, инженеров и кавалеристов. В короткий срок были открыты авиационные и

офицерские школы. Заново открыт Донской кадетский корпус для детей воинов, павших в Великой и Гражданской войнах. По соглашению с Германией, Донское правительство получило некоторое число боеприпасов: 11 тысяч винтовок, 44 орудия, 88 пулеметов, 100 тысяч снарядов и десяток миллионов патронов. Для пошива форменной одежды была вновь пущена суконная фабрика, военно-ремесленные школы продолжили выпуск погон, фуражек, кокард, пуговиц и обуви для Донской армии. Петр Николаевич Краснов распорядился внести дополнения и исправления в уставы и наставления бывшей Императорской армии — для подготовки их новых изданий с учетом практического опыта Великой войны и для внедрения их в повседневную жизнь Донского войска.

Именно с Красновым и было необходимо начинать переговоры, ибо из всех существовавших на Дону сил, включая германские, Донская армия для добровольцев оставалась наиболее естественной и близкой по задачам союзницей. Прогерманская ориентация Краснова, однако, существенно отягощала взаимоотношения штаба Деникина и Донского атамана. Генерал А.П. Богаевский подверг резкой критике заигрывания избранного атамана с германцами. Его стараниями первое письмо Краснова германскому императору было опубликовано и вызвало возмущение в военной и политической среде, а Кубанская Рада, упомянутая в этом письме как единомышленница, поспешила от него отказаться.

Однако экономические соображения

взяли верх над политикой, и Деникин попросил генерала Алексеева 15 мая 1918 года отправиться на встречу с Красновым, в которой помимо них приняли участие кубанский генерал Александр Петрович Филимонов и генерал Африкан Петрович Богаевский. Встреча проходила в станице Манычская. Переговоры с Красновым иронически были прозваны в Добровольческой армии «Тильзитом». Едва идеолог Белого движения перешагнул порог дома, где ожидал его Краснов со свитой, атаман сразу же сделал заявление, что он не в состоянии разрешить казакам полностью влиться в добровольческие вооруженные формирования, поскольку это может найти негативный отклик в Германии, отношениями с которой Краснов подчеркнуто дорожил. Более того, добавил он, размещенные по соседству с территорией ВВД германские части, ввиду такого поворота событий, могли бы расценить слияние двух армий как потенциально опасное для себя, а провоцировать какие-либо вооруженные столкновения с германцами Атаман не желал. На простой вопрос Алексеева — «что же делать?» — Краснов предложил: «...Дон даст средства, но тогда Добровольческая армия должна подчиниться мне». «Добровольческая армия, — парировал Алексей, — не нанимается на службу. Она выполняет общегосударственную задачу и не может поэтому подчиниться местной власти, над которой довлеют областные интересы». Краснов как ни в чем не бывало предложил добровольцам двинуться в направлении Царицына, однако практическую цель подобного марша Алексей не уловил, хотя искренне пытал-

ся понять суть предлагаемого Красновым плана. Атаман пояснил, что, придав Добровольческой армии донские части, стоявшие в Нижне-Чигирском и Великокняжеском районе, он хотел бы направить ее в Саратовскую губернию, где против большевиков начинались массовые волнения. На волне народного гнева, продолжал он, можно отбить у коммунистической власти контроль над артиллерийскими складами и заводами, закрепиться в Центральном промышленном районе и получить выход на воссоединение с уральскими казаками атамана Александра Ильича Дутова.

При всей масштабности замысла Краснова, Алексей понимал, о чем он и сказал Донскому атаману, что существует несколько соображений, по которым этот блестящий план на данный момент неосуществим: в тылу у добровольцев при их движении навстречу дутовским казакам останется 200-тысячная Красная армия, дислоцированная на Северном Кавказе. Случись этой силе ударить в тыл наступавшим на Царицын добровольцам, зажатая меж двух огней армия может легко погибнуть. Далее, указал Алексей, Главнокомандующий Добровольческой армии некогда дал слово кубанцам, сражавшимся в его армии, что вернется на Кубань и поможет им очистить свою землю от большевиков. Кроме того, помня союзнические обязательства перед Антантой, Главнокомандующий Добровольческой армии считал преступлением этим походом расчищать для германских частей дорогу к Волге, ибо тем самым на фланге Восточного фронта создавалась вероятная угроза удара по соединениям

Антанты. Кроме того, объективно говоря, Добровольческая армия еще не была готова ко второму значительному походу по чисто техническим и человеческим соображениям: люди нуждались в отдыхе, требовалось переформировывать части с учетом влившихся отрядов и отдельных войсковых подразделений белых ополченцев, партизан, казаков. Краснов понимал доводы Алексеева, придерживаясь принципа «худой мир — лучше доброй ссоры», однако от дальнейших встреч обе стороны уклонялись. Дальнейшее общение их друг с другом свелось к переписке.

С миру по нитке...

Штаб Деникина перешел к разработке нового удара, нацеленного на Кубань, дав около четырех недель армии для того, чтобы восстановить силы и укрепить боевой дух перед новым походом. Кроме того, Алексей решал и чисто финансовые вопросы обеспечения армии. 30 июня 1918 года он писал Деникину, что если ему не удастся достать 5 миллионов рублей на следующий месяц, то через 2—3 недели «придется вопрос о ликвидации армии поставить бесповоротно...» Вопросы финансового обеспечения в те дни стояли остро, как никогда. Подпольные центры в Москве не давали армии ни копейки. Антанта после долгих колебаний через подпольный координационный «Национальный центр» в Москве выделила Добровольческой армии кредит в размере 10 миллионов рублей, оказавшийся первой и последней финансовой помощью, поступившей Деникину. Любопытно, что для получения этого кредита, ко-

торого едва хватило на полутора-двухмесячное содержание добровольцев, представитель «Национального центра» был вынужден буквально выпрашивать наличные у руководителей ростовских коммерческих банков. Деникин отмечал: «Все капиталисты, а также частные банки держатся выжидательной политики и не очень уверены в завтрашнем дне». Главнокомандующий писал, что даже несмотря на невероятно бурную деятельность генерала Алексеева, существование армии из-за постоянного нежелания банков предоставлять кредиты буквально висело на волоске. Он, в частности, описывал то чувство безысходности, которое нередко овладевало Алексеевым, пытавшимся обеспечить частям добровольцев сносное существование: «Бывали минуты, когда казалось, что все рухнет, и Михаил Васильевич с горечью говорил мне: „Ну что же, соберу все свои крохи, разделю их по-братски между добровольцами и распустию армию“...»

Не лучше обстояло дело и с амуницией и боеприпасами. Трофеи, привезенные Дроздовским из Ясского похода, — несколько тысяч снарядов и около миллиона патронов, показались сначала Деникину сказочным богатством. Несколько полевых пушек, 2 мортиры и одна гаубица составляли целый артиллерийский парк! Отбитый у большевиков броневомобиль «Смерть кадетам и буржуям!», пострадавший во время его захвата, был отремонтирован инженерными офицерами и переименован в «Генерала Корнилова». Он оказался важным дополнением к имеющимся трем броневомоби-

лям — не вполне исправному «Добровольцу», «Верному» и «Корниловцу». В составе дивизии под командованием Маркова имелась и своя авиационная эскадрилья, которую составляли три старых аэроплана, полученных от немцев, и еще одного — от русских летчиков, бежавших из Киева. Были пересмотрены вопросы передвижения с большими обозными частями. Зачастую они не только сковывали армию во время маршей, но и невольно создавали особую тыловую среду. Обычно туда прибывались разные посторонние люди, жившие своей собственной жизнью и не желавшие участвовать в боевых действиях, но претендовавшие на равное довольствие и считавшие себя частью армии.

Главкомандующий был вынужден издать приказ о регламентации статуса обоза: «В то время, когда рядовые бойцы, истекая кровью, защищают каждый шаг армии, есть и такие, которые малодушно скрываются в обозе, предавая находящихся впереди. Замечено также, что при обозе ездят люди, не занимающие никаких должностей в армии и только отягчающие ее передвижение. Поэтому приказываю: 1) всем лицам, ведущим самостоятельное существование, такое прекратить, вступив в строевую часть армии; 2) назначаю комиссию под председательством генерала Маркова для проверки всех находящихся в обозе; 3) всех уклоняющихся, а равно не желающих вступить в армию вопреки моему приказу, вывести за околицу и плетью отогнать в сторону противника».

Основной противник добровольцев — Северо-Кавказская Красная армия —

была хорошо вооруженной силой, однако имела и свои слабые стороны, прежде всего плохую подчиненность стратегам большевизма в Москве и Петрограде.

Красные главкомы: Автономов и Снесарев

С точки зрения географии, Добровольческая армия располагалась на территориях самопровозглашенных республик: Ставропольской, Терской, Кубанской и Черноморской. Это осложняло ее взаимоотношения с представителями местных властей, полагавшими себя единственно правомочными общественными институтами, в чьей компетенции было решать вопросы взаимодействия с «внешними» вооруженными силами на своих землях. Главкомандующий красных Автономов и поддерживавший его Сорокин находились в состоянии постоянной политической борьбы с ЦИК Кубанско-Черноморской республики. Обе стороны издавали многочисленные воззвания и приказы по подчиненным им частям Красной армии, и при этом содержали резкие выпады друг против друга. Московское большевистское правительство решило эти разногласия путем перевода Автономова в «почетную ссылку» инспектора и организатора войсковых частей Северного Кавказа. Вместо Автономова московская власть временно назначила перешедшего к красным генерал-майора Генерального штаба Андрея Евгеньевича Снесарева, расположившегося в Царицыне. В Царицыне, где стояло тогда командование Северо-Кавказского округа, Снесарев ходил в царской генеральской фор-

ме с погонами, шокируя этим красных командиров и комиссаров. «Погоны — знак военных заслуг перед Отечеством, — говорил он. — К тому же меня никто не

Красный Главком А.И. Автономов

разжаловал». Здесь Снесарев крепко конфликтовал с Ворошиловым и Сталиным. Генерал писал в одной из своих докладных: «Лично т. Ворошилов как войсковой начальник не обладает достаточно нужными качествами... он недостаточно проникнут долгом службы и не придерживается элементарного правила командования войсками, почему скорее он подлежал бы удалению с занимаемой должности...» Но назначение Ворошилова было делом сугубо политическим, и к пожеланиям Снесарева не прислушались. Кроме того, фактическое руководство пе-

редали в руки бывшего штабс-капитана царской армии Фридриха Карловича Кальнинша, латыша по национальности, обосновавшегося со своим штабом в Тихорецкой. Ивана Лукича Сорокина большевики было объявляли «бандитом и провокатором», однако оставили в покое до дальнейших распоряжений.

Во Втором Кубанском походе

Силы Добровольческой армии, выступавшей в свой 2-й Кубанский поход против 250-тысячной Северо-Кавказской Красной армии, насчитывали 9 тысяч человек. В апреле 1918 года на Северный Кавказ прибыл Андрей Григорьевич Шкуро, осложнив своим приездом общую ситуацию для большевиков. Признать его серьезным противником большевики, впрочем, не торопились. Оказавшись в Петровске-Порте, столице Горской республики, Шкуро вместе с Хоперским полком отправился в эшелонах через Чечню в Терскую область. Позже он написал о нравах чеченцев, которые и тогда не слишком отличались от нынешних: «Там, где еще недавно стояли цветущие русские села, утопавшие в зелени богатых садов, теперь лежали лишь груды развалин и кучи обгоревшего щебня. Одиравшие собаки бродили и жалобно выли на пепелищах и голодные терзали раскиданные всюду и разлагавшиеся на солнце обезглавленные трупы русских поселян, жертвы недавних боев». Часто казакам приходилось пробиваться на Терек под градом пуль горцев, причем «двигаться с величайшими предосторожностями, постоянно исправляя путь, и часто с рассыпанной впереди цепью казаков,

выбивавших из засад преграждавших дорогу горцев».

В преддверье 2-го Кубанского похода и во время него штаб Деникина составляли четыре генерала: Иван Павлович Романовский, Сергей Михайлович Трухачев, Мальцев и Николай Дмитриевич Неводовский. Армия имела в своих рядах 4 дивизии под командованием генералов Сергея Леонидовича Маркова, Александра Александровича Боровского, Михаила Гордеевича Дроздовского и Ивана Георгиевича Эрдели и одну 1-ю Кубанскую казачью бригаду, возглавлявшуюся генералом Виктором Леонидовичем Покровским. К армии был также причислен и отряд донского ополчения полковника Исаака Федоровича Быкадорова в 3 с половиной тысячи штыков и при 8 орудиях. Направление главного удара Деникин перенес на восток, на село Торговое, где располагалась одноименная узловая станция. С западной части станцию атаковали батальоны Дроздовского. «Под огнем красных два наших батальона лежали под селом в цепи. Огонь был бешеный, а солнце немилосердно жгло нам затылки. Дали сигнал готовиться к атаке. Вдруг мы все увидели, что к нам в цепь скачут с тыла три всадника... С веселым изумлением мы узнали полковника Жебрака... Командир дал шпоры и вынесся вперед, за цепи. Он круто повернул к нам коня. Два батальона смотрели на него с радостным восхищением. „Господа офицеры! — бодро крикнул Жебрак. — За мной, в атаку! Ура!“ — и поскакал с ординарцами вперед. Все поднялись; три всадника вспыхивали на солнце. Мы захватили село Торговое с удара». С юга на Торговую устре-

милась на штурм дивизия Александра Александровича Боровского, а с востока ударили кавалеристы Ивана Георгиевича Эрдели. В образовавшийся «северный коридор» бросились запаниковавшие красные части. В своем лихорадочном отходе красноармейцы бросали артиллерию и обозы, чтобы облегчить скорость своего отступления, но именно в северной части села они натолкнулись на ждавшую их дивизию генерала Маркова, которая вышла на железнодорожный рубеж у станции Шаблиевка.

Гибель генерала Маркова

В завязавшемся бою на помощь к красным пришел один из бронепоездов, остановившийся у моста и открывший огонь по цепям кубанских стрелков дивизии Маркова. «Генерал Марков должен видеть поле боя, должен видеть противника, его бронепоезд и красных, оставляющих свой подбитый эшелон, о чем ему доложили. Он взбирается на крышу одного сарая, где батарея устраивает свой наблюдательный пункт... Выслушав доклад о положении у станции Торговая... он спешит опять на окраину хутора. Рвутся снаряды красных... Один из вражеских снарядов упал с левой стороны, шагах в трех от Маркова. Раздался взрыв, и генерал Марков как подкошенный свалился на землю. Рядом — его белая папаха...»

На занятой после боя станции части Добровольческой армии пополнили запасы боеприпасов. Там же обнаружили эшелон, оснащенный пулеметами, с платформами, укрепленными мешками с песком. Добровольцы, недолго размышляя,

превратили его в подобие «бронепоезда». «Блиндированный поезд», в терминологии того времени, можно было использовать для заслона на пути красных в южном направлении. Большевистские армии могли продвигаться по единственной существовавшей тогда железнодорожной магистрали Царицын — Екатеринодар. Эта стратегически важная железнодорожная ветка связывала центральные регионы России с югом, и для большевистских армий она оставалась главной транспортной артерией, чтобы поддержать свои войска на юге».

Цена этой важной для добровольцев победы оказалась, впрочем, достаточно большой: гибель Сергея Леонидовича Маркова, приравненного Деникиным к полноценной армейской дивизии, нанесла значительный моральный урон всей армии. «Раненого перенесли в дом. Доктор ужаснулся при виде ранения: осколочное ранение в левую часть затылка, и вырвана большая часть левого плеча. „Положение безнадежно“, — сказал он. Стоявшие тут перекрестились... Командир Кубанского стрелкового полка поднес к лицу генерала икону, которую всегда возил его ординарец. Генерал Марков поцеловал икону и сказал отрывисто: „Умираю за вас... как вы за меня... Благословляю вас... “ — дальше нельзя было разобрать, что говорил он. Через несколько минут его не стало». Тело генерала Маркова отпевали в Воскресенской церкви села Воронцовского, а в ночь на 13 июня 1918 года гроб с телом генерал-лейтенанта погрузили на грузовик для перевозки. По бортам машины были установлены станковые пулеметы на случай непредвиденной встречи с отрядами

красных. Тело Сергея Леонидовича отправили для прощания и погребения в Новочеркасск, где его ждала осиротевшая семья — мать, жена и его дети. Конвой генерала, состоявший из верных черкесов, сопровождал грузовик до самого города. На похоронах Маркова генерал Алексеев положил три земных поклона, несмотря на преклонный возраст — матушке почившего генерала, жене и детям..

«И недалеко уже то время, когда в златоглавой Москве, на Красной площади священного Кремля, коленопреклоненный народ, вознося молитву благодарения за спасение от советской власти, вспомнит и имя убиенного за Родину воина Сергея», — вдохновенно писали публицисты-современники о Маркове, даже не подозревая, как далеки от воплощения их благие пожелания.

«Марковцы» без Маркова и другие полки добровольцев

Осиротевшую марковскую дивизию численностью в 1500 штыков по приказу Антона Ивановича Деникина принял генерал-лейтенант Борис Ильич Казанович. Вместе с тем Главнокомандующий подписал приказ о присвоении дивизии имени ее командира, отныне официально именовавшейся Офицерской генерала Маркова дивизией. Заведенную марковцами еще после 1-го Кубанского похода униформу отличали черные погоны, введенные самим ее покойным командиром. Тогда Марков приказал нашить их чинам Офицерского полка и сотне кубанских казаков. Офицеры вспоминали: «В Новочеркасске генерал Марков сме-

нил свои погоны офицера Генерального штаба на «Марковские» — черные, что решительно побудило всех марковцев озаботиться приобретением таких погон». На них изображались белые шефские вензеля «М» или «ГМ» для 1-й роты полка, «роты генерала Маркова». В дополнение к погонам марковцы должны были носить черные гимнастерки и галифе, а также фуражку с белой тульей и с черной выпушкой и черным околышем с белыми выпушками. Черно-белый цвет был обусловлен двумя символами: черный — смерть за Родину и белый — воскресение Родины. Современные исследователи дают описание формы в развернутом виде: «В связи с тем, что батальон марковцев впервые зародился на казачьей земле, чины его должны были носить черную барашковую папаху с белым верхом, перекрещенным черным шнурком, черный башлык с белой кистью и таким же шейным шнурком, а также казачью шашку вместо обычной офицерской». Был установлен и день полкового праздника марковцев в день Ангела его шефа — 25 сентября, день святого Сергия Радонежского.

«Именные» части Добровольческой армии часто называли «цветными» из-за присвоенных себе каждым подразделением определенных цветов фуражек, погон, нарукавных знаков и шевронов. На форменной одежде таких частей все нашивали на левом рукаве шинелей, кителей, френчей и гимнастерок шеврон цветов русского национального флага углом вниз. Эти части стали своего рода «цветом» Белой армии. Они шли в бой и умирали по своему кодексу чести...

Бои в Великокняжеской и других станицах

После победы у станции Торговой Деникин нанес большевикам еще один сильный удар. Он направил конницу Ивана Георгиевича Эрделя атаковать Сводный кавалерийский дивизион 10-й армии Бориса Мокоеевича Думенко, оставшийся на северном направлении. Атака оказалась удачной, и разбитая красная конница рассредоточилась по степи. Следующим ударом стал штурм оборонительных укреплений станицы Великокняжеской. Во всех этих операциях Деникин неизменно присутствовал рядом со своими подчиненными, порой пренебрегая грозившей ему опасностью. Офицеры видели Главнокомандующего и даже отразили этот эпизод в воспоминаниях, написанных в эмиграции: «Я помню, как в бою под Великокняжеской, когда я подводил мою роту к железнодорожному мосту, в окне сторожевой будки блеснула шейный орден Святого Георгия. Я понял, что там Главнокомандующий, так как ордена Святого Георгия третьей степени тогда в Добровольческой армии, кроме как у генерала Деникина, не было ни у кого. Я скомандовал роте: „Смирно! Равнение направо!“».

Удачные военные операции, которые разрабатывал штаб Деникина, шаг за шагом очищали тылы добровольцев от красных войск. Это заставило большевистское командование задуматься, так как такая методичная очистка могла предшествовать крупному наступлению. Над разгадкой направления главного удара Добровольческой армии и ломали себе головы

красные военные специалисты, пока, наконец, по косвенным данным не предположили, что основной целью противника может стать Царицын. Частые успешные набеги добровольческой конницы и опрокидывавшие красные заставы атаки пехоты в целом производили впечатление наличия огромного количества сил, действовавших на юге. Система обороны Красной армии в Сальских степях в ходе нескольких небольших ударов оказалась разрушенной, и Красная армия была расколота ими на три неравномерные части, не имевшие связи между собой. Части красного командира Шевкоплясова в количестве 7 тысяч штыков начали планомерный отход по направлению к Царицыну. Краткие столкновения с добровольческими и белыми партизанскими отрядами создавали у красных ложное впечатление, что их преследуют крупные силы противника, о чем Шевкоплясов поспешил доложить в центр. Сравнительно крупные красные отряды в 5 тысяч штыков под командованием Булаткина и Ковалева поспешно отходили в Ставрополье, где отряду Ковалева было приказано перейти к строительству долговременных оборонительных сооружений в слободе Мартыновка. Ожидалось, что добровольцы будут непременно атаковать слободу несметным количеством своих сил.

Паника, вызванная маневрами Добровольческой армии, постепенно достигла и Москвы. Большевики привлекали «военных специалистов», требуя от них предположить примерное количество сил Деникина, а специалисты, просмотрев скопившиеся донесения с фронта, выдвигали в качестве объективных показателей са-

мые невероятные цифры. Одна из наиболее часто повторяющихся специалистами версий предполагала наличие у добровольцев 60 тысяч человек. Откуда могло взяться такое количество живой силы у слабой и потерявшей в южных степях Добровольческой армии, большевики не знали, но в обсуждениях упорно придерживались указанной цифры, перетекавшей из одного доклада в другой. Большевистское правительство испытало чувство, близкое к растерянности.

... Вступив в Великокняжескую, Главнокомандующий Добровольческой армии сразу передал всю полноту полномочий в станице донской военной администрации полковника Киреева, пока его казаки продолжили преследование остатков красных частей, разбежавшихся по степи. В пылу погони казаки неожиданно вышли во фланг красному фронту под командованием Тулака, противостоявшему наседавшим на него частям под командованием генерала Мамантова со стороны реки Чир. Своей мощной атакой мамантовцы выбили части Тулака прочь из области ВВД, ощутившись на подступах к Царицыну.

Под Царицыным

В городе началась паника. Советская администрация объявила срочную эвакуацию, более походившую на бегство. Ответственные за оборону Царицына И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов провели ряд профилактических «мероприятий», чтобы ослабить накал страстей. Они приказали расстрелять «военных специалистов», участвовавших в подготовке кон-

цепции обороны Царицына. В вину военспецам ставилась «измена делу революции». На место расстрелянных срочно объявили набор новых желающих. Таковых набралось очень мало, и без долгих предисловий товарищ Сталин предложил им немедленно подготовить новый план обороны города. Ворошилов был отослан им на бронепоезде к частям под командованием Шевкоплясова, имея инструкцию о создании там новой боевой части — 1-й Донской дивизии, усилив ее кавалерийским полком под командованием Б.М. Думенко, чудом вырвавшегося из рук белых кавалеристов Ивана Георгиевича Эрдели. Заместителем Думенко назначили С.М. Буденного. При участии Ворошилова срочно комплектовались новые части для Красной армии, основу которых составили разрозненные разбитые красногвардейские отряды и отдельные группы солдат. Сталин распорядился усилить создавшийся фронт еще шестью красногвардейскими полками под командованием Петрова, который направлялся на выручку красным комиссарам в Баку. Командовать 1-й Донской дивизией был временно оставлен Шевкоплясов. Командир Царицынского революционного отряда И.В. Тулак лишь потому избежал расстрела, что в ходе отступления был убит своими же солдатами за постоянные зверства с подчиненными...

Маневр Деникина

Сделав вид, что командование Добровольческой армией не знает о подготовке красными обороны Царицына, Деникин приказал развернуть армию в противопо-

ложном от города направлении, и увел ее на Кубань. Для придания скорости передвижению, пехота Добровольческой армии была посажена на телеги. Впереди армии шел захваченный у Торговой самодельный бронепоезд... В Песчанокопском и Николаевской Добровольческая армия столкнулась с 39-й дивизией красных, подошедшей с Северного Кавказа. Завязался упорный и кровопролитный бой. Чтобы избежать окружения, красные начали отход к станции Белая Глина, в расположении 10-тысячной «Стальной дивизии» Дмитрия Петровича Жлобы. Добровольцы устремились в ночную атаку, надеясь с ходу выбить красных со станции, но были остановлены их упорным сопротивлением, потеряв больше 400 человек. 70 человек были убиты сразу, попав под плотный пулеметный огонь со станции, в их числе оказался и командир дроздовцев полковник Жебрак. В ходе ответной контратаки наступавшие красные добивали раненых добровольцев. Однако после того, как утром следующего дня Белую Глину с южного фланга обошел отряд А.П. Кутепова с корниловцами, а с запада ударил А.А. Боровский, они бросили занятые позиции и бежали. Начались уличные бои. Красноармейцы довольно ретиво устремились прочь, стараясь укрыться в бескрайней степи. Добровольцы вошли на станцию. Их глазам представилась ужасная картина: изуродованные тела изуверски добитых раненых добровольцев лежали в беспорядке там, где застали их атакующие красноармейцы. «Командира (Жебрака. — *Авт.*) едва можно было признать. Его лицо, почерневшее в запекшейся крови, было размо-

жено прикладом. Он лежал голый... Грудь и ноги были обуглены... Его запытали, его сожгли живым...», — вспоминал участник завершившегося боя А.В. Туркул.

Генерал А.И. Деникин в Харькове

В этот раз в преследование большевиков включились уже все чины Добровольческой армии, устремившиеся вслед за кавалеристами Эрдели: штабные офицеры, адъютанты, конвой Главнокомандующего, обозные солдаты. Деникину едва удавалось сдерживать своих офицеров от самосуда над пленными красноармейцами. Все были буквально разъярены зверствами большевиков, учиненными над ранеными. Часть рядовых красноармейцев, сдавшихся без боя, была преобразована в Солдатский батальон бригады Дроздовского. Часть их разбежалась по степи. Через пять суток, 14 июня 1918 года, добровольцы снова вступили в бой с красными у станицы Тихорецкая, куда отошла потрепанная 39-я советская дивизия. Бригада Дроздовского атаковала большевиков своим 1-м Солдатским батальоном. Участник этой атаки вспоминал: «В Тихорецкой 1-й Солдатский бата-

льон опрокинул красных, перексмол всех, кто сопротивлялся. Солдаты батальона сами расстреляли захваченных ими комиссаров. Среди них не было старых солдат, но одни заводские парни, чернорабочие, бывшие красногвардейцы. Любопытно, что они... уверяли, что советчина со всей комиссарской сволочью им осточертела, что они поняли, где правда».

Взятие Тихорецкой

В ходе боя Корниловский полк продвинулся в тыл красным, на станицу Тихорецкая, и разгромил там большевистские части. Главнокомандующий Красной Северной армии Калинин едва унес ноги из объятай боем станицы, бросив там своего начальника штаба, не успевшего эвакуироваться в сторону Екатеринодара. Видя бесперспективность дальнейшей обороны, этот начальник штаба по фамилии Зверев застрелил жену и застрелился сам. Красные, зажатые в Тихорецкой с двух сторон, пытались сначала бежать по железной дороге, однако уйти успели только первые семь эшелонов, — пока большевики держали оборону станицы. Остальные красноармейцы, их командиры и комиссары, захваченные на станции, были перебиты вступившими в Тихорецкую добровольцами. 30-тысячная армия красных была уничтожена. В станице белые взяли значительные военные трофеи: 3 не успевших отбыть бронепоезда, около полусотни орудий, несколько бронев автомобилей и оставшийся в степи, не успевший улететь аэроплан. Часть эшелонов на станции была бегло осмот-

рена и из них извлечены сотни ящиков с патронами, винтовки, револьверы и несколько пулеметов.

Увеличение численности добровольцев

Несмотря на большие потери добровольцев, численность их армии в эти дни только увеличивалась за счет нескончаемого притока желающих бороться с большевиками. Они сами приходили в Вербовочные бюро армии по мере ее успешного продвижения по Кубани. Вырос и приток офицеров, ставший заметным всем чинам Добровольческой армии: «На вокзале... с поездов, приходивших с севера и юга, выгружался народ и быстро куда-то расходился. Лишь одиночки и маленькие группы, не торопясь, шли на вокзал, ища коменданта станции. Одеты были частью в штатское, частью в военное обмундирование, с погонами и без погон, с небольшим багажом и даже без него. Быстро перезнакомились: все офицеры, и все приехали поступать в Добровольческую армию. В Бюро записи явились полковнику. Опрос был строгий и пристрастный: „Почему вы не сочли для себя нужным явиться значительно раньше?“ — Заявления, что они прибыли из Смоленска, Москвы, прямо с фронта, не считались уважительными. „Вы полковник? Потрудитесь представить двух свидетелей“. — Эти и подобные вопросы несколько задевали самолюбие явившихся, но „явка с опозданием“ повелевала это снести...», — писал В.Е. Паваов. Настороженное отношение ко всем вновь прибывающим в армию, в особенности к стар-

шим офицерам, все же присутствовало. Это было видно невооруженным взглядом. Очевидец о. Георгий Щавельский писал: «Мне казалось, что молодежь, занявшая видные места в Добровольческой армии, особенно настойчиво поддерживала взгляд на необходимость самого строгого отношения к прибывающим из Советской России, опасаясь, как бы последние потом не оказались непобедимыми им конкурентами на видные места. Сам Деникин был сторонником сурового отношения только по своей честности, слишком прямолинейной, не знающей уступок... Почти до самого конца Деникинской эпохи отношение Главного командования к офицерам, служившим у большевиков, оставалось нетерпимым. При Ставке была образована особая комиссия — «Болотовская» (председатель ее генерал (от инфантерии. — *Авт.*) Болотов (Владимир Васильевич. — *Авт.*), состоявшая из семи (кажется) генералов, чрез которую, как чрез чистилище, должны были проходить все перебежчики. Процедура «очищения» тянулась иногда 2—3—4 месяца, и длительность ее для лиц, не располагавших средствами, — а таковых было большинство, — была мучительна. Для не смогших реабилитироваться предстоял суд иногда с предварительным, чрезвычайно унижительным заключением на гауптвахте или в особом помещении, назначенном для таких узников и, конечно, лишенном самых примитивных удобств. А затем... суд, часто не очень милостивый, иногда кончавшийся для заслуженных генералов разжалованием в рядовые, а то и каторгой... Я несколько раз просил генерала Романовского,

намекал и генералу Деникину о необходимости изменить взгляд на перебежчиков и отношение к ним. Мне отвечали, что негодаев нельзя щадить, что против снисхождений весь фронт и проч. Так продолжалось до ноября 1919 года, когда были присуждены к каторге два генерала Генерального штаба, георгиевские кавалеры — честный и патриотично настроенный генерал Беров и генерал Котельников... В июле этого года в Орле двадцать два офицера Генерального штаба, служащие у большевиков, обсуждали вопрос, как им быть, ввиду установившегося в Добровольческой армии отношения к перебежчикам. И решили: доселе мы играли в поддавки, теперь начнем воевать по совести... Возможно, что суровое, беспощадное отношение к служившим у большевиков ускорило нашу катастрофу».

И все же, за счет прироста обер-офицеров и добровольцев — нижних чинов, общая численность Добровольческой армии постепенно возросла до 18 тысяч человек. Это позволило Деникину последовательно проводить крупные операции. Захватом Тихорецкой он отрезал четыре крупных группировки красных на Кубани друг от друга: Армавирскую, Таманскую, Западную и Екатеринодарскую.

Три направления ударов

После победы всего два дня было дано добровольцам на отдых, а потом наступление продолжилось по трем направлениям — на Армавир, на Екатеринодар и на станицу Кореновскую, откуда неожиданно в тыл белым вышла армия Сорокина, уничтожив малочисленный гарнизон бе-

лых добровольцев в станице. Генерал Казанович, не дожидаясь подхода дроздовцев, бросил свои силы на штурм Кореновской, но был отбит и отошел назад под огнем наступавшей пехоты, отбиваясь от атакующей конницы красных. За ним Кореновскую атаковали дроздовцы с единственным имеющимся у них броневым автомобилем, но тоже безуспешно. В неудавшемся наступлении полегло много солдат и офицеров. Энергичными действиями вверенных ему частей Сорокин едва не рассек Добровольческую армию надвое, отбросив конницу Эрдели мощной кавалерийской контратакой. Что же, военное счастье иногда изменяет и опытным бойцам, хотя современники не особенно жаловали Ивана Георгиевича Эрдели: «А про симпатичного, доброго, но вялого генерала Эрдели можно было сказать словами французского автора, восхвалявшего когда-то маршала кавалерии Мюрата: „Если у тебя нет глаза орла и отваги льва — прочь! Ты не достоин командовать конницей“...» Не долго думая, Сорокин отдал приказ о наступлении всех красных сил на Тихорецкую. Лев Давидович Троцкий, получивший сведения об успехе, немедленно назначил ярко проявившего себя ранее Ивана Лукича Сорокина Верховным главнокомандующим Красной армии на Северном Кавказе. Через своих клевретов Троцкий просил передать Сорокину, что его «прежние прегрешения» перед советской властью забыты и прощены. Окрыленный на короткое время доброй вестью и облаканный верховной большевистской властью, Сорокин повелел начать стремительное наступление на части доброволь-

цев. Красные бросились в прорыв столь рьяно, что части дроздовцев и марковцев едва успевали отбивать атаки. День и ночь натиск красных не прекращался ни на минуту. Дроздовцы и марковцы пытались отбиться безуспешными контратаками, но армия Сорокина продвигалась все скорее. Увы, героизм командиров добровольцев не мог изменить общего положения дел на фронте, и даже личная смелость Дроздовского, под огнем поднимавшего своих в контратаку, Казановича, выезжавшего в бронев автомобиле впереди своих цепей и лично водившего в атаку батальон марковцев Тимановского, лишь увеличивали потери, которые добровольцы несли почти ежеминутно. «Все эти ночи и дни, атаки и гром над степью, и наши лица, обожженные солнцем и жалящей пылью, и наше сиплое „ура“ — все это вспоминается мне теперь с порывами жаркого степного суховея...», — записал потом литературный обработчик воспоминаний дроздовского офицера А.В. Туркула.

Откат добровольцев под ударами армии Сорокина шел вплоть до 7 августа 1918 года. В этот день произошло решающее сражение у станции Выселки. Красные смогли выйти в тыл дивизиям Дроздовского и Казановича. Волна за волной надвигались большевистские цепи. Воодушевленная своим быстрым продвижением Западная армия Сорокина продолжала свой натиск. На передовой во многих ее местах окопы добровольцев были уже захвачены ликующими красноармейцами, и в них шел жестокий штыковой бой. Силы добровольцев таяли, когда возле станции Платнировской призем-

лился аэроплан, управляемый летчиком Штаба Добровольческой армии, который передал командирам донесение: помощь идет со стороны Тихорецкой. Помощью оказался 1-й Кубанский полк с артиллерийской батареей, выдвинувшийся при поддержке одного из добытых на станции бронепоезда. Конные лавы кубанских казаков атаковали Западную армию красных с тыла. Измученные добровольцы внезапно увидели, как натиск противника ослаб, а на некоторых участках фронта цепи большевиков стали редеть и исчезать за гребнями холмов. Деникин назвал произошедшую перемену agonией Западной армии: «Все поле сразу оживает, и по нему мечутся во все стороны повозки, всадники и пешие люди». Это вновь ударившая с юга кавалерия Эрдели погнала красных в степь под разрывы снарядов, посылаемых вслед убегающим красноармейцам белым бронепоездом. С севера на отступившего противника уже надвигались не знающие пощады корниловцы...

...Бегство и развал фронта Западной армии Сорокина принял необратимый характер: толпы солдат устремились в степь, пытались пробиться к железной дороге, оседлать первый же исправный паровоз или поезд, чтобы мчаться что есть духу на Екатеринодар. Красные удирали на исправных поездах, порой на дрезинах или просто бегом. Западная армия Сорокина, еще недавно готовая раздавить добровольческие полки своей массой, почти внезапно перестала существовать как одно целое и распалась на мелкие группы людей. Растерянные чины ее искали спасения за станицей, в то время как ко-

миссары и солдаты, утратившие облик «армии», осаждали отходившие поезда... Добровольцы не щадили бегущего противника, сея тем самым еще больший ужас в его рядах. Вслед убегающим красноармейцам продолжала бить белая артиллерия. Всадники гнали отступавших большевиков еще многие версты... Победа над Сорокиным у Тихорецкой стала своеобразным детонатором взрыва освободительной борьбы кубанцев, пять долгих месяцев безмолвно изнывавших под большевистским игом.

Кубанские казаки и народы Кавказа

«Пробудившиеся» казаки изгоняли и убивали большевиков и их представителей в станицах, а бегущие с фронта через кубанские поселения красные старались отплатить казакам той же монетой. В этой взаимной борьбе словно бы исчезла извечная идея человеколюбия, а тотальная война кубанцев, направленная на полное истребление духа большевизма, вспыхнувшая на Кубани в конце лета 1918 года, потом перекинулась на весь Северный Кавказ. Генерал-майор Покровский, направленный некогда Деникиным в Лабинский отдел для организации повстанческого движения, но вынужденный скрываться в горах, перешел со своими частями в наступление и занял Майкоп и Армавир. Генерал-майор Эльмурза Асланбекович Мистулов бросил клич соплеменникам и скоро поднял верных ему осетин на восстание против большевиков. Их порыв был поддержан повстанцами «Отряда свободы» начальни-

ка кабардинских частей генерал-майора князя Заурбека Даутокова-Серебрякова.

В Кабарде, однако, было неспокойно. Центром большевистского движения там стало с. Христиановское, в котором располагался Реввоенсовет осетинской организации РКП(б). В октябре 1918 года сюда из кабардинского селения Джанхотова прибыла специальная делегация во главе с Мута Шокуровым с просьбой оказать помощь кабардинской бедноте в борьбе с «местной контрреволюцией». По решению совместного заседания Реввоенсовета и ЦК окружной организации РКП(б) в Кабарду была послана полусотня всадников во главе с Георгием Цаголовым, которая представляла кабардинскую бедноту. Их бой с отрядом Даутокова-Серебрякова начался 13 октября 1918 года в 9 часов утра в окрестностях Аргудана. Несмотря на неплохое вооружение, отряд князя был разбит и обращен в бегство, оставив на поле боя 70 погибших. Кабардинские сторонники большевизма, потеряв убитыми только двоих, полностью заняли Аргудан и стали «помогать» местным жителям в формировании «органов советской власти» в селе.

Терские казаки также восстали и скоро уже очистили от красных не только Моздок, но и станицу Прохладную, а после осадили Грозный, где еще удерживались большевики.

Паника в Екатеринодаре

Паника среди красноармейцев распространялась по всем фронтам и вскоре передалась даже оборонявшим Екатеринодар частям Красной армии. Лишь под-

чиняясь силе, едва выведенные комиссарами и командирами на позиции красные часто обращались в бегство при виде решительно приближающихся к ним цепей добровольцев. Узнав о настроении частей, призванных оборонять город, местное партийное руководство, чины ЧК и многочисленные начальники местных бюрократических институтов поспешили объявить эвакуацию всех «советских учреждений» из города. Исход большевистской власти из Екатеринодара был, по словам очевидцев, впечатляющ. За черту города в спешном порядке бежало 200 тысяч боеспособных красноармейцев! За ними тянулись груженные документацией и личным скарбом бесчисленные обозы мелкого и среднего коммунистического начальства. В считанные часы выехало несколько десятков советских бюрократических организаций, всякого рода «отделов» и «подотделов», тихо бежали сотрудники местного ЧК, многие из которых были хорошо известны населению по участию в арестах и бессудных расстрелах горожан. За ними спешили всякого рода политработники и даже осевшие было в захваченном городе красные командиры. Вся эта людская масса медленно текла на восток от города, не забывая по пути устраивать реквизиции и грабежи имущества у казаков близлежащих станиц.

«Благодарность» Кубанского правительства Деникину

16 августа 1918 года после череды коротких боев в предместьях Екатеринодара Добровольческая армия вошла, нако-

нец, в оставленный красными город. Деникин направил письмо атаману Филимонову, приглашая его взять на себя всю полноту власти на Кубани, вне зависимости от политически шаткой позиции Кубанской Рады. В послании Филимонову Главнокомандующий сообщал, что Добровольческая армия, выполнив свою задачу по изгнанию большевиков из этого края, продолжит свою деятельность по решению общегосударственных задач для спасения России в целом. Кубанское правительство просило Деникина повременить с въездом в город. Члены Кубанской Рады стремились попасть туда первыми, а уже после того «организовать достойную встречу победителям», но в Екатеринодар продолжали входить различные добровольческие части, продолжались перестрелки с красными на противоположном берегу реки Кубань, гремели отзвуки утихающего боя. Деникин въехал в город, скромно расположив свой штаб на вокзале. Просидев в штабном вагоне весь день, Главнокомандующий не вытерпел и к вечеру совершил автомобильную поездку по взятому городу. Ведь еще со времен Корнилова этот город приобрел почти мистическое значение для каждого добровольца. Он ходил по городу, загаженному и заплеванному, по его собственному описанию, большевиками, неузнаваемому, чьи жители не вполне верили в счастье своего освобождения. Отдельные члены Кубанской Рады попеняли потом Деникину за то, что он не дал им войти в город первыми. Они утверждали, что тем самым Главнокомандующий ущемил их «национальный суверенитет». На это Деникин заметил, что ник-

то не мешал депутатам Кубанской Рады войти в город вместе с атаковавшими его конными частями Эрдели... Подпольная организация кубанских офицеров под руководством генерала Букретова проявила признаки жизни только после того, как последний красноармеец покинул город. В течение короткого времени члены организации расклеили на стенах домов обращение к кубанцам: «Долгожданные хозяева Кубани, казаки и с ними часть иногородцев, неся с собой справедливость и свободу, прибыли в столицу Кубани...» В этой нелепой политической листовке под «иногородцами» подразумевалась вся Добровольческая армия! Прочитав воззвание, Деникин отказался принимать подпольщика, долго ожидавшего его у штабного вагона на вокзале. Когда же Главнокомандующий покинул вагон, Букретов поспешил к нему. «Вы в своем воззвании отнеслись с таким неуважением к Добровольческой армии, что говорить мне с вами не пристало», — сказал ему Деникин. Букретов промолчал, но затаил враждебное чувство. Это о нем Деникин отзывался, как о человеке, «не имевшем никаких заслуг в отношении кубанского казачества, состоявшем под следствием по обвинению во взяточничестве, по происхождению еврее, приписанном в полковничьем чине к казачьей станице...»

Триумф добровольцев в Екатеринодаре

17 августа 1918 года состоялся торжественный въезд Главнокомандующего в город. Деникина тепло встретили

генерал-майор А.П. Филимонов и кубанское правительство — Быч и Рябовол. На следующий день в город приехал больной и ослабевший генерал Алексеев, названный Верховным руководителем Добровольческой армии и по-прежнему ведавший финансами, политическими вопросами и снабжением. При нем было сформировано Особое совещание, или временное гражданское правительство, во главе с генералом от кавалерии Абрамом Михайловичем Драгомировым. В состав Особого совещания вошли В.В. Шульгин, М.В. Родзянко, П.Б. Струве, Н.И. Астров — в недавнем прошлом широко известные либеральные и масонские деятели России. Победа над большевизмом виделась всем теперь не в столь отдаленной перспективе.

Едва окончилась кровопролитная битва с красными за город, и в Деникине-государственнике пробудились иные нотки: «Проклятая русская действительность! Что, если бы вместо того, чтобы уничтожать друг друга, все эти отряды Сорокина, Жлобы, Думенко и других, войдя в состав единой Добровольческой армии, повернули на север, обрушились на германские войска генерала фон Кнерцера, вторгшиеся вглубь России и отдаленные тысячами верст от своих баз...» Решительная победа Добровольческой армии на юге бывшей Российской империи вернула утраченные надежды части казачества на избавление от коммунистического ига. Она подтолкнула его к выступлению на те южные земли, где еще оставались очаги большевистской диктатуры. Впрочем, даже по вопросу борьбы

с красными полного единения у казаков не было. Некоторые имели даже антидобровольческие настроения. Армия Деникина виделась им не вполне демократи-

Кубанские офицеры с женами

ческим институтом, посягнувшим на их казачьи вольности, инструментом большой политики, до которой им не было особого дела. Большевики, еще хорошо не познанные всем казачьим населением, напротив, представлялись неким меньшим злом. Как бы там ни было, но поход Добровольческой армии продолжался.

На Ставрополье

Добровольцы и казаки уже освободили Кубань и Дон, но меж ними лежал Ставропольский край, находившийся под властью большевиков. «Красный террор», развязанный коммунистами повсеместно, был особенно жесток именно в этих краях. Согласно расследованиям, проводившимся Особой комиссией при Глав-

нокомандующем ВСЮР годом позже, в период с июня по июль 1918 года у населения массово изымалось всякого рода оружие, и сопровождалось это, как правило, грабежами имущества мирных граждан. Согласно декрету местного совета, выход на улицу после 22 часов был запрещен. Пик террора красных пришелся в ночь с 19 на 20 июня 1918 года, когда начался расстрел и убийства арестованных офицеров, престарелых чиновников и просто обывателей, имевших несчастье содержаться в городской тюрьме. Утром 20 июня арестовали 80-летнего отставного генерала, участника еще Крымской кампании И.А. Мачканина, который был убит в тот же день с исключительной жестокостью. Его труп нашли с 24 колотыми штыковыми ранами, а голова была почти отделена от туловища ударом холодного оружия. Сына зверски убитого генерала, штабс-капитана Н.И. Мачканина, расстреляли только за то, что он осмелился похоронить отца.

Документы расследования белогвардейских органов юстиции сохранили ужасающие подробности большевистских злодеяний: «Убивали людей повсюду: около их домов, близ вокзала, в казармах; трупы находились на улицах, в канавах, в лесу под городом и т.д.; среди зарубленных были офицеры, частные лица, старики, подростки-гимназисты; на всех трупах обнаружены многочисленные ранения и огнестрельным, и холодным оружием, преимущественно по голове, по лицу, по глазам, следы побоев, вывихов и даже удушения, у многих головы раздроблены, лица изрублены. Все это свидетельствует о невероятной жестокости убийц, нано-

сивших своим жертвам, раньше, чем с ними покончить, возможно больше мучений...»

Руководили массовыми убийствами командир Красной армии по фамилии Шпак и комиссар Ашихин. Оба персонажа отличались особой изощренной жестокостью по отношению к мирному населению. 4 июля 1918 года, после того как весть о победе Деникина под Тихорецкой достигла Ставрополя, офицеры города во главе с полковником Ртищевым и его братом, общей численностью около 900 человек, подняли восстание. Шпаку удалось вовремя мобилизовать все части, и после перестрелок с офицерами восстание было подавлено с ужасающей жестокостью. Взятых в плен повстанцев зарубили шашками во дворе городской тюрьмы. Большевики предчувствовали, что снисхождения им ждать не придется, и стали готовиться к эвакуации, не стремясь, впрочем, скрыть все следы своих преступлений. Жгли лишь особо секретные бумаги, вывозили ценности и добивали оставшихся под арестом узников. Шкуро направил свои разъезды в сторону расположения добровольческой части с извещением Деникину, что переходит под его командование. Из близлежащего села Донского Шкуро затем телеграфировал в ставропольский Совнарком о предложении оставить город в течение 48 часов. В случае неповиновения Шкуро обещал вести прицельный артиллерийский обстрел. Телеграмма возымела действие. При отсутствии поставленной разведки Шпак не мог знать, что артиллерийских орудий у Шкуро не было, а расстояние, отделявшее его «волчью сотню» от Ставрополя, было

более 30 верст. Шпак отдал приказ немедленно оставить город. Эвакуация превратилась в беспорядочное бегство. Спешно увозили артиллерию, даже не подумав выставить ее на защиту города, некоторые красноармейцы просто бросали оружие и сдавались в плен безоружным горожанам. Главный палач города, бывший солдат Ашихин, попытался было скрыться на автомобиле, но не смог пробиться сквозь разъяренную толпу граждан, вытащивших убийцу из машины. Его поволокли к городской тюрьме.

Утром 22 июля 1918 года в Ставрополь въехал автомобиль, который привез назначенного губернатором города генерал-майора Михаила Андреевича Уварова с ординарцами. Поездка в Ставрополь далась генералу нелегко. Случайный попутчик Ф.И. Елисеев вспоминал о нем: «Когда мы усаживались... в ожидавший...автомобиль-полугрузовик, вооруженный пулеметами, к нам сел в машину генерал преклонного возраста. Садится и, обращаясь к провожавшему его молодому офицеру, говорит: „Дайте мне хотя бы винтовку... все же пригодится в случае нападения большевиков, — будет из чего застрелиться.“ Мы переглянулись... Тронулись. Наш генерал держался скромно и сосредоточенно. Винтовку из рук не выпускал. Из завязавшегося потом разговора выяснилось, что едущий с нами генерал не кто иной, как вновь назначенный ставропольский губернатор».

Прибыв в город, Уваров провел мобилизацию офицеров и классных чиновников всех ведомств. Им были созданы отряды городской обороны и выставлены караулы у всех важных объектов города,

включая казначейство и банки. Следом за этим для обороны города пришли подразделения полковника Я.А. Слащева.

Бежавшие красные, перегруппировав силы, попытались контратакой вернуть Ставрополь назад, но были отброшены. Шпак приказал погрузить легкие орудия на борта грузовиков и направил их к городской черте. Остановившись у окраин, артиллеристы Шпака открывали шрапнельный огонь по городу, не особо беспокоясь о том, куда попадет шрапнель, а затем отъезжали назад, в расположение своей части; среди мирного населения начались жертвы случайных обстрелов. Так продолжалось несколько дней, пока казаки Шкуро не выследили Шпака и его автомобили и не зарубили шашками красного командира вместе с орудийной прислугой. В Ставрополе начала восстанавливаться мирная жизнь. Военный губернатор дал распоряжение городским следователям по особо важным делам начать сбор данных о злодеяниях большевистской власти.

«Германский» фактор

Успехи Деникина на юге не на шутку встревожили германское командование. Германский генштаб полагал, что после еще одного удачного рейда Добровольческая армия сможет выйти к портам Черного моря, захватить флот, стоявший на рейде, и высадить десант на оккупирован-

ной германцами Украине. Германцы выдвинули ультиматум большевикам потопить флот, угрожая возобновлением войны. Ко времени описываемых событий Черноморский флот составляли еще и те суда, которые имели дееспособный экипаж и смогли уйти на военно-морскую базу в Севастополь. Но многие суда были либо оставлены экипажами, либо количество моряков не соответствовало возможности поддерживать транспорт на ходу. Большевики с помощью сочувствующих красным матросов произвели затопление покинутых судов, а на рейде уже дымили трубами немецкие корабли во главе с линкором «Гебен».

В это время отступавшую к Новороссийску красную Таманскую армию в количестве 40 тысяч штыков преследовали отдельные отряды кубанских казаков. При приближении людского потока к черте города германские корабли открыли огонь по толпе. Флотские артиллеристы линкора исправно обрушили всю огневую мощь судовых орудий на безумно метавшихся на берегу солдат, не особенно задумываясь, кем были эти люди и кто кого преследовал. Под огнем немецких орудий таманцы бросались врасыпную, а кубанские казаки, установив на берегу свои немногочисленные легкие орудия, дали ответный залп по немецким кораблям, стоявшим в порту. Российский Юг в целом был освобожден. Перед Добровольческой армией вставали новые задачи.

Глава III

СИБИРЬ ВОССТАВШАЯ

Адмирал Колчак

Личность незаурядная, адмирал Александр Васильевич Колчак остается таковым и поныне. И если первую часть его жизни можно рассматривать в контексте великих географических открытий и сопутствующих им приключений, то значимость всего, что совершил Александр Васильевич после 1917 года, и вплоть до своей гибели в феврале 1920 года, трудно измерить общими историческими мерками. Несомненно, это был и его личный подвиг.

Обычно скупой на похвалы современникам Иван Алексеевич Бунин высказал как-то пророческое замечание о будущем Александра Васильевича Колчака: «Настанет время, когда золотыми письменами на вечную славу и память будет начертано его имя в летопись русской земли»... Адмирал Колчак один из тех людей, чьей биографии хватило бы на десяток человеческих жизней. Ему суждено было стать вождем Белого сопротивления большевизму на востоке погибшей империи. Обстоятельства, казалось, благоприятствовали адмиралу. Все русские представители за границей безоговорочно признали Сибирское правительство как Верховное для всей России. Это правительство располагалось на

Верховный правитель адмирал
А.В. Колчак

обширной территории, свободной от большевиков, население которой в основном было настроено резко против власти III Интернационала. Впервые за время противостояния большевизму именно в Сибири была создана регулярная армия, численность которой не зависела от желающих вступить в ее ряды на добровольной основе. Сибирь имела свои собственные связи с представителями союзников по Антанте и могла на-

прямою пользоваться и их материальной поддержкой, и их военными ресурсами. Но, впрочем, финансовые и военные возможности союзников были не столь важны Сибирскому правительству, поскольку там по счастливой случайности оказался весь золотой запас Российской империи. С его помощью можно было вести успешную долговременную войну и обеспечить хорошее управление сибирской экономикой. И все же при всех благоприятных факторах пост Верховного правителя России был непомерной ношей для любого человека. Колчак безропотно взял свой крест и пронес его до последнего дня, преданный, проклятый и забытый, чтобы вернуться к потомкам в воспоминаниях и книгах знавших и любивших его людей. Его восхождение на Голгофу началось исподволь, и, вступая на тернистый свой путь, Александр Васильевич еще не ведал, как изменят его судьбу обыкновенные для того времени события в далеком Омске.

В далеком Омске...

В ночь на 17 (30) ноября 1918 года в Омске произошел незначительный эпизод, подобный малому камешку, который, упав на непрочную груду больших камней, влечет за собой необратимый обвал в горах. На банкете в общественном собрании города, устроенном по случаю приезда в Омск французского генерала Жанена, произошел инцидент. Генерал Жанен до войны был прикомандирован к Академии Генерального штаба и обрета́лся в Петербурге, где изучал постановку высшего военного образования в Рос-

сии. За время пребывания в гостеприимной стране он выучился неплохо говорить по-русски, а в последние недели до февральского переворота 1917 года даже находился при русской Ставке в Могилеве. Ему был хорошо известен быт, уклад и порядки Императорской армии, всегда поражавшей его своим величием, поэтому, когда французы задумали восстановить в 1918 году германо-русский фронт, его кандидатура пришлась как нельзя лучше для командования объединенными русскими и союзными войсками. Идея французских союзников состояла в привлечении пленных чехов, обретавшихся в России, румын, поляков и сербских добровольцев под руководством британцев, американцев и даже японцев.

Пока Жанен добирался до Омска, Германия капитулировала, и, приехав в Омск, он оказался как бы не у дел. Однако факт его приезда был важен для нового правительства, стремившегося показать себя преемником легитимной власти, о чем должны были свидетельствовать хорошо подготовленная армия, порядок и весь внешний консервативный уклад. Особенно ревностно за этим следили военные, не желавшие ни малейшим намеком выдать представителю союзной державы какие-либо перемены, что указало бы на государственную нестабильность. После исполнения французского национального гимна трое казачьих офицеров: войсковой старшина Вячеслав Иванович Волков, подьесаул Аполлон Всеволодович Катанев и есаул Иван Николаевич Красильников настойчиво потребовали от оркестрантов исполнить русский национальный гимн «Боже, царя храни!». После февраль-

ского переворота 1917 года исполнение этого гимна почти всегда вызывало чувство досады у российских либералов, а тех, кто по-прежнему продолжал считать гимн Империи напоминанием о днях славы и величия России, неизменно именovali «махровыми реакционерами». Лидерам партии социалистов-революционеров, присутствовавшим в качестве представителей Омской Директории на банкете, эта идея также показалась «реакционной», и они немедленно обратились к Колчаку с просьбой арестовать казачьих офицеров за неподобающее поведение. Иван Николаевич Красильников и Вячеслав Иванович Волков не стали дожидаться собственного ареста и сразу же после окончания празднеств сами произвели аресты двух «директоров» — эсеровских демагогов — Авксентьева и Зензинова, захватив за компанию чем-то не понравившегося им управляющего делами Директории Роговского. Всех троих офицеры заперли на ночь в помещении неких городских казарм. Директора шумели, требовали освободить их и, словно ночные бабочки, безуспешно бились в мощные казарменные двери. Отчаявшись, они пытались с немалым для себя трудом вылезти через окно, но усталость и выпитое на банкете взяли свое: глубокой ночью казачьи узники мирно уснули на солдатских кроватях. Весть о незавидном положении двух директоров и чиновника быстро облетела весь город. Наутро собравшийся Совет министров посчитал, что запертые в казармах сами виноваты в таком повороте событий, а, следовательно, оставлять их в правительстве — значит дискредитировать власть.

Избирать новую Директорию было тоже весьма хлопотным делом. Наконец, собравшиеся члены Директории и приглашенные лица подумали об установлении единоличной власти. Посоветовавшись, Совет министров вынужденно проголосовал за передачу полномочий военному командованию. Согласно принятому в ходе заседания «Положению о временном устройстве власти в России», вся полнота власти передавалась лицу, избираемому Верховным правителем, и Совету министров.

Кто претендовал стать Верховным правителем России?

Вероятных кандидатур на пост Верховного правителя оказалось три: генерал-лейтенант Василий Георгиевич Болдырев, предложенный начальником штаба Сибирской армии генерал-майором Сергеем Николаевичем Розановым, недавно перебежавшим от большевиков; управляющий КВЖД генерал-лейтенант Дмитрий Леонидович Хорват, чью фамилию прочли на бумажке, отправленной министром путей сообщения УSTRUГОВЫМ, ибо по некоторым соображениям он не рискнул произнести имя кандидата вслух; упомянули и вице-адмирала Александра Васильевича Колчака.

После ряда поражений армии «имени Учредительного собрания» авторитет Василия Георгиевича Болдырева, утратившего военный авторитет и глубоко погрязшего в многочисленных политических интригах, которые почти не судили ему никаких личных выгод, заметно по-

шатнулся. Интриги ради интриг еще никогда не делали чести, а для потенциального диктатора подобные склонности, ставшие достоянием гласности, не предвещали ни малейшей удачи. Управляющий КВЖД Дмитрий Леонидович Хорват, по долгу службы уделявший много времени дальневосточным проблемам и своему довольно сложному участку службы, для руководства всей Сибирью, в отрыве от милых его сердцу дальневосточных просторов, в роли диктатора оказался бы мало пригоден. Впрочем, по скромности натуры, на роль диктатора всей Сибири Хорват не отважился бы и сам. Оставался вице-адмирал Колчак. Уже тогда он был известной личностью, обладал неплохими связями с представителями стран Антанты и слыл честным человеком в самых различных политических кругах, но главное — в него верили армия и флот. Эти обстоятельства и определили окончательный выбор Совета министров.

Неожиданным противником избрания Колчака выступил атаман Забайкальского войска Григорий Семенов. Сказался его давний конфликт с адмиралом еще в бытность того сотрудником организации генерала Хорвата в Харбине. Семенов, пользовавшийся огромными полномочиями, самоуверенно считал себя вершителем судеб многих людей. Один из близких Колчаку офицеров был арестован по приказу Семенова. Его бы точно расстреляли, если бы Колчак вовремя не вступился за подчиненного, арестовав семеновского представителя. Александр Васильевич вскоре позабыл о конфликте, однако Семенов, большой поклонник восточной дипломатии, лишь до времени отложил

ответный ход. Вскоре такая возможность представилась. Конечно, атаман был далек от мысли, что его возражения возымеют какое-нибудь действие на Директорию, но все же решился внести некоторую смуту в умы заседавших и предложил в кандидаты атамана оренбургских казаков Александра Ильича Дутова. Для верности Семенов отправил своих казаков прервать телеграфную связь Омска с востоком и повелел задерживать на станциях грузы, идущие в Омск.

Несмотря на столь энергично выражаемые протесты и саботаж, организованный забайкальскими казаками под командованием Семенова, Александр Васильевич все же был произведен в полные адмиралы, и ему присвоили звание Верховного правителя России. Атаман Дутов лично связался с Семеновым по телеграфу и призвал его бесстрастно посмотреть на непростую политическую обстановку в Сибири, а затем уладить свои разногласия с Колчаком мирным путем.

Избрание Колчака и его первые шаги на новом поприще

Министры передали Колчаку полномочия временно осуществлять всю верховную государственную власть, начиная с 18 ноября (1 декабря) 1918 года. Приняв новое назначение, Александр Васильевич в тот же день издал приказ, в котором определил направление своей деятельности на посту Верховного правителя: «Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях Гражданской войны и полного расстройтва государ-

ственных дел и жизни, объявляю, что я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной целью я ставлю создание боеспособной армии, победу над большевиками и установление законности и порядка». В этих немногих словах были заключены первоначальные задачи нового правительства, которые предстояло решать в чрезвычайно тяжелых условиях в стране, уже два года жившей в атмосфере бесправия, хаоса, разрушенной экономики и при фактическом отсутствии единой армии.

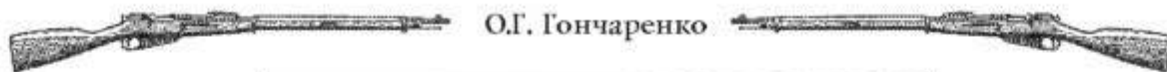
Получив полномочия, Колчак произвел войскового старшину Вячеслава Ивановича Волкова в генерал-майоры, и, поставив его во главе отряда, направил умирять Семенова. Забайкальский атаман решил не вступать в противодействие уже формально избранному Верховному правителю, но попросил командира японской дивизии, расквартированной в Забайкалье, «защитить его от несправой расправы». Японцы, имевшие свои виды на будущее Семенова на Дальнем Востоке, остановили отряд генерала Волкова, не допустив его продвижения дальше, но в то же время порекомендовали Семенову подчиниться власти нового избранного Верховного правителя, что тот незамедлительно сделал. Растроганный Александр Васильевич сразу же простил отступника и отменил свой приказ об отрешении Семенова от должности, выпущенный вместе с отправкой отряда Волкова на умирение Забайкальского атамана.

Воцарился зыбкий, как многое в политической жизни Сибири тех лет, мир, а перед адмиралом и его правительством встали задачи первоочередной важности.

Необходимо было в короткое время восстановить пошатнувшийся престиж не только государственной власти на всей территории Сибири и Дальнего Востока, но и преобразовать и восстановить торговлю. Вместе с этим провести оздоровительные меры по финансовому управлению и внедрить приемлемую налоговую систему, воссоздать разрушенный аппарат юстиции, пересмотреть сложившиеся взаимоотношения с союзниками и предпринять усилия убедить их признать Сибирское правительство как легитимную всероссийскую власть. Кроме того, на повестке дня у правительства стояли военные вопросы: создание армии, борьба с большевиками и полное их изгнание из Сибири. Лишь после окончательной победы над красными можно было заняться фундаментальными вопросами государственного строительства на всей территории Империи. «Мы не знаем и за преждевременной смертью Колчака никогда не узнаем, как рисовалось ему выполнение всех этих задач и приходило ли ему в голову, что одновременное разрешение их трудноосуществимо», — признавался Д.В. Филатьев, один из мемуаристов, не удосужившийся, однако, просто стать рядом и помогать адмиралу. Как и многие другие, он выжидал, что получится из титанических усилий адмирала.

Министры Верховного правителя

Министры правительства, доставшиеся Колчаку «по наследству» от Директории, по своим профессиональным качествам были слабо подготовлены для пло-

Арестованные министры Омского правительства

дотворной государственной деятельности и не умели полноценно решать стоявшие перед ними масштабные государственные задачи. Единственным профессионалом в их среде считался министр путей сообщения Леонид Александрович УSTRUГОВ, человек, сделавший свою карьеру в петербургском министерстве задолго до революции в качестве помощника начальника управления железных дорог и ставший впоследствии начальником Омской железной дороги. Это он сразу взялся за дело, привел с собой квалифицированных помощников и распределил между ними полномочия по управлению сложным механизмом путей сообщения и перевозок. В отношении остальных министров Верховного правителя бытовало мнение, что среди них не оказалось профессионалов в важнейших отраслях управления. «Здесь управление попало в руки, так сказать, „любителей авт“, которые приняли на себя высокие звания, но не несли в себе никаких знаний и своими неумелыми действиями усугубили

трудность положения Верховного правителя, у которого и у самого не было никакого опыта по административному управлению». Поверхностный подход в подборе достойных кандидатов на министерские должности открыл дорогу разного рода авантюристам, — таким как «министр иностранных дел» Сукин. 28-летний «американский мальчик», как называли его ироничные современники, в своей внешнеполитической деятельности сумел достичь немногих, но ощутимых результатов, поссорив Верховного правителя с японцами. Провалив начавшиеся переговоры с представителями пленных чехов и словаков, он не смог вовремя снять возникающий накал враждебности к сибирской власти со стороны интернированных чехов. Подобно гоголевскому Хлестакову, Иван Сукин руководствовался принципом пускать любые ситуации развиваться по пути наименьшего сопротивления.

Царскосельский лицеист 67-го выпуска (1911 года), Иван Иванович Сукин, ус-

пел поработать мелким чиновником МИД Российской империи лишь немногим более шести лет. Не только в силу небольшого жизненного опыта, но и просто не имея необходимых каждому дипломату качеств, министр Сукин внушал мало доверия американским и английским представителям союзников, с которыми даже состоял в официальной ссоре.

Однако как ни важны были гражданские министры правительства, в условиях разгоревшейся Гражданской войны и приближавшейся к границе Сибири угрозы большевизма на передний план выдвигалась деятельность военного министра и военной власти вообще. Идея международного престижа России, всегда владевшая сердцем Колчака, заставила его оставить в Омске в качестве номинального главнокомандующего союзными, главным образом чешскими, частями в общем-то, бесполезного для него французского генерала Жанена, дабы не отправлять его назад за ненужностью, что потом отозвалось адмиралу самым роковым образом. Чехи не особенно стремились воевать, но, став их начальником, Жанен приобрел среди них популярность, проявив незаурядные интендантские качества, упорно стараясь продержаться в Сибири и совсем не спеша возвращаться на берега Сены.

Сибирская армия Верховного правителя и «чехарда» военных министров

В качестве основной военной силы Колчак унаследовал Сибирскую армию, созданную летом 1918 года усилиями военного министра Сибирского правительства.

Армия была велика, и на бумаге ее численность доходила до 800 000 человек, но боеспособным среди из них являлось количество в десять раз меньшее, поскольку остальные десятки и сотни тысяч составляли лица, прикомандированные к обозам, интендантским службам и различным военным и даже гражданским учреждениям. В формировании боеспособных полков принял участие прибывший в Сибирь по заданию генерала М.В. Алексеева полковник Алексей Николаевич Гришин-Алмазов. Оценив складывающуюся политическую обстановку, он при невероятном списочном составе усмотрел очевидную нехватку людей, способных в случае необходимости защищать сибирские просторы. Полковник немедленно подготовил приказ о мобилизации молодых людей 1899—1901 годов рождения. В основу создаваемых дивизий Алексей Николаевич положил строгую дисциплину.

Идеология Сибирской армии, на основе которой формировались новые части, была ясна и четка, и более того, доведена стараниями Гришина-Алмазова до сведения каждого военнослужащего. Главной целью Сибирской армии, объяснял он своим офицерам, является защита автономии Сибири и ее демократического правительства от посягательств большевиков-интернационалистов. Система комплектования строилась, по замыслу Гришина-Алмазова, по территориальному принципу, когда на службу призывали рекрутов из одной деревни, уезда и волости, что отчасти цементировало взаимоотношения чинов, придавая службе известный элемент семейственности и спаянности. В форме чинов армии сохра-

нялось «нововведение» демократических времен Керенского: отсутствовали погоны. Впоследствии, при столкновениях с красными, чины сибирской армии, при-

Штаб адмирала Колчака

зывая их сдаваться, кричали: «Переходи — не бойся, — мы такие же беспогонные!» Гришин-Алмазов единолично постановил не учреждать наград в Сибирской армии за участие в боевых действиях, потому что считал, что таковых не может быть в ходе братоубийственной Гражданской войны. Мобилизационные мероприятия прошли успешно. Казармы пополнились новобранцами, однако в первое время на ночь к ружейной пирамиде ставились офицерские караулы.

Несмотря на видимые успехи и осуществленный мобилизационный план, Гришин был снят с должности спустя месяц. Формальной причиной явилась его ссора с британским консулом в Челябинске, в ответ на нелицеприятное замечание о России которого Гришин произнес: «Еще вопрос, кто в ком больше нуждается: Россия в союзниках или союзники в России». Этого вполне невинного замечания военного министра хватило для того, чтобы его не-

доброжелатели в правительстве представили дело Верховному правителю в самом невыгодном для военного министра свете, и тот был вынужден отбыть назад, на Юг, в распоряжение Деникина, где получил пост военного губернатора в Одессе.

Преемником убитого Гришина на посту военного министра стал генерал-майор Павел Павлович Иванов-Ринов, про которого знавшие его люди едко замечали: «Бывший полицейский пристав в Туркестане, типичный полицейский ярыжка, никакого понятия о военном деле не имевший, но чрезвычайно искусный в интригах и много повредивший всему Сибирскому делу».

Из тех немногих преобразований Сибирской армии, проведенных им в бытность военным министром, Иванов-Ринов отметил лишь распоряжения вернуть погоны как важный элемент униформы. Другим нововведением военного министра стал его приказ о направлении бывших офицеров, перебежавших из Красной армии к белым, на службу в нестроевые части на рядовые должности на время прохождения испытательного срока.

Александр Васильевич Колчак хорошо понимал важность деятельности военного министра, а потому вскоре, не без некоторых колебаний, памятуя о склонности к интриганству, решил передать бразды правления министерством генерал-лейтенанту Боддыреву. Отчасти это оправдывалось тем, что несмотря на отсутствие явных талантов генерал Боддырев все же прошел на Великой войне все командные должности, от командира полка до командующего армией, а в довоенное время состоял профессором Ака-

демии Генерального штаба. Сочетание значительной научной подготовки со строевым опытом было идеальным для подобной должности. Впрочем, скептики отмечали, что высокое звание генерала было не вполне оправдано в армии, состоявшей всего из нескольких батальонов, и сходились во мнении, что «в Сибири больше, чем где-либо, обнаружилась страсть к высоким званиям и широким правам, которыми злоупотребляли, а об обязанностях не очень заботились...»

Начальником штаба у Болдырева состоял известный нам генерал-майор Сергей Николаевич Розанов, участник Русско-японской и Великой войн, к марту 1917 года занимавший в армии должность начальника дивизии.

Забота о будущем Сибирской армии

Ситуация на фронтах диктовала необходимость ускоренной подготовки офицерских кадров. Убыль офицеров должны были возместить выпускники военных училищ, открывавшихся на всех территориях, освобожденных от большевиков. Военные училища в Сибири в 1918—1922 годы создавались, жили и работали на основании учебной техники и практики, выработанной в течение Великой войны 1914—1918 годов. Юнкера военных училищ почти всегда использовались в качестве наиболее надежных воинских единиц для поддержания порядка и подавления всякого рода мятежей, затеваемых большевистским подпольем. Так, выступление юнкеров Иркутского военного училища стало своего рода резонансом на дей-

ствия большевиков, шедших к власти не только силой, но и путем массовых, совершенно бессмысленных и ненужных жестокостей. Юнкера, как часть российского населения, инстинктивно противились превращению страны в базу мировой коммунистической революции.

Среди многих военных школ, юнкера которых приняли самое деятельное участие в Гражданской войне, следует отметить Оренбургское казачье военное училище и Уральскую школу прапорщиков. Школа была сформирована в августе 1918 года для замены офицерского состава из числа лиц, имеющих права вольноопределяющихся 1-го и 2-го разрядов. Первоначально состав школы состоял из конной сотни, пехотной роты, пулеметной команды и взвода артиллерии. Срок обучения вначале установили в восемь месяцев, но затем обстановка изменилась, и оба выпуска — юнкера, которым пришлось быть больше в боях, чем учиться, — тоже не имели точного времени курса. Школа принимала участие в боях при сдаче Уральска красным. Тогда был смертельно ранен герой Уральского войска генерал-майор Матвей Филаретович Мартынов, бывший в это время с юнкерской сотней под командованием есаула Мясникова. После падения Уральска, в дни полного упадка, охватившего казаков, атаманом был выбран генерал-майор Владимир Сергеевич Толстов, который при помощи сотни юнкеров разогнал митинг, созванный казаками для переговоров о сдаче, и приказал есаулу Яганову с юнкерами расстрелять его главарей. Таким образом, и в этом случае юнкера удержали в порядке буйствующую казачью мас-

су, готовую еще раз поверить красным делегатам и разойтись, распылиться по домам. Результат этого распыления был один и тот же. Всех казаков, сложивших оружие, красные переловили бы по одиночке и расстреляли. Когда перевес большевиков на фронте стал очевиден, начальство Школы отдало приказ об отходе. Юнкера отходили пешим порядком с армией из Гурьева, по пустой и голодной Прикаспийской степи, в пургу и морозы. В поселке Прорва большая часть казаков решила сдаваться красным. Начальник пулеметной команды Школы есаул Карташев, взяв с собой желающих и могущих идти: двух офицеров, четырех казаков и пять юнкеров, войсковое знамя и четыре пулемета, ночью двинулся на форт Александровск, куда спустя месяц они благополучно добрались. Начальник Школы полковник Донской, больной тифом, и помощник атамана по хозяйственной части генерал Мартынов, захваченные красными, были в числе других расстреляны.

Иная судьба была у юнкеров и преподавателей Оренбургского казачьего училища. Оно было основано в 1890 году, со штатом в 120 юнкеров, для подготовки офицеров во все казачьи войска, за исключением Донского. Последний набор юнкеров 1917 года в сотню Оренбургского казачьего военного училища был усиленным, поэтому к октябрьскому перевороту училище имело 150 юнкеров: 60 на старшем и 90 на младшем курсе. С конца октября занятия прекратились, так как юнкера несли караульную службу в банках, на складах, в арсенале и т.д. В январе 1918 года юнкера на фронте были сменены другими, а бывшие на фронте

поздней ночью 5 января 1918 года вернулись в училище. Тогда же начались первые столкновения со сторонниками советской власти. Юнкера были организованы в дружины, которые поддерживали порядок на улицах Оренбурга, и разгоняли небольшие вооруженные группки большевиков, пытавшихся поджогами и убийствами дестабилизировать ситуацию в городе. После первых успехов казачьи дружины разошлись по домам, а красные, подтянув новые силы (800 матросов с «Гангута»), 14 января 1918 года повели наступление, которое сотне юнкеров и добровольцев-партизан не удалось сдержать. Что произошло на фронте и в Оренбурге 17 января 1918 года, требует осмысления будущего историка. Из 64 юнкеров, бывших на фронте, 12 вернулись в училище перед самым его выступлением на Илецк. Остальные остались в тылу у красных и частью погибли, частью успели разойтись по домам. Атаман Дутов с комендантом станции Оренбург поручиком Румянцевым успел выскочить из города на случайно захваченном извозчике. В первой станице к ним присоединилось еще шесть молодых офицеров: восемь человек, двинувшиеся на Верхне-Уральск после падения Оренбурга, — вот и все, что осталось от «фронта», хотя бы и в кавычках.

Реорганизация Сибирской армии, возрождение православных традиций и роли духовенства

С приходом Колчака к власти Сибирская армия упраздненного правительства Директории шаг за шагом подверглась

реорганизации и положительным для нее преобразованиям. Действующие войска сводились в три отдельные армии. 24 декабря 1918 года на Пермском направлении из частей бывшей Екатеринбургской группы была образована Сибирская армия под командованием прежнего австро-венгерского подданного, получившего чин генерала, Радола Гайды. Спустя всего четыре дня, 28 декабря 1918 года, была сформирована Оренбургская (Южная) казачья армия генерала Александра Ильича Дутова, которая взаимодействовала с Уральской казачьей армией генерал-лейтенанта Николая Антоновича Савельева, возглавлявшейся впоследствии генерал-майором Владимиром Савельевичем Толстовым.

1 января 1919 года из частей бывших Прикамской и Самарской групп была создана Западная армия под командованием генерал-лейтенанта М.В. Ханжина, подкрепленная Южной армейской группой генерал-майора Петра Альфредовича Белова.

Все эти создаваемые и формируемые боевые соединения имели теперь каждое свою специфику, но относились к единой общности христолюбивого воинства, традиции которого соблюдались не один век в Императорской армии. Новое качество войск было связано и с возникновением нового духовного фактора — участием православного и инславного духовенства в жизни армии. Еще с января 1918 года по губернским городам России, в ответ на призыв Поместного церковного Собора, стали проводиться крестные ходы. 4 февраля состоялся крестный ход и в Омске. В нем принимали участие все городские

приходы. Возглавляемые епископом Сильвестром верующие останавливались у каждого храма, и преосвященный служил там молебен. 22 апреля 1918 года Святейший Патриарх Тихон возвел епископа Сильвестра Омского и Павлодарского в сан архиепископа. В ноябре соборное совещание архипастырей в Томске выдвинуло постановление о создании Высшего Временного Церковного Управления Сибири. Его главой без долгих обсуждений был избран владыка Сильвестр. Смутное время с особенной настоятельностью требовало служения. Преосвященный Сильвестр не уставал собирать под сенью храма Божьего паству, лишенную в суматохе Гражданской войны нравственной опоры. Облеченный к тому же исключительным авторитетом Церкви, архиепископ Сильвестр не мог не употребить его на благое дело гражданского сплочения разобщенной российской нации...

Именно под началом архиепископа в армии Колчака был восстановлен институт военного духовенства. К марту 1919 года в распоряжении армий находилось полторы тысячи военных священников. В феврале 1919 года был избран Главный священник Армии и Флота вооруженных сил А.В. Колчака — протоиерей о. Александр Касаткин, который с октября 1916 года служил священником 1-й армии, а в начале века участвовал в Русско-японской войне. Кандидатура о. Александра была поддержана Верховным правителем. Согласно положению о Главном священнике Армии и Флота, утвержденному военным министром, ему были переданы в подчинение все церкви и благотворительные учреждения военно-

го ведомства. В компетенцию Главного священника входило назначение благочинных и закрепление за ними церквей, не принадлежавших дивизиям, ходатайство перед военным руководством о награждении лиц духовного звания, распоряжение финансами и оказание материальной поддержки нуждающимся семьям военного духовенства. «В своей деятельности он (Главный священник. — *Авт.*) руководствовался церковными правилами, уставом духовных консисторий, сводом законов и сводом военных постановлений», — пишет Е.В. Волков. Некоторые источники отмечали, что взаимодействие Верховного правителя с русским православным духовенством началось еще в первых числах января 1919 года. Тогда к нему прибыл священник, одетый в крестьянское платье, пробравшийся из Советской России, который доставил адмиралу личное письмо от Патриарха Тихона и икону Святого Николая Чудотворца. Письмо, по сведениям личного адъютанта А.В. Колчака ротмистра В.В. Князева, содержало благословение Патриарха на «борьбу с атеистической временной властью над страдающим народом России». Были созданы отдельные боевые части, состоящие только из церковнослужителей и верующих. Ими стали Православная дружина «Святого Креста», «333-й имени Марии Магдалины полк», «Святая Бригада», три полка — «Иисуса Христа», «Богородицы» и «Николая Чудотворца».

В начале лета 1919 года владыка Сильвестр совершил поездку по Томской, Красноярской и Иркутской епархиям. В это время он произнес в приходах епар-

хий более сотни проповедей, разъясняя антихристианскую суть большевизма. В Омске с благословения владыки начали выходить два патриотических журнала: «За Святую Русь» и «Сибирский благовестник». Судьба владыки была во многом схожа с судьбами православного духовенства тех лет. Он пренебрег возможностью покинуть Омск во время большевистского наступления и остался там вместе с клиром и паствой. После захвата города большевики содержали архипастыря под арестом по обвинению в пособничестве Белой армии. Владыка Сильвестр был заключен ими в городскую тюрьму, где в течение восьми недель его истязали чекисты, требуя публичного покаяния в прессе. Не добившись своего, они подвергли святителя жестокой и мучительной смерти. Прибив его руки гвоздями к полу и таким образом распяв, они раскаленными шомполами прижигали его тело, а затем пронзили сердце. Архиепископ Сильвестр принял мученическую кончину 26 февраля 1920 года.

Военные планы Верховного правителя

Но вернемся к началу 1919 года. Новое боевое расписание армии и порядок ее формирования установил отдельный приказ Верховного Главнокомандующего от 3 января 1919 года. В Ставке Верховного правителя был разработан план наступления на большевистские части, а основным направлением удара избрана линия Вятка — Вологда — Котлас. Конечной целью наступления обозначался Архангельск.

Еще 24 декабря 1918 года была успешно завершена первая часть этого плана, когда от большевиков освободили Пермь.

Однако исполнение всего намеченного плана наступления скоро оказалось под угрозой: материальная и техническая подготовка частей оставляла желать лучшего, а в ходе боев с красными фронт откатился в самый центр. Дело заключалось в том, что фронт имел очень большую протяженность — почти в 1800 километров, от северного Каспия до Северной тундры. В ходе упорных оборонительных боев, к которым неизбежно перешла армия Колчака на Востоке, она была вынуждена оставить обширные территории на Южном Урале, но прочно закрепилась в предгорьях Среднего Урала.

Стоит заметить, что из 17 тысяч офицеров во всех армиях Восточного фронта всего лишь тысяча являлась кадровыми. Поток офицеров, стремившихся попасть в части Восточной армии Колчака, постепенно иссякал, так как путешествие в Сибирь для офицеров бывшей императорской армии было весьма проблематично. На Восточном фронте собирались люди в массе своей случайные, примкнувшие к движению сопротивления большевизму стихийно. Военные кадры готовились в некоторой спешке. Ускоренные 6-недельные курсы выпускали новоиспеченных офицеров, но они значительно проигрывали в своих умениях и опыте даже самым заурядным кадровым служакам, побывавшим в огне недавней Великой войны. В отличие от Юга России, на Востоке ощущалась нехватка высших военачальников, способных грамотно вести боевые действия с превосходящими си-

лами противника. Наиболее яркие и талантливые военные руководители, такие как Владимир Оскарович Каппель и Анатолий Николаевич Пепеляев, оставались на втором плане в силу того, что прежнее стихийное повстанческое движение уже выдвинуло многих случайных людей на командные должности. Сам Верховный правитель хорошо разбирался в вопросах морской войны, однако сухопутная стратегия была для него вещью относительно сложной. Его начальником штаба стал направленный с Дона молодой корниловский офицер Дмитрий Антонович Лебедев, быстро дослужившийся до генеральского звания.

Личность Дмитрия Лебедева

Этот выбор Колчака был настолько поразителен, что о нем еще долго говорили не только в военных кругах, но недоумевала даже явная оппозиция в лице эсэров. На допросах в Иркутской тюрьме большевики пытались узнать у адмирала причину столь странного назначения Лебедева на ответственный пост, но объяснений не добились. Полковник Генерального штаба, выпущенный по 2-му разряду, Дмитрий Антонович был, вероятно, подготовленным штабным работником, но не обладавшим, впрочем, особыми стратегическими талантами. «Ему не приходило в голову драгомировское поучение, что кучер должен править с козел, а не вылезать на конец дышла, а также, что с винтовкой в руках ходит всякий взводный, но это еще не значит, что он способен командовать армией; для этого надо иметь некоторые познания. Наверное,

Лебедев нравился ему (Колчаку. — *Авт.*), когда в беседах высказывался за крайнюю активность действий против большевиков, которых легко победить „с наскока”. На горе, идеалист, и верный в своих привязанностях, Колчак, кому поверил, тому верил неизменно до конца. Так он поверил и Лебедеву, и верил до тех пор, пока тот не привел армию к гибели», — вспоминал соратник генерала Д.В. Филатьев. По неясным причинам Колчак не воспользовался тем обстоятельством, что судьба привела в Сибирь всю Академию Генерального штаба, эвакуированную из Петрограда сначала в Казань, а затем, после ее захвата восставшими чехами, далее на Восток. Академия в то время была представлена лучшими ее кадрами — генералами Алексеем Фелициановичем Матковским, Михаилом Александровичем Иностранцевым, Виктором Ильичем Суриным, Павлом Федоровичем Рябиковым и Александром Ивановичем Андогским. По-разному сложились судьбы этих людей. Трое из них благополучно скончались в эмиграции, а двое погибли, сраженные пулями большевиков и темной бездной отчаяния. Случись Колчаку остановить свой главный выбор на этой группе военных, он получил бы прекрасную рабочую группу в штабе армии, и, кто знает, может быть, коллективный талант этих военных мыслителей переломил бы ход истории Белого движения в Сибири. Однако все свершилось, как свершилось, и Колчак получил тех военных советников, которые в силу исторических обстоятельств оказались у него под рукой. Именно с их легкой руки ударной силой Восточного фронта по-прежнему счита-

лась не регулярная армия, а немногочисленное Уссурийское, Амурское, Семиреченское, Забайкальское и Оренбургское казачество. Любопытно, что некоторые из атаманов так и не признавали над собой власти Верховного правителя, отдавая предпочтение интересам своих областей, порой в ущерб общим операциям и действиям.

Судьба Николаевской Академии Генерального штаба

В начале Великой войны, когда союзники возложили на Россию почти всю тяжесть войны, Академия прекратила занятия, а весь личный состав занял или строевые, или штабные должности. Спустя два года, когда сама жизнь обосновала невыгодность этого положения для русской Императорской армии, в 1916 году Академия снова начала занятия — теперь уже по сокращенному курсу: вместо двух лет он был сжат до восьми месяцев. В январе 1917 года первый после перерыва выпуск в числе 240 офицеров завершил занятия, и Академия произвела второй прием слушателей, выпущенных в том же 1917 году. После занятия Риги и при продвижении немцев на север Академия, оказавшаяся в руках большевиков, была переброшена в Екатеринбург вместе с офицерами, обучавшимися на третьем ускоренном курсе. Всех их разместили в здании городского епархиального училища. После экзаменов слушателей в конце апреля 1918 года перевели на старший курс, а на младший были присланы слушатели из Красной армии, из которых только два-три процента имели высшее

образование, около десяти — среднее, а остальные считались грамотными, однако и свою-то фамилию подписывали с трудом. На запрос начальника Академии генерала

теринбурге, осталась там, но большинство выехало в Казань.

Быстрое продвижение отряда полковника Владимира Оскаровича Каппеля и чехов к Казани не позволило красным эвакуировать ни военные склады, ни золотой запас. Также они не имели в своих планах отправить в первую очередь в тыл Академию, но кто-то из «начальства», дабы Академия, с ее сомнительной надежностью для советской власти, не досталась «контрреволюционным силам», приказал «ликвидировать» ее личный состав. Для исполнения этого плана местными большевиками был послан отряд латышей, но на пути их встретил взвод белых. Разбитый отряд бежал. Из Казани, выделив 15—20 слушателей старшего курса на должности офицеров Генерального штаба для организуемых новых частей в городе и в отряд полковника Каппеля, Академия с остальным составом эвакуировалась (42 слушателя и личный состав), присматривая по пути до Самары золотой запас. До конца 1918 года она располагалась в Омске, где всех слушателей старшего курса затем распределили во вновь создаваемые штабы армий, корпусов и дивизий, а затем личный состав был переброшен в город Томск. По переезде в Томск Академия получила приказание начать работу. Из частей были откомандированы 200 офицеров для слушания курса, и занятия начались.

Академия разместилась в «Доме Науки» на Магистерской улице Томска. Так как Ставка Верховного правителя все время требовала офицеров Генерального штаба, то курс преподаваемых наук был сжат до предельной возможности — шести месяцев. Первое время начальником

Приказ о создании офицерских курсов в Омске

Александра Ивановича Андогского, последовавший на имя Троцкого, что ему делать с этими слушателями, тот отвечал, что «они или сами уйдут, или вы их отчислите за неуспеваемость, так как они не будут в состоянии осилить самых простых понятий...» Между прочим, в числе отчисленных вскоре оказался и знаменитый Чапаев. Когда Екатеринбург стал угрожать возможность перехода в руки белых и чехов, Академия получила приказ от Троцкого эвакуироваться через Казань в Москву. Часть слушателей, имевших возможность скрыться в Ека-

Академии оставался профессор генерал-майор Андогский, позже его сменил профессор генерал-лейтенант Колюбакин. Занятия начались в декабре 1918 года и закончились в мае 1919-го, когда 150 офицерам выдали аттестаты, а остальные по разным причинам были отчислены к своим частям. Окончивших курс офицеров отправили для замещения вакантных должностей офицеров Генерального штаба в войсковые и армейские штабы. Последовавшие затем события, когда Белое движение стало терпеть поражение за поражением, а сам адмирал Колчак попал в плен, вызвали переброску Академии во Владивосток, где она и разместилась в казармах 3-го Сибирского стрелкового полка на Русском Острове, — вплоть до эвакуации в конце октября 1922 года. Большая часть преподавателей Академии оказалась за границей, но материальная часть досталась большевикам (не распакованная, она лежала на владивостокских складах). В тот период своей истории, в 1921—1922 годы, кадры Академии, увы, не были использованы по своему прямому назначению в штабах белых армий и сидели без работы, на скудном армейском довольствии.

Кратковременные успехи Сибирской армии

В начале марта 1919 года благодаря притоку в Сибирь талантливых генштабистов инициатива оказалась в руках Белой армии. Ставка представила Верховному правителю новый стратегический план наступления на Пермско-Вятском и Самаро-Саратовском направлениях в ка-

честве первой фазы развития общего наступления. В случае первоначального успеха наступление продолжилось бы двумя главными ударами на обоих направлениях, а в перспективе могло стать началом наступления на Москву с севера, юга и востока.

15 февраля 1919 года перед командующими войсками была обнародована директива Верховного Главнокомандующего, подготовленная начальником его штаба Лебедевым и предписывавшая наступление на всех направлениях. «Между прочим, в Сибири у широких военных кругов создалось убеждение, что на выбор Московского направления подействовала больше всего боязнь молодых сибирских маршалов встретиться с Деникиным, по соединении с войсками которого им пришлось бы сойти на нет. Второе, что дестно было, — это войти в Москву первыми и тем самым закрепить на своих высоких постах. На север толкал свежее испеченных полководцев молодой задор, их безграмотность, уверенность, что красные не окажут серьезного сопротивления. А больше всего — английский полковник Нокс и чешский воевода Гайда...», — отзывались о выборе военные специалисты. Сибирской армии было приказано овладеть районом Сарапул — Ижевск — Воткинск. Западной армии — районом Бирск — Белебей — Стерлитамак — Уфа. Оренбургской и Уральской армиям — захватить район Оренбурга — Актюбинская — Уральска.

4 марта 1919 года 1-й Средне-Сибирский корпус генерал-лейтенанта Анатолия Николаевича Пепеляева перешел по плотному льду Каму, между городками

Осой и Оханском. Южнее выступил 3-й Западно-Сибирский корпус генерал-лейтенанта Григория Афанасьевича Вержбицкого. Два корпуса вклинились в оборону 2-й большевистской армии и взяли оба города 8 марта 1919 года. Двумя днями раньше в наступление включилась Западная армия. Через два дня 2-й Уфимский корпус генерал-майора Сергея Николаевича Войцеховского численностью в 9 тысяч штыков овладел Бирском.

14 марта 1919 года 2-й Уральский корпус генерал-лейтенанта Владимира Васильевича Голицына взял Уфу. Бои с большевиками продолжались еще неделю. Части Пепеляева и Вержбицкого продвинулись почти на 90 верст, но не смогли осуществить прорыва большевистского фронта. Отступая, большевики ухитрялись сохранять целостность фронта и боеспособность. 5 марта 1919 года под Уфой, в столкновении со 2-м Уральским корпусом Голицына численностью в 17 тысяч штыков, 5-я большевистская армия под командованием Блюмберга попыталась перейти в наступление силами 26-й и 27-й дивизий. Эти силы красных были остановлены частями генерал-лейтенанта Михаила Васильевича Ханжина. На следующий день Ханжин перешел в контрнаступление, корпуса генералов Войцеховского и Голицына, обрушившись на большевиков севернее Уфы, прорвали красный фронт, поставив 5-ю советскую армию на грань уничтожения. В лобовое наступление на Уфу двинулся 6-й Уральский корпус генерал-майора Николая Тимофеевича Сукина.

Стремительным наступлением он преврал связь большевистского штаба армии

с войсками. Части красных бежали. После занятия Бирска, Западная армия Ханжина захватила Мензелинск, Белебей и Бугульму, разделив большевистский Восточный фронт надвое, и вышла к Каме. Наметилось окружение, грозящее полным уничтожением 5-й красной армии. Спасаясь от преследования, ее штаб во главе с «товарищем» Блюмбергом оставил Уфу 12 марта 1919 года, отдав приказ по армии начать отход на рубеж реки Чермасан, в 100 верстах восточнее города. На ближайшей железнодорожной станции Чишмы творилось невероятное: все пути были забиты застрявшими большевистскими эшелонами, царил общая паника и неразбериха. У станции скопилось большое количество обозов, ожидая разгрузки. Отступавшие красноармейцы спешно покинули станцию, изменив первоначальный план закрепиться на ее рубеже. Командование большевистским Восточным фронтом посчитало, что приказание Блюмберга об отходе оказалось неверным, и направило в войска директиву о возвращении в Уфу и обороне города до последнего солдата. Но куда там! Полки и дивизии 5-й советской армии, оказавшись перед угрозой окружения, отступали в беспорядке. Убегая в степи в южном и восточном направлениях, красные бросали обозы и технику. В захопнувшемся кольце осталось много припасов и имущества, брошенных уходящими большевиками, однако в плен к белым не попал почти никто: бегство красных было столь стремительно, что белые части не смогли окружить их по законам военного искусства, путем форсированных маршей и маневров.

На южном фланге фронта была сокрушена 4-я советская армия, пытавшаяся продвигаться на Гурьев. Два ее авангардных полка вырубали шашками староверческий отряд уральских казаков. После того казаки под руководством командующего Уральской армией генерала Владимира Сергеевича Толстова взяли направление на Уральск. Им удалось прочно блокировать Оренбург и Уральск, однако состав частей, штурмовавших Оренбург, оказался не вполне пригодным для подобных операций: казаки и конники-башкиры армии генерал-майора Александра Ильича Дутова были слабы для осады и штурма укрепленных позиций. Кавалерия армии генерала Ханжина повторяла ошибку своих донских собратьев по оружию: увлекшись преследованием отступающих, конница всером расходилась по степям, что часто становилось причиной потери связи между ними. Направить кавалеристов в рейд по большевистским тылам оказалось затруднительным все по той же прежней причине: казаки желали сначала освободить свою землю, прежде чем двигаться дальше и освобождать «чужую».

Для прикрытия разрыва, образовавшегося между частями Ханжина, Дутова и Толстова, была привлечена Южная казачья группа генерала Белова, однако это не помогало белым частям сохранить монолитной линию фронта. Об усилении Западной армии за счет свежих частей Сибирской, что показалось естественным ходом опытным штабным генералам, речи не шло. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Лебедев, в силу незнания о передвижениях вверен-

ных ему сил, об этом даже не помышлял. Командование большевистского Восточного фронта направило в свои части директивы об общем отходе за Волгу.

Так как с продвижением к Волге белые армии выходили на Московское направление, центр тяжести наступательной операции необходимо было переносить на юго-запад. Главный удар планировалось нанести силами Западной армии: своим правым флангом она должна была прорваться к Сызрани и Симбирску, имея в качестве сверхзадачи продвижение на Ставрополь для соединения с частями ВСЮР под командованием А.И. Деникина. Предполагалось, что Сибирская армия должна нанести вспомогательный удар и своим левым флангом выйти к Казани, а правым — двигаться в направлении Вятки и Вологды для соединения с Северной Добровольческой армией генерал-лейтенанта Евгения Карловича Миллера. Так как движение Сибирской армии разделялось на два направления, то она имела две армейские группы: Северную, под командованием генерала Пепеляева, и Южную, под командованием генерала Вержбицкого. Белая армия продолжала наступление в направлении на Среднюю Волгу. В ходе наступления они стремились захватить основные переправы через Волгу, отбросив большевиков на юг, подальше от их естественного оборонительного рубежа.

10 апреля 1919 года Сибирская армия взяла Сарапул, а через три дня вошла в Ижевск. В устье Камы была послана белая флотилия с десантом. Флотские офицеры, ощущавшие нехватку в людских ресурсах, пытались пополнить ряды флотилии призывами к местному населению

в населенных пунктах, куда они прибывали: «...мичман М. обратился с призывом присоединиться к Народной армии и общими усилиями сбросить с России красное иго. Недоверчиво смотрела на молодого офицера немая толпа. Тупые лица как будто хотели сказать: „Пой, пой, малец, но нас не проведешь! Еще неизвестно, чья сторона возьмет верх“. Когда толпа разошлась, подошли двое или трое из молодых и, оглядываясь и как будто стыдясь, попросились записаться в армию. Вот и все... Удивляться, что мы проиграли Гражданскую войну, не приходится. Наша покорность — вот что помогло большевикам», — горестно констатировала морской офицер Г.А. Мейер в своих воспоминаниях. Вскоре белые заняли город Чистополь, и в устье Камы исчезла большевистская власть. Белая армия стояла у Волги. В конце апреля армия Верховного правителя вышла на подступы к Казани, Самаре и Симбирску, освободив значительные территории с важными промышленными и сельскохозяйственными ресурсами, населенные более чем пятью миллионами человек. С занятием этих районов открывалась прямая дорога на Москву. На двух других направлениях колчаковские части подступали к Самаре. В ста верстах от Самары корпус генерала Войцеховского захватил городок Сергиевский, а на востоке стрелковый корпус генерала Сукина и кавалерийский корпус генерал-майора Андрея Степановича Бакича оба увязли в тяжелых боях возле Бугуруслана с силами 1-й советской и Туркестанской армий. Одержав над ними победу, эти колчаковские части заставили большевистское командование

отвести свои войска южнее города. 7 апреля 1919 года ЦК РКП (б) принял решение об объявлении Восточного фронта главным. М.В. Фрунзе были переданы четыре советских армии: 1-я, 5-я, 4-я и Туркестанская. Их общая численность составила 80 тысяч человек. В совокупности эти силы превышали Западную армию генерала Ханжина ровно в два раза.

Когда удача отворачивается...

Растягивание фронта, с чем не могли справиться ни Бакич, ни Сукин, при отсутствии у них полноценных резервов, привело вскоре к «оголению» его флангов. Обнаружив это, большевики перешли в контрнаступление. Под ударом оказалось направление Бузулук — Бугуруслан — Белебей — Уфа в полосе Западной армии генерала Ханжина, а в полосе Сибирской армии генерала Гайды опасная ситуация сложилась на направлении Сарапул — Ижевск — Воткинск. Большевики приняли глубокий обход сил Западной армии. 2 мая 1919 года она приостановила свое продвижение к Волге; через пару дней был оставлен Бугуруслан. В это же время красные перерезали Самаро-Уфимскую железную дорогу. Стремясь выровнять положение, Ханжин готовился к контрудару. На южное направление, остававшееся для Ставки Верховного Главнокомандующего основным, был отправлен 1-й Волжский корпус, входивший в Северо-восточную армию генерал-майора Владимира Оскаровича Каппеля. Успех операции должны были обеспечить действия Уральских и Оренбургских казачьих армий. Сначала противника

контратаковал корпус генерала Войцеховского, однако в тяжелых трехдневных боях он понес поражение на реке Сок, а затем в беспорядке отошел за реку Ик. Бугульма была оставлена белыми 13 мая 1919 года. Части 1-го Волжского корпуса Каппеля сосредотачивались довольно медленно, но все равно неудачно. В ходе упорных трехдневных боев на реке Ик они были разгромлены силами 31-й и 24-й стрелковых советских дивизий и приданным им 6-м корпусом. 17 мая 1919 года колчаковские части были принуждены оставить Белебей. На следующий день красные форсировали Каму, и основные события стали уже разворачиваться на Уфимском направлении. Ханжин все еще пытался создать боеспособный костяк армии уже на подступах к Уфе, однако ему это не удалось. Разбитые и деморализованные белые части, прижимаемые большевиками к полноводной реке Белой, уходили в беспорядке на правый берег. Отделенные от противника естественным водным рубежом, эти части получили время переформироваться и соединиться в три группы — Волжскую, под командованием генерала Каппеля, Уфимскую, под командованием генерала Войцеховского и Уральскую, под командованием генерала Голицына. Однако из Ставки Верховного, правителя пришла весть о снятии Ханжина с должности «за допущенные ошибки и просчеты».

Лебедев интригует

Как выяснилось позже, мнимая вина Ханжина была ловко сфабрикована стараниями неутомимого Дмитрия Антоно-

вича Лебедева. Генерал Филатьев прямолинейно отмечал в своих записках: «Я не знал и никогда не видел Лебедева, и своего суждения о нем иметь не могу. Барон Будберг, которому я верю во всем до последнего слова, так как отлично знал его еще в мирное время, называет Лебедева бездарным и безграмотным выскочкой с огромным апломбом, самоуверенностью и отлично подвешенным языком». Так или иначе, но новым командующим с 20 июня 1919 года был назначен генерал-майор Константин Вячеславович Сахаров — человек, не обладавший стратегическими талантами, однако проникнутый железной решимостью выполнять приказы начальства всеми средствами. Лебедев отдал приказание армии Гайды наступать на городок Глазов форсированным маршем, чем подставляя под удар всю его армию.

Этим не замедлили воспользоваться большевики и нанесли Гайде такое поражение, что заставили всю его армию, бросив линию обороны, быстро откатываться назад. В итоге обстановка на фронте поставила многие колчаковские части на грань развала. Современник недоумевал: «...поразительно, но у Колчака не раскрылись глаза на нелепость стратегии его начальника штаба. Человек он был, бесспорно, и очень умный, и в своем морском деле широко образованный; к тому же если у моряков и у сухопутных тактики совершенно различны, то стратегия и тех и других отправляется на одних и тех же научных принципах. Поэтому-то совершенно непонятно, что Колчак до самого конца не сумел разобраться в нелепостях, совершаемых Лебедевым».

Большевики наступают

5-я советская армия начала форсировать реку Белую в устье, где та сливается с рекой Камой, создав непосредственную угрозу важнейшей коммуникации Сибирской армии — железной дороге на Екатеринбург. В разрыв, образовавшийся после разгрома Екатеринбургского ударного корпуса, из армии Гайды двинулись части 2-й советской армии, а с фронта перешла в наступление 3-я советская армия. Другие войска Фрунзе, при поддержке артиллерийского огня 48 орудий, начали наступление на части генерала Сахарова у переправы у Красного Яра. 25-я и 31-я советские стрелковые дивизии сумели прорвать оборону 4-й горнострелковой дивизии Сахарова с приданными ей 16 аэропланами и захватить обширный плацдарм. Уральские стрелки переходили в контратаки, пытаясь прижать красных к берегу, аэропланы совершали бесчисленное количество вылетов, сбрасывая бомбы (тогда у красных получил ранение Чапаев и даже оказался контужен Фрунзе), однако изменить положение в лучшую для себя сторону белые части не могли.

На следующий день сражения Сахаров подтянул свежие силы — две дивизии генерала Каппеля и части ижевских рабочих повстанцев, прибывших на войну с большевиками под красными знаменами, которые считали символом своей рабочей борьбы. Их наступление красные встретили жестоким пулеметным огнем, невзирая на который каппелевцы приблизились к противнику вплотную и сошлись в рукопашной схватке. За первой их атакой последовала другая, третья, од-

нако сбросить большевиков с плацдарма им так и не удавалось. За ночь на плацдарм было переправлено немало свежих подразделений, на поле боя оставались десятки сотен убитых. Участник каппелевских атак В.О. Вырыпаев вспоминал: «Огонь противника стал стихать. Наша пехота входила в деревню... Я перенес наблюдательный пункт в деревню, уже очищенную от красных. Там... увидел трупы замученных наших бойцов: у раздетых догола была вырезана кожа там, где полагается на одежде быть погонам. Один висел, приколотый штыком к стене амбара...» Другой участник атак, поручик Арсений Несмелов, оставил поэтические строки, исполненные безнадежной тоски:

Докатились. Вернее — докапали
Единицами: рота, взвод...
И разбилась фаланга Каппеля
О бетон крепостных ворот.

Вечером 9 июня 1919 года переправившиеся на плацдарм большевики перешли в наступление, с двух сторон ворвавшись в Уфу, и перерезали железную дорогу на Челябинск. Началось отступление кочаковских частей к Уральским горам, навстречу своему поражению. Они постепенно выбивались из сил и не получали подкреплений. Сибирская армия генерала Гайды бездействовала, располагаясь в районе Перми.

Опасения генерала Каппеля

Генерал Каппель понимал, что Ставка Верховного правителя просто потеряла инициативу и не имеет четких стратеги-

ческих планов на будущее. Более того, Каппелю становилось очевидным, что Ставка отдала инициативу своим разрозненным армиям, и они действовали на свое усмотрение. Резерв колючаковских армий практически был исчерпан, и пополнений, которые можно было бы влить в поредевшие части белых, не имелось. Владимир Оскарович направил в штаб Колчака в Омске просьбу разрешить ему сформировать кавалерийский корпус в 2000 сабель с конноартиллерийским полком. С этим соединением он намеревался пробиться на фланги и уйти в тыл красным. Совершив такой маневр, углубившись на расстояние в сто или двести верст от фронта, взрывая мосты и нападая на склады оружия, можно было посеять среди большевиков панику. Это дало бы, по мнению Каппеля, возможность основным отступающим силам получить передышку, пока красные, сняв силы с главного фронта, чтобы ликвидировать летучий отряд у себя в тылу, будут гоняться за ним по собственным тылам. О плане стало известно не только Верховному правителю, но и его «военным экспертам». Очевидец вспоминал: «Многие чины штаба были открыто против этого плана, говоря: „Разреши Каппелю этот прорыв — он заберется в красные тылы, возьмет Москву и организует каппелевское правительство. А о нас забудет или просто туда не пустит“. Спустя много времени... на мой вопрос при встрече генералу Каппелю о судьбе его рапорта о набеге на красные тылы Каппель сказал, что получил сообщение: „Ставка не располагает такими ресурсами, чтобы рисковать двумя тысячами всадников,».

Оттолоски былых просчетов

Летом 1919 года Сибирской армии пришлось расплачиваться за то, что ее командующий генерал Гайда вовремя не пришел на помощь Западной армии. Теперь большевики уже обходили ее с юга, взрывали коммуникации, портили железнодорожное полотно, а с фронта по Сибирской армии ударили усилившиеся за счет пополнений 2-я и 3-я советские армии. 1 июля 1919 года Гайда оставил Пермь и Кунгур. Положение все более осложнялось, и некоторые осторожные люди вроде министра барона Алексея Павловича Будберга стали настойчиво рекомендовать Колчаку перевезти правительство в Иркутск, а оставшиеся войска отвести за реку Ишим, где дать им устроиться и передохнуть, перейдя временно к позиционной войне. «Адмирал согласился, но другие поймали его на его коньке и указали, что отъезд будет истолкован так, что будто адмирал боится опасности, и что, кроме того, переезд произведет дурное впечатление за границей», — утверждал свидетель обсуждения этого переезда Д.В. Филатьев. Колчак отложил переезд. Более того, по настоянию Дмитрия Антоновича Лебедева он дал согласие на подготовку нового наступления под Челябинском, задуманного Лебедевым «для восстановления боевого духа войск», упавшего после недавних неудач.

План Лебедева и его штаба состоял в том, чтобы заманить 5-ю армию Тухачевского в Челябинск. С северной части города начинали наступление части генерала Войцеховского силами до 16 тысяч человек. Они должны были перерезать

железную дорогу Челябинск — Екатеринбург, а с южной стороны города армию Тухачевского атаковали бы части генерала Каппеля силами до 10 тысяч штыков, перехватывая железнодорожное направление Челябинск — Златоуст. Во фронт большевистской армии планировала ударить группа генерал-майора Владимира Дмитриевича Косьмина. Однако Лебедев, в силу собственной оперативно-тактической неподготовленности и надеясь на случай — панику в стане большевиков при виде стремительно приближающихся белых частей, — недооценил противника. Красная армия не начала отступление под угрозой окружения, так как имела в руках ресурсы большого города. Севернее Челябинска наступала 3-я советская армия, развернутая во фланг частям Войцеховского, вынужденным занять оборону. Из резерва Восточного фронта его командующий Фрунзе отправил в тылы белых целую дивизию. Потери с двух сторон были ужасающие, однако большевистское командование с легкостью восполняло их за счет поголовной мобилизации местного населения, а ресурсы колчаковцев находились почти на исходе. В результате белое командование было вынуждено снять сразу три дивизии, находившиеся на переформировании, и бросить их в бой под Челябинском. Генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс пожертвовал последним резервом колчаковской армии — двумя сибирскими дивизиями, только что сформированными из мобилизованных и добровольцев и даже не прошедшими базовых стрелковых курсов. Бои с большевиками продолжались неделю, но наступивший в их ходе

перелом оказался не в пользу белых. Только пленными колчаковцы потеряли 15 тысяч человек.

Нужно ли говорить, что наступление 28—30 июля 1919 года обернулось разгромом уже уставших белогвардейских частей свежими и прекрасно организованными большевистскими армиями. Лебедев пытался оправдать это бессмысленное с военной точки зрения наступление неподготовленностью новобранцев, плохой работой Омского округа в деле комплектации штаба военными кадрами, однако следом за неудачами на фронте последовали восстания в тылу, которые готовило большевистское подполье. Колчак впервые начал сомневаться в способностях своего начальника штаба, но только к 10 августа 1919 года наконец решил расстаться с Лебедевым. Окончательно надорвавшие свои силы, потерявшие боеспособность и стратегическую инициативу, белые армии стремительно оставляли Урал, откатываясь на восток, глубже в Сибирь. Дальнейшее существование власти Колчака определялось уже не успехом фронтовых операций, а сибирскими диванциями.

Последние кадровые ошибки Верховного правителя

Сняв Лебедева, Колчак назначил на эту должность генерала Дитерихса, который, по оценке современников, был «хотя и пожилой, но опытный и бодрый». За ним стоял не только большой служебный, но еще и боевой опыт. Дитерихс потребовал от командующих армиями предоставления сведений о количестве их войск. Ока-

залось, что в армиях насчитывалось всего 50 тысяч человек, — при 300 тысячах нестроевых. Чтобы выиграть время для отвода разбитых частей за реку Ишим, Дитерихс сам перешел в наступление частью своих сил на левом фланге. Его наступление имело кратковременный успех. Большевики были разбиты и отброшены за Курган, они спешно отходили за реку Тобол, оставляя большие военные трофеи. Дитерихс понимал, что для закрепления успеха был необходим заключительный удар казаков в большевистском тылу, идею которого поддерживал генерал Иванов-Ринов.

Как оказалось, «полицейский ярыжка» к тому времени интригами и подкупам сделался атаманом Сибирского казачьего войска. «Он заверил адмирала (Колчака. — *Авт.*), что если казаков богато снабдить всем необходимым снаряжением, вооружением и одеждой и отпустить им определенное количество миллионов рублей, то войско поднимется как один человек и красным не устоять под его напором, а командование он, Иванов-Ринов, берет на себя». Колчак, остро переживавший сыпавшиеся, как из худого мешка, военные неудачи, ухватился за это предложение. Адмирал тотчас же распорядился направить казакам Иванова-Ринова деньги и военное снаряжение. Но вместо обещанных адмиралу новоявленным атаманом 18 тысяч шашек Сибирское казачье войнство выставило менее половины. Современник с сарказмом отмечал: «Да и те никакой пользы не принесли, потому что взявшийся ими командовать Иванов-Ринов обнаружил полное неумение выполнить

поставленную ему генералом Дитерихсом задачу».

Колчак решился выехать на фронт лично, прибыв в расположение казачьего отряда 10 сентября 1919 года. Оттуда он неожиданно прислал Дитерихсу телеграмму следующего содержания: «Ввиду переутомления войск, и в особенности казаков, остановил войска на трехдневный отдых. Очень вам благодарен за успех. Колчак». Дитерихс недоумевал, о какой усталости могла идти речь, когда казаки не участвовали в боевых столкновениях, а лишь следовали походным порядком за левым флангом Дитерихса? Части под его командованием подошли к Тоболу, но, не получив подкреплений, остановились. Сознавая, что Омск не имеет резервов, Михаил Константинович отправил рапорт в Ставку, где просил приступить к разгрузке и вывозу на восток омских складов и материальной части. Колчак прочитал его рапорт в присутствии генерала Сахарова, который был у Верховного правителя в тот момент на приеме: «В чем дело? Наши войска идут вперед, доходят до Тобола, а главнокомандующий... рекомендует эвакуировать Омск? Решено было, что Дитерихс устарел. Ему послана телеграмма, выражающая удивление его рапортом. Дитерихс коротко ответил: „Если наши войска делают хоть один шаг назад, то они не останавливаются и у Омска“». Сахаров с деланным возмущением поддержал Верховного правителя и отрицательно отзывался о предложении Дитерихса, заявив, что главнокомандующий не способен правильно оценивать ситуацию, а эвакуация Омска вызовет неприятный резонанс у союзников. И сразу добавил, рассчитывая, что его

слова произведут необыкновенный эффект на адмирала, что Омск, равно как и Иртыш, можно и должно превратить в укрепленные районы и там надолго остановить продвижение большевиков на восток. Эта тирада и решила военную судьбу Дитерихса. Безгранично доверявший Сахарову еще со времени совместного пребывания в тюрьме у большевиков, адмирал Колчак принял решение отозвать Дитерихса в тыл, для формирования добровольческих частей, а на его место назначил генерала Сахарова.

Развал фронта

Противник Сахарова генерал Д.В. Филатьев замечал: «Сам Сахаров в его книге... рассказывает, что он не брался удерживать Омск во что бы это ни стало, а обещал лишь сделать все возможное для его удержания. Видимо, генерал Сахаров и поныне не успел додуматься, что дело заключалось не в терминологии, а в том, что его „обещание“ в корне изменяло принятый уже план действий, а в случае несдержания его обещания вело неизбежно к катастрофе». Приказ нового главнокомандующего, гласивший, что Иртыш и Омск отныне преобразуются в неприступные для большевиков крепости, был расклеен по всему городу.

Было начало ноября, и температура воздуха быстро падала. С неизбежным замерзанием реки эта естественная оборонительная преграда должна была исчезнуть и предрешить судьбу Омска, ибо по льду большевики могли обойти в любом месте белые войска, оборонявшие город. В самых первых числах ноября

Иртыш замерз, и Сахарову стало очевидным, как он подвел Верховного правителя. Когда главнокомандующий доложил Колчаку о том, что его эшелон готов к выходу и, чтобы не задерживать движение, должен выйти из Омска к вечеру, адмирал удивленно спросил его, как же можно покидать город после выпуска приказа о создании из него крепости? Сахаров без тени сомнения отвечал ему, что издание приказа «требовала обстановка»... Подобный ответ Сахарова стал еще один разочарованием Верховного правителя в людей, которым он привык безгранично верить.

На станции Татарская Колчак попросил соединить его с генералом Каппелем — последним, на кого у Верховного правителя оставалась хоть какая-то надежда. Накануне Колчак просил его принять пост главнокомандующего, на что Каппель отвечал Верховному правителю телеграммой, что считает себя неподготовленным для такой должности и молодым, в то время как вокруг есть много «старших и опытных». В телефонном разговоре Колчак дал понять молодому генералу, что, несмотря на его 37 лет, он считает того вполне способным справиться с ситуацией, и что ранее он уже предлагал этот пост старшим генералам. Колчак спросил Каппеля, что тот станет делать, если тот получит приказ стать главнокомандующим, на что получил ответ, что тот, как человек военный, должен будет исполнить приказ. Спустя час Колчак прислал телеграфный приказ о назначении Владимира Оскаровича Каппеля главнокомандующим с 11 декабря 1919 года.

Покидая Омск, Сахаров даже не считал нужным передать дела остававшему им в качестве заместителя Каппелю, словно забыв рассказать тому о плане эвакуации и общем расположении частей. Да и сам отъезд генерала проходил сумбурно и хаотично, по едкому замечанию его недоброжелателя: «В эвакуации Омска не было никакого порядка. В самом хвосте шло много санитарных поездов с больными и ранеными, которые вскоре попали в руки красных. А также красные скоро овладели эшелонами с личным составом некоторых учреждений. И нетрудно представить их участь...» Дипломатический корпус в Омске предложил Верховному правителю взять под международную опеку российский золотой запас, но, набравшись твердости, адмирал отвечал, что золото принадлежит России и не может быть передано другим державам.

В 6 верстах от Омска строилась линия обороны города, командовать которой было поручено генералу Войцеховскому, однако заполнить ее войсками так и не удалось: с 12 ноября по упрочившемуся льду Иртыша началось повальное и никем не управляемое бегство солдат и части офицеров частей за реку.

«Эвакуация» и зловещая роль чехословаков

Эвакуация принимала характер всеобщего исхода: из Омска пытались уехать не только военные и гражданские учреждения, но и мирные обыватели, рабочие и служащие. Верховный правитель оставался в Омске до последнего часа. Накануне

своего отъезда в ночь на 13 ноября днем 12 ноября он отправил эшелон с золотым запасом из города. 14 ноября 1919 года в город вступили большевистские части. Преследование отступавших колчаковцев М.В. Фрунзе поручил 5-й армии Тухачевского. Из состава 3-й армии ему дополнительно передавались 30-я и 51-я стрелковые дивизии. Состояние подвижного состава, используемого отступавшими, оставляло желать много лучшего, нередко случались аварии, приводившие к многочасовым задержкам движения, а железнодорожники требовали себе отдельную плату за дальнейший ход поезда. Даже литерный поезд — «золотой эшелон», и тот потерпел незначительное крушение, столкнувшись с другим составом.

Трассу от Новониколаевска до Иркутска занимал 60-тысячный отряд чехословаков. Изначально он был размещен там для охраны, но оказался хозяином положения, а в критическое время омской катастрофы превратил это бедствие для беженцев и отходящих русских частей в средство наживы. Желая добраться домой, прилично обогатившись за счет русских бед, захватив массу имущества и ценностей, в трагические для колчаковской армии дни чехословаки решили отправиться домой. По Чехословацкому корпусу был отдан приказ: не пропускать за станцию Тайга русских эшелонов, пока в обратном направлении не проедут все части чехов. Русские вагоны останавливались, отгонялись в тупики, у эшелонов чехословаками изымались паровозы. Пассажиры, оставленные в вагонах после того, как паровозы захватывались чехословаками, оказывались беззащитными

против сибирских морозов, нападения местных банд или партизан, рыскавших в округе в надежде поживиться за счет беженцев. Единственный поезд, более или менее постоянно двигавшийся на восток, оставался у Верховного правителя. Добравшись до потерпевшего крушения «золотого эшелона», Колчак приказал собрать вагоны и продолжил движение вместе с бесценным грузом. Разбитая армия отступала по всему Сибирскому тракту, поскольку чехословаки не пускали их на железную дорогу. Колчак слал безрезультатные протесты по поводу бесчинств чехословаков командующему союзными силами генералу Жанену.

Приближение к тупику. Череда предательств

Власть адмирала над верными вооруженными частями становилась все более призрачной. 9 декабря 1919 года добравшись на поезде до станции Тайга, Верховный правитель получил «ультиматум» от генерала Пепеляева. В нем Анатолий Николаевич требовал немедленного созыва Сибирского Земского Собора, прилагая проект соответствующего указа, и призывал Верховного правителя к отставке генерала Сахарова, с непременным проведением расследования дела о сдаче Сахаровым Омска без боя. Оскорбленный в лучших чувствах, Колчак уже был готов к вооруженному столкновению с Пепеляевым (адмирал еще имел 60 офицеров и 500 солдат собственного конвоя), но из Иркутска прибыл посредником брат генерала В.Н. Пепеляева, и конфликт удалось погасить. Узнав от прибывшего, что

творится в Иркутске, Колчак назначил походного атамана Забайкальского казачьего войска Григория Михайловича Семенова командующим войсками Дальнего Востока и Иркутского округа. В своем обращении к Семенову Колчак просил атамана о наведении порядка силами вверенных ему казачьих войск. Лишь к 27 января 1920 года адмирал подъехал к Нижнеудинску. В этот же день в городе поднялось восстание под руководством местного «Сибирского революционного комитета».

Не потерявший надежду прибрат к рукам русский «золотой запас», генерал Жанен распорядился не пропускать литерный поезд Колчака далее станции Нижнеудинск. Чехословаки с затаенным злорадством поспешили исполнить этот приказ, отцепив и угнав паровозы, тянувшие «золотой эшелон» и поезд Верховного правителя. Протесты и возмущение конвоя Колчака ни к чему не привели. Адмирал попытался связаться с Каппелем, чтобы силами каппелевцев обуздать чехословаков, но практически это оказалось неосуществимым: в эти дни каппелевцы пробивались сквозь глубокие снега, а их арьергарды отражали атаки преследующих их большевиков. Быстро прибыть в Нижнеудинск они не могли.

Единственное, что удалось Каппелю, так это послать письмо-вызов командующему Чехословако-сербскими войсками в Сибири, новоиспеченному «генералу» Яну Сыровому: «...Верховному правителю и Верховному главнокомандующему нанесен ряд оскорблений и угроз, и этим нанесено оскорбление всей Русской армии. Ваше распоряжение о непропуске

русских эшелонов есть не что иное, как игнорирование интересов Русской армии... она уже потеряла 120 составов с эвакуированными ранеными, больными, женами и детьми сражающихся на фронте офицеров и солдат... Я не считаю себя вправе вовлекать измученный русский народ и его армию в новое испытание, но... в защиту ее чести и достоинства требую от вас удовлетворения путем дуэли со мной. Главнокомандующий армиями Восточного фронта Генерального штаба генерал-лейтенант Каппель». Ответа на это письмо, разумеется, не последовало. Сыровому не суждено было пасть от руки Каппеля на поединке, и он благополучно дождался на социалистической родине до 1971 года, пережив своего благородного противника на пятьдесят с лишним лет.

Бесчинства чехословаков на железной дороге между тем продолжались. Армия Каппеля направлялась в Красноярск, однако постепенно до ее командующего стали доходить слухи, что начальник красноярского гарнизона генерал-майор Бронислав Михайлович Зиневич занят в большей степени выступлениями на митингах, нежели поддержанием порядка в вверенных ему частях. В 20-х числах декабря 1919 года Зиневич сам обратился к Каппелю по телеграфу с предложением выслать парламентариев к советскому командованию и начать переговоры о мире с большевиками. Каппель возмущенно отвечал предателю: «Вы, взбунтовавшиеся в тылу, ради спасения собственной шкуры готовы предать и продать своих братьев, борющихся за благо Родины. И прежде, чем посылать делегатов для переговоров о мире, нужно иметь их со-

гласие — захотят ли они мириться с работодателями Родины...»

Большевики не оценили готовность Бронислава Михайловича Зиневича заключить с ними мир и, войдя в город, расстреляли там много офицеров, не забыв при этом и подозрительно услужливого генерала. Атака каппелевскими частями Красноярска успеха не имела, и им пришлось обходить город с юго-запада и севера. После небольшой суматохи и перестрелки с какими-то отрядами, шедшими из Красноярска, части Каппеля обошли город и выбрались к Енисею. Там, по льду замерзшей реки, по хорошо наезженной дороге они двинулись в направлении деревни Есаулово.

А для Колчака продолжался тяжелый период, получивший в истории название «нижнеудинского сидения». Станция Нижнеудинск была объявлена чехословаками «нейтральной». Гарантами нейтралитета выступали сами чехословаки, однако местные повстанцы и мелкие банды боялись появляться в пределах города. Чины конвоя предлагали Верховному правителю бегство в Монголию, до границы с которой было всего 300 верст. Колчак мог погрузить часть «золотого запаса» на повозки и вывезти его с собой, но он отверг предложение, предоставив конвою свободу действия по его усмотрению. Часть офицеров конвоя, почти все солдаты покинули застывший в снегах Нижнеудинска поезд Верховного правителя.

Финал Верховного правителя

Передают, что Колчак за одну ночь стал совершенно седым. С ним рядом в те дни оставался лишь А.Н. Пепеляев, Анна Ва-

сильевна Тимирева и малая часть офицеров его конвоя, до конца сохранивших верность Верховному правителю.

Как только основная часть его конвоя покинула и ушла в сторону Монголии, чехословаки тут же взяли эшелон с золотом под свою «защиту», выставив вокруг него часовых. Они не посчитали нужным уведомить об этом адмирала, оказавшегося еще вдобавок и оторванным от всякой связи с внешним миром. А тем временем под ударами большевиков пал Томск. Пытавшийся организовать его защиту Виктор Николаевич Пепеляев свалился, заболев тифом, и тайком, в крестьянской одежде, был вывезен сподвижниками в Китай.

Во время пребывания Колчака на отдаленной, засыпанной снегами, отрезанной от внешнего мира станции, французским генералом Жаненом была организована встреча генералов М.В. Ханжина, товарища министра путей сообщения А.М. Ларионова и министра внутренних дел А.А. Червен-Водали, Омского правительства с представителями некоего народного «Политцентра». Замена военного режима Колчака либерально-демократическим правительством — «демократией по западному образцу» казалась союзниками вполне разумной мерой, в особенности после того, как они имели много возможностей убедиться в неуступчивости адмирала в вопросах внешней политики своего правительства, когда это касалось интересов России. Жанен требовал у Колчака отречения от верховной власти, гарантируя в этом случае его беспрепятственный выезд за границу под международной охраной, что уже тогда являлось

ложью. Жанен рассчитывал сдать Колчака большевикам и использовать этот ход для обретения гарантии беспрепятственного выезда иностранных военных миссий и подчиненных ему войск из России. Колчак, утративший власть фактическую, но сохранив юридическую, становился помехой в планах союзников. 5 января 1920 года адмирал подписал свое «отречение» от власти, назначив Верховным правителем России Антона Ивановича Деникина, а на востоке — атамана Семенова, о чем извещал того еще за месяц до «отречения».

Семенов попытался взять Иркутск, в котором вспыхнуло пробольшевистское восстание, но не смог. Почувствовав, что красные готовы дать решительный отпор и что жертв в этом столкновении не избежать, казаки Семенова повернули вспять. Чехословаки прицепили вагоны Колчака и Пепеляева к эшелону 1-го батальона 6-го чешского полка, сделав их, таким образом, заложниками, декорировав вагон бывшего Верховного правителя международными флагами. 10 января 1920 года эшелон вышел со станции Нижнеудинск. На каждой из станций, куда прибывал эшелон, к чешским часовым присоединялись «народные дружинники», и когда 15 января 1920 года поезд с Колчаком прибыл в Иркутск, то вагон адмирала был уже оцеплен плотным кольцом охраны.

Целый день Колчак находился в неведении относительно своего положения. Пытался связаться с Жаненом, но узнал, что еще накануне все союзные миссии отбыли на восток. С одним из союзных поездов Верховного правителя покинул и

генерал Дитерихс, воспользовавшись своими дружескими связями с чехословаками, которыми он когда-то командовал. Когда на город опустились сумерки, чехословаки объявили Колчаку, что он передается в распоряжение местной власти. Человек слова, адмирал еще долго недоумевал, как мог французский генерал Жанен просто так передать его в руки большевиков. Анна Васильевна Тимирева пыталась успокоить его, решив сопровождать Колчака в местную тюрьму, где они были разведены по разным камерам. Совместная большевистско-меньшевистская и эсеровская следственная комиссия начала допросы адмирала, на которых тот держался мужественно и спокойно, не стремясь завоевать в глазах допрашивающих популярности или в искаженном виде представить свои убеждения.

Попытка генерала Каппеля

15 января 1920 года, когда в Иркутск прибыл поезд с адмиралом Колчаком, большевики вдруг начали получать сведения о войсках генерала Каппеля, считавшихся уже давно погибшими в бескрайних сибирских просторах и потому списанными со счетов. Блуждавшая по снегам армия Каппеля соединила в себе меж тем самые разнообразные части: отряды «ижевцев» и «воткинцев», оренбургских казаков покойного атамана Дутова и многие другие. Продолжая уходить от шедшей им по пятам 5-й армии Тухачевского, прорываясь сквозь территории местных партизанских отрядов и банд, армия упорно шла по Сибирскому тракту на восток. Люди гибли, падали от тифа и усталости,

увязая в глубоких снегах при низких морозах, пройдя две тысячи километров пешком через зимнюю тайгу. Этот подвиг впоследствии был назван историками «Ледяным Сибирским походом».

7 января 1920 года в деревне Чистоостровской Каппель собрал совещание своих начальников частей. По имевшимся у него сведениям было известно, что железная дорога от Красноярска и на восток захвачена красными. Поэтому Владимир Оскарович предложил собравшимся офицерам совершить обходной маневр, пройдя по льду крепко замерзшего Енисея. Присутствовавшие на совещании начальники согласились с планом командующего, и поход начался. Иногда он прерывался стычками с местными бандами, нападавшими с постоянством, достойным лучшего применения. Движение в постоянном ожидании смерти, сознание неотвратимости новых боев с беспощадным противником сильно действовал на сознание людей: «Во время одной из таких стычек шедший немного сзади командир сибирских улан был так нервно потрясен, что до соприкосновения с противником приказал погрузить полковое знамя под лед Енисея...»

„Догоняют, настигают, наседают,
Не дают нам отдыха враги,
И метель серебряно-седая
Засыпает нас среди тайги..
Брали станции набегом:
Час в тепле, а через час — поход.
Жгучий спирт мы разводили снегом,
Чтобы чокнуться на Новый год, —

напишет в своих поэтических воспоминаниях поручик Арсений Митрополь-

ский, взявший в Харбине литературный псевдоним Несмелов.

Когда, наконец, части Каппеля добрались до деревни Подпорожной, генерал созвал военное совещание начальников отрядов для обсуждения дальнейших действий. Мнения разделились: часть командиров предлагала двигаться по Енисею, на север, вплоть до самого Енисейска, чтобы потом сделать глубокий обход по Северной Ангаре, что удлиняло путь каппелевцев на 2000 верст. Сам Владимир Оскарович считал, что допустим лишь обход по реке Кан, впадающей в Енисей, что около самой Подпорожной. Он объявил собравшимся, что желающие идти «северным путем» вольны сами определять собственную судьбу. Армия раскололась на две части. Отряды во главе с генерал-майором Александром Петровичем Перхуровым и генерал-майором Николаем Александровичем Галкиным тронулись по льду Енисея наверх; оставшиеся во главе с Каппелем стали спускаться по крутому, почти отвесному берегу порожистой и кое-где не замерзшей речки Кан.

На новом для себя маршруте войска Перхурова и Галкина, двигаясь в течение короткого светового дня, сквозь плотную массу деревьев, по заснеженной Байкальской тайге, вскоре заблудились. Численность войска Перхурова быстро таяла от обморожений, голода, холода и дезертирства. Спустя полтора месяца, 11 марта 1920 года, блуждавший по тайге Александр Петрович с небольшой группой солдат попался красным партизанам в селе Подымахином, стоявшем на берегу реки Лены. Замерзшие винтовки солдат и личное оружие генерала не дали возможнос-

ти оказать сопротивления партизанам. После пленения и ареста для генерала началась череда заключений в концлагерях Иркутска, Екатеринбурга и Челябинска,

Генерал-лейтенант В.О. Каппель

пока он не оказался расстрелянным во дворе Ярославской губернской ЧК 21 июля 1921 года.

Судьба каппелевского отряда складывалась иначе. Уже через 45 верст проводники предупредили Каппеля, что вскоре на пути его ожидается большой речной «порог» и что если берега не замерзли, то движение дальше будет невозможным. Генерал Каппель, жалея своего коня, часто шел пешком, утопая в снегу так же, как и другие. В своих «бурочных сапогах» он случайно провалился глубоко в снег и зачерпнул в них воды, никому об этом не сказав. При длительных остановках холод делал свое дело. Каппель избегал садиться на седло, чтобы как-нибудь согреться на ходу. На вторые сутки у него начался сильнейший озноб, и временами он стал терять сознание. Его уложили в сани, однако вскоре они прочно вмерзли в лед. Каппеля посадили на коня и при поддержке

одного из добровольцев через 90 верст доставили до ближайшей избы. Осмотревший его случайно оказавшийся рядом доктор обратил внимание, что у генерала обморожены пятки и пальцы ног, и решился на ампутацию простым ножом. Сразу после операции Каппелью стало легче, и он даже смог отдавать распоряжения, касающиеся организации порядка движения, но через неделю, после выхода из деревни Барги состояние вдруг резко ухудшилось, у него поднялся сильный жар. Сопровождавшие генерала доктора, сосредоточив все внимание на его ногах, совсем упустили из виду все явственней проявлявшиеся симптомы воспаления легких. 20 или 21 января 1920 года, чувствуя, что силы оставляют его, Каппель отдал приказ о назначении генерала Войцеховского главнокомандующим армией Восточного фронта. Через 2—3 дня больной сильно ослабел, а в ночь на 25 января 1920 года и вовсе потерял сознание. Находясь в беспомощности, Каппель повторял что-то об армиях, флангах и неожиданно произнес: «Как я попался! Конеч!»

26 января 1920 генерал Каппель умер, не приходя в сознание, от двустороннего крупозного воспаления легких. После смерти генерала его тело было положено в простой деревянный гроб. На станции Иннокентьевской остатки каппелевского отряда догнали, наконец, главные силы под командованием генерала Войцеховского.

Тело Владимира Оскаровича Каппеля в 1920 году в цинковом гробу было привезено в Харбин и захоронено у северной стены Иверской церкви. На могиле всегда горела неугасимая лампада. В 1929 го-

ду при громадном стечении народа там был установлен и освящен памятник, сооруженный на народные средства. Он представлял собой гранитную глыбу с каменным же крестом над нею, у основания которого была изображена эмблема каппелевской армии: меч в терновом венце. До 1964 года настоятелем храма служил священник о. Валентин Барышников. Иконостас Иверского храма из темного дуба был украшен изумительно красивым резным орнаментом, иконами, некогда принадлежавшими славным русским полкам; внутри храма на колоннах и сводах, на западной и северной стенах начертаны имена многих русских воинов, погибших в Русско-японскую войну 1904—1905 годов. После кончины своего настоятеля храм передали в руки китайских властей, и, по рассказам местных жителей, в 1991 году в нем была устроена некая «пошивочная мастерская» дешевого китайского ширпотреба. Иконостас новые владельцы здания, конечно, выбросили или уничтожили, а все стены и своды, расписанные некогда знаменитым русским художником В.В. Вережагиным, закрасили белой краской. Так была стерта память о павших русских героях. Могила Владимира Оскаровича Каппеля дважды была осквернена. По словам писателя Русского зарубежья А.М. Кайгородова, в августе 1945 года, после прихода советских войск в Харбин, надгробие взорвали. В 1953 году кто-то все же восстановил скромный крест с табличкой-надписью «Каппель». Вторично память о месте захоронения генерала исчезла по распоряжению какого-то церковного чина, приезжавшего в Харбин от Москов-

ской патриархии. В Москве на кладбище Донецкого монастыря, 13 января 2007 года прошла церемония перезахоронения праха генерала В. Капеля.

Вызов генерала Войцеховского

Однако вернемся в холодные январские дни 1920 года. Что мог предпринять молодой генерал Войцеховский в той сложной обстановке, не имея достаточно сил, чтобы долгое время вести успешные бои с большевиками? План Войцеховского сводился к тому, чтобы захватить Иркутск атакой и спасти Верховного правителя и всех офицеров, томившихся вместе с ним в тюрьме. С ходу его части заняли деревню Черемхово, разогнали шахтерские дружины и расстреляли местный «ревком». На предложение, полученное от большевистского командующего Зверева о сдаче, Войцеховский направил встречный ультиматум, обещая обойти Иркутск стороной при условии освобождения Колчака и арестованных с ним лиц. В дополнение к тому генерал требовал предоставления каппелевцем фуража и продовольствия, но главное — честного слова о прекращении злобных пропагандистских выпадов и клеветы большевиков в отношении арестованного Верховного правителя и Белой армии, а также выплаты им контрибуции в 200 миллионов рублей.

Здесь совершенно неожиданно, и оттого как всегда подло, чешское командование, контролировавшее железную дорогу, выдвинуло ультиматум самому Войцеховскому. Оно известило генерала, что если тот намеревается атаковать больше-

виков, с которыми у них подписан договор о нейтралитете, то чешские части будут вынуждены разоружить его отряды. Войцеховскому пришлось отдать приказ обходить Иркутск стороной, не ввязываясь в вооруженный конфликт с засевшими там большевиками. Дойдя до деревни Лиственничной, отряды генерала спустились по берегу озера Байкал на лед. Поход через Байкал продолжался целый день. С наступлением сумерек головные части каппелевцев вошли в поселок Мысовая, уходя все дальше и дальше от места пленения Колчака за Байкал.

Уже в эмиграции, в Стамбуле, какое-то время Сергей Николаевич Войцеховский занимался репатриацией русских военных, но еще тогда принял решение перебраться в Чехословакию. Летом 1921 года генерал впервые приехал в Прагу, столицу государства, ставшего ему второй родиной, которой он служил столь же самозабвенно, как и прежде России. По приезду в Прагу чехословацким правительством ему был предоставлен оздоровительный отпуск на несколько месяцев, а в начале октября 1921 года последовало назначение на должность командира 24-й пехотной бригады в восточно-словацких Михаловицах. Армейское командование с целью его постепенной адаптации к новым условиям сознательно назначает Сергея Николаевича на должность хоть и низшую, чем он занимал ранее, но зато в край, где наиболее употребительным был близкий к русскому русинский язык. В январе 1923 года Войцеховский принимает от чехословацкого генерала Шнейдарека командование 9-й стрелковой дивизией и перебирается, правда все

еще в Словакии, в город Трнаву. За успехи и выучку вверенных ему частей (сказался его прежний армейский опыт) он был повышен в чине. В 1927 году дивизия Войцеховского признана лучшей во всей чехословацкой армии. Наградой за это стал перевод на должность командующего вторым по значению в довоенной Чехословакии Брненским военным округом.

После того как Советская армия заняла Прагу, 10 мая 1945 года, через день после прихода в освобожденный город, по заранее заготовленным спискам и адресам чины СМЕРШ приступили к «работе». Одним из первых 11 мая 1945 года ими был взят, а затем этапирован генерал Войцеховский. Он окончил свои дни в Иркутской области, скончавшись в лагере под Тайшетом в декабре 1954 года от очередного желудочного кровотечения, в лагерьном лазарете. Место его захоронения неизвестно. Всего девять лет назад, 28 октября 1997 года, Чехия отдала почести генералу. Президентом республики Вацлавом Гавелом генерал армии Сергей Николаевич Войцеховский был посмертно награжден высшей наградой республики — Орденом Белого Льва 1-й степени.

Закатная звезда адмирала

Так ли необходима была казнь Колчака? Ведь большевики могли фактически праздновать свою победу! Что стало побудительным шагом к расправе над арестованным бывшим Верховным правителем? 4 февраля 1920 года комиссар Чудновский представил в иркутский ВРК список из 18 лиц, подлежащих немедленному расстрелу. Не желая возбуж-

дать против себя население в сложившейся обстановке, ультиматум Войцеховского сделал свое дело. ВРК оставил в списке лишь двоих — Колчака и Пепеляева. Большевики объявили осадное положение в городе. Подступы к Иркутску превращались в сплошные линии обороны, заливались водой и пристреливались. Началось сражение за Иркутск, по ожесточенности и ярости атак не имевшее себе равных. Пленных не брали. В ночь на 7 февраля 1920 года Колчак и Пепеляев были расстреляны на берегу реки Ушаковки. Тела затолкали под лед на Ангаре. Перед расстрелом адмиралу не дали попрощаться с Тимиревой. На предложение завязать ему глаза адмирал отвечал отказом и отдал комиссару Чудновскому кем-то переданную ему капсулу с цианистым калием, считая самоубийство неприемлемым для православного человека.

Анна Васильевна Тимирева пережила возлюбленного на 55 лет. Как сложилась ее судьба дальше? Сначала она проживала в Иркутске, работала в университетской библиотеке. Весной 1921 года последовал новый арест, для допросов и суда ее даже доставили в Москву. Освободили в апреле 1922-го. Тогда же она вышла замуж за инженера В.К. Книпер, скончавшегося в Москве в 1942 году. Одно время она работала архивариусом в Русско-Канадском пароходном агентстве. Органам НКВД, курировавшим международные компании в городе, это агентство показалось подозрительным, и его поспешили закрыть. Сотрудников закрытого агентства, а в числе прочих и А.В. Книпер-Тимиреву, в административном порядке выслали из Москвы на три года...

В 1935 году по ложному доносу, будто она скрывает обстоятельства своей жизни в Сибири при получении московского паспорта, А.В. Книпер-Тимирева была арестована вновь. Итогом стал новый арест в 1938 году. Этот срок она отбывала в «Карлаге», который отличался особо строгим режимом. Потянулись долгие годы бесконечных издевательств и унижений. 1949-й год. В документе Ярославского УКГБ Анна Васильевна характеризуется как человек, который «представляет собой социально-опасную личность по связям с контрреволюционным элементом», «за антисоветскую деятельность арестована и привлечена в качестве обвиняемой». 8 октября 1950 года она оказалась в забытом богом поселке Холовом, затем — в Енисейске. Снова потекли мучительные дни ссылки, наполненные поисками работы. Наконец, устроилась в мастерскую местного комбината. Она давно уже не выбирала профессию или специальность, бралась за любую работу, лишь бы выжить.

Лишь в середине 1950-х годов прошлого века, когда по СССР волной прокатилась реабилитация невинно осужденных, Анна Васильевна смогла покинуть место ссылки в Енисейске. Приехав в Москву, Анна Васильевна поселилась у дальних родственников. Жить было не на что, обузой для них ей быть не хотелось. И тогда, пересилив себя, обратилась к Генеральному прокурору СССР с письмом, в котором просила лишь об одном — своей реабилитации: «15 января 1920 г. я была арестована в Иркутске в поезде Колчака. Мне было тогда 26 лет. Я любила этого человека и не могла бросить его в пос-

ледние дни его жизни. Вот, в сущности, вся моя вина...» Уже после реабилитации на имя министра культуры СССР поступило обращение, под которым стояли подписи Шостаковича, Свешникова, Гнесиной, Хачатуряна, Ойстраха, Козловского и других видных деятелей советской культуры, в котором говорилось: «Убедительно просим вас оказать помощь в получении персональной пенсии А.В. Книпер, урожденной Сафоновой, дочери выдающегося русского музыканта В.И. Сафонова, скончавшегося в феврале 1918 года в Кисловодске. Анне Васильевне 67 лет, у нее плохое состояние здоровья. Не имея никаких средств, она вынуждена работать в качестве бутафора в драматическом театре города Рыбинска, что с годами становилось ей все менее по силам. В настоящее время Анна Васильевна, незаслуженно находившаяся долгие годы в лагерях и административных ссылках, полностью реабилитирована и прописана в Москве. Но жить ей не на что...» Незадолго до кончины Анны Васильевны ее спросили, как же она живет на мизерную ежемесячную пенсию в 45 рублей. Она невозмутимо ответила: «Мосфильм поставил на учет: когда в массовых сценах нужны „благородные старухи“, мне звонят, я сажусь на трамвай и несусь. Снималась в „Бриллиантовой руке“, в „Войне и мире“. Помните бал Наташи? Крупным планом княгиня с лорнетом — это я! А все доходы — за съемочный день — три рубля... Хватает на Таганку, на томик Окуджавы, иногда на консерваторию...»

В оставленных воспоминаниях Анна Васильевна просто написала о Колчаке, отразив в нескольких словах весь жизнен-

ный путь адмирала: «Он был человеком смелым, самоотверженным, правдивым до конца, любящим и любимым...» Лучше и не скажешь. Строгий критик Верховного правителя, генерал Дмитрий Васильевич Филатьев, двенадцать лет спустя после гибели адмирала пророчески записал: «Но

минуют годы, пройдет полоса нашего лихолетья, разбушевавшееся русское море войдет в свои берега, и тогда, вероятно, не мы, но наши дети увидят, в Кремле ли, на Урале ли, памятник адмиралу Колчаку с надписью: „Погиб за честь и благо родины, которую любил превыше всего”».

СТЕПЬ В ОГНЕ. ЮЖНОУРАЛЬСКАЯ БОРЬБА

Попытка сопротивления и опасность безвластия

Борьба Оренбургского казачьего войска с большевиками началась уже в первых числах ноября 1917 года. Получив известие о разгоне Временного правительства и захвате власти народными комиссарами, войсковой атаман А.И. Дутов издал по войску приказ № 816 от 26 октября 1917 года. Среди прочего в нем отмечалось: «...в силу прекращения сообщения и связи с центральной государственной властью и принимая во внимание чрезвычайные обстоятельства, войсковое Правительство, ради блага Родины и поддержания порядка, временно, впредь до восстановления власти Временного правительства и телеграфной связи, с 20 часов 26-го сего октября, приняло власть в Войске». Этим приказом было положено начало борьбе Оренбургского войска с большевиками, и он явился руководящим во всех дальнейших действиях войскового правительства. Большую часть населения города Оренбурга составляли не казаки. Территория Оренбургского войска была окружена крестьянским населением Оренбургской губернии и Тургайской

области, а также поселениями башкир и киргизов. Решено было для активной борьбы с большевиками образовать в Оренбурге особый орган — «Комитет спасения Родины и революции», составленный из представителей казачества, городского и земского самоуправлений. В него входили различные местные организации и партии, представленные самым широким спектром политических направлений — от конституционных демократов до меньшевиков и правых социалистов-революционеров. Таким образом, вокруг Комитета и войскового правительства объединились не только казаки, но и все местные патриоты.

Комитет возглавил полковник Александр Ильич Дутов, в ведение которого были переданы все воинские части, находящиеся в Оренбурге. Атаман Дутов возглавил таким образом все антибольшевистское движение в Оренбургском крае. Для сосредоточения военной власти в одних руках и урегулирования всех военных, административных и хозяйственных вопросов полковник Дутов учредил Оренбургский военный округ, вступив в должность командующего войсками округа. Все полки Оренбургского войска в то вре-

мя находились на фронте. На территории войска оставалось только три запасных казачьих полка: 1-й запасной полк в Оренбурге, 2-й — в Верхнеуральске и 3-й — в Троицке. В них проходило обучение молодых казаков. Но единственно надежную строевую часть, на которую можно было вполне положиться, составляло Оренбургское казачье военное училище. Атаман Дутов немедленно приступил к формированию добровольческих отрядов из офицеров и учащейся молодежи (гимназистов, реалистов и семинаристов), которые шли в эти отряды очень охотно. Из Москвы, с сестрой милосердия М.А. Нестерович-Берг, в распоряжение атамана Дутова были 120 переодетых офицеров.

Призыв войскового правительства о формировании станичных дружин встретил неодинаковое отношение. В одних станицах наблюдалось воодушевление казачества, и там дружины собирались быстро. Но были и такие, где царило полное равнодушие, и формирование дружин протекало вяло. Единых требований по формированию частей не существовало, и в одних станицах формировались лишь конные дружины, в то время как в других только пешие, однако иногда возникали и те и другие вместе. При формировании станичных дружин казакам пришлось столкнуться с недостатком оружия. Винтовок казенного образца в станицах не было. Вооружались дружины чем попало: старыми берданками, охотничьими ружьями, шашками, самодельными пиками, топорами, ломами, нагайками и просто палками. У войскового правительства для всех оружия не хватало. Винтовками, отобранными у солдат запасных

пехотных полков, в первую очередь вооружались офицерские и добровольческие отряды, формировавшиеся в самом Оренбурге. Возникли затруднения с обмундированием и продовольствием. Добровольцев надо было одевать и кормить, и «Комитет спасения Родины и революции» обратился за помощью к городу.

Купечество и зажиточные горожане на призыв Комитета отзывались неохотно и особенной щедрости не проявили. Местные жители, не входившие в казачье сословие, в особенности мещанство и мелкий торговый люд, ясного представления о происходивших событиях не имели и к борьбе казаков с большевиками относились совершенно равнодушно, полагая, что это дело их не касается. Рабочие железнодорожных мастерских Ташкентской железной дороги были настроены революционно, казаков и офицеров ненавидели, а самого атамана Дутова называли «контрреволюционером». Все их симпатии были на стороне большевиков, и каждый рабочий с нетерпением ждал вступления в город большевистских отрядов. Городская интеллигенция — в лице чиновников, учителей, отставных офицеров — прихода большевиков боялась, но никаких мер в целях организации и самообороны не предпринимала.

В среде так называемых буржуазных классов преобладало мнение, что драться с большевиками должны военные — офицеры, солдаты, казаки, но никак не гражданские лица. Да и в казачьих рядах полного единства не наблюдалось. Смущение в умы казаков вносили слухи о якобы имевшихся экономических успехах большевиков по всей России и о даровании

ими населению неслыханных доселе свобод. Агитаторы, прибывавшие в расположение Оренбургского войска из Центральной России, внушали казакам мысль, что большевики борются не с казаками, а с начальством, которое «продалось буржуазии» и защищает ее интересы казачьими головами. Агитаторы старались восстановить казаков главным образом против офицеров — и вообще против любого начальства, — используя с этой целью промахи и недочеты властей Российской Империи.

Многое из того, что говорили казакам, они принимали за чистую монету и многому склонны были поверить, тем более что людей, которые бы разоблачали большевистскую ложь и разъясняли казакам всю недепость советской системы, в то время в станицах не было! Казаки были предоставлены самим себе. Станичное и поселковое духовенство, за небольшим исключением, держалось в стороне и никакого участия в общественной жизни станиц не принимало, ограничиваясь лишь исполнением своих прямых обязанностей. Станичные разночинцы, к кругам которых традиционно принадлежали писари, учителя, фельдшеры и кооператоры, увлеченные идеями свободы, равенства, братства с дней пресловутой Февральской революции, очень скоро поняли преимущества сотрудничества с большевиками. Они участвовали в беспрецедентно широкой демagogической полемике, особенно яростно выступая против офицеров, к которым питали неприязнь за их прежнее снисходительное отношение ко всякого рода «гражданским штафиркам», мелких должностью и в равной же степени скудных

душевными качествами. Подавляющее большинство населения казачьих станиц и поселков к усиленной пропаганде большевизма местными «штафирками» относилось отрицательно в силу своего природного сословного консерватизма. И вместе с тем ясного, отчетливого представления о большевизме и его разрушительных началах у казаков в ту пору не было.

В конце ноября 1917 года во многих городах Урала, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока власти Временного правительства как таковой уже не существовало, ибо и там она перешла практически без всякого сопротивления в руки большевиков, образовавших повсеместно органы местного самоуправления — Советы. В середине декабря был созван Войсковой круг, на который съехались в полном составе депутаты от станиц и строевых частей. Атаман Дутов, открывая заседание Круга, произнес горячую речь, в которой призывал депутатов стать на защиту матери-России и родного войска. Депутаты с фронта сразу заняли по отношению к атаману Дутову враждебную позицию. Искренне заблуждаясь или политиканствуя, в своих выступлениях перед Кругом лидеры фронтовиков старались доказать, что большевики ведут борьбу не с казаками, а с атаманом Дутовым и офицерством, которые-де стремятся к контрреволюции. Поэтому стоит лишь сместить атамана Дутова, как все краевые нестроения сами собою прекратятся и с большевиками можно будет подписать договор о невмешательстве на приемлемых для обеих сторон условиях. Войсковой круг подавляющим большинством голосов постановил: советской власти не

признавать; борьбу с большевиками продолжать до полной над ними победы. Депутаты в большинстве своем прекрасно понимали, что большевики повели борьбу с казачеством, которое всегда стояло на страже русской государственности, и вот теперь снова оказалось у них на пути. Полковник Дутов был переизбран войсковым атаманом.

Практика антибольшевистской борьбы

В декабре 1917 года отряды большевиков уже стали подходить к границам Оренбургского войска, небольшими группами проникая на войсковую территорию с разных сторон: на севере — со стороны Екатеринбурга, Уфы и Омска, на юге — со стороны Самары и Ташкента. Первоначально эти отряды красногвардейцев продвигались по железным дорогам, но затем стали использовать и шоссейные дороги и тракты. Тактика красногвардейцев почти повсеместно была одинакова: сначала ударные отряды захватывали города, а потом стремились распространиться по станицам. Оренбург был осажден большевистскими отрядами с двух сторон: со стороны Самары и со стороны Актюбинска. В руках большевиков оказался и Челябинск — важнейший в регионе железнодорожный узел. За ним пал небольшой торговый город Троицк. Ввиду идущих вокруг Оренбурга боев и постоянных рабочих волнений в самом городе, заседания Круга порой протекали в чрезвычайно нервной обстановке, принимая весьма бурный характер. Особенно это происходило в тех случаях, ког-

да в ходе прений в обсуждение важных политических вопросов активно вмешивалась посторонняя публика, стремясь запутать обсуждавших и внести в их среду разлад. Среди этой группы людей часто появлялись лица, имевшие репутацию «большевистских агитаторов», хотя и происходившие из казачьего сословия. И все же Круг работал в течение целого месяца и за это время успел рассмотреть все важнейшие вопросы войсковой жизни, но реальной помощи атаману Дутову он оказать уже не мог. Слишком много энергии ушло на обсуждение незначительных и мелких вопросов, слишком мало принято было постановлений, наблюдение за исполнением которых не было налажено вообще.

Силы, которые атаман Дутов мог противопоставить большевикам на первоначальном этапе вооруженной борьбы, оказались до обидного незначительными. Состояли они из малочисленных офицерских, юнкерских и добровольческих отрядов, и нескольких плохо вооруженных станичных дружин. Прибывавшие с фронта казаки отказывались снова братья за оружие. У казаков-фронтовиков, утомленных войной, над всеми соображениями преобладало лишь стремление поскорее попасть в родные станицы. Распропагандированные на фронте, они не отдавали себе ясного отчета в происходящих событиях, не понимали сути большевизма со всеми его пагубными последствиями, как для России, так и для казачества. Да и большинство казачьих эшелонов прибыло в войско без оружия: большевики разоружали казаков в пути — в Москве, Киеве, Харькове, Сама-

ре, Ташкенте и других крупных центрах. К чести казаков надо отметить, что выдачи офицеров нигде не было, несмотря на энергичные требования и угрозы большевистских комиссаров почти в каждом городе, через которые проходили казачьи эшелоны.

Таким образом, в начале борьбы Оренбургского войска с советской властью строевые части в защите войска никакого участия не принимали. Вся тяжесть борьбы в начальный период легла на офицерские и добровольческие отряды; станичные дружины оказались мало боеспособными и при первом удобном случае расходились по домам. Так начался первый акт трагедии оренбургского казачества — в округе пала законная власть и утвердились Советы. Натиск большевиков силами добровольцев сдержать не удалось, отдельные очаги сопротивления были быстро подавлены, и 31 января 1918 года Оренбург сдался на милость победителей. Атаман Дутов с войсковым правительством и группой офицеров переехал в глубь территории войска — во 2-й округ — и обосновался в городе Верхнеуральске, удаленном от железных дорог и больших центров. Часть офицеров, добровольцев и юнкеров во главе с начальником Оренбургского казачьего военного училища Генерального штаба генерал-майором Константином Матвеевичем Слесаревым ушла походным порядком по левому киргизскому берегу реки Урал к уральским казакам, которые в это время не выступали против большевиков. Многие офицеры — в одиночку и небольшими партиями — укрылись по станицам, хуторам и киргизским аулам.

Чрезвычайный войсковой круг и состояние Оренбургского войска

В начале февраля 1918 года войсковое правительство созвало в Верхнеуральске Чрезвычайный войсковой круг. На запрос войскового правительства, как поступать дальше, круг ответил подтверждением своего декабрьского решения о продолжении борьбы с большевиками всеми средствами. Однако никаких средств на ведение борьбы войсковое правительство от Круга не получило. Были лишь приняты строгие резолюции, выпущены воззвания с призывом к населению вооружаться против большевиков и объединяться вокруг войскового правительства. Попытка атамана Дутова обратиться к голосу разума местных купцов и убедить их прийти на помощь войсковому правительству успеха не имела: верхнеуральские купцы, как и оренбургские, крепко держались за свои кошельки, совершенно не отдавая себе отчета в том, что с приходом большевиков они потеряют все. В местном казначействе, после потери связи с центрами, не хватало денежных знаков даже для очередных расплат по ассигновкам казенных и общественных учреждений. Правда, в местном отделении Сибирского банка хранилось незначительное количество золота в слитках, принадлежащее местным золотопромышленникам. На случай перехода города в руки большевиков золото было передано в распоряжение войскового правительства, о чем был составлен особый акт.

Для изыскания дополнительных средств, столь необходимых армии, Круг

рекомендовал войсковому правительству обратить внимание на обложение торгово-промышленных предприятий, заводов, паровых мельниц, а также усилить вырубку и продажу леса из войсковых боров. Войсковому правительству поручалось также выработать и провести в жизнь заем в 10 миллионов рублей под названием «Защита Оренбургского войска». Для немедленных сборов денежных средств, необходимых на организацию самозащиты, Дутов предложил образовывать «Фонд спасения войска», который поддерживался бы из добровольных пожертвований. Все это требовало больших личных усилий атамана Дутова, занимало значительную часть его времени и отвлекало от строго военной работы по организации добровольческих сил. Во время февральской сессии Круга Дутов неоднократно просил освободить его от всех возложенных на него обязанностей, но Войсковой круг настоял, чтобы атаман оставался во главе войска и продолжал дело борьбы с большевиками.

Оценивая общее положение в Оренбургском войске к марту 1918 года, можно сказать, что войсковое правительство в то время, в сущности, было предоставлено самому себе. Никакой вооруженной силы в распоряжении войскового правительства не было, кроме небольшой личной охраны атамана Дутова и офицерской сотни, собранной для самообороны. Но вскоре из-под Троицка в Верхнеуральск прибыл партизанский отряд войскового старшины Мамаева, что не только усилило имевшиеся отряды, но и дало новый импульс продолжению формирования боеспособных частей. Постепенно

образовались еще три небольших отряда под командованием подьесаулов Василия Аристарховича Бородина, Константина Николаевича Михайлова и Гавриила Ва-

Оренбургский казак

сильевича Енборисова. Партизанский отряд подьесаула Енборисова состоял исключительно из рядовых казаков; в других отрядах преобладал офицерский состав, но среди них встречались также юнкера, кадеты, казаки и просто добровольцы.

В конце концов атаману Дутову с большим трудом удалось собрать около 300 бойцов. К этому ядру добровольчества в Оренбуржье время от времени присоединялись небольшие станичные дружины, увеличивавшие силы войскового правительства до 1500—3000 человек. Главная тяжесть во всех боях лежала на партизанах. Наскоро собранные и почти безоружные станичные дружины, рассы-

павшись лавами, служили больше для декоративных целей и лишь во время преследования противника пускали в ход шашки и нагайки. Не только дружины, но и партизанские отряды вооружены были слабо: винтовок и шашек на всех не хватало. После нескольких удачных боев партизаны раздобыли достаточное количество винтовок и пулеметов, которыми большевики в отличие от них были снабжены в изобилии. Артиллерии в этот период борьбы у казаков совсем не было. С такими силами войсковое правительство держалось на территории 2-го округа до весны.

Для ликвидации «дутовщины» большевистское руководство и его военные советники вынуждены были подготовить несколько отрядов. Из них наибольшей организованностью и активностью отличались лишь два: один — изменника Оренбургского войска подьесаула Николая Каширина, другой — талантливого авантюриста Василия Блюхера. В первых числах марта 1918 года к Верхнеуральску выдвинулись две большевистские войсковые группы: одна — со стороны Троицка, другая — из Башкирии. Атаман Дутов, во избежание окружения с двух сторон, во главе партизанских сил и станичных дружин атаковал силы Троицкой группы и после нескольких стычек у станицы Сухтелинской обратил красных в паническое бегство. Но радость победы была омрачена внезапно случившейся бедой. В Верхнеуральске местные большевики, воспользовавшись уходом партизан из города, произвели восстание, поддержанное солдатами-дезертирами с окрестных хуторов и рабочими двух ближайших

заводов — Белорецкого и Тирлянского. В распоряжении войскового правительства не было ни одной боеспособной воинской части, кроме нескольких десятков офицеров и казаков, державших караулы. Правда, в Верхнеуральской станице имелась наготове вооруженная дружина, но она не поспешила усмирять бунтовщиков. Накануне восстания в станичном правлении Верхнеуральской станицы был убит казак-provокатором комендант города поручик Гончаренко, и часть казаков дружины, недавних фронтовиков, руководимых подьесаулом Кашириным, примкнула к восставшим. После небольшой уличной перестрелки Верхнеуральск был оставлен в руках большевиков.

Атаман дважды делал безуспешную попытку вернуть Верхнеуральск. Засевшие в нем большевики успели получить значительные подкрепления, и все атаки казаков были отбиты. Через несколько дней Верхнеуральская группа большевиков, в свою очередь, попыталась овладеть станицей Кассельской, с тем, чтобы отрезать атаману Дутову путь отступления на юг. Но после жестокого встречного боя, продолжавшегося весь световой день, вынуждена была, под дружным натиском партизан и станичников, отступить в беспорядке, уходя назад, в Верхнеуральск, и бросая при отходе пулеметы, винтовки и боевое снаряжение.

Отметим одну важную деталь. Очень часто большие и богатые станицы если и не держали открыто сторону большевиков, то всеми способами уклонялись от борьбы с ними, и наоборот — небольшие и бедные станицы проявляли к больше-

викам крайнюю ненависть и при первой возможности готовы были драться с ними. Когда одна большевистская банда, блуждавшая в районе станиц Магнитной и Наваринской, стала слишком донимать мирных жителей, на ее отлов и разгром был послан отряд казаков из близлежащих поселков, который превосходно довел свое дело до конца.

Великий отход

Общее положение войскового правительства ухудшалось с каждым днем. Ряды большевиков и их добровольных помощников расли, а силы партизан и станичных дружин быстро таяли. Ощущался постоянный недостаток в боеприпасах, добывать которые казакам приходилось только в бою, что само по себе влекло лишние потери. В лазаретах не хватало также перевязочных средств и медикаментов для раненых и больных, число которых после каждого боя значительно увеличивалось. В ходе проведенных боевых операций в начале апреля 1918 года войсковое правительство и партизаны были окружены большевистскими частями в станице Краснинской по всему ее периметру. Атаман Дутов созвал срочное совещание членов войскового правительства и старших начальников. Решили пробиваться на юг, а в дальнейшем, если не удастся удержаться на войсковой земле, уходить в киргизские степи, где и отсиживаться до той поры, пока не явится возможность вернуться назад в войско для продолжения борьбы. Просто уйти из района станиц, все время поддерживавших войсковое правительство,

было не так легко. В станицах, принимавших непосредственное участие во всех последних боях, казаки прекрасно понимали, что с уходом сил войскового правительства весь гнев большевиков обрушится прежде всего на них и их семьи. Старики умоляли атамана не отдавать их «на съедение большевикам», женщины и дети поднимали плач. При уходе из этих станиц войсковому атаману и его ближайшим помощникам приходилось выступать на станичных сборах с объяснениями о причинах передвижения в другие места. Для поддержания духа и снятия напряженности войсковому правительству пришлось оставить в некоторых станицах немного винтовок и патронов.

Местность, по которой приходилось двигаться отступавшим частям Дутова, была холмистая, в основном открытая, лишь изредка попадались небольшие перелески. Движение задерживалось весенней распутицей, хотя конница, имея пулеметы на легких тарантасах, шла довольно бодро и свободно маневрировала. Но колесная колонна войскового правительства с разными учреждениями, транспортом раненых и обозом беженцев передвигалась медленно, особенно на участках, еще покрытых снегом или залитых водой. Происходили частые задержки на переправах через разлившиеся реки и набухшие влагой овраги, тем более что переходы совершались весной, при неустановившейся погоде, и для соблюдения безопасности осуществлялись в ночное время. В поселке Бриенском атаман Дутов решил остановиться на дневку, чтобы дать людям и лошадям не-

большой отдых, хотя обстановка требовала безостановочного движения.

На рассвете 10 апреля 1918 года перед поселком появился Николай Каширин с отрядом, состоявшим из частей трех родов оружия, а в это время другой большевистский кавалерийский отряд уже мчался от станицы Кваркенской с тем, чтобы отсечь пути возможного отступления частей атамана Дутова. Учитывая критическое положение застигнутой врасплох колонны войскового правительства и свое численное превосходство, большевики с места повели энергичное наступление: пехота с фронта, конница в обхват флангов, при этом отдельные конные группы из казаков-изменников были направлены ударить в тыл партизанам. Среди жителей и беженцев началась паника. Чтобы дать возможность вывезти обозы с ранеными и беженцами в более или менее безопасное место, пришлось принять бой в чрезвычайно невыгодных условиях. В этот момент партизанские отряды, объединенные под командой полковника Ивана Григорьевича Акулинина, хладнокровно перешли в контратаку. Они остановили натиск большевиков, не позволив им развить задуманное наступление ни на фронте, ни на флангах. Занимая один рубеж за другим, полковник Акулинин задержал большевиков на целый день, чем дал возможность атаману Дутову к вечеру 10 апреля собрать в поселке Елизаветинском все обозы и транспорты. Поселок Елизаветинский был последним этапом на войсковой территории, дальше начиналась Тургайская область. В ночь на 11 апреля 1918 года атаман Дутов с отрядами выступил из поселка Елизаветинского к Адамовской волости и,

миновав ряд переселенческих хуторов, население которых сочувствовало большевикам, углубился в пределы киргизской степи. Дальнейшее движение происходило исключительно днем и проводилось короткими переходами от одного киргизского аула к другому. Общим направлением движения войск был избран город Тургай.

В киргиз-кайсацких степях

Западная часть Тургайского уезда, где проходили части атамана Дутова, была заселена наиболее развитыми киргизскими племенами — аргынами, которые были настроены антибольшевистски*. Враждебные им кипчаки, кочевавшие в восточной части Тургайской области, напротив, держали сторону большевиков. При движении по той части степи, где преобладали аргыны, казаки не терпели недостатка в жилье, пище, фураже. Отношение этих людей к казакам было вполне доброжелательным, если они заранее узнавали, что идут не «большевики». В конце апреля 1918 года атаман Дутов вступил в степной городок Тургай, где неожиданно для казаков обнаружили казенные русские склады с продовольствием и артиллерийскими припасами, оставшимися здесь после ухода карательного отряда, усмирявшего в 1916 году взбунтовавшихся киргизов. Дело было совсем недавним, и многие вспомнили, что делала здесь лаврентьевская экспеди-

* Речь идет о северной части современного Казахстана. В старой литературе киргиз-кайсаками называли казахов. (Примеч. ред.)

ция двумя годами раньше. Киргизский бунт возник не без помощи враждебных русскому воинству агитаторов на почве призыва киргизов в армию. Несмотря на то что призывались они в основном для тыловых работ, желание идти служить у части их отсутствовало. Бунтовавшие киргизы и слышать не желали о том, чтобы ехать куда-то из привычных степей. Бунтовали тогда главным образом кипчаки, из аргын к ним примкнуло только два племени. Для усмирения бунтовщиков и был послан в Киргизский и Тургайский уезды карательный отряд из трех родов оружия под командой генерал-майора Лаврентьева, который быстро навел порядок в степи.

За четыре недели стоянки в Тургае казаки отдохнули, конский состав пополнился киргизскими аргамаками, материальная часть — седла, тарантасы, оружие — обновлена. Произошли небольшие изменения в организационной структуре войска. Все партизанские отряды соединены в один под командой войскового старшины Мамаева, который теперь имел в своем распоряжении конную и пешую сотни и пулеметную команду. Боеспособные беженцы были зачислены в пешую или конную сотни, остальных, в виде нестроевой команды, оставили при обозе. С местными властями — русскими и киргизскими — у войскового правительства установились самые добросердечные отношения. В Тургае атаман Дутов простоял до конца мая, внимательно следя за всем, что происходило в войске. К счастью, набегов красных не было. Большевики прекратили преследование партизан на границе Оренбургского войска и Тургайской обла-

сти. Далее идти они не рисковали, и тому были свои причины. Советы еще не успели укорениться в степи, а старейшины окрестных племен относились к атаману Дутову с большим уважением и всегда были рады видеть его у себя в аулах в качестве почетного гостя.

Разумеется, наличие вооруженных формирований под командованием атамана Дутова не могло не беспокоить большевиков. Ведь Оренбургское войско лежало между Европейской Россией, с одной стороны, Сибирью и Туркестаном — с другой, и было разделено двумя крупными железнодорожными магистралями: на севере (у Челябинска) — Великим Сибирским путем, а на юге (у Оренбурга) — Ташкентской железной дорогой. До революции земля Оренбургского казачьего войска входила в состав Оренбургской губернии и занимала ее южную, юго-восточную и отчасти северо-восточную части, простираясь от границ Уральского войска у Илецкого городка до границ Сибирского войска у станицы Звериноголовской. На юге и юго-востоке войско примыкало к киргизской степи — Тургайской области. Большевики хотели получить в Сибири хлеб и жиры, которые там имелись в изобилии, а в Европейской России в них ощущался недостаток, особенно в столицах. В Туркестане большевикам был нужен хлопок для текстильных фабрик. Установление прочной связи «революционного пролетариата» Петрограда и Москвы с рабочими центрами Сибири и Дальнего Востока (Омск, Иркутск, Владивосток) и Туркестана (Ташкент) стало для советских верхов задачей первостепенной важности. Иначе

нельзя было рассчитывать на поддержку и быстрое распространение советской власти на восточной и юго-восточной окраинах России. Вот почему большевики, оставив в покое (до поры до времени) уральских и сибирских казаков, территории которых лежали чуть в стороне, сразу навалились на Оренбургское войско, преграждавшее им пути в Сибирь и Туркестан.

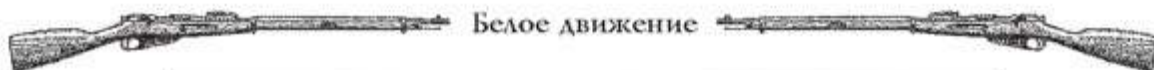
Оренбуржье под большевиками. Первые восстания

Заняв Оренбург и утвердившись на территории Оренбургского войска, большевики сразу показали свое истинное лицо, обратив его в первую очередь к казачеству. Повсюду в городах и станицах начались кровавые расправы над оппозицией, грабежи казачьих хозяйств и самый разнузданный разбой солдат, на который красное начальство смотрело сквозь пальцы. Несколько казачьих станиц было сожжено дотла; миллионы пудов хлеба вывезены или уничтожены; тысячи голов лошадей и рогатого скота угнаны или зарезаны на местах. Все станицы и поселки, независимо от того, принимали они участие в борьбе против большевиков или оставались нейтральными, заплатили денежные контрибуции и затем были обложены громадными налогами. Всех казаков без разбора большевики считали непримиримыми врагами советской власти и потому ни с кем не церемонились. Много офицеров, чиновников, казаков и даже казачек было расстреляно; еще больше посажено в тюрьму. Особенно свиреп-

ствовали большевики в самом городе Оренбурге. Казаки быстро испытали на себе, что такое «советская власть на местах»? и готовы были использовать любой случай, чтобы сбросить это ярмо со своих плеч. Первые шаги нового режима ознаменовались поголовными поборами и насильственной конфискацией имущества жителей, что вызывало ряд восстаний, жестоко подавленных «народной» властью. Но недовольство, как снежный ком, нарастало с необычайной быстротой.

Первыми восстали линейные станицы, расположенные по реке Илек. Сигнал к восстанию подала станица Изобильная. Сюда в 20-х числах февраля 1918 года прибыла из Оренбурга партия балтийских матросов в 20 человек «для взыскания налогов» с казачества. В станицах эти матросы вели себя крайне вызывающе и бесцеремонно. Возмущившиеся казаки взялись за припрятанное оружие и в один час перебили всю прибывшую банду нежданых «налогоборщиков». Тела убитых были спущены под лед в реку Илек. Казаки прекрасно понимали, что после расправы с матросами на них обрушатся жестокие кары. В станице Буранной был созван станичный сбор, на котором решили на всякий случай подготовиться и мобилизоваться. В ожидании событий наскоро собранные станичные отряды стянулись в район станиц Изобильной и Буранной. Общим начальником избрали есаула Сукина, которого заменил подъесаул Донецков.

В середине марта 1918 года для наказания жителей станицы Изобильной, за расправу со «сборщиками налогов» из Оренбурга по железной дороге двинул-

Красноармейцы на платформе бронепоезда

ся отряд из трех родов оружия, в количестве 800 человек. Во главе отряда шел губернский комиссар по фамилии Цвинлинг. Большевики настолько были уверены в беспомощности и покорности казаков, что от Илецкой Защиты двигались походным порядком без всяких мер охранения. Казаки зорко следили за их передвижениями; когда большевистская колонна стала приближаться к станции Изобильной, казачий отряд устроил засаду, укрывшись за церковной оградой и домами, окружавшими станичную площадь. Лишь только отряд большевиков втянулся в станицу, как казаки со всех сторон открыли по нему огонь. Через полчаса карательного отряда не существовало — он был полностью уничтожен. Трофеями казаков стали отбитые ими 4 пушки, 12 пулеметов, 700 винтовок, патроны и снаряды.

Восстания ширились, охватывали все большие территории. К линейным станциям стали присоединяться постепенно и другие станции, расположенные по обоим берегам реки Урал ниже городской черты Оренбурга. В деле организации станций и формирования станичных и партизанских отрядов главную роль играли офицеры. По мере формирования отрядов в их состав прибывали новые партии офицеров из Уральска, где они отсиживались после занятия Оренбурга большевиками.

Совместная борьба оренбургских и уральских казаков. Возвращение Дугова

Партизанские и станичные отряды стали производить усиленные налеты на Ташкентскую железную дорогу, связывавшую Оренбург с Самарой и Туркеста-

ном. Партизаны разрушали пути, взрывали мосты, останавливали поезда, вылавливали комиссаров и большевистских агентов. Штаб повстанческих отрядов обосновался сначала на правом берегу реки Урал — в станице Нижне-Озерной, а затем перебрался на левый берег — в станцию Кардаилловскую. Здесь для руководства борьбой был созван съезд делегатов от восставших станиц, который избрал командующим всеми отрядами войскового старшину Красноярцева. Съезду объединенных станиц пришлось решить ряд вопросов по части снабжения отрядов продовольствием и оружием, по установлению связи между станицами и с соседями уральцами. Уральцы оказали помощь оренбуржцам снарядами и живой силой: две сотни илецких казаков действовали совместно с оренбуржцами в районе станицы Ново-Сергиевской, а еще две сотни были направлены к Илецкой Защите и Оренбургу. Пока большевики уральцев не трогали, те ничем себя не проявляли, но как только красные отряды появились на уральской земле — взялись за оружие. Первыми вступили в схватку с большевиками илецкие казаки, ближайшие соседи оренбуржцев. Во главе их встал полковник К.И. Загребин. С его отрядом поддерживали связь оренбургские станицы, расположенные на Илеке. Из этих мест уральцы совместно с оренбуржцами стали производить налеты на Ташкентскую железную дорогу в районе станции Ново-Сергиевской. Весной 1918 года все уральское войско — от Илецкого города до северокаспийского городка Гурьева — представляло собой сплошной военный стан.

Съезд объединенных станиц отправил делегацию в Тургай к атаману Дутову с подробным донесением о положении дел под Оренбургом и просьбой как можно скорее вернуться в войско, дабы взять руководство военными действиями и дело борьбы с большевиками в свои руки. Одновременно с депутатами от Съезда объединенных станиц в конце мая в Тургай прибыли два казака-партизана из Челябинска. Они сообщили о выступлении чехословаков и восстании оренбургских казаков в станицах 3-го округа, а также о ликвидации советской власти в Сибири. В мае почти весь 1-й округ был охвачен восстанием, и казачьи отряды начали окружать Оренбург со всех сторон. Только благодаря наличию у большевиков бронепоездов оставалась незанятой узкая полоса Ташкентской железной дороги в сторону Туркестана. В середине мая большевики попробовали оттеснить казачьи отряды, окружавшие Оренбург. Для выполнения данного плана из Оренбурга был выслан конный отряд, который, пользуясь ночной темнотой, врасплох захватил станцию Павловскую. В ответ немедленно был брошен отряд есаула Асламова, казака Забайкальского казачьего войска, который принудил большевиков вернуться в Оренбург. Уходя в Оренбург, большевики сожгли станцию Павловскую.

Положение большевиков в Оренбурге с каждым днем ухудшалось. Особенно остро стоял продовольственный вопрос — пришлось ввести карточки. Во второй половине июня 1918 года оренбургские большевики, погрузив на поезда награбленное имущество и все вооружение, двинулись по Ташкентской железной до-

роге на юг, в сторону Актюбинска. Многочисленные железнодорожные составы шли под прикрытием бронепоездов и технических отрядов для исправления пути. Боевыми операциями в районе Илецкой Защиты со стороны казаков руководил генерал-майор Вячеслав Александрович Карликов, прибывший из Уральска. Казаки, не обладая в достаточном количестве оружием, вооружившись самодельными пиками, а иногда и просто с одними нагайками неоднократно ходили в атаки против уходящих поездов с большевиками; взрывали железнодорожные пути и мосты, устраивали крушения, производили налеты на станции. Часть поездов красных благодаря броневикам, пулеметам и пушкам, а также квалифицированному техническому персоналу и в особенности помощи, оказанной им туркестанскими большевиками, проскочила в Актюбинск, но часть большевиков была все-таки захвачена казаками.

Между тем атаман Дутов с войсковым правительством и партизанским отрядом прибыл из Тургая на территорию войска во второй половине июня. По пути следования он взял город Иргиз, где обосновались киргизские большевики, и разоружил большевистский гарнизон на станции Челкар Ташкентской железной дороги. Затем, двигаясь степью через форт «Карабутак», благополучно миновал Орск и Актюбинск, в которых стояли красновардейские части. В пределы войска атаман Дутов вошел через станицу Ильинскую, где была построена переправа на правый, казачий берег Урала. В это время на ближайшую станцию Кувандык Орской железной дороги прибыл из-под

Оренбурга большевистский отряд с бронепоездом. На Кувандыкских высотах под личным руководством атамана Дутова прошел встречный бой, в котором обе стороны понесли тяжелые потери. У казаков выбыли из строя убитыми и ранеными несколько десятков лучших партизан. Но большевики были рассеяны, и путь на Оренбург, вдоль Орской железной дороги, расчищен.

Обеспечив себе дальнейшее продвижение, атаман Дутов пошел к Оренбургу, поднимая по пути те станицы, которые еще не примкнули к восставшим, например Никольскую, Верхнеозерную, Гирьяльскую и др. Во всех станицах и поселках атамана Дутова встречали с хлебом-солью, служили благодарственные молебны. Особенно трогательной была встреча в станице Красногорской, население которой вышло с крестным ходом. Силы войскового правительства увеличивались, с каждым переходом во всех попутных станицах формировались конные сотни, присоединявшиеся к партизанскому отряду. Оренбург был очищен от большевиков отрядами войскового старшины Красноярцева и войскового старшины Корноухова, вступившими в город с двух сторон.

7 июля состоялся торжественный въезд в Оренбург атамана Дутова с войсковым правительством. Для встречи войскового атамана отряды, принимавшие участие во взятии Оренбурга, были построены в конном строю. Начальники отрядов во главе с окружным атаманом 1-го округа Каргиным выехали вперед с рапортом и докладами о взятии города. Все население Оренбурга встретило казаков с энтузиазмом, как избавителей от боль-

шевистского ига. На Форштадтской площади перед «войсковой избой» архиепископ Оренбургский Мефодий совершил торжественный молебен в сослужении всего городского духовенства. После богослужения состоялся прием deputаций и смотр войск, закончившийся общим парадом. Атамана Дутова приветствовали Съезд объединенных станиц в полном составе своих депутатов, городское самоуправление во главе с городским головой, все местные организации и представители Комитета членов Учредительного собрания, приехавшие из Самары. С момента прибытия в Оренбург дело борьбы с большевиками и все управление войском вновь было взято в руки войскового правительства.

Северные восстания

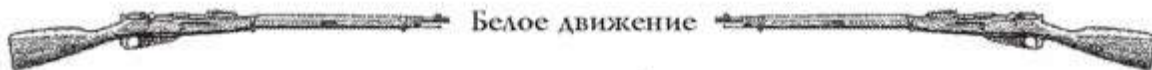
В северной части Оренбургского войска восстание казаков началось одновременно с чехословацким движением. Раньше всего был освобожден от большевиков Челябинск, затем Троицк, а спустя некоторое время Верхнеуральск. Этот город лежит в широкой долине реки Урал, охваченной сопками с восточной и западной стороны. Не доходя 3—4 верст с последней высоты, открывался великолепный вид на город и его окрестности. Этот город, как и все северные округа, удалось очистить от большевиков довольно быстро. Большевистские комиссары частью были уничтожены, частью спаслись со своими отрядами в Уральских горах и киргизских степях.

Наиболее упорное сопротивление большевики оказали в пределах 2-го окру-

га, откуда их пришлось выбивать с большими усилиями. Особенно серьезные бои разыгрались под Верхнеуральском. Для освобождения от города от большевиков казаки двинулись со стороны Миасса и Троицка. В станице Кундравинской 2-го округа образовалась Военная комиссия во главе с бывшим членом Государственной думы П.Ф. Вопиловым, которая обратилась к казакам с призывом выступить против большевиков. На призыв комиссии казаки ближайших станиц и поселков отозвались довольно дружно. Правда, возникли трудности с вооружением: почти все оружие в станицах было отобрано большевистскими карательными отрядами, однако некоторое количество винтовок казаки спрятали в земле и в разных тайниках. Представителям Военной комиссии удалось получить несколько партий винтовок разных систем и патронов от чехословаков. Не хватало командного состава; многие офицеры, скрываясь от преследований большевиков, должны были покинуть под чужими именами не только свои станицы, но и пределы войска. Несмотря на недостаток оружия и офицеров, Военная комиссия сформировала два конных полка по 1500 бойцов каждый, преимущественно из казаков-партизан.

Первые боевые столкновения с красными отрядами произошли в районе Уйской станицы, которая несколько раз переходила из рук в руки. Понеся большие потери в людях и материальной части, красные отошли к поселку Ахуновскому. Затем сильно потрепанные красные отряды ретировались к Верхнеуральску и при отступлении сожгли поселок Кидышевский. Со стороны Троицка к Верхнеураль-

Белое движение

ску подошла еще одна колонна казаков и отряд Анненкова. Этот молодой боевой офицер Сибирского казачьего войска сформировал на свой страх и риск партизанский отряд из сибирских и оренбургских казаков. Своими решительными действиями и крутыми расправами с большевистскими главарями «атаман» Анненков производил большое впечатление на казаков, особенно на молодежь. В его отряд стекались добровольцы из всех станиц, сибирских и оренбургских. На подступах к Верхнеуральску и в самом городе произошли горячие схватки. Красные не выдержали и в беспорядке отступили в горы по направлению к Белорецкому заводу, оставив в руках казаков пленных и богатую добычу. Казаки неотступно преследовали большевистские отряды до пределов Уфимской и Пермской губерний.

Вместе с чехословацким движением поднялись и сибирские казаки — восточные соседи оренбуржцев. Омск и Челябинск сделались опорными пунктами, откуда противобольшевистское движение стало распространяться по Уралу и Западной Сибири. Отряды оренбургских казаков, выдвинувшиеся со стороны Челябинска, вместе с чехословаками и сибирскими войсками участвовали во взятии Екатеринбурга, где за несколько дней до прихода белых войск, по приказу из Москвы, было совершено зверское убийство Государя и всей Царской Семьи. К августу 1918 года территория Оренбургского войска была очищена от большевиков. В руках красных оставался только город Орск, в котором они держались до октября благодаря поддержке, получаемой ими из Туркестана.

Глава IV

ОШИБКА «МОСКОВСКОЙ ДИРЕКТИВЫ»?

«Русская армия ведет борьбу не только за освобождение и благо России, но и за мировую культуру. При нашем поражении никакая сила не в состоянии будет надолго сдерживать волну красного интернационала, которая завоющим пожаром большевизма зажжет Европу и, быть может, докатится до Нового Света...»

П.Н. Врангель

Усиление Добровольческой армии

Непостижимо, но в тот краткий срок, прошедший с дней «Ледяного похода», Белая идея восторжествовала, армия приобрела необходимую ей форму и силы, чтобы вступить в решающее противоборство с большевизмом; в ее рядах были уже не тысячи, а десятки тысяч бойцов под командой овеянных славой генералов Великой войны и молодых полковников «первопоходников». Настроение резидентов III Интернационала в России было близким к панике. Деникин принял решение направить главный удар на Москву, а Шкуро готовился взять город силами своей «вольчей сотни». Казалось, еще одно усилие, и большевикам придет конец.

Но что-то сломалось в военном механизме Белой армии, какие-то его шесте-

ренки пришли в несогласие и шаг за шагом выводили из строя доселе налаженный механизм. Намечавшаяся победа обернулась крахом и беспрецедентной катастрофой эвакуации из Новороссии и Одессы... Добровольческая армия продолжала вести бесконечные, кровопролитные бои; боевой состав ее частей успел перемениться много раз. В Вербовочные бюро на Юге России приходили все новые добровольцы, то и дело к частям ВСЮР присоединялись казачьи отряды, возвращались в действующую армию из лазаретов поправившиеся военнослужащие, и на их место убывали на лечение другие. Восставшие казаки повсеместно стремились поскорее влиться в ряды Добровольческой армии, о чем слали в штаб Деникину радиотелеграммы. Однако несмотря на готовность добровольцев пополнить армию, потери, которые она несла в боях, не покрывали ее

дефицита в людской силе. Особенно это проявилось на Северном Кавказе в столкновениях с огромной 11-й армией большевиков, в ходе которых добровольцы потеряли очень много людей.

За летние месяцы 1918 года в Добровольческой армии появлялись и новые имена. Известную популярность стяжал командир бригады в 1-й конной дивизии барон П.Н. Врангель, прибывший к добровольцам 25 августа 1918 года. Перед взятием Ставрополя в июле 1918 года примкнул легендарный партизан А.Г. Шкуро, ставший в армии Деникина командующим 1-м Кубанским полком в 1200 шашек. Успешно показал себя и В.З. Май-Маевский, командующий 3-й пехотной дивизией. Это были отличные друг от друга характеры, и каждому из них была присуща философия того класса, к которому он имел честь принадлежать до начала Гражданской войны. Кубанскому казаку Шкуро было свойственно безразличие к средствам, которые он использовал для достижения поставленных ему задач. Личность Андрея Григорьевича являла собой архетип партизанского командира, попускавшего грабежи мирного населения и самосуды. Владимир Зенонович Май-Маевский, генерал либерального толка, был способным тактиком, но страстен к алкоголю и страдал отсутствием личной дисциплины, за что впоследствии его уволил Деникин. Врангель зарисовал для потомков весьма карикатурный образ этого генерала: «Небольшого роста, чрезвычайно тучный, с красным обрюзгшим лицом, отвислыми щеками и с громадным носом-сливой, маленькими мышиными глазками на гладковыбритом

без усов и бороды лице, он, не будь на нем мундира, был бы непременно принят каждым за комика какой-либо провинциальной сцены. Опытный, знающий дело военачальник и несомненно неглупый человек, генерал Май-Маевский в разговоре производил весьма благоприятное впечатление». Сам мемуарист, уроженец Ростова-на-Дону, барон Петр Николаевич Врангель начал свою военную службу в столице, в лейб-гвардии Конном полку эскадрон-юнкером, втором по значимости в частях гвардейской кавалерии. В годы Русско-японской войны он оставил столичный полк и уехал на восток, где прослужил некоторое время в Сибирской казачьей дивизии. После Маньчжурии, где он получил несколько боевых наград, снова вернулся в столицу и поступил в Николаевскую Академию Генерального штаба, а после окончания вернулся в родной ему лейб-гвардии Конный полк. В годы Гражданской войны являлся для многих безусловным примером организованности и храбрости, но его критики полагали, что тактические способности барона остановились в своем развитии на уровне эскадронного командира, что, разумеется, являлось неверным.

Генерал Деникин писал, что когда он посещал дивизии дроздовцев, Врангеля, Боровского и Казановича, а его посещения выпадали не только на дни побед, но и на время ощутимых поражений, он «видел людей усталых, но бодрых и жизнерадостных. Они не жаловались на отсутствие жалования или лишней пары сапог, и только просили „по возможности“ патронов и пополнений. Им не нужны были пышные и возбуждающие слова прика-

зов, речей, не нужны были обманчивые обещания грядущих благ... Они знали, что путь их долог, тернист и кровав. Но большинство из них желали спасения Родины, верили крепко в конечную победу и с этой верой шли в бой и на смерть».

Дни и дела командарма Сорокина

Противник был по-прежнему силен и упорен. После соединения с 40-тысячной Таманской армией красных, 11-я советская армия многократно усилилась. Верхушка большевиков неожиданно сошлась в жестокой схватке за власть, где, с одной стороны, Петр Лукич Сорокин пытался навести дисциплину и порядок в разросшейся армии и за неподчинение себе хотел даже расстрелять любимца партии Жлобу, а с другой — Дмитрий Петрович Жлоба, имевший за спиной поддержку

Сталина и Ворошилова, стремился к отделению и создал «Стальную дивизию» в городе Святой Крест (ныне Буденновск. — *Авт.*). Создание такой дивизии было обосновано необходимостью выполнения особых задач, которые присылались Жлобе из Москвы, часто в обход Сорокина. Дело дошло до прямого столкновения, когда два бронепоезда, присланные Сорокиным для захвата и ареста Жлобы, вынужденно ретировались перед зияющими жерлами орудий, выкаченных артиллеристами «Стальной дивизии» на прямую наводку. Командир 40-й дивизии Матвеев также отказался выполнять приказы Сорокина, за что был арестован и по приказанию командарма расстрелян без суда. После расстрела Матвеева Сорокин приказал красноармейцам Таманской армии двигаться на Кубань, где силами в 15 тысяч человек ударить в стык 1-й конной дивизии Врангеля

Дроздовцы и медсестры

и пехотных дивизий Дроздовского и Канзанича.

Первоначально Таманская армия достигла успеха. Своими непрерывными атаками на позиции марковцев красные потеснили полк, но части 1-й конной дивизии барона Врангеля отбили у красных несколько переправ по реке Уруп, перешли ее, устремившись в тылы таманцев. Неожиданный удар конницы Врангеля оказался для Таманской армии полной неожиданностью, и их фронт стал откатываться назад. 11-я Красная армия оказалась блокированной в районе Минеральных Вод.

На совещании РВС и партийных представителей красных было принято решение покинуть Кубань. Для этого существовало три направления отступления — Владикавказ, Ставрополь или Астрахань. Сорокин, предчувствуя ловушку на ставропольском направлении отхода, пытаясь убедить членов РВС двигаться на Владикавказ, но возобладало мнение противников этого направления. Они аргументировали свои позиции необходимостью не отдаляться от Центральной России и поддерживать связь с 10-й и 12-й советскими армиями, что решило судьбу отхода. Красные двинулись на Ставрополь, а Сорокина товарищи по партии дежурно упрекнули в изоляционистских и диктаторских замашках. Перед тем как покинуть Пятигорск, где располагались все советские учреждения на Северном Кавказе, большевики подвергли город беспощадному террору. Первой и основной мишенью их стали представители «оппозиции», якобы пытавшейся поднять контрреволюционное восстание или

сделать «покушения на жизнь вождей пролетариата». По случаю смерти от ран красного командующего Северо-Западного фронта Ильина ЧК показательно казнила шестерых взятых в заложники людей. Казни после продолжились и во взятом большевистскими силами Ставрополе. Показательную казнь более сотни заложников устроила ставропольская ЧК под руководством ее главного палача Георгия Александровича Атарбекова (Атарбеяна) — сразу же после того, как Сорокиным были расстреляны неудобные ему члены ЦИК. Ведь расстрел ЦИКовцев был приписан большевиками «агентам белых» и местная ЧК продолжила цепь бесконечных казней.

Некоторым из тех, кого привели для расстрела, большевики предлагали службу в рядах Красной армии, как, например, генералам Императорской армии, на что последовал решительный отказ. В числе отказавшихся возглавить Кавказскую красную армию были генерал Николай Владимирович Рузский (некогда принуждавший Государя отречься от престола), Чижевский, престарелый генерал от инфантерии болгарин Р.Р. Радко-Дмитриев и контр-адмирал, граф, бывший начальник Морского Генерального штаба Алексей Павлович Капнист. Список казненных пополнился некоторым количеством представителей русской аристократии, имевших несчастье слишком долго задержаться в санаториях на лечении. Как и в Пятигорске, в Ставрополе чекисты чаще всего казнили одним и тем же методом: отрубая своим жертвам головы шашками. Об этом написал военный журналист «Правды», генерал-майор Владимир Нико-

лаевич фон Дрейер: «Бедный Рузский закончил трагически свое земное существование. Ранней весной 1918 года, в самом начале Гражданской войны, он в числе 140 человек с Радко-Дмитриевым, генералами, офицерами и лицами старой аристократии был арестован в Пятигорске. Их всех раздели, оставив лишь нижнее белье, отвели по снегу в стужу за несколько верст, к подножию Машука; одного за другим рубили шашками и бросали в вырытую яму. Когда большевики были изгнаны с Кавказа, могилу разрыли, трупы похоронили со всеми почестями, предварительно их сфотографировав. Как иллюстрации зверства большевиков, фотографии Рузского и Радко-Дмитриева были выставлены в Штабе Главнокомандующего Белой армией Деникина».

Внутренние конфликты в большевистском стане

Вместе с казнями в городах шли аресты, и следовали расстрелы, не миновавшие самих большевиков. Разгоралось про-

тивостояние самого Сорокина и председателя крайкома партии Моисея Израилевича Шнейдермана, носившего партийный псевдоним В. Крайний. Недовольный безграничными полномочиями Сорокина, председатель крайкома готовил втайне от Сорокина его устранение от дел. Узнав о готовившемся заговоре, Сорокин велел своему конвою арестовать Крайнего. Вместе с тем он распорядился арестовать и начальника ставропольской ЧК Рожанского и председателя ЦИК Абрама Израилевича Рубина, а также членов ЦИКа Осипа Дунаевского, Минкова и младшего брата Шнейдермана. Все эти большевики были незамедлительно расстреляны.

Из материалов следствия Особой комиссии при Главнокомандующем ВСЮР по расследованию злодеяний большевиков следует, что причина конфликта между большевиками состояла в следующем: «По объяснению приближенных Сорокина, пойманных и заключенных в тюрьму, Сорокин — ярый юдофоб, ненавидел евреев, возглавлявших кавказскую власть,

Удостоверение большевистского командира

«и решился на кровавую расправу, негодуя на постоянное вмешательство ЦИК в военное дело, что мешало военным операциям». Этой участи едва избежали большевики С.М. Киров и Петренко. Сорокин еще некоторое время продолжил расстрелы оппозиции в ЦИК.

Большевики в Ставрополе

После того как 23 октября 1918 года части Красной армии медленно развернулись, отступая, они двинулись на север, в сторону Ставрополя. Возможностей для обороны города у добровольцев не было: отряды городской самообороны и немногочисленные части генерала Боровского, успешно справлявшиеся с мелкими красными отрядами и бандами, не могли противостоять 100-тысячной сорокинской армии. Военный губернатор Ставрополя объявил эвакуацию. 23 октября 1918 года части 40-й Таманской армии первыми ворвались в Ставрополь. Одно из первых распоряжений красного командования в захваченном городе было произведение обысков в оставленных обывателями квартирах. Обыскивающим разрешалось брать из них все, что пожелается. Материалы Следственной комиссии при Главнокомандующем ВСЮР бесстрастно фиксировали факты: «Бралось все, и нужное и ненужное, начиная с икон, автомобилей, велосипедов, мебели, кроватей, тюфяков, одежды... В некоторых же домах грабители, не довольствуясь расхищением имущества, уничтожали то, что не успевали забрать с собою, — они рубили мебель, рвали материю, книги, бумаги и т.п., оставляя после себя вместо ценного имущества гру-

ды хлама и мусора». Вслед за этим начался повальный грабеж интендантских складов, складов имущества Союза Городов и товарной станции. За грабежами, по обыкновению, последовала волна расправ. Главными жертвами их становились раненные добровольцы, остававшиеся в больницах города. Несчастных красноармейцы убивали прямо в палатах. Особенной жестокостью в ходе захвата города «прославилась» все та же Таманская дивизия (чей поход воспет в романе классика советской литературы А. Серафимовича-Неверова «Железный поток»).

Конец командарма Сорокина и казачьи восстания в красном тылу

Конфликт между Сорокиным и членами ЦИК и другими командирами продолжался. Он завершился тем, что путем различных ухищрений Сорокин был заманен в ловушку, арестован и убит во время допроса руками командира 3-го Таманского полка Висленко, обработанного до этого противниками Сорокина в нужном направлении.

Вакханалия, начавшаяся в частях Таманской армии после захвата города и реквизиции спиртного у населения, притупила бдительность ее чинов. Дозоры большевиков не заметили, как в тыл армии вышла 1-я казачья дивизия А.Г. Шкуро. Следом за этим, словно горящий бикфордов шнур, поднимались мятежи против красных в станицах Батаапашинского отдела, в Пятигорске и в Кисловодске. С Кубани Деникиным на помощь Шкуро были направлены дивизия Дроздов-

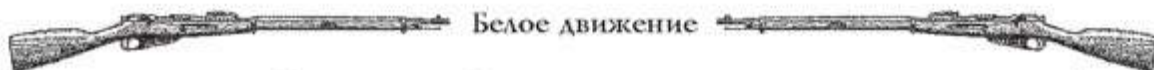

Красноармейцы в занятом городе

ского, 2-я пехотная дивизия генерала Боровского, 1-я Кубанская дивизия генерала Покровского. Со стороны Минеральных Вод двигалась дивизия Казановича и 1-я конная Кубанская дивизия барона Врангеля, наступавшая на Ставрополь со стороны села Татарка и станицы Сенгилеевской. Части добровольцев заняли станицу Невинномысскую к началу ноября, а потом продолжили теснить 11-ю советскую армию на восток. 30 тысяч человек этой армии оказалась в окружении, и тогда добровольцы приступили к разгрому красных. В ночь на 13 ноября 1918 года часть красных все же смогла пробить брешь между дивизией Боровского и кавалерией Сергея Георгиевича Улагая. Эту неудачу Улагая современники оценивали как случайность, произошедшую по вине его помощников, командиров 1-й бригады 2-й Кубанской казачьей дивизии войскового старшины Сергея Дмитриевича

Говорущенко и командира бригады 2-й Кубанской дивизии малоталантливого генерал-майора Александра Петровича Шапρινского. Сам же Улагай характеризовался современниками как «единственный в своем стиле человек». «Строг, справедлив, до беззаветности храбр, добр, с недюжинным военным талантом. Дивизия под его руководством, по существу, ни разу не терпела поражения...» Оторвавшись от преследования кубанцев Улагая горстка красных начала уходить в северо-восточном направлении от Ставрополя. 14 ноября 1918 года передовые части полковника Николая Гавриловича Бабиева вошли в Ставрополь. Ими был захвачен разграбленный большевиками вокзал, к полудню следующего дня части Бабиева, поддержанные Самурским и 1-м Кубанским стрелковым полками, при поддержке бронев автомобилей 1-й конной дивизии Врангеля, освободили от больше-

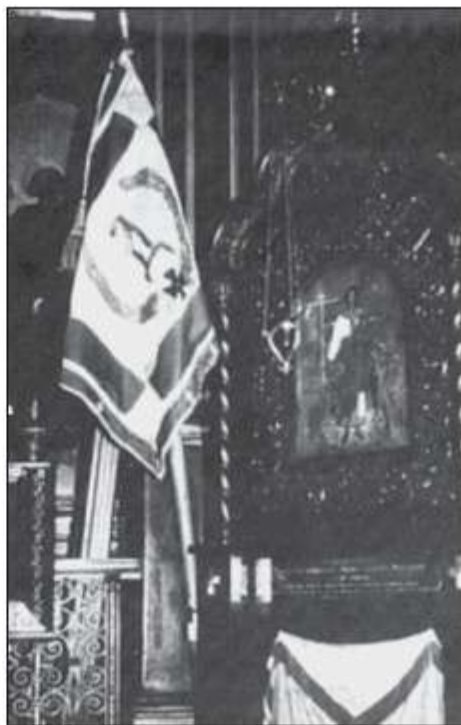
виков весь город. В ходе захвата Ставрополя шла череда непрерывных уличных боев, в ходе которых красные части были оттеснены из города. Победы над красными давались нелегкой ценой. Добровольческая армия снова несла существенные потери.

Гибель генерала Дроздовского

Дроздовский, как и всегда, лично вел свои части в контратаку, но был ранен в ступню возле Иоанно-Мартинского монастыря. «Капитан Тер-Азарьев, снимавший вместе с другими офицерами Дроздовского с коня, рассказывал, что рана не вызывала ни у кого тревоги: просто поцарапало пулей. Все так и думали, что Дроздовский вскоре вернется к командованию...» «Рана не вызывала ни у кого тревоги, — пишет современный исследователь, — но вскоре загноилась. Говорили, что заражение появилось после того, как его лечил врач, который вскоре скрылся... В городской больнице Екатеринодара Дроздовский перенес еще несколько операций, после которых ему стало хуже... 1 января 1919 года Михаил Гордеевич Дроздовский скончался в Ростовском госпитале от заражения крови». Существовала версия, что гибель Дроздовского была ускорена бездействием профессора Федора Плоткина, первого из докторов, производившего осмотр ранения. В своей книге мемуаров А.В. Туркул мельком упоминал некоего доктора. Среди современных исследователей жизни генерала есть и те, кто напрямую связывает смерть Дроздовского от прогрессирующей инфекции, попавшей в небольшую рану, с происками его давнего «иде-

ологического противника» генерала Романовского.

Нам остается лишь добавить, что профессор Федор Михайлович Плоткин бла-

Знамя дроздовцев

гополучно «пересидел» последний этап Гражданской войны за границей и, вернувшись в РСФСР, как ни в чем не бывало продолжил преподавательскую деятельность при советской власти. В начале 1920-х годов, после установления советской власти на Кубани, он работал в Кубанском государственном университете на кафедре факультетской хирургии, которой заведовал в 1930 и 1931 году. Плоткин был автором ряда работ, посвященных хирургии, а одна из них, написанная профессором в 1933 году, даже посвяще-

на послеоперационным осложнениям в связи с латентной инфекцией.

Потери добровольцев и лейб-гвардейцы в рядах Белой армии

В армии между тем хватало и обычных, не столь таинственных смертей ее командиров. Накал борьбы был как никогда высок, жертвенный порыв добровольцев от рядового до Главнокомандующего необыкновенным. В ходе боев за Ставрополь убили командира корниловцев, полковника Владимира Ивановича Индейкина. Он был сражен пулей в висок. «Люди гибли, — писал Деникин, — но оставались традиции, оставалась идея борьбы и непреклонная воля к ее осуществлению...»

Череда затяжных осенних дождей заставила добровольческие части отказаться от преследования красных, которое закончилось у станицы Петровская. 1-я конная и 2-я Кубанская дивизии, сведенные в единый Конный корпус под начальством генерал-майора Врангеля, ждали получения дальнейших распоряжений командования. Кавалерия генералов Покровского и Шкуро остановила преследование бегущих красных у станиц Старо-Марьевской и Бешпагир. В боях на Ставрополье некогда огромная 11-я красная армия потеряла свои лучшие силы и никогда уже, до самого конца войны, так и не оправилась после этого поражения.

После изгнания большевиков из Ставрополя штаб Деникина подготовил распоряжение о формировании в рядах Доб-

ровольческой армии Сводно-гвардейского полка. Это был непростой шаг. Вернее будет сказать, что Деникин горячо этой идеи не поддерживал, а генералы либерального толка и вовсе противились воссозданию гвардейских частей. Протопресвитер Армии и Флота, отец Георгий Шавельский, оказавшийся в те дни в рядах Добровольческой армии, оставил потомкам любопытные зарисовки: «Еще в Крыму мне пришлось услышать много нареканий на гвардейцев, бравировавших своим положением и своими монархическими чувствами (сам о. Георгий их заблаговременно утратил. — *Авт.*), и сильно возбуждавших против себя и армию, и население. А им-то теперь, в демократическое время, надо было бы присмиреть и не будировать. На мой взгляд, восстановление гвардии было преждевременно и для Добровольческой армии в глазах населения невыгодно. Добровольческая армия должна была быть демократической — Я высказал мысль, что восстановление гвардии было большой ошибкой. Но мое мнение было встречено резким протестом. Между тем в марте 1919 года посетивший меня толковый, честный и доблестный полковник лейб-гвардии Преображенского полка Кутепов, без всякого повода с моей стороны, повторил мне о гвардии буквально то же самое...» Не станем вдаваться в мотивы генерала Кутепова. Скорее всего, разгадка опять же в строках либерала и демократа Шавельского: «...новые полки, как Корниловский, Марковский, Алексеевский и Дроздовский, имели все основания считать себя по боевой доблести ни в каком случае не ниже гвардии». Автор впол-

не допускает, что честолюбию Кутепова досаждала самая мысль об историческом «старшинстве» гвардейцев, ибо честолюбивый генерал справедливо причислял

Офицер-доброволец «Ледяного похода»

себя к созданию собственной «гвардии» в лице «цветных полков» добровольцев. Что же касается до «последнего протопресвитера», то его мнение, как следует из его же книги, имело поразительно быстрое свойство формироваться в нужном ключе, едва политическая конъюнктура в среде «власть предержащих» менялась в невыгодную для меньшинства сторону.

Но, как говорит мудрая восточная поговорка, «собака лает, а караван идет». Гвардейцы, и в частности гвардейцы-кавалеристы, стали приезжать в Добровольческую армию с первых дней ее существования, направляемые сначала в Запасный кавалерийский полк для сбора. Все

прибывшие показали себя стойкими и превосходными воинами. В полк влились и офицеры гвардейской кавалерии, самых элитных частей Императорской армии, образовав при полку команду конных разведчиков под предводительством штабс-ротмистра Кирасирского Его Величества полка, князя Игоря Михайловича Черкасского. Основная часть гвардейской кавалерии — конно-гренадеры и лейб-гвардии Его Величества уланы оставались в Запасном кавалерийском полку полковника Василия Сергеевича Гершельмана, а кавалергарды и конногвардейцы вошли в состав Черкесской конной дивизии. Команда конных разведчиков, в основные задачи которой входила охрана казенного имущества и частновладельческих винных складов в дачном поселке Мысхалко, вскоре была развернута в эскадрон, командование которым с 24 октября 1918 года принял полковник кирасир Ее Величества Михаил Федорович Данилов. «Наличие в Добровольческой армии офицеров полка: ротмистра Апрелева, штабс-ротмистров Гончаренко и Энгельгарта, перспективы, на которые указывал полковник Кутепов, — все это способствовало окончательному решению начать формирование гвардейского полка в Добровольческой армии, несмотря на те тяжелые условия, в которых она находилась...»

В начале ноября 1918 года Сводно-гвардейский эскадрон пополнился гвардейскими офицерами, прибывшими из всех уголков России, и теми, кто перешел в него из Запасного кавалерийского полка. Так эскадрон пополнился штабс-ротмистрами Георгием Алексеевичем По-

лянским, Александром Николаевичем Подиановым, Александром Александровичем фон Баумгартеном 2-м, Сергеем Александровичем Дерюжинским, Борисом Владимировичем Похвисневым и Иваном Фидипповичем Рубцом. Из Запасного полка в эскадрон пришли штабс-ротмистр Николай Михайлович Гончаренко и Юрий Вадимович Энгельгарт, к эскадрону был прикомандирован лейб-драгун прапорщик Алексей Алексеевич Литвинов 2-й и полковник Георгий Петрович Апрелев. К гвардейцам начали прибывать и первые добровольцы: вольноопределяющиеся, юнкера кавалерийских училищ, лейб-гвардии кирасиры, пробравшиеся на юг, трубач и даже писарь. По существующему в Сводно-гвардейском полку правилу официальное формирование возрождающихся частей допускалось лишь при наличии 14 офицеров лейб-гвардии Конного полка. Утверждение эскадрона кирасир Ее Величества пришлось на 14 ноября, день рождения Августейшего шефа полка. «В ответ на всеподданнейшее поздравление кирасир, посланное Ее Величеству (вдовствующей императрице Марии Федоровне. — *Авт.*) к этому дню, полковнику Данилову была доставлена женщиной-добровольцем собственноручно написанная шефом телеграмма с благословением служения Родине...», — писал фон Баумгартен. 15 ноября 1918 года эскадрон конных офицеров-разведчиков в составе Сводно-гвардейского полка, погрузившись в эшелон, направился в Ставрополь, чтобы войти в состав дивизии генерала Казановича. Первый мобилизованный солдат-кирасир Даниил Бушнев появится в эскадроне лишь неделю спустя.

Формирование гвардейского эскадрона шло медленно и трудно: «Жизнь проходит при крайне тяжелых материальных условиях. Жалованье — 250 руб. в месяц — ничтожно, да о нем пока нет и помину, личных же денег — нет ни у кого. Приходится жить буквально впроголодь. Вынужденное бездействие, вследствие невозможности при новороссийских условиях успешно формироваться, всех тяготит. Но никто не теряет бодрости, и все с волнением ждут переезда в Таврию», — писал затем кирасир В.А. Розеншельд-Паулин. Пополнение, столь ожидаемое гвардейскими кавалеристами перед отправкой в Северную Таврию, было до смешного ничтожным и доставалось довольно трудно. Штабу Добровольческой армии было не до гвардейцев, в былые времена своим щегольством раздражавших «армейских» офицеров. Кроме того, в штабе Деникина пока не представляли, как наилучшим образом можно использовать гвардию в боевых операциях: «Подсобрались лишь те офицеры, приезд коих был предreshен, и явились одиночные добровольцы. Вместо ожидаемого пополнения кирасиры Его Величества получили лишь одного мобилизованного, ни одной лошади, ни одного седла, абсолютно ничего из обмундирования... Неблагоприятным во всех отношениях условиям формирования... повредил совершенно ненужный вызов эскадрона конных разведчиков, состоявшего всего из нескольких... еле одетых офицеров, на фронт, в Ставрополь, где его ожидало к тому же полное бездействие...», — пишет В.Н. Звегинцов. Ни район, ни условия, с которыми пришлось столкнуться гвар-

дейцам в Ставрополе, действительно не способствовали успешному формированию. Участник событий вспоминал: «Все попытки достать оружие, седла и лошадей не увенчались успехом, и после краткого пребывания в Ставрополе команда была возвращена в Новороссийск, где и оставалась до отправки в Крым...»

После возвращения гвардейцев из Ставрополя на прошедшем совещании старших офицеров Кавалергардского и Кирасирского Его и Ее Величества полков под председательством Михаила Федоровича Данилова была разработана дальнейшая линия формирования гвардейских подразделений. Эскадрон конных разведчиков планировалось разбить на четыре взвода, каждый из которых явился бы фундаментальной базой для разворачивания соответствующего гвардейского полка при получении существенного пополнения.

Через две недели после прибытия в Северную Таврию многие из гвардейских подразделений выделились в самостоятельные эскадроны. Некоторые из них организовали и эскадронную пулеметную команду, как, например, кирасиры Ее Величества. Там пулеметной командой руководил штабс-ротмистр Николай Михайлович Гончаренко. Это позволило кирасирам Ее Величества Марии Федоровны полка принимать участие в экспедициях против многочисленных мелких банд, которыми была буквально наводнена Таврия. С самого начала 1919 года гвардейские эскадроны принимали участие во всех боевых операциях в Северной Таврии. Именно там начала формироваться Крымско-Азовская армия во гла-

ве с генерал-лейтенантом А.А. Боровским, куда вошли гвардейские эскадроны под общим названием Сводно-Кирасирского полка.

На Южных направлениях

...Центральная большевистская власть не теряла надежды на уничтожение южного очага сопротивления и наступала на Воронежском и Царицынском направлениях. Шесть красных дивизий в количестве 12 тысяч человек атаковали Северный отряд генерала Адриана Константиновича Гусельщикова численностью в 2400 штыков и сабель. Традиционной казачьей тактикой — видимым отступлением — Северный отряд заманил наступавших большевиков в «мешок», после чего ударами с флангов без труда разгромил красных. После гибели шести большевистских дивизий части генерал-майора Константина Константиновича Мамантова вышли на рубеж железной дороги Лихая — Царицын. За боевые успехи Мамантов был назначен Красным командующим войсками на Царицынском направлении.

Город Царицын защищала 50-тысячная 10-я советская армия. В нее вошли различные части из состава 5-й Украинской армии, подошедшей к Царицыну под командованием К.Е. Ворошилова. Вместе с Климентом Ефремовичем в город прибыл и мало кому известный «чрезвычайный комиссар» с жестковатым псевдонимом Сталин. Отсутствие практического боевого опыта и военного образования не смогло заменить Сталину и Ворошилову даже численное превосходство их частей

в сравнении с немногочисленными отрядами Мамантова. При первых же столкновениях с казаками, произошедших еще на дальних стокилометровых подступах к городу, вся конница красных под командованием Б.М. Думенко, Шевкоплясова и Ковалева вмиг оказалась отрезанной от главных сил и даже окружена в районе села Котельникова. С каждым днем Ворошилов и Сталин все более убеждались в том, что город не подготовлен к длительной обороне. Свой показной гнев они обрушили на «классово чуждых» военных специалистов. В качестве наказания по их приказу были расстреляны все бывшие офицеры Императорской армии, служившие при красном штабе, за исключением главного военного специалиста в штабе красных генерала Снесарева. Именно он предложил Ворошилову и Сталину один из наиболее рацио-

нальных вариантов городской обороны. Суть предложений, отвергнутых ранее Ворошиловым ввиду длительности их осуществления, подразумевала строительство укрепленных районов, которые упирались бы флангами в Волгу, а также возведение ходов сообщений и глубоких окопов для позиционной войны. Прибывшая из Москвы комиссия увезла Снесарева с собой и тем спасла его от неминуемого расстрела, рекомендовав Ворошилову и Сталину вернуться к предложенному генералом плану обороны. Поговорив с местными представителями ЧК, Сталин распорядился немедленно мобилизовать городских «буржуев и нетрудовой элемент» на принудительное рытье окопов. Был подготовлен приказ, зачитанный комиссарами во всех красных полках, запрещавший отход красноармейцев с позиций. За невыполнение его виновным по-

Сидят: генералы А.К. Кельчевский, В.И. Сидорин, К.К. Мамантов

лагался немедленный расстрел. Сталин распорядился отвести все действующие пароходы и отогнать лодки, чтобы не дать возможности красноармейцам даже помыслить о возможном отходе, — в случае если казаки прижмут их к Волге.

Донцы штурмуют Царицын

16 октября 1918 года части генерала Мамантова начали штурм города, задействовав имевшиеся в их распоряжении бронепоезда и бронев автомобили. Город также обороняли бронепоезда красных и подвижные платформы с легкими орудиями и пулеметами, обложенными мешками с песком для защиты от обстрела. После первых боев наметился прорыв на южном фланге обороны красных. Это произошло в районе поселка Гумрак, откуда Астраханским офицерским полком и камыцкой сотней князя Тундутова была выбита 38-я большевистская дивизия. Однако подошедшая с Северного Кавказа «Стальная дивизия» Дмитрия Павловича Жлобы обрушилась на немногочисленных астраханцев и камыков с тыла, разгромив их после первой же атаки. 38-я красная дивизия перешла в контратаку и добила остатки двух белых частей, расстреливая на поле боя оставшихся в живых офицеров. В тот же день Сталиным было приказано Жлобе соединиться с 38-й советской армией и влиться в боевые порядки 10-й армии.

На следующий день штурм города на центральном участке, в районе прорыва железной дороги, продолжили свежие части генерала Мамантова. За ночь на предполагаемое место прорыва белых по

приказу красного командира Кулика оборонявшимися была стянута вся имевшаяся в городе артиллерия. Утром более 100 орудий встретили атаку донской «молодой гвардии», polegшую на подступах к городу. Мамантов приказал начать отход. А через два дня 2-й кавалерийский полк из «Стальной дивизии» Жлобы численностью в 3 тысячи сабель ударил в южный фланг Мамантова. Удар кавалерийского полка прорвал окружение, в котором до той поры находилась конница Думенко и Шевкоплясова. Части Мамантова продолжили свой отход от города...

Спустя две недели Мамантов снова повторил поход на Царицын, мощным ударом опрокинув части красных у слободы Васильевки. В ответ красные контратаковали Мамантова силами «ударных коммунистических батальонов», но не выдержали встречного боя и стали отходить и сдаваться в плен. В тот же день мамантовцы пленили до 5 тысяч красноармейцев и командиров разгромленных большевистских полков. Про самого Мамантова говорили, вспоминает Ф.И. Елисеев: «Все у Мамантова „легкое“ — и конь, и посадка в седле, и походный мундир. Природный кавалерист. При Мамантове ни адъютанта, ни начальника штаба, ни ординарцев. Никакой внешней помпы. Все это вместе взятое только украшало... донского героя, признанного таковым и красными». Успех Мамантова был развит генералом Денисовым, направившим в образовавшуюся в обороне красных брешь дополнительные силы. Это позволило белым продвинуться и занять город Бобров и узловую станцию Лиски. Поло-

вина Воронежской губернии снова оказалась под белыми, а из Москвы «на места» направился сам Троцкий для надзора за осуществлением крупномасштабной операции против сил Мамантова и Денисова.

Троцкий против Краснова

Группировка красных, достигавшая 40 тысяч человек при 110 орудиях, обрушилась на Хоперский и Усть-Медведицкий донские округа и начала вторжение на Дон. Краснов распорядился отвести дополнительные части от Воронежа для защиты Дона, и огромными усилиями продвижение красных было приостановлено. Большевистские части под водительством бывшего войскового старшины Филиппа Кузьмича Миронова понесли ощутимый урон под станицей Усть-Медведицкой. К концу ноября 1918 года все красные части были снова выбиты с донской земли. Однако это не остановило попытки большевистского командования овладеть Доном. Из центра по распоряжению Троцкого слали все новые свежие дивизии, в то время как силы Донской армии были на исходе. Подкреплений донцам было ждать неоткуда. В декабре 1918 года в ВВД была объявлена всеобщая мобилизация мужчин в возрасте от 19 до 52 лет. Мобилизован также весь гужевой транспорт, боеприпасы, продовольствие. Краснов надеялся, что ему удастся овладеть Царицыным и отвести постоянно существующую угрозу вторжения от Дона. Но, как известно из истории, казацкие войска менее всего приспособлены для ведения затяжной позиционной войны. Дело

осложнялось и тем, что у Краснова не было осадной артиллерии и достаточных сил для организации нового похода на Царицын. Город выстоял, но ценой гибели 60 тысяч человек, что явилось поводом для перевода Сталина на другие участки фронта и снятия Ворошилова с поста командующего Красной армией. Его направили на борьбу с врагами «на внутреннем фронте» на Украине.

О генерале Мамантове даже после первых удач под Царицыным докладывали Главнокомандующему добровольцами, что он попустительствовал «распоясавшимся» подчиненным ему казакам. Врангель заявил Деникину еще при своем назначении командующим Добровольческой армии 6 декабря 1918 года: «...Я считаю совершенно необходимым дать мне возможность выбрать своих ближайших помощников. В частности, во главе конницы должен быть поставлен хороший кавалерийский начальник. Пока Конной группой руководит генерал Мамантов, от конницы ничего требовать нельзя...»

Диалоги с Антантой

23 ноября 1918 года корабли союзников появились на внешнем рейде Новороссийска. Вскоре в штаб к Деникину пожаловала военная миссия, возглавляемая генералом Ф. Пулом. Он заверил Деникина и чинов его штаба в гарантированной финансовой поддержке в той мере, которая позволила бы содержать 250-тысячную армию. Вместе с тем Пул обещал Деникину высадку союзных войск на Черноморском побережье. Со-

юзники даже снарядили инспекционную поездку на Дон, к Краснову, отправившуюся туда водным путем на двух миноносцах. Надо сказать, что по политическим соображениям Краснов был даже готов отказаться от получения военной помощи от Германии — с тем, чтобы получать аналогичную от союзников. Генерал Пул обещал снестись со своим правительством в Лондоне, чтобы ускорить отправку транспортов с оружием на Дон, однако его неоднократные телеграммы в военное министерство оставались без ответа. Оставшись и без германских поставок оружия, ВВД оказалось в трудном положении. Англичане тянули с поставкой вооружений, а между тем бои на фронтах не прекращались ни на один день.

Ставрополье сражается

11-я красная армия наседала на терских повстанцев. Она нанесла удар от Георгиевской в район станицы Прохладной. Соединенные силы двух красных армий — 11-й и 12-й — дали возможность пробиться к Моздоку и взять его 23 ноября 1918 года, заставив терских повстанцев уйти в горы Дагестана. Около 5 тысяч казаков прошли через Кабарду и влились в Добровольческую армию. На Ставрополье по-прежнему продолжались упорные бои. Особо ожесточенными они были за села Петровское и Константиновское.

К 28 ноября 1918 года части красных, в том числе и еще действующая Таманская дивизия, были разбиты С.Г. Улагаем. Но в декабре большевики предприняли

еще одну попытку наступления на дивизию генерал-лейтенанта Сильвестра Львовича Станкевича, занимавшую фронт у реки Маныч, и вместе с тем нанесли удар по 1-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Бориса Ильича Казановича. Обе попытки контрударов красных были отбиты.

На последнем дыхании: донские части под Царицыным. Призывы к объединению

В это время в Царицыне Егоров, вступивший в командование армией после отбытия Ворошилова, провел реорганизацию сил и довел количество штыков в своей армии до 70 тысяч. Им была создана кавалерийская дивизия под командованием Думенко численностью в 4 тысячи штыков. Эти свежие силы навалились на едва держащих 600-километровый Донской фронт казаков. Германские вооруженные силы с Украины уже ушли. Существовала и вероятность нападения петлюровцев со стороны Таврии. Донским землям явно угрожали махновцы, банды Зубкова, Иванько и даже застрывшие по пути назад эшелоны с германскими войсками.

Ввиду явной угрозы отката фронта Краснов обратился за помощью к Деникину. Главнокомандующий распорядился направить 3-ю дивизию генерала Май-Маевского в количестве двух с половиной тысяч человек. В середине декабря 1918 года силы В.З. Май-Маевского, с бронепоездами, бронеавтомобилями и авиационными отрядами, высадились в Таган-

роге и заняли участок от Юзовки до Мариуполя для прикрытия Каменноугольного района и обеспечения безопасности левого фланга Донской армии. «...Май-Маев-

**Бронепоезд «Единая Россия»
на царцынском направлении**

ский в течение двух месяцев со своими 2¹/₂, потом 4¹/₂ тысячами штыков, с огромным напряжением и упорством едва отбивался от Махно, петлюровцев и двух дивизий большевиков...», — писал А.И. Деникин. С появлением частей добровольцев на Украине, в районе Донбасса, все чаще возникал вопрос о единоначалии на Юге России. Незадолго до того Деникин направил части генерала Тимановского в Одессу для помощи военному губернатору города генерал-майору Гришину-Алмазову.

26 ноября 1918 года состоялась давно назревавшая встреча представителей Добровольческой армии и представителями Донского круга и Кубанской Рады. Речь шла о возможности установления единой власти, едином командовании и едином представительстве при военной миссии союзников. В проходившем совещании от Добровольческой армии участвовали генералы А.М. Драгомиров,

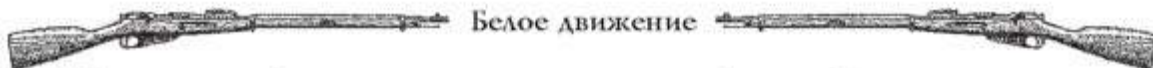
А.С. Лукомский, А.С. Санников, И.П. Романовский, Н.М. Тихменев. Их *vis-a-vis* были донские представители — генералы М.А. Свечин, И.А. Поляков и П.И. Греков. Уполномоченные Красновым вести переговоры, эти лица, однако, заняли непримиримую позицию в отношении Добровольческой армии, не признавая ее объединяющего значения для всех антибольшевистских сил на Юге России. При этом они всячески отстаивали идею «независимого Дона». «В ответ мы получали игнорирование участия армии, как государственно-правового фактора... и полный отказ от объединения командования...», — вспоминал о результатах этих переговоров Деникин.

Казалось бы, независимость Дона находилась в еще большей опасности со стороны наступающих большевиков, грозивших если не полной оккупацией донских земель, то непременно истреблением ее населения. В глубине души Краснов был убежден в возможности договориться с красными о нейтралитете, а главенствующая роль Добровольческой армии не устраивала его по причине ослабления собственного значения и влияния в ВВД. Более того, курс Краснова на сотрудничество с Германией невольно отталкивал его от возможного союза с Добровольческой армией — как правопреемницей русской Императорской армии, которая де-юре продолжала войну с германскими войсками.

Антанта в качестве арбитра

Деникин доложил представителям Антанты о возникших разногласиях между Добровольческой армией и атаманом

ВВД и попросил британского представителя генерала Пула выступить в качестве посредника на последующих переговорах с Донским атаманом: «В начале декабря генерал Пул обратился ко мне со словами: „Считаете ли вы необходимым в интересах дела, чтобы мы свалили Краснова?“ Я ответил: „Нет. Я просил бы только повлиять на изменение отношений его к Добровольческой армии“. — „Хорошо, тогда будем разговаривать“...»

Англичанин бодро взялся за дело, отправившись к Краснову 21 декабря 1918 года на станцию Кушевка, где сразу же между ними произошел инцидент: Краснов ждал, что Пул явится к нему, как к главе суверенного государства, а Пул настаивал, что Краснов должен прибыть к нему, как представителю одной из союзнических с Антантой стран. Когда атаману доложили об этом, он отказался и хотел тут же уведомить Пула о прекращении переговоров. Краснов заявил направленному к нему полковнику Кизу: «Передайте генералу Пулю, что я являюсь выборным главою свободного пятимиллионного народа, который для себя ни в чем не нуждается. Ему не нужны ни ваши пушки, ни ружья, ни амуниция — он имеет все свое, и он убрал от себя большевиков. Завтра он заключит мир с большевиками и будет жить отлично...» Генерал Пул, предчувствуя осложнения, предпочел прибыть к Краснову сам. В ходе переговоров он изложил точку зрения главы гражданского правительства при Добровольческой армии генерала Драгомирова относительно полного подчинения ВВД Деникину. Невзирая на энергичные протесты донского главнокомандующего

генерала Денисова, Пул все же помог привести обе стороны к согласию. Донская армия вошла в подчинение Деникину на условиях автономной единицы, а приказы Главнокомандующего Добровольческой армии отдавались Донской армии через атамана и Донской штаб.

Создание Вооруженных сил Юга России и трудности альянса с Доном

8 января 1919 года на станции Торговая после долгих обсуждений генералы Драгомиров и Денисов пришли к соглашению о едином командовании, экономической и финансовых системах. Краснов и Деникин подписали соответствующие приказы. Деникин отныне именовался Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России.

В дни, когда шло соединение Добровольческой и Донской армий, центральное руководство большевиков поставило перед своими вооруженными силами задачу по уничтожению этого военного союза в течение зимней кампании 1918—1919 годов. После успешных для Красной армии боев на Урале и в Поволжье на юг стали перебрасываться ускоренными темпами дивизии с Восточного фронта. С западного направления прибыла 13-я армия под командованием красного командира Кожевникова, а с северо-запада — 8-я армия командарма Гиттиса. С севера подходила 8-я армия Княгицкого, а с востока, со стороны Царицына — 10-я армия под командованием Егорова. Перед этой армией была поставлена цель

вклиниться в стык Донской и Добровольческой армий, отрезав кубанские земли от Дона. Кроме того, Красная армия ввела в действие 150-тысячную Таманскую армию, доукомплектованную свежими пополнениями из Астрахани и воодушевленную недавней победой над терскими повстанцами.

Суровая зима и морозы, эпидемии сильно ослабили оборону казаков, оставшихся без отдыха уже долгое время. Обещания союзников предоставить помощь не выполнялись, что позволяло делать сравнения с германцами не в пользу первых. 30 января 1919 года Краснов раздраженно сообщал Деникину, что некий французский представитель, прибывший к нему от генерала Франше д'Эспере, капитан Фуке, заявил, что на помощь белым армиям, отчаянно бьющимся в Каменноугольном районе, французская сторона будет готова прислать одну дивизию из Севастополя. Но только, если атаман подпишет два соглашения. Первое из них содержало требования о материальной компенсации с уплатой 5 % годовых за те разрушенные промышленные предприятия с иностранным капиталом, акционерами которых являлись страны Антанты и которые находились на территории Донецкого бассейна. Согласно этому же документу, Донское правительство обязывалось произвести оплату стоимости восстановления заводов и фабрик и выплаты вознаграждения собственникам за вынужденный простой их предприятий. Во втором соглашении говорилось о подтверждении согласия Краснова о признании полной власти генерала Деникина по вопросам военного, политического и об-

щего порядка. Деникин отвечал, что первое соглашение, представленное Краснову капитаном Фуке, является верхом цинизма в складывающейся непростой военной ситуации. Относительно второго соглашения Деникин заверил Краснова, что приложит все усилия, чтобы оградить его от каких бы то ни было принуждений, тем более в столь директивной форме, и доложит французскому представителю о превышении полномочий его миссии.

Незадолго до инцидента с французским представителем в Новочеркасск к Краснову приезжал представитель английской миссии генерал Пул для ознакомления с ситуацией на Дону. Увидев, что положение для Дона складывалось угрожающим образом, он пообещал направить в помощь казакам одну английскую бригаду, которая должна была прибыть в Новочеркасск 26 января 1919 года. Для чинов бригады Пул просил Краснова подготовить теплые вещи — примерно 2 тысячи полушубков. Затем генерал отбыл в Лондон для доклада в парламенте. Однако приказ генерала Пула об отправке бригады на Дон, дошедший в штаб британских оккупационных войск в Батуме, командование проигнорировало, а самого Пула, по его прибытии в Великобританию, отстранили от дел за «чрезмерные симпатии» к русским. Более того, он был даже обвинен в «недостаточном патриотизме», ибо хотел жертвовать жизнями английских солдат в интересах весьма неопределенных, с точки зрения новой политики Лондона в отношении России.

Не получив ожидаемой помощи, Северный фронт на Дону рухнул под тяжестью натиска большевистских армий.

Отчасти развал фронта объяснялся тем, что казаки, уставшие оборонять собственные рубежи, постепенно возвращались домой, уступая часть позиций регулярным частям Вооруженных сил Юга России. Уход только трех казачьих полков образовал 40-километровую брешь в обороне Дона, куда незамедлительно вошла 9-я армия большевиков в составе девяти дивизий и устремилась в центр Донских земель походным порядком, без боев занимая станицу за станицей. Донской генерал Александр Петрович Фицхелатуров был вынужден отдать приказ об отступлении, прикрывая от 8-й армии большевиков фланги со стороны Харькова и торопясь, чтобы красные не успели отрезать его войска от Дона. В это время генерал Мамантов вывел свои части к главной линии обороны Царицына и овладел там южным опорным пунктом города — поселком Сарепта. В ожидании дальнейших приказов из штаба Донской армии он задержался у стен Царицына, а когда пришли вести о падении Северного фронта и невозможности поддержки его основными силами, Мамантов приказал отступить. Воспользовавшись замешательством Мамантова, кавалеристы Думенко совершили рейд по его тылам, чем ускорили отход казаков.

Дела кавказские

Незадолго до этих событий, в декабре 1918 года, началась война между Грузией и Арменией, неприятно отразившись на мирном армянском населении Сочинского района, занятого грузинскими войсками. Через своего представителя при

штабе Деникина армяне попросили белогвардейцев о помощи, которую Деникин предоставил им в феврале 1919 года, направив из Туапсе в Сочи корпус генерала Бурневича. На подходе к Сочи белогвардейцы развернулись для атаки и смели грузинские отряды в отсутствие их командующего, генерала Кониева (Кониашвили), гулявшего в это время на свадьбе своего сослуживца. Части Бурневича втягивались в город, постепенно занимая его ключевые точки. Узнав об этом, генерал Кониев приказал своему шоферу как можно скорее взять его на поле боя. Шофер помчал автомобиль генерала что есть мочи, поднимая по пути непроницаемую завесу из пыли, а когда машина въехала в городскую черту и клубы пыли рассеялись, выяснилось, что они находятся в самом центре расположения деникинских частей, только что окончивших бой. Жизнелюбивому генералу грузинской службы Кониеву ничего не оставалось, как сдаться в плен. Командир экспедиционного корпуса, освободившего Сочи, генерал-лейтенант Бурневич, командовавший в Великую войну 180-й дивизией, по свидетельству знавших его людей, «заботливый и влюбленный в солдат начальник, бесстрашно храбрый, но не способный на уступки», двинул свои части дальше, в сторону Абхазии. Там его корпус занял Гагры, остановившись на рубеже реки Бзыбь, по границе Кутаисской губернии. Грузинское правительство направило шесть батальонов «Народной гвардии» под командованием В. Джугели «для защиты интересов ГАР» (Грузинской Демократической Республики. — *Авт.*), однако по пути грузинские батальоны были

решительно остановлены ротой британских солдат, занявшей мост через реку Бзыбь. Британцы направили телеграмму в штаб Деникина, предлагая вывести войска из Сочинского округа, однако в ответной телеграмме штаб Главнокомандующего ВСЮР вежливо, но твердо отказал в удовлетворении просьбы британской стороны. Город Сочи остался за Россией.

Переменный успех

— А на донской земле красные продолжали одерживать одну победу за другой, в то время как их положение на Ставрополье становилось день ото дня все менее устойчивым. Как уже говорилось, две красные армии, 11-я и 12-я, слившись, образовали Каспийско-Кавказский фронт, численность которого доходила до 200 тысяч человек. Удар слитых армий намечался по станице Невинномысской. Взятие станицы планировалось большевиками на 4 января 1919 года. Разгадав этот нехитрый замысел красных стратегов, Деникин повелел начать наступление раньше, чем противник, избрав для основного удара 3-ю Таманскую дивизию красных, численностью в 3 тысячи человек. Эта дивизия состояла из мобилизованных красными ставропольских крестьян, не особенно обученных и неохотно воевавших против ВСЮР. При появлении первых признаков опасности подобные части старались сразу перейти на сторону противника или просто сдать. Предсказуемое поведение подобного элемента в красных частях давало надежду на ускорение прорыва всего фронта. В образовавшуюся брешь немедленно ворвалась кон-

ница генерала Врангеля, двинувшись в рейд по тылам противника, взрывая на своем пути линии коммуникаций и железнодорожное полотно. Часть 3-й Таманской дивизии начала отступление на городки Святой Крест и Благодарное. По пятам у нее шли кавалеристы С.Г. Улагая. В ходе упорных боев большевики пытались выровнять положение и задержать Врангеля силами 1-й Ставропольской красной кавалерийской дивизии, но связь между красными штабами и этой дивизией оказалась уже прерванной.

В штабе Каспийско-Кавказской армии началось обсуждение предполагаемого отхода. С. Орджоникидзе горячо настаивал на немедленном отводе всех войск по направлению на Владикавказ. Большевистские командиры-практики сразу увидели пагубность подобного маневра, предлагаемого им партийным теоретиком. Этот шаг сулил армиям неизбежно оказаться прижатыми казаками к горным массивам. Орджоникидзе пытались переубедить, но он оставался непоколебим. Пока в большевистском штабе велись жаркие партийные дискуссии о правоте Серго Орджоникидзе, Врангелю удалось захватить железнодорожный переезд Святой Крест — Георгиевск, что парализовало подвоз на передовые большевиков свежих сил. Большевистские армии начали разделяться на отдельные части и отряды, уходившие кто куда мог. В основном красные бежали за Маныч, на север, где впоследствии из 20 тысяч спасшихся человек была образована Особая Красная армия, захватившая целый район в Сальских степях возле села Ремонтного. Вытеснив противника из Святого

Креста в степь, Улагай захватил там значительные обозы с боеприпасами и продовольствия. Остававшиеся в Георгиевске большевики попали в кольцо, образованное из частей барона Врангеля и Дроздовской дивизии, и к 20 января 1919 года их остатки капитулировали.

На Пятигорск и Минеральные Воды форсированным маршем уже двигались части Шкуро. 19 января 1919 года красные поспешно оставили Пятигорск, погрузившись на поезда, отходившие в расположение 12-й большевистской армии, дислоцированной во Владикавказе. Отрядами Шкуро было взято невероятно огромное количество пленных — около 30 тысяч человек. Те, кто сумел бежать, оставляли военную технику, бронев автомобили и бронепоезда, удирая по направлению к Астрахани. Конница генерала Покровского неотступно преследовала отступающих большевиков. В огромной степи при низких температурах и в отсутствие какого бы то ни было пристанища бегущие от Покровского большевики становились легкой добычей партизанских отрядов калмыков, которых сами они некогда беспощадно истребляли, как «нетрудовой элемент» и «буржуазных националистов», и казаков, шедших за своими недавними мучителями по пятам. Бригаде красного командира Кочубея удалось оторваться от преследования, сохранив оружие и высокий боевой дух. В пути Кочубей зарубил комиссара бригады, назвав объявленное комиссаром отступление «изменой». Узнав про это, С.М. Киров приказал арестовать Кочубея, а бригаду разоружить и предать революционному трибуналу в зависимости от

степени тяжести содеянного каждым из ее бойцов. Кочубей не стал дожидаться расстрела и бежал в степь, где был пойман казачьим разъездом, узнан и без лишних проволок повешен.

Белые соединения продолжили свое движение на Владикавказ, на пути к которому встречали незначительное сопротивление разрозненных и деморализованных отрядов красных, которые не могли ни замедлить их продвижения, ни тем более остановить его. В ходе недельного боя Владикавказ был оставлен красными, а разгромленные остатки 12-й армии разбежались по окрестностям.

Нефть, «джихад», британцы и Россия

Орджоникидзе и его небольшой отряд бежали в Ингушетию; несколько полков во главе с бывшим военным фельдшером, а теперь красным командиром Николаем Федоровичем Гикало устремились в Прикаспийский край, именуемый в наши дни Дагестаном, где соединились с повстанческими отрядами мусульман под командованием местного имама Узун-Хаджи. Он известен тем, что, собрав единоверцев в ауле Ведено, объявил Вооруженным силам Юга России «джихад». «Маленький Хаджи», чеченец небольшого роста, был известен среди соплеменников тем, что многократно побывал в Мекке и по этой причине считал себя главным воителем за магометанские заветы в родных горах. Современник писал, что он поднял знамя священной борьбы «не так против большевиков, о которых не имел понятия, как против вообще всех неверных». Участия в

боевых действиях сам он не принимал, а бродил где-то по Чечне. Единственным человеком, могущим быть полезным в борьбе против большевизма, стал Али Митаев, чеченец, пользовавшийся большим влиянием у себя на родине, но сами чеченцы были заняты своими делами — сведением счетов с терскими казаками и грабежом всех, кого еще не ограбили. Направить их на «верный» государственный путь пока было невозможно.

Деникин в своих публичных выступлениях дал ясно понять всем представителям горских народов, населявших Северный Кавказ, что никаких самостоятельных автономий на территории России ВСЮР не допустит. Для управления и администрации территорий из штаба Деникина в горные районы направлялись военные губернаторы и чиновники. Сам Главнокомандующий полагал, что разумнее было назначать губернатора или представителя гражданской администрации из проверенных «императорских» кадров, но местной национальности. Таким примером стал аварец, избранный в 1917 году 4-м имамом Северного Кавказа Нажмутдин Гоцинский. Несмотря на давнее стремление создать собственный имамат под протекторатом Турции, он все же воздержался от прямых столкновений с частями ВСЮР. Мемуарист-современник Б.М. Кузнецов оставил нам небольшую, но исчерпывающую характеристику Гоцинского, позволявшую представить его место в бурлящем котле политических страстей Прикаспийского края: «...мудла из аула Гоцатль, чрезвычайно толстый, постоянно на коне, в окружении своих привержен-

цев, с зеленым значком „газавата“, никакого участия в боевых действиях не принимал, но зато сильно замедляя движение наших колонн частым призывом правоверных к молитве».

Боевые действия деникинцев в районе нефтяных скважин Грозного и Петровска-Порта вызвали бурную активность британцев. Они высадились в гавани Петровска-Порта, намереваясь до прихода деникинцев взять под свой контроль всю прикаспийскую территорию, на которой доселе вольготно обитали племена чеченцев и иных народностей. Однако Деникин опередил их. 8 февраля 1919 года части ВСЮР вступили в Грозный и продвинулись до Дербента, охватывая своими разъездами большую часть Каспийского побережья. Оставшиеся три дивизии разбитой 11-й красной армии, окопавшиеся в Кизляре, попытались наступать на продвигавшиеся к побережью Каспия части ВСЮР, но были скоро рассеяны по горным районам несколькими атаками белых авангардов. Части ВСЮР растекались по всему Северному Кавказу, постепенно восстанавливая там российские государственные институты власти и внося в жизнь мирных жителей определенность и спокойствие. Спустя неделю после неудачной попытки англичан охватить своим влиянием нефтяные районы Кавказа, союзное командование направило в штаб Деникина нового представителя Великобритании — генерала Бригса.

Бригс, на поверку, оказался наделен еще меньшими полномочиями и проинструктирован таким образом, что по любому обращенному к нему вопросу он должен был немедленно запрашивать

распоряжений из штаба британского экспедиционного корпуса в Константинополе. О стратегически важных вопросах Бриггс был обязан докладывать прямо в Военное министерство в Лондоне. 19 февраля 1919 года в порту Новороссийска появился первый британский транспорт с оружием и обмундированием для помощи в ликвидации прорыва большевиков на Дону. Казалось, все быстро изменится, и казаки снова изгонят захватчиков со своей территории.

Перемены на Дону

Но боевой дух донцов оказался не на высоте. Донская армия погибала. Командующего армией не было (назначенный командовать Южной армией генерал от артиллерии Николай Иудович Иванов заболел тифом и умер), эпидемия тифа ежедневно уносила десятки жизней, а большевистская пропаганда деморализовывала оставшихся. В армии появились признаки дезорганизации. Со смертью Иванова казачьи соединения быстро потеряли остатки дисциплины и постепенно оставили фронт. Напрасно сам Краснов разъезжал по станицам с уговорами, обращенными к казакам вернуться на передовую и драться с большевиками. Безрадостная действительность подтверждала казакам правоту их поступков: оружие, обещанное союзниками, не поступало, бригады англичан и французов так и не появились на Донском фронте, но главное, и что более всего разочаровывало казаков, — Деникин не мог прислать достаточного количества войск не только для контрнаступления, но даже для обо-

роны Дона. Казаки считали, что Деникин намеренно желает их гибели, памятью недоразумения времен «Ледяного похода», и отказывались сопротивляться большевикам, переходя на сторону красных, как это случилось у Бахмута и Миллерова. Там 12 февраля 1919 года четыре казачьих полка перебежали к большевикам в полном составе. В районе станицы Каменской Краснов пытался срочно создать хоть какие-нибудь боеспособные части, чтобы, ударив навстречу наступающим красным в районе Макеевки, остановить их быстрое проникновение на Дон.

Катастрофа на фронте дополнилась политическим проигрышем самого Краснова. Неожиданно для атамана Войсковой Казачий круг потребовал отставки двух казачьих генералов. Эти люди, по мнению Круга, отличались крайним честолюбием и метили в «донские Бонапарты». Речь шла об Иване Алексеевиче Полякове и Святославе Варлаамовиче Денисове. Краснов, способствовавший некогда выдвижению этих генералов в командующие войсковыми частями, был крайне уязвлен. Он сообщил Кругу, что недоверие его генералам он относит и к себе лично, а, следовательно, считает невозможным продолжать работу в должности атамана. Большинство голосов Круг принял отставку Краснова, временно передав полномочия Африкану Петровичу Богаевскому. И действительно, по мнению многих историков, Богаевский куда больше соответствовал своей новой роли в данный момент. Что же касается командующего Донской, то таковым донцам виделся генерал-лейтенант Федор Федорович Абрамов — человек «высокой доблести,

неподкупной честности, большой твердости и исключительного такта...»; в качестве начальника его штаба был назначен генерал Райский. Избранный донским атаманом А.П. Богаевский, в свою очередь, ходатайствовал перед Деникиным о назначении на должность командующего Донской армией генерал-майора Владимира Ильича Сидорина (вместо Абрамова), а начальником его штаба генерал-лейтенант Генштаба Антонина Киприановича Кельчевского. Деникин, верный соглашениям между Донским правительством и Добровольческой армией, заключенным на станции Торговой, согласился. Немного позже, в марте 1920 года, генералом Врангелем оба генерала Донской армии были арестованы за «сочувствие казачьим сепаратистам», отрешены от должности и преданы суду под председательством генерала от кавалерии Абрама Михайловича Драгомирова. Генерал Сидорин был уволен Врангелем из армии без права ношения мундира, что явилось альтернативой четырем годам каторжных работ, к которым приговорил его суд.

Краснов в отставке

Ушедший в отставку Краснов направился навестить места, где проживал его брат — известный ботаник и почвовед, связавший последние два года своей жизни с Батумом. Андрей Николаевич Краснов считается основоположником науки о ландшафтах — ландшафтоведения. К 20-м годам XX века он был автором нескольких работ, сделавших его известным: «Землеведение» и «Курс землеведения». Краснов был первым русским про-

фессором географии, защитившим ученую степень в открытом диспуте. Произизошло это в 1894 году, а диссертация называлась «Травяные степи северного полушария». В первую очередь его интересует все, что связано с выращиванием чайного куста и вообще культурой чая. В 1898 году в Петербурге выходит его книга «Из колыбели цивилизации». К 1912 году Андрей Николаевич Краснов — профессор Харьковского университета и редактор газеты «Южный край», — ссылаясь на плохое здоровье, подал в отставку и прекратил активную научную деятельность. Оставшиеся годы жизни посвятил созданию Ботанического сада субтропических растений в городе Батуми. В этом саду он был и похоронен в 1914 году.

У бывшего Донского атамана был и другой брат, Платон Николаевич Краснов, хорошо известный в столичных кругах переводчик и литературовед. Служа по гражданскому ведомству, Платон Николаевич в свободное от работы время сумел стать мастером слова. Его переводы античных авторов — Марка Аврелия, Сенеки, Софокла, Тибулла, а также европейских и американских литераторов Нового времени — Ханса Кристиана Андерсена, Джорджа Байрона, Генриха Гейне, Эрнста Теодора Амадея Гофмана, Уильяма Шекспира, Гарри Лонгфелло, Томаса Мура, снискали ему заслуженную славу у читающей публики. Платон Николаевич Краснов был также известен как литературовед и критик. На страницах петроградской газеты «Неделя» время от времени появлялись его заметки и критические статьи о Пушкине и Толстом, Огареве и

Кольцове, Фете и Тютчеве, Бунине и Короленко, Аполлоне Григорьеве и Якове Полонском, Леониде Андрееве и даже Александре Серафимовиче. Почти всю оставшуюся жизнь, до своей кончины в 1924 году, Платон Краснов служил в Министерстве путей сообщения, был крупнейшим специалистом по железнодорожным тарифам и дослужился до чина действительного статского советника, а при советской власти был определен на должность рядового служащего МПС. Из его профессиональных печатных работ самой известной стала его книга «Сибирь под влиянием рельсового пути», выпущенная в Петербурге в начале XX века.

Вполне возможно, что именно под влиянием старшего брата атаман Краснов увлекся литературной работой, успев издать невероятное количество разнообразной прозы и исторических очерков до того, как его казнили в Москве в 1947 году. В поздних книгах Краснова сквозит неприкрытое восхищение Гитлером, и простодушные героини в своих пылких монологах искренне желают именно такого «национального вождя» и России. Немало историков домало голову над этой устойчивой приверженностью Краснова Германии и впоследствии национал-социализму, совершенно упустив из внимания, что некогда молодой сотник Краснов женился на разведенной супруге армейского капитана, лютеранке Лидии Федоровне Бакмансон. Выйдя за Краснова, мадам Бакмансон не только не пожелала перейти в православие, но и оставалась верной лютеранкой до конца своих дней. Муж, бывший на шесть лет ее младше, сразу же попал под вежливое,

но непоколебимое убеждение свой благоверной, что «Deutschland, Deutschland über alles, über alles in die Welt...», которое вынужден был с почтением разделять во имя спокойствия в семейной жизни. Мы не уверены, что атаман родился на свет, будучи искренним приверженцем кайзера и Германии в целом, но принужденный носить эту маску много лет, постепенно вжился в образ германофила настолько, что это стало неотъемлемой частью его личности. Неудивительно, что германофильство Краснова, славного атамана, но явного «подкаблучника», сослужило ему в дальнейшей жизни дурную службу.

Казачьи войны

Вернемся в незабываемый 1919 год, когда Краснов еще был атаманом. Войсковое соединение, собранное в последние недели атаманства Краснова при активной поддержке генерала Денисова, успело нанести контрудар большевистским войскам, продвигавшимся по Дону даже без высылки охранений своих боевых порядков. Деникин распорядился, чтобы кубанцы Шкуро выступили из Владикавказа на помощь донским казакам. 23 февраля 1919 года кубанские отряды вступили в Новочеркасск, встреченные там бурным ликованием местных жителей. В городе снова началась организация добровольческой сводно-партизанской дивизии, создание которой координировал сам донской генерал-майор Иммануил Федорович Семилетов. Первыми записались в нее студенты, юнкера и гимназисты старших классов. Се-

милетов руководил дивизией немногим более полугода; в конце 1919 года он тяжело заболел тифом и вскоре скончался в Новочеркасске, незадолго до прихода большевиков.

Большевики стремились на Дон вполне целенаправленно. Конечно же, не для переговоров о нейтралитете и не для того, чтобы доказать преимущества советской власти «темному казачеству». 24 января 1919 года Оргбюро ЦК одобрило циркуляр, проект которого был предложен Я.М. Свердловым. Говорилось там о проведении массового террора против «богатых казаков», а практически — о поголовном истреблении тех казаков, которые принимают или принимали прямое или косвенное участие в борьбе с советской властью. Таковым можно было считать все население Дона. В свердловском циркуляре предписывалось изымать сельскохозяйственную продукцию, излишки продовольствия и организовать переселение «бедноты» из центральных российских губерний на земли казачества, то есть принять экстренные меры по размыванию и разобщению казачьей среды. Троцкий призвал командование Красной армии устроить казакам «черный Карфаген». Поскольку вступившие на Дон красные части не встречали сопротивления (казаки сами бросили фронт), РВС Южного фронта требовал от командиров применение массового террора на казачьих территориях вне зависимости от этого. Ведение статистики расстрелов и казней предполагалось возложить на комиссаров, которые должны были постоянно отчитываться перед членами РВС фронта о проделанной работе.

В первые недели своей деятельности многие комиссары получили нарекание от Ионы Эммануиловича Якира, члена РВС 8-й красной армии, и об отсутствии впечатляющей статистики казней казаков. Комиссары, в свою очередь, требовали от командиров регулярных частей количественных показателей расстрелов «белоказаков». Кроме того, красные командиры были обязаны проводить беседы с подчиненными и настаивать на частых показательных казнях.

Красноармейцы и добровольные помощники большевиков в станицах не заставили себя долго упрашивать: начался грабеж населения, изъятие скота, лошадей, самозахват казачьих жилищ, расстрел офицеров, учащих военно-учебных заведений, священнослужителей и классных чиновников по спискам. Дойдя до Северного Донца, части красных окопались на берегу реки, по которой на время стабилизировался фронт. На захваченной территории началось то, что, с легкой руки Троцкого, называлось «расказачивание». Станицы обкладывались «контрибуцией», во главе станичной администрации ставились комиссары, чаще всего из немцев, австрийцев или евреев. Комиссары следили за своевременной уплатой «контрибуции», и если в трехдневный срок таковая не поступала, следовал расстрел уклонившихся. Расстрелу подлежали лица, служившие в начале века исправниками, полицейскими или служащими судов и исправительных учреждений. Расстреливали семьи, члены которых ушли с белыми казаками. Решение о расстрелах принималось так называемыми «революционными трибуналами», однако и без

них убийц хватало: ими становилась учрежденная большевиками «милиция», карательные отряды, ЧК, а также комиссары станиц. Количество расстрелянных за день порой достигало 80 человек. Расстреливали при помощи пулеметов, чтобы охватить как можно больше «врагов», так как в отчетах полковых комиссаров нужны были впечатляющие цифры отчетов в РВС фронта и далее в Оргбюро ЦК в Москве.

Dance macabre продолжалась четыре недели, а затем чаша терпения казачьего населения переполнилась и по Дону прокатилась волна восстаний. Казаки больше не желали сидеть и ждать приезда так называемой «трибунальной команды» с пулеметами для очередного массового избиения народа. Большевики были прогнаны из пяти станиц; в самих станицах началось формирование казачьих сотен и выбора их командиров. За этим последовала организация конных разъездов для изучения местности и связи с соседними станицами, а также вылавливания комиссаров, чекистов и членов карательных большевистских отрядов. Казачьи сходы приняли решение о мобилизации всех казаков от 16 до 70 лет. В огне восстаний запылал весь Верхне-Донской округ. Центром стала станица Вешенская. Высылаемые на Дон карательные большевистские отряды беспощадно уничтожались, порой при отсутствии у повстанцев огнестрельного оружия. Карателей просто рубили шашками и били кинжалами насмерть. Казаки направили своих делегатов в Новочеркасск, которые прибыли туда по Дону на лодках, пробравшись через большевистские заслоны. Однако и у ВСЮР, чье поло-

жение ухудшилось из-за падения Крыма, взятия красными Одессы большевистских прорывов на «белых» флангах — у Царицына и Донбасса, не было возможности оказать действенной помощи людскими ресурсами. Единственное, что облегчало борьбу казаков, это отсутствие у красных сил для одномоментного подавления их восстания. Основные соединения Красной армии были скованы войсками Вооруженных сил Юга России.

Донбасские контрудары

В марте 1919 года противник силами 8-й и 13-й армий нанес Вооруженным силам Юга России два концентрированных удара в Донбассе. Затем ударом 10-й армии из Царицына в направлении Тихорецкой были, как уже говорилось, разделены Кубань и Дон. Завязались тяжелейшие бои. Навстречу красным перебросили части Шкуро, Дроздовского, Марковский и Корниловские полки. Командовать этой группой войск Деникин назначил барона П.Н. Врангеля: «Обсудив вместе с начальником штаба (Романовским. — *Авт.*), остановились на генерале бароне Врангеле. Он был моложе других корпусных командиров и только недавно вступил в ряды Добровольческой армии — это должно вызвать обиды. Но в последних славных боях на Урупе, Кубани, под Ставрополем он проявил большую энергию, порыв и искусство маневра. Назначение барона Врангеля состоялось...» Командовать 1-м конным корпусом вместо Врангеля был назначен генерал-майор Виктор Леонидович Покровский. Начальником штаба у Вранге-

ля стал генерал-лейтенант Яков Давыдович Юзефович. Однако генерал Казанович, узнав о назначении молодого кавалерийского генерала командующим большой группой сил, в обход старших генералов, не замедлил подать рапорт о своей отставке. Главнокомандующий, скрепя сердце, принял отставку «первопоходника» и бывшего боевого товарища. Впрочем, вскоре военные таланты Бориса Ильича были вновь востребованы. В ноябре 1919 года Казановича назначили командующим войсками Закаспийской области на место генерал-майора Вячеслава Дмитриевича Савицкого, не желавшего возвратиться на фронт из командировки в Париж в составе делегации Кубанской Законодательной Рады. Остальные генералы ВСЮР, поворчав немного, все же согласились с назначением сравнительно молодого Врангеля.

Силами 8-й и 13-й большевистских армий был неожиданно нанесен сильный удар по противнику в среднем течении Северного Донца. План этого удара долго разрабатывался М.Н. Тухачевским. И все же при огромном численном перевесе большевикам так и не удалось смести оборону частей ВСЮР, буквально бившихся за каждую пядь земли. Ожесточение было невероятным. Командующий объединенными белыми частями барон Врангель за время руководства боями получил тяжелый нервный срыв и просил Деникина отпустить его в отпуск по болезни. Командование соединениями вместо него временно принял на себя генерал Юзефович. Части ВСЮР смогли нанести превосходящим силам красных такие ощутимые контрудары, что отбросили их до приго-

родов Луганска. Штаб 8-й красной армии был вынужден эвакуироваться оттуда в Миллерово. Командование красной армии объявило всеобщую мобилизацию шахтеров для защиты Луганска.

Перегруппировка красных сил

Еще в феврале 1919 года в низовьях Волги произошла реорганизация красных войск, и в Астрахани была вновь собрана 11-я армия, в которую волились остатки разбитых частей. 10-я большевистская армия перешла в наступление на Тихорецкую, подчинив себе Особую соединенную армию и так называемую Каспийско-Степную группу Дмитрия Петровича Жлобы. 8 марта 1919 года 20-тысячная Ставропольская войсковая группа красных, в которую входили кавалерийская и стрелковая дивизии, пошла на станицу Великокняжескую, пытаясь обходить части генерала Мамантова с фланга и тыла, а в направлении Котельниково на Вооруженные силы Юга России была брошена 4-я кавалерийская дивизия Буденного и 37-я пехотная. Казаки, не выдержав мощного напора, спешно отходили за реку Маныч или просто рассеивались по степи. Таким образом, следом за Северным фронтом рухнул и Восточный фронт обороны Дона. ВСЮР предпринимали все попытки, чтобы поддержать Донской фронт. В Екатеринодаре даже начали формировать офицерский отряд из чинов тыловых служб, которому предполагалось придать несколько английских танков и отправить на передовую для стабилизации всего фронта.

Блокада Дона

Области, где еще находились казачьи войска, постепенно окружили красные заградительные отряды. Попытки кого бы то ни было выйти или проникнуть в окруженные станицы, пресекались расстрелом. В своей директиве РВС 8-й красной армии И.Э. Якир требовал полного уничтожения лиц, поднявших восстание, расстрела на месте всех, при ком было найдено хоть какое-то оружие, а в довершение спускал «план» — на 50 % уничтожение мужского населения восставших станиц. Для усиления красных войск на Дон прибывали все новые силы. С кораблей снимались флотские экипажи, в бой гнались резервные полки, прибывали латышские карательные соединения, формировались «коммунистические дружины» и направлялись «красные курсанты». Все эти силы перебрасывались из Центральной России и немедленно вводились в бой на разных участках фронта, но что поистине достойно удивления, как все они неизбежно терпели поражения от горстки казаков или немногочисленных частей ВСЮР. Главной проблемой повстанцев, организовавшихся в количестве 35 тысяч человек под командованием станичных офицеров, долгое время оставалась нехватка боеприпасов. Производство патронов было поштучное, и выдавались они в расчете по 100 штук на одну дивизию! Красные части, не испытывавшие нужды в боеприпасах, тем не менее продолжали топтаться на месте.

К апрелю 1919 года терпению ЦК в Москве пришел конец. Ленин потребовал от Соколыникова скорейшего подавления

восстания, указывая, что все сильно затянулось, а к восстанию в Верхнедонском округе присоединился еще и Хоперский. В начале мая 1919 года станичникам даже удалось наладить авиасообщение с Новочеркасском. В своих донесениях восставшие казаки просили А.П. Богаевского о немедленной помощи. На аэропланах из Новочеркасска казакам пересылались патроны и по несколько трехдюймовых снарядов ежедневно.

«Все на борьбу с ВСЮР!»

В мае 1919 года высшим командованием Красной армии была поставлена задача найти способ расчленив и уничтожить ВСЮР. Направлением главного удара был выбран Ростов-на-Дону, где должны были сойтись два удара красных войск. С востока планировалось наступление силами 10-й армии под командованием Егорова, располагавшейся в 80 километрах от города, а с запада — силами 2-й Украинской, 8-й и 13-й армий. Руководить столь масштабной операцией на фронт прибыл лично Троцкий в собственном поезде, привезя с собой эшелон с бригадой «красных курсантов». Тухачевский у большевиков считался недурным стратегом. За неимением лучших предложенный им план выглядел для дилетантского ока комиссаров и партийцев просто блестяще. Согласно предложению Тухачевского, основные силы 10-й армии, переправившись через реку Маныч, входили бы на захваченный ранее плацдарм. А 4-я кавалерийская дивизия Буденного тем временем наносила бы удар противнику на правом фланге. Захватив станицы Оль-

гинскую и Граббевскую, она пошла бы по тылам обороны ВСЮР.

И все же тактический гений бывшего поручика Тухачевского не мог еще в полной мере состязаться с навыками и военным образованием Генерального штаба генерал-лейтенанта Деникина. Тот сосредоточил корпуса С.Г. Улагая и В.А. Покровского возле реки Маныч. Дождавшись, когда красные переправились через реку, Деникин направил свои корпуса вперед, чтобы те прорубались сквозь большевистский фронт и охватили бы 1-ю большевистскую армию в кольцо. Как только части Александра Ильича Егорова вошли в столкновение с противостоящими им силами ВСЮР, с двух флангов кавалеристы Покровского и Улагая совершили обходной маневр. Штаб 4-й кавалерийской дивизии Буденного с удивлением обнаружил неплохо защищенные тылы белых и атакующих «в лоб» казаков Покровского. Они мгновенно смяли красных конников своей стремительной атакой. Буденный приказал начать повсеместный отход. С другого фланга Улагай внезапно напал на дивизию Дмитрия Жлобы. Части генерала глубоко вклинились в большевистскую оборону. В результате этого удара они окружили и отрезали от основных сил 32-ю и 6-ю пехотные дивизии красных. Большевикам пришлось с боями вырываться из кольца окружения, однако выйдя из одного, они сразу же попадали во второе, получившееся за счет идущих рейдом по красным тылам частей Улагая. Неся большие потери, красные отступили в село Ремонтное, куда вскоре подошла и дивизия Буденного, прикрывав-

шая отход всех красных частей арьергардными боями.

Поразмыслив над провалом «гениального плана» Тухачевского, Егоров и его штаб решили остановить белых у реки Сал и там дать «генеральное сражение» возле села Ремонтное. Конные части красных объединились в Сводный корпус. Командовать им был поставлен Б.М. Думенко. 25 мая 1919 года Егоров направил все двенадцать собранных красными кавалерийских полков навстречу белой коннице, но они были разбиты в лобовом столкновении. Тяжелые ранения в бою получили Егоров и Думенко, два красных командира дивизии и комиссар дивизии. Конница Врангеля вновь погнала 10-ю красную армию назад, к Царицыну. В это время в тыл красным ударила конница Мамантова, а на западном фланге ВСЮР части Май-Маевского в количестве 9600 человек противостояли надвигавшимся махновцам, которые занимали Мариуполь, Волнуху, станцию Кутейниково, расположенную севернее Таганрога. Махновцам противостоял 1-й корпус Кутепова, в который входили Марковский полк в составе 200 человек, Дроздовский в количестве 500 штыков, Кориндовский в количестве 400. В распоряжении Кутепова находился первый и единственный отряд английских танков, которые он ввел в бой 19 мая 1919 года, во время наступления его корпуса на стык махновцев с 13-й красной армией. Возле станции Гришино корпус Кутепова успешно разгромил пять красных полков и пошел вдоль фронта 13-й красной армии, давя его с флангов единой монолитной силой. 23 мая 1919 года в образовавшийся прорыв глубиной в 100 ки-

лометров Май-Маевский немедленно направил корпус Шкуро. В трехдневных боях это партизанское, по своей сути, соединение разгромило все отступавшие части Махно.

Преследуя разбитые части махновцев, кубанцы Шкуро устремились к Днепру. Там им пришлось столкнуться с организованным отпором незначительных красных войсковых соединений, брошенных против кубанцев. Со свойственным ему антисемитизмом Шкуро вспоминал о столкновении с противником: «Особенно озверели казаки, когда им пришлось столкнуться с батальонами еврейских коммунистов, шедших в бой с голубым национальным знаменем. Дрались эти батальоны очень плохо и трусливо, пытаясь сдаваться при первом же хорошем натиске. Казаки рубили их беспощадно. Однажды под Екатеринославом каким-то чудом батальон мобилизованных евреев был взят в плен живьем. Я отослал их в тыл в сопровождении собственного конвоя. — „Рубить, рубить!“ — кричали казаки со всех сторон, но конвой все-таки доставил их благополучно к поезду».

Разворот в Малороссию и «превентивные меры» Ленина

Тем временем дойдя до Бахмута, 1-й корпус Кутепова получил, наконец, в пополнение Алексеевский полк. После этого он начал развивать успех, двигаясь вдоль Северного Донца, в направлении городков Славянск и Изюм, а оттуда повернул на Харьков. Ситуация для большевиков складывалась тревожная. Больше-

вистские вожди решились на показательную жестокость, обрушив всю злость за поражения на Украине на жителей тех южных территорий, где их власть еще пока держалась.

6 мая 1919 года Ленин не замедлил направить нервную телеграмму в РВС Южного фронта, возмущаясь промедлением с расправой над казаками и спрашивая, не нужно ли направить еще и дивизии чекистов для полного и окончательного подавления восстания. Троцкий отдал распоряжение подготовить Экспедиционный корпус, командовать которым поручил Тихону Серафимовичу Хвесину. Большевистский карательный корпус состоял из двух дивизий, выведенных из состава 8-й и 9-й армий. В него было включено и четырнадцать маршевых рот, часть которых состояла из красных курсантов, чинов пехотных полков и флотских команд. В общей численности Экспедиционный корпус достигал 40 тысяч человек.

Началось наступление, однако уже на второй день казачьими повстанцами был окружен Кронштадский полк, напуганный трещотками казаков, имитирующих пулеметную стрельбу. Остановившись и заняв оборону, он быстро потерял управление, был прижат к Дону и у великой казачьей реки вырублен шашками. Артиллерия Экспедиционного корпуса обрушила на позиции казаков десятки сотен снарядов, но отвечать казакам было нечем. Они отходили, удерживая наседающую лаву красных на каждом возможном рубеже.

25 мая 1919 года Троцкий выпустил новый приказ, содержащий призыв к полному уничтожению тех донских ста-

ниц, население которых может оказать сопротивление на пути продвижения Экспедиционного корпуса. При каждом крупном подразделении Экспедиционного корпуса были учреждены особые команды «факельщиков» для повсеместного пожара домов в занятых «мятежных» станицах. И.Э. Якир дополнил приказ Троцкого настоятельной рекомендацией командиру корпуса расстреливать каждого второго из не успевших покинуть станицы мужчин, стариков и детей. На непокорных казаков сначала обрушивался град снарядов, затем отнималось их продовольствие, домашние животные уничтожались. Возле станицы Вешенская день и ночь работала переправа, позволяя бегущим от красных карателей жителям перебираться на другой берег Дона. На низком берегу Дона казаки заняли свою последнюю линию обороны. Укреплялись, рыли траншеи, возводили спешным порядком блиндажи. Красные части вышли на правый берег Дона. Начался орудийный обстрел лагеря беженцев, разносивший их ветхие временки в мелкие щепки. Окопавшиеся на высотах пулеметные расчеты красных открывали огонь по любой движущейся цели, которую могли заметить при дневном свете. В ответ гремели редкие выстрелы со стороны оборонявшихся казаков. Как же в целом осуществлялась оборона переправы и отчего красные долго не могли уничтожить горстку ее защитников? От каждой казачьей сотни назначались 1—2 отменных стрелка, которых снабжали достаточным количеством патронов, чтобы прицельно бить по пулеметчикам и красным наблюдателям. Распределяясь

по невидимым для красных укрытиям, эти стрелки некоторое время сдерживали напор наступающего противника. Чуть позже они так же незаметно для большевиков покинули свои позиции, как только последние беженцы оказались на другой стороне Дона, возблагодарив Бога за дарованное им чудесное спасение.

Южно-Русский Церковный Собор

В эти непростые для судеб русских армий дни в Ставрополе 6 мая 1919 года состоялся Южно-Русский Церковный Собор, образовавший Временное Высшее Церковное Управление на юго-востоке России, объединившее все, находящиеся вне советской власти, епархии. Отдельно управлялись епархии в Сибири и на Дальнем Востоке, не установившие связей со Ставрополем. «Учреждение Высшего Церковного Управления и его постановления получили признание Патриарха Тихона и органов его управления и, таким образом, стало вполне каноническим учреждением и по способу учреждения (Собором), и по признанию его Центральной Всероссийской Церковной Властью». Это на первый взгляд сугубо церковное событие явилось значительным поддерживающим и воодушевляющим фактором для представителей Белого движения и придало некую священность всему Белому делу. Постепенно угас накал страстей среди солдат, кадровых и мобилизованных, возникший из-за распространявшихся большевиками слухов о том, что Святейший Патриарх Тихон «не поддержал Белого движения». В действитель-

ности, Святитель придерживался главного для себя правила, опосредованно выказанного им в обращениях к пастве: держаться в стороне от всякой современной ему политики. В берлинской газете «Руль», издаваемой русскими эмигрантами, князь Г.И. Трубецкой рассказал, что по собственной инициативе, до своего отъезда в распоряжение Добровольческой армии на юг, он решился просить Патриарха передать от его имени личное благословение одному из видных участников Белого движения при условии соблюдения полной тайны. Конспиративный тон князя и невольное искушение отдать предпочтение одной из сторон, погрязшей в братоубийственной бойне, заставили Патриарха отказаться от этого. При всем понимании правоты Белого дела, Святитель Тихон счел неуместным давать свое благословение одному из политиков, — кем в его глазах являлся этот человек, стоявший во главе Добровольчества.

Вместе с тем уже через три месяца Патриарх направил Совету Народных Комиссаров свое Послание, в котором вину в разжигании Гражданской войны возложил на большевиков: «...Отечество вы подменили бездушным интернационалом, хотя сами отлично знаете, что когда дело касается защиты отечества, пролетарии всех стран являются верными его сынами, а не предателями... Вы разделили весь народ на враждующие между собою станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как

вы стремитесь руками рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции... Соблазнив темный и невежественный народ возможностью безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть, заглушили в нем сознание греха; но какими бы названиями не прикрывались злодеяния, — убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к Небу об отмщении грехами и преступлениями».

В своем послании к архипастырям Русской Церкви от 8 октября 1919 года Святейший Патриарх увещевал их не вмешиваться в политическую борьбу, высшей формой которой он полагал идущую повсеместно Гражданскую войну. В послании, в частности, было сказано следующее: «Указывают на то, что при перемене власти служители Церкви иногда приветствуют эту смену колокольным звоном, устроением торжественных богослужений и разных церковных празднеств. Но если это и бывает где-либо, то совершается или по требованию самой новой власти, или по желанию народных масс, а вовсе не по почину служителей Церкви, которые по своему сану должны стоять выше и вне всяких политических интересов, должны памятовать канонические правила Святой Церкви, коими она возбраняет Своим служителям вмешиваться в политическую жизнь страны, принадлежать к каким-либо партиям, а тем более делать богослужебные обряды и священнодействия орудием политических демонстраций».

Князь Трубецкой вспоминал о том общественном резонансе, который был вызван Посланием Патриарха в рядах ВСЮР: «Я помню, как нас... огорчило это

послание... , но впоследствии я не мог не преклоняться перед его мудрой сдержанностью: всюду, где епископы и священники служили молебны по поводу победоносного продвижения Добровольческой Армии, духовенство принуждено было вслед за тем разделить участь этой армии и спешно покидать свою паству, к великому ущербу для церковного дела».

Битвы за Дон

6 июня 1919 года до предела раздраженный неудачами в покорении Дона Ленин пишет Сокольникову о необходимости скорейшего подавления восстания, но осуществить это в полной мере большевикам уже не удалось. Донская армия в количестве 15 тысяч штыков разворачивалась для крупного наступления. Корпус генерал-майора Исаака Федоровича Быкадорова форсировал Северный Донец, у станицы Екатерининской. Делалось это в качестве отвлекающего маневра, чтобы на следующий день 9-я конная дивизия генерал-лейтенанта Александра Степановича Секретева ударила в стык красных 8-й и 9-й армий, прорвала боевые порядки красной 12-й армии, разгромила ее тылы и пошла на соединение с восставшими казаками в Вешенской.

Красные предприняли попытку разъединить повстанцев и идущую им на помощь дивизию Секретева, пытаясь форсировать батюшку Дон, но повстанцы успешно отбивали их попытки, а переправившихся красных просто убивали еще на песчаных отмелях, вырубая их пашками. 13 июня 1919 года разъезды Секретева наконец соединились с донс-

кими повстанцами. Этим был положен конец трехмесячной блокады казаков. Донцы, в свою очередь, в едином порыве вливались в ряды освободительной Донской армии, дабы гнать прочь со своей земли большевистский Экспедиционный корпус. Красные уходили из занятых станиц быстро, теряя не только боевой порядок, но и взаимодействие, и связь между отступавшими частями. Их отход, как это часто бывало в те годы, постепенно принял характер хаотичного бегства. 8-я и остатки 13-й красных армий оказались в полукольце между казаками и частями ВСЮР, устремившимися на Харьков. 9-я красная армия была просто окружена, отрезанная ото всех путей сообщения, и зажата с одной стороны Донской армией и повстанцами, а с другой — частями Врангеля, вышедшими к Царицыну и берегу Дона. Отступая, части Красной армии уничтожали арестантов и заложников, а казаков — целыми семьями. Политика тотального террора поощрялась ЦК РКП (б) и лично Лениным и Троцким. В ответ казаки действовали с удвоенной ненавистью, обращенной прежде всего против комиссаров, ставленников Троцкого, главных инициаторов и вдохновителей злодейского донского террора. Власть в станицах постепенно сменялась. На смену большевикам приходила Белая армия, и перемены в настроении населения чувствовались сразу.

Без большевиков

Что же происходило на освобожденной земле? В своих записках генерал Шкуро отмечал: «Нас встретили одинако-

во радушно как русское, так и еврейское население. Явившиеся ко мне делегации высказывали возмущение деятельностью своих единоплеменников-большевиков. Уже ходили слухи о готовящихся еврейских погромах, и евреи просили защитить их. Было зарегистрировано несколько случаев, когда толпа водила казаков для отыскания мнимых складов оружия и наворованного имущества у евреев, причем не обошлось без насилий и отдельных случаев грабежей. Однажды в еврейском квартале начался погром. Толпа численностью в несколько тысяч человек, в числе коих было десятка два казаков, разгромила несколько еврейских домов. При этом некоторые женщины были изнасилованы. Когда мне доложили об этом, я бросился туда со своей Волчьей сотней и прекратил безобразие. Арестованные при этом коноводы и крикуны были переданы мною полковому суду. Среди них оказалось шестеро одетых в казачью форму. Из числа этих шести казаков пятеро оказалось не казаками, а обывателями, переодетыми в казачью форму для этого случая. Эти шестеро погромщиков были повешены по приговору суда на городском бульваре с надписью «За дезертирство и грабеж».

Вызванный решительным наступлением Добровольческой армии откат красных армий повсеместно принимал обывательский характер. Деморализованные слухами о неминуемом разгроме, большевистские войска не задерживались долго на новых рубежах и продолжали бегство. С занятием белыми станицы Усть-Медведицкой, положение характеризовалось красными штабами в их донесениях в

Москву уже как «катастрофическое». После разгрома 9-й красной армии, в образовавшиеся на Балашовском направлении два прорыва вошла Донская армия под командованием генерал-лейтенанта Владимира Ильича Сидорина и повела свое наступление на север. За это громкое поражение Троцкий немедленно снял с должностей командующего Павла Ефимовича Князичко и командира Экспедиционного корпуса Тихона Серафимовича Хвесина. На место был спешным порядком возвращен Филипп Миронов, заставший по прибытии лишь 3 тысячи деморализованных бойцов из некогда сильного 15-тысячного корпуса. Миронов объявил мобилизацию в Усть-Медведицком и Хоперском округах, призывая казаков не идти к белым, но после трех месяцев геноцида желающих служить у красных не находилось.

Роковое решение Деникина

20 июня 1919 года А.И. Деникин, находясь в освобожденном Царицыне, обнародовал «Московскую директиву». В стратегическом отношении директива подразумевала нанесение ударов по Курску и Воронежу, а затем соединенными силами — на Москву. С запада движение прикрывалось Днепром и Десной. «Поход на Москву получил поддержку далеко не у всех лидеров ВЦИОР. В числе противников похода был генерал барон Врангель и командующий Донской армией генерал-майор Владимир Ильич Сидорин. Отношение Сидорина к директиве объяснялось психологическим фактором колебавшегося донского и кубанского казачества о вы-

ходе за пределы казачьих областей. Он считал, что перед дальним походом необходимо создать устойчивую материальную базу на освобожденных территориях. Врангель

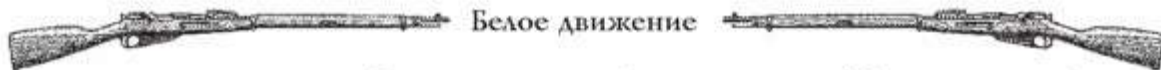

А.И. Деникин

считал необходимым нанесение главного удара через Урал и поход на соединение с армиями А.В. Колчака. В своих работах Врангель характеризовал «московскую директиву» «смертным приговором Вооруженным силам Юга России». А в официальной переписке Врангель сообщал Деникину, что его армия, «почти не встречая сопротивления, идет к Москве...» Деникин признавался: «...Не закрывая глаза на предстоявшие еще большие трудности, я был оптимистом... Оптимизм покоился на реальной почве: никогда еще до тех пор советская власть не была в более тяжелом положении и не испытывала большей тревоги».

Директива Деникина предписывала ряд действий пяти командующим: генералам П.Н. Врангелю, В.И.Сидорину, В.З. Май-Маевскому и С.К. Добровольскому, а также командованию Черноморского флота — в лице адмирала Саблина. Врангель должен был выйти на линию фронта Саратов — Ртищево — Балашов и продолжить наступление на Пензу — Рузаевку — Арзамас, двигаясь далее на Нижний Новгород, Владимир и Москву. Сидорину ставилась задача выйти на линию Камышин — Балашов и развивать удар в направлении на Москву через Воронеж, Козлов, Рязань, Новый Оскол, Елец и Каширу. Май-Маевский должен был наступать на Москву в направлении Курска, Орла и Тулы. Для обеспечения с запада ему предстояло выдвинуться на линию Днепра и Десны, занять Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав — Брянск. Добровольскому предстояло выйти на Днепр от Александровска до устья Днепра, имея в дальнейшем занятие Николаева и Херсона. Черноморский флот, по замыслу Главнокомандующего, должен был блокировать Одессу. Деникин замечал, впрочем, что стратегия не допускает разбрасывания сил и требует соразмерной им величины фронта. «Мы же расходились на сотни верст, временами преднамеренно, временами вынужденно».

В ходе выполнения директивы возникли трения между командующими генералами Врангелем и Сидориным, тянувшими 1-й Донской корпус каждый в своем направлении. Врангель командовал корпусом следовать в Камышин, а Сидорин отдавал приказ о переброске его к Балашову. Неожиданно для многих Шкуро взял Екатеринослав, не позаботившись

предположить, что для обороны города потребуются значительные силы. Деникин отмечал: «Мы занимали огромные пространства, потому что, только следуя на плечах противника, не давая ему опомниться, устроиться, мы имели шансы сломить сопротивление превосходящих нас численно сил».

Отданная Деникиным директива связывалась еще и с постепенным ростом массового антибольшевистского сопротивления в прилегающих к фронтам районах и, как следствие этого, к росту числа добровольцев в ВСЮР: «Мы понимали, что деремся за Россию, что деремся за саму душу нашего народа и что драться надо, — писал А.В. Туркул. — Мы уже тогда понимали, какими казнями, каким мучительством и душегубством обернется окаянный коммунизм для нашего обманутого народа. Мы точно уже тогда предвидели Соловки и архангельские лагеря для рабов, волжский голод, террор, разорение, колхозную каторгу, все бесчеловечные советские злодеяния над русским народом...» Поход на Москву начался.

Большевики извлекают уроки

Сделав выводы из июньского поражения 1919 года, большевики устремились восстанавливать заметно поредевшие ряды своих армий. Была объявлена мобилизация нескольких возрастных групп и осуществлен призыв в Красную армию бывших офицеров и унтер-офицеров Императорской армии. Смешанные с мобилизованными рабочими около 30 тысяч

офицеров и свыше 160 тысяч унтер-офицеров вошли в состав новых большевистских армий. К ним были присоединены сотни прежних военных чиновников, мобилизованы врачи и медицинский персонал. Нельзя забывать, что большая часть генералов работала в тот момент в штабах красных армий, и только 185 человек из них находилась на фронтах. Для того чтобы понять эту цифру, интересно сравнить ее с числом генералов Генерального штаба в канун Великой войны. На 18 июля 1914 года в корпусе офицеров Генерального штаба состояло 425 генералов. В конце войны их стало, безусловно, больше. Показательной цифрой будет соотношение 185 к 425, что составляет 44 % — именно столько генералов Императорской армии, от их общего числа в канун Великой войны, перешли на службу РККА, то есть служили большевикам; из них шесть генералов служили по мобилизации, остальные добровольно.

Командовать Южным фронтом был назначен убежденный эсер, лишь год тому назад формально перешедший к большевикам, бывший полковник Императорской армии Александр Иванович Егоров. Этим изворотливым ходом большевикам ловко удалось противопоставить в поединке на южном направлении две части бывшей русской армии, чьи боевые навыки и умения были почти равноценны. Вопрос победы теперь определялся лишь индивидуальными способностями стратегов противоборствующих сторон переиграть противника при наименьших для себя потерях.

Глава V

НА СЕВЕРНОМ ФРОНТЕ

Русский Север в годы смуты. Генерал Марушевский

Даже в самых отдаленных местах бывшей Российской империи большевистская власть мало чем отличалась от той, что царила в центральных губерниях, на Юге и в Сибири. За бессмысленными жестокостями следовали массовые реквизиции и погромы, промышленность умышленно разрушалась, сельское хозяйство приходило в упадок, точно всем этим занимались какие-то из мглы веков появившиеся кочевники, перекати-поле, несущие русскому народу смерть и разрушение. Союзники по Антанте присутствовали в регионе лишь постольку, поскольку это соответствовало их имущественным интересам, и помогать русской администрации не стремились. Налаживать нормальную жизнь взялась горсть энтузиастов, которые невзирая на трудности и политическую и военную травлю восстанавливали экономику и сельское хозяйство на Севере и в Заполярье в тот краткий отрезок времени, что отвела им История.

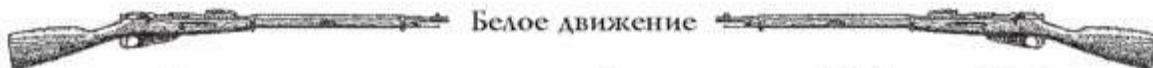
Вся Архангельская губерния находилась под охраной небольшой 20-тысячной бедой Северной армии. Основной ее задачей была охрана условных границ Северной области и предотвращение по-

пыток большевиков проникать извне, а также обеспечение мира и порядка на подконтрольной ей территории.

Командование армии осуществлял изгнанный большевиками в ноябре 1917 года с должности начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Владимир Владимирович Марушевский. После октябрьского переворота он был арестован по постановлению СНК по обвинению в переговорах, направленных против советской власти, и саботаже перемирия с Германией. Последовало заключение в тюрьму «Кресты». 1 декабря 1917 года Марушевский был освобожден большевиками «под честное слово» и вскоре бежал в Финляндию. В августе 1918 года генерал переехал в Стокгольм. Вскоре по приглашению британской и французской военных миссий прибыл в Архангельск, где при их поддержке назначен командующим войсками Северной области. Свои впечатления от командования армией генерал оставил во втором томе эмигрантской летописи «Белое дело» под названием «Год на Севере».

Начальниками штаба у Марушевского были подполковник В.Н. Маслов, подполковник (затем полковник) В.А. Жилинский, генерал-лейтенант Михаил Федорович Кведзинский. Морское ведомство во главе с Командующим морскими си-

лами и Главным командиром портов Ледовитого океана было подчинено Главнокомандующему на правах Морского министра. Флотом командовал первое время контр-адмирал Николай Эрнестович Викорст, а потом контр-адмирал А.А. Иванов (начальник штаба — капитан 1-го ранга В.Н. Медведев). Среди других начальствующих лиц Северной армии были начальник снабжения и военных сообщений генерал-лейтенант Петр Михайлович Баранов, начальник отдела военных сообщений фронта генерал-майор Евгений Юльевич Бем, начальник офицерских школ, национального ополчения, снабжения и железнодорожных сообщений генерал от инфантерии Сергей Сергеевич Саввич, начальник национального ополчения генерал-лейтенант Ваденшерн, военный прокурор полковник (затем генерал-майор) Северин Цезарьевич Доливо-Добровольский.

Деятельность администрации Е.К. Миллера и британский контингент

Для обеспечения охраны материалов и грузов британское правительство решило направить британских добровольцев, которые могли бы вместе с тем оказывать помощь белой администрации на Севере, возглавляемой генерал-лейтенантом Евгением Карловичем Миллером. Одной из причин, заставившей британских союзников усилить охрану военных грузов, была планируемая ими передача части этого имущества, скопившегося на складах Архангельска и Мурманска, на Восточный фронт — Верховному правителю

России адмиралу А.В. Колчаку. Но были у них и другие далеко идущие интересы.

Имя генерала Миллера на северных территориях России было известно и ува-

Генерал Е.К. Миллер

жаемо: его ценили и в войсках Северной армии, и население северных русских городов. Его стараниями на оторванном от остальной России Севере было постепенно налажено надежное хранение и регистрация запасов, оставленных во время Великой войны союзным командованием. Миллер много работал над созданием эффективной системы снабжения населения Архангельска, Мурманска и прилегающих губерний. Его администрацией в обращение были выпущены так называемые «северные деньги», отпечатанные в Великобритании и обеспеченные активами британских банков: за 1 фунт стерлингов давали 40 «северных» рублей. Эти деньги легко конвертировались, прини-

мались международными подрядными организациями в обмен на услуги и продукцию. 20-тысячная Северная армия Владимира Владимировича Марушевского была хорошо обеспечена продовольствием, вооружением британских союзников. Так например, дневной рацион военнослужащих состоял из вариаций рыбы, оленины и дичи. Лишь иногда чины Северной армии испытывали незначительный недостаток хлеба, выдача которого оставалась нормированной. Заработная плата рабочих и служащих значительно выше, чем в иных регионах России, где частая смена правительств разрушала экономику и вела к чудовищной инфляции. Семьи военнослужащих также получали существенное денежное пособие и могли претендовать на дополнительную материальную помощь администрации в случае потери трудоспособности кормильца. В Северном крае действовали судебные и законодательные ведомства, руководствовавшиеся не Сводом законов Российской империи, а законами и подзаконными актами Временного правительства, которые отличались сравнительным либерализмом в части наказаний за преступления, и в том числе воинские. Смертная казнь применялась только на фронте и только за тяжчайшие воинские преступления.

Северная армия к 1919 году

К 1919 году от большевиков были освобождены обширные территории: на Печоре, Пинеге и Мезени, ряд уездов Вологодской области — Усть-Сысольский, Холмогорский и Яреичский. Для охраны

речных и морских границ Северной области создана флотилия под командованием Георгиевского кавалера, капитана 1-го ранга Георгия Ермолаевича Чаплина, ставшего с июля 1919 года командующим флотилии Северного Ледовитого океана и Командующим флотом Белого моря и Двинской речной флотилии. Белый флот на Севере России пополнялся офицерами и гардемаринами Балтийского флота: «...В Архангельск стали стекаться через Мурманск, леса Карелии и другими путями, в порядке личной инициативы офицеры всех родов оружия и прежде всего... офицеры флота... разогнанные Троцким: Морского корпуса, Отдельных гардемаринских классов и Морского инженерного корпуса, чтобы принять активное участие в свержении советской власти в Северной области», — пишет Н. Кадесников. При формировании армии случалось много казусов: молодое офицерство, вышедшее из подпольных организаций, не хотело становиться под начало служивших у красных старших офицеров, и последние сначала не получили командных должностей. Многие штаб-офицеры, убедившись, что Север обречен на второстепенную роль в войне, отбывали в Сибирь или в Добровольческую армию на Юг. Первое время не было возможности планомерно вести формирование армии, так как наскоро сколоченные части под командой первых попавшихся офицеров приходилось сразу же посылать на фронт. Эти добровольческие отряды состояли почти целиком из офицеров. Так, рота и батарея под началом капитана А.П. Орлова и подполковника П.А. Дилакторского почти сплошь офицерского состава были брошены на Двин-

ское направление (1-й Русский экспедиционный отряд). Кроме того, одновременно с формированием Георгием Ермолаевичем Чаплиным русских частей велась запись в созданный британцами и руководимый британскими офицерами Славяно-британский легион, о чем будет идти речь ниже, а также в аналогичную французскую часть, куда поступило немало русских офицеров. Французский иностранный легион представлял собою одну роту, наполовину состоявшую из поступивших рядовыми русских офицеров. Таким образом, часть офицеров находилась в распоряжении русского (мобилизованный в Архангельске полк, военное управление и добровольческие отряды под Шенкурском и на Двине), часть — английского командования (Славяно-британский и французский легионы, отряд Берса и обучаемые в английских военных школах). Кроме того, в Карелии, с территории Финляндии, действовала Олонецкая добровольческая армия, сформированная в апреле 1919 года из 3000 человек, под командованием полковника Эльвенгрена.

21 апреля 1919 года армия освободила Видлицу, 23 апреля 1919 года — Тулоксу, Олонец, село Мегрега и деревню Обжа, а на следующий день, 24 апреля 1919 года, Вешкелицу, село Ковкеницы, станцию и деревню Заостровье. В ней группа разведчиков захватила склад с оружием и боеприпасами Заостровского военкомата, уничтожила телеграф и попыталась разрушить участок железной дороги и мост. Активную помощь разведчикам оказали местные жители. 25 апреля красные попытались отбить Мегрегу, но были отброшены из села. Преследуя противника, доб-

ровольцы ворвались в Александро-Свирский монастырь, выбив оттуда оборонявшихся красноармейцев. Активность олонецких добровольческих отрядов не на шутку встревожила большевиков, и 2 мая Совет Обороны РСФСР объявил на осадном положении Петроградскую, Олонецкую и Череповецкую губернии.

Обычная практика большевиков на Севере

Практика построения «нового мира» большевистской властью на занятых территориях на Русском Севере и его областях и уездах мало чем отличалось от таковой в других географических широтах. Например, в 1919 году по железнодорожной ветке Вологда — Череповец ежедневно курсировал некий большевистский поезд «особого назначения». В нем перемещалось особое подразделение, о котором, как отмечает С.П. Мельгунов, писали очевидцы: «Карательный отряд преимущественно состоял из латышей и матросов. Поезд останавливался на какой-нибудь станции и по своему усмотрению или доносу начинал производить обыски, реквизиции, аресты и расстрелы». Красный террор на Севере усилился многократно после отбытия войск генерала Миллера и беженцев, когда для разбора с виновными в связях с «миллеровщиной» был направлен уполномоченный Особого отдела ВЧК Кедров. Этот большевик руководил массовыми расстрелами и отправкой подозреваемых в архангелогородские концентрационные лагеря «за активные контрреволюционные действия в период чайковщины и миллеровщины» после

Белый бронепоезд на вокзале в Мурманске. 1920 г.

прихода в Архангельск и Мурманск советских войск. За колючей проволокой оказались тысячи человек. В 1920 году зарубежная эмигрантская пресса на основе репортажей своих корреспондентов из России называла Архангельск «городом мертвых». Вот сцена, зафиксированная «Волей России», рисующая расправы Особуполномоченного ВЧК Михаила Сергеевича Кедрова на Севере: «В Архангельске Кедров, собрав 1200 офицеров, сажает их на баржу вблизи Холмогор и затем по ним открывает огонь из пулеметов — „до 600 перебито!“ Вы не верите? Вам кажется это невероятным, циничным и бессмысленным? Но такая судьба была довольно обычна для тех, кого отправляли в Холмогорский концентрационный лагерь». Даже среди не особо сентиментальных работников ЧК Кедров стал широко известен своей жестокостью. Пик его рас-

прав пришелся на 1920 год. Жизнь Кедрова в СССР оказалась долгой, но не безмятежной. В апреле 1939 он был арестован и содержался во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке. Суд 9 июля 1941 года его оправдал — небывалый случай в советской судебной практике, но Кедров вскоре все же был расстрелян по личному указанию А.П. Берии, опасавшегося с его стороны разоблачений.

Плоды либерализма в северных областях

До того как большевики вступили на северные территории, среди либерально мыслящего населения была в моде антиправительственная фронда. Местная печать, как водится, стонала под «бременем цензуры», о чем ежедневно сетовала в своих публикациях. Так, например, эсеровс-

кая газета «Возрождение Севера» высказывалась о Верховном правителе Колчаке: «Теперь всякий проходимец пытается захватить власть путем обещания доставить голодному народу хлеб». Эсеры настаивали на «реконструкции власти», недовольные отсутствием «демократических свобод», и требовали у военной администрации амнистии заключенных, арестованных за «большевизм». Либеральное Северное правительство на этой волне начало кампанию по «персональному» пересмотру дел осужденных большевиков, отпуская их одного за другим на свободу. Рабочие профсоюзы, видимо, за неимением других проблем, организовали массовую забастовку в Архангельске, выступая за немедленную отмену смертной казни и... окончание Гражданской войны. Рабочие отказались участвовать в погрузке снарядов на баржи, предназначенные для Северной армии, начавшей в этот день наступление на противника. Либеральная печать убеждала северян, что слухи о зверствах большевиков невероятно преувеличены, а пребывание британских охранных подразделений в портах Мурманска и Архангельска есть не что иное, как вмешательство международного империализма во внутренние русские дела. Профсоюзы призывали рабочих к созданию стачечного комитета и проведению повсеместных актов гражданского неповиновения. Обыватели, незнакомые с ужасами большевизма, искренне полагали, что живут в условиях жесточайшей военной диктатуры и лишены широких гражданских свобод и прав.

Подобные настроения проникали и в действующую армию, созданную за счет

мобилизационных усилий в северных уездах и укомплектования частей пленными красноармейцами. С армией Марушевского взаимодействовали и белые партизаны — крестьяне прифронтовых земель, объединявшиеся в отряды для отражения набегов большевиков и защищавшие свои поселения и земельные наделы. Партизанами руководили офицеры-фронтовики из местных уроженцев. Таких офицеров, в основном выходцев из местных крестьян, как, например, братья прапорщики Бурковы, в Северной области было несколько сот человек. Многие из них были настроены антибольшевистски, и их борьба носила довольно ожесточенный характер. Под влиянием либеральной прессы и прямой агитации большевистского подполья по нескольким северным полкам, расположенным в Двинском укрепленном районе и на Онеге, прокатились бунты. Не без участия большевистских агитаторов солдаты расстреливали офицеров и некоторые переходили через линию фронта к красным частям под командованием Уборевича.

Помощь союзных государств

Обеспокоенные возникшими в армии волнениями, союзники приняли решение усилить собственное военное присутствие. В Архангельск прибыл отряд «австралийских охотников», добровольно участвовавший в боевых действиях рука об руку с русскими солдатами Северной армии против большевистских частей на фронте. Командир австралийского добровольческого отряда за проявленную храбрость на полях сражений был даже на-

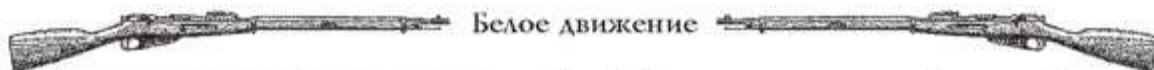

гражден командованием Северной армии Георгиевским оружием. Глава британской военной миссии, генерал Айронсайд, воодушевленный успехами добровольческого отряда, испросил разрешения генерала Миллера и совершил поездку по нескольким тюрьмам в сопровождении военного прокурора, чтобы выявить добровольцев, раскаявшихся в своих политических заблуждениях и желавших идти на фронт. Таковых набралось на целый батальон, который назвали в честь погибшего на Севере британского капитана Дайвера. Мало разбиравшийся в тонкостях русских политических предпочтений Айронсайд был поражен единым порывом раскаявшихся большевиков. Генерал распорядился о выдаче британского обмундирования добровольцам (на фуражки британского образца в таком случае крепились русские кокарды) и решил сформировать боевую часть под названием Славяно-Британский легион, вооружить его чинами, выдать британский продовольственный паек и прикомандировать к батальону несколько британских и русских офицеров. Славяно-британский легион не представлял собою строевой части в строгом смысле этого слова. К нему относились все те офицеры, которые поступили на английскую службу с фиктивными английскими чинами. Все они носили английскую форму, за исключением лишь герба на фуражке, и отличительные знаки английских офицеров. Вместе с тем они не имели никаких прав на продолжение службы в английской армии и связаны были особыми контрактами. К этому легиону относились и некоторые русские части (артиллерийский

дивизион подполковника Г.А. Рождественского, отряд ротмистра А.А. Берса). Помощником командира Славяно-Британского легиона был назначен опытный офицер, начавший военную карьеру в лейб-гвардии Павловском полку капитан Владимир Николаевич Гомолицкий.

В июле 1919 года, выбрав удобный день, амнистированные большевики Славяно-Британского легиона взбунтовались, они арестовали офицеров и немедленно их расстреляли. Большевики попытались перебежать через линию фронта навстречу стоявшим на линии фронта частям Иеронима Петровича Уборевича, но оказались окружены верными своему долгу солдатами 3-го Северного полка. Не вступая в перестрелку, часть из окруженных мятежников сдалась на милость победителей, но нескольким большевикам, в том числе бывшему уездному комиссару, зачисленному в батальон знаменосцем, удалось бежать. Британское командование приказало расстрелять пойманных мятежников без суда и следствия, слишком поздно осознав свою ошибку. Генерал Айронсайд тяжело переживал свою неразборчивость. Этот инцидент стал достоянием британской прессы, а впоследствии был озвучен на парламентских слушаниях в Лондоне. Британская общественность призывала Военное министерство (War Ministry) вывести британский экспедиционный корпус на родину. Аргументом здесь оказались и недавние неудачи Колчака, вынужденного отводить войска вглубь Сибири. Все это сделало поставку хранившихся на складах в Архангельске материалов и вооружений на Восточный фронт затруднительной. Перспективы военных успехов, которые

Эдмунд Айронсайд (в центре)

могли бы задержать британцев на Русском Севере, не просматривались. Об этом Владимир Владимирович Марушевский поспешил честно сообщить представителям союзных держав. Британский экспедиционный корпус принял решение о выезде. Генерал считал себя повинным в ослаблении дисциплины в войсках и, как следствие того, участвовавших мятежах, подал рапорт об оставлении армии. Это новость лишь ускорила подготовку к эвакуации британцев.

В преддверии эвакуации

После отставки генерала Марушевского командование войсками принял на себя сам Евгений Карлович Миллер. В июле

1919 года для организации британской эвакуации в Архангельск прибыл генерал британской службы Генри Сеймур Роулинсон, с ним прибыл батальон шотландских стрелков, а в архангельский порт вошло большое количество военных и гражданских транспортов. Однако перед отбытием корпуса было осуществлено последнее совместное русско-британское наступление против большевиков, известное более как Двинская наступательная операция. Внезапный удар по частям Уборевича привел к такому ошеломляющему результату, что в плен попал полный большевистский полк вместе со своим штабом.

В начавшихся переговорах Роулинсона с Миллером фельдмаршал предлагал тому переброску Северной армии силами британского флота на любой иной фронт — на Северо-Запад, к Юденичу и Родзянко, или на Юг, в расположение Деникина. Миллер запросил телеграммой Верховного правителя относительно его мнения, на что Колчак отвечал ему разрешением действовать по собственному усмотрению. Генерал Роулинсон предложил новому Главнокомандующему эвакуацию 10 тысяч беженцев, на условиях, что ими будут лишь те лица, кто подвергает себя смертельной угрозе при вступлении на Север большевиков. 12 августа 1919 года Миллер созвал совещание командиров полков и отрядов для обсуждения складывающейся ситуации. Были рассмотрены все доводы «за» и «против» эвакуации, и совещавшиеся пришли к общему согласию о том, что с концом навигации пути к возможному отступлению из северных портов будут отрезаны из-за замерзающего Белого моря. Самостоятельно выйти в

море, используя тоннаж имеющегося русского флота, было невозможно из-за отсутствия угля. Все эти доводы говорили в пользу эвакуации с помощью союзников. В довершение, ни один из командиров полков не мог поручиться за находившихся в его подчинении солдат, пораженных разлагающей большевистской пропагандой. Миллер был почти уверен в том, что в любой момент может начаться новый мятеж или какая-нибудь часть откроет противнику фронт. Штаб Миллера все же настаивал на том, чтобы остаться. Успех прошедшей Двинской операции вселял некоторую надежду, что большевики не осмелятся предпринимать новых наступательных действий, пережив сокрушительное поражение. Часть чинов штаба высказывалась, что оставление северных территорий с населением, знавшим в полной мере «прелестей» большевизма, станет крайне негуманным актом. Совещание в итоге приняло резолюцию отказаться от предложения британцев и защищать Русский Север всеми имеющимися силами и средствами.

Решение это принималось и в надежде на то, что «московская директива» Деникина на юге, готовящийся удар на Петроград Юденича и перегруппировка кочаковских войск для контрудара под Челябинском осуществляются, а потому бросить северный участок кольца, сдерживающего рвущуюся из центральных губерний гидру большевизма, будет предательством общего дела. Это мнение было доведено до сведения Роудинсона и его штаба. Британцы пытались уговорить Миллера, но Главнокомандующий сообщил союзникам, что им готовится новое

наступление на фронте. Евгений Карлович был почти убежден, что не стоит оставлять армию и население Русского Севера в преддверии возможного передела в позиционной войне с большевизмом.

Неудавшееся наступление

1 сентября 1919 года Северная армия начала наступление. Был отбит город Онег, а в плен взято свыше 7 тысяч красноармейцев. Словно забыв двинскую операцию, но главным образом опасаясь за Петроград, накануне с Северного фронта большевики сняли и перебросили туда свои войска. К тому же северный участок фронта, по мнению большевистских стратегов, не угрожал пока их жизненно важным районам. На Северном фронте большевики лишь усилили пропагандистскую работу, стремясь создать у противника пораженческие настроения. В феврале 1920 года, когда у красного командования появились необходимые для этого силы, было принято решение покончить с Северным фронтом Миллера. Словно предчувствуя это, штаб Миллера начал разработку планов отхода сил на Мурманск.

На «внутреннем» фронте генерала Миллера

Слухи о готовящемся отъезде британских сил лишь усилили антиправительственную агитацию всех левых сил и породили череду нападок на работу правительства Миллера. В ответ Главнокомандующий предпринял энергичные меры по высылке неблагонадежных элементов: арестованный, на Печору уехал пресловутый Стачечный комитет, на остров в акватории Барен-

цева моря отправилось до полутора тысяч осужденных за административные и уголовные правонарушения. Вместо уходящих британских охранных отрядов было создано земское ополчение численностью в 2 тысячи человек для несения охранной службы. Британская миссия помещала объявления об отходе каждого своего транспорта с приглашением всех желающих к отъезду, однако число отъезжающих было по-прежнему незначительным. Отбывали те, кому позволяло материальное положение, или те, кто имел хорошие родственные связи в Прибалтике или на Западе. Большая часть населения оставалась на месте, чаще всего из-за отсутствия достаточных средств или той неизвестности, которая ждала русских за границей.

Отбывающие британцы неожиданно для русских начали уничтожение боевой техники. Сжигались аэропланы, склады с обмундированием и продовольствием, подрывались бронев автомобили и выводились из строя орудия. На запрос штаба Миллера британское командование отвечало, что предпринимает означенные меры для предотвращения попадания материальных ценностей в руки большевиков, чей приход в Архангельск теперь был лишь вопросом времени. На предложение передать подготовленные к уничтожению активы Северной армии британское командование отвечало, что в свое время уже передало таковое генералу Марушевскому в необходимых количествах.

В ночь на 27 сентября 1919 года из порта в Архангельске ушли последние британские транспорты. В городе на случай ожидавшихся беспорядков было введено осадное положение. Однако внеш-

не все оставалось спокойным, и к середине октября 1919 года осадное положение было отменено.

Надежды 1920 года и развал фронта

Новый, 1920 год принес надежды на упорядочение государственной жизни. Намечался созыв губернского Земского собрания, призванного заменить военное правительство Миллера.

3 февраля 1920 года, после многочисленных нападков на Северное правительство в печати, едва не окончившихся полной отставкой всего кабинета, было открыто Земское собрание, принявшее неожиданную резолюцию о «контрреволюционности» правительства Миллера. Собрание требовало немедленной отставки Евгения Карловича и его сподвижников. Это общественное объединение состояло преимущественно из откровенно левых и либералов, собиравлось даже провести манифестацию, направив ее к Миллеру для ультимативного требования его отставки. Человек военный, Евгений Карлович поднял по тревоге комендантскую роту, переполошившую Земское собрание, отделавшееся посылкой к Миллеру двух делегатов с декларацией о деятельности Собрания. В ту же ночь на Двинском направлении большевистские войска после массивного многочасового артиллерийского огня перешли в наступление. 41-й Северный полк и партизанский Шенкурский были вынуждены отступать под напором превосходящих сил противника.

4 февраля 1920 года Евгений Карлович Миллер выступил в Земском собрании,

объяснив делегатам пагубность их антиправительственной деятельности в условиях внезапно изменившейся фронтовой обстановки. Пораженные услышанными от Главного командующего новостями с фронта, либералы тотчас же приняли воззвание к войскам продолжать борьбу с большевизмом до полной победы. Атаки не прекращались по всему фронту. Их едва сдерживало героическое сопротивление белых партизан, так называемых «шенкурцев» и «тарасовцев», бившихся и за родные деревни. Неожиданно был раскрыт заговор матросов, снятых с военных транспортов для участия в сухопутных операциях. Заговор имел целью открыть фронт большевикам. 8 февраля 1920 года, не дожидаясь арестов всех сообщников, заговорщики подняли в тылу Северной армии восстание, которое было подавлено массивным артиллерийским огнем береговых батарей. В этот момент большевики предприняли еще одну масштабную атаку, пытаясь захватить батареи с флангов и подавить обстрел, что при перевесе в силах им и удалось. Белые артиллеристы были вынуждены отойти. Путем непрерывных атак большевики, наконец, прорвали фронт, о чем стало известно Земскому собранию. Оно немедленно выслало своих делегатов к большевикам для мирных переговоров. Делегаты предложили большевикам выдачу всех офицеров и «виновников Гражданской войны». Однако взамен на северных территориях земля должна была остаться в руках крестьян, как это было при миллеровской администрации. В тылу либералы Земского собрания стали распространять слухи о том, что сам Миллер уже бе-

жал из Архангельска и пора начать серьезные переговоры с большевиками для установления мира и порядка.

Прорыв фронта ликвидировать не удалось. Регулярные части, направляемые генералом Миллером для латания образовавшейся брешки, под воздействием пораженческой пропаганды разбегались, не доезжая до передовой. Силы оборонявшихся белых партизанских соединений и верных правительству войск таяли в непрерывных атаках красных. В Архангельске тем не менее благодаря мерам, предпринятым Миллером, обстановка оставалась спокойной, на улицах царил порядок довоенного образца. Эвакуация не объявлялась. Штаб генерала считал, что даже в случае продолжения неудач на фронте какое-то время он еще будет существовать, если вообще не стабилизируется, и тогда можно будет неторопливо подумать о дальнейших шагах. Миллером был отдан приказ чинам оперативного отдела штаба и контрразведки в походном порядке выступить на Мурманск. Построившись в колонну, те направились по глубокому снегу из города, успев в первый день похода пройти лишь 15 километров.

К 18 февраля 1920 года Северный фронт постепенно обрушивался. Войска начали бросать свои позиции, некоторые части отходили пешими порядками в сторону Мурманска, но основная масса бежала, предоставляя большевикам простор. Быстро овладеть Архангельском большевики не смогли лишь из-за бездорожья и оторванности передовых отрядов от их штабов, а также пагубной привычки к митингам, неизменно возникавшим по любому поводу на всем протяжении фрон-

та, и «братанию» с солдатами Северной армии, сопровождавшемуся многочасовыми монологами ораторов и «заслушиванием уполномоченных».

Спасительные ледоколы

На счастье архангелогородцев, в порту оказалось три маневренных ледокола, два из которых — «Сусанин» и «Канада» — заправлялись углем в 50 верстах от города на особой пристани, а третий, под названием «Минин», — в самом архангельском порту, куда он прибыл с полпути в Мурманск, отозванный радиотелеграммой. После объявленной Миллером эвакуации именно на «Минин» стали направлять раненых и больных из городских лазаретов, а также стихийно прибывших беженцев. Общей эвакуацией руководил штаб контр-адмирала Леонида Леонтьевича Иванова, командующего флотилией Северного Ледовитого океана. Великое множество оперативных вопросов решал известный гидрограф, контр-адмирал Борис Андреевич Вилькицкий. Поразительный факт, но в 1920—1923 годах по приглашению СССР Вилькицкий возглавлял третью и четвертую советские товарообменные экспедиции в Карском море. Проживая с 1920 года в Великобритании, он выезжал в научные экспедиции с советскими коллегами вплоть до 1924 года. Контр-адмирал был хорошо известен в мировом научном сообществе. Еще в 1919 году экспедицией Р. Амундсена были открыты и названы именем Вилькицкого острова в море Лаптевых и пролив, соединяющий моря Лаптевых и Карское. Памятную доску отцу и

сыну Вилькицким в наши дни можно найти на фасаде дома № 96 по Екатерининскому каналу Санкт-Петербурга.

Для обеспечения безопасности плавания на борт «Минина» поднялась команда вооруженных офицеров флота. Из-за сведений о ненадежности команды ледокола флотские офицеры заняли ключевые посты у рубки, в котельной и у угольных отсеков. Было решено, что из-за недостатка мест на самом ледоколе к нему привяжут яхту «Ярославна», которую тот потащит на буксире.

На яхту погрузились чины военных и гражданских ведомств Северной области. К ним добавились оставшиеся раненые из лазаретов, отряд датских добровольцев, прибывших сражаться с большевиками, члены семей чинов Северной армии, отдельные небольшие смешанные офицерские и солдатские отряды, сохранившие верность правительству Миллера. Сам Главнокомандующий лично пытался отправиться на фронт, чтобы призвать войска к порядку, однако офицеры его штаба смогли убедить Евгения Карловича не делать этого, ибо фронта как такового больше не существовало. Погрузка на два транспорта продолжалась всю ночь. Отбывая из города, Миллер передал власть некоему Рабочему исполкому для создания хоть некой легитимности и избежания расстрелов большевиками мирных жителей.

Чтобы не давать место панике, Миллер приказал ничего не сообщать гарнизону Мурманска о падении фронта, а председатель Земского собрания П.П. Скоморохов во время проходившей эвакуации направил в Мурманск предложение чинам Северной армии сложить оружие, ибо Архан-

гельск уже пал под ударами большевиков. В городе вовсю шли митинги, и толпы разнужданных матросов с красными знаменами по обыкновению митинговали, посылая проклятия свергнутому режиму. Поднялся красный флаг и на стоявшем в порту броненосце «Чесма». Обстрел эвакуировавшихся не произошел лишь по счастливой случайности, ибо не было подвоза снарядов.

Завершив погрузку, ледокол взял на буксир переполненную «Ярославну» и вышел в море, проходя вдоль устья Двины, с берегов которой по судам стреляли отдельные «революционные» матросы и революционная чернь, разжившаяся оружием с разграбленных складов. Выстрелами были ранены некоторые беженцы. С «Ярославны» по ним дали два орудийных залпа, рассеявших толпу. Путь «Минина» лежал к удаленной пристани «Экономия», где планировалось заправиться углем ввиду предстоящего долгого похода, но когда ледокол подошел ближе, оказалось, что на двух оставшихся ледоколах уже развиваются красные флаги, вывешенные командами по причине незнания обстановки на фронте — «на всякий случай». Команды ледоколов, как и положено, митинговали, а офицеры с «Канады» и «Сусанина», увидев третий ледокол, перебежали к нему по сковавшему море льду в надежде найти защиту от неизбежной гибели от рук нижних чинов. «Минин» развернулся для выхода в Белое море и взял курс на Мурманск, однако очень скоро выяснилось, что движение сквозь застывшие ледяные поля затрудняется из-за буксирования яхты «Ярославна». С нее были сняты запасы угля, трехдюймовое орудие и запасы продовольствия, а все на-

ходившиеся на ней люди переведены на сам ледокол, вместивший в десять раз больше пассажиров, чем было позволено его параметрами.

Через льды Арктики — в Норвегию

20 февраля 1920 года впередсмотрящие ледокола «Минин» заметили стоявшие ледоколы «Таймыр», «Русанов» и «Сибиряков», вышедшие из Мурманска и застрявшие во льдах на полпути к Архангельску. Из переговоров с капитанами этих судов стало ясно, что уверенности в надежности их команд нет никакой. С них были сняты и переведены на «Минин» все офицеры и чиновники гражданских ведомств во избежание конфликтов. С «Сибирякова» на «Минин» перегрузили также и остатки угля. 21 февраля по радио получили весть, что войска Северной армии в Мурманске бросили фронт. Это случилось под воздействием поразительной пропаганды и призывов председателя Земского собрания Скоморохова начать мирные переговоры с большевиками. Вышедшие из подполья в Архангельске большевики призывали своих мурманских братьев выслать погоню на перехват «Минина».

Действительно, в тот же день во время погрузки угля на горизонте увидели погоню, организованную по инициативе Архангелогородского Совета рабочих и крестьянских депутатов. Ледокол «Канада», на котором находились артиллерийские орудия, устремился следом за «Мининым». Погоня возглавлялась местными большевистскими комиссарами по фа-

миллиам Бубновский и Дубровский. Они приказали открыть огонь по ускользавшему от них «Минину» с дистанции, надеясь расстрелять и потопить перегруженное и безоружное гражданское судно. Однако комиссары не учли, что при оставлении яхты «Ярославия» во льдах с нее сняли единственное орудие. С «Минина» ответили удачным выстрелом, угодившим в борт «Канады». Этот удивило и настрожило комиссаров. Они сочли за благо срочно ретироваться. «Канада» ушла.

Перегруженный ледокол «Минин», ведомый твердой рукой контр-адмирала Бориса Андреевича Вилькицкого, продолжал свой путь. На совещании высших чинов бывшей Северной армии в кают-компании ледокола было принято решение идти в Норвегию. За ним первоначально отправились и три оставшихся ледокола, но затем отстали. Холод и сжатие льдов достигали порой такой силы, что даже «Минин» был вынужден останавливаться. 22 февраля 1920 года из-за переменившегося ветра разошлись плотные льды, сдерживавшие продвижение. «Минин» теперь шел, стараясь держаться подальше от берега, двигаясь с погашенными огнями в сторону норвежского берега. На полпути ледоколу повстречался пароход «Ломоносов», уведенный офицерами Северного флота буквально из-под носа у большевиков в порту Мурманска. С пароходом, кроме русских офицеров, следовал отряд английских авиаторов и бельгийские добровольцы. Вместимость «Ломоносова» позволила перегрузить на него часть пассажиров с «Минина», и оба судна продолжили свой путь к

Норвегии, куда и прибыли 26 февраля 1920 года, войдя в порт Тромсе.

Прием норвежцами русских беженцев превзошел все самые смелые ожидания Миллера. Правительство этой страны сделало предложение перевезти всех беженцев в городок Трондхейм, куда направило одежду и продовольствие. Местные жители начали сбор средств и пожертвований на нужды русских беженцев, размещенных в хороших помещениях, украшенных живыми цветами. Для детей беженцев ежедневно местными жителями собирались фрукты и шоколад, в местных магазинах и лавочках владельцы отказывались брать с русских плату. Со временем все желающие перебрались из Норвегии в другие страны, а оставшиеся русские не только не испытывали притеснений, но получили существенные денежные пособия и возможность подыскать работу по способностям и вкусам.

Побег отчаянных

Продолжавшие сопротивление на Архангелогородском направлении разбитые и деморализованные части Северной армии были обречены на большевистский плен. Они отступали к городу, но застали там уже установившуюся советскую власть. Офицеры Пинежско-Печорского фронта попали в плен в полном составе во главе с генерал-майором П.П. Петренко. Войска Двинского района (в том числе около 150 офицеров) с генералом Даниловым капитулировали 19 февраля у станции Холмогорской и были привезены в Архангельск. Войска Железнодорожного фронта и части, не успевшие погрузиться в Ар-

хангельске, пытались во главе с полковником Борисом Николаевичем Вуличевичем пробиться к Мурманску и финской границе, но были окружены под Сороками (за исключением одиннадцати человек, ушедших на лыжах в Финляндию) и сдались в плен на условиях полной амнистии. Численность этого отряда (а это были, как отмечал Миллер, почти исключительно офицеры) на момент переговоров не превышала тысячи человек. Офицеров всей группы отправили в Вологодскую тюрьму. На Мурманском направлении части Северной армии в количестве полутора тысяч человек (377 офицеров, 493 солдата, остальные — гражданские беженцы) отступили в Финляндию, пробираясь через тайгу и замерзшие карельские болота в течение полумесяца. Части, вышедшие походом порядком из Архангельска во время его эвакуации, вышли к Мурманской железной дороге, но были встречены огнем большевистских бронепоездов и стрелковых полков, ожидавших прорыва белых частей на этом участке. Прорыва не получилось — из-за чрезмерной усталости войск, только что проделавших беспримерный 400-километровый переход, по глубокому снегам. Эти части вступили в переговоры с большевиками и, сдав оружие, стали смиренно ожидать своей участи. Лишь маленькая группа непримиримых борцов с большевизмом успела на лыжах уйти со стоянки своих частей и подалась в Финляндию. Большевики, не зная, что делать с пленными, просто... расстреляли капитулировавших под предлогом неожиданного «контрреволюционного восстания» в рядах пленных 28 февраля 1920 года. Именно об этом дне мож-

но с уверенностью сказать, что тогда Северная армия генерала Миллера прекратила свое существование как таковая.

Еще до прибытия в Архангельск Особого отдела 6-й советской армии Временным Комитетом была проведена регистрация бывших белых офицеров и военных чиновников, а 25 февраля с его прибытием — еще одна, с угрозой расстрела, причем все явившиеся за единичными исключениями немедленно отправлялись в тюрьму, а некоторые были тут же расстреляны. Первыми были расстреляны в Архангельске 42 офицера, чьи послужные списки нашли среди неуничтоженных вовремя документов штаба. 25 марта 1920 года 320 офицеров были отправлены в Бутырскую тюрьму в Москве, откуда переводились в лагеря и постепенно уничтожались. В мае 1920 года основная часть была переведена в концлагерь в Москве, располагавшийся на стыке Покровского бульвара и Большого Трехсвятительского переулка, где содержалось около 1300 офицеров Северной армии — в основном сдавшихся под Сороками и на Мурманском фронте. Несколько десятков было в конце мая 1920 года взято в Красную армию, а остальные отправлены на Север, где и расстреляны. Бежавших в Финляндию встретили там без всякого воодушевления, но им удалось избежать ужасов большевистского плена. С поражением Северной армии советская власть утвердилась на Севере почти на три четверти века. Сам Миллер избрал местом своего проживания Париж, где и оставался до своего похищения сотрудниками НКВД в 1937 году. В 1939 году его расстреляли в тюрьме на Лубянке.

Глава VI

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ 1919-й и ТРАГИЧНЫЙ 1920-й

«Старого міра — последний сонъ:
Молодость — Доблесть — Вандея —
Донъ».

М.И. Цветаева

Большевистская атака на православие

Велик и страшен был новый, 1919 год от Рождества Христова и в лето от Сотворения мира 7427-е! Он принес с собой в стан Добровольчества немало печальных известий. Укреплявшаяся в Петрограде и Москве большевистская власть продолжала творить свои бесчинства. Постановлением Президиума Московского Совета из старых московских монастырей началось выселение монашеской братии. Официально помещения монастырей переходили отныне в ведомство Отдела народного просвещения, но на деле здания распределялись самым странным образом. Московский Спасо-Андрониевский монастырь очередным декретом местных властей был отдан под квартиры. В город продолжали съезжаться многочисленные представители «угнетенных классов», и «квартирный вопрос» быстро превратился в одну из самых насущных городских проблем. Любопытно, что решая жилищную проблему в Петрограде, советские

власти умудрились отдать под квартиры даже казематы Петропавловской крепости, часть которых продолжала оставаться заселенными жильцами до середины 1960-х годов прошлого века. Ново-Спасский монастырь был захвачен под «концентрационный лагерь». Помещения Страстного монастыря отдали Военному комиссариату. В Чудовом монастыре на территории Кремля большевики разместили рабочий кооператив «Коммунист» и детский сад. А за пределами города, куда только ни простиралась большевистская власть, шло планомерное закрытие монастырей и изгнание монашествующих. Волна «закрытий» монастырей и действующих при них храмов прокатилась по Тамбову, Калуге, Курску, Воронежу, Новгороду и Ярославлю.

В феврале 1919 года Народный Комиссариат юстиции постановил организовать кампанию по вскрытию мощей православных святых. Только с февраля по май 1919 года эта кощунственная акция разрушила и осквернила мощи более 38 почитаемых православных святых в

24 городах и уездах. Святотатство продолжалось до осени 1920 года. Большевиками было произведено 64 «официальных» вскрытия мощей. В марте 1919 года Патриарх Тихон обратился к Председателю Совнаркома В.И. Ленину по поводу беспрецедентной вакханалии, направленной на осквернение святынь: «Вскрытие мощей нас обязывает стать на защиту поруганной святыни и вещать народу: должно повиноваться более Богу, нежели человеку...»

Неофициальным «ответом» Патриарху от большевистских вождей стало покушение на него некоей П.К. Гусевой, матери двух красноармейцев, нанесшей Святейшему ножевые раны 13 июня 1919 года. Но настроение у большевиков было тревожное. На Москву двигались части ВСЮР и Донской армии. Ни для кого не было секретом, что цель предпринятого наступления с юга была захватить Москву и положить конец творившимся в ней святотатствам, предав организаторов смуты праведному суду.

Рейд генерала Мамантова

Одним из ярких эпизодов знаменитого «Похода на Москву» стал рейд 4-го Донского корпуса генерал-лейтенанта К.К. Мамантова по тылам большевиков в августе 1919 года. Донские казаки, несмотря на то что покинули свои земли, были все же воодушевлены замыслом белого командования и рвались посчитаться с поругателями православной веры. Вести о том, как в захваченных большевиками столицах власть расправляется с духовенством и прихожанами, о случаях

массовых расстрелов заложников среди архиереев и мирян, доходили до южных окраин и будоражили не только сердца добровольцев, но добавляли гнева казакам, традиционно считавшимся наиболее консервативно настроенной частью населения в вопросах православной веры. Рейд под началом генерала Мамантова был единодушным порывом его казаков посягнуть на осквернителей родной веры.

Вот один из характерных случаев того времени, наглядно показывающий, как на защиту мучеников и исповедников российских поднимались Высшие силы. Близ Сарова была расстреляна почитаемая в народе старица «девица Дуняша». В течение 30 лет своей жизни она была прикована параличом к постели, но помогала многим, неведомым образом даруя им здоровье. Четыре спутницы Дуняши пожелали разделить ее участь и ответили отказом красноармейцам покинуть свою наставницу. Местный ЧК назначил день расстрела арестованных, который пришелся в канун праздника Преображения. По пути к месту казни конвоиры безжалостно стегали своих жертв нагайками, однако скоро отчего-то перестали. Многим показалось, что удары, предназначавшиеся девушкам, принимал на себя большой Белый Голубь, закрывая их своими крылами. С конвоирами приключилась истерика. Один из сопровождавших солдат отказался стрелять в выстроенных в шеренгу жертв, утверждая, что это сам Дух Святой взял узниц под свою защиту. Ему показалось, что девушек, поддерживавших обессилевшую Дуняшу, прикрывал какой-то белый покров. У отказавшегося солдата отобрали оружие и отправи-

ли с провожатым назад, в часть. Оставшиеся по команде вскинули ружья и дали залп...

Неизвестно, настигло ли палачей этих безвинных жертв скорое возмездие, однако появление казачьих разъездов в среднерусских губерниях стало уже вполне ощутимой угрозой для большевиков, быстро покидавших города и веси при первых известиях о приближающемся казачьем корпусе Мамантова. В состав корпуса, специально созданного как ударная сила для прорыва фронта и долговременных боевых действий в тылу противника, вошли лучшие казачьи подразделения, снятые с восточного фронта Донской армии, — 12-я и 13-я и Сводные Донские Конные дивизии. Численность каждой из них составляла 2000 сабель. Для поддержки кавалерии ей был придан пеший казачий отряд в 3000 штыков, артиллерийский дивизион общей численностью в 12 орудий и 3 броневедомости. Были составлены и военные обозы с провиантом и боеприпасами. По первоначальному замыслу рейда дополнением к частям Мамантова должны были стать еще и 2-й Донской корпус генерал-майора Петра Ильича Коновалова вместе с Конной дивизией полковника Александра Васильевича Голубинцева. Это потребовало бы неизбежного сокращения фронта Донской армии и выдвижения Кавказской армии барона Врангеля на север, что могло броситься в глаза противнику и заставить его насторожиться. Поскольку рейд готовился в обстановке полной секретности, решили оставить первоначальное количество его участников. Казаки конных дивизий, закаленные в

боях под Воронежем и Царицыным в минувший год, своим лихим броском породили первобытный ужас в тыловых службах противника и стали причиной последовавшего развала всего Южного фронта. Корпус генерала Мамантова, в количестве 6600 шашек при 12 орудиях легко разбил брошенную против него возле Воронежа 50-ю большевистскую дивизию.

На гребне успеха генерал отправил казаков в новый рейд гулять по тылам красных. 11 августа 1919 года они перерезали железную дорогу Грязи — Борисоглебск, где взяли в плен сразу 3 тысячи красноармейцев, но затем распустили всех пленных по домам. Мамантовцы отправились дальше и наткнулись на мобилизационный пункт большевиков, где в ожидании своей дальнейшей участи находилось до 5 тысяч мобилизованных крестьян, собранных там для отправки в Красную армию. К великой крестьянской радости, Мамантов приказал распустить мобилизованных по домам с наказом больше не слушать мобилизационные увещевания большевиков. Пять тысяч человек в считанные часы словно бы растворились по окрестным деревням и селам, пропав из вида, будто их никогда и не существовало. На одной из станций казаки Мамантова без труда захватили стоявшие на запасных путях несколько эшелонов с боеприпасами и имуществом. Завидев казачью даву еще издали, охрана эшелонов бежала без боя, бросив перевозимые грузы на радость победителям.

Командование красных начало проявлять признаки нешуточного беспокойства. Рейд Мамантова по их тылам все более давал о себе знать появлявшимися

то здесь, то там паническими настроениями в воинских частях. Пора было высылать навстречу казакам свежие красноармейские части, ибо прежние, призванные поддерживать порядок в тылу, оказались по обыкновению разбиты или распущены по домам неукротимым Мамантовым.

56-я красная дивизия группы Василия Ивановича Шорина, располагавшаяся в городке Кирсанове, была отправлена наперерез отряду Мамантова с единственной целью задержать продвижение его корпуса. Но в верховьях реки Цна авангард дивизии, едва натолкнувшись на боевое охранение казаков, перестал существовать как таковой...

Для охраны железнодорожной ветки Тамбов — Балашов была послана кавалерийская бригада 36-й советской дивизии. В бою на железной дороге с мамантовскими казаками вся красная бригада оказалась рассеянной и «пропала без вести». 18 августа 1919 года корпус Мамантова вновь атаковал и штурмом взял Тамбов. Потери большевиков после штурма составили 15 тысяч человек пленными, главным образом из числа тамбовских крестьян, которые, как это уже случалось ранее, были распущены казаками по домам. За время штурма города корпус Мамантова понес потери убитыми и ранеными в количестве 20 человек... Содержимое большевистских вещевых и провиантских складов в Тамбове, по приказу генерала, было роздано голодающему местному населению Тамбова.

Штаб Южного фронта большевиков, располагавшийся всего в 70 километрах от Тамбова, в городке Козлов, был сильно обеспокоен таким опасным соседством,

призвав все боеспособные красные части немедленно отбить Тамбов во что бы это ни стало. Красные агитаторы не жалея сил, надрывая голос, призывали горожан на борьбу с «белоказаками». Штаб Южного фронта напряженно ждал новостей из Тамбова. Как только туда поступило донесение о том, что казачьи разъезды были замечены в нескольких верстах от Козлова, случился повальный отток всех большевистских институтов власти по направлению к Орлу. Мамантов вступил в Козлов, за взятием которого потянулась целая вереница захваченных казаками городов центральных губерний. В каждом из этих городков местные большевики получали противоречивые и отрывочные сообщения о том, что казаков Мамантова видели то в Рязанской, то в Тульской губернии, что лишь усиливало панику.

Троцкий, узнав, что мамантовцы могут появиться и подле его поезда в любой момент, поспешил уехать в Москву с фронта. Прибыв в столицу, он немедленно выдвинул незамысловатый лозунг, напечатанный во всех газетах: «Коммунисты, на передовые посты!» В появившихся статьях большевистские вожди призывали товарищей по партии в центральных русских губерниях противостоять «деникинскому стаю волков», однако этот лозунг ни на йоту не прибавил рязанским и тульским коммунистам особого воодушевления. В Москве собралось экстренное совещание ЦК РКП (б), на котором Лениным был поднят вопрос о срочном создании «внутреннего фронта» против Мамантова и его корпуса и обсуждалась кандидатура опытного командующего. Большевистское руководство в Кремле

снова охватили панические настроения. В советской прессе замелькали «истерические воззвания и прокламации Троцкого и других о том, что... Мамонтов попал в капкан, что отряд разложился и т.п.», но они «были лишь пропагандными, успокаивающими средствами как для самих авторов этих воззваний, так и для потерявшего голову красного командования, и лишний раз подтверждают, что обстановка для красных складывалась трагически и в этом отношении благоприятствовала успешному продолжению рейда».

Для руководства внутренним фронтом Троцким был рекомендован его верный соратник и «доверенное лицо» почившего Якова Михайловича Свердлова, выходец из семьи одесских коммерсантов некто Михаил Михайлович Лашевич. Это он в ночь на 25 октября 1917 года руководил солдатами и матросами при захвате петроградского телеграфа, почты, Госбанка и Павловского военного училища. Теперь ему предоставлялась возможность еще раз послужить своей партии. Не раздумывая, он приступил к службе почти сразу. Несколько губерний, согласно его распоряжениям, были переведены на военное положение. «Внутреннему фронту» Лашевича центром придавались дополнительно 3 дивизии, одна из которых была переброшена туда с Восточного фронта, где еще недавно действовала против частей Сибирской армии. В помощь Лашевичу выделялись латышские карательные части и полк ЧК. В инструкциях, распространяемых комиссарами на фронте для красноармейцев и командиров, предписывалось не брать пленных. В то же вре-

мя в корпусе Мамантова было не принято расстреливать пойманных коммунистов, комиссаров и чекистов без суда, поэтому всех их везли за линию фронта и сдавали белому командованию в Харькове для проведения следственных мероприятий и последующего суда. Рейд Мамантова продолжался всего 40 дней, и, оставив некогда занятые городки, поредевший корпус стал переправляться через Дон. В день соединения с корпусом Шкуро, идущим на Воронеж с юга, корпус Мамантова разбил попавшийся ему на пути большевистский полк. Казаки везли в бесконечно длинном своем обозе великое множество трофеев, а сам обоз, по свидетельствам историков, растянулся за корпусом на 60 верст. О Мамантове распространялись самые невероятные слухи, источники которых находились и в Ставке Главнокомандующего, и словно бы эхом доносились из прошлого. Любитель штабных сплетен вспоминал: «Генерал Алексеев рассказывал мне, что денщик Мамантова вывез из знаменитого мамантовского похода „на Москву“ семь миллионов рублей. Сам Мамантов рассказывал генералу Алексею (Николаю Николаевичу. — *Авт.*), что в Тамбове и Воронеже он обобрал сейфы. В одном из сейфов он захватил целый ящик архиерейских крестов и панатий, украшенных драгоценными камнями. Этот ящик он передал на хранение своему адъютанту. Когда на другой день Мамантов попросил адъютанта принести ящик с архиерейскими вещами, чтобы показать их какому-то гостю, адъютант с удивлением ответил: „Какой ящик? Никакого ящика на хранение я не получал“». Шкуро рассказывал

о тех днях: «Я просил, чтобы мне было разрешено пробиваться на соединение с корпусом Мамантова для дальнейшего, по соединению, совместного рейда для освобождения Москвы... Однако Врангель и Кутепов сильно восстали против него. Врангель вследствие своего непомерного честолюбия не мог перенести, чтобы кто-нибудь, кроме него, мог сыграть решающую роль в Гражданской войне. Кутепов же опасался, что его правый фланг вследствие моего ухода повиснет в воздухе, и он будет отрезан от донцов... „Лавры Мамантова не дают вам спать, — сказал мне генерал Романовский. — Подождите, скоро все там будем...” В разговоре с генералом-квартирмейстером Плющевским-Плющиком я сказал ему частным образом, что невзирая на запрещение на свой страх брошусь на Москву. „Имей в виду, — предупредил он меня, — что возможность такого шага с твоей стороны уже обсуждалась и что в этом случае ты будешь немедленно объявлен го-

сударственным изменником и предан, даже в случае полного успеха, полевому суду”. Пришлось подчиниться...»

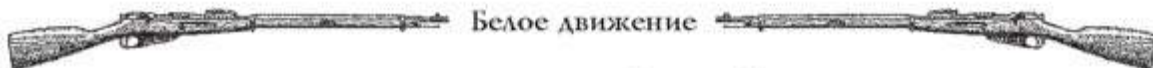
Взятие Царицына

А теперь расскажем о том, как был взят Царицын, о чем мы уже упоминали. В начале июня 1919 года Врангель попытался штурмовать Царицын силами конницы, приданными его корпусу. Его штурм «с ходу» не удался из-за удачно созданных большевиками оборонительных сооружений и мощного артиллерийского заслона: атака кавалерии была красными легко отбита. ВСЮР пришлось временно оставить попытки захвата города с одного кавалерийского наскока и подумать о грамотной его осаде, заняться ремонтом подвижного состава и железнодорожных путей на линии Тихорецкая — Царицын, чтобы дать возможность подойти к городу бронепоездам, подвезти осадную артиллерию и даже английские танки. Кроме этого, нужно было подгото-

Генерал-майор Н.С. Тимашевский (в центре) с офицерами

вить аэродромы для авиации, которую Врангель планировал активно использовать при захвате города. Когда пути были восстановлены и по направлению Цари-

Бронепоезд «Генерал Дроздовский»

цына тронулись первые эшелоны, по железной дороге туда была переброшена Марковская дивизия. Ей командовал решительный генерал-майор Николай Степанович Тимановский. Всего через полгода он скончался в Екатеринодаре от сыпного тифа. 29 и 30 июня 1919 года марковцы штурмовали Царицын, и после двухдневной обороны город пал. Однако летняя радость победителей была кратковременной. Долгожданного соединения с войсками Колчака не состоялось, ибо к концу июня 1919 года они были оттеснены превосходящими силами красных от Волги и бились с ним уже где-то под Челябинском. 3 июля 1919 года был отслужен торжественный молебен в кафедральном соборе Царицына, на котором присутствовал А.И. Деникин со штабом. А войска барона Врангеля продолжали развивать успех. 28 июня 1919 года его части заняли Камышин и, устремившись за отступающим противником, вышли. Из Астрахани за продвижением белых частей внимательно

наблюдала 11-я армия под командованием С.М. Кирова, однако активных действий против белых предпринять не могла. Конная дивизия и пластунская бригада генерал-майора Сергея Дмитриевича Говорущенко были переброшены на левый берег Волги, а 1 августа 1919 года у озера Эльтон передовые разъезды ВСЮР встретились с разъездами уральских казаков генерала Толстова.

По мере того как казаки освобождали территории, там восстанавливались органы земского и городского самоуправления, формировались отряды самообороны, оружие для которых им передавали казаки, изъявшие их, в свою очередь, в боях с красными. Так происходило в Воронеже и Ельце. В Тамбове полученное от мамантовцев оружие было использовано крестьянами позже, в ходе их восстания в 1920—1921 годы, проходившего под руководством Антонова. На главном направлении наступления ВСЮР находился 1-й корпус Добровольческой армии под командованием генерала Александра Павловича Кутепова, в который входили «цветные» части — алексеевцы, дроздовцы, корниловцы и марковцы. Именно на этом направлении к началу октября 1919 года Добровольческая армия достигла своих наибольших успехов. 17(30) сентября 1919 года от красных был освобожден Воронеж, 1(14) октября 1919 года части Корниловской дивизии заняли Орел. Конные разъезды корниловцев добрались до Мценска, а Партизанский генерала Алексеева полк, овладев местечком Новосиль, оказался в пределах Тульской губернии. До Москвы оставалось немногим более 250 верст.

Усиление Вооруженных сил Юга России

Состав ВСЮР с мая по октябрь 1919 года резко возрос — с 64 до 150 тысяч человек, из которых 20 тысяч были оставлены на Черноморском побережье Кавказа для борьбы Грузии с горцами Дагестана и Чечни и бандами, промышлявшими в Северной Таврии. На юге Украины с бандитами первоначально боролись гвардейские части. В Закавказье части ВСЮР сдерживали неугасимую жажду конфликтов у всякого рода «национальных» формирований из Астрахани и Азербайджана. Еще с января 1919 года в штабе ВСЮР был учрежден отдел, ведавший войсковыми их формированиями. Войска всех родов оружия организовывались обыкновенно в тылу и на фронт поступали в виде готовых формирований.

Внутренние трудности ВСЮР

Особым злом, по мнению Деникина, было стихийное стремление к формированиям под лозунгом «возрождения исторических частей российской армии». Главнокомандующий был уверен, что «...ячейки» старых полков, в особенности в кавалерии, возникали, обособлялись, стремились к отделению, обращая боевую единицу — полк, в мозаичный коллектив десятков старых полков, ослабляя ряды и силу его. Такие формирования возникали... превращая иной раз идейный лозунг „под родные штандарты“ — в прикрытие шкурничества...» Это замечание Деникина, разумеется, относилось к гвардейским формированиям в рядах

ВСЮР — несмотря на то, что их задачи на первых порах не выходили за рамки сугубо конвойных или милицейских. К тому же в первое время «возрожденные полки Гвардии» несли службу далеко не на самых сложных участках фронта. Чины гвардейской кавалерии размещались в местах проживания немецких колонистов в Таврии, в так называемых «колониях»: «Все нижние чины Сводного полка Кирасирской дивизии, кроме Конной Гвардии, расположенной отдельно, размещены в громадном здании Эйгенфельдской школы. Там же офицерское собрание, цейхгаузы и комната дежурного офицера. В первые дни пребывания в колонии Эйгенфельд, все кирасиры лейб-эскадрона помещались в большой зале верхнего этажа, но ввиду неудобства этой комнаты, проходной к помещению Кавалергардов, вскоре переселились в нижний этаж, где повзводно заняли два класса...»

Примерно в это же время у армейских ударных частей 1-й Добровольческой армии была совсем иная жизнь: «В зимних боях (1919 года. — *Авт.*) мы измотались. Потери доходили до того, что роты с двухсот штыков докатывались до двадцати пяти. Бывало и так, что наши измотанные взводы по семь человек отбивали в потемках целые толпы красных. Все ожесточились. Все знали, что в плен нас не берут, что нам нет пощады. В плену нас расстреливали поголовно. Если мы не успевали унести раненых, они пристреливали сами себя...», — вспоминал А.В. Туркул.

Сводно-кирасирская дивизия еще не была введена в бой, и ее повседневная жизнь в колониях текла размеренно: «Каждый день после окончания уборки

лошадей идут интенсивные занятия: пеший строй, владение оружием, езда на попонках, стрельбы из пулемета и т.д. В свободное время — спевки; изредка, по праздникам, раздается чарка водки... Все офицеры Сводного полка Кирасирской дивизии обедали и ужинали вместе в Офицерском собрании, что имело большое значение для сближения между собой представителей всех полков дивизии. Питание ввиду очень стесненного материального положения офицеров было довольно плохое и лишь иногда сдобривалось глотком водки из единственной рюмки, которой хозяин собрания, штабс-ротмистр Похвиснев, лично обносил всех присутствующих», — пишет В.А. Розеншельд-Паулин.

Наблюдая особенную сплоченность Императорской гвардии и силу «корпоративности» ее чинов, в армейских частях ВСЮР возникло и своего рода поветрие, выражавшееся в формировании всякого рода «частей особого назначения». Так, у барона Врангеля некто ротмистр Баранов возглавлял Летучий отряд Особого назначения Кавказской Добровольческой армии. Главной задачей этого отряда, определенной Барановым, была «борьба с крамолой». Генерал Шкуро был повсеместно известен своими «волчьими сотнями», которые также несли функцию и его личной гвардии, однако со временем утратили свое боевое значение. Это произошло главным образом потому, что бывшая «летучесть» «волчьих сотен» была утрачена из-за обремененности добычей, которую их чины вынужденно таскали за собой по фронтам. Ставропольский военный губернатор генерал Глазенап создал «каратель-

ные отряды», ставшие, по замечанию главнокомандующего, «лейб-охраной богатых местных овцеводов». Со всеми этими явлениями штаб ВСЮР боролся, но в целом

Бронепоезд «На Москву»

они не были изжиты до самого конца Белой армии. Создание всякого рода «особых» подразделений в немалой степени определялось личностями их командиров, а также генералов, ответственных за более крупные воинские соединения, среди которых и возникали мелкие и крупные «преторианские гвардии».

В ходе поисков новых генералов штабом ВСЮР были приняты все меры по просеиванию и тщательному отбору кандидатур Особой комиссией под председательством генерала от инфантерии Николая Федотовича Дорошевского, бывшего до октябрьского переворота постоянным членом Главного Военного суда, а после его кончины в 1919 году от болезни — генерала от инфантерии Владимира Васильевича Болотова. Штаб армии шел на это, чтобы наладить взаимодействие между всеми ее чинами, в особенности в преддверии крупного похода: «Трудно было винить офицерство, что оно не желало подчиняться храбрейшему генералу, который,

командуя армией в 1917 году, бросил морально офицерство в тяжелые дни, ушел к буйной солдатчине и искал популярности демагогией... Или генералу, который не-

эта идея демократически настроенного Главнокомандующего поддержку не получила.

Генерал А.В. Туркул

когда, не веря в Белое движение, отдал приказ о роспуске добровольческого отряда, а впоследствии получил по недоразумению в командование тот же, выросший в крупную добровольческую часть, отряд. Или генералу, безобиднейшему человеку, который имел слабость и несчастье на украинской службе подписать приказ, задевавший достоинство русского офицера...», — пишет А.И. Деникин. Генерал-квартирмейстер ВСЮР Юрий Павлович Плющик-Плющевский предлагал Деникину усилить в ходе отбора генералитета и офицерства для ВСЮР органы контрразведки бывшими жандармскими офицерами, однако

Военно-морские силы ВСЮР

Одну из проблемных зон тыла накануне похода на Москву являли собой и военноморские силы Юга России. На одном только Севастопольском рейде находились много кораблей Императорского Черноморского флота. Там были и линейный корабль «Воля», и крейсер «Кагул», более десятка миноносцев, несколько подводных лодок, старые линейные корабли и множество вспомогательных судов. Большинство из судов требовали капитального ремонта. Штаты морских учреждений росли непомерно, «собравшееся в большом числе морское офицерство томилось бездельем, а боевая готовность даже ничтожного числа судов... подвигалась плохо...» Главнокомандующий стоял перед трудным выбором подходящей фигуры для командования Белым флотом. Не имея знакомств в морской среде, Деникин был вынужден полагаться на мнение моряков, известных Ставке Главнокомандующего. При всем кажущемся многообразии выбора Деникин признавался, что в итоге «получалась картина полного безлюдия»; лишь два имени назывались в качестве достойных кандидатур для того, чтобы возглавить Белый флот. Князь Михаил Борисович Черкасский, по мнению знавших его офицеров, затерялся где-то в необъятных пространствах Советской России. На самом деле, плененный большевиками в декабре 1918 года в Полтавской губернии, он был расстрелян ими в январе 1919 года.

Кроме него был и вице-адмирал Михаил Павлович Саблин, про которого в штабе ВСЮР было известно, что он служит начальником Новороссийского порта при большевиках, но на данный момент находится где-то за границей. В итоге выбор пал на полного адмирала Василия Александровича Канина. Скрепя сердце Деникин назначал его исполняющим дела Черноморского флота, ибо, несмотря на его авторитет в морской среде и авторитетное имя, Василий Александрович «качествами белого вождя» не отличался. Канин продержался до марта 1919 года, до той поры, пока не «отыскался» Михаил Павлович Саблин и прибыл в распоряжение Главнокомандующего, чтобы сменить на посту Канина к вящей радости последнего.

За время недолгого командования флотом Саблина (в октябре 1920 года он умер от рака печени) Белый флот значительно преобразился и вновь стал грозным оружием в составе Русской армии. Едва прибыв в штаб флота, Саблин сразу распорядился направить дредноут «Генерал Корнилов», три подводные лодки, включая легендарную подводную лодку «Тюлень» лейтенанта Монастырева, и пять миноносцев в доки Новороссийска. Там бригады порта приступили к их ремонту и перевооружению. Морской штаб подвергся значительной реорганизации. К лету 1919 года в составе Белого флота числился 1 крейсер, 5 миноносцев, 4 подводных лодки, 20 вооруженных пароходов, лодок и барж. К осени того же года к ним добавился дредноут «Генерал Алексеев» и некоторые суда, ранее захваченные союзниками и теперь возвращенные Деникину.

Наступление продолжается

Поход на Москву продолжался более или менее успешно. Небольшой отряд танков кавалеристы Врангеля вместе с марковцами и другими частями смогли в два дня покончить с «Красным Верденом» — Царицыным. Добровольческая армия без особого труда справилась и с другими «неприступными крепостями» большевиков: Харьковом, Екатеринославом, а части Федора Эмильевича фон Бредова и Андрея Григорьевича Шкуро успешно форсировали Днепр. Командование советских армий предпринимало отчаянные усилия, дабы хоть как-нибудь приостановить откат армий, и старалось всеми доступными средствами удержать Южный фронт. В штабе ВСЮР много говорили о неприступности красной «крепости Курск», окруженной окопами и рядами колючей проволоки. При атаке Курска Кутепов решил задействовать всю имевшуюся в его распоряжении тяжелую артиллерию. Его начальник штаба генерал-майор Евгений Исаакович Доставалов был противником штурма города без предварительной артиллерийской подготовки и считал защитные сооружения, возведенные красными, практически неприступными для пехоты. «Я даже буду доволен, что атака будет проведена без согласия генерала Кутепова. По крайней мере, Доставалов не будет знать времени начала атаки», — сказал генерал Тимановский своим офицерам, решив взять город внезапно силами корниловцев и марковцев. О неприязни Тимановского к начальнику штаба Кутепова Доставалову знали многие, но не все

догадывались о ее первопричине, которая, без сомнения, крылась в подозрениях Тимановского по поводу странных приказов Доставалова. Анализируя дей-

Генерал А.П. Кутепов

ствия последнего, Тимановский усмотрел в них если не прямую измену, то по меньшей мере скрытое вредительство. «При наступлении корпуса на Москву Доставалов неизменно разбрасывал полки веером, подставляя их по частям под удары красных. В корпусе ходили слухи, что Доставалов работал на большевиков. Его оперативная деятельность была не по душе начальникам дивизий. Генерал Тимановский при встрече с Кутеповым... сказал: „Если твой начальник штаба Доставалов появится в расположении моей дивизии, я прикажу повесить его!“ В дни отступления добровольцев от Орла к Ростову, когда у всех было на сердце тяжело, Доставалов сиял, словно именинник.

Отступление и неудачи его не огорчали», — пишет Б.В. Прянишников.

Наступление марковцев началось 31 августа (14) сентября 1919 года, за день до того, как остальные части дивизии Тимановского обрушились на противника. В первых столкновениях с противником Марковский полк потерял до 80 человек убитыми. А ведь до самого Курска дивизии Тимановского еще предстояло пройти 50 верст. И прежде чем войти в город, необходимо было отбросить красных с их передовых позиций на укрепленную полосу, что была в 12—15 верстах от города. Далее нужно было захватить эту полосу, а уже потом по пути к Курску перейти вброд реки Рать и Сейм. На укрепленную полосу красные отошли лишь после того, как атаки дивизии Тимановского были поддержаны танковым отрядом. Четыре дня неослабевающего сопротивления красных требовали от Николая Степановича ввода в бой резервов, ибо даже храбрость отдельных участников атак, умудрявшихся захватывать целые батареи большевиков, не приблизила скорой победы.

6 (19) сентября 1919 года марковцы повели атаку на отброшенных назад к собственным укрепленным позициям большевиков. Чинам полка перед боем были розданы ножницы для резки колючей проволоки. Штурм укрепленных позиций начался. «Под сильным огнем батальон шел на сближение и залег, не доходя до проволоки несколько сот шагов. В это время по окопам красных открыли беглый огонь батареи. Пять, десять минут, может быть, и больше бьют они. Красные разбегаются... Артиллерия красных продолжала стрелять, когда батальон шел впе-

ред, преследуя в беспорядке бегущие толпы противника, оставляющие позади себя убитых и раненых. Нагонять противника поскакали командир батальона капитан Перебейнос, начальник пулеметной команды поручик Стаценко с верховыми. Взяв окопы мы ахнули. Просто не верилось, что с нашими силами и к тому же без потерь мы взяли так хорошо оборудованную позицию...», — вспоминал В.Е. Павлов. 7 (20) сентября 1919 года «неприступную крепость Курск» осадила дивизия Тимановского, форсировав перед этим две реки. Для усиления эффекта атаки на помощь пехоте подошли два бронепоезда: «Единая Россия» и «Офицер». Накануне ночью, починив железнодорожное полотно, ремонтная бригада дала возможность бронепоездам подойти к городскому вокзалу Курска и открыть огонь из всех орудий и пулеметов. «Среди красных поднялась такая паника, что команда их бронепоезда «Кронштадт» бросила состав. Без потерь „налетчики“ с этим ценным трофеем отошли назад...»

Обрадовавшись победе белогвардейцев, большая часть мобилизованных большевиками солдат начала с нескрываемым облегчением просто расходиться по домам: «Трудно передать словами, что представляло собой в этот день шоссе. Оно сплошь на всем протяжении до самого Курска было забито идущими нам навстречу красноармейцами. Это была целая армия здоровых людей, уроженцев юга России, с нескрываемой радостью возвращавшихся „к себе по домам“. Они шли к нам в тыл, никем не сопровождаемые. Их была армия, нас — горсточка...»

После краткого привала части Тимановского прошли по городу, улицы которого были запружены народом: «То и дело раздавались возгласы: „Христос Воскресе!“, и на это в толпе же отвечали: „Воистину Воскресе!“ У большинства, — как у жителей, так и у нас, были на глазах слезы...» А на следующий день генерал Кутепов уже принимал парад батальона корниловцев и двух марковских батарей. На правах командира корпуса Кутепов сделал выговор Тимановскому за ослушание, однако в скором времени, в знак признания его полководческого таланта, Николай Степанович был произведен в генерал-лейтенанты.

Под Белгородом, в прилегающих селах, продолжалась ожесточенная борьба, красные полки наносили ощутимые удары белым. В тактике боев Красной армии ярко проявились изменения, произошедшие с учетом накопленного ими опыта полутора лет войны. Впервые белые части стали нести значительные людские потери. Красноармейцы больше не разбегались при виде стройных цепей противника, а бросались на них в яростные атаки: «Ужасную картину представляла утром церковная площадь Погореловки. Свыше ста убитых и раненных марковцев и красных лежало на ней... Без преувеличения, площадь вся была залита кровью. И не только площадь, но и соседские дворы наполнены ранеными и убитыми... Мобилизованы жители. Сестры и санитары перевязывают раненых и уносят убитых. Появляется какой-то корреспондент с фотоаппаратом. „Запрещаю! Если и сняли, не опубликовывать“, — сказал ему полковник Наумов. На одном дворе лежало

несколько раненых... и среди них тяжело раненный их командир капитан Верецагин. На его груди белел орден Св. Георгия. Капитан Верецагин и раненые рассказывали о схватке 7-й и 8-й рот на площади с резервом красных. К раненому Верецагину подошел красноармеец и сорвал орден, но тут оказался красный командир, который набросился на сорвавшего, напомнил ему о приказе и сам приколот обратный орден», — вспоминает Г. Головань.

К июлю 1919 года большевикам удалось сформировать 180-тысячную армию при 700 орудиях. В качестве устрашения красноармейцев широко применялись показательные казни: на Южном фронте «не покладая рук» работал революционный трибунал. За боевыми красноармейскими частями шли заградительные отряды, на фронт Троцким были направлены сотни агитаторов и пропагандистов, чтобы вселить некоторый оптимизм в утратившую боевой дух Красную армию на южном направлении. Дополнительно большевиками была объявлена мобилизация мужчин в возрасте от 18 до 45 лет, что вновь дало необходимое количество людской силы Южному фронту.

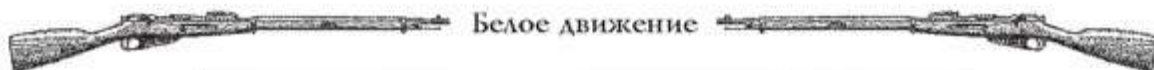
Перелом наступает

Неожиданно переломным для «похода на Москву» оказался октябрь 1919 года. Растянувшийся на тысячу верст, фронт ВСЮР, устремленный к Москве, сломався на своем пике, иссякнув где-то в «тургеневских местах», в пределах Орловской губернии. С середины октября 1919 года части ВСЮР все больше сталкивались с нараставшим сопро-

тивлением красных, как правило, всегда численно превосходивших противостоявшие им соединения ВСЮР. 28 сентября (11 октября) 1919 года началось крупное контрнаступление собранного неимоверными усилиями воедино красного Южного фронта. Части 1-го Добровольческого корпуса под командованием А.П. Кутепова стойко выдерживали натиск красных лишь в течение первых двух недель наступления; но их силы постепенно иссякали, и фронт обороны затрепал по всем швам.

7 (20) октября 1919 года после ряда кровопролитных боев Корниловская ударная дивизия, потеряв более половины своего личного состава, принуждена была оставить Орел. Конные части кубанцев Шкуро и донские казаки Мамантова отходили, преследуемые 1-й Конной армией Буденного. 11 (24) октября 1919 года белыми был оставлен Воронеж. 21 октября (3 ноября) 1919 года марковская часть ушла из Ливен, а через три дня, 24 октября (6 ноября) 1919 года, дроздовцы покинули Брянск.

Участник и очевидец отступления В.Е. Павлов писал: «Минувшие бои ясно показали, что противник стал силен не только „числом“, но и „умением“. Уменье внесли в Красную армию десятки тысяч бывших генералов, офицеров, унтер-офицеров. Над этим приходилось серьезно думать и решать, как воевать лучше. Требовался разбор боев, выявление ошибок и упущений. Но только в ротах, отчасти в батальонах разбирались в деталях все мелочи хода исключительно сложных и тяжелых боев». Красная армия была уже не тем сбродом красногвардейцев, памятным многим доброволь-

Генерал А.П. Кутепов с чинами штаба у памятника русским пленным времен Крымской войны в Галлиполи

цам по Первому Кубанскому походу, но все быстрее стала приобретать черты полноценной регулярной армии. Впервые это почувствовали марковцы при отступлении из Курской губернии: «„Понимаете, — говорит молодой командир одного из марковских батальонов, — вот вчера выкупались в Сосне... Мы пошли в наступление. Красные — навстречу. Мы — „Ура! В штыки!“ Раньше они бы побежали, а теперь — не тут-то было. Кричат „Ура“ — и тоже в штыки, а их-то в четыре раза больше. Ну и выкупались... Брр.. Вода-то ледяная“. Молодец-командир батальона смеется, скалит ровные, белые зубы, поправляет башлык, — ему все нипочем!», — вспоминает В.А. Ларионов.

Как уже говорилось, осень 1919 года оказалась неудачной для белых. После того как Курск был оставлен, на этом направлении началась череда оборонительных боев. Дроздовцы и корниловцы вновь противостояли наваливавшимся на них

превосходящим силам противника и под их давлением принуждены были отступать дальше на юг. В ноябре температура воздуха стала стремительно опускаться, ударили морозы, и пошел снег. Генерал Николай Николаевич Алексеев поделился впоследствии одним важным наблюдением о причинах последовавшей на фронте череды неудач: «Наш провал стал несомненным со времени „Мамантовского похода“, предпринятого вразрез со всеми правилами стратегии и тактики. Снять с растянутого фронта 15 донских полков (там всего было 25 полков) и бросить их на явную авантюру, не обещавшую, кроме грабежа, никаких других успехов, — это было безумием и преступлением. Результаты „Мамантовского похода“ были таковы: Тамбовские и Воронежские комиссары были очень перепуганы, но это для общего большевистского дела было не важно; у нас же 15 мамантовских полков были окончательно

деморализованы грабежами и беспутством, а оставшиеся на фронте 10 полков, несшие непосильную службу, были совершенно истощены. И начался развал Донского фронта».

Донская армия не смогла оказать ВСЮР никакой помощи, ибо сама была прикована к трещащему по всем швам собственному фронту. Еще в сентябре 1919 года 9-я советская армия появилась на рубеже Дона, установив фронт, протяженностью 150 километров. Ее части, как уже говорилось, атаковали и захватили станицы Вешенская, Букановская и Еланская. Казаки отошли на правый высокий берег Дона, на заранее подготовленные позиции. Оборону против армии бывшего полковника, пошедшего на службу большевикам, Василия Ивановича Шорина держало казачье ополчение; главные же силы казаков были отведены в глубокий тыл для ускоренного переформирования и подготовки к новым операциям. Ополчение сдерживало наступательный порыв шоринцев и не позволяло им форсировать Дон в районах известных бродов. Фронт, проходящий по линии реки, на короткое время стабилизировался. Новое наступление 9-й армии продолжилось лишь в ноябре 1919 года. 11 ноября 1919 года кавалерийский корпус Думенко после короткого боя взял станицу Урюпинскую, вклинился между 1-м и 2-м Донскими корпусами и прорвал оборону казаков по реке Хопер. 10-я красная армия попыталась развить наступление на Царицын, но потерпела неудачу, отброшенная значительно поредевшими частями Кавказской армии Врангеля.

В тылу ВСЮР, в городках и селах, начинались восстания мелких банд, на усмирение которых приходилось выделять регулярные части. Последние свежие подкрепления, снятые с Сочинского фронта и Северного Кавказа, по решению штаба ВСЮР были передвинуты на север, на помощь отчаянно сдерживающим натиск красных частям Добровольческой армии. На Северном Кавказе еще летом восстали горцы Прикаспийского края, угрожая восточному флангу ВСЮР. Местный имам Узун-Хаджи отличился тем, что провозгласил «Северо-Кавказский эмират», объявив своим новым подданным и присутствовавшим рядом агентам британской военной разведки, а также представителям военных кругов Грузии и Азербайджана, что теперь все государственное устройство эмирата будет строиться «на основе шариатской монархии» под его собственным руководством. После того имам еще раз подтвердил британцам приверженность священному джихаду против «неверных белогвардейцев», для чего собрал 70 тысяч своих единоверцев. Восстание было поддержано и щедро финансировалось не только правительствами Азербайджана и Грузии, но и Турцией. Участие грузинского правительства сводилось главным образом к пропуску через свою территорию караванов с оружием, идущих к Узун-Хаджи из Турции. Также оно дало в помощь повстанцам легионеров, руководимых грузинским генералом Лео Кереселидзе. Правительство Азербайджана направило в распоряжение новоявленного эмира военных советников. В состав вооруженных сил «эмирата» даже входила одна советская диви-

зия, прикрывавшая фланг Узун-Хаджи со стороны Владикавказа. Своей численностью она превосходила все части Вооруженных сил Юга России, уступая им лишь в боевой подготовке. Командовал этой дивизией уже известный читателю большевик Николай Федорович Гикало. Армия новоявленного «эмира» угрожала Дербенту, Темир-Хан-Шуре, переименованному впоследствии в Буйнакск (по имени студента Буйнакского, известного в Прикаспийском крае приверженца и помощника большевиков и Петровск-Порте). Понемногу началось дезертирство горцев из ВСЮР, покидавших части тайно, поодиночке, а порой небольшими группами, уносившими с собой выданное им и без того дефицитное у добровольцев оружие. Дезертировавшие горцы сбивались в небольшие банды, составленные по родоплеменному признаку, и в поисках наживы или пропитания терроризировали местное население, нападали на казачьи станицы. Скоро набеги горцев приобрели постоянный характер, и атаманы терских казаков Герасим Андреевич Вдовенко просил в своей депеше штаб ВСЮР прислать воинские части для охраны терских станиц. Давняя вражда горцев и терских казаков была невольно усугублена командованием Добровольческой армии, направившей терских казаков-пластунов в гарнизоны Дагестана. Предоставим слово свидетелю разыгравшейся там драмы Б.М. Кузнецову: «Принимая дагестанцев за тех же чеченцев, которые их ограбили, казаки стали вознаграждать себя за потерянное, производя реквизиции по аулам, особенно медной посуды. Произошли эксцессы, и кровавые. Некоторые аулы

отказались повиноваться, не давали Добровольческой армии ничего, и в результате была послана „карательная экспедиция“ в Кайтаго-Табассаранский округ, в район урочища Деш-лагар. Результат был трагичен: войдя в Мекегинское ущелье, отряд, состоящий из одного батальона терских пластунов и конно-горной батареи, был окружен горцами и истреблен. Спаслись единицы... Несомненно, это была одна из больших ошибок командования Добровольческой армии и полное незнание ими сложившейся в крае обстановки. А ведь дагестанцы все время ждали белых».

Здесь требуется сделать некоторое отступление. Попробуем объяснить эту величайшую неудачу в диалоге Добровольческой армии и народов Прикаспийского края. Свидетельство мемуариста, участника Белой борьбы в тех местах, красноречиво говорит само за себя: «Позорно кончилась война. Не так представляли себе горцы Кавказа конец величайшей войны. Всем хотелось вернуться в родные аулы украшенными крестами и медалями с погонами урядника, юнкера и даже офицера. Мнились бесконечные рассказы на порогах саклей о своих подвигах, показ трофей-кинжолов, винтовок, привезенных с фронта, и т.д. Вместо этого — спешная отправка по домам под враждебными взглядами и криками разнужданной толпы бывших солдат и рабочих... Дагестан жил только благодаря богатому хлебом Хасавюртскому округу, а подвоз прочих продуктов шел по Владикавказской железной дороге. Теперь все прекратилось, чеченцы и ауховцы, ограбив дотла русских поселенцев, заставили

их бросить насиженные места. Железнодорожное движение прекратилось, и жители Дагестана доедали свой кукурузный хлеб, смешанный с соломой. Я не противоречу себе, сказав раньше, что горцы отнюдь не были русофобами и не смотрели на русских как на „гяуров“. Кто знает нравы и характер чеченцев и ингушей, тот поймет, что им все равно было, кого грабить, это своего рода молодечество и джигитство, и если бы пришли к ним и турки, то и их ограбили бы дотла. Все горцы считали за честь служить в русской армии и носить погоны, особенно офицера. Дагестанцам трудно было представить себя под властью Горской республики, и, естественно, они ожидали прихода к себе больших сил Добровольческой армии в форме старой русской армии, являвшихся предвестником возрождения старой императорской России. Это бы сразу положило конец всякой междоусобной войне в Дагестане, и отпали бы всякие имамы Гоцинские и Узун-Хаджи. Горцам нужна была справедливость и русская сила».

Пик Белого движения везде пошел на спад. Началось великое отступление ВСЮР, приведшее, в конце концов, их в ненастные дни марта 1920 года в тупик Новороссийского порта. Предстоящая катастрофа трудно осознавалась и, казалось, не поддавалась предвидению, особенно вспоминая лето 1919 года, когда уставшие, исполненные великого душевного подъема Вооруженные силы Юга России начали свой масштабный поход. И хотя осенью 1919 года Царицын был взят, цена этой победы оказалась непомерной. Позднее Врангель признавался Деникину, что

успех взятия Царицына стал возможен лишь ценою полного обескровливания армий и большим напряжением моральных сил «тех начальников, которые еще не выбыли из строя». В своем письме к Главнокомандующему барон Врангель привел точные данные о потерях среди старших командиров: «За трехдневный поход армия потеряла убитыми и ранеными 6 начальников дивизий, 2 командира бригад и 11 командиров полков».

Утром 25 октября (7) ноября 1919 года ударная группа С.М. Буденного, пытаясь успеть к «празднику» второй годовщины революции, силами в количестве 10 000 сабель и до 5000 штыков, попыталась атаковать и рассеять кубанский корпус Шкуро. Для поддержки атаки Буденному выделили три бронепоезда и даже 4 трофейных британских танка. По замыслу штаба армии, в случае успеха Буденный должен был захватить село Касторная и таким образом выйти в тыл частям Вооруженных сил Юга России. Первая попытка прорыва у Касторной для Буденного оказалась неудачной. Красные настойчиво продолжали атаки еще несколько дней, а 3 (16) ноября 1919 года к ним в помощь были двинуты 13-я и 14-я советские армии. Понеся большие потери и с упорством отбивая каждый рубеж, части Шкуро начали отступление на своем правом фланге на юг: «День был ясный, и можно было видеть маневрирующие лавы. Уже за полдень, но кавалерийский бой идет на том же месте. И вдруг роковое: „Наши отходят!“ Части генерала Шкуро осаживали назад.» И хотя кубанцы дрались упорно, в воздухе, казалось, уже звенела тревожная нота неми-

нуемого поражения. Численное превосходство красных, их настойчивые и умело организуемые боевые операции постепенно изменили положение на всех фронтах, а уверенные победы большевиков оставляли все меньше надежд Главнокомандующему ВСЮР довести войска до Москвы. «Как будто бы ждали, куда шатнет темную Россию с ее ветрами и гулками вьюгами. Движение исторического маятника, если так можно сказать, в те дни еще колебалось. Маятник колебался туда и сюда, то к нам, то к ним. В конце октября 1919 года он ушел от нас, качнулся против...»

Наряду с тревожными сводками о положении на северных фронтах, откуда отток армий приобретал все более угрожающие масштабы, в штаб ВСЮР стали приходить и тревожные сигналы о возрастающих недочетах генерала Май-Маевского, поначалу превосходно зарекомендовавшего себя в Каменноугольном районе. Сводки ОСВАГа, составленные для сведения Деникина, отмечали, что командующий 3-й Добровольческой дивизией злоупотребляет алкоголем и постепенно роняет престиж власти, выпуская из рук вожжи управления вверенными ему частями. Однако эти утверждения были, по крайней мере, неточными.

Оболганный герой — генерал Май-Маевский

Личность генерала Май-Маевского едва ли укладывалась в стандартный образ генерала, ударившегося в беспробудное пьянство на почве неудач на фронте. Добровольцам запомнились посещения

Май-Маевского фронта, когда он, тучный человек, пытаясь, вылезал из штабного вагона и, отдуваясь, шел к цепи, но лишь поравнявшись с ней, совершенно преобразался: на его лице появлялась бодрость, в лице — уверенность, в походке — легкость. Он шел с цепью, обращая внимание на пули не более, чем как на безобидную мошкору. Его бесстрашие так передавалось войскам, что части шли с ним в атаку как на учении; он же всегда умел вовремя сказать нужное офицерам подбадривающее слово. Во время боев в Каменноугольном районе Май-Маевский по четыре-пять раз в неделю выезжал на фронт, поднимая дух войск личным присутствием на поле боя. За это, а равно как и за заботу о подчиненных, многие его офицеры, первоначально относившиеся к нему враждебно как к человеку новому, вскоре стали глубоко уважать его и называли «вторым Кутузовым», на которого он походил статью и фигурой. Более всех любили его корниловцы. Генерал Деникин назначил Май-Маевского командующим 3-й Добровольческой армией за боевые заслуги, в обход старшинства (как он и поступал неизменно), не считаясь с обидой генерала Якова Давидовича Юзефовича.

По взятии Москвы, по слухам, генерал Деникин предназначал Май-Маевского на пост военного и морского министра. Одним из качеств генерала была способность к неизменной справедливости в отношении подчиненных ему людей. Не в силах оградить харьковских евреев-добровольцев от насилий со стороны некоторых антисемитски настроенных офицеров полков, в которые они направлялись, Май-

Генерал Май-Маевский принимает парад в Киеве

Маевский своевременно распорядился откомандировать их и распустить по домам впредь до общей мобилизации. Проворный журналист, сочинявший под многозначительным псевдонимом «Агасферов», работал при большевиках в газете «Советский Дон» и в своей статье «Кровавый путь — странички из „истории“ Добрармии» позволил себе сентенцию: «Генерал Май-Маевский носил кличку „жидовского покровителя“, и имя его ненавистно в Добрармии». Сурово управляя завоеванными территориями, Май-Маевский говорил, что с корнем вырвет из них «пролетарский дух», и пойманные с поличным местные большевики приговаривались к расстрелам. Однако и в подобных делах он стремился проявлять справедливость, так что в Каменноугольном районе в поисках справедливости к нему, как к арбитру, шли как «правые», так и умеренно «левые».

Когда начальник контрразведки штаба армии полковник Шукин принес на подпись Май-Маевскому смертные приговоры уличенным в большевизме, тот, даже не рассматривая, подписал их: «Утверждаю. Май-Маевский». Тайный большевистский агент, служивший его адъютантом, Макаров, естественным образом сочувствуя приговоренным, после ухода Шукина обратился к генералу со словами: «Ваше Превосходительство! Как же Вы подписываете, не читая? Ведь из-за личных счетов могут подсунуть любой смертный приговор. У меня, например, о Шукине плохие слухи...» На что Май-Маевский отвечал: «Что вы мне ересь говорите, капитан! Я ему верю, а красной сволочи пощады быть не может».

Считая генералов, служащих большевикам, изменниками, достойными смерти, Май-Маевский часто повторял: «Я удивля-

юсь, почему Деникин церемонится с генералом Болховитиновым? Такого мерзавца давно было нужно повесить. Он послужил бы хорошим примером для тех, кто находится в Совдепии и служит красным». Генерал Леонид Митрофанович Болховитинов был в 1918 году принят в РККА, где, числясь при Высшем военном совете, находился при штабе Главкома Красной армии Северного Кавказа. В августе 1918 года, при занятии Екатеринодара частями Добровольческой армии, он тайно пробрался в город, где проживала его семья, и был арестован добровольцами. Вскоре его предали военно-полевому суду Добровольческой армии, приговорившему изменника к смертной казни. Неожиданно Деникин заменил приговор суда разжалованием Болховитинова в рядовые, в качестве которого тот и служил в частях Дроздовской дивизии в течение года. За отличия в боях Деникин после восстановления его в чине.

Однако консерватизм Май-Маевского был избирательным. Не принимая большевизм, он вместе с тем настороженно относился к любой возможности реставрации монархии. Так, например, при взятии Киева Май-Маевский распорядился гвардейским ротам и дивизионам воздержаться от пения гимна «Боже, Царя храни», считая это «преждевременным», и даже велел генералу фон Бредову проконтролировать и пресечь всякую попытку его исполнения «гвардией».

Истощенная боями за Царицын, борьбой с большевиками на Волге Кавказская армия генерала Врангеля остро нуждалась в пополнении и отдыхе. Сам барон решил поставить вопрос на совещании в Ставке о выделении ему отдельной конной ар-

мии, которую можно будет составить из всех разрозненных частей под единым командованием Врангеля. Деникин согласился с предложением барона и даже пошел дальше, назначив Врангеля командующим всей Добровольческой армией, распорядившись также и о включении в нее конной группы генерала Мамантова. Деникин был уверен, что это придаст ВСЮР новый импульс к борьбе и сможет сплотить в обороне разрозненные части, временно вынужденные отступать с тяжелыми боями. Врангель получил совершенно неожиданную для себя всю полноту власти в армии, о которой недавно он даже и не мечтал. Май-Маевского Деникин поспешил уволить.

Уволенный из армии 10 декабря 1919 года, Май-Маевский проживал в гостинице «Кист» в Севастополе, по выражению генерала Деникина, «в нищете и забвении», находя источник существования в постепенной распродаже мебели из занимаемого номера. Когда комендант Севастополя генерал-майор Василий Федорович Субботин (начальник инженеров, руководивших работами по укреплению позиций на Перекопе в Крыму в Русской армии генерала Врангеля) предложил Май-Маевскому особняк, тот отказался и продолжал жить в своем вагоне на станции Севастополь, но после все же переехал в номер гостиницы «Кист». Тяготясь скукой гостиничной жизни, он посещал вице-адмирала Дмитрия Всеволодовича Ненюкова и нередко Василия Федоровича Субботина, выпивал в одиночестве и увлекался чтением романов Чарльза Диккенса.

Отставленный от службы и быстро покинутый своими недавними соратни-

ками, Владимир Зиновьевич «прожил в нищете и забвении еще несколько месяцев и умер от разрыва сердца в тот момент, когда последние корабли с остатками Белой армии покидали Севастопольский рейд...»

Отступление продолжается

Что же происходило дальше, когда стала очевидна неудача деникинской инициативы по взятию Москвы? Отход Добровольческой армии сопровождался взрывом мостов, водокачек, бронепоездов. Ухудшавшаяся день ото дня погода гнетуще действовала на отступавшие белые части, двигавшиеся как по дорогам, так и по пересеченной местности: «Отходим по мерзлой пахоте без дорог, в лютую стужу, в потемках. Падают кони... Люди ложились на дороге. Пулеметы тащили на полковых кухнях, снаряды волокли в санях... Дороги превратились в вязкую трясиину, грязь — по брюхо коням. Застревают, захлебываются грязью патронные двуколки...», — пишет А.В. Туркул.

5 декабря 1919 года Конная армия Буденного пошла на прорыв фронта, вбивая глубокий клин между белыми армиями в районе Старобельска. Конный корпус Мамантова успел нанести красным фланговый удар, смяв 42-ю дивизию большевиков, обеспечивавшую Буденному прорыв со стороны Харькова, но вовремя подоспевшая ей на помощь из Курска 9-я дивизия помогла восстановить первоначальное положение, и через четыре дня упорных боев части Мамантова были отеснены продолжавшей наступление на юг Красной армией. В штабе Деникина нача-

лось обсуждение путей отвода Добровольческой и Донской армий. На совещании в Ставке Врангель высказал мнение о целесообразности отвода армий в Таврию и Крым. Деникин возражал ему на это, что отрыв Донской армии от Всевеликого Войска Донского отрицательно повлияет на настроение казаков, и не желал оставлять казачество, вместе с которым он начинал свой поход против большевизма. В тылу находились на излечении несколько десятков тысяч раненых. Там же располагались основные лечебные и тыловые учреждения ВСЮР. Уход основных сил в Крым предполагал оставление огромного числа людей фактически на произвол судьбы. Деникин посчитал, что армия должна отходить только до Ростова.

2 декабря 1919 года конница Думенко захватила городок Каазах, а прибывшие свежие части красных сломили оборону казаков на Хопре и ворвались в станицу Усть-Бузулуцкую. Ряд контрударов кавалерии Донской армии генерал-лейтенанта Петра Ильича Коновалова не привели к ожидаемому результату: конница Думенко по-прежнему медленно продвигалась вперед, маневрируя и избегая сложных для себя тактических ситуаций. От Воронежа и Лисок тем временем вела наступление 8-я красная армия, пытавшаяся с ходу прорвать Донской фронт на северо-западном направлении. Генерал Сидорин отдал приказ своим частям начать отступление за Дон. Последние подкрепления добровольцев снимались с грузинской границы для усиления других участков фронта, хотя малочисленность этих частей не могла повлиять на исход сражений, в которые они вовлекались.

На юге России свирепствовала эпидемия тифа. Одной из ее жертв оказался и генерал-лейтенант Тимановский. Верный друг генерала Маркова, «Степаныч», как шуточно называл его тот еще со времен Великой войны, отошел в историю. В Ростове, где скончался генерал, в те дни не хватало мест в больницах, чтобы разместить всех заболевших людей. Очевидец А.В. Туркул пишет: «Мы ошиблись дорогой и поскакали к ростовскому вокзалу. Давно я не видел города и теперь не узнал его. Вокзальные залы, коридоры, багажные отделения были превращены в огромный лазарет. Люди лежали вповалку. На каждом шагу надо было обходить кого-нибудь, прикрытого шинелью, преступать через чьи-то ноги, руки. Вокзал стал мрачным лазаретом. Это был сыпняк».

В середине декабря 1919 года фронт Вооруженных сил Юга России едва удерживался на линии Константинград — Змиев — Купянск. Попытка советского военачальника Иеронима Петровича Уборевича прорвать его силами 8-й советской кавалерийской дивизии окончилась ее полным разгромом под станцией Лозовой. Но отдельные победы белых не влияли на общую ситуацию на фронте. На смену разбитым красным частям командование большевиков отправляло все новые и новые соединения. На южном направлении 12-я советская армия готовилась нанести контрудар белым. Планировалось, что это произойдет на линии городов Черкассы и Кременчуг, и длительное удержание этих двух городов обеспечило бы 12-й армии плацдарм на левом берегу Днепра. Части полковника

Николая Эмильевича фон Бредова, оборонявшие Киев, могли быть отсечены от основных сил свежими частями красных в любой день. 16 декабря 1919 года значительно поредевшие войска Бредова начали отступление в надежде соединиться с частями генерала Шиллинга. Последний был назначен Деникиным командовать всеми белыми армиями на территории Южной Украины. Штабом ВСЮР Шиллингу также было поручено организовать прикрытие и оборону Крыма, Северной Таврии и Одесского района. 1-я Конная армия Буденного в те дни неудержимо рвалась к Северному Донцу, создав тем самым непосредственную угрозу захвата Луганска.

Надо сказать, что белые части подчас «облегчали» эту задачу Буденного. Константин Константинович Мамантов имел некий уклон в «партизанщину» и иногда позволял себе действовать на свое усмотрение, игнорируя приказы штаба ВСЮР. Барон Врангель издал приказ об отстранении генерал-лейтенанта Мамантова от дел «за преступное бездействие», приказав Сергею Георгиевичу Улагаю принять дела у отныне опального генерала. Мамантов обиженно отбыл на Дон, передав бразды правления приемнику без особого энтузиазма. С ним вместе на Дон отбыли и его сторонники. Видя, как эмоционально реагируют «национальные» казачьи объединения на попытки штаба ВСЮР регулировать их деятельность, Врангель приказал отправить кубанские воинские соединения поближе к дому, на Кубань, для переформирования, однако этот приказ Главнокомандующего Добровольческой армии

был воспринят кубанцами чуть ли не как демобилизация. Их части стремительно таяли, оставляя фронт, ослабляя тем самым и без того обескровленные передовые части ВСЮР.

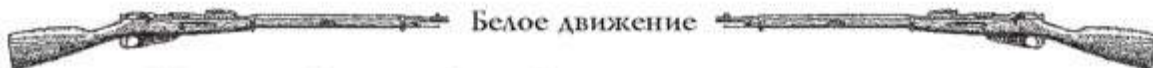
23 декабря 1919 года части Буденного форсировали Северный Донец. Штаб ВСЮР разослал приказ об оставлении белыми частями Ростова. Ставка Главнокомандующего отныне переводилась в Батайск, а правительственные и гражданские учреждения подлежали эвакуации в Новороссийск и Екатеринодар. Сергей Георгиевич Улагай в аррьергардных боях сумел отодвинуть на какое-то время продвижение 1-й Конной армии Буденного, разбив ее передовые отряды, но от полного разгрома их спасли кавалеристы Оки Ивановича Городовикова, подоспевшие ударить в стык казаков и добровольческих частей: «На самом рассвете они пошли в наступление и прорвали фронт 3-го Дроздовского полка; конница Буденного смяла и тяжело порубила офицерскую роту. Английские танки с английскими командами пошли на выручку и застряли в красных цепях. Я приказал полку развернуться для атаки. Под звуки старого Егерского марша удалые роты 1-го полка, четко печатая шаг, с оркестром двинулись в огонь. Англичане рукоплескали. Наша атака выручила 31-й полк и освободила все английские танки, застрявшие на пашне...» 2-й кавалерийский корпус Думенко форсировал Дон и отправился в южном направлении, выйдя к 22 декабря 1919 года на подступы к городку Миллерово, где и столкнулся с конницей донского генерал-лейтенанта Петра Ильича Коновалова. После короткой ожесточен-

ной схватки части Коновалова вынуждены были отойти в город, на ходу готовясь оборонять его. Кавалеристы Думенко не рискнули брать город с ходу и только 27 декабря 1919 года, усиленные 2 пехотными дивизиями, штурмовали и взяли, наконец, Миллерово.

Оставление Царицына и разгром марковцев

28 декабря 1919 года Деникин издал приказ об оставлении Царицына и отводе частей на рубежи реки Сал, для прикрытия с этой стороны Ставрополя и Кубани. 3 января 1920 года кубанские части генерал-лейтенанта Виктора Леонидовича Покровского спешно покинули Царицын. В город вошла 50-я дивизия из состава 11-й советской армии. Эта дивизия была усилена и несколькими полками 10-й армии. Кавказская армия ВСЮР совершала быстрый отход на станцию Тихорецкая по линии железной дороги, одновременно ведя бой сразу с пятью красными дивизиями, преследовавшими ее. После занятия Царицына 11-я красная армия продвинулась дальше и, добравшись до побережья Каспия, повернула на Чечню, Осетию и Дагестан, навстречу оборонявшим их кавалерийским частям генерала от кавалерии Ивана Георгиевича Эрдели.

Но еще раньше, 31 декабря 1919 года, грянул неожиданный разгром красными частями марковцев. Пользуясь тем, что генерал Тимановский уже не мог исполнять свои обязанности, в штабе корпуса развернул кипучую деятельность генерал-лейтенант Евгений Исаакович Доставалов. Представленные ему донесения по-

ручника Критского, будущего биографа генерала Кутепова, основанные на опросе пленных буденновцев, недвусмысленно указывали на то, что Марковская дивизия находится под вероятным ударом противника, но Доставалов не удостоил их внимания. Между поручиком и начальником штаба произошел примечательный диалог: «„Из чего вы вывели, что Марковская дивизия под ударом?“ — „Таково мое мнение на основании опроса...“ — „Ошибка! Конная армия прет прямо на Ростов. Они атакуют корниловцев“. — „Ваше Превосходительство, помимо вывода, разрешите сказать вам: Буденный не может идти на Ростов, оставив позади себя три наших дивизии“. Доставалов уже в нервном и раздраженном тоне возразил: „Что конная армия повернула на Ростов, говорят донесения и сообщения штаба армии...“», — вспоминал В.Е. Павлов.

Тем временем в штабе Марковской дивизии другой, исполненный неустойчивой энергии, начальник, полковник Артур Георгиевич Баттенбиндер, повелел собрать совещание старших командиров дивизии, сообщив им, что на основании устава о полевом управлении войск он вступил в командование дивизией. Сразу же затем он изложил свой план дальнейших действий, сообщив присутствовавшим офицерам, что дивизия должна идти в восточном направлении. Так, согласно его замыслу, 1-й полк дивизии должен был непременно взять село Алексеево-Леоново и далее выдвинуться на некую возвышенность. Под прикрытием утвердившегося на ней полка, все оставшиеся Марковские полки должны будут успеть

продвинуться далее ускоренным маршем. Среди собравшихся на совещание начальников воцарилось тягостное молчание. С тех пор как дивизией командовали

Чины Дроздовского полка

опытные боевые командиры вроде Маркова и Тимановского, многие привыкли к взвешенным и хорошо обдуманным решениям. Предложение Баттенбиндера было теоретически возможным, но на практике нелегко выполнимым. По существующим данным, полученным от полковых топографов, выходило так, что местность, по которой должна была буквально «пролететь» вся дивизия, была далеко не идеальной, на ней существовали глубокие лощины, затруднявшие передвижения и делавшие войска весьма уязвимыми для огня противника, случись в марковских частях даже самая малая задержка на марше. Кроме того, было неизвестно состояние мостов через лощи-

ны и величина скатов дошин. Эти соображения и высказали офицеры, но Баттенбиндер тоном, не терпящим возражений, поспешил закончить собрание: «Марш через село Алексеево-Леоново отвечает обстановке». От Баттенбиндера расходились в некотором волнении. Ответов на поставленные вопросы не получил никто из бывших там командиров, а время шло, и нужно было думать уже о том, как каждый полк выполнит возложенную на него задачу. Невольно Марковская дивизия сделала еще один шаг навстречу близившемуся разгрому.

«Дивизия сильно запоздала с этим выступлением, — вспоминал один из офицеров, — и поэтому контакт с соседней Корниловской дивизией оказался нарушен. Корниловская дивизия, не дожидаясь Марковской, продолжала свой путь на Ростов. При подходе к селу Алексеево-Леоново выяснилось, что село занято конницей Буденного. Несколько батарей стали на позицию и открыли огонь по селу шрапнелью и гранатами. Пехота слезла с саней и тачанок. Не успела она еще и раз-

вернуться в цепи, как конница красных, не выдержав артиллерийского обстрела, быстро стала оставлять село, в беспорядке уходя вверх по откосам балок и скрываясь за гребнями. Баттенбиндер приказал вновь свернуться в колонну и входить в Алексеево-Леоново. Начался спуск в балку, причем, как обычно, обозные повозки перегоняли пехоту, стремясь занять лучшие дома. Когда вся Марковская дивизия втянулась в село, конные лавы Буденного появились с трех сторон на гребнях возвышенности и пошли в конную атаку. Повозки всех бывших с полками дивизии обозов 1-го и 2-го разрядов ринулись в разные стороны, кто вперед, кто назад, и сбивали пехоту, пытавшуюся собраться группами и построиться. Полковник Баттенбиндер вместе с командиром артиллерийской бригады Машиным ускорил со своим конвоем назад. Красные всадники беспрепятственно ворвались в село и рубили метавшуюся пехоту и орудейную прислугу, не имевшую даже времени снять орудия с передков». Следом за красной конницей в село втягивалась

В Царицыне . 1919 г.

и пехота. Бои шли по всему селу. Марковцы пытались вырваться из окружения, пробивая себе дорогу к южной окраине. Сестры милосердия и ротная сестра Ольга Елисеева смогли вытащить из-под огня 30 раненых чинов Марковского полка. Оборона марковцев трещала по всем швам: сказывалось численное превосходство противника, поочередно блокировавшего и уничтожавшего раздробленную на части дивизию. Красная конница захватила орудия 6-й батареи, которые пытались вывести и спасти марковцы-артиллеристы. «Дивизия была в яме, окруженной противником. Получилось еще и так, что единственная лазейка из ямы, лощина с ручьем на дне, оказалась забита подводами. Нужно было самообладание, чтобы не остановиться пред баррикадой, а пробираться сквозь нее. Но и эта последняя лазейка из ямы не давала полной гарантии уйти: по обе стороны ее были красные», — вспоминал В.Е. Павлов, выживший участник событий.

6 января 1920 года красные вышли к берегам Азовского моря, рассчитывая разбить Вооруженные силы Юга России на части и уничтожить их поодиночке. 4-я кавалерийская дивизия Буденного в стремительном рейде ворвалась в Ростов. 9 января 1920 года корниловские и дроздовские части получили приказ командования к отступлению: «Потом в станице Гниловской мы сменили корниловскую дивизию, а корниловцы повели наступление на Ростов. Ростов заняли ненадолго и опять ушли. Там все было разбито и глухо. Как будто обмер обреченный город. Последнее мое воспоминание о Ростове: сыпняк, серая вша, за-

колоченные пустые магазины, разбитое кафе „Ампир“...»

1-й Добровольческий корпус начал свой отход к Новороссийску. Дав несколько уличных боев в Ростове, белые оставили город и перебрались на левый берег Дона. Красные части попытались форсировать Дон, преследуя белогвардейцев, но были отбиты отступавшими, понеся в атаках большие потери. Захваченные большевиками «белые столицы» — Ростов, Новочеркасск и Екатеринодар — подверглись повальному разграблению и погромам. В истории сохранились свидетельства того, что винные подвалы Ростова были захвачены победителями и в течение многих дней 1-я Конная армия Буденного «праздновала победу».

Спасение останков генерала Дроздовского

Особый офицерский отряд ворвался в Екатеринодар, чтобы освободить гробы с останками генерала Дроздовского и полковника Туцевича, погребенные в ростовском кафедральном соборе. Захватив их, отряд вырвался из слабо охраняемого города и догнал дроздовские части, отходившие по направлению к Новороссийску. В Севастополе останки военачальников были захоронены на Малаховом кургане, а именно — в Доковом овраге, известном еще под названием «Кладбищенская балка». В этом месте находилось небольшое кладбище, на котором покоилась почитаемая блаженная Даша Севастопольская (Д.Л. Михайлова). В 1990-е годы прошлого века часть этого оврага оказалась засыпанной в ходе строительства здания

спортивного комплекса одного из севастопольских предприятий. Уверенности, что в Крыму удастся задержаться надолго, у добровольцев не было, поэтому место погребения своего вождя и его соратника единодушно решили хранить в тайне, чтобы о нем случайно не узнали красные, если им случится появиться в Крыму. При перезахоронении присутствовали только пять дроздовцев: капитан Виноградов (Дроздовского стрелкового полка), капитан Матишев (1-й Дроздовской артиллерийской батареи), поручик Купер, фельдфебель Биденко и некий фейерверкер, имя которого не сохранилось. На могилах были поставлены деревянные кресты с синими дощечками и надписями «Полковник М.И. Гордеев» — на кресте у могилы генерала Дроздовского и «Капитан Туцевич» на кресте полковника.

В 1943 году генерал-майор А.В. Туркул с помощью своих связей в абвере добился для себя разрешения на поездку в оккупированный немцами Севастополь, дабы попытаться отыскать могилы генерал-майора М.Г. Дроздовского и полковника В.Б. Туцевича в районе Малахова кургана. Увы, оказавшись на Малаховом кургане, Туркул не нашел там не только захоронений, но и самого кладбища: во время недавних боев этот район был перерыт тяжелыми снарядами и стал неузнаваем.

Рейд гвардейской конницы в Ростов-на-Дону

На первой неделе февраля 1920 года перед Сводно-гвардейским кавалерийским полком, стоявшим восточнее окраи-

ны Батайска, была поставлена задача — взять Ростов. Впереди гвардейцев должны были выступить корниловцы, в чью задачу входил захват станицы Гниловская, как только Корниловская дивизия обеспечит захват плацдарма. Сводно-гвардейская кавалерийская дивизия должна была обойти Ростов с западной стороны и пробиваться в город со стороны Темерника. Дул сильный северный ветер, температура опустилась до -25°C , пошел снег, вскоре перешедший в пургу. Гвардейский полк построился в резервную колонну перед широким рукавом Дона, на льду, перед самым городом. Корниловцы с рассветом ворвались в Гниловскую. Застав там красный гарнизон спящим, перекололи штыками весь командный состав, захватили пути товарной станции и несколько домов станицы. Командующий Сводно-гвардейской дивизией генерал-майор Михаил Федорович Данилов приказал эскадрону кирасир Его Величества следовать в колонне по трое, в сторону открытого поля под Темерником. За ними тронулись две пулеметные тачанки и два горных орудия на выюке под командованием полковника лейб-гвардии Конной артиллерии барона Александра Ивановича фон Фитингофа-Шелля. Из Темерника навстречу гвардейцам двинулись большевистские цепи, открыв огонь по кавалерии с предельного расстояния. Пули начали косить следовавших, как на параде, фланговым маршем кирасир и конноартиллеристов.

Генерал Данилов отдал приказ к построению фронта, и развернутый строй стал заходить «левым плечом», чтобы захватить правый фланг противника. Впереди полка

навстречу цепям красных поскакал его командир. Гвардейцы налетели на потерявшую строй и сбившуюся в кучи пехоту большевиков, а те от неожиданности кавалерийского наскока, воткнув штыками в снег винтовки, подняли руки вверх. 800 пленных красноармейцев под конвоем эскадрона лейб-драгун были отправлены назад, в Гниловскую, для передачи их под попечительство корниловцев. Те, увидев надвигающуюся на них колонну, открыли по ней пулеметный огонь, и пленные разбежались по полю. Лейб-драгунам снова пришлось собирать их и строить в колонны, предварительно направив своих представителей с просьбой больше не стрелять. На круговой железнодорожной ветке показался бронепоезд «Вся Власть Советам!», идущий отчего-то задним ходом. На открытых платформах его виднелись морские орудия, а к платформам были прицеплены несколько салон-вагонов. Следом появился второй бронепоезд под названием «Советская Россия». Полковник фон Фитингоф-Шелль приказал снять горные пушки с передков и поставить их на прямую наводку. Был дан залп по паровозу, однако первый бронепоезд прошел мимо, не отвечая огнем. Проехав немного, бронепоезд остановился, и стало хорошо видно, как на фоне белого поля темнели фигурки убегающей его команды, состоявшей из «революционных матросов». Кирасиры направили своих коней через железнодорожное полотно, вдогонку за убежавшими, и на поле разразились одиночные поединки между убежавшими матросами и их преследователями.

На рассвете следующего дня Сводно-гвардейский кавалерийский полк вошел

в притихший Ростов, следуя в колонне, и направился вглубь города по Нахичеванскому проспекту. Участник этого рейда вспоминал: «Тут произошло последнее приключение, окончившееся, по счастью, благополучно. Я вел свой эскадрон за командиром полка, по ветру развевались наши значки на пиках, на значке нашего эскадрона был двуглавый орел... Вдруг прямо на нас несется советский броневик с красными звездами, двумя пулеметами, и ясно видна красная надпись „Мефистофель“. Что делать? Почему он не стреляет? Броневику несется прямо на нашу колонну и может смести нас! Генерал Данилов командует „Стой!“, но тут происходит нечто невероятное: броневик направляется влево и въезжает в огромный сугроб, где его колеса беспомощно буксуют. Открывается задняя дверь, и из машины вылезла тройка: какой-то комиссар в шубе, с хорошим воротником, девица в косынке сестры милосердия и шофер. Тут мы поняли, почему броневик не стрелял. Внутри был ящик табака и мешки с сахаром, не позволявшие добраться до пулеметов. Эта тройка была арестована, у броневика поставлен караул, а позже добыча была роздана по эскадронам». Спустя всего сутки обстановка на фронте переменилась. Ночью пришел приказ штаба армии покинуть Ростов и отойти на левый берег Дона, так как конница Буденного переправилась в Новочеркасске через Дон и постепенно выходила в тыл Добровольческой армии. «Ростов был покинут ночью, и наш эскадрон был оставлен заслоном на кожевенном заводе, на острове против Нахичевани [Нахичеванского проспекта]. Оттуда мы видели возвраще-

ние большевиков в Нахичевань и их вход в Ростов», — вспоминал один из участников гвардейского рейда Е.Н. Оношкевич-Яцына.

Великобритания меняет политику

Вне зависимости от локальных успехов или неудач Вооруженных сил Юга России, в целом на фронте стали назревать процессы, способные повлиять на судьбу Вооруженных сил Юга России. Ориентированное лишь на собственные интересы правительство Великобритании наблюдало военные неудачи Добровольческой и Донских армий последних месяцев. Это позволило британцам оценить обстановку на территориях, занятых белыми, как нестабильную. И в то же время военные и политические успехи большевиков становились все более очевидными. А значит, экономические интересы Британской империи в России могли осуществиться и при ее новом правительстве. Речь шла о вхождении и захвате экономических рынков. Героические усилия ВСЮР по поддержке и восстановлению государственности перестали интересовать британских политиков и концессионеров. В британском парламенте был распространен документ под названием «Экономические аспекты британской политики в отношении России», в котором указывалось на то, что большевики вернули или возвратят в ближайшем будущем все важнейшие сырьевые районы России. В связи с этим экономическая, политическая и военная блокада красных союзниками окажется не только нецелесообразной, но

и оттолкнет большевиков, как потенциальных, деловых партнеров.

Британский премьер-министр Ллойд-Джордж вынес на обсуждение Верховного Совета Антанты вопрос об экономическом взаимодействии с большевиками, после чего Совет единогласно проголосовал за резолюцию об обмене товарами на основе взаимности между «русским народом, союзными и нейтральными странами». «Торговать можно и с каннибалами», — этот циничный афоризм британского премьера стал свидетельством лицемерия британской внешней политики, *de jure* не признававший полномочий Советского правительства.

Оппозиционно настроенный к лейбористам Уинстон Черчилль заверил русского дипломатического представителя в Париже Владимира Алексеевича Маклакова, что британское содействие Белым армиям будет продолжено и заявление действующего премьера не отразится на поставках вооружения и продовольствия Деникину. Сам Главнокомандующий, будучи глубоко уязвленным этим шагом британцев и французозов к признанию большевистской власти, все же продолжал работать с британскими военными представителями над стратегически важными вопросами самого недалекого будущего.

В ходе длительных переговоров стороны пришли к соглашению о том, что, вне зависимости от исхода Гражданской войны, британское военное командование будет принимать участие в эвакуации русских беженцев за границу, в огромном количестве скопившихся в Новороссийске. Был даже выработан ее порядок.

В первую очередь право эвакуации предоставлялось больным и раненым воинам, далее семьям военнослужащих ВСЮР, потом семьям гражданских служащих и прочим лицам при наличии времени и места. Командование ВСЮР по договоренности с британцами подлежало эвакуации в последнюю очередь. Британские транспорты доставляли беженцев в Салоники, Принкипо, везли на Кипр и в Соединенное Королевство Сербов и Хорватов. Регулярности рейсов не существовало, и иногда британские корабли прерывали эвакуацию по различным политическим мотивам, однако конвейер по вывозу российских граждан за границу не переставал работать. Вывезенные беженцы размещались с минимальными удобствами, но могли найти какую-нибудь работу в местах своего расселения. Русские, выехавшие до осенней эвакуации в ноябре 1920 года, оказались чуть счастливее тех, кто покидал родину с последними кораблями, ибо ничто не могло сравниться с тяготами последней эвакуации, ее человеческими драмами и жертвами, о которых пойдет речь в другой главе нашего повествования.

Тыл ВСЮР и казаки

В тылу ВСЮР дела в начале 1920 года обстояли далеко не блестяще. Правительство Кубани, окончательно запутавшееся во внутриполитических склоках и раздорах, перестало нести ту функцию, которая была возложена на нее согласно договоренностям между Добровольческой армией и Кубанской Радой. Пополнения на фронт с Кубани полностью пре-

рвались. Кубанское правительство считало, что не должно посылать казаков воевать за некие «общегосударственные интересы». Оно словно забыло, что, по выражению одного из рядовых участников Белого движения Г. Голованя, «Белая идея — идея свободной жизни в освобожденной стране», что «она не фраза, хотя бы и высокого смысла, а побуждение к должным действиям», и «носителями ее должны быть все».

На границе с Грузией было тоже неспокойно, ибо оттуда на Адлер и Сочи выдвинулась двухтысячная армия так называемого Комитета освобождения Черноморья, созданная из остатков разбитой 11-й советской армии, чьими идейными вдохновителями были бежавшие в Грузию русские провинциальные меньшевики и эсэры, а инструкторами служили офицеры грузинской армии. У ВСЮР не было достаточно сил, чтобы остановить продвижение этой группировки, так как границу с Грузией прикрывала лишь одна 52-я бригада добровольцев, созданная из бывших пленных красноармейцев и объединившая несколько батальонов. Армию Комитета освобождения Черноморья поддержали и местные бандитские формирования, носившие в то время общее название «зеленых» за свою приверженность партизанской войне под прикрытием «зеленых дубрав и лесов». 52-я бригада не выдержала натиска бандитов и красноармейцев и отступила из Адлера, а затем оставила Сочи. Комитет провозгласил создание независимой Черноморской республики и повел наступление на север. В отсутствие людских резервов, командуемый Черноморским фронтом

Генерального штаба генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский подал прошение Деникину об отставке по причине невозможности выполнять свои обязанности и организовать достойный отпор мелким бандам и отрядам так называемой Черноморской республики.

11 февраля 1920 года армия Черноморской республики заняла Лазаревскую, создав предпосылки для захвата Туапсе. 25 февраля 1920 года город был занят без труда: внутри его произошел переворот, организованный служившими в Черноморской армии большевиками. Их представители не замедлили организовать «фронтный съезд», избрали ревком и мобилизовали крестьян в «Черноморскую красную армию».

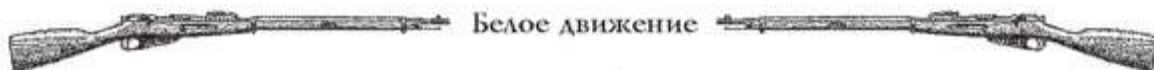
Группировка генерала Шиллинга и одесская эвакуация

Сложная ситуация возникла с группировкой генерал-лейтенанта Николая Николаевича Шиллинга. Два его корпуса остались на правом берегу Днепра, участвуя в прикрытии Одессы и Херсона от нападения большевиков, а корпус генерала Якова Александровича Слащева был отослан Шиллингом для защиты Северной Таврии и Крыма. Личный состав оставшихся у Днепра корпусов уступал в боеспособности ударным войскам марковцев или дроздовцев; единственным динамичным и активным ядром его войск были части генерал-майора Слащева. На Днепре в целом оперативная обстановка складывалась для белых не лучшим образом: 12-я советская армия, наступавшая от

Кременчуга и Черкасс, переправилась на правый берег Днепра, туда же, куда направлялась и 14-я советская армия. Железная дорога Александровск — Кривой Рог — Долинская контролировалась бандами Махно; в селах крестьяне объединялись в вооруженные отряды и порой занимались неприкрытым грабежом соседних деревень.

Возле Екатеринослава и Умани бродили петлюровские части. Связь между подразделениями Белой армии была разлажена, в результате чего возник хаос, в котором отдельные части и соединения корпусов Николая Николаевича Шиллинга двигались в разных направлениях. Кроме этого, их командирами принимались решения о вступлении в бой с петлюровцами и бандитами на собственное усмотрение, а мобильность отрядов отягощалась бесконечными веренищами обозов и беженцев. Вся эта человеческая масса, блуждая и отбиваясь от наскоков местных банд, откатывалась на юг, к портам Одессы и Новороссийска.

Деникин не видел необходимости удерживать Одессу, считая, что больше смысла имела бы концентрация отступающих подразделений и их переформирование под Херсоном, откуда можно при необходимости было бы пробиться в Крым. Союзные миссии, напротив, были настроены в пользу обороны Одессы, о чем не замедлили известить Деникина. Под их вежливым давлением Главнокомандующий был вынужден согласиться, попросив союзные миссии в случае катастрофы обеспечить хотя бы эвакуацию его войск, а также уведомить Румынию о необходимости пропуска через ее грани-

цу отступающих воинских подразделений и беженцев. Глава французской военной миссии генерал Франше д'Эспере оповестил Деникина, что Румыния согласна пропустить на свою территорию некоторые части и беженцев при соблюдении определенных дополнительных условий. В середине января 1920 года, взяв Кривой Рог, большевики двинули свои силы на Николаев. Генерал Шиллинг срочно призвал конный корпус полковника Николая Эмильевича фон Бредова, находившийся под Вознесенском, для нанесения флангового удара, оставив части генерал-лейтенанта Михаила Николаевича Промптова на прикрытии Одесского района. Когда 24 января (7 февраля) 1920 года 2-й корпус Промптова оказался у Одессы, город был уже оставлен белыми войсками, а последние транспорты вышли на рейд. Шиллинг приказал Промптову перейти через Днестр, дабы, выйдя на румынскую территорию, ожидать кораблей для отправки своего корпуса в Крым. При первых попытках частей Промптова переправиться через пограничную реку его 2-й корпус был обстрелян румынами и вынужден двинуться вдоль русской границы Днестра на север. Там он соединился с конным корпусом полковника Бредова в Тирасполе. Вместе с войсками Бредова корпус генерал-лейтенанта Промптова совершил свой поход вдоль Днестра до районов, занятых польскими войсками, и 25—26 февраля 1920 года его интернировали в Польшу. Генерал Промптов был помещен вместе с чинами корпуса в польский концентрационный лагерь, откуда смог вернуться в Крым лишь летом 1920 года. Участник

бредовского похода вспоминал, как возвращались они из польского плена: «В лохмотьях, босые, некоторые в одном грязном нижнем белье».

Генерал-майор Н.Н. Шиллинг

4 февраля 1920 года генерал Шиллинг опубликовал приказ об эвакуации Одессы. Вот одно из свидетельств: «К утру 6 февраля доносившаяся с севера артиллерийская стрельба, которую вели, вероятно, отходившие к Одессе бронепоезда, становилась все слышнее, и в городе создавалось если не паническое, то во всяком случае нервное настроение. Тысячи людей толпились у молотов, где стояли большие пароходы. На смену людям, нашедших место на судах все время подходили новые толпы военных и гражданских лиц,

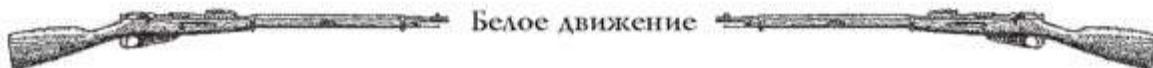

женщин и детей. В эти дни стояли морозы около 5—10 градусов, и море на подходах к Одессе было покрыто довольно густым плавучим льдом, образовавшим в порту от движения судов ледяную кашу...» В ночь на 7 февраля 1920 года генерал Шиллинг со своим штабом перешел на пароход «Анатолий Молчанов». В 6 часов утра 8 февраля 1920 года части советской 41-й стрелковой дивизии вошли в Одессу со стороны Пересыпи и Каяльника. Командант Одессы и начальник внутренней обороны города полковник лейб-гвардии 2-го стрелкового полка Александр Анатольевич Стессель с группами офицеров и небольшими отрядами солдат из разных частей расчистил путь для отхода беженцев к западным окраинам города, возглавив так называемый Овидиопольский отряд. В нем сестрой милосердия была его жена, Раиса Васильевна Стессель, служившая прежде в лазарете гвардейской бригады. Этот вооруженный отряд прикрывал колонны гражданских беженцев, устремившихся в сторону румынской границы. Вскоре людской поток, покинувший пределы Одессы, собрался в 20 верстах от города, в немецкой колонии Гросс Либенталь. Те из них, кто не стал задерживаться в колонии, пустились в путь в сторону Тирасполя. Там они успели догнать конный корпус полковника Бредова, однако очень скоро дорога на Тирасполь была перекрыта красной конницей, напустившейся на обозы беженцев, вырубая их без всякого сожаления. Из колонии беженцы тронулись вдоль Черноморского побережья на Овидиополь, чтобы переправиться по льду днестровских лиманов, выйти к румынской границе.

Румынские пограничники, оповещенные о приближении большой массы безоружного народа, встретили поток беженцев артиллерийским огнем. После переговоров с парламентариями от беженцев румыны все же согласились пропустить их через свою границу, на скорую руку устроив «фильтрационные пункты». Там румынские пограничники придирчиво изучали документы. В итоге в Румынию попали лишь иностранцы, а русские остались на льду лиманов на ночь и под оружейным огнем принуждены были вернуться назад.

Красные части шли по пятам беженских обозов. Уже на рассвете они атаковали отставшие обозы. На защиту обозов поднялись раненые, которые могли держать оружие, дети-кадеты, офицеры и городские стражники. Встреченная огнем большевистская конница временно отстала. Обозы продолжали свое движение, не делая привалов или остановок на ночь. Лошади падали от усталости, люди отставали, а отставших преследующие красные отряды убивали на месте. 15 февраля 1920 года преследователи предприняли вторую массированную атаку на обозы с использованием артиллерии. Все, умевшие держать оружие в руках, стали на защиту и смогли отразить второй налет. Однако силы и боеприпасы у беженцев были на исходе, к тому же среди людей ходили упорные слухи, что на железнодорожную ветку Одесса — Тирасполь большевики подогнали бронепоезда, в ожидании появления обозов, чтобы начать обстрел практически незащищенных людей. Беженцы стихийно потянулись за Днестр, где вышли на румынскую терри-

торию и расположились возле деревушки Раскаяц. Румынские пограничные части настояли, чтобы беженцы покинули их территорию к утру следующего дня. Беженцы не верили, что румыны могут сделать с ними что-то плохое, но к утру на высотах у деревни румыны установили пулеметы. Наутро, ровно в 8 утра, румыны открыли огонь по толпе, хлынувшей назад, в воду, пытаясь спастись на русской территории, где их поджидали приехавшие местные банды в надежде пограбить. Однако бандиты не смогли унести награбленное, потому что подтянувшиеся красные части окружили и их, и ограбленных ими беженцев. Затем, наскоро разоружив всех, у кого было оружие, отправили по этапам в тыл. После массового побоища русских спаслись лишь те немногие, кто смог уцелеть под пулеметным огнем на румынской территории. Спрятавшись и переждав смертоносные ливни пуль, они покинули свои убежища, как только прямая опасность быть захваченными красными кавалеристами миновала. Некоторые из них, выдавая себя за подданных Польши и Латвии, снова побрели к румынскому пропускному пункту на границе, где за мзду были пропущены пограничниками вглубь своей территории.

Конфликт генералов Деникина и Врангеля

В дни смятений и череды самых горестных поражений не все обстояло благополучно и в руководстве Вооруженных сил Юга России. Там назревал давний конфликт между двумя командирами — Врангелем и Деникиным. Их противосто-

яние историки относят к началу 1920 года, хотя во многом оно проявилось еще во времена, когда Деникин пытался обнародовать «Московскую директиву».

П.Н. Врангель и чины союзных армий.
1920 г.

Оказавшись в 1919 году в Царицыне, на «второстепенном фронте», Врангель получил хорошую возможность проанализировать проигранные сражения и операции и подготовить предложения по проведению новых боевых операций с учетом уже накопленного опыта. Его замечания, направлявшиеся в штаб Главнокомандующего ВСЮР, зачастую не находили отклика. Это происходило в силу разности взглядов чинов штаба и самого Деникина на вопросы военной теории. Многие из предложений Врангеля отправлялись в долгий ящик из-за их практической невыполнимости, что не могло не вызывать раздражение импульсивного и эмоционального барона.

Вступив в должность командующего Добровольческой армией и прибыв сме-

нить несчастного Май-Маевского, сам Врангель скоро убедился в невыполнимости многих своих предложений: то, что выглядело гладко на бумаге, в реальной жизни оказались горсточкой военных энтузиастов, количественно непригодных для воплощения крупномасштабных операций. Наблюдая Врангеля в работе, Деникин увидел, что, работая со штабом, новый начальник Добровольческой армии вносит «элемент нервозности и разлада», явившись не только полной противоположностью Романовскому, но и самому Деникину. Главнокомандующий был убежден, что прожектерство Врангеля имеет одну тревожную тенденцию — барон упорствует в своих заблуждениях и не готов критически оценить свое стратегическое творчество.

Будучи вовлечен в ход политических событий на Кубани, человек невращенческого склада, Врангель на встречах с генералитетом ВСЮР эмоционально убеждал присутствующих, что изначально неверно выстроенные отношения Деникина с кубанским правительством постепенно привели Белое движение на Кубани в упадок, если не в прямой антагонизм с Добровольческой армией. В своих частных беседах с генералами Эрдели, Сидориним и даже Шкуро, Врангель старался повернуть разговор так, чтобы как можно точнее выявить взгляды собеседников на личность Главнокомандующего и их отношение к возможности замены Деникина на другого генерала. Однако большинство держались того убеждения, что при любом отношении к Деникину смена власти в сложившейся обстановке ни к чему хорошему вести не могла. Дени-

кин, осведомленный от генералов о «беседах» Врангеля, снес эту новость довольно равнодушно, однако это убедило Деникина в склонности барона к интриге.

Врангель понял, что он поспешил заключить мнение об общем недовольстве командованием, и больше бесед проводить не стал, однако против его воли слухи просочились и к командованию союзников. Британский представитель шотландец Маккиндер прибыл в Россию в полной убежденности, что барон уже совершил свой «переворот», однако Деникин успокоил британца заверениями, что все слышанное им было не более чем сплетня. Несмотря на некоторую вспыльчивость и нервность, присущую ему всю его жизнь, по природе своей Петр Николаевич Врангель оставался человеком честным и обладал изрядной долей личного мужества, за что был необыкновенно популярен у армейской молодежи. Молодые офицеры любили рассказывать новичкам истории о конных атаках на большевиков, проведенных под его личным водительством. Умеренно-монархические взгляды Врангеля импонировали консервативной части армейского офицерства и чинам Сводно-гвардейского полка. Став начальником Новороссийского округа и тяготясь решением задач скорее хозяйственных и технических, нежели боевых, Врангель ошибочно приписывал свое новое назначение «цеплянием за власть» самого Деникина. Не желая погрязнуть в рутине экономических, политических и строго гражданских задач, возникавших у него неизбежно со вступлением в должность, 10 февраля 1920 года барон написал Главнокомандующему прошение

об отставке его от должности командующего Добровольческой армией, испросил отпуск и отправился в Крым собраться с мыслями и подлечить нервы.

15 февраля 1920 года в Крым в отпуск прибыл Петр Николаевич Врангель. В атмосфере тыловых междоусобиц, оппозиционные Деникину и назначенному им командовать «генералы от политики» предложили барону принять командование армией на себя и поскорее сместить «неудачника» Шиллинга, от чего барон вежливо отказался. Он полагал, что для этого еще не настало время и что из публичного наказания ничего путного выйти не может. Тактика Врангеля была иной. Он полагал, что лучше всего будет устранить провинившегося генерала, не предоставляя ему никаких командных должностей, отчислив его предварительно в «распоряжение штаба Главнокомандующего».

Слащев как последнее средство...

Человек, чьи нервы были менее расшатаны и кто пока еще не испытывал необузданных эмоциональных порывов, Яков Александрович Слащев, был откомандирован Деникиным для обороны Крыма и Северной Таврии. Еще ранее описываемых событий, 5 января 1920 года, корпус Слащева численностью в 4 тысячи штыков подошел к Мелитополю. Изучив оперативную обстановку и проанализировав данные разведки, Слащев отдал приказ корпусу отходить в Крым. С севера на Мелитополь шли 13-я и 14-я советские армии, рассчитывая начать преследование отступавших частей ВСЮР.

23 января 1920 года 46-я стрелковая дивизия большевиков ненадолго овладела Перекопом, а 24 января была выбита частями Слащева. Спустя четыре дня 8-я кавалерийская дивизия красных снова атаковала перекопские укрепления. Но и она была выбита контратакой и рассеяна. 5 февраля, пройдя по льду замерзшего Сиваша, красные снова завладели Перекопом. Не прошло и суток, как они оказались отброшены прочь одной лишь контратакой Слащева. 24 февраля 1920 года красные части снова продолжили упорно атаковать перекопские укрепления, просочившись через Чонгарский перешеек. И снова они были разбиты во встречной атаке, в беспорядке убежав с поля боя. Зимние холода подвинули Слащева на выбор особой тактики боев с красными. Его основные силы были отведены вглубь полуострова, где находились в отапливаемых домах и имели возможность укрываться от холодов и ветра. На узких перешейках Слащевым было выставлено лишь сторожевое охранение, которое легко сметалось красными, изрядно замерзшими и измученными ночевками в открытой степи, а когда большевики слали победные реляции в тыл о взятии Перекопа, из удаленных селений подходили свежие силы Слащева и без труда выбивали измотанного противника назад, в степи.

Слащев, узнав о прибытии Врангеля в Крым, сразу отправил ему извещение, что подчиняться будет лишь приказам Деникина и Шиллинга. Александр Сергеевич Лукомский, находившийся в то время в отставке в Крыму по семейным

обстоятельствам, попытался не без успеха убедить Шиллинга в необходимости перемен в Крыму. Шиллинг уже был «подготовлен» уступить власть, переживая нападки общественности и прессы после падения Одессы. Постепенно, шаг за шагом, генерал Шиллинг «подчинил» Врангелю Севастопольскую крепость, флот и тыловые части, чтобы любыми способами не допускать противоборства среди высшего командования в столь тяжелое для Вооруженных сил Юга России время.

Удаление Врангеля

Однако Деникин категорически противился передаче всей полноты власти на Крымском полуострове барону Врангелю. Главнокомандующий был уверен, что подобный прецедент отрицательно скажется на дисциплине в армии, и без того пошатнувшейся в свете последних громких поражений. Это также могло подорвать авторитет командующих, которых, как увидят все, можно смещать и назначать лишь в зависимости от их индивидуальной популярности в армии. К Врангелю от лица Главнокомандующего был послан вице-адмирал Александр Михайлович Герасимов, попросивший барона на время покинуть Крым, чтобы остановить поток эмоциональных обвинений сторонников Врангеля. Они обвиняли главное командование ВСЮР чуть ли не в изгнании своего кумира в почетную ссылку. Врангель послушно отбыл в Константинополь, написав перед тем письмо лично Деникину, где упрекал последнего в наличии «яда честолюбия» в борь-

бе за власть в армии. Деникин был уязвлен полученным письмом. В своем ответе Врангелю Антон Иванович дал ясно понять эмоциональному барону, что для своих неврастенических упреков тот выбрал как нельзя более «подходящее» время.

В это время на фронте...

В те дни, пока переписка Врангеля и Деникина будоражила умы досужих сплетников в штабах и свитах генералов, на сивашских перешейках продолжались жестокие бои. Яков Александрович Слащев продолжал успешно громить наступавшие красные части, пока, наконец, 8 марта 1920 года две советские армии, сведенные в ударную группировку, не взяли Перекоп и не продвинулись до местечка Юшунь. Там они были наголову разгромлены неожиданным для них контрударом слащевского корпуса, и бросили свои исходные позиции.

Чуть ранее этих событий, 17 февраля 1920 года, 1-я Конная армия Буденного атаковала и заняла станицу Торговая, легко выбив почти не сопротивлявшиеся ей войска генерал-майора Владимира Васильевича Крыжановского. Части генерал-лейтенанта Александра Александровича Павлова устремились на станицу Торговая и двигались маршем вдоль реки Маныч. По пути они встречались с кавалерийскими дивизиями красных, разбивали их и продолжали движение. Холода усиливались, в пустынной степи не встречались селения, а те зимовники, мимо которых проходили павловцы, не вмещали в себя всех желающих отогреться, многие оказались обмороженными. Более

половины состава частей Павлова отстали от основных сил. При первом появлении передовых отрядов генерала Павлова у станицы Торговой буденновцы бросились убегать, но, увидев, что перед ними небоеспособные и замерзшие люди, организовались и ударом контратаки отбросили казаков в степь. Буденновцы заняли оборону по периметру, стараясь отгонять казаков назад в стылую степь пулеметным огнем. Атаки казаков захлебнулись. Отойдя назад, павловцы спешили и пытались развести костры в открытом пространстве, становясь мишенью для буденновских пулеметчиков. Наутро, ужаснувшись, во что превратился его корпус, Павлов быстрым порядком повел его в отступление на станицу Егорлыкскую. Свыше 5 тысяч человек было потеряно убитыми и обмороженными лишь в ходе одного только рейда. Спустя еще день конница Буденного отправилась в преследование отступавших казаков Павлова, но атаковать его не решила, остановившись всего в нескольких верстах около арьергардов корпуса. Силы атаковать красных не было и у казаков Павлова. От Егорлыкской Павлов повернул на Белую Глину, но внезапная оттепель снова спугала карты его продвижения, вынуждая из-за непролазной грязи двигаться в колонну по три, растянувшись на многие версты. Первая же атака Буденного смешала ряды казаков, парализовав движение, и заставила их отходить прочь, бросая свои обозы и артиллерию, увязшие в грязи. В след отступавшим частям устремилась кавалерия Буденного. Прибыв в Егорлыкскую, потрепанная конница Павлова была усилена Терско-Кубанской

дивизией и добровольческой кавалерийской бригадой генерал-лейтенанта Ивана Гавриловича Барбовича, а также 2-м Донским корпусом. Основные силы Буденного устремились на разгром корпуса генерала Крыжановского, отходившего к станции Белая Глина. Подчиненные Владимиру Васильевичу кубанцы сдавались или просто дезертировали. Фронт был прорван буденновцами, и вскоре корпус перестал существовать. Генерал Крыжановский покончил жизнь самоубийством, выстрелив себе в висок.

26 февраля 1920 года Буденный двинулся на станицу Егорлыкскую. Там началось грандиозное кавалерийское сражение, продолжавшееся весь световой день. Ночью белые и Буденный были вынуждены разойтись, а прибывшие 8-я и 9-я советские армии по приказу Тухачевского атаковали части генерала Владимира Ильича Сидорина. После того как большевистские армии переправились через Маныч и Дон, они легко отбросили ослабленные после вчерашнего сражения донские войска и начали теснить их к югу. Добровольцы, оставшиеся в низовьях Дона, продолжали стойко отбивать все их атаки. Генерал Сидорин был вынужден отдать приказ донцам отступить на линию реки Кагальник, однако закрепить там им не удалось, и они продолжали пятиться, отступая под ударами советских армий. Части 11-й советской армии взяли Ставрополь 2 марта 1920 года, а другая группировка советских войск вышла в район Минеральных Вод, выйдя от Святого Креста. Северокавказские части конницы генерала Эрдели оказались отрезанными от остальных армий ВСЮР.

Перевод Ставки и отход войск

Фронт обороны белых был разрушен. 17 марта 1920 года, после оставления ими Екатеринодара, в войсках был издан приказ Главнокомандующего об отводе всех войск ВСЮР за Кубань и Лабу и об уничтожении переправ. Ставка Деникина переехала в Новороссийск, запруженный беженцами, дезертирами и всякого рода тыловиками, пытавшимися отсидеться здесь во время войны. В штабе Главнокомандующего началось обсуждение возможной эвакуации частей из Новороссийска морем, однако доклады морских чинов и служащих порта рисовали в своей массе довольно безотрадную картину. Из-за отсутствия необходимого тоннажа, то есть подготовленных и вместительных судов, эвакуировать всех желающих через новороссийский порт едва ли было возможно. Противник быстро наступал, а у портовых служб просто не хватало времени, чтобы, не бросая артиллерию, гужевой транспорт и другое имущество ВСЮР, провести погрузку всех воинских частей, семей офицеров, учащихся военно-учебных заведений, а также военные и гражданские учреждения. Тогда в штабе Главнокомандующего было принято решение о начале эвакуации в Новороссийске всех частей, учреждений и лиц, которые находились в городе в данный момент, а прибывающие с опозданием с фронтов войска отводить на Таманский полуостров, удобный для обороны силами флотской артиллерии в случае, если противник будет преследовать отступавших. Флотилия Керченского порта постепенно могла бы перевозить отошед-

шие туда армейские части через пролив.

Штаб Главнокомандующего сделал распоряжение по морскому ведомству о переводе в Керчь дополнительных транспортов. Деникин решил отправиться со штабом в Анапу и далее уже отходить вместе с армией. Штаб выпустил последний приказ Добровольческой и Донской армиям — удерживать любой ценой плацдарм на реке Курге и держать оборону от устья Курги до Азовского моря. Этот приказ не был выполнен, потому что крушение фронта уже приняло обвальный характер, ничто уже не могло повернуться лучшим образом. Эти дни ясно запечатлелись в памяти гвардейского мемуариста В.А. Розеншильда-Паулина: «Вернувшись в Феодосию на следующий день 15 марта, я встретил наш Лейб-Эскадрон. Помню, что в тот же день князь Черкасский и я отправились повидать генерала Шапрона дю Ларрэ (адъютанта Деникина. — *Авт.*) в гостиницу „Астория“, где стоял штаб Деникина. Генерал Шапрон, у которого мы просили информации, сказал нам, что ничего не изменилось, что борьба продолжается, но ни словом не обмолвился о том, что уже назначен новый Главнокомандующий. Сам же генерал Шапрон в тот же вечер сел с генералом Деникиным на английский миноносец и отплыл в Лондон».

Отступление в Новороссийск проходило при непрекращающихся атаках наседавших красных частей, что лишь развивало панические настроения в армии и среди отходящих вместе с ней гражданских учреждений и просто беженцев. Стиралась последняя граница между отступлением и бегством. Очевидец собы-

тий В.Х. Даватц с горечью свидетельствовал: «Мы проехали назад медленным ходом около версты. Повозки, отдельные части войск продолжали, все ускоряя темп, лететь к Новороссийску. Это было не отступление, а бегство. Рядом с нами оказался какой-то Корниловский полк. Командир полка быстро подбежал к комброну. „Я приказываю остановиться и пропустить корниловцев вперед!“ — закричал он, подходя к нашему командиру. И несмотря на указание, что нам предписано идти назад и найти позицию для обстрела батареи, а это место совершенно было неподходящее, пришлось подчиниться силе и ждать, пока эта масса не пройдет дальше. И вдруг произошло что-то, что заставило застонать всю эту людскую массу каким-то звериным стоном: по соседнему пути большевики пустили в Новороссийск паровоз без машиниста — брандер. Брандер летел, развивая все большую скорость, стремясь под уклон: спасения не было. Люди, повозки пробовали двинуться в сторону, но паровоз, ломая все на своем пути, перерезая лошадей, калеча людей, изламывая повозки, ворвался в эту сплошную людскую массу и прорезал ее как будто бы без всякого сопротивления. Через несколько секунд паровоз был уже далеко; а рядом с нами лежало до полутора десятков зарезанных лошадей, искалеченных людей, изломанных повозок, которые втиснулись частью под наш состав... „Мерзавцы!“ — кричал какой-то мужчина, в иступлении сжимая кулаки. Кругом была кровь, ужас и отчаяние. С большим трудом вытаскивали мы обломки повозок и тела лошадей из-под наших площадок и поехали к повороту, откуда мы могли об-

стреливать неприятельскую батарею. Мы нагнали опять какую-то Корниловскую часть. „Куда прешь? — закричал корниловский офицер, размахивая револьвером перед носом нашего командира. — Я покажу тебе, как драпать... Остановиться сейчас же, не то застрелю“. Поручик А. побледнел от гнева и негодования. Я не слышал, что произошло дальше; слышал только его первые слова: „Вы не смеете так обращаться к офицеру и командиру поезда...“, — на что корниловец, кажется пьяный, закричал, снабжая свою реплику русскими ругательствами: „Наплевать мне на вашего командира. Солдаты! Подложить под поезд шпалы и остановить...“ Корниловские солдаты бросились к поезду и подложили под колеса штук шесть шпал. Было ужасно смотреть на эту картину. Это было ярким воплощением той анархии, которая разъела нашу армию. Любой офицер, вооруженный револьвером и имевший команду солдат, смешивал все распоряжения и весь план и, оскорбляя другого, расчищал себе путь к бегству. Прошло довольно много времени... Доблестные корниловцы были уже далеко, и мы могли вынуть шпалы и пойти дальше. Мы стали на повороте и начали стрелять. С какого-то судна пустили по большевикам несколько тяжелых снарядов из дальнобойных орудий. Кругом же не было никого из наших частей: все пути были свободны. Мы оставались одни, последние, без связи и без поддержки. В лесу, неподалеку от нас, скапливалась большевистская кавалерия. Мы открыли по ней стрельбу из пулеметов. Было ясно, что великое отступление к морю кончилось. По путям шла только подрывная коман-

да с двумя полковниками, взрывавшая последние пути. Мы посадили команду на площадку, а полковников взяли в свою кабинку. По путям шла вся в крови и израненная древняя старушка, бормоча что-то несвязное; мы посадили ее в соседнюю кабинку. Ждать больше было нельзя. „Едем. Медленный ход вперед“, — командовал поручик А...»

Бегство из Новороссийска

Слух об эвакуации из Новороссийска самого Главнокомандующего лишь подхлестнул беженцев и военных. Настроения людей характеризовались целой гаммой чувств: от ощущения полной безысходности до панического ужаса перед надвигавшимися красными. И лишь немногие сохранили тогда присутствие духа. Генерал А.В. Туркул вспоминал: «Безветренная прозрачная ночь. Конец марта

1920 года. Новороссийский мол. Мы грузимся на „Екатеринодар“. Офицерская рота для порядка выкатила пулеметы. Грузятся офицеры и добровольцы. Час ночи. Почти безмолвно шевелится черная стена людей, стоящих в затылок. У мола тысячи брошенных лошадей; они подходят к соленой воде, вытягивают шеи, губы дрожат: кони хотят пить...»

Начальником обороны Новороссийска был назначен генерал-майор А.П. Кутепов. Его частям приходилось не только держать линию обороны города во время проходившей погрузки, но и сдерживать толпы обезумевших гражданских беженцев, продолжавших стекаться в порт. 26 марта 1920 года Кутепов доложил командованию, что оставаться в Новороссийске — «смерти безвозвратной подобно», ибо обстановка в городе, давно вышедшая из-под контроля, грозила неминуемым социальным взрывом. Стояв-

Эвакуация из Новороссийска

шие в оцеплении юнкера Донского военного училища находились тоже на грани нервного истощения. Были взяты все имевшиеся в новороссийском порту транспорты, включая баржи и мелкие баркасы и шлюпки. Гвардейский мемуарист В.А. Розеншельд-Паулин так нарисовал картину ночной эвакуации: «Всю ночь продолжаются грандиозные пожары и раздаются взрывы; долго продолжается трескотня ружейных патронов в подожженном складе. Картина пожарниц величественная, красивая и жуткая... В районе Кабардинки также видны разрывы — это идет бой отходящих на юг казаков с отрезающими им путь красными...» Узнав, что в городе остался 3-й Дроздовский полк, прикрывавший отход армии, генерал Кутепов вернулся на миноносце «Пылкий» забрать его и дал бой вступавшим в город красным передовым частям: «3-го полка не ждали, за него были спокойны: для его погрузки был отдан транспорт „Святой Николай“. Но команда „Николая“, не окончив погрузки, обрубила канаты, и транспорт ушел... Помню светящееся небо, ветер в лицо. На „Пылком“ ко мне вышел генерал Кутепов, окатил блеском черных глаз... „Полковник Туркул, сколько у вас непогруженных?“ — „Приблизительно двести, ваше превосходительство...“ — „Грузите к нам...“» Из города в Крым выбралось около 30 тысяч офицеров, солдат и казаков, не считая гражданских служащих и генералов. Донские казаки и часть добровольцев, не попавшие на отходившие транспорты, двинулись по берегу на Геленджик и Туапсе.

Новороссийская катастрофа оставила глубокий след во всех слоях армии и

создала определенное недоверие по отношению к высшему командованию. А.В. Туркул вспоминал: «Странный вид представлял в эту минуту Новороссийск. Пожар, который мы заметили, подходя к вокзалу, разгорелся в целое море пламени. Начиная от города и кончая Стандартом бушевало пламя, пожирая богатейшие склады, амбары и цейхгаузы. То снопы огня, то отдельные языки вырывались к темному небу — и на золотом фоне бушующего огня черными силуэтами выделялись близлежащие здания и стропила строений. Небо было покрыто тучами; дул холодный морской ветер. И небо это, на противоположной стороне от пожара, налилось как бы расплавленной медью и светилось зловещим светом; тучи, как зеркало, отражали этот грандиозный пожар. При этом зловещем свете стало почти светло; и на каждом лице, то утомленном, то искаженном страхом, то сосредоточенно-покойном, лежали блики бушующего пожара. Погрузка дроздовцев совершалась необычайно медленно. Как будто нарочно испытывали долготерпение людей. Целыми часами стояли люди, жаждущее попасть на „Екатеринодар“, стоящий невдалеке громадным черным силуэтом. И в эти бесконечные часы не было заметно никакого движения за чертой караула. Казалось, что еще час-другой — и большевики будут в городе, так как никто не угрожает им пути... Где они? Может быть, уже близко, может быть, уже вступают в город... Что будет, если большевики действительно покажутся на горизонте? Сколько людей будет потоплено в море, искалечено, смято в какой-то комок мяса

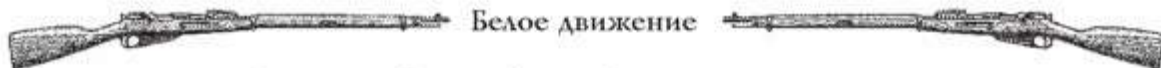
и костей. И как бы в ответ на мои мысли в стороне пожара раздалась ружейная пальба: к счастью, это взрывались патроны, попавшие в огненное море... В толпе произошло движение. — „Дать дорогу!“ — закричал кто-то. И вслед за этим гуськом стали идти по направлению от парохода вооруженные люди: часть команды дроздовцев, уже посаженная на пароход, была вызвана на позиции. Они шли, сосредоточенно спокойные, держа винтовки наперевес и с трудом нащупывая себе дорогу в этой толпе. Их молодые лица были строги — и зарево пожара делало их еще более сосредоточенными. — „Поддержим честь юнкеров“, — сказал кто-то из них. И хотелось поклониться им до земли. Хотелось радоваться за них, что идут они так спокойно на смерть...»

Избрание нового Главнокомандующего. Последняя утрата А.И. Деникина

По прибытии в Крым в Севастополе 3 апреля 1920 года Деникин созвал совещание всех старших начальников для избрания преемника главнокомандующему Вооруженными силами России; в список потенциальных кандидатов были включены Врангель, Юзефович, Боровский и Покровский. Председателем совета был назначен генерал от кавалерии Абрам Михайлович Драгомиров. Уже в ходе обсуждения генералу Деникину стало понятным, что совещание завершится сложением им полномочий Главнокомандующего. В приказе № 2899, отданном в Феодосии 4 апреля 1920 года, своим пре-

емником он был вынужден назначить барона Врангеля. Вечером того же дня Деникин попрощался с сотрудниками штаба, своим конвоем и охранной офицерской ротой, состоявшей из многих «первопоходников». Многие из чинов штаба и роты не смогли сдержать слез. Простившись, Деникин отправился на пристань, где вместе со своим старым другом генералом Романовским и британским военным представителем генералом Холменом поднялся на борт британского миноносца, доставившего их в Константинополь.

Однако русское посольство в Константинополе, сославшись на нехватку жилых помещений, отказалось приютить бывшего Главнокомандующего и начальника его штаба. Иван Павлович Романовский отправился договариваться относительно машины, которая могла бы доставить их в расположение британской миссии, куда оба генерала были давно званы. Неожиданно в холле посольства появился человек, одетый в офицерское пальто гражданского образца с золотыми погонами, внезапно доставший из правого кармана «кольт» и трижды выстреливший в Романовского, сразив бывшего начальника деникинского штаба наповал... По метавшись по зданию посольства, стрелявший выбежал в одну из дверей, услужливо открытой одной из беженок, находившейся в посольстве. Это был поручик Мстислав Алексеевич Харузин. Роман Гуль охарактеризовал убийцу следующим образом: «Убивший боевого генерала Романовского, участника мировой войны, участника „Ледового похода“ и всей последующей борьбы Добровольческой армии, Харузин

сам никогда на фронте не был и войны не видел. Его жизнь протекала в тыловой атмосфере конспираций, подпольщины, заговоров и интриг, ведшихся самыми темными закулисными элементами армии. А так как, свалив генерала Деникина, крайне правые генералы — пустили в оборот примитивную агитку, относя все поражения Добровольческой армии на счет генерала Романовского, „продавшего армию жидомасонам“, то, естественно, этими организациями генерал Романовский и был выставлен как мишень для пуль одержимого Харузина». Через день после убийства, похоронив своего последнего друга и соратника, Деникин на линкоре «Мальборо» направился в Великобританию.

Перегруппировка сил и создание Русской Армии

Приняв командование, Врангель приступил к переформированию армии. Войска Вооруженных сил Юга России приказом нового Главнокомандующего переименовывались в Русскую армию.

Она, в свою очередь, подразделялась на пять корпусов.

В 1-й армейский корпус генерал-майора А.П. Кутепова входила Алексеевская, Дроздовская, Корниловская и Марковская дивизии. Во 2-й армейский корпус генерал-лейтенанта Я.А. Слащева вошли 13-я и 34-я пехотные дивизии и отдельная кавалерийская бригада. 3-м корпусом была, по существу, Донская бригада генерал-лейтенанта Ф.Ф. Абрамова, включавшая 1-ю, 2-ю и 3-ю Донские дивизии; 4-м корпусом был Сводный корпус генерал-лейтенанта П.К. Писарева, в который входили 1-я, 2-я и 3-я Кубанские дивизии, а также Чеченская бригада. И, наконец, 5-м корпусом являлся так называемый Конный корпус генерал-майора И.Г. Барбо-вича (в генерал-лейтенанты произведен в июле 1920 года. — *Авт.*), состоявший из 1-й и 2-й кавалерийских дивизий. При каждой дивизии срочно создавались запасные полки. Было основано военное училище и учреждены разнообразные курсы: инженерные, пулеметные и т.д. Начинался последний акт сражения с большевизмом на Юге России.

Глава VII

ДРАМЫ СЕВЕРО-ЗАПАДА

(1919—1920 гг.)

Прелюдия к авантюре. Генерал Юденич

Возможность сокрушить большевиков ударом с северо-запада, действительно, существовала, если бы те, кто планировал поход, учитывали сложную политическую обстановку в регионе и не стремились к сиюминутным выгодам и союзам с историческими противниками России. Русские добровольцы оказались втянутыми в сложный узел противоречий агрессивных прибалтийских диктатур, германцев и бывших союзников по Антанте. Молодым задором этих последних защитников России и готовностью биться за правое дело стремились воспользоваться все и каждый, но реальных усилий для борьбы с большевизмом им не оказал никто. Сильная личность «Белого лидера» могла бы существенно повлиять и на судьбу русских частей, и на успех дела в целом. Драма Северо-Запада оказалась именно в том, что во главе добровольцев стояли случайные люди, чьи полководческие таланты были невелики, а главное, что их благие инициативы не подкреплялись в достаточной мере личным примером. В итоге попытка опрокинуть власть большевиков оказалась большим мыльным

пузырем, лопнувшим в одно мгновение, под воздействием незначительных сил до смерти напуганного противника, даже не уверенного в успехе своего предприятия. Цена этой авантюры — сотни жизней добровольцев. Имя этой авантюры — генерал Юденич.

...На холме русского кладбища *Caucade* в Ницце, в самой северной его части лежит тяжелая прямоугольная и тронутая временем плита, под которой покоится прах генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича и его жены. Выбитые на скорую руку буквы надписи заполнены цементным раствором, позволяющим прочесть, что скончался бывший Главнокомандующий Северо-западной армией, как ни странно, не на заснеженных псковских полях сражений, но под благословенным солнцем французской Ривьеры тринадцать лет спустя после того, как его армия была распущена его приказом. К этому можно добавить, что отошел в мир иной генерал от инфантерии Юденич не в старческом приюте, но на собственной ферме в приморском городке Сен-Лоран дю Вар в 1933 году.

9 декабря 1957 года его прах по какой-то причине, неведомой даже нынеш-

нему (нач. XXI века. — *Ред.*) зрителю некрополя Евгению Николаевичу Веревкину, был извлечен из алтарного придела Собора Михаила Архангела в Каннах и перезахоронен в Ницце. В церемонии приняли участие престарелые чины РОВС, возглавляемые представителем Союза в Ницце генерал-лейтенантом Михаилом Андреевичем Свечиным, упокоившимся там же, справа у бежевой лестницы, ведущей к небольшой часовне. С места последнего пристанища генерала Юденича открывается прекрасный вид на лазурь далекого Средиземного моря. Зеленые кипарисы, как часовые, застыли на склонах холма, а в небольшой часовне только монотонные удары колокола нарушают благоговейную тишину русского некрополя.

Во Франции окончился путь одного из вождей Белого движения на северо-западе России, героя Великой войны, отставленного суетливым и пустым Керенским от должности Главнокомандующего Кавказским фронтом 2 (15) мая 1917 года. Вскоре после октябрьского переворота большевики демобилизовали все гвардейские полки, оставив лишь один Лейб-гвардии Семеновский полк под новым названием «Полка по охране города Петрограда». В 20-х числах ноября 1918 года, когда Юденич отбыл в Финляндию «при помощи тайной организации», возникла и стала развиваться его связь с бывшими сослуживцами, с которыми он состоял все это время в тайной переписке. Подпольную офицерскую организацию, к созданию которой приложил свои усилия и Николай Николаевич, поддерживал постоянно проживающий в Стокгольме

финансист и банкир Ф.Ф. Лич, поучаствовавший даже в открытии Русско-английского банка, где были размещены активы, полученные впоследствии Юденичем от А.В. Колчака. В Финляндии Юденич начал переговоры с главнокомандующим финской армии, бывшим генерал-лейтенантом русской службы, бывшим кавалергардом Карлом-Густавом Эмилом Маннергеймом.

Барон Маннергейм

«Швед по происхождению, финляндец по образованию, этот образцовый наемник понимал службу, как ремесло. Он все умел делать образцово и даже пить так, чтобы оставаться трезвым...», — характеризовал его товарищ по полку А.А. Игнатьев. Маннергейм, избранный финским парламентом главой государства и регентом 11 ноября 1918 года, оказался в тот день «в нужном месте в нужное время». Судьба вознесла тогда его на вершину власти новообразованного государства, которому даровала суверенитет Россия и в которой, как на дрожжах, росли антирусские настроения.

Гибнущая под все шире распространяющимся большевистским игом Россия теперь мало занимала и Маннергейма. Иностранец, чуждый России и русским, он принимал от нее блага и чины до той поры, пока она оставалась сильной империей, однако в дни ее развала он поспешил нажить политический капитал на обыкновенной демагогии и антирусской риторике. Некоторые исследователи его жизни и деятельности вскользь замечали, что бывший кавалергард — особа, при-

званная охранять русского царя, теперь преуспевал в кругу далеких от большой политики финляндцев, стремясь разжечь в них нездоровые шовинистические ин-

Офицер Северо-Западной армии

стинкты и направляя эту агрессивную энергию против России. В ходе переговоров с Юденичем Маннергейму было неважно, смогут ли русские патриоты, немногочисленные генералы и офицеры обуздать разгул большевизма. Для него, как и большевики, они оставались лишь «русскими», до которых ему не было никакого дела. В милой его сердцу Финляндии боролись свои «белые» и «красные». Действия 27-го финского егерского батальона при взятии Выборга прекрасно показали истинное лицо «образцового наемника» в отношении к воспитавшему и приютившему народу России: «...Они без разбора расстреляли вместе с финскими красногвардейцами и проживавших в

Выборге русских офицеров из бывших финляндских стрелковых полков. Если этих „егерей“ воодушевляла идея захвата Карелии, то они были более чем равнодушны к участию в освобождении Петрограда от большевиков», — вспоминал свидетель этой кровавой вакханалии Н.Н. Рутыч. Но в ходе своей политической игры Юденич сознательно не желал видеть этой реальности, как и не замечать антирусских настроений барона Маннергейма и его подданных. Он уповал, что союзники по Антанте, высадившись в балтийских портах России, помогут одолеть большевизм в союзе с русскими добровольцами Северо-запада, о чем сам генерал упоминал в беседах с британцами еще в декабре 1918 года.

Основная «деятельность» Юденича

Беседы, беседы, тайные записки, шифrogramмы и бесконечная череда обсуждений — вот что занимало большее время некогда талантливого стратега, постепенно разменивавшегося на конспиративную работу и аудиенции исторических противников российской политики. И все это происходило тогда, когда исход Белого движения еще отнюдь не был предрешен, а Добровольческая армия находилась на подъеме. Первоначальный объект его тайных переговоров, Британия, не видела особенной выгоды в десантах, предложенных Юденичем, а внешнеполитический курс Лондона уже склонялся к скорейшему установлению коммерческих связей с красным правительством. С большим пониманием к его идее совместной борьбы

против большевизма отнеслись французы, однако ни к каким практическим результатам эти беседы так и не привели. Неудача на переговорах с британцами не смутила Николая Николаевича Юденича, и он снова решил вернуться к обсуждению совместных боевых действий с финляндской стороной.

3 января 1919 года в беседе с Маннергеймом Юденич снова вернулся к вопросу участия финской армии во взятии Петрограда. На этот раз основательнее подготовившийся к разговору Маннергейм потребовал территориальных уступок от будущего правительства России в Восточной Карелии и на берегу Кольского полуострова. В ответ Юденич лишь сожалел, что не наделен соответствующими полномочиями, чтобы представлять интересы России на международных переговорах. Для достижения задуманного он даже замыслил немедленное создание русской политической организации в Финляндии, где временно проживал, которая позволила бы ему выступить на переговорах от лица России. Для этого он связался с Русским политическим Советом в Париже, возглавляемом бывшим министром иностранных дел императорской России Сергеем Дмитриевичем Сазоновым. Последний, признавая адмирала А.В. Колчака как Верховного правителя России, во встрече Юденичу не отказал! Для связи с министром Верховного правителя в Сибири (в обход самого Колчака) Юденич использовал контакты знакомого ему контр-адмирала В.К. Пилкина, который хорошо рекомендовал генерала в письме к своему другу, управляющему морским министерством в правительстве Колчака контр-адмиралу Михаилу Ивановичу

Смирнову: «Юденич, несомненно, очень умен. Никто его не обманет. Стоит посмотреть, как он слушает, поглядывая исподлобья на разный люд, являющийся к нему кто с проектом, кто с докладом. Заметно, что он всех насквозь видит и мало кому верит. Если скажет что-нибудь, то слово его всегда метко и умно, но говорит мало, очень молчалив. При этом совсем не утрую и в нем много юмора». Неизвестно, какое именно впечатление произвела на Смирнова рекомендация Пилкина, но он, в свою очередь, убедил Колчака в необходимости назначения Юденича Главнокомандующим Северо-Западным фронтом и даже переводе на личный счет последнего «значительных денежных сумм в иностранной валюте для нужд Северо-Западной армии».

Прожектерство Юденича

Как мы знаем из предыдущих глав, Верховный правитель нередко слепо, до трагизма, доверял своим «ближним» или людям, рекомендованным ближними, и в свете этих качеств адмирала подобное решение выглядело естественным. Удивительно было то, что Колчак в обмен на назначение и денежные вливания не затребовал от Юденича никаких гарантий или хотя бы отчета по реализации плана борьбы с большевиками на Северо-западе. То, что можно было бы назвать современным языком «презентацией стратегии». Скорее всего, Александр Васильевич стойко держался того убеждения, что опытный генерал всегда знает, что нужно делать, — было бы финансирование.

Проживая в Гельсингфорсе, Юденич время от времени загорался различными

идеями на тему того, как покончить с большевизмом одним ударом. Одной из наиболее навязчивых его мыслей оказался «поход на Петроград». Не уповав на

Нижние чины знаменитого Талабского полка Северо-Западной армии

собственные силы, он мечтал, что «благородные финны» выступят совместно с офицерами его подпольной организации в Петрограде и в едином порыве сокрушат большевиков. «Слишком соблазнительная операция, чтобы отказываться от нее, — говорил он (Юденич. — *Авт.*) адмиралу Пилкину весной 1919 года. — Пока есть хоть один шанс, я не уеду». По замыслу Юденича, вместе с русско-финскими войсками в Петрограде, как по команде, должны были поднять восстание подпольные группы и части гарнизона.

В ходе проходившего в Выборге съезда русских промышленных кругов, находившихся в Финляндии, был сформиро-

ван Национальный комитет, в котором Юденич истребовал себе официальное право ведать военными вопросами. Им был сформирован и небольшой штаб из приближенных к нему контр-адмирала Владимира Константиновича Пилкина и генерал-лейтенанта Кондзеровского, взявшего себе для благозвучия русский псевдоним «Кондырев». Прибывая на выборной должности, Николай Николаевич Юденич приободрился и усмотрел в этом перст судьбы, указующий на то, что пора действовать. Его действия состояли в том, чтобы отыскать в Гельсингфорсе Маннергейма и за неторопливой чашкой вечернего чая разрабатывать план дальнейшего взаимодействия. Однако из Парижа, словно ушат холодной воды на горячую старческую голову, обрушился запрет С.Д. Сазонова на какие-либо переговоры с финским регентом, предвидевшим, что в порыве эйфории от обещанной помощи Юденич легко склонится на территориальные уступки Финляндии, которых от него обязательно потребует Маннергейм. Сергей Дмитриевич указывал Юденичу и на то, что подобные переговоры уместнее было бы проводить не за столом в гостинице домика Маннергейма, а в более официальной обстановке, например, на нейтральной территории в Париже. Он напомнил Юденичу о необходимости проявлять сдержанность и не давать представителю иностранной державы обещаний, которые он не в состоянии решить: «Желательно, чтобы в Ваших беседах с Маннергеймом Вы бы высказались в подходящем смысле». Маннергейму же возрождение сильной России было нужно всего менее, а потому он ожидал

простодушной гарантии Юденича, в обмен на условную военную помощь, отдать ряд территорий Восточной Карелии. Генерал, плохо хорошо понимал, что на дворе был 1919 год, и Россия теперь не смогла бы так легко, как в старое доброе время, поубавить разыгравшиеся территориальные аппетиты чухонского князька.

Колчак, человек, которому было свойственно убеждение, что единожды понравившемуся человеку можно безгранично доверять, слал Юденичу из далекого Омска теплые телеграфные «приветы» (даже будучи не до конца осведомленным о его планах) и желал генералу всяческих успехов: «Горячо приветствую Ваше дело, видя в нем новый решительный шаг к освобождению нашей родины... С радостью усматриваю, что все национальные усилия в разных частях России идут к быстрому объединению. Шлю Вам пожелание успеха» и т.д. и т.п. Наконец, получив средства от Колчака на личный счет в банке, Юденич совестливо подумал, что теперь ему стоило бы ознакомить Верховного правителя с местной обстановкой и своими «великими» стратегическими замыслами. На посланные в Сибирь доклады Верховному правителю тот отвечал телеграммами, полными самого безграничного оптимизма: «Создание Северо-Западного фронта на началах, Вами проектируемых, признаю вполне целесообразным и подлежащим осуществлению... Занятие столицы нанесло бы большевикам тяжелый моральный урон... Уполномочиваю Вас принять Главнокомандование всеми русскими силами Северо-Западного фронта. Поход Маннергейма на Петроград чрезвычайно желателен... Мы счита-

ем возможным согласиться, чтобы общее руководство военными действиями лежало на Маннергейме... по занятию Петрограда там будет установлена русская, Вам подчиненная, а не финляндская администрация». Адмиралу Колчаку очень хотелось верить, что «добрые финны», добыв ценою кровопролитных боев русскую столицу, сразу же и безусловно передадут бразды правления бравому генералу Юденичу и тихо удалятся в свои шхеры и леса под ликование спасенных петроградцев.

Похоже, что в подобной же уверенности пребывал и сам Юденич, отбывший на французском миноносце в Ревель, где при встрече велел генерал-майору Александру Павловичу Родзянко доложить об обстановке и готовности добровольцев к битве с большевизмом. Этим Николай Николаевич не ограничился и даже изъявил желание повидать русскую армию. «Армия, которую, наконец, увидел генерал Юденич, была раздета, воевала в основном трофейным оружием и экономила скупно отпускаемые эстонским командованием из запасов бывшей крепости Императора Петра Великого патроны и снаряды», — заметил свидетель этого исторического во всех отношениях смотра Н.Н. Рутыч. Во время встречи с Юденичем кавалергард Родзянко все время пытался понять, что стоит за стремлением его начальника бороться против большевизма непременно совместно с финнами. Подобная идея совместной борьбы казалась Родзянко немного странной и вызывала его недоумение в части практической заинтересованности самих финнов. Мысль о том, что они станут бескорыстно помогать русским, Родзянко отметал

как фантастическую, потому что и сам имел хорошую возможность убедиться в том, насколько радикально изменили к России свое отношение новообразованные карликовые суверенитеты. Александр Павлович, пробыв только на эстонской территории сравнительно немного времени, в полной мере успел вкусить гостеприимство «независимых» эстонцев и финнов и теперь пытался настойчиво выразить Юденичу свое сомнение в подобном «боевом содружестве»: «Сам генерал Родзянко отлично знал, что... финляндские власти не только не разрешали формировать части из русских добровольцев, но и всячески мешали офицерам, желавшим попасть в Северный корпус, отплыть легально из Финляндии в Эстонию», — писал Н.Н. Рутыч.

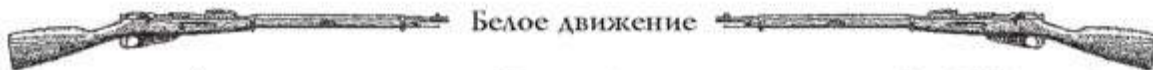
Очевидную враждебность финнов, все чаще проявлявшуюся после обретения ими «независимости», Юденич словно не замечал или не желал видеть по известным лишь ему соображениям. От его взгляда, конечно, не укрылось и то, что находящиеся воинские части в силу своей малочисленности не могут иметь успеха в наступлении на Петроград, что упущен момент поддержки восстания в форте «Красная Горка», а также и прямолинейное утверждение Родзянко, что «всякая надежда на движение на Петроград отпала». Но вопреки очевидным фактам Юденич еще с большей настойчивостью продолжал стремиться к осуществлению своего замысла. Ему по-прежнему казалось, что удар по Петрограду с Севера решит ход Гражданской войны и заставит большевиков капитулировать.

Биограф Юденича оправдывал эти стремления генерала его дальновидным замыслом движения армии от станции Бологое к Москве, где будет возможно соединиться с частями Деникина, наступавшими с юга. Однако следует признать, что Деникину до Москвы в описываемое время было еще очень и очень далеко, и на пути Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России стояли не малочисленные гарнизоны чухонских городков, а хорошо обученные и подготовленные большевистские армии во главе с опытными командирами, заставлявшими и таких опытных полководцев, как Деникин и его начальник штаба Романовский, иногда менять свои талантливые оперативные планы.

Провал Маннергейма и «новая стратегия» Юденича

Юденич и Маннергейм при участии представителя британской миссии генерала Губерта Гофа вновь встретились 6 июня 1919 года для обсуждения плана наступления на Петроград. Маннергейм потираливал собеседников, напоминая им, что у него на носу президентские выборы в Финляндии. Он призывал их поторопиться провести «блестящую операцию» до того, как финны придут на избирательные участки. 12 июня 1919 года Маннергейм и Юденич подписали военное-политическое соглашение о выступлении финских войск на Петроград, о чем Юденич послал преисполненное радости сообщение адмиралу Колчаку.

Казалось, что союз с финнами утвержден и петроградское наступление —

вопрос дней, но, как всегда, в планы Юденича вмешалась политика. Перед Маннергеймом встал выбор: утвердить конституцию, согласно которой выборы президента становятся прерогативой парламента, или, пользуясь правами регента, распустить финский парламент и попытаться составить политический капитал на победоносной войне против русской столицы. Маннергейм опасался перехитрить самого себя и медлил с принятием решения. Ведь даже поднявшись на мутной волне финского национализма, сам он не являлся финном по национальности, и в этом ему виделась определенная слабая сторона собственного политического будущего. Он выбрал конституцию, которую утвердил лично, за что благодарные финны выбрали своим президентом 25 июля 1919 года безликого профессора Карло Юхо Стольберга, одного из невольных лидеров партии «младо-

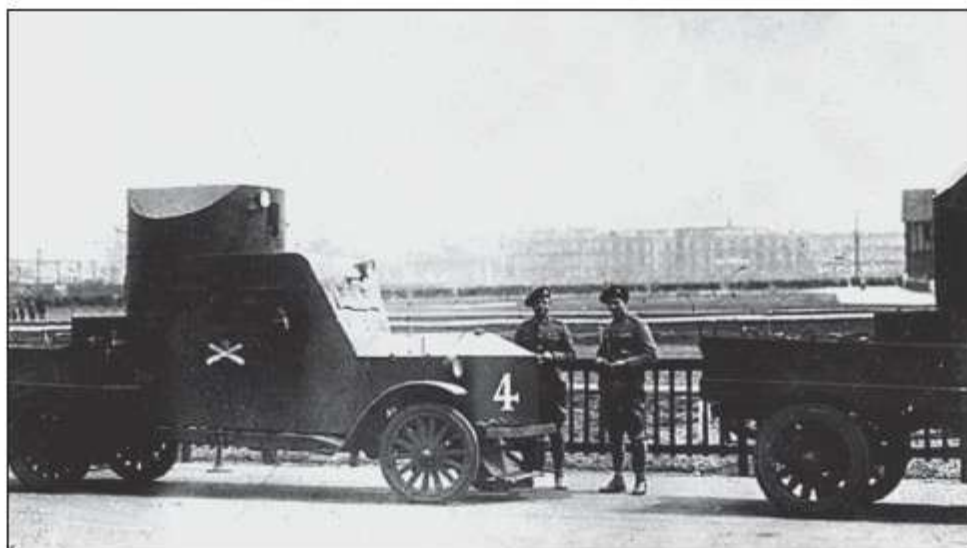
финнов», которая в декабре 1918 года образовала Национальную прогрессивную партию. За недавнего регента проголосовала лишь малочисленная Шведская национальная коалиционная партия. Поняв, что просчитался, Маннергейм поспешил покинуть Финляндию с ее неблагодарным населением, забыв про своего несостоявшегося боевого соратника Юденича, и «надолго отбыл за границу».

Следом за ним отплыли в Ревель и Юденич с Пилкиным. Казалось бы, здесь и возмутиться Верховному правителю, обретавшемуся в далеком Омске: «Позвольте, господа, а как же финансирование блестящих стратегических замыслов совместной русско-финской борьбы с большевизмом в одном отдельно взятом городе? Благоволите объясниться...» Но отчего-то Колчак не стал доискиваться до причин неудачи и требовать отчета о потраченных средствах, на время словно бы

Британцы в Ревеле. 1919 г.

Британские бронев автомобили в Ревеле. 1919 г.

забыв о существовании Николая Николаевича. Сам Юденич с короткими перерывами с осени 1918-го по лето 1919 года пребывал в бесконечных переговорах и плетении сети заговоров против большевиков в Петрограде. Пока он перемещался из Стокгольма в Гельсингфорс, а из Гельсингфорса в Ревель и обратно, получал средства на невероятные стратегические инициативы и размещал их в английском банке, борьбу с большевизмом на Северо-западе вели тысячи обыкновенных офицеров и солдат: русских и иностранцев, аристократов и разночинцев, крестьян, остзейских горожан и гимназистов, которые с каждым днем приближали крах советского режима в Прибалтике. Все эти «поденщики войны» были руководимы даже не генералами, а штабными обер-офицерами бывшей Императорской армии, видевшими личный долг в противостоянии злодейскому режиму с оружием в руках.

С осени 1918 года в Прибалтике сложилась весьма непростая политическая ситуация. На территории Латвии еще продолжали оставаться германские войска, что вызывало опасения Великобритании. Союзники России по Антанте, с одной стороны, покровительствовали самопровозглашенным независимостям Латвии, Литвы и Эстонии, а с другой, относились с некоторым подозрением к Балтийскому ландверу и русским частям на территории прибалтийских государств. Генералу Юденичу под их давлением пришлось даже согласиться на создание навязанного ему союзниками Северо-западного правительства, которое было представлено различными левыми элементами. Основой создания Северо-Западной армии послужил Особый Псковский добровольческий корпус, сформировавшийся с сентября 1918 года в Пскове как одна из частей Северной армии. Ее задумали и осуществили «пра-

вые» русские группировки. Сформировались Псковский, Островский и Режицкий полки по 500 человек каждый, а также отряды полковников Владимира Константиновича Неплюева, родственника Юденича, генерал-майоров лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка Михаила Александровича Афанасьева и Георгия Евгеньевича Бибикова. Ожидалось прибытие назначенного Деникиным возглавить эту Северную армию генерала от кавалерии графа Федора Артуровича Келлера, а до его приезда командовал этими войсками с 21 октября 1918 года генерал-майор Алексей Ефимович Вандам, начальником его штаба был генерал-майор Генерального штаба Борис Семенович Малявин.

Военные силы Северо-Запада

Пока Н.Н. Юденич занимался переговорами, встречами и согласованиями, в Прибалтике происходили важные военные изменения. Так, 2 ноября 1918 года из Красной армии перешел на сторону добровольцев конный отряд ротмистра С.Н. Булак-Булаховича с двумя дивизионами, а также прибыли три судна Чудской флотилии под командованием капитана 2-го ранга Дмитрия Дмитриевича Нелидова. К концу ноября корпус Алексея Ефимовича Вандама насчитывал уже 4500 человек, треть из которых были офицерами. После того как большевики заняли Псков, корпус с боями отошел на территорию Эстонии. Часть офицеров, отступавших от Пскова, направилась в Ригу, где А.П. Родзянко, бывший еще в полковничьем чине, пытался объединить

Балтийский ландвер и части Псковского корпуса в одно целое.

В Эстонии в это время находился Особый корпус Северной армии. Он состоял из «Восточного» и «Западного» отрядов. Численность Особого корпуса по договору от 4 декабря 1918 года с эстонским правительством не могла превышать 3500 человек. И хотя реальное число чинов корпуса не достигало до разрешенного, отношение эстонского правительства к корпусу было крайне недоброжелательным. В Ревеле уже сформировались отряды Русской Дружины под командованием генерал-майора Вильгельма Александровича Геннингса и отряд Северного корпуса подполковника Карла Генриховича Баденька*.

Рига и Псков. Наступление и оборона

.. В ноябре 1918 года был создан Рижский отряд охраны Балтийского края. Тогда же в Риге создались три отдельных батальона, общее командование над которыми принял полковник А.П. Родзянко, однако его начинание не получило должного развития и Родзянко отдал приказ русским добровольцам перейти в Либаву. 6 января 1919 года пришло известие о гибели графа Келлера в Киеве от рук петлюровцев. Либавский добровольческий отряд был расформирован. В Пскове располагалась Северная белая армия, но ее формирование только начиналось, во-

* Всего русских войск, расквартированных в Прибалтике, к середине февраля 1919 года насчитывалось 31 920 человек. — *Авт.*

оружие было слабым, а главное — во главе армии не стояло авторитетного и опытного командования.

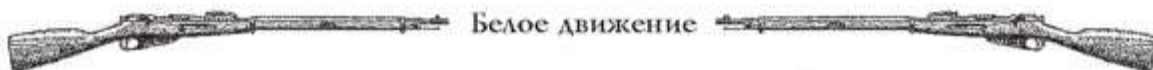
25 ноября 1918 года большевики начали вторжение в Прибалтику. Белый корпус в количестве 3 тысяч пехотинцев под командованием полковника Генриха Генриховича фон Нефа, начинавшего свою карьеру в лейб-гвардии Императорской фамилии 4-м Стрелковым батальоне, выдвинулся на позиции восточнее Пскова. Он храбро атаковал красных правым своим крылом, продвинулся вперед. Генерал-майор Михаил Александрович Афанасьев с чинами своего отряда захватил бронепоезд большевиков и несколько броневиков. Немного погодя красные контратаковали левый фланг полковника фон Нефа, а в Пскове вспыхнуло восстание большевистского подполья, успевшего хорошо вооружиться во время отхода разложившихся германских частей, отступавших без боев к Изборску. Обойдя белые части, они заняли город. Штаб Северной армии, тыловые офицеры, остававшиеся в городе и не имевшие связи с войсками на передовой, поездами спешно эвакуировались в Ригу.

Войска фон Нефа оказались в окружении. Снявшись с позиций, части пехоты проложили себе путь через улицы города, к реке Великая. Преследуемые большевиками, кто на лодках, кто через мосты, белые переправились через реку и стали откатываться в западном направлении. Следом за ними шли большевистские части. Сбившиеся с марша бывшие отряды истреблялись красными авангардами, а успевшие вырваться из рук большевиков отдельные офицеры и солдаты

вылавливались и добивались местными жителями, недружественно относившимися к русским.

В Пскове большевики, как обычно, начали утверждение советской власти с расстрелов «белогвардейцев». В число последних попали и владельцы гостиниц, где жили офицеры Северной армии, рабочие мастерских, получавших армейские наряды, и все те, кто так или иначе были заняты в обслуживании Белой армии. Список убитых в первые дни «большевистского правления» составил 300 человек. Остатки Северной армии добрались до Волги, где фон Нефу удалось заново собрать из разрозненных отрядов более или менее боеспособное соединение. Участник тех боев А. Ечш вспоминал: «Из Острова, из Пскова в бурю шла горсть офицеров и солдат неизвестно куда, с врагом на пятах. Днями голодали и крепче завязывали на онучах телефонные провода. Отставшие погибали. Без шинелей лежали на морозе, и раненные стреляли с дровен, ледяные затворы горели в руках... Весною в талую воду по первой траве ходили в атаки босиком, патроны отбивали у противника... Без отдыха, не зная смены, без поддержки, раздетые, сражались и побеждали... „сынами“ звали бабы в деревнях...»

Отрезанный от своих штабов в Риге, теснимый большевиками к северу, в середине декабря 1918 года фон Неф заключил договор с Эстонским правительством о присоединении своего корпуса к частям эстонского ополчения, срочно создаваемого для защиты провозглашенного суверенитета. Эстония обязалась снабжать корпус фон Нефа денежными сред-

ствами, продовольствием и снаряжением, в том числе и недостающим вооружением и боеприпасами. Командование корпуса не должно было вмешиваться во внутренние дела Эстонской республики, но в оперативном отношении подчинялось Главнокомандующему эстонской армии Йохану Яковлевичу Лайдонеру — бывшему подполковнику российского Генерального штаба. Его дивизии впоследствии дважды принимали участие в походе Северо-Западной армии на Петроград. Местные большевики, нацеливавшиеся захватить власть в Эстонии, поспешили объявить о создании «эстонского советского правительства» в Нарве 29 ноября 1918 года. Части фон Нефа сосредоточились у Ревеля, и это помогло Лайдонеру отстоять город от большевиков. Основной удар большевиков приходился на Ригу. На этом направлении они сконцентрировали лучшие ударные части, среди которых числились и две дивизии пригнобленных латышских стрелков. Германские войска, которые должны были оборонять Ригу, категорически противились вступать в какие-либо стычки с большевиками, распродавали казенное имущество и за деньги уступали большевикам один городок за другим. Рижане, обеспокоенные создавшейся ситуацией, стали спешно собирать отряды земской самообороны, получившие название «Балтийский ландвер».

В Риге скопилось достаточное количество русских офицеров, не желавших возвращаться в Псковскую армию, которая была уже в Эстонии. Некоторые из них пытались воздействовать на полковника фон Нефа, убеждая его отступить через Ригу и обосноваться в Курляндии и Ми-

таве, где он мог бы провести новые переформирования всех разрозненных русских частей. Для связи в Ригу поехал генерал-майор А.П. Родзянко. Одной из его

Светлейший князь А.П. Ливен

задач было объединение под общим командованием Балтийского ландвера и остатков Псковской армии, но успехом это начинание не увенчалось из-за противодействия сильного германского командования и разногласий среди русских офицеров. К стоявшим на рижском рейде британским крейсерам, на которых расположились представители английского союзного командования, направились Родзянко и светлейший князь Анатолий Павлович Ливен. Они должны были докладывать английскому адмиралу Синкле-

ру, чья эскадра вошла 18 декабря в Рижский порт, о положении дел и надеялись обратиться с просьбой о поддержке их антибольшевистской борьбы. Однако ни финансовой, ни материально-снабженческой помощи адмирал Синклер не пообещал, то есть Антанта фактически отказалась финансировать антисоветские войска в Латвии. Делегаты были лишь вежливо встречены английским адмиралом: у Британии были ясные планы добиться ослабления России в Балтийском регионе.

На восточной окраине Риги большевики прорвали фронт. Высланные им навстречу в Хинценберг небольшие части Балтийского ландвера попали в окружение и едва избежали полного уничтожения превосходящими силами красных. 2 января 1919 года с большими потерями Балтийский ландвер отступил и оставил Ригу. В городе начались беспорядки: люмпены грабили магазины и склады, убивали людей в офицерской форме, оставших немецких солдат, а 3 января 1919 года на рижских улицах появились передовые большевистские части. В городе началась череда арестов и ставшие повседневной практикой большевистской администрации расстрелы «белогвардейцев» и сочувствующих: «Распласталась на здании окружного суда пятиконечная колючая звезда, корчился в узорной тени листвы бородатый Маркс на бульваре — он в сумерках напоминал сатира. Трепались по ветру плакаты со стен: „Смерть врагам трудового народа!“» На стенах домов вывешивались так называемые плакаты «правительства Р.С.Ф.С.Р.». Их содержание сводилось главным образом к

следующему: «Имеются сторонники капитализма, наемники Антанты и другая белогвардейская сволочь, ведущая буржуазную пропаганду. Вменяется в обязанность каждому коммунисту: усмотрев где-либо попытку опозорения советской власти и призыв к возмущению против нее, — расправляться с виновниками немедленно на месте, не обращая к суду». Отступая, Балтийский ландвер, две латышские роты и русская рота капитана Климента Ивановича Дыдорова, а также чины германской Железной дивизии попытались было удержать Митаву, но их вытеснили оттуда наступающие красные части.

В другом латвийском городе — Либаве — в те дни широким фронтом шло переформирование всех добровольческих частей. Сюда же переехало новое латышское правительство во главе с премьером Карлисом Ульманисом. Поскольку по условиям перемирия германцы должны были эвакуировать Курляндию, организация всех добровольческих отрядов шла за счет латышского правительства. В отсутствие средств правительство Ульманиса обратилось за помощью к Германии, которая согласилась предоставить на взаимобразных началах обмундирование, снаряжение и вооружение. Германские добровольцы и весь командный состав считался на службе у Латвии.

Растянувшись на протяжении 500 километров, от Пскова к Виндаве, большевистское наступление стало выдыхаться. Латышские части, шедшие по родной земле, становились малоуправляемыми, и в красных частях возросло число дезертиров. Несмотря на то что фронт стаби-

лизировался, настроение населения Либавы было близким к панике: в городе скопилось большое количество беженцев из Пскова, Риги, Митавы. Все гостиницы, общежития, бараки и частные квартиры были переполнены. Первая волна эвакуации благодаря германской административной аккуратности протекала более или менее нормально. Главные силы большевиков были сосредоточены по реке Виндаве, южнее Гольингена. Здесь им противостояли незначительные по численности части ландвера. Общее руководство фронтом сосредотачивалось в руках генерала графа Рюдигера фон дер Гольца, чей штаб был расположен в Либаве. Командный язык в частях ландвера был русский, и настроение военной молодежи ландвера явно русофильское, что смущало германский штаб, решивший подчинить ландвер своему влиянию. Это началось с вопросов назначения командного состава, языка отдаваемых команд и методов обучения. Командиром Балтийского ландвера вместо бывшего генерал-майора русской службы барона Леона Бальтазара Гастона Фрейтаг фон Лорингофена последовательно назначались полковник Фридрих Владимирович Розен и майор Флетчер. Для обучения строю в каждую роту ландвера командировались германские унтер-офицеры. Был создан ударный отряд под командованием германского лейтенанта барона Ганса Майнтефеля в количестве 1200 штыков, в составе которого более половины чинов составляли германские офицеры. В этот отряд входили еще две артиллерийские батареи и одна саперная рота. Латыши, численностью в 2000 штыков, были сведены в от-

ряд. Они носили свою особенную форму в виде красного околыша на фуражке и красные петлицы с белой полоской. Командным языком отряда стал латышский.

Идея формирования более крупного русского добровольческого отряда не оставляла Светлейшего князя Ливена, пытавшегося объединить разрозненные группы русских офицеров и солдат для противостояния большевизму: «Сформировать при таких условиях русский добровольческий отряд было весьма трудно. Латыши, естественно, не доверяли такой формации, которая боролась за восстановление России, германофильствующие балтийцы косились, союзники видели в русских германофилов, а германцы — англофилов. Ввиду таких затруднений, генерал (-майор Анатолий Павлович. — *Авт.*) Родзянко и граф (Алексей Петрович фон дер. — *Авт.*) Пален выбыли в Ревель, и я остался один в Либаве, но, поддержанный группой энергичных русских офицеров- патриотов, продолжал проводить свою организацию», — вспоминал о тех днях генерал-лейтенант Борис Сергеевич Пермикин.

Выход был найден путем временного подчинения Либавского добровольческого отряда Балтийскому ландверу, — до той поры, пока отряд не сможет отправиться на соединение с Северо-Западной армией. Отряд, создаваемый Светлейшим князем, был «чисто русский, принципы его были те же, что и в Добровольческой армии, то есть борьба с большевиками до восстановления Великой России и для доведения ее до Учредительного собрания». По замыслу Светлейшего князя Анатолия Павловича Ливена, его

отряд не мог вмешиваться в политику Прибалтийского края и в случае внутренних конфликтов должен был оставаться нейтральным. Только при таком принципиальном подходе отряд мог сохранить свой национальный облик. На службу в отряд принимались лишь офицеры императорской армии и подданные России в качестве добровольцев. Бывших чинов германской армии в отряд не брали. Служба в отряде отвечала уставу военной службы и законам Российской империи, принятым до 28 февраля 1917 года. В устав внесли лишь те поправки, которые существовали уже в Добровольческой армии Деникина: вместо выражения «нижний чин» вводилось название «стрелок», или «доброволец», или наименование по роду оружия. Обращение к добровольцам было установлено на «вы», обращение добровольцев к офицерам, включая полковника, — «господин поручик» и «господин полковник», отдавание чести «во фронт» отменялось, генералы именовались «ваше превосходительство».

Отряд считался подчиненным Главнокомандующему Добровольческой армии Деникину и адмиралу Колчаку как Верховному правителю России. Целью борьбы отряда было провозглашено восстановление в России порядка, а не уничтожение большевиков вообще: «Все арестованные большевики передавались в военно-полевые суды, составленные из старших офицеров, исключительно по обвинению в определенном преступлении... при недоказанности суд выносил оправдательный приговор, даже если обвиняемое лицо состояло на службе у большевиков». К лету того же года все русские

части были преобразованы в Северную, а вскоре и Северо-Западную армию. В то время как в Пскове создавалась Северная армия, по всей Прибалтике продолжалось формирование антибольшевистских частей, начало которым было положено созданием ротмистром, Светлейшим князем Анатолием Павловичем Ливеном, и капитаном Климентом Ивановичем Дыдоровым.

Освободительные действия ливенского отряда нашли отражение в литературе Русского зарубежья. Очевидец и свидетель освобождения латвийских земель от большевиков писатель Леонид Федорович Зуров изобразил эпизод вступления отряда Светлейшего князя Ливена в город: «В город вступали русские части... „Русские! русские идут!“ — слышались крики из толпы. На темно-гнедом коне ехал князь, худощавый, длиннотелый, по-гвардейскому отдавал толпе честь, улыбался, слегка обнажая зубы, и задергивая голову, весело кричал командиру русской роты, коренастому капитану: „Климент Петрович! А? Как встречают?“ — Полнотелый капитан, с опущенными вниз усами, мелко и рассыпчато в ответ засмеялся и, посмотрев на толпу, прищурил глаза. „Изголодались!“ — крикнул он. Рядом с ним шел адъютант отряда, высокий офицер. Эскадрон дробил копытами настил моста. Отряд веселых добровольцев, одетых в немецкую форму с русскими погонами на плечах и двуглавыми орлами на касках, шел бодро. Солдаты перекидывались с горожанами и раздавали им сигареты... Черноглазый капитан, ехавший верхом, играл на блестящем на солнце кларнете веселый марш, добровольцы подпевали, колотили ложками по манер-

кам, посредине роты митавский волонтер нес трехцветный флаг, взятый из своего дома... „Урр-ра!“ — кричала толпа и бросала вверх шапки. — „Здравствуйте, русские!“ Худощавый оборванный человек в обтрепанной офицерской фуражке стоял в толпе, отдавая честь отряду, и по его щекам катились слезы... Простоволосый горожанин дрожащими руками отрезал от фунтового куска хлеба ломтики и подавал их солдатам».

Ливенцы и германские добровольцы наносят удар

Уже 31 января 1919 года, спустя всего 2 недели после формирования отряда, часть его, под командованием Светлейшего князя Ливена выступила из Либавы в Газенпорт, а оттуда в Априкен, для образования левого фланга фронта, защищавшего Либавский плацдарм от большевиков. Активные боевые действия против большевиков начались со 2 марта 1919 года.

Отряды Светлейшего князя Ливена и лейтенанта Мантейфеля, погрузившись на подводы, помчались к городку Виндава, атаковали оказавшихся там большевиков и... прорвали фронт: «...в полдень мы были уже в центре города, и началась очистка его от спрятавшихся по домам большевиков. Насколько неожиданно для них (большевиков. — *Авт.*) было это наступление, видно из того, что на тот самый вечер назначен был маскарад в местной лютеранской кирке». В городе белые отряды нашли сотню трупов погибших германских солдат, по-видимому, сдавшихся большевикам добровольно. Тела убитых германцев были страш-

но изуродованы. Позже выяснилось, что глумление над останками убитых произвели местные литовские большевички: «Вообще, в Прибалтике большевистские женщины отличались наибольшим озверением и жестокостью, за что немцы их прозвали *Flintenweiber* (ружейные бабы)».

Через четыре дня опомнившиеся большевики попытались обойти город с западной стороны. В Виндаве майор Флетчер оставил лишь одну роту, а сам, посадив свои немногочисленные части на те же подводы, отправился в городок Годдингген, попытаться противодействовать красным, однако те не стали дожидаться прибытия подвод бравого майора Флетчера и, обстреляв город из орудий, спешно отбыли на свой берег реки. Спустя всего несколько дней большевики снова попытались провести наступление на Виндаву. И снова майор Флетчер, погрузившись со своими стрелками на подводы, направился в атаку на большевиков. Однако и теперь рота Радена, оставленная в городе, не только отстояла город, но, выдвинувшись в обход по сельской местности, произвела повреждение железнодорожных путей и, напав на стоявший большевистский бронепоезд, перебила прислугу и захватила его. После прошедшей череды маневренных боев местного значения настала пора общего наступления на большевиков. Оно началось 13 марта 1919 года.

Вокруг Митавы и Риги

Объединившиеся белые отряды на всем протяжении 130-километрового фронта начали наступление на восток по-

рядками, состоящими из пяти колонн. Северная колонна силою в 1200 штыков под командованием лейтенанта Мантейфеля, выйдя вперед, вошла в городок Туккум по дороге, лежащей чуть севернее железнодорожного полотна Московско-Виндавской железной дороги, откуда бежал немногочисленный большевистский гарнизон, увозя с собой узников местной тюрьмы и арестованных. С юго-западной стороны к Туккуму подходили кавалерийский отряд Балтийского ландсвера барона Карла Гана и колонна Эйленбурга численностью в 800 штыков. Русский отряд в 2500 штыков направлялся в восточном направлении и имел задачу выйти на дорогу в Митаву, лежавшую верстах в 20 южнее Туккума.

Вскоре, уже вечером, Русский отряд натолкнулся на передовые посты большевиков, по которым было дано несколько выстрелов из единственного имеющегося в отряде орудия. Большевики в это время располагались на ночлег и были застигнуты выстрелами орудия врасплох; и они бежали. Майор Флетчер отправился форсированным маршем на Митаву, не дожидаясь подхода Железной дивизии и латышской национальной роты. Бой произошел в пригороде. Разбитые большевики откатывались, оставляя в Митаве склады с имуществом и боеприпасами, а также санитарный поезд, его выходом из города никто из большевистского командования не озаботился. «После взятия Митавы первый день прошел спокойно. Производилась чистка города и разыскивались многочисленные трупы расстрелянных большевиками, которые, едва зарытые в землю, заполняли дворы и сады

вокруг губернской тюрьмы», — писал князь А.П. Ливен. Положение передовых белых отрядов было не из легких: взятая наскоком Митаву была не подготовлена к длительной обороне. Позади них остались рассеянные, но не уничтоженные большевистские соединения, пытавшиеся выйти из окружения, которое белые не могли сдерживать длительное время. Большевики предприняли попытку отбить Митаву, подогнав два бронепоезда и несколько броневиков. Отряд Ливена отбил две яростные атаки, но безуспешные попытки взять город повторились на следующий день.

21 марта 1919 года, обойдя Митаву с севера, большевики стали сосредотачиваться в ближайших лесах, окружающих город. На борьбу с засевшими в лесах красными был отправлен Русский отряд и германская добровольческая пулеметная рота, вступившие в бой около мызы Шведгоф, верстах в пяти от города. Оказавшись под непрерывным пулеметным и артиллерийским обстрелом, большевики 15-го латышского полка дрогнули. Затем пытались равномерно отступать, но, увидев преследование, бросились спасаться бегством, увлекая за собой только что прибывший батальон 10-го советского полка. После этого столкновения большевистское командование получило уверенность, что наступление добровольческих отрядов на Ригу — решенное дело, и приступили к эвакуации города загодя. Улицы, по которым намечалась эвакуация, заранее очищались от «буржуев» и «шпионов» Антанты: «Расстрелов было столько, что солдаты отказывались производить их, и работа расстрела поручалась

коммунистическим девушкам-добровольцам, которые находили особое удовольствие в истязании своих жертв до окончательного их расстрела», — вспоминал князь А.П. Ливен.

О серьезной обороне города большевики не задумывались. Из Риги на восток выходили поезда с награбленным имуществом, вывозились многочисленные выросшие как на дрожжах за время оккупации города советские учреждения. В городе оставалось около 11 тысяч красноармейцев, однако эти части готовили для отхода, не помышляя о вступлении в бой с подходящими частями генерала фон дер Гольца, который тоже не спешил атаковать Ригу. Он ждал, пока не будут налажены коммуникации между отрядами, не выловлены отдельные бродячие красноармейские группы в тылу и не налажен подвоз боеприпасов и продовольствия, а кроме того отработан механизм присылки пополнений. Германское правительство не желало в сложившихся политических обстоятельствах разрешать германским частям двигаться дальше реки Курляндская Аа, возлагая на них лишь охрану своих восточных границ от возможного продвижения большевиков. Тем более что взятие Митавы уже как нельзя лучше отвечало этим целям германского правительства. Однако позиционная война для русских добровольческих частей была также не лучшим исходом. В частях начался тиф. В середине апреля Русский отряд был отведен в тыл для проведения санитарно-гигиенической обработки.

В апреле 1919 года в тыл северных добровольцев от большевиков перелете-

ло 3 аэроплана во главе с капитаном Андрижевским. Авиаторы-перебежчики привезли с собой в распоряжение белых карты Красной армии и другие ценные документы. Так у добровольцев появилась своя небольшая эскадрилья. Примечательно, что на многих фронтах Белой армии символика, украшавшая белогвардейские летательные аппараты, состояла в основном из православных крестов, державных орлов; встречались изображения былинных богатырей и национальные цвета Великой России. В противоположность белым, красный воздушный флот украшали черно-красные пентаграммы, зловеще ухмыляющиеся черепа, ведьмы и различные inferнальные персонажи. На фюзеляжах красных летчиков можно было встретить и изображения бутыли с водкой.

Либавский бунт

Неожиданно в Либаве в середине апреля 1919 года разыгрались политические страсти: ударный батальон Балтийского ландвера 16 апреля 1919 года сверг правительство Ульманиса и арестовал некоторых министров. «Путч» совершенно не подготовленный, руководимый некоторыми молодыми политически неопытными офицерами ударного отряда ландвера, во главе которого стояли некоторые члены семьи Мантейфель, оказался ударом впустую. На место свергнутого правительства нельзя было найти нового. Предложение возглавить новое правительство поступило Светлейшему князю Ливену, от которого тот не замедлил отказаться, мотивируя, что он являлся чело-

веком, стоящим вне балтийской политики. Во главе правительства встал пастор Недрис, известный латышский националист и писатель, поддерживаемый германскими оккупационными властями, но в пику последним не признанный союзниками. Свергнутый президент Ульманис играл роль «благородного изгнанника». Солдаты одной из германских добровольческих частей ворвались в расположение латышей в районе порта и обезоружили их, а затем ограбили. В ответ латышские стрелки арестовали нового главу правительства, тайно увезли его за город, откуда с большими для себя приключениями ему удалось бежать в одной рубашке до ближайшего германского поста. Бурлящий котел балтийских противоречий, к счастью, мало отразился на фронтовых событиях в те дни.

Взятие Риги

Ливен отбыл в Берлин, где германский Генеральный штаб поддержал его планы формирования антибольшевистских соединений. Со второй половины мая 1919 года на фронте начались новые боевые операции. Сначала Русский отряд занял совместно с латышскими ротами Кальнецемский плацдарм, который большевики пытались отбить назад в течение 18—22 мая 1919 года, но безуспешно. К концу дня 22 мая в штаб Ливена стали поступать сведения о стягивании большевиками сил для организации нового наступления. Не дожидаясь, пока красноармейцы нанесут удар, Русский отряд в ночь на 23 мая атаковал большевистские позиции, прошел в их тыл и начал ускорен-

ным походным маршем движение на Ригу. Перед командованием отряда была поставлена задача захватить городские мосты до того, как большевики смогут туда добраться и уничтожить их. Из Митавы по шоссе тронулась Железная дивизия майора Йозефа Бишофа.

Болей истории среди германских добровольцев, принявших участие в борьбе против большевиков, в этих отрядах оказались любопытные персонажи: организатор будущего германского вермахта фон Фрич, генерал-фельдмаршал фон Кюхлер, будущие генералы Хайнц Гудериан и фон Штюльпнагель, командир всех штурмовых отрядов НСДАП Пфедер фон Заломон, «русский немец» Макс-Эрвин фон Шейбнер-Рихтер, спасший во время Мюнхенского путча 1923 года Гитлера ценою собственной жизни.

23 мая Мантейфель с отрядом подошел к рижскому городскому понтонному мосту, а по Митавскому шоссе потянулись бронеавтомобили, шедшие в авангарде Бишофа. О том, что белые в городе, рижские большевики узнали, только когда в западных предместьях города разгорелись бои. Мантейфель с ударным отрядом ворвался в город и сразу был убит. Его отряд направился к переполненной городской тюрьме, стремясь спасти заключенных там заложников, прежде чем местные чекисты успеют их перебить, однако большевикам удалось вывезти некоторое количество заложников на грузовиках. В шесть часов вечера в город вступил Русский отряд и был направлен в северную часть города для очистки ее от засевших там красных. Наутро началась очистка от большевиков правого берега Двины, вплоть до устья реки у

Магнусхофа, напротив Усть-Двинска, отрядом капитана Климента Ивановича Дыдорова. Его отряд вернулся назад в город с большим количеством пленных и военных трофеев. Одним из трофеев оказался брошенный красноармейцами исправный броневладелец, окрещенный «Россия», который впоследствии участвовал в походе на Петроград. «Пленных у нас скопилось громадное количество, исчисляемое тысячами. Красноармейцы, бросая оружие, толпами возвращались в город и сдавались нам. Впечатление при взятии города от душевного и физического состояния горожан было удручающее. Рассказы о большевистском терроре и лишениях превосходили все, что проникло до тех пор в печать. Рассказы эти подтверждались при находке массы расстрелянных и изуродованных трупов. Ко всем бедствиям присоединились... голод и эпидемия тифа».

Добровольческие отряды пресекали все попытки еврейских погромов, которые нет-нет и провоцировались темными обывательскими силами в освобождаемых от большевиков городах: «Как-то вечером зашел я к моему приятелю еврею. У него застал смятение и скорбь... Все были смертельно напуганы уличными сплетнями и подметными анонимными письмами. В тот же вечер... я передал эту сцену полковнику Видягину. Его сумрачные глаза вспыхнули. „Я не допущу погромов, с какой бы стороны они не грозили! — воскликнул он. — Там, где Северо-Западная армия, там немыслимо ни одно насилие над мирными гражданами. Мы без счета льем свою кровь и кровь большевиков, но на нас не должно быть

ни одного пятна обывательской крови. Садитесь и сейчас же пишите внушение жителям”. К ночи воззвание было подписано графом Паленом и скреплено начальником штаба».

24 мая 1919 года, едва Рига была освобождена, часть отряда во главе со Светлейшим князем Ливеном покинула город, устремившись преследовать большевиков, продолжавших отступление на восток по Псковскому шоссе, до линии реки Лифляндская Аа, а в Ригу въехали представители союзных миссий и американская продовольственная миссия, организовавшие снабжение продовольствием и питание детей. Вслед за ними потянулось и правительство Недриса.

Вид на театр военных действий с дачи Гарденина и предложения генерала Родзянко

Еще до прибытия неразлучных Юденича и Пилякина в Ревель генерал Родзянко решил ознакомить своего Главнокомандующего с картиной того, что происходит в подчиненных ему войсках. Заодно он хотел предложить Юденичу иной тактический план занятия Петрограда, нежели тот, что виделся Николаю Николаевичу в размышлениях на лоне благодатной природы, сидя на добротной финской даче тестя и тещи его товарища Гарденина. Победа по-прежнему представлялась Юденичу как результат быстрого броска горсти белых частей на Петроград, поддержанного восставшими горожанами, и затем повсеместном триумфальном изгнании большевиков. Примечательно, что

даже боевые действия Юденич предпочитал эмиграции: «Генерал Юденич только раз показался на театре военных действий, а именно тотчас же после взятия Гатчины. Побывал в ней, навестил Царское Село, Красное и в тот же день отбыл в Ревель. Конечно, очень ценно было бы в интересах армии, если бы генерал Юденич, находясь в тылу, умел... воздействовать на англичан и эстонцев, добиваясь от них обещанной реальной помощи», — замечал Александр Иванович Куприн, бывший в частях Северо-Западной армии в качестве наблюдателя-журналиста. В противоположность Юденичу, его подчиненные Родзянко и граф Пален постоянно присутствовали на передовой, оба знали ситуацию не по слухам. «Высоченные гиганты, в светлых шинелях офицерского сукна, с оружием, которое в их руках казалось игрушечным, ходили в атаку, впереди цепей, посылая большевикам оглушительные угрозы. Там Пермикин ездил впереди танка, показывая ему путь под огнем из бронепоездов, под перекрестной пальбой красных цепей, сидя на своей серой лошади».

Родзянко пытался предложить Главнокомандующему отрезать Петроград от Москвы, заняв Чудово, прикрытое болотами, озером Ильмень и рекой Волхов. Далее окружить бывшую столицу и вынудить противника прорываться из окружения, эвакуируя многочисленные советские учреждения, что впоследствии может облегчить восстановление легитимных институтов власти в городе и снизит количество самих большевистских служащих. Вместе с этим Родзянко был вынужден признать, что даже в слу-

чае успеха удерживать город силами Северо-Западной армии по причине ее малочисленности, было почти невозможно. Скепсис Родзянко был основан на недавних событиях памятного 1917 года, когда против регулярной армии и ее офицества либеральным Временным правительством была развязана беспрецедентная по своим масштабам травля, перешедшая в избиения и убийства тех, кто осмеливался показаться на улице в военной форме. Кроме того, Александр Павлович справедливо полагал, что питерский пролетариат, развращенный большевиками невиданной вседозволенностью и страстью к митингам, станет в оппозицию к регулярным белым войскам, увидев в них выразителей монархической идеи.

Юденич не спорил с высказываниями Родзянко, но критиковал тактику предложенного наступления, справедливо полагая, что растягивание фронта малочисленной Северо-Западной армии на 250 километров нарушит связь частей со штабами и подвергнет риску вклинивания большевистских отдельных частей. Весь успех в подобной операции, считал Юденич, лежал в быстром, маневренном темпе наступления, внезапном упреждающем ударе, лишившем красных возможности перегруппировки резервов и ответном ударе. Родзянко не посчитался с соображениями более опытного генерала и сознательно не выполнил его приказа, оставив Ямбург и перейдя через Лугу, закрепившись на ее рубеже. Юденич, напротив, настаивал на сохранении Ямбурга, что позволило бы в будущем, не форсируя Лугу, быстро провести наступление на Петроград по кратчайшему направле-

нию, идущему вдоль Балтийской железной дороги.

В начале августа 1919 года, после того как под ударами красных пал Ямбург, Юденич решил ознакомить Верховного правителя в далекой Сибири с тяжелым положением дел в Северо-Западной армии. Он сообщил тому о бедственном положении армии, нехватке обмундирования, перебоях в снабжении и вынужденной экономии боеприпасов, заболеваниях тифом и цингой в частях, продолжающихся боях вот уже третий месяц подряд. Историографы Юденича видят в этой телеграмме косвенный упрек союзникам, на которых так желал воздействовать Главнокомандующий. Однако совершенно непонятно, отчего Юденичем не были использованы «огромные валютные ресурсы», переданные ему Колчаком для совместного русско-финского проекта наступления на Петроград. Вопрос: куда делись средства и отчего Главнокомандующий не проявил расторопности в их поиске, а также не занялся вопросом снабжения и медицинской помощи армии, дожидаясь, пока она придет в плачевное состояние?

Несколько штрихов к портрету генерала Юденича

Воистину в Юдениче пропадал хороший стратег, но все явственнее проявлялся великий конспиратор. На Северо-Западном фронте, как представляется нам, нужна была не столько макиавеллиевская хитрость, сколько хорошие администраторские способности его Главнокомандующего. Несмотря на это, биограф Юденича пытается придать не совсем свойствен-

ные генералу черты «опытного хозяйственника»: «Юденич успешно занимался вопросами снабжения армии», — однако тут же простодушно замечает, что «благодаря настойчивости генерала Б.В. Геруа в Лондоне и умению специально посланного ему в помощь полковника Александра Васильевича Владимирова... в самом конце июля и в начале августа в Ревель начали прибывать транспорты с вооружением», — пишет Н.Н. Рутыч. Деятельность, без сомнения, достойная восхищения, но это были усилия отдельных энтузиастов, а никак не самого Юденича, сидевшего в это время в Эстонии. Для сравнения, представьте барона Врангеля, «успешно занимающегося вопросами снабжения» Русской армии, находясь где-нибудь в Болгарии или Королевстве СХС, или как он бы призывал оттуда «расторопных и умелых» генералов организовать поставки продовольствия или вооружения. Не правда ли, это выглядело бы странным? Любопытно, что британцы, видимо по-своему оценив вклад Юденича в снабжение армии, предложили ему стать военным министром в составе Северо-Западного правительства. Вероятно, они желали приблизить блестящего теоретика к обычной практической работе для спасения армии вместо удобного пребывания за пределами собственного Отечества с раздачей распоряжений всем и вся и необременительной перепиской с Верховным правителем.

Задано британцы решили использовать голос Юденича при создании удобного для британских интересов буферного государства — Эстонии. Юденич ухватился за эту идею британских союзников, послав тут же согласие «от лица России»

признать независимость Эстонии. При этом Николай Николаевич лишь робко попросил Лондон об участии эстонских войск в его грядущем походе на Петроград. Из Ставки Верховного правителя в Омске Юденичу беспрестанно шли рекомендации Колчака о том, кого стоит назначать на роль Городского главы по занятию Петрограда и каких общественных деятелей, не запятнавших себя сотрудничеством с большевиками, стоит привлечь к административной работе! Странно, что никто в Ставке Колчака или в штабе Юденича не задался вопросом, что прежде нужно было бы хорошо подготовить армию к наступлению на город и организовать его оборону, а уж после перейти к обсуждению вопросов городского самоуправления. Вероятно, и в Ставке Верховного, и в штабе Главнокомандующего считали, что вопрос взятия Петрограда — дело решенное.

Неожиданно британцы сменили свой дружеский тон, потребовав от Юденича образовать «демократическое правительство» на Северо-западе, угрожая, что в случае отказа они просто бросят его и армию на произвол судьбы. Британцы почитали, что поспешили согласиться с участием эстонских частей в походе на Петроград и предложили Юденичу признать Эстонию независимой без предварительных условий. Британский представитель намекнул соратникам Юденича «на всякий случай», что если те откажутся от признания эстонского правительства, то у союзников «готов другой главнокомандующий... Генералы Гофф и Марш пригласили вскоре генерала (Станислава-Марию. — *Авт.*) Булак-Балаховича на завтрак на флагманском крейсере английской эскадры». Юденич покорно согласился, и когда все было подписано, как желали британцы, он поспешил согласиться и с не-

Князь П.М. Бермонд-Авалов (сидит в центре) со штабом

медленным формированием марионеточного правительства, лишь указав британцам, чтобы те поскорее убрали своего альтернативного кандидата подальше с его глаз, ибо ни сам Николай Николаевич, «ни армия не потерпят дальнейшего пребывания на ответственной должности генерала Балаховича». Британцы не возражали.

«Благодарность» эстонцев не заставила себя ждать. Они поспешили закрыть границу для российских подданных и запретили провозить через свою территорию продовольствие и медикаменты для нужд Северо-Западной армии. «Отношение эстонского войска и населения были враждебные, но тогда еще терпимы. Не так давно правительство (Северо-Западное — *Авт.*) заключило договор с Эстонией о разрешении ему находиться на эстонской территории, подписав все условия эстонцев, но через сутки было выслано на правый берег Нарвы, будто бы из-за недостатков помещений для него. Эстонское правительство в своем скрыто-враждебном отношении ко всему русскому находит поддержку со стороны масс, войска и печати. Имелись случаи избиения и срывания погон в Нарве... эстонскими солдатами», — вспоминал один из русских офицеров. Обострившиеся отношения с эстонцами, однако, мало занимали Юденича, и он продолжил свою «теоретическую подготовку» наступления на Петроград.

Юденичу мнилось, что главной задачей ударной группировки перед выступлением в поход должно стать увеличение ее численного состава. Для этого 24 августа 1919 года был отдан приказ Главного

командующего о проведении частичной мобилизации в Ямбургском и полной в Гдовском уездах. 30 августа 1919 года Юденич распорядился образовать комиссии в Нарве и Гдове для проверки тыловых учреждений Северо-Западной армии. Результатом мобилизации явилось пополнение из 9 тысяч человек, влившихся в ряды армии. Особые надежды Юденич возлагал на уже прошедшие боевое крещение отряды Светлейшего князя фон Ливена, а также прибывшие из Германии отряды полковников Бермонда и Вырголича. Оба отряда сформировались из офицеров и солдат Императорской русской армии, оказавшихся в германском плену и изъявивших желание вернуться в Россию, чтобы биться с большевизмом. Еще в июле Юденич приказал всем трем отрядам прибыть в Нарву, что было исполнено лишь Светлейшим князем Ливеном.

Двое других командиров отказались, сославшись на подчиненность германскому командующему графу фон дер Гольцу. В результате 6500 чинов этих отрядов бесполезно застряли в Митаве. К октябрю 1919 года отряд Бермондта, переименованный в Западный добровольческий корпус имени генерала графа Келлера, вырос до 10 тысяч штыков. Юденич продолжал требовать прибытия отрядов Бермондта и 3-го Западного отряда полковника Евгения Павловича Вырголича в распоряжение Северо-Западной армии вплоть до начала октября 1919 года, попутно направляя Бермондту различные приказы относительно направления его частей в разные географические точки Прибалтики, но тот отчего-то не торопился исполнять приказы Юденича.

По признанию трепетного биографа Юденича Н.Н. Рутыча, накануне воплощения «дела всей жизни» Главнокомандующего, выяснилось, что «из всех тех немногих близких сотрудников генерала Юденича, кто прибыл с ним из Финляндии, никто не обладал оперативным опытом...» Любопытно, было ли это известно Верховному правителю до того, как он столь беззаботно решился финансировать затею Юденича, вознеся его до высот Главнокомандующего всех русских армий на Севере России? Чины штаба Юденича с поразительной откровенностью накануне наступления, словно по команде откровенно высказались о собственной некомпетентности: «Пилкин всегда подчеркивал свою некомпетентность, как он выражался, «в сухопутных делах»... генерал Кондзаревский, как он сам о себе пишет, не выходил из канцелярии дежурного генерала со времени своего капитанского чина и не занимал никакой другой штабной или строевой должности... генерал-лейтенант Владимиров был в прошлом военным прокурором... но никогда не служил в строю». При таком количестве славных, но мало компетентных в разработке наступательных операций людей поход на Петроград должен был заранее обречен на провал. Ошибку Юденича пришлось оплачивать кровью и жизнями простых белых добровольцев — солдат и офицеров, погибших в схватке с большевиками. Оказывается, «генерал Юденич пришел к выводу, что успех операции по занятию Петрограда может быть обеспечен лишь в случае взаимодействия внезапного, короткого удара на Гатчинском направлении с восстанием (!) в самом Пет-

рограде, в расчете на присоединение к нему...», — разъясняет нам биограф Главнокомандующего. Восстание в голодном и подавленном террором чекистов городе едва ли оказалось бы успешным и едва ли смогло бы удачно соединиться с малочисленной и измотанной боями Северо-Западной армией, у которой даже не было сил, чтобы удерживать город сколь бы то ни было долго.

Представим себе на минуту, что восстание удалось и что Северо-Западная армия вошла в Петроград, но не смогла удержать его. Город неизбежно отбили бы превосходящие силы красных. Новая волна террора обрушилась бы на жителей города, а отступающую Северо-Западную армию настигли бы разъяренные орды большевиков и полностью разгромили. Странно, но подобные картины не приходили в голову умудренному жизненным и боевым опытом генералу.

Юденич направил тайную депешу чинам бывшего лейб-гвардии Семеновского полка, призвав их к захвату важнейших объектов в Петрограде, во время приближения Северо-Западной армии к второй столице. «Станным, загадочным, непонятным было существование Семеновского полка после революции и особенно отношение к нему большевиков. Этот полк, так круто расправившийся с московским восстанием в 1906 году, жил в прежних казармах, по прежнему укладу, нес караульную службу по охране Государственного банка, Казначейства и других верных пунктов и как бы находился под особым покровительством. Зайдя в тыл белых у Выры, он с музыкой перешел в Северо-Западную армию, убив сначала

своих комиссаров и красных фельдфебелей. Полк так и сохранил навсегда свое старинное Петровское имя». Конспиративные связи Юденича с Семеновским полком оказались не серьезными, ибо ему было неизвестно, что большевики выдвинули полк на фронт: семеновцы уже покинули город, расположившись на станции Сиверская.

В дни, когда под Лиговым, под Пулковым, в Царском Селе и Павловске решалась судьба сражения за Петроград, у Юденича вдруг возникло прежнее, необъяснимое влечение заполучить финские войска в союзники при готовящемся наступлении на Петроград. Генерал направил французскому представителю союзной миссии в Прибалтике генералу Этьевану телеграмму о том, что было бы неплохо привлечь финнов для усиления частей его армии. Тот перенаправил желание министру иностранных дел Финляндии Хольсти, который слово в слово повторил уже ранее сформированные территориальные требования к России и отчего-то в дополнение скромно попросил «признания независимости Финляндии». Сидящий в Париже министр иностранных дел Верховного правителя Сазонов поразительно легко согласился на признание финской независимости, добавив, что это будет сделано без труда — после взятия Петрограда. Здесь Сазонову возразил адмирал Колчак, справедливо полагавший, что территориальные вопросы лежат в полной компетенции Учредительного собрания. Неожиданно к участию финнов в походе на Петроград призвал из-за границы возникший неизвестно откуда «обиженный» барон Маннергейм. Те-

перь он ожидал и на этой сомнительной операции нажать новую популярность и вернуться в политический бомонд финского общества. Подумав над предложением бывшего регента в течение трех недель, финское правительство Стольберга со свойственной ему поспешностью направило 5 ноября 1919 года свое официальное уведомление об отказе от военного выступления.

Неудачи Северо-Западной армии начинаются

О сомнениях, царивших в «независимых» государствах Прибалтики относительно военного союза с Юденичем, стало известно большевикам. Уже 17 октября 1919 года большевистское командование 7-й советской армии получило директиву, подписанную С.С. Каменевым и его начальником штаба П.П. Лебедевым, предписывающую использовать разногласия между русскими и прибалтами «для решительного и окончательного поражения армии Юденича». Для этой цели большевиками была сосредоточена ударная группа в составе 3-й бригады 21-й стрелковой дивизии из Тулы и бригада красных курсантов из Москвы. Для усиления ударной группы к ним направили два батальона московского ЧК и некоторые другие части. Среди них были 8-й, 162-й и 479-й стрелковые полки, снятые с Восточного и Северного фронтов. В общей своей массе ударная группа составила 7000 штыков и 470 сабель и сосредоточила в районе Колпина под командованием бывшего полковника Генерального штаба С.Д. Харламова. Количественно она превосходила

общую численность подошедших к петроградским предместьям трех небольших белых дивизий 1-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта графа Алексея-Фридриха-Леонида Петровича фон дер Палена. 6-я большевистская стрелковая дивизия под командованием бывшего подполковника Генерального штаба Любимова, при поддержке отрядов революционных матросов в районе Петергофа, была нацелена во фланг и тыл Отряда Светлейшего князя Ливена. Кроме того, в районе Пулково — Царское Село была собрана группа под командованием бывшего генерал-майора Генерального штаба Сергея Ивановича Одинцова, состоявшая из 2-й стрелковой дивизии, финских и петроградских красных курсантов, а также частей, переброшенных с Карельского фронта. В ее задачу входило удержание во что бы то ни стало Пулковских высот. Большевистские стратегии настаивали и на участии 15-й советской армии вместе с 7-й, однако перегруппировка не позволила бы 15-й армии начать наступление ранее 27 октября 1919 года.

21 октября в наступление двинулась 7-я советская армия в количестве 40 000 бойцов, поддержанная 6 бронепоездами, 9 бронеавтомобилями, при 453 орудиях и 708 пулеметах. По оценке исследователей, этим было достигнуто ее пятикратное превосходство над частями Северо-Западной армии Юденича. Группа красного командира Харламова вынудила отступить добровольцев из Ям-Ижор, но все атаки на Павловск провалились. Оттуда добровольцы были выбиты лишь при поддержке полков кремлевских курсантов и латышских

стрелков. «Курсанты дрались отчаянно. Они бросались на белые танки с голыми руками, вцеплялись в них и гибли десятками. Красные вожди обманули их уверениями, что танки поддельные: дерево-де выкрашено под цвет стальной брони. Они же внедряли в солдат ужас к белым, которые, по их словам, не только не дают пощады ни одному пленному, а, напротив, прежде чем казнить, подвергают лютым мукам», — вспоминал А.И. Куприн. Вслед за этим из Царского Села отошла 2-я дивизия генерал-майора Михаила Владимировича Ярославцева. При поддержке двух бронепоездов группа большевистского командира Одинцова захватила станцию Александровская. 2-я дивизия генерала Ярославцева в упорных боях 24—25 октября безуспешно пыталась снова подойти к Царскому Селу.

Отряд Светлейшего князя Ливена оборонял занятый плацдарм дольше других. 6-я советская стрелковая дивизия под командованием большевистского командира Любимова заняла Русское Копорье и Ропшу и вышла в тыл отряду Ливена, ударив в ночь на 22 октября 1919 года и угрожая захватить его штаб в Красном Селе. Рано утром генерал-майор Фердинанд Владимирович Раден атаковал Русское Копорье, без единого выстрела захватил 400 большевиков в плен и изъяс у них 3 пулемета. Далее генерал принял решение двигаться на Петергоф, куда уже отошла 6-я большевистская дивизия, но в первые же минуты атаки Раден был тяжело ранен в шею и вскоре скончался от ранения. Третью его полка полегла во время атаки под сильнейшим пулеметным и ружейным огнем противника. По воз-

вращении 17-го Либаевского полка, которым он командовал, в Красное Село тело генерал-майора Радена было предано там земле на местном кладбище. Вскоре под угрозой полного окружения части полковника Дыдорова были вынуждены оставить Красное Село. Юденич приказал перебросить 1-ю дивизию генерал-лейтенанта Антона Федоровича Дзержинского и 4-ю дивизию генерал-лейтенанта князя Александра Николаевича Долгорукова в Гатчину, тем самым оголая свой тыл для овладения Петроградом. По пути в Гатчину князь Долгорукий попытался обсуждать возможность выступления на Тосно, что было вполне правильным шагом с точки зрения тактики, однако когда эти части прибыли в город, стало ясно, что речи о наступательных действиях не могло идти никакой. Пришлось срочно занимать оборону, дабы сдержать напор быстро надвигавшихся с восточной стороны красных полков.

Конец Северо-Западной армии

Отчего-то Юденич был по-прежнему уверен, что в столице вот-вот повсеместно должно вспыхнуть восстание. Конечно, все случается в истории. Однако как Юденич планировал удержать город при пятикратном численном перевесе противника, даже если бы белые и смогли оказаться в Петрограде, а местные повстанцы сломили бы внутригородское сопротивление большевиков? 30 октября 1919 года 15-я советская армия начала наступление в глубоком тылу Северо-За-

падной армии. 10-я советская стрелковая дивизия выдвинулась в направлении на Гдов, 31 октября 1919 года 11-я и 19-я большевистские дивизии после яростных боев с 13-м Нарвским пехотным полком под командованием полковника Владимира Федоровича Григорьева заняли Лугу. 3 ноября Юденич отдает приказ по армии об отступлении.

К 7 ноября 1919 года части 1-го стрелкового корпуса отошли на свою исходную позицию на реке Луге. 14 ноября был сдан Ямбург, и последние надежды на успех рухнули. Еще с 11 ноября белые оказались вплотную прижатыми к эстонской границе. С тыла подоодвинулись эстонские части и под угрозой открытия огня начали его разоружение.

На эстонской границе Юденич еще раз смог убедиться в «благодарности» эстонцев за своевременное «признание» их независимости: «На все просьбы генерала Юденича разрешить тыловым частям, обозам, а также пленным, нуждающимся в отдыхе, перейти границу, эстонский главнокомандующий генерал Лайдонер неизменно отвечал, что этот вопрос может решить только эстонское правительство. А новое правительство Теннисона отдало приказ о немедленном разоружении всех частей Северо-Западной армии при переходе эстонской границы, причем сам глава правительства заявил, что „Эстония ни в коем случае не должна служить базой русской реакции“», — пишет Н.Н. Рутыч. Примечательно, что глава эстонского правительства опасался именно «русской», а не «большевистской» реакции в своем новом государстве. В последние недели поражений, и в особенности

в последние дни, Юденич безуспешно пытался придумать, как поступить с армией. О переброске добровольцев на юг, к генералу Деникину, не могло идти речи из-за отказа союзников предоставить морской транспорт, тем более что они «даже задерживали в своем распоряжении русские суда Добровольческого флота». Финляндия также отказалась принять на своей территории остатки Северо-Западной армии. Эстония, как уже говорилось, могла принять части добровольцев, но предварительно разоружив их и уничтожив знаки различия, в качестве «беженцев». На подобное унижение русского боевого духа не пошел даже симпатизировавший их «независимости» Юденич. Латвийское правительство, признавшее за спасение от большевиков Риги, также отшатнулась от Северо-Западной армии, как от «чумных», несмотря на посредничество французского военного представителя генерала А. Нисселя. 20 декабря 1919 года Колчак направил телеграмму Юденичу, предлагая последнему выехать в Париж для обсуждения дальнейшей судьбы армии с союзниками. К чести Главнокомандующего, он не воспользовался предложением Верховного правителя бежать, сделанного в завуалированной форме из самых добрых побуждений, решив остаться с армией до ее конца.

Ненужные

3 декабря 1919 года Юденич и неразлучный с ним контр-адмирал Пилкин сделали уже никому не нужное заявление о выходе из состава «Северо-Запад-

ного правительства». О правительстве, на скорую руку сформированном по британской указке, уже думать забыли даже его авторы — британцы. 9 декабря 1919 года немногочисленные русские части оставили восточный берег реки Нарвы: «При переходе на другой берег Нарвы, после 9 декабря 1919 года, эстонцы отбирали у частей Северо-Западной армии не только вооружение (винтовки, пулеметы, орудия), но и остатки продовольствия и обмундирование, сохранявшееся в обозах. Происходил открытый грабеж ценностей и личного имущества у офицеров при сдаче оружия», — вспоминал очевидец событий Н.Н. Рутыч.

Через полтора месяца Юденич обнародовал приказ по Северо-Западной армии о демобилизации всех ее чинов и об образовании Ликвидационной комиссии, «на обязанностях которой лежит разрешение вопроса о людях». В январе 1920 года Юденич передал Ликвидационной комиссии 227 000 фунтов стерлингов. Эстонские власти тоже, было, попытались претендовать на получение каких-нибудь средств от Юденича, но он справедливо указал им на то, что они и так уже захватили огромные склады армии, тысяч груженных военным имуществом вагонов и 26 паровозов. Мстительные эстонцы аннулировали визу Юденича, ставя его пребывание в стране в положение нелегального. 24 января 1920 года, в прощальном приказе по армии, Юденич говорил: «Отъезжая от Армии, я считаю своим долгом, от имени нашей общей матери-России, принести мою благодарность всем доблестным

офицерам и солдатам за их великий подвиг перед родиной. Беспримерны были Ваши подвиги и тяжелые лишения. Я глубоко верю, что великое дело русских патриотов не погибло. Генерал от инфантерии Юденич».

Но благополучно отбыть в Париж генералу было не суждено: 27 января 1920 года к нему в гостиницу «Коммерц» явился его давний конкурент С.Н. Булак-Булахович и потребовал Юденича для разъяснения неких «финансовых дел». Выкинутый двумя приближенными к Юденичу генералами и его адъютантом, Булак-Булахович вновь оказался в гостинице ночью, на этот раз сопровождаемый тремя эстонскими полицейскими. Ими Юденич был арестован и доставлен на вокзал, откуда его должны были депортировать в Советскую Россию. Туда, по вполне понятным причинам, бывший Главнокомандующий ехать не спешил. Эстонцы затолкали гениального стратега в вагон и отправили уже было его навстречу большевистским пограничникам, если бы не вмешательство английской и французской военных миссий, оказавших нажим на «независимое» правительство Эстонии.

Вернувшись в Ревель, генерал с супругой скорее перебрались в пользующуюся дипломатическим иммунитетом британскую военную миссию. Эстонцы, по обыкновению, «недолго» думали над выдачей Юденичу выездной визы, и спустя четыре недели она была получена, после чего генерал благополучно выехал в Ригу, а оттуда при первой okazji поспешил подальше от русской границы, в Стокгольм. Все хорошо, что хорошо кончается...

Юденич в оценках современников

Для Юденича его военная карьера завершилась даже очень неплохо... Открывалась новая, эмигрантская страница жизни Николая Николаевича, когда он обосновался на благодатном французском Юге, — если верить утверждениям его супруги, «на свои скромные сбережения», взятые ими в 1917 году из Петроградского банка, да на средства от проданных тогда же домов в Тифлисе и земли в Кисловодске. Вырученных от этих «нехитрых комбинаций» денег с лихвой хватило семье Юденича на умеренную фермерскую жизнь в Сан Лоран дю Вар и длительное пребывание в благодатном климате французской Ривьеры: «Средства эти дали возможность и нам жить, и многим... многим помочь», — оправдывалась супруга генерала, словно бы предвидя недоуменные вопросы будущих историков.

... А на заснеженных полях сражений Северо-запада России и Прибалтики остались лежать десятки тысяч солдат и офицеров разбитой и «ликвидированной» ее Главнокомандующим армии. Разочарованно в эмиграции звучали голоса бывших соратников Юденича: «Юденич обманул нас... Мы слишком ему доверились», — сокрушался бывший министр Исповеданий Временного правительства профессор Антон Владимирович Карташов. «...Средний по боевым и прочим качествам генерал, — «открывал глаза» читающей публике либерал Александр Иванович Гучков, — ни на какое ответственное дело не годный». «Сугубо провинциальный генерал, чистый техник, никакого государственного кругозо-

ра, слабое общее образование, людей знает мало, не доверяет им, молчит, думает, делает выводы, которые изменить трудно. В политические руководители не годится», — делились *post factum* с газетчиками сотрудники штаба о своем недавнем начальнике. — Никого не заражал ни верой, ни даже энергией этот угрюмый, далекий от всех старик, то скупой на разговоры, то поражающий детскими замечаниями и вопросами...»

Возможно, все эти оценки справедливы, но прозвучали они после поражения

Юденича, иначе бы как можно было оправдать немалые людские потери, личные драмы и масштабные трагедии русских отрядов, смерти опытных офицеров и безвозвратный уход пылких добровольцев-гимназистов и студентов, чьи молодые звонкие голоса еще недавно пророчески звучали под хмурым прибалтийским небом:

Смело мы в бой пойдем
За Русь Святую,
И как один прольем
Кровь молодую...

Глава VIII

ПОПЫТКА БАРОНА ВРАНГЕЛЯ

«...Мы остались одни в тяжелой борьбе, где решается судьба не только нашей Родины, но и всего человечества. Мы защищаем родную землю от ига красной нечисти, не признающей Бога и Родины, несущей смуту и позор. Скоро три года, как Русская армия несет свой тяжелый крест. Предав потоку разорения Русь, изверги надеются зажечь мировой пожар. Малые числом, но твердые духом, несли мы Крест свой, неизменно веря в конечное торжество нашего правого дела...»

П.Н. Врангель

Наследие Деникина и судьба Русской армии

Окончательный перелом в борьбе с большевиками стал очевиден почти всем. Даже самый талантливый полководец в сложившихся условиях уже больше не мог надеяться довести белые войска до стен Москвы. Тем более повсеместно и окончательно расправиться с большевистским режимом. И все же, считали молодые белые генералы, необходимо попробовать и вступить в единоборство с монстром большевизма, рвущимся запереть добровольческие и казачьи части на полуострове и одним ударом покончить с белыми. И такая попытка была сделана.

От уплывшего в Великобританию предшественника на посту Главнокомандующего армии Врангелю досталось тяжелое «наследие», но собственное обещание, данное им соратникам — «с честью вывести армию из тяжелого положения», обязывало действовать решительно. В складывающихся на фронтах юга России обстоятельствах более успешной борьбы с приближающимся красным фронтом Русская армия вести не могла. Барон принял Вооруженные силы Юга России далеко не в лучшем моральном и техническом состоянии: сказывались месяцы непрерывных боев, поражений и отступлений. За спиной армии существовал и жил, казалось, своей отдельной жизнью благополучно налаженный тыл,

с резервами и устойчивой материальной и технической базой, погрязший в коррупции и неверии в победу Белого дела. Правительства Дона, Кубани и Терека уже не давали необходимых людских ресурсов, а союзники — британцы и французы — скорее мешали обороне участием своих представителей в череде непрекращающихся интриг в тылу, нежели чем по-настоящему помогали: «На мой вопрос: „Неужели при таком превосходстве наших сил нет возможности рассчитывать хотя бы на частичный успех — вновь овладеть Новороссийском и тем обеспечить снабжение, а там, отдохнув и оправившись, постараться вырвать инициативу у противника?“ — генерал Улагай безнадежно махнул рукой: „Какое там! Казаки драться не будут. Полки совсем потеряли дух“. Мне стало ясно, что дело совсем безнадежно», — признавался Врангель.

Быстро оставляя позиции, части Русской армии прибывали в Крым порой без своих обозов, пулеметов, артиллерии и даже лошадей. Моральное состояние многих было угнетенным и даже близким к отчаянию. По согласованию с донским атаманом А.П. Богаевским и командующим Донской армией генералом В.И. Сидориным, бывший Главнокомандующий даже не решился доверить казачьим частям оборону Керченского пролива. Он лишь приказал грузить донцов на транспорты и перебрасывать их в район Евпатории, предварительно отобрав у их полков последнее вооружение. Фронт продолжал держаться только лишь за счет тактического мастерства Крымского корпу-

са Я.А. Слащева численностью около 3500 штыков и 2000 шашек.

Перед Врангелем теперь открывалось несколько возможностей решить судьбу армии. Одной из них могла стать переброска всех частей с помощью флота союзников на другие театры военных действий борьбы с большевизмом: Дальний Восток, Северо-запад России или Польский фронт. На совещаниях в штабе армии, выслушивая мнение сторон, Врангель все более склонялся к мысли о том, что временная отправка войск в одну из третьих стран могла бы дать некоторую передышку Русской армии, измотанной в непрерывных боях, и дать ей подготовиться для нового «Кубанского похода». В качестве государств, способных принять и временно расквартировать Русскую армию, штабом рассматривались Королевство СХС, Болгария и Греция. Но времени для осуществления более или менее спокойного отвода всех сил за границу у Врангеля не оставалось. Получаемые его штабом разведывательные данные свидетельствовали о многократном усилении сил противника и о продолжающейся подготовке к штурму Крыма. Большевики стягивали к полуострову немалые силы: четыре стрелковые и одну кавалерийскую дивизию численностью в 15 тысяч человек каждая. По железной дороге подвозилась тяжелая артиллерия; происходило развертывание авиационных частей на нескольких импровизированных аэродромах. Несмотря на наличие 35 тысяч человек личного состава Русской армии, сам Врангель полагал оборону Крыма делом «далеко не устойчивым».

Ненадежный тыл

В тылу у его армии находилось большое количество офицеров, приехавших в Крым, спасаясь от тягот военной службы и просто не желавших участвовать в боевых действиях. Этот «балласт», по наблюдениям очевидцев, доходил до 100 тысяч человек, в то время как на передовой пребывало лишь 25 тысяч офицеров. Некоторые белые командиры решали проблему «балласта» на свой лад: «В Севастополь мы пришли к вечеру. Квартиреры мне доложили: „Господин полковник, офицерства по городу шляется до пропасти... Я выгрузил офицерскую роту и приказал занять все входы и выходы Морского сада, где было особенно много гуляющих“. В тот же вечер мы учинили в Севастополе внезапную и поголовную мобилизацию всех беспризорных господ офицеров», — вспоминал генерал А.В. Туркуд. По замечанию другого мемуариста, несмотря на тяжелое положение обороны Крыма, в тылу почему-то продолжали оставаться резервные части, формирующиеся боевые единицы, большое количество высших воинских кадров. Кроме всего прочего, в тылу располагалось невероятное количество тыловых учреждений, с большим штатом действительных и мнимых служащих: «...Большинство офицерства и штатских щеголяло в чистом обмундировании, тратили огромные деньги по ресторанам и трактирам. Главным занятием в тылу была торговля, спекуляция с валютой, продажа казенных вещей. Жутко было смотреть на толпы бездельников, здоровую молодежь, к тому же требующих продовольствия, квартир и жалованья... Такая постановка

дела не могла кончиться хорошо, это я, как фронтовик, понял уже после двух дней. Это трагедия, а не оборона от врага», — писал М.А. Фостиков.

Крым весной 1920 года

13 апреля 1920 года большевики силами Латышской дивизии разбили передовые части Слащева, захватили Турецкий Вал и продолжили наступление на юг. На Чонгарское направление выдвинулась 8-я кавалерийская дивизия красных. Слащев приказал контратаковать противника. Это остановило продвижение красных, но отбросить Латышскую дивизию части уже не сумели: к красным прибыло пополнение из свежих частей, подтянутых из большевистского тыла. Несмотря на воцарившееся численное превосходство, утром 15 апреля 1920 года остатки красных частей были выбиты с Перекопа усилиями непрерывно атаковавших частей под командованием Слащева.

Навстречу 8-й кавалерийской дивизии красных на Чонгарское направление вышла конная бригада полковника Василия Ивановича Морозова, которая после ожесточенного боя под Тюп-Джанкоем повернула красных кавалеристов вспять и прогнала прочь. В этот же день, собрав силы «цветных полков» воедино, придав им в помощь несколько бронеавтомобилей, Врангель нанес контрудар по позициям большевиков, однако дальнейшего успеха развить не удалось: атака отогнанной на время 8-й красной кавалерийской дивизии, подошедшей на помощь стрелковым дивизиям, выровняла положение сторон. Пехотные дивизии из состава

13-й советской армии снова перешли в наступление.

Для развития успеха частей Слащева Врангель приказал осуществить два флан-

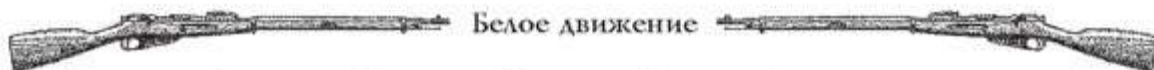

Генерал-майор В.Г. Харжевский

говых удара, высадив десанты. Для этого части водным транспортом были доставлены в район Кириловки. Несколько большевистских аэропланов, барражировавших над водой, обнаружили транспорты с войсками, передвигавшимися по воде, и подвергли их усиленному бомбометанию. Удар с воздуха был произведен «на скорую руку» и не достиг барж. Случайно попавшие на палубу транспортной баржи с боеприпасами бомбы, пробив ее, взорвались в трюме. Судно быстро погрузилось под воду.

По замыслу белого командования, части дроздовцев должны были прибыть на узкий песчаный полуостров Хорлы. Десантом командовал генерал-майор Владимир Константинович Витковский. 2-м полком — генерал Антон Васильевич Туркул, а 1-м — генерал-майор Владимир Григорьевич Харжевский. На высадившийся десант большевики обрушили силы своей 46-й дивизии. Другой десант, обосновавшись в Хорлах, сразу же собрал небольшой военный совет под председательством генерала Витковского. Владимир Константинович, избегая обсуждать неожиданные трудности, выпавшие в ходе высадки десанта, настаивал на выполнении боевой задачи до конца: пробиваться с перешейка по тылам противника к Перекопу. Общим решением выступление было назначено на утро. Предприятие было рискованным, ибо корабли, высадившие десант, ушли в море и находились далеко от берега. Если бы красным контрударом удалось сбросить десант дроздовцев в море, его участь оказалась бы незавидной.

Участник десанта генерал Туркул вспоминал: «Часов в восемь утра мы уже тронулись на деревню Адамань, пробиваться на Перекоп. Нас еще нес порыв ночного боя, стремительность победного удара. Красные отступали. Мы накатили на Адамань. В бою под Адаманью конными разведчиками 1-й дроздовской батареи совместно с генералом Витковским, выехавшим в атаку на автомобиле с пулеметом Льюиса, была взята красная батарея. В колонне за подводами наши полковые сестры милосердия, жены и сестры дроздовцев: Мария Васильевна,

Александра Павловна Слюсарева, Вера Александровна Фридман. Лица молодых женщин бледны, точно окаменели. При каждом взрыве снаряда они крестятся». После двухдневных изматывающих боев, пройдя с боями 60 верст, отвлекая на себя силы противника, дроздовцы пробились к белым частям, стоящим на Перекопе. За этот рейд Врангель, приехавший на смотр дроздовцев в Армянск, произвел полковника Туркула в генерал-майоры. Попытки большевиков взять Крым штурмом в который раз были сорваны.

Для подготовки нового наступления большевикам требовалось еще несколько недель. Своей конечной целью красное командование видело блокаду и постепенное уничтожение «запертых» частей Русской армии на Крымском полуострове. Но для осуществления этого плана были необходимы еще большие человеческие и технические ресурсы. Инженерные роты красных возводили линии заграждения, подтягивалось значительное количество артиллерии, подходили бронепоезда и новые эшелоны с пехотой.

Духовная жизнь Русской армии

Выпавшая правительству Врангеля временная передышка позволила ему заняться решением неотложных задач, напрямую связанных с состоянием армии, и в том числе укреплением дисциплины, сокращением многочисленных штабов и усилением боеспособности кадров полков.

Врангель лично встретился с 35-летним митрополитом Вениамином (Федченковым), знакомым ему еще тогда, ког-

да Главком Деникин выслал своего неуживчивого подчиненного барона в Крым. Теперь Врангель и митрополит решили обсудить духовную сторону вос-

Генерал-лейтенант
барон П.Н. Врангель

питательной работы чинов Русской армии. Сам Врангель признавал: «Работы духовенства в войсках почти не было. Я не мог с этим не согласиться. Управляющий военным и морским духовенством протопресвитер Шавельский, находясь безотлучно при Ставке Главнокомандующего, был, видимо, весьма далек от войск...

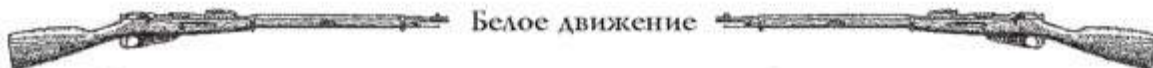
Войсковое духовенство сплошь и рядом было не на высоте... я считал совершенно необходимым провести не только беспощадную чистку ее от порочных элементов, но и целый ряд мер для повышения нравственного уровня в войсках, в том числе духовно-религиозного воспитания».

10 апреля 1920 года Врангель подчинил Управляющего военным духовенством себе и при Управлении военным и морским духовенством учредил 10 должностей армейских проповедников. Управлению был предоставлен вагон-церковь для совершения богослужения в местах, где не было храма. Деятельности своих проповедников, повсюду бывавших на богослужениях с проповедями, беседами, епископ Вениамин придавал большое значение и сетовал на затруднения с транспортом. Самому епископу Вениамину, объезжавшему фронт в июле, пришлось два раза совершить длинные переходы пешком: «Конечно, — констатирует он, — это апостольский способ проповеди. Но время теперь чрезвычайно дорого». Иные пастыри, например, о. Владимир Востоков, увлекались проповедями, по выражению Врангеля, «чисто погромного характера». Симпатизировавший проповедническому дару о. Владимира, Врангель характеризовал его следующим образом: «Отличный оратор, умеющий захватывать толпу, он имел, особенно среди простого люда, значительный успех». Скорее всего, Врангелю импонировало, что этот священник пытался внести свою лепту в оборону Крыма. Им была задумана и грандиозная духовная акция, призванная остановить наступление большевиков. О. Владимир Востоков сообщил в штаб Главнокомандующего о

проведении большого крестного хода, в котором должно было бы участвовать все крымское духовенство с иконами и хоругвями. Пастырь сообщал, что «увидав это священное шествие, красноармейцы, благочестивые русские крестьяне, благоговейно снимут шапки, вонзят штыки в землю и падут ниц перед святыми иконами. Не пролитием крови сокрушится богоненавистная большевистская власть, а силою Креста Господня». Не в последнюю очередь и по соображениям безопасности участников, командование Русской армии, однако, настояло на запрещении крестного хода, участвовать в котором уже выразили желание тысячи православных, оказавшихся в Крыму.

3 октября 1920 года появился приказ № 145 о запрещении крестного хода. В приказе говорилось: «Запрещаю всякие публичные выступления, проповеди, лекции и диспуты, сеющие политическую и национальную рознь... Нарушивших... невзирая на сан, чин и звание, буду высылать из наших пределов».

Фанатичный призыв к отдельным частям Русской армии о «даальнем крестном ходе» появился в те дни и от мирянина — крымского миссионера Рудакова. Оказавшись как-то на передовой, в одной из частей кутеповского корпуса, он призвал 3-й Дроздовский полк идти крестным ходом на Москву, уверяя его чинов, что по пути к ним присоединятся очарованные этим действием русские люди и все вместе они, таким образом, дойдут до стен Кремля и изгонят большевиков. Наряду с этим Рудаков выдвинула и вполне деловое предложение — вышить на дроздовских знаменах слова «За Веру!».

Невозможность проведения задуманного крестного хода о. Владимир отнес к пронкам своих врагов, о чем в ходе проповедей возвещал прихожанам, продолжая тем самым расшатывать хрупкое равновесие в тылу Русской армии. 22 сентября 1920 года Главкомандующему лично пришлось вызвать неумного пастыря к себе. В разговоре со священником барон был прямолинеен: «...Хотя я сам монархист, но союзники в ответ на вашу религиозно-патристическую пропаганду заявили: „Если о. Востоков не прекратит свою пропаганду, то мы прекратим военную и продовольственную помощь Русской армии“. Поэтому, если вы, о. Востоков, не послушаетесь моего предупреждения, то я вынужден буду просить вас немедленно оставить Крым». Проповеди прекратились.

Несостоявшийся крестный ход в Крыму, по-видимому, напугал и большевиков, но их действия были традиционны. Дочь священника, Нина Владимировна Востокова, была арестована Московской ЧК и расстреляна без суда и следствия. На са-

мого иерея большевики организовали покушение, тайно направив в Крым одну из сотрудниц ЧК. О ее приезде стало известно врангелевской контрразведке, приставившей к Востокову для охраны своих агентов.

С оставлением Русской армией Крыма о. Владимир с остатками врангелевской армии подался в Галлиполи, а оттуда и в Сербию. Там он служил законоучителем в русской гимназии в Кикинде и состоял настоятелем православного храма в городке Великий Бичкерек. Позже стал членом Высшего зарубежного церковного управления, а в 1944 году, когда танки советской армии показались на границе Югославии, о. Востоков, опасаясь неминуемого ареста СМЕРШом, поспешил переехать из Сербии в Австрию, а оттуда в американскую оккупационную зону. Некоторое время он служил настоятелем православных церквей в различных лагерях русских беженцев в Австрии и Германии. Остаток дней своих о. Владимир Востоков провел в США, приехав туда в 1951 году. Шесть лет прослужил он насто-

П.Н. Врангель и авиаторы 5-го авиаотряда

ятелем церкви Святого Тихона Задонского в Сан-Франциско, был духовником и проповедником Корпуса Императорской Армии и Флота, а в 1954 году даже стал протопресвитером. По свидетельству знавших его людей, и в этот период своей жизни о. Владимир продолжал держаться «крайне консервативных взглядов». В 1955 году он вышел «на покой», а через два года, 5 августа 1957 года, на девяностом году жизни о. Владимир скончался и был похоронен на Сербском кладбище в Сан-Франциско.

Взаимодействие Главнокомандующего с православным духовенством, окормлявшим белое воинство, продолжалось. Врангель лично принял митрополита Антония (Храповицкого), впоследствии неустанно заботившегося о поддержке боевого духа в рядах Русской армии. Их знакомство началось с курьезного визита иерарха в Ставку Главнокомандующего: «Владыка Антоний посетил генерала Врангеля. (Тут надобно заметить, что в те далекие времена митрополитов, т.е. таких архиереев, которые носят белый клобук, можно было бы пересчитать по пальцам одной руки.) Адьютант Главнокомандующего был, как видно, не семи пядей во лбу, а поэтому почтительно осведомился у прибывшего иерарха: „Как прикажете доложить?“ — „Скажи генералу, — невозмутимо отвечал митрополит, — пришла Марь Ванна в белой шляпке“...»

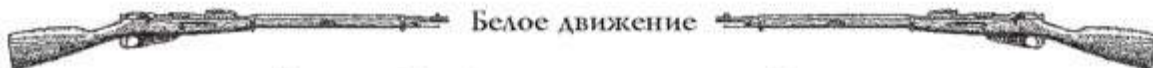
Надо отметить, что в те дни Русскую армию окормлял и старообрядческий священник о. Иаков Никулин, и мулла. Появился в армии и католический капеллан. Для калмыцких частей при штабе Донской армии и с согласия атамана Бо-

гаевского прибывал буддийский лама, дважды вместе с атаманом, приезжавший для поддержания единоверцев.

20 сентября 1920 года в Мелитополь была привезена Курская икона Божьей Матери «Знамение». Сопровождал ее епископ Вениамин. Вот как описывает прибытие образа журналист Н.Г. Росс: «Икона прибыла в поезде Главнокомандующего. Для встречи иконы из города направился крестный ход, в сопровождении военных и гражданских властей, городского и земского самоуправления, учащихся и массы молящихся. Икона была вынесена генералом Врангелем, который благословил ею собравшийся массой народ, икону поддерживали генералы Шатилов и Кутепов. Крестный ход с образом направился к собору, где на площади был отслужен молебен епископом Вениамином, обратившимся к молящимся с глубоко прочувствованным словом. Икона отбывает на фронт».

Барон Врангель на «внутреннем фронте»

Помимо заботы о духовном воспитании чинов Русской армии, Врангель вводил меры по укреплению дисциплины в войсках: действовали военно-полевые суды, были и случаи судебного преследования за грабежи и мародерство в отношении местного населения. Генерал Кутепов провел серию мероприятий по наведению дисциплины в своих подразделениях, приговаривая грабителей к смертной казни, против чего в прессе сразу же выступала местная либерально-демократическая оппозиция, воз-

главляемая главой города Симферополя, неким господином Усовым. Врангель вызвал Усова на прием и провел с ним краткую беседу, сообщив как бы, между прочим, что на нем, как на Главнокомандующем, лежит ответственность перед армией и населением и что он действует так, как повелевают его ум и совесть: «Вы на моем месте действовали бы конечно, иначе. Однако во главе русского дела судьба поставила не вас, а меня, и я поступаю так, как понимаю свой долг. Вы протестуете против того, что генерал Кутепов повесил несколько десятков вредных армии и нашему делу лиц. Предупреждаю вас, что я не задумаюсь увеличить число повешенных еще одним, хотя бы этим лицом оказались вы...»

Ряд командующих крупными подразделениями, к сожалению, придерживались политики раскола и смуты, например, генерал-лейтенант Владимир Ильич Сидорин и его начальник штаба Антонин Киприанович Кельчевский. Они открыто высказывали свои намерения об отделении от частей Русской армии Донского корпуса и отвода его на Дон из Крыма, Врангель повелел провести служебные расследования. После того он приказал предать генералов военно-полевому суду и в качестве альтернативного наказания выслал их за границу. На смену Сидорину был назначен генерал-лейтенант Федор Федорович Абрамов, а дела у Кельчевского принял генерал-майор Генерального штаба Александр Ильич Кислов. Начальника политического отдела Донского корпуса, и по совместительству редактора газеты, сотника графа дю Шайля, тяжело

ранившего себя при попытке ареста, по излечении Врангель также приказал выслать за границу. Следом за бывшим донским командованием за границу выеха-

Генералы (сидят от второго слева)
В.К. Витковский, А.П. Кутепов,
полковник А.К. Фридман

ли генералы В.А. Покровский, В.И. Потовский и А.А. Боровский, что положило конец штабным интригам.

Особое внимание Врангель уделял вопросам снабжения, ибо для запертой на Крымском полуострове армии это было не последним делом. Уголь по-прежнему поставлялся британскими союзниками. Первоочередные меры, которые предпринял Врангель в гражданской части своего правления в Крыму, были направлены на улучшение хозяйственного положения, удешевление предметов первой необходимости, увеличение запасов муки в городах. Крым

обладал в необходимой мере запасами сырья, соли, в порту и на складах было большое количество железного лома, по геологическим данным на территории полуострова имелись залежи серы, туфов и угля, пласты которого обнаружили в районе станции Бешуй, где должны были начаться геологические изыскания. Врангель намеревался провести сокращение штатов различных учреждений и управлений, наладить соответствие окладов служащих в различных ведомствах и провести нормировку рабочих ставок. Перед представителями гражданской администрации Главкомандующим ставилась задача контроля над расходами городских и земских самоуправлений, которые зачастую направляли поступающие многомиллионные вливания на повышение окладов собственных служащих. В части внешнеэкономической деятельности Врангелем были отданы распоряжения по закупке солонины и мясных консервов из Болгарии, а также жиров, поставляемых в Крым из Константинополя. Начальник Управления снабжения генерал-лейтенант П.Э. Вильчевский докладывал Врангелю, что при условии расходов не более одного фунта хлеба в сутки на человека муки в Крыму может хватить до следующего урожая 1921 года. Врангель заслушал также доклад и.о. начальника управления финансов Б.В. Матусевича о причинах падения российского рубля. Им было также предписано образовать особую комиссию, которой поручалось наметить ряд мер по улучшению налоговой системы и увеличению доходов казны.

Отдельным вопросом перед Главкомандующим стояло усиление цензуры прессы, ибо в обстоятельствах «осажденной крепости» он посчитал невозможным потакать дальнейшей либерализации печатных органов, нередко служивших рупором оппозиции и нагнетания истерии в обществе. На встрече с редакторами газет, проходившей у Врангеля, он напомнил приглашенным, что их пожелания по отмене цензуры, мягко говоря, несвоевременны. Более того, по законам военного времени действия, наносящие вред военному и гражданскому руководству Крыма и служащие на пользу противника, караются весьма строго, вплоть до смертной казни. В итоге многие редакторы согласились, что действительно, их требования относительно полной отмены цензуры были преждевременны.

Нововведением в наградной системе Русской армии Врангеля стало учреждение ордена Св. Николая Чудотворца в апреле 1920 года. Причина этого проста: за последние два года при Главкомандующем Деникине награждение офицеров и нижних чинов происходило главным образом за счет перевода их в следующий чин, что привело к появлению огромного числа штаб-офицеров и генералов — при некотором игнорировании того, что само по себе звание генерала требовало и некоторой практической и житейской мудрости, не говоря уже о практическом опыте и соответствующей подготовке. Новый орден был исполнен в виде черного металлического креста с изображением Святителя Николая и надписью «Верою спасется Россия» на трехцветной национальной ленте.

Мобилизация в рядах Белой и Красной армий

Во второй декаде мая 1920 года была объявлена мобилизация мужчин призывного возраста, родившихся в 1900—1901 годах. Большевистское командование тоже продолжало сосредоточение свежих сил перед фронтом Русской армии. Туда стягивались 3-я, 46-я, 52-я и Латышская стрелковые дивизии. К ним добавлялись 85-я бригада 29-й стрелковой дивизии, 124-я бригада 42-й стрелковой дивизии и 2-я кавалерийская дивизия имени Блинова. Эта дивизия, прибывшая с Кубани, была одной из нескольких дивизий корпуса Думенко. Кроме того, большевистское командование направило запасную кавалерийскую бригаду Федотова из частей управления формирований 1-й Конной армии Буденного, полк имени Льва Каменева, Особый отряд Ревкома Крыма, карательный чекистский отряд, караульный батальон и несколько мелких вооруженных формирований. Общая численность красных формирований составляла 15—16 тысяч штыков, 3—4 тысячи сабель.

2 мая 1920 года в Севастополь прибыл командующий британским оккупационным корпусом генерал Милн. Он осведомился о пожеланиях Врангеля относительно поставок и поинтересовался, имеются ли какие-либо пожелания; распорядился об отпуске бензина из оккупированного британцами Батума и предложил направить британский броненосец к берегам Трапезунда для прикрытия погрузки старого русского оборудования, оставшегося там с довоенных времен. Врангель побла-

годарил представителя союзников и сказал о тяжелом экономическом положении Крыма, а также, что дальнейшее пребывание в Крыму грозит армии и населению голодом. При этих условиях, сообщил британскому генералу Врангель, он не видит другой возможности, как попытаться расширить занятую Русской армией территорию. От подробных комментариев по поводу планов возможного расширения территории барон уклонился.

Контрмеры командования Русской армии

Разведка доложила в штаб Главнокомандующего Русской армии о подготовке красным командованием нового наступления в самые ближайшие дни. Врангель не был особенно удручен, ибо его Русская армия численно превосходила противника. Войска, выставленные против красных, были сведены в четыре корпуса: 1-й армейский корпус под командованием генерал-лейтенанта А.П. Кутепова; 2-й армейский корпус — под командованием генерал-лейтенанта Я.А. Слащева; Сводный корпус генерал-лейтенанта Петра Константиновича Писарева; Донской корпус генерал-лейтенанта Федора Федоровича Абрамова. Боевой состав Русской армии насчитывал 25 тысяч штыков и сабель. В своей директиве от 21 мая 1920 года Врангель поставил перед командующими корпусами следующие задачи: генералу Слащеву, после того как его части будут сменены частями генерала Писарева, погрузиться в Феодосию и высадиться в районе Кирилловка — Горелое. По высадке перерезать же-

лезнодорожную ветку Сальково — Мелитополь и далее совместно с частями генерал-лейтенанта Петра Константиновича Писарева действовать в тылу Перекопс-

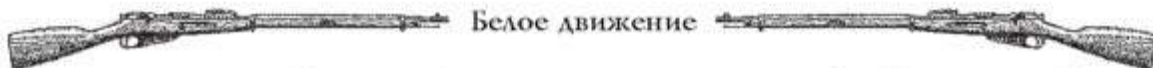
Генерал П.С. Махров

кой группировки большевиков. Генералам Писареву и Кутепову — атаковать красных на рассвете 25 мая, разбить и отбросить за Днепр. Генералу Абрамову с Донским корпусом оставаться в резерве Главнокомандующего в районе станции Джанкой. Предполагалось также ввести часть флота в Днепровский лиман для поддержки левого фланга наступательной операции. Накануне выступления Врангель выпустил известный приказ № 3226, где призвал крымское население к защите Родины и мирного труда русских людей.

22 мая 1920 года части генерала Слащева начали погрузку в военные транспорты для отправки к месту высадки. Барон Врангель нашел, что «войска имели отличный вид. Сам генерал Слащев был настроен весьма бодро и уверенно». В об-

становке полной секретности Азовский отряд судов с десантом на бортах вышел в море, прошел через Керченский пролив в Азовское море, и только там капитаны кораблей, перевозившие десант, вскрыли пакеты от Главнокомандующего, где указывалась конечная цель их маршрута. «Чтобы держать противника возможно дольше в заблуждении, отряд судов Каркинитского залива утром того же 6 июня произвел демонстрацию у порта Хорлы, и три вооруженные баржи, став на якорь, обстреляли порт. Вскоре береговая батарея красных открыла ответный огонь, и суда, отойдя от порта, оставались в видимости целый день», — вспоминал один из участников этого десанта П.К. Варнек.

Узнав о высадке десанта у Кирилловки, большевики спешно перебросили туда полторы тысячи штыков, а также подняли в воздух несколько аэропланов для поддержки пехоты с воздуха. Десант Слащева с ходу разбил красных и устремился на Мелитополь. 7 июня 1920 года Кутепов ударил по Латышской и 3-й стрелковой дивизии, а Писарев по 46-й, состоявшей из «революционных эстонцев». Для прорыва укрепленной полосы командующие Русской армией ввели в бой танки и броневики. Началось упорное беспощадное сражение. Красная артиллерия не жалела снарядов, расстреливая наступающих прямой наводкой. Потери с обеих сторон были невероятные. Только за день в Латышской дивизии красных выбыло убитыми и ранеными свыше тысячи человек. Дроздовцы потеряли в тех сражениях почти половину командного состава. И вот, когда оборона большевиков сломалась, Кутепову удалось

продвинуться вглубь линии фронта на 10—15 верст. К концу дня, подкрепив себя новыми резервами, красные все же заставили отступить корпус Кутепова назад, до самого Перекопа. К 9 июня 1920 года в ходе борьбы двух сторон наметился некоторый перелом. Слащев подошел к Акимовке, разгромил бывшие там красные части и ворвался в Мелитополь, перекрыв для движения поездов железнодорожную ветку на линии Симферополь — Синельниково. Эту транспортную магистраль использовала 13-я советская армия для переброски свежих подразделений к Перекопу. Однако подход основных сил к Слащеву запаздывал, и его частям приходилось драться в некоторой изоляции. Ставка Врангеля перешла в Мелитополь. Обложенный с трех сторон корпус Слащева несколько дней отбивал атаки противника, не пуская его в город. Сам барон и его штаб находились в поезде.

Вырваться из Крыма!

В 20-х числах мая 1920 года красные навалились на белые тылы в районе села Новоалексеевка, где базировался штаб и Чеченская бригада вместе с командующим генерал-майором Александром Петровичем Ревизиным. После короткого боя у деревни Ново-Михайловки красная конница разгромила бригаду и пленила ее командира. На допросе, как водится, кто-то из красных командиров после последовавшей словесной перепалки в качестве последнего аргумента застрелил Ревизина.

11 июня 1920 года красные снова пошли в контрнаступление и завязались тя-

желые встречные бои. Им навстречу был выведен Донской корпус генерала Абрамова. 12 июня он взял город Алешки, вышел на левый берег Днепра от его устья

Генерал-лейтенант П.К. Писарев

до Каховки. Десантный отряд капитана 1-го ранга Николая Николаевича Машукова, высаженный канонерскими лодками «Урал» и «Грозный», в течение нескольких дней удерживал Бердянск и даже соединился с войсками Слащева. На северном направлении фронт остановился у поселка Васильевка, не дойдя полсотни верст до Александровска.

Операция по выходу из Крыма завершилась. Русская армия захватила около 10 тысяч военнопленных и почти полсотни орудий противника. В ходе операции по выходу белых корпусов к Днепру 13-я советская армия оказалась разделенной на две части: одна из них оставалась на левом берегу Днепра, а другая — на пра-

вом. Русская армия освободила территорию площадью в 300 верст и обеспечила себе выход в богатые продовольствием места Северной Таврии.

Красные не прекращали попыток переломить ситуацию. В конце июня 1920 года они совершили прорыв к городку Большой Токмак, но вскоре были выбиты и отброшены на север. Одновременно большевики повели наступление против 34-й пехотной дивизии вдоль линии железной дороги Александровск — Медитополь и к ночи 22 июня заняли деревню Михайловку. На следующий день красные были атакованы частями Сводного корпуса генерала Петра Константиновича Писарева во фланг и под их напором отступили к северу. В течение нескольких последующих дней части 1-го и 2-го армейских корпусов очищали от красных район Большого Токмака, Щербакówki и Янчокрака. 23 июня 1920 года противник продолжил отход по всему фронту. Но эта победа досталась Русской армии высокой ценой: «Тяжелые непрерывные бои в течение пяти недель вывели из строя массу людей. Ряды армии таяли. Новые пополнения не могли возместить всех потерь. Нужно было искать новые источники пополнения...»

Врангель предпринимает самые решительные меры по сокращению штабов. При нем было расформировано более трехсот тыловых учреждений. В ряде приказов Главнокомандующего военным и гражданским ведомствам предписывалось отчислять в строй всех здоровых воинских чинов за исключением специалистов и лиц, занимавших должности не ниже начальников отделений. Главному

интенданту было поручено принять меры к выяснению точной численности войсковых частей и снять с довольствия всех лишних людей.

Источником пополнения рядов Русской армии могли стать чины разгромленных Северной и Северо-Западной армий, а также части генерала Николая Эмильевича фон Бредова, возвращавшиеся из польских концентрационных лагерей. Врангель предписал русским военным представителям принять все зависящие от них меры для направления в Крым всех боеспособных офицеров и солдат. Впрочем, должного развития эта идея Главнокомандующего так и не получила. Отношение крымской военной бюрократии к «восставшему из мертвых» фон Бредову было спроецировано и на его воинство. Участник легендарного похода вспоминал: «Понемногу оглядевшись, поняли, что мы, „бредовцы“, не пользуемся симпатиями командования; что на нас навешали всех собак; что наш поход, наш возврат в Крым никакой, ни моральной, ни реальной, цены не имеет, что наши генералы делали не совсем то, что хотело командование. Генерал фон Бредов, чье имя получила вся наша эпопея, был по совершенно непонятной причине „устранен“ повсюду, и это всем показалось обидным. Такая несправедливость нас больно ударила. Было обидно за начальника, сумевшего увести от разгрома, сохранив целостность, и, несмотря на уловки Польши и „союзников“, вернуть в Крым и бросить в бой пару десятков тысяч бойцов. И это все тогда, когда Новороссийская катастрофа была уже далеким прошлым».

У Русской армии возникли сложности также и с техническим обеспечением боевой техники и аэропланов. Они решались исключительно благодаря находчивости и самоотверженности офицеров. Бензин, масло и резина закупалась за границей, обычно в Румынии или Болгарии, порой в Грузии, но ощущался большой недостаток необходимого. Попытки вывезти русское имущество из Трапезунда натывались на тихое противодействие британских властей, которые задерживали доставку груза под любыми предлогами. Эти препятствия обходили всевозможными усилиями, а также пользуясь доброжелательным отношением чинов британской военной миссии в Константинополе, однако, по признанию Врангеля, терялось огромное количество времени и напрасных усилий.

Подготовка контрудара

Большевистское оперативное командование фронтом занялось подготовкой массированного контрудара, придя в себя после оглушительного поражения в Северной Таврии. С Северного Кавказа был переброшен 1-й отдельный корпус Дмитрия Жлобы. В него вошли части кавалерийского корпуса Думенко силой в 12 тысяч сабель, отряды броневых автомобилей и артиллерийские дивизионы. С польского фронта в Таврию направлялись 52-я, 42-я и 40-я стрелковые дивизии, 2-я кавалерийская дивизия Дыбенко и 9 аэропланов для бомбометания и разведывательных полетов. Идея красных сводилась к тому, чтобы сходящимися ударами отсечь Русскую армию от

крымских перешейков, раздробить и уничтожить ее силы в Северной Таврии, не дав возможности Врангелю для ее отвода в Крым. Основной удар красных

Генерал-лейтенант В.К. Витковский

должен быть нанесен на Мелитополь, где располагался штабной поезд Врангеля, и после захвата города, обходами, планировалось направиться в тылы белых корпусов для их окружения.

Красные начали свою операцию 28 июня 1920 года. В районе станции Большой Токмак Кавалерийский корпус Жлобы накинудся на 2-ю Донскую дивизию Абрамова. С ходу было уничтожено два полка казачьей конницы, отсекая их от спешащих на выручку других пол-

ков Донской дивизии. Конница Жлобы повернула в глубину позиций Русской армии. 40-я советская стрелковая дивизия отбросила 3-ю Донскую и вышла в районе Ногайска к Азовскому морю. 1 июля 1920 года началось красное наступление, в ходе которого их части переправились через Днепр и заняли Каховку. Продвигаясь далее большевики не смогли из-за начавшихся контратак Русской армии, заставившей их приступить к обороне. Отбиваясь, части Жлобы все же наступали на Мелитополь. Врангель отдал приказание генерал-майору Вячеславу Матвеевичу Ткачеву, полному Георгиевскому кавалеру в русской авиации за боевые вылеты 1914 и 1916 годов, начальнику авиации Русской армии, поднять в воздух имеющиеся у него аэропланы, чтобы попытаться остановить стремительно приближавшуюся на рысях красную конницу. Два десятка боевых машин, одной из которых управлял сам генерал Ткачев, поднялись в небо и, разогнав аэропланы красных, сбросили бомбы и обрушили пулеметный огонь на конницу Жлобы. Пользуясь расстройством боевых порядков красных, пехота Русской армии контратаковала, заставляя снижать темпы продвижения. Жлоба распорядился о передвижении конницы в ночных маршах, но это существенно снизило скорость наступления его дивизии.

Наступление Русской армии

3 июля 1920 года Русская армия перешла в общее контрнаступление, сбив большевистские части с плацдарма под Каховкой и вытеснив их на другой берег

Днепра. Бой с частями Жлобы кипел всего в полутора десятках верст от Мелитополя. 2-я Ставропольская дивизия Дыбенко прорвала оборону корниловцев, но была вынуждена откатиться назад из-за прилетевших вовремя на подмогу аэропланов эскадрильи Ткачева. Части Дыбенко начали отход, другие советские части были вытеснены в район станции Токмака, где попали под огонь бронепоездов. Красные выходили из-под удара мелкими группами. Отходя, они пробились к своим основным частям, преследуемые Русской армией. Назад из рейда к основным большевистским частям вернулось менее четверти их изначального состава. Русская армия захватила свыше 11 тысяч пленных, 60 орудий, несколько броневиков и аэропланов противника.

Десант полковника Назарова

9 июля 1920 года десант полковника Федора Дмитриевича Назарова, высаженный Азовским отрядом судов в составе канонерских лодок «Страж», «Грозный», «Алтай» и «Урал», миноносца «Живой» и двух барж, занял район Александровка — Грушевка в 35 верстах от Новочеркасска. Отряд состоял из 900 донских казаков, двух полевых орудий, одного броневика и радиостанции. Для его ликвидации красными была создана целая группировка, включавшая в себя одну пехотную и две кавалерийские дивизии. 15 июля после тяжелых встречных боев Назарову удалось прорвать оборону красных и отправиться в рейд по станицам, в которых по мере его продви-

жения в отряд вливались новые силы, увеличив его почти наполовину. Большевистские силы преследовали отряд Назарова буквально по пятам, прижав его в районе станицы Константиновской к Дону. В решающем сражении отряд, однако, был рассеян превосходящими силами противника, Федор Дмитриевич Назаров бежал за Маныч, где его настигли и добились преследователи. Сам Назаров сумел выдать себя за солдата, был арестован за дезертирство, но во время этапа сбежал и самостоятельно добрался в Крым к началу осени 1920 года. Увы, общего донского восстания не получилось, ибо силы донских казаков были уже истощены, а материальные ресурсы Дона исчерпаны установившимся там большевистским режимом.

Неутомимая натура Федора Дмитриевича привела его в 1920-х годах в Монголию, где некоторое время он возглавлял партизанский казачий отряд. В 1927 году Назаров перебрался в Китай и оттуда совершил свой последний набег во главе верных ему казаков на станцию Пограничная в начале августа 1931 года. В ходе неудачного боя казаки оказались окруженными пограничниками и частями РККА, а Назаров, видя крах всех его усилий в борьбе с большевизмом, покончил жизнь самоубийством.

Неудача десанта полковника Назарова 11 годами раньше, в июле 1920 года, все же имела некоторое положительное значение для Русской армии, ибо преследовавшие его отряды большевики задействовали значительные силы, снятые с крымского фронта.

Наступление у Большого Токмака и взятие Орехова

10 июля 1920 года ударная группа Врангеля — весь конный корпус и Дроздовская дивизия — сосредоточились в районе Большого Токмака, откуда 12 июля 1920 года все части Кутепова перешли в наступление. К полудню конница генерал-лейтенанта Николая Петровича Калинина вошла в городок Орехов. 13 июля 1920 года Кубанская казачья дивизия с двумя полками Дроздовской дивизии вела бой в районе Орехова. А.В. Туркул, участник тех боев, вспоминал: «Идем тремя колоннами: кавалерийская бригада и 3-й полк — на село Жеребец, западнее Орехова, 1-й и 2-й дроздовские полки — на Орехов, а на село Большую Камышеваху, за Ореховым, двигалась, блистая в пыли, кавалерия генерала Барбовича. Орехов — ось нашего движения... 1-й Дроздовский полк занял Орехов, выставил сторожевые охранения...» Врангель оказался недоволен действиями конницы Калинина: город то и дело переходил из рук в руки: «Действия генерала Калинина... были... неудачны. Сперва, по недостаточно проверенным сведениям, он двинул 1-ю конную и Кубанскую дивизию на копани, заняв дроздовцами высоты западнее Орехова. Между тем конница противника всеми силами обрушилась на 2-ю конную дивизию генерала Морозова, потеснила ее и беспрепятственно заняла Орехов. Генерал Калинин бросился туда. К ночи дроздовцы овладели Ореховым...» 15 июля 1920 года — Донскому корпусу Ф.Ф. Абрамова удалось разгромить 40-ю дивизию большевиков в районе деревни Юльевки. Казаками Абрамова было захвачено до полутора тысяч

пленных, 7 орудий и 35 пулеметов. Донцы потеснили большевиков назад, за железнодорожную ветку. «Генерал Калинин продолжал топтаться на месте», — недовольно констатировал Врангель.

16 июля противник перешел в наступление в районе Сладкой Балки, потеснив корниловцев, а кавалерия большевиков заставила отойти 3-й дроздовский полк и небольшой отряд марковцев, заняв обширный район Юльевки — Веселого — Новогорьевки. Эти части не были поддержаны конницей Калинина, и Врангель направил генералу телеграмму, в которой объявил о его отстранении от должности.

На место Калинина барон назначил генерал-лейтенанта Николая Гавриловича Бабиева, человека, про которого Главнокомандующий Русской армией отмечал, что тот был «совершенно исключительно мужества и порыва, с редким кавалерийским чутьем, отличный джигит, обожаемый офицерами и казаками...» Современники Бабиева держались того же мнения: «Сухопарый, черноволосый, с кавалерийскими ногами немного колесом, с перерубленной правой рукой. В конных атаках генерал рубился левой. Этот веселый и простой человек был обаятелен. В нем все привлекало: и голос с хрипотцой, и как он ходил, немного перегнувшись вперед. Привлекала его нераздумывающая, какая-то ликующая храбрость».

Казаки и гвардейцы в наступлении

17 июля Донской корпус нанес большевикам новый удар, захватив полтысячи пленных и три бронепоезда, несколько

артиллерийских орудий и пулеметов. Бабиев направил 1-ю конную и Кубанскую дивизии, которой командовал генерал Барбович в охват левого фланга кон-

Генерал от кавалерии П.Н. Шатилов

ной группы противника. 2-я конная дивизия генерал-майора Василия Ивановича Морозова, будущего героя Донского батальона в составе Русского корпуса на Балканах, была двинута на селение под названием Аула, где вступила с идущей на Новопавловку конницей большевиков. С 18 по 20 июля корпус генерала Бабиева разбил красных у деревень Васиновки и в районе Аула. Большевики начали отход на север. За неполные девять дней Русская армия захватила свыше 5000 пленных, более 30 орудий, 150 пулеметов и 4 бронепоезда.

Немалая доля успеха в этом принадлежала генералу Бабиеву, а также Ивану Гавриловичу Барбовичу, в конные части которого были включены и гвардейские полки. Активное участие конных гвардейских дивизионов особо отмечалось в боях на Перекопе. 1 июля газета «Феодосийский вестник» поместила небольшую заметку об участии гвардейских эскадронов в боях на Перекопе: «...Разбив противника на этом направлении, наши доблестные кавалергарды и кирасиры преследовали противника, изрубив более 600 человек и захватив 250 пленных, 4 пулемета, пулеметные ленты и тысячи патронов...»

Начало отступления

К вечеру 20 июля 1920 года поезд Врангеля подошел к Севастополю, выйдя днем из Мелитополя. По пути обсуждались планы дальнейшей обороны Крыма. Медлить было нельзя, ибо дав возможность красному командованию подтянуть свежие силы, можно было привести дело к полной блокаде Крымского полуострова. Врангель предложил опередить красных. Наступила короткая передышка перед новой схваткой. Большевистское командование свело остатки разбитого корпуса Жлобы и несколько других соединений в так называемую 2-ю конную армию общей численностью в 9 тысяч сабель, командовать которой был назначен О.И. Городовиков. Командовать многократно битой 13-й советской армией поставили Уборевича, а большевистская авиация сосредоточилась под командованием красного командира И. Павлова.

Новое наступление красных планировалось в августе 1920 года, но части генерала Кутепова ударили по ним в районе Александровки и Екатеринослава, не дожидаясь наступления. 25 июля 3-я и 46-я советские стрелковые дивизии оказались отброшенными прочь титаническими усилиями дроздовцев и марковцев. В образовавшийся прорыв ворвался корпус генерала Барбовича. Наступление ознаменовалось занятием крупного железнодорожного узла Пологи и выходом на Александровск, взятым в ходе кавалерийского рейда 2 августа 1920 года. На восточном фланге Донской корпус под личным командованием А.П. Богаевского разгромил 40-ю советскую армию.

Однако 4 августа Русская армия оставила Александров, отходя на прежние позиции, 6 августа были оставлены Орехов и Пологи, а 8 августа — Бердянск. В ночь на 7 августа большевики форсировали Днепр силами 52-й и 15-й дивизий и заняли Каховку. На противоположном берегу Днепра красные инженеры сразу же занялись наведением понтонного моста для прохода главных сил. Корпус Слащева, оборонявшего Днепр, не смог сдержать удара прорвавшихся большевиков, основной удар которых пришелся прямо по его штабу, расположенному в Каховке. К полудню следующего дня Слащев пытался контратаковать, однако было поздно: с другого берега Днепра переправилось уже довольно много большевистских сил. Красные начали теснить его 2-й кавалерийский корпус в сторону Перекопа.

Неприступная Каховка

На захваченный плацдарм начали прибывать части большой 51-й советской дивизии. В. Блюхер, назначенный комен-

Корнет Алексеевского полка

дантом «укрепленного района» Каховки, приказал мобилизовать все «нетрудовые элементы». В это число включили женщин соседнего Херсона, переправив их на баржах в Каховку и обязав «круглосуточно вести работы по укреплению района». Работы заключались в рытье окопов и установке проволочных заграждений. 2-я конная армия Городовикова снова тронулась в направлении Мелитополя, где ей удалось прорвать фронт, и 11 августа 1920 года она оказалась в тылу Русской армии, выйдя к станции Токмак. Но выдвинутый навстречу ей корпус генерала

Кутепова нанес удар во фланг, разбив 20-ю кавалерийскую и 1-ю стрелковую дивизии и разделив всю 2-ю конную на две половины. Вечером того же дня одна из частей 2-й конной армии бросилась в обратный прорыв к своим, пробиваясь в жестоких схватках с корпусом генерала Кутепова. Врангель направил корпус Барбовича, придав ему броневика, чтобы удерживать левый фланг Русской армии, где красным уже удалось продвинуться на два десятка верст. Слащев, соединив свои части с корпусом Барбовича, остановил продвижение большевистских полков и погнав их назад, к Днепру. В пылу части Барбовича и Слащева натолкнулись на укрепленный район Каховки, где красные остановили их продвижение дальше сильным артиллерийским огнем. Атака следовала за атакой, но Каховка по-прежнему оставалась неприступной.

Слащев ходатайствовал об отчислении себя от должности — в ответ на телеграмму Главнокомандующего, где тот выражал свое неудовольствие по поводу Каховской операции. Целя его заслуги в прошлом и прощая многое, Врангель посчитал, что оставление командира далее во главе корпуса является невозможным. Приказом № 3505 от 6 (19) августа 1920 года Главнокомандующий присвоил Слащеву титул «Слащев-Крымский», в ознаменование его прежних заслуг, и поспешил направить в отпуск «по состоянию здоровья». Во главе корпуса был поставлен генерал-лейтенант Владимир Константинович Витковский. Врангель считал его человеком большой личной храбрости, прекрасно разбирающимся в обстановке и хорошим организатором. О Слащеве же Главнокомандую-

ший высказал крайне нелицеприятную точку зрения: «Злоупотребляя наркотиками и вином, генерал Слащев окружил себя всякими проходимицами... Опустившийся, большей частью невменяемый, он достиг предела, когда человек не может быть ответственен за свои поступки. 5 августа Слащев прибыл в Севастополь. Вид его был ужасен: мертвенно-бледный, с трясущейся челюстью. Слезы беспрерывно текли по щекам. Он вручил мне рапорт, содержание которого не оставляло сомнения, что предо мной психически больной человек... В изъятие из общих правил я наметил зачислить генерала Слащева в свое распоряжение с сохранением содержания, что давало ему возможность спокойно заняться лечением». Вопреки рекомендации Главнокомандующего Слащев не поехал за границу, а уехал в Ялту.

В крымской «бутылке»

Русская армия, только что вышедшая из Таврии, вновь оказалась запертой на Крымском полуострове. Большевистское командование не прекращало подвоз новых сил и вооружения. Поскольку Великобритания возобновила поставки, а французское правительство опубликовало заявление о признании правительства Врангеля фактическим правительством Южной России, в штабе Главнокомандующего стали рассматривать необходимость взятия стратегической инициативы в свои руки, для чего требовался поиск новых решений.

Изучив оперативную обстановку, сложившуюся на Кубани, захваченной большевиками, штаб Врангеля пришел к вы-

воду, что благодаря удачной высадке десанта на Кубань вместе с тремя десятками крупных формирований казачьих повстанцев, которые там имелись по данным разведки, стратегическая инициатива могла оказаться вновь у белых. Штаб Русской армии полагал, что в этом случае ситуация сможет перемениться, как когда-то на донской земле, во время восстания в станице Вешенской в 1919 году. Особые надежды связывались с крупнейшим соединением повстанцев — Армией возрождения России генерал-майора Михаила Архиповича Фостикова, под чьим контролем находился Батапашинский и Лабинский отделы. Численно Армия возрождения России Фостикова насчитывала более пяти с половиной тысяч человек, у повстанцев имелось 10 орудий и 30 пулеметов. Для установления связи с отрядом Фостикова Врангель направил генералов Всеволода Владимировича Муравьева и Султан-Гирей Келеча. Генерал Фостиков вспоминал об одном из этих связей: «До меня доходили слухи, что он не желает подчиниться мне, зная, что я все группы повстанцев объединяю и подчиняю себе...»

Азовский десант генерала Улагая и анапский генерала Бредова

В десант для Кубани Главнокомандующим направлялись 1-я конная и 2-я Сводная Кубанская пешая дивизия генералов Бабиева и Антона Мейнгардовича Шифнер-Маркевича, а также Сводная пехотная дивизия генерала Александра Ильича Казановича. Туда же придавалось восемь аэропланов и несколько бронев-

томобилей. Командовать десантом Врангель назначил генерал-лейтенанта Сергея Георгиевича Улагая. Всего Азовская флотилия высадила 16 тысяч человек, орудия,

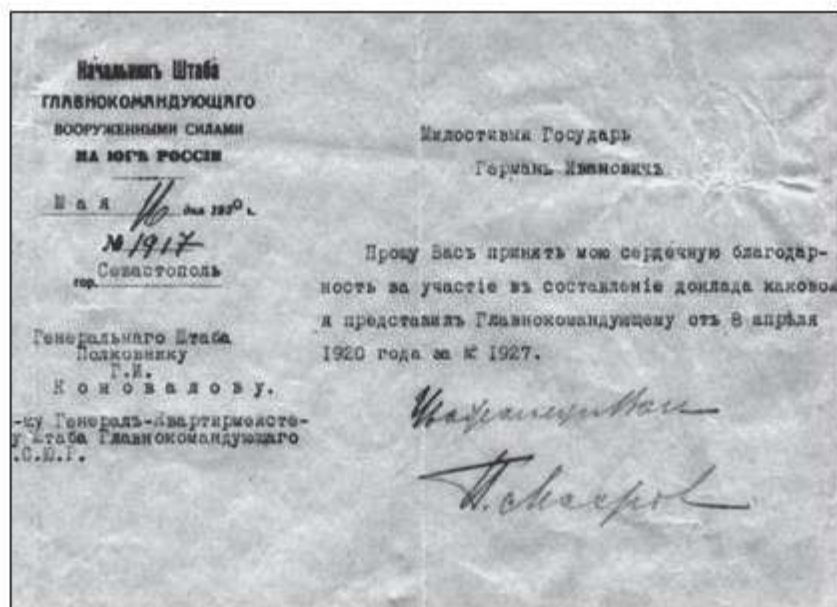
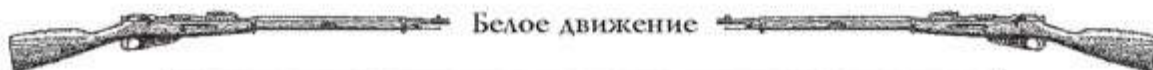
Пулеметная команда
Алексеевского полка

запасы снаряжения, продовольствия, обозы, несколько тысяч кубанских беженцев, прибывших к десанту. Военные транспорты Азовского отряда, включая два вооруженных ледокола — «Гайдамак» и «Джигит», блокировали красный флот в Таганрогском заливе, в то время как другие корабли этой флотилии прикрывали высадку десанта. Погрузка на транспорты проходила в Керчи, где был посажен авангард, и Феодосии, где на борт военных транспортов поднялись главные силы и беженцы.

В ночь с 31 июля по 1 августа 1920 года транспорты вышли в море, а на рассвете 2 августа авангард десанта высадился в 14 километрах от станицы Приморск-Ахтырской, на косе Ясенской. Береговые батареи большевиков были уничтожены дальноточными орудиями военных судов,

и десант высадился без потерь. После того как станица Ахтырская была взята, там произошла высадка основных сил десанта, а также орудий и всей материальной части. Конная дивизия генерала Бабиева быстро продвигалась вперед. Взятие станиц Тимашевская, Поповичевская, Брюховецкая, кубанские казачьи разъезды не дошли лишь 40 верст до Екатеринодара.

Против десанта большевики бросили малочисленную 1-я Кавказскую кавалерийскую дивизию с 9 орудиями; со временем к ней были подтянуты кавалерийская бригада некоего Балахонина и один бронепоезд. Но высадившаяся 1-я конная дивизия Бабиева с ходу атаковала красные части и разгромила противостоящих им большевиков. Бригаде Балахонина удалось вырваться и уйти, но 1-й кавказский кавалерийский корпус был сметен атакой, взорван бронепоезд. В результате атаки конницы Бабиева сам командующий 9-й советской армией Левандовский едва спасся бегством. Генерал-лейтенант Генерального штаба Даниила Павлович Драценко, ставший по рекомендации генерала Шатилова незадолго до высадки десанта начальником штаба Улагая, предупредил командующего о пагубности расхождения войск «широким веером», настаивая на том, чтобы от внимания командующего не ускользали фланги десанта. Но в тактике Улагая был привержен «принципам войны 1918 года», когда победный стремительный марш вперед приводил к возникновению общего восстания и изгнанию недалековидных большевиков. Он отказывался учитывать существующий факт переме-

Письмо начальника штаба П.С.Махрова
полковнику Г.И.Коновалову

ны в тактике большевиков. Два года Гражданской войны дали немало хороших уроков большевикам и опекавшим их военным специалистам из числа офицеров и генералов Николаевской академии Генерального штаба, и красное командование сделало некоторые выводы. Подтянув с севера дополнительные силы, они оценили обстановку и, увидев расходящийся веер десанта, решили перерезать его у основания, ударом в слабо защищенную немногочисленным заслоном станицу Бриньковскую. Сбив охранение Русской армии у Бриньковской, красные силы устремились к железнодорожному полотну Приморск — Ахтырская — Тимашевская, чтобы, захватив его, отсеять главные силы Русской армии, продолжавшей отступление от их тыловой базы. Драценко просил в срочном порядке вер-

нуть Бабиева, чтобы ликвидировать прорыв красных, что тот немедленно и сделал. Однако сразу же после изгнания большевиков из Бриньковской Бабиев вновь направился на Брюховецкую, предоставив охранять станицу незначительному подразделению юнкеров.

18 августа 1920 года Врангель высадил еще один десант между Анапой и Абрау-Дюрсо на мысе Утриш, в составе полутора тысяч чинов корпуса генерала Бредова, Корниловского юнкерского училища и Черкесского дивизиона под общим командованием генерал-майора Александра Николаевича Черепова. Ему удалось продвинуться вглубь территории лишь на восемь верст, после чего части Черепова были атакованы 22-й советской стрелковой дивизией. Красные артиллеристы, подведя и установив до 30 орудий, обру-

шили шквал артиллерийского огня на десант. Черепов приказал грузиться на подошедшие транспорты, ушел на Тамань. Сам он был тяжело ранен в ногу и отправлен Врангелем на излечение в Королевство СХС.

Тем временем против частей генерала Улагая красные начали новую операцию. Пользуясь уходом белых кораблей прикрытия, посчитавших свою задачу по доставке десанта выполненной, к Приморск-Ахтырской подошла красная Азовская флотилия, открывшая огонь из всех имеющихся бортовых орудий. Одновременно с этим с севера красными была вновь предпринята атака на железнодорожную ветку с целью отсечь главные силы от их тыловой базы. Юнкера, охранявшие Бриньковскую, едва держались перед наступающими на них превосходящими силами противника, а штаб десанта, находившийся под непрерывным обстрелом в Приморск-Ахтырской, утратил всякую возможность поддерживать связь со своими главными силами, ушедшими далеко вперед. В создавшейся обстановке штаб принял решение погрузиться в железнодорожный состав и по свободной пока ветке пробиваться к ушедшим вперед главным силам. На поезд были посажены и прибывшие с десантом беженцы, и вскоре он тронулся в сторону станицы Тимашевской. Эшелон сделал остановку у станицы Ольгинской, которую едва удерживали поредевшие ряды юнкеров. Генерал Туркул так выразил свое отношение к юным защитникам Отечества: «...Последней опорой России была ее героическая молодежь, с винтовками, в походных шинелях... Число никогда не бывало за нас. За

нас всегда было качество, единицы, личности, отдельные герои... Большевики как ползли тогда, так ползут и теперь — на черни, на бессмысленной громаде двуногих...» Все способные держать в руках оружие чины штаба и беженцы высадились в Ольгинской, чтобы помочь отбить атаки большевиков. Едва отбив красных, погрузившись и забрав оставшихся юнкеров на едвадвигающийся эшелон, они продолжили свой путь на Тимашевскую. Едва проскочили, и сразу после этого большевиками была перерезана железная дорога. Десант был отрезан от берега.

28 августа 1920 года станицу Тимашевскую атаковали силы 2-й Донской дивизии и отдельной бригады, она была ненадолго захвачена десантом Улагая, однако красным удалось выбить десантников. Под напором наваливавшихся на десант сил красных Улагай дал команду об отходе. В поселке Ачуев наспех сооружалась пристань, штаб и тыловые учреждения переводились в станицу Гривенскую.

К 7 сентября 1920 года завершилась эвакуация главных сил Улагая, проходившая в условиях усиливающегося шторма на воде. Несмотря на изменявшиеся погодные условия, при помощи генерал-квартирмейстера Германа Ивановича Коновалова, отправленного Врангелем в помощь Улагаю аэропланом, она прошла успешно. На подошедшие суда были погружены все раненые, беженцы, лошади и даже уцелевшие броневики. Русская армия продолжала оставаться запертой в Крыму и Таврии. Десант Улагая возвращался даже в большем количестве, чем отбывал, ибо по ходу боевых действий к нему присоединилось несколько тысяч

кубанских казаков, а также были вывезены 6 тысяч свежих лошадей, что позволило усилить кавалерийские части Русской армии в Крыму.

Десант генерала Харламова

Пока десант Улагая еще бился и о его отходе не помышляли, 9 (25) августа 1920 года Врангель направляет еще один десант — на Тамань, где высадилось около 3 тысяч человек под командованием генерал-майора Виктора Викторовича Харламова. Станица Таманская была взята без боя, потому что большевики увели все силы на борьбу с десантом Улагая. 13 августа 1920 года были взяты две станицы, а еще через пять дней после упорных боев и еще две станицы освобождены от красных — Старо-Титоровская и Камышеватая. Большевики, почувствовав неладное, стянули большие силы и выбили десант Харламова, а 20 августа генерал был вынужден отдать приказ об отступлении и погрузке на транспорты: «К вечеру наши части были потеснены. Начальник отряда генерал Харламов доносил, что несет большие потери и вынужден отходить. К ночи отряд генерала Харламова, понесший чрезвычайно большие потери, отошел к станице Таманской. Я приказал начать погрузку войск для переброски в Керчь».

Повстанцы генерала Фостикова и грузинские власти

Вскоре силы большевистских армий обратились против Армии возрождения России генерала Фостикова. Находясь на

границе уничтожения с двумя тысячами казаков, Фостиков отходил к границе Грузии, по пути отбиваясь от красных. Со стороны Туапсе на части Фостикова надвигались свежие части красных. Казаки Фостикова отошли за границу Грузии и были интернированы грузинскими войсками в Батуми. Фостиков снесся с Врангелем, прося его прислать транспорты для эвакуации в Крым, что и было сделано. Грузины противились вывозу казаков, боясь осложнений с большевиками. Операция по спасению казаков была разработана Фостиковым и согласована с командующим прибывшей к берегу флотилии. Фостиков вспоминал: «С темнотой транспорты „Дон“, „Ялта“ и „Крым“ с болиндером и катерами, взяв направление на три костра, приблизились к берегу... Грузины подняли тревогу. Их негодование я разбил двадцатью лошадьми (было выяснено, что лошадей грузить мы не можем), но вскоре из Гагр прибыл летучий грузинский отряд, чей командир грозил мне смертью, если я не прекращу посадку. Некоторые стали стрелять по казакам».

Погрузку пришлось отложить, хотя Фостиковым было погружено уже около 1500 казаков и получено немного продовольствия, запасы которого были истощены за время интернирования. Тем временем охранявшие казаков грузинские пограничники, пользуясь тем, что отряд оставался обезоруженным, проявляли себя, по словам Фостикова, не с лучшей стороны: «Вооруженные грузины начали подходить к биваку казаков и их беспрепятственно обстреливать. Я выразил острый протест коменданту Гагр, который мало чем помог. Грузины и дальше силой

Генерал В.К. Манштейн (в центре) и дроздовцы

входили в лагерь, происходили драки между ними и казаками, а охрана ничего не предпринимала и шла навстречу этим разбойникам. С казаками они обращались зверски, били их, издевались и вели себя хуже большевиков». Полковник грузинской службы, некто Сумбатов, доверительно сообщил Фостикову, что получил из Тифлиса секретную телеграмму, что грузинское правительство решило выдать интернированных ими кубанских казаков большевикам. Для этого из Тифлиса выехала специальная министерская комиссия вместе с представителями большевиков.

Узнав об этом, Фостиков направил телеграмму Врангелю о создавшемся положении и просил разрешения действовать по обстановке. Ночью к Фостикову прибыл офицер с крейсера «Алмаз», привезя с собой разрешение Врангеля применять оружие для спасения казаков и во что бы то ни стало погрузить их всех на прислан-

ные пароходы. Для этого из числа находившихся на крейсере «Алмаз» казаков Фостиков сформировал десант в 500 человек, посадил на болиндер, пришвартовавшийся к крейсеру, укрепил болиндер двумя пулеметами. Далее последовала молниеносная операция по спасению оставшихся казаков, когда из болиндера на берег высадились вооруженные казаки: «Пулеметы открыли стрельбу поверху! Казаки моментально выскочили и перешли в наступление, офицеры на бегу стреляли из револьверов. Грузинская стража растерялась, бросила оружие и побежала; некоторые начали стрелять и были прикончены казаками. Цепь десанта развернулась по берегу, и началась спешная посадка, которая с 12 до 17 часов продолжалась беспрепятственно... Перестрелка затихла быстро, так как грузинский батальон бежал в горы, по пути их батарея выпустила по нас два снаряда, но не попала... В 4 часа посадка закончилась». Днем,

около пяти часов, на внешнем рейде появился пароход, везший грузинскую и большевистскую комиссию. Навстречу ему была послана подводная лодка «Утка», которой командовал замечательный морской офицер, во время описываемых событий старший лейтенант Нестор Александрович Монастырев, автор многих книг и морских рассказов, которые будут изданы им в эмиграции, в Тунисе и позже во Франции. Его юркая «Утка» одним лишь своим приближением, идя в надводном положении, заставила капитана большевистского парохода отдать приказ о возвращении судна в Сухуми. Посаженные на болиндер казаки во главе с генералом Фостиковым прибыли на крейсер, взявший курс к крымским берегам.

Расстановка приоритетов. Новая тактика большевиков

Проходивший в Москве 5 августа 1920 года пленум ЦК РКП (б) постановил признать приоритет врангелевского фронта перед польской кампанией. Перед военным большевистским руководством ставилась задача сходящимися ударами отрезать Русскую армию от Крыма, окружить ее и уничтожить. Предполагалось направить 2-ю конную и 13-ю армии, с северо-востока 51-ю дивизию В. Блюхера на Мелитополь, а 15-ю, 52-ю и Латышские дивизии развернуть на Перекоп.

20 августа 1920 года грандиозная операция большевистских армий началась. Полки Блюхера и Саблина обрушились на 2-й корпус генерала Витковского. Южнее, под прикрытием прорыва Блю-

хера продвигались три дивизии, нацеленные на Перекоп.

21 августа 1920 года в районе Токмака началось наступление. Пока решалась судьба азовских десантов Врангеля, красные обрушились на 1-й корпус Кутепова и Донскую бригаду генерала Морозова. Артиллерия 1-го корпуса выпустила 40 тысяч снарядов по наступавшим большевикам. В ответ большевистские батареи отвечали ураганным огнем до 200 тысяч снарядов. 1-й корпус нес большие потери. Дроздовцы ходили в атаки в строю под ураганным огнем, следя при этом, чтобы их цепи маршировали в ногу. Отразив все атаки на восточном фланге, Врангель снял Корниловскую и 6-ю пехотную дивизии, а затем и конный корпус Барбовича. Эти силы были брошены им на ликвидацию прорыва, что было необходимо, чтобы остановить продвижение полков Блюхера и Саблина. Это удалось сделать непрерывными контратаками. Конница Барбовича, ударив во фланг Блюхеру, заставила повернуть назад. 2-й конной армии Городовикова было поручено прорвать фронт и разбить резервы Врангеля и на юго-западном направлении. Затем ударить в тылы Русской армии, которая сражалась в это время у Нижних Серогоз, и соединиться с 51-й стрелковой советской дивизией для дальнейшего похода на Мелитополь.

29 августа 1920 года Городовиков прорвал оборону Русской армии и отправился в рейд по ее тылам. Генерал Ткачев, обнаружив продвигавшуюся кавалерию противника, поднял в воздух аэропланы, пытаясь замедлить ее продвижение бомбометанием и пулеметным огнем. Напе-

перез 2-й конной Врангель тотчас же направил группу под командованием генерал-лейтенанта Николая Петровича Калинина, в которую входила 2-я Донская кавалерийская дивизия, отдельная бригада донского пехотного полка и отряд марковцев. После ожесточенных столкновений Городовикову пришлось отвести свои части в станицу Новоекатериновку для приведения их в порядок. Не дождавшись подхода 2-й конной, Блюхер стал отводить части на Каховский плацдарм. 1 сентября 1920 года, когда 2-я конная армия смогла, наконец, прийти на помощь Блюхеру, того уже и след простыл. Обнаружив исчезновение частей Блюхера, 2-я конная армия отправилась вслед за откатывающимся фронтом на Каховку. Потеснив атакой Саблина корниловцев и Барбовича, 2-я конная смогла проскользнуть назад, в Каховский укрепленный район. Городовикова сразу отстранили от командования 2-й конной, выведя ее в резерв на переформирование. Вместо него встал Буденный, а другим командующим армией назначили Федора Миронова.

С генералом Витковским под Каховкой

На каховском плацдарме скопились разнообразные части, куда входила не только изрядно потрепанная 2-я конная армия, но и четыре стрелковых дивизии и даже одна кавалерийская бригада. Врангель решил атаковать Каховку в расчете на царящий дух пораженчества и моральный надлом всех этих частей, собранных волей обстоятельств у Каховки воедино. Штурм

Каховки был поручен генералу Витковскому, под началом которого в наступление на укрепленный район двинулось 7 тысяч человек, поддержанных броневиками и танками. Их наступление было встречено мощным артиллерийским огнем, надежно защищавшим Каховку от внезапной лобовой атаки. Многорядные проволочные заграждения бойцы Витковского стали рубить штыками, пытаясь ослабить проволоку голыми руками, — и все это под непрерывным огнем орудий, выкаченных большевиками на прямую наводку. Пять дней и ночей части Витковского атаквали укрепленный район Каховки.

Решающий штурм укреплений произошел в ночь с 4 на 5 сентября 1920 года. Русская армия понесла потери в боевой технике: были подбиты или застряли во рвах несколько танков. Вся площадь перед укреплениями была хорошо пристреляна артиллерией и рассчитана с математической точностью по квадратам, что наносило весьма ощутимые потери атакующим. К 6 сентября 1920 года наступательный порыв Русской армии выдохся. Части Витковского за время штурма потеряли почти каждого второго бойца и три четверти своей боевой техники, только танков было подбито 6: «Отряд танков, прорвавшийся в Каховку, почти целиком погиб...», — свидетельствовали участники боя.

Второй удар Русской армии

И тем не менее Русская армия планировала нанести второй удар на западном направлении, — за Днепр, ибо в перспективе вырисовывалась возможность воссо-

единения с поляками, успешно наступавшими на большевиков по Украине — от Львова до Шепитовки. Ближайшую задачу, которую Врангель ставил войскам, — перейти Днепр у Никополя, обойдя с тыла Каховский плацдарм, разгромить находившуюся в Каховке 6-ю советскую армию и вырваться на Правобережную Украину. Прежде чем начинать Заднепровскую операцию, Врангелю еще предстояло окончательно разбить 13-ю советскую армию, угрожающе нависавшую над его частями на востоке. 14 сентября 1920 года красных атаковал Донской корпус генерала Абрамова. В течение трех дней, дезорганизовав и разгромив 40-ю и 42-ю большевистские стрелковые дивизии, он отбросил их на восток и северо-восток. Донской корпус занял Бердянск и станцию Пологи. Преследуя противника, донские казаки погна-ли его дальше, в сторону Донбасса. Вслед за ними тронулся 1-й армейский корпус. Всей своей ударной мощью он обрушился на правый фланг 13-й советской армии и в который раз овладел Ореховым, а 19 сентября 1920 года большевики оставили Александров, пустившись отсюда прочь в паническое бегство. Одновременно с этими событиями Донской корпус взял Мариуполь и вышел на подступы к Юзовке и Иловайской. Части 1-го корпуса продвинулись вперед, захватили Синельниково и вышли на прямую дорогу, ведущую к Екатеринославу.

Звезда Михаила Фрунзе

В Москве победы Русской армии вызвали панику среди большевистского руководства. Начались срочные поиски но-

вого командующего, в результате которых на эту должность был назначен Михаил Васильевич Фрунзе. Незамедлительно по прибытии на передовую он ввел в бой свежие силы, распространив по частям приказ «стоять насмерть». Это остановило быстрое продвижение Донского корпуса, но и нанесло значительные потери большевикам. Так, например, 77-й большевистский полк выполнил приказание нового командарма буквально, будучи полностью выбит Донским корпусом Абрамова. Фрунзе распорядился продолжать работы по укреплению каховского плацдарма. Согласно его распоряжению на плацдарм была переброшена ударно-огневая бригада, состоявшая из огнеметных рот и 160 пулеметов. Для прикрытия переправ в район Никополя Фрунзе была отправлена переформированная 2-я конная армия Миронова в составе 17 тысяч сабель. На Донбассе Фрунзе приказал начать наступление на восточный фланг Донского корпуса, выдохшегося в атаках и израсходовавшего боевой запас для своих орудий. На корпус навалились 5-я советская кавалерийская дивизия с левого фланга, в центр ударили 9-я стрелковая, 7-я и 9-я кавалерийские дивизии, а на правый фланг была направлена большевистская Морская дивизия.

3 октября 1920 года мощным кавалерийским натиском, создав угрозу охвата флангов Донского корпуса, красные заставили его отступить из Юзовки, а на следующий день и из Мариуполя. Это не повлияло на планы штаба Главнокомандующего о проведении Заднепровской операции, к которой он тщательно готовился в обстановке повышенной секрет-

ности. В ночное время части Русской армии сосредотачивались в районе Александровска, и напротив — Никополя. Сюда же перебрасывалась конница Барбовича и Бабиева. 2-й корпус Витковского оставался на левом берегу для лобовой атаки Каховского укрепленного района. Готовился понтонный материал, лодки и плоты.

Марковцы на Хортице

В ночь 23 сентября (10 октября) 1920 года передовые батальоны Марковской дивизии начали переправу на остров Хортица. Полковник Марковского полка А.Г. Битенбиндер вспоминал: «Еще до окончания постройки моста 2-й полк с батареей был переброшен на Хортицу и занял северную половину острова. Все части, бывшие на острове... приступили к работе по укреплению острова... имея наблюдательные пункты на Хортице, которые были связаны со штабом дивизии телеграфом и телефоном. Таким образом, остров Хортица был надежно занят нами и прочной мостовой переправой с левым берегом реки Днепр». Марковцы без труда отбросили от днепровского берега части командира Федько, а по наведенным мостам следом за наступавшими марковцами двинулась и Корниловская дивизия. Прикрывавшая этот участок 3-я советская дивизия была отброшена с большими потерями и обращена в бегство. За ней проследовала кавалерия Бабиева. Главные силы Русской армии были направлены к Никополю, откуда навстречу им была выдвинута 2-я конная армия.

Последние кавалерийские сражения

В ночь на 9 октября 1920 года на юг от Никополя переправился корпус Барбовича, ударивший во фланг и тыл 2-й конной, тем самым заставив ее отходить назад. Соединившись, части Бабиева и Барбовича заняли Никополь, двинулись на запад, продвинувшись на два десятка верст от Днепра. На восточном участке фронта наступали красные части, заняв еще 8 октября 1920 года Бердянск. Через два дня 5-я советская кавалерийская дивизия захватила махновскую «столицу» Гуляй-Поле, однако на этом рубеже и была остановлена. В телеграмме командующему 2-й конной армией Мионову Фрунзе настаивал, что уход с берегов Днепра и оставление Каховского укрепленного района недопустимо. Из Сибири большевиками перебрасывалась 30-я дивизия, по размерам сопоставимая с 51-й; для укрепления сил 2-й конной армии Мионову была передана Латышская, 15-я и 52-я дивизии. Все три вступили в бой при поддержке красной авиации.

29 сентября (13 октября) 1920 года завязалось большое и яростное сражение. Под ударами превосходящих сил противника части Русской армии не выдержали и начали отход, были смяты конными атаками красных казаков Миронова и побежали. Врангель вспоминал: «В девять часов утра была получена короткая телеграмма генерала Драценко: „Вчера, 30 сентября, снарядом убит генерал Бабиев“. Все стало ясно. Со смертью любимого вождя умерла душа конницы, исчез порыв, пропала вера в собственные силы».

Бабиев был не женат, и после его гибели остались лишь его престарелые родители, до последнего дня ездившие с сыном в обозе частей, которыми он командовал. Исправить положение не смог и принявший командование и почти тотчас же раненный генерал-майор Вячеслав Григорьевич Науменко. Связь между отходящими частями и командованием Русской армии порвалась. На северном направлении на марковцев наседали части Федько.

На марковцев была возложена задача — прикрывать отход корниловцев и разрушить обе мостовые переправы, возведенные с такими стараниями и трудом. «Марковцы могли считать себя победителями, блестяще выполнив эту чрезвычайно сложную операцию. Но все знали, что наш успех частичный и что, увы, мы побеждены. Об этом свидетельствовали и победные крики красных на правом берегу Днепра, как могильный звон раздававшиеся в наших ушах... Как участник этой небывалой по количеству положенных на нее трудов операции, как офицер Генерального штаба, могу засвидетельствовать, что в такой бессмысленной, лишенной всякой идеи операции мне еще никогда не приходилось участвовать», — утверждал марковец А.Г. Батенбиндер. Части Русской армии постепенно откатывались к переправам. Перемешавшись, отходили конные и пехотные части, катились броневики, отбиваясь огнем от наседавшей красной конницы. Позади отходивших частей горели подбитые английские танки. Картина, представшая глазам командующего 2-й армией генерала Драценко, потрясла его. Даниил Павлович отдал приказ об отводе своих час-

тей на левый берег Днепра. Врангель, получив известие о провале Заднепровской операции, приказал генералу Витковскому немедленно начать атаку на Каховский плацдарм.

Однако успешно начатая атака Витковского захлебнулась, ибо большая часть отряда его танков оказалась подбита или застряла в противотанковых заграждениях. Не помогла Витковскому и вызванная на помощь авиация генерала Ткачева. «Данные воздушной разведки об очищении каховского плацдарма оказались ошибочными», — вынужденно констатировал Врангель, сразу же обвинив генерала Драценко в неумелом командовании 2-й армией. «Последний с исключительным гражданским мужеством и подкупающей честностью сам признал это, прося освободить его от должности командующего армией. Заместителем ему я наметил генерала Абрамова, приказав до его прибытия в командование вступить командиру 3-го корпуса генералу Скалону». В ходе отступления за Днепр был смертельно ранен и поручик Кирасирского Его Величества полка Юрий Леонидович Собинов, сын известного русского певца Леонида Собинова. Уже раненного, его втащила в санитарную повозку сестра милосердия княжна Зоя Оболенская, получившая сабельный удар от догнавшего повозку большевистского кавалериста...

Дабы не позволить Врангелю снять с фронта подразделения Донского корпуса для усиления сил Витковского или в помощь отходящим за Днепр марковцам и корниловцам, Фрунзе направил в рейд по тылам Русской армии 5-ю кавалерий-

скую дивизию. Она прошла от Бердянска до Большого Токмака, нападая на гарнизоны в селах, взрывая за собой около десятка вагонов на станции Большой Токмак и атаковав поезд самого Донского атамана Богаевского. «Он едва был не захвачен в плен и вынужден был бежать со своим адъютантом», — ужасался в воспоминаниях Врангель. На рассвете, преследуемая белой авиацией, 5-я кавалерийская дивизия красных поспешила отойти в расположение основных сил.

12 (28 сентября) октября 1920 года Польша, на которую Врангель возлагал определенные надежды в связи с планами создания на ее территории 3-й Русско-го армии, под нажимом стран Антанты, как это стало ясно из комментария польского военного представителя на Юге России князя В.С. Любомирского, заключила мир с большевиками. Списочная численность Красной армии на тот момент составила 5 миллионов человек. Высвободив на Юго-Западном фронте 1-ю конную армию, командование большевиков переправило ее на Южный фронт.

Оборонительные мероприятия

На прошедшем совещании в штабе Главнокомандующего Русской армии Врангель предложил перейти к обороне, оставаясь в Северной Таврии, против чего высказался его давний товарищ генерал-лейтенант Павел Николаевич Шатилов. Главнокомандующий поинтересовался мнением генерала Фостикова, на что последний спросил Врангеля, получал ли тот

его донесения о положении дел на Кубани. Врангель признал, что несмотря на полученную информацию, под влиянием ложного впечатления о положении дел на Таманском полуострове десант был высажен именно там. Генерал Шатилов заметил, что теперь кубанские верхи убедились в невозможности собственными силами изменить положение на Кубани. Это обидело Фостикова, ответившего Шатилову, что не стоило жертвовать тысячами верных бойцов на Кубани, чтобы доказать и так всем очевидное бессилие кубанских верхов, отсиживающихся в Крыму. «Этот мой ответ был началом неприязненного ко мне отношения генерала Шатилова», — признавался позже кубанский мемуарист.

Репутация генерала Шатилова у кубанцев и донцов, в особенности у тех из их начальников, кто лично привык водить людей за собой в бой, была неважная. Шатилов считался человеком, сумевшим нажить политический капитал на постоянной интриге между Главнокомандующими белыми силами и краевыми военачальниками и руководителями. «Генерала Шатилова, — вспоминал Фостиков, — храбрым воином я не считаю (как о нем говорят), так как имел много случаев лично убедиться в его „храбрости“. Его отсутствие среди командования при станице Великокняжеской, когда он вместо того, чтобы повести атаку, сам вернулся в имение Пишванова (где не падали артиллерийские снаряды противника), а мне приказал занять станицу, что и было проведено с большими потерями. Его полная растерянность при первой попытке взять Царицын, где по его

вине и отсутствию самообладания мы понесли большие потери и совершенно не имели успеха. Его ретировка с берега у Адлера, куда он пришел на миноносце, из-за нарастающей волны...» Возможно, в качестве начальника штаба Врангеля Шатилов и был на своем месте, однако в личной храбрости ему, увы, отказывали и другие современники. За успешно произведенную эвакуацию войск и беженцев в ноябре 1920 года Врангель пожаловал своего верного начальника штаба чином генерала от кавалерии. Итак, на очередном совещании в штабе Главнокомандующего Врангель приказал ввести пополнения в 1-ю армию Кутепова в виде 1-го и 2-го корпусов, занявших оборону по Днепру на северном участке фронта. Вместо направленного в распоряжение Главнокомандующего генерал-лейтенанта Даниила Павловича Драценко, Донской корпус принял генерал-лейтенант Федор Федорович Абрамов. В резерв были отведены части генерала Барбовича и принявшего команду вместо погибшего Бабиева генерал-лейтенанта Павла Григорьевича Канцеров. Общая численность боеспособных сил, находившихся в Русской армии, составила на тот момент 38 тысяч человек, при почти 250 орудиях, 1 тысяче пулеметов и эскадрильи в 32 самолета под командованием легендарного Ткачева.

Неприметный герой — генерал Ткачев

Примечателен боевой и жизненный путь Вячеслава Матвеевича Ткачева. Пробыв в эмиграции в Югославии до

1944 года, он был схвачен сотрудниками СМЕРШа 3-го Украинского фронта в городке Нови Сад и оттуда этапирован в СССР. В Москве трибунал приговорил к 10 годам тюремного заключения, которые и отбыл в лагере Потьмы, освободившись лишь в феврале 1955 года, без права на жительство в больших городах. Местом поселения Ткачев избрал Краснодар, где стал работать в артели инвалидов-переплетчиков. Невзирая на нищенское существование, он написал книгу, посвященную своему другу по Великой войне капитану Петру Нестерову, называвшуюся «Русский Сокол». В журнале «Кубань» Ткачевым были опубликованы фрагменты его воспоминаний под названием «Крылья России», однако полностью при советской власти они так и не вышли. Экземпляр его рукописи хранится в наши дни в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Скончался генерал Ткачев в 1965 году и был похоронен на Славянском кладбище в Краснодаре.

Планы Фрунзе в действии

...У Фрунзе на Южном фронте было собрано 144 тысячи человек, 527 орудий, 2600 с лишним пулеметов, 17 бронепоездов и 45 аэропланов. По замыслу Фрунзе, 15-я и 51-я дивизии нацеливались на Перекоп, Латышская дивизия и 1-я конная армия должны были ударить на восток, где планировали соединиться с частями 2-й конной армии и четырьмя стрелковыми дивизиями, выступавшими из Никополя для окружения и уничтожения 1-й армии Кутепова, а после совместно

двигаться к колонии Аскания-Нова новопожалованных баронов Фальц-Фейнов, в южном направлении, чтобы отрезать все дороги, ведущие в Крым. 4-я советская армия, наступавшая с севера, и многократно битая 13-я советская армия, двигавшаяся с востока, одновременно обрушили удары на Мелитополь. В их задачу входило окружение и полное уничтожение Донского корпуса Ф.Ф. Абрамова. Бои начались наступлением дивизий, приданных 2-й конной армии Миронова. Им удалось форсировать Днепр 26 (12) октября возле Никополя и потеснить поредевшие в недавних боях корниловские части. С ходу красным удалось захватить два плацдарма, и через два дня уже пять армий красного Южного фронта перешли в общее наступление. Части В.К. Блюхера, наступая с Каховского плацдарма, обрушились на 2-й корпус генерала Витковского, заставив его стремительно откатываться назад, на север. В прорыв большевиками была пущена 1-я конная армия, а с захваченного ранее Никопольского плацдарма 2-я конная армия, заставляя Донской корпус генерала Абрамова отступать.

В окружении

Части Блюхера вышли к Перекопу и попытались захватить Турецкий Вал. Небольшой гарнизон перекопских укреплений отбил атаку противника. 1-я конная армия направилась по тылам Русской армии, собираясь повернуть на север для воссоединения со 2-й конной, однако приказом Фрунзе она была развернута на 180 градусов, чтобы двигаться на юг и

должна была захватить две последние переправы в Крым — Чонгар и Арбатскую стрелку. Буденный рассудил по-своему и, разделив армию на две части по две кавалерийских дивизии в каждой, продолжил движение на воссоединение со 2-й конной, лично со штабом отправившись занимать переправы. В конце дня его дивизии захватили Сальково и станцию Новоалексеевка, перехватив железную дорогу в Крым, а также близлежащие села Рождественское и Отрада. Окружение Русской армии было закончено.

Сам поезд Главнокомандующего, стоявший на путях в Джанкое, оказался отрезанным от фронта. Из штабного вагона к Кутепову полетел приказ об объединении 1-й и 2-й армий и организации прорыва назад, в Крым. Далее связи не было. Перешейки оставались открытыми для вторжения. Главнокомандующий затребовал из резерва юнкеров и двухтысячную бригаду Фостикова, бывшую ко времени описываемых событий мало вооруженной и плохо обмундированной, о чем сам Михаил Архипович не замедлил доложить Врангелю. Доводы генерала не убедили Главнокомандующего, и он по-прежнему настаивал на прибытии групп кубанских повстанцев на передовые позиции хотя бы и по сотне человек в день. Генерал Михаил Архипович Фостиков с недоумением записывал в дневнике: «...Меня и раньше удивляла бесполезность моих передвижений. Мои части все время находились на марше, не могли привести себя в порядок, а штаб не мог наладить связь с частями. Я убедился, что в штабе генерала Врангеля царит хаос, и причиной этому был полный неуспех опе-

рации в Северной Таврии, предложенной „стратегом“ генералом Шатиловым». Следует добавить, что за провал десанта понес наказание лишь генерал-лейтенант Сергей Георгиевич Улагай, уволенный в сентябре 1920 года приказом Врангеля из рядов Русской армии. Опечаленный генерал Улагай отбыл в октябре 1920 года на транспорте «Константин» в эмиграцию. Шатилов, рекомендовавший начальником штаба Улагаю генерала Драценко, что привело, в конце концов, к катастрофе десанта, делал вид, что он здесь совершенно ни при чем. Врангель пожалел его и оставил дело для него без последствий.

Кутеповский 1-й корпус атакует

Откатившиеся вначале части генерала Кутепова быстро пришли в себя и оказали 1-й конной армии самое ожесточенное сопротивление. Более того, совместно с конницей генерала Барбовича кутеповский 1-й корпус атаковал большевиков, отбросил назад к Днепру 1-ю стрелковую и 16-ю кавалерийскую дивизии большевиков. Восемь часов 1-й корпус держался у станции Васильевка, отбивая при поддержке броневиков непрерывающиеся атаки 30-й советской дивизии.

На последних рубежах

В это же время две большевистские дивизии из 13-й армии атаковали и захватили Большой Токмак и прорвали фронт, открывая путь на Мелитополь. 30 октября 1920 года, дождавшись подхода броневиков, танков и артиллерии,

части Блюхера атаковали Перекоп с его незначительной группой защитников, однако особого успеха не добились. В некоторых местах обороны большевикам удалось прорвать три ряда проволочных заграждений и даже взобраться на вершину Турецкого Бала, но вскоре они были выбиты оттуда дружным огнем защитников или погибли в рукопашной схватке, оказавшись на валу. Блюхер повелел штурмующим частям отойти и перешел к обороне. 11-я кавалерийская дивизия 1-й конной армии под командованием некоего Морозова, продвигаясь навстречу 2-й конной, натолкнулась на авангарды конного корпуса генерала Барбовича, была им атакована, но положение отчасти спасла подошедшая 6-я дивизия О.И. Городовикова. Произошла ожесточенная рубка конницы, продолжавшаяся несколько часов, до той поры, пока большевистская кавалерия не была отброшена в степь.

На 2-ю Конную армию Миронова обрушился фланговый удар Донского корпуса генерала Абрамова, который прикрывал отход своих главных сил. Донские казаки разбили 2-ю Ставропольскую кавалерийскую дивизию большевиков и порубили весь ее штаб. Лишь необходимость разворота Донского корпуса для соединения с другими подразделениями Русской армии спасла большевистскую конную армию от дальнейших ощутимых поражений. 31 октября Фрунзе направил приказ Буденному держаться против отступающих частей Русской армии, а Миронову — ускорить темпы продвижения на соединение с 1-й Конной армией. Кутепов двинул свой корпус

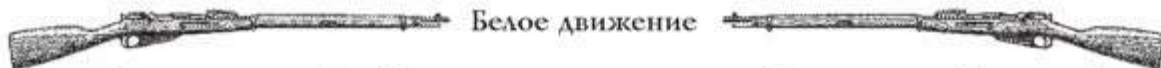

Сотня кубанских казаков на перезахоронении Врангеля в 1929 г.

на Отраду и Рождественское, прикрывшись от наседавшей Латышской дивизии частями корниловцев. В Отраде кутеповские части ударили по штабу Буденного и резервной кавалерийской бригаде, рассеяли их и выгнали из села. Ворошилов едва спасся из рук ворвавшихся в село казаков, пудей вылетев вслед за остатками разбитой резервной бригады. Буденный умолял командование выслать ему на помощь 4-ю большевистскую кавалерийскую дивизию Тимошенко, но на нее навалились донские части 3-го корпуса. В бою кутеповские части отбили у красных Новоалексеевку, напав на 14-ю кавалерийскую дивизию Александра Ивановича Пархоменко, расположенную в Рождественской, когда ночью на нее случайно наскочил корпус Барбовича. Пархоменко отдал приказ войскам выбираться из боя самостоятельно, то есть кто как сможет. 1-я конная была разгромлена по частям.

В это время остатки 1-й и 2-й белых армий соединились. Подошедшая Латышская дивизия попыталась атаковать их, но Кутепов поднял полки в контратаку, окружил авангард Латышской дивизии и перебил его, не дожидаясь подхода ее основных сил. Поручив Марковской дивизии прикрывать фланг, Кутепов начал отвод своих частей в Крым. 1 ноября 1920 года 2-я конная армия подошла к Рождественскому и попыталась с ходу овладеть селом, что ей, разумеется, не удалось. Миронов стал готовить новый штурм. Однако ночью к Рождественскому подошли части 1-й армии и Донской корпус, вырвавшиеся из Мелитополя. Эти силы нанесли 2-й конной ощутимый фланговый удар. На следующий день 2-я конная армия Миронова вновь попыталась атаковать арьергарды частей Кутепова, заняла Новоалексеевку и перехватила железнодорожную ветку и перекресток между Чонгарской и Генической переправами.

Белое движение

Продолжая вести бои, Кутепов отступал. Погода не сопутствовала ему. Грянули сильные морозы, температура опустилась до минусовой отметки 10—15 °С, а части носили летнее обмундирование. Русская армия была вынуждена греться у костров, искать возможные пути утеплиться, но в целом боеспособность ее резко упала. 3 ноября 1920 года большевики атаковали Чонгарский полуостров. Их первые атаки были отбиты, но красные части начали обход по песчаной косе. Марковцы, защищавшие полуостров именно на этом участке, стали отходить назад, к мостам, задерживая наступление большевиков на промежуточных рубежах.

Вечером того же дня они завершили отход в Крым. Дождавшись, пока в Крым войдет последний бронепоезд, белогвардейцы взорвали железнодорожный мост и подожгли фуру, по которому уже неслась конница Городовикова. Ее встретили сильным ружейным огнем и повер-

нули вспять. Был взорван и Генический мост. Фрунзе приказал инженерным частям 13-й советской армии подготовить переправу у Арабатской стрелки, но на выручку сухопутным войскам пришел белый флот и открыл мощнейший огонь из всех бортовых орудий. Он настолько перепугал красных, что они свернули наступление и бежали, оставив за собой Геническ.

В результате отхода Русской армии в Крым большевиками было захвачено свыше 100 орудий, огромное количество пулеметов, боеприпасов и два десятка тысяч пленных, состоявших из новобранцев, случайных людей и морально раздавленных чинов различных подразделений, измученных непрерывными боями и холодом. Решительно настроенная часть солдат и офицерства пробилась в Крым, чтобы продолжать вооруженную борьбу, точку в которой Истории было угодно поставить уже очень скоро.

Глава IX

ПРОЩАЙ, РОССИЯ!

«Говорят, что генерал Врангель был честолюбив — это верно, потому что он больше всего любил честь».

А.А. фон Лампе. «Пути верных»

Наступательная операция командующего фронтом Фрунзе

Незадолго до описываемых событий, в ночь на 8 ноября 1920 года, Фрунзе начал свою основную наступательную операцию против оборонявшей Крым Русской армии. На Турецкий Вал ударили четыре бригады 51-й большевистской дивизии под командованием В.К. Блюхера. Через Сиваш двинулся по трем бродам красноармейский десант. Общая численность атакующих составила 20 тысяч человек. Авангарды красных прошли по хорошо промерзшей сухой грязи. Двигавшиеся за ними основные силы шли по незначительной грязи, смешанной с осколками разбитой авангардами ледяной корки и образовавшимся лужам. Одна из наступающих дивизий, 52-я стрелковая, прошла около километра в густом тумане по пояс в ледяной и грязной сивашской воде, доходившей бредущим красноармейцам до пояса. Авангарды этой дивизии атаквали окопы с засевшими там кубанскими казаками

генерала Фостикова около двух часов ночи и выбили их прочь. Из соседнего населенного пункта вышли несколько дроздовских батальонов, но реальной помощи оказать они не успели, так как во фланг им ударила 15-я большевистская дивизия. Дроздовцы отважно схватились с одним из ее полков, и, бросившись врукопашную, оттеснили красноармейцев к берегу, однако на смену убежавшим шли все новые и новые пехотные части, беспрестанно прибывающие с Сивашского направления. Дроздовцы и кубанские казаки начали отход, часть казаков предпочла сдаться на милость победителям, однако дроздовцы все еще продолжали отбиваться от нападавших красных своими короткими и яростными контратаками.

Очевидец, поэт, вспоминал:

Нас было мало, слишком мало.
От вражьих толп темнела даль;
Но твердым блеском засверкала
Из ножен вынутая сталь.
Последних пламенных порывов
Была исполнена душа,

В железном грохоте разрывов
Вскипали воды Сиваша.
И ждали все, внимая знаку,
И подан был знакомый знак...
Полк шел в последнюю атаку,
Венчая путь своих атак.

Из тыла на помощь казакам и дроздовцам подошли части Корниловской и 34-й стрелковой дивизий, а также несколько бронеавтомобилей. Две бригады красной 51-й дивизии подошли из-за Сиваша лишь к 8 утра, когда были атакованы 2-м дроздовским полком, и залегли в грязи сивашского дна. Перегруппировавшись и подождав, пока подтянутся арьергарды, красные бригады начали атаку и попытались закрепиться на берегу, откуда были снова опрокинуты контратакой дроздовцев назад, к сивашским позициям спустя всего час.

Удар большевиков по Турецкому Валу, задержавшийся из-за обильного тумана, был предварен четырехчасовой артиллерийской подготовкой, и продолжился пятью волнами наступлений, согласно замыслу Блюхера. Первой волне пришлось делать проходы в проволочных заграждениях Русской армии, вторая волна повела наступление на Турецкий Вал вместе с третьей, поддерживающей наступательный ее порыв. Четвертая волна занимает отбитые высоты и добивает оставшихся в живых защитников Вала, а пятая, состоящая из кавалерии, преследует отступающих.

Дроздовские части отбивались отчаянно и не намерены были отступать даже при чудовищно превосходящих их силах большевиков, с упорством ползу-

щих на штурм. Первую волну наступающих большевиков дроздовцы выстрелами положили прямо у проволочных заграждений. Второй волне удалось преодолеть передовую линию обороны дроздовцев, но она оказалась частично перебитой, а частично залегла под яростным огнем защитников вала, потеряв несколько бронеавтомобилей, подожженных дроздовцами. Перед началом третьей атаки Блюхер провел артиллерийскую подготовку, приказав вывести орудия на прямую наводку. Под артиллерийским огнем дроздовцы были вынуждены отойти. Фрунзе отдал приказание 9-й дивизии наступать по направлению к Арабатской стрелке, однако она была остановлена орудийным огнем белой флотилии. Красные части, первоначально захватившие Литовский полуостров, едва удерживали его и под непрерывными атаками Русской армии отходили, вызывая штаб Южного фронта о помощи. На помощь им были направлены 7-я советская кавалерийская дивизия и бандиты «бацьки» Махно. В это же время Фрунзе получил известие о перемене ветра, сулившей возврат воды в Сиваш. Недолго думая, он приказал согнать население окрестных сел возводить дамбу имеющимися под руками средствами. Уклонившихся расстреляли, остальным было приказано сдерживать воду чем угодно: заборами, досками и т.п. 7-я кавалерийская дивизия и присоединившиеся к ней махновские бандиты изменили и без того невыигрышное для Русской армии соотношение сил. В помощь им Фрунзе направил еще и 16-ю советскую кавалерийскую дивизию.

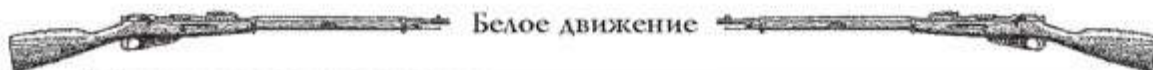
Белые защитники Литовского полуострова отступили к Юшуну. В полночь Блюхер повел очередной штурм Турецкого вала, и к половине четвертого красноармейцы уже карабкались на гребень вала, тесня оборонявшихся корниловцев и дроздовцев, вынужденных прокладывать себе дорогу штыками из неминуемого окружения. В конце дня 9 ноября 1920 года большевики вышли по всему фронту к позициям Русской армии на Юшуну. На позиции красные подвезли артиллерию в количестве 150 орудий и по команде обрушили огонь на окопы и проволочные заграждения, возобновив атаку на следующий же день. 51-я советская дивизия, наконец, смогла захватить 2-ю линию траншей, в то время как соседние наступающие большевистские 52-я и 15-я дивизии продолжали топтаться на месте.

Узнав из донесений авиаразведки о перемещении конного корпуса Барбовича для защиты третьей линии обороны, Фрунзе отправил на Перекоп 2-ю конную армию и приказал 4-й армии нанести удар по корпусу Барбовича с Чонгарского полуострова. В ночь на 11 ноября 1920 года 30-я советская дивизия под прикрытием тумана начала форсировать пролив возле Тюп-Джанкоя. На рассвете дивизия ударила по первой и второй линии обороны. Вместе с этим, при поддержке бронепоездов, красные атаковали по основанию взорванного моста. Дивизия была разбита и выброшена Русской армией прочь, но ее наступление отвлекло силы белых, удерживающих оборону на Тюп-Джанкойском участке фронта.

Судьба Крыма решена

Русская армия оказалась запертой на Крымском полуострове. Его героическая оборона от упорно наседающих большевистских армий все более редееющими силами белогвардейцев, развал тыла и вежливое предательство союзников, на которых Врангель возлагал большие надежды, предопределяли падение Крыма. Это теперь было лишь вопросом времени. 9 ноября 1920 года вошедший на заседание правительства ординарец генерала Павла Николаевича Шатилова передал тому телеграмму. Едва взглянув на текст, генерал безмолвно передал ее Врангелю: «От его превосходительства генерала Кутепова...» Пробежав глазами взволнованные строки о прорыве противником позиций на Перекопе и приказе командующего 1-м корпусом своим частям об отходе на укрепленные позиции в районе озер Киянское — Красное — Старое-Казак-керт, барон понял, что судьба Крыма решена.

Теперь, как понимал ситуацию Врангель, спасение было возможным лишь путем эвакуации за границу. Остаткам Русской армии и части населения Крыма угрожала реальная опасность от большевиков. Барон вызвал из зала заседаний контр-адмирала Михаила Александровича Кедрова и в нескольких словах обрисовал ему сложившееся положение на фронте. Эмоциональный контр-адмирал воскликнул, театрально воздев руки к потолку: «Боже, зачем я согласился нести этот крест!», — но, словно опомнившись, что находится рядом с Главнокомандующим, постарался овладеть собой и сразу

Добровольческая армия на Черноморском побережье

же доложил Врангелю о наличии в его распоряжении корабельного тоннажа, позволявшего взять на борт только 60 тысяч человек. Кроме того, утверждал адмирал, ввиду прибывшего небольшого запаса угля из Константинополя, теперь можно было задействовать дополнительные транспорты, на которых можно было бы эвакуировать еще 15 тысяч человек. Врангель настоятельно попросил Кедрова, чтобы тот постарался использовать все суда, которые только могут держаться на воде. Для увеличения численности плавательных средств барон приказал задержать все иностранные и коммерческие суда, находившиеся в крымских портах для возможного использования их в целях эвакуации.

Врангель решил сам лично отправиться на фронт, чтобы еще раз убедиться в истинном положении дел и заодно зас-

лушать командующих армиями. К вечеру 10 ноября 1920 года поезд главнокомандующего уже подходил к станции Джанкой. По пути к Врангелю присоединились командующий 2-й армией генерал Абрамов со своим начальником штаба генерал-майором Павлом Алексеевичем Кусонским. Прибыв на станцию, Врангель сразу же принял в своем вагоне генерала Кутепова, доложившего Главнокомандующему о ситуации на передовой.

Согласно донесению Кутепова, накануне ночью пехота большевиков перешла в атаку на северную оконечность Чувашского полуострова, называемую Турецкими батареями, но была остановлена у проволочных заграждений мощным огнем защитников рубежа. Под прикрытием спустившегося под утро тумана большевики перебросили силы для обхода Ту-

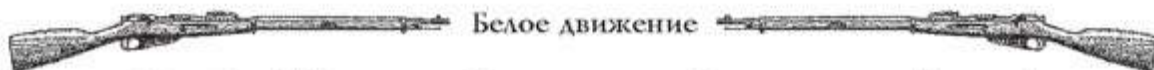

режкой батареи с запада и продолжили наступление на Северный Чуваш. Этим же утром продолжилось большевистское наступление красных на Перекопский вал. Большевики старались охватить его с флангов. Собрав на Чувашском полуострове около двух стрелковых дивизий, красные двинулись от Старого Чуваши в юго-западном направлении. Ввиду создавшейся обстановки, которая угрожала обходом Перекопскому валу и прорывом позиции из-за порушенных проволочных заграждений, Кутепов приказал частям 1-го армейского корпуса отойти на укрепленную позицию по северо-западным окраинам четырех озер. К Карповой Балке для намечающегося контрудара подошел конный корпус генерала Барбовича. Утром 10 ноября 1920 года, еще накануне приезда Врангеля в Джанкой, части кавалерийского корпуса Барбовича уже успешно атаковали красных и отбросили их к Чувашскому полуострову, где были остановлены мощным артиллерийским огнем, а ободренные огневой поддержкой красные части отошли к хутору Тихоновка.

Разведкой Русской армии было обнаружено, что началась переброска значительных сил красных на перешеек между озерами Красным и Старым. Русская армия была вынуждена отойти на последнюю укрепленную позицию на Юшуни. Генерал Кутепов еще предполагал поутру перейти в наступление и захватить у противника утерянные позиции, однако признался Главнокомандующему, что сам мало уверен в положительном исходе предпринятого дела из-за низкого морального духа войск и отсутствия на пе-

редовой старших начальников, чей пример вдохновил бы солдат и офицеров. Врангель соглашался с этими доводами, но считал пока необходимым удерживать позиции, чтобы выиграть время. Удерживать атакующих красных нужно было пять или шесть дней. В это время в крымских портах будет погружен уголь, суда окажутся распределенными по портам и на них будут перевезены раненые и больные из лазаретов Крыма, а также погружены тыловые учреждения и техника. Кутепов заверил Главнокомандующего, что сделает все, что в его силах, однако по тому, как он описывал положение, Врангелю стало ясно, что у того почти не осталось надежды удержать позиции своими силами.

Путь Врангеля лежал в Севастополь. Свой конвой он отослал в Ялту для ликвидации прокоммунистической банды Мокроусова, бежавшего в горы. Для охраны поезда, на котором он совершал объезд позиций, Главнокомандующий распорядился направить роту юнкеров Алексеевского военного училища, ожидавших поезд барона в Симферополе. Прибыв в город, Врангель принял губернатора А.А. Лодыженского и ознакомил его с обстановкой, дал поручение генералу Абрамову. Он просил его в обстановке строгой секретности, дабы избежать паники, обеспечить подготовку к эвакуации военных и гражданских учреждений Симферополя. Кроме того, необходимо было обеспечить погрузку раненых и больных офицеров, членов семей военнослужащих и чиновников гражданских ведомств, которым по приходе большевиков в Крым грозила бы смертельная опас-

ность. 11 ноября 1920 года поезд Главнокомандующего въехал на сева­сто­поль­ский вокзал.

каясь об упавших лошадей и людей, кони сбрасывали своих всадников. После пулеметного расстрела конницы в упор крас-

Последние бои

Получив донесение об успехах красных у Чонгара, Врангель приказал остаткам Донского корпуса отступать, а железнодорожным частям отвести на станцию Таганаш все исправные бронепоезда. Коннице Барбовича предстояло нанести контрудар противнику, дабы остановить его стремительное продвижение. Атаковав 7-ю и 16-ю кавалерийские дивизии красных и разгромив их, она переключилась затем на 15-ю и 52-ю стрелковые большевистские дивизии. Красноармейцы дрогнули и побежали, преследуемые кавалеристами Барбовича, ворвавшимися в ходе преследования в тылы 51-й и Латышской дивизий красных. С моря успех частей Барбовича был поддержан огнем белой флотилии, вошедшей в Каркнитский залив. Против развивавшего краткий успех конного корпуса Фрунзе бросил 2-ю конную армию. Перед лобовым столкновением двух конных лавин командир красных кавалеристов Миронов приказал укрыть за своим конным строем 250 пулеметов на тачанках. Когда до сближения противоборствующих сторон оставались лишь считанные десятки метров, ряды красных кавалеристов разомкнулись и по летящим вперед белым кавалеристам ударили заранее расставленные в центре пулеметы. Первые белые конники оказались моментально скошенными свинцовым дождем, вторая их волна, налетев на поверженных, рассредоточилась: споты-

Символы Гражданской войны

ные кавалеристы устремились в контратаку на замешкавшихся белогвардейцев. Их поддержали возвращавшиеся назад после недавнего бегства красные пехотные части. Кавалерия Барбовича бросилась прочь, пытаясь уйти от навязываемого боя. Полоса Юшуньских укреплений пала.

Под Чонгаром еще шли бои, в которых остатки Русской армии побеждали с переменным успехом: едва донские казаки успевали вырубить авангард большевистских частей, а на смену ему уже приходили новые силы и с ходу вступали в бой. Казаки контратаковали, однако силы их таяли буквально по часам:

Забыть ли, как на снегу сбитом
В последний раз рубил казак,
Как под размашистым копытом
Звенел промерзлый солончак,
И как минутная победа
Швырнула нас через окоп,
И храп коней, и крик соседа,
И кровью залитый сугроб.

В окружении красных дрался до последнего снаряда и патрона посланный на помощь казакам бронепоезд «Офіцеръ». Уже подорванный, остановленный насыпанными на пути шпалами, железный поезд продолжал отбиваться из оставшихся пулеметов, пока в них не закончились патроны. Тогда на штурм затихшего броневого гиганта с криками, гиканьем и свистом бросилась толпа красноармейцев. Внутри замолчавшего бронепоезда раздавались одиночные выстрелы — с собой кончали оставшиеся в живых члены его команды.

В ночь на 12 ноября 1920 года большевики с боями овладели станцией Таганаш. Армии Южного фронта продолжали входить форсированным маршем в Крым. В тот же день, в 10 часов утра, поезд Врангеля прибыл на вокзал Севастополя. Оттуда Главнокомандующий отправился во дворец, пригласив на совещание военных Шатилова, Скалона, Кедрова и гражданского Кривошеина, дабы отдать им последние распоряжения о занятии войсками главнейших учреждений, почтамта, телеграфа, необходимости караулов на пристанях и железнодорожном вокзале, а также чтобы обсудить вопросы действия гражданских ведомств в режиме всеобщей эвакуации. На основании све-

дений, предоставленных Кедровым, барон лично распределил так называемый «тоннаж» по портам. Для погрузки в Керчи им отводилось 20 000 тонн, в Феодосии — 13 000, в Ялте — 10 000, Севастополе — 20 000, Евпатории — 4000. Кроме того, Главнокомандующий дал собравшимся указания разработать порядок погрузки тыловых военных и гражданских учреждений, больных, раненых, запасов воды и продовольствия, особо ценного имущества, чтобы в момент получения приказа погрузка могла начаться немедленно в соответствии с принятыми к сведению указаниями.

После совещания с ближайшими соратниками Врангель пригласил представителей иностранных военных миссий с просьбой оказания содействия иностранными судами в случае массовой эвакуации из Крыма. После Врангеля дал последнюю пресс-конференцию российским и иностранным журналистам, рассказав им о создавшемся бедственном положении Русской армии. Тревожные вести распространялись по городу с быстротой молнии. Главнокомандующему беспрерывно звонили по телефону, прося содействия или разъяснения ситуации, присылались делегации, запросы. «Положение становилось грозным, остававшиеся в нашем распоряжении часы для завершения подготовки к эвакуации были сочтены. Работа кипела. Днем и ночью шла погрузка угля; в помощь рабочим грузчикам были сформированы команды из чинов нестроевых частей, тыловых управлений. Спешно грузились провиант и вода. Транспорты разводились по портам. Кипела работа в штабе и управлениях, раз-

бирались архивы, упаковывались дела», — писал в воспоминаниях сам Врангель.

Слухи об эвакуации докатились и до генерала Слащева, поразив его расстроенное воображение сверх всякой меры. «В своем фантастическом костюме (белый ментик, отороченный мехом с золотым шнурами. — *Авт.*) он появлялся на улицах, беседовал с толпой, собравшейся перед витриной телеграфного агентства, давал интервью представителям печати... Я послал предписание генералу Слащеву выехать немедленно на фронт в распоряжение генерала Кутепова; последнему приказал передать, чтобы он задержал генерала Слащева при себе, не допуская возвращения его в Севастополь... Слащев на автомобиле выехал в Джанкой». Врангель мог наконец вздохнуть с облегчением. Он не надеялся на возвращение своего «беспокойного генерала» с поля битвы, отослав его на верную гибель.

Агония Русской армии

На фронте в эти часы кипели кровопролитные бои, и теснимые противником части Русской армии продолжали свой отход. Вероятность выжить в этих условиях даже для генерала была невелика. К вечеру Дроздовская дивизия, Конный и Донской корпуса отошли в район Богемки. Остальные подразделения 1-го армейского корпуса сосредоточились у села Тукулчак. Врангель приказал войскам, оторвавшимся от преследования противником, идти в порты на погрузку. 1-й и 2-й армейские корпуса отправились в Евпаторию и Севастополь. Конному корпусу Барбовича предписывалось двигаться на Ялту. Ку-

банцы генерала Фостикова направлялись в Феодосию. Донской корпус Абрамова и Терско-Астраханская бригада пошли в Керчь. Для ускорения передвижения пехоту было приказано посадить на повозки, а коннице прикрывать отход.

29 октября 1920 года Врангель издал приказ, предупреждающий население Крыма об оставлении Русской армией родной земли. Вместе с этим было подготовлено сообщение правительства о предстоящих тяготах эвакуации и морского похода, а также о том, что ни одна иностранная держава не дала своего согласия в данный момент на прием эвакуированных. В сообщении подчеркивалось, что правительство Юга России не имеет средств, чтобы оказать помощь эвакуируемым как в пути следования, так и в дальнейшем и призывает всех тех, кому не угрожает непосредственная опасность со стороны большевиков, оставаться в Крыму. Поздно ночью начальник штаба контр-адмирала Кедрова Николай Николаевич Машуков разбудил Главнокомандующего и сообщил ему о только что полученном по радио предложении Фрунзе о сдаче, гарантирующим жизнь и неприкосновенность всему высшему составу армии и всем чинам армии, сложившим оружие. За предложенную Русской армии бескровную сдачу Фрунзе был строго отчитан Лениным: «Только что узнал о Вашем предложении Врангелю сдаться. Удивлен уступчивостью условий. Если враг примет их, надо приложить все силы к реальному захвату флота, т.е. невыходу из Крыма ни одного судна. Если не примет, нельзя ни в коем случае повторять и *расправляться беспощадно*».

Чтобы снизить поток радиопередач, вещаемых на Крым «извне», Врангель приказал закрыть все радиостанции, за исключением одной, обслуживаемой офицерами, способными критически отнестись к тому потоку полуправды, который исторгали большевистские пропагандисты по радио. Погрузка лазаретов и учреждений тыла проходила в относительном порядке. По улицам города тянулись вереницы подвод, нагруженные вещами обывателей. Улицы города патрулировали чины комендатуры в сопровождении юнкеров.

В штабе генерал-лейтенанта Михаила Николаевича Скалона продолжалась запись желающих выехать за границу. Неожиданно это количество оказалось столь велико, что заставило Главнокомандующего и его ближайших соратников задуматься о том, что рассчитанного на бумаге тоннажа может оказаться недостаточно. В связи с изменением погоды и устанавливающимся штилем адмирал Кедров предложил Врангелю дополнительно использовать для эвакуации все суда и баржи, которые могли держаться на воде, взяв их на буксир. Офицер Морского штаба вспоминал про Кедрова: «В эти тяжелые часы, среди лихорадочной напряженной работы он проявил редкую распорядительность, не отдыхая ни днем, ни ночью, поспевая всюду, требуя от подчиненных того же». Личное присутствие в Крыму адмиралов Кедрова и Машукова было как нельзя кстати. Их подчиненные вспоминали: «Эти два человека неразлучно работали вместе. Всюду появлялись энергичные, бодрые, вдохновленные надеждами, создающие

новые крепкие кадры команд, бодрящие падающих духом... Они собрали распадавшийся флот, обновили, освежили, очистили личный состав и приготовили к роковой минуте... К этому дню великой печали были готовы к отплытию в Севастополе 31 судно под Андреевским флагом... И еще множество кораблей — всего белого флота 132 корабля».

Около полудня 30 октября 1920 года в штаб Главнокомандующего позвонил генерал Кутепов со станции Сарабуз. Он доложил, что войска продолжают отступление, и отход производится в полном соответствии с приказами. Линия фронта проходила теперь южнее станции Юшунь. В конце разговора Кутепов сообщил Главнокомандующему, что с ним желает поговорить Слащев. Врангель уклонился от телефонной беседы под предлогом нехватки времени, однако настойчивый Слащев прислал ему телеграмму, в которой предлагал сформировать новый десант и непрерывно атаковать красных до победного конца. Врангель просил Кутепова передать Якову Александровичу, что предоставляет полную свободу всем желающим продолжить борьбу и что никакие десанты за неимением свободных «плавсредств» невозможны; если Слащев собирается оставаться в тылу противника и формировать партизанские отряды, Главнокомандующий лишь благословит его на это начинание. Переданный через генерала Кутепова ответ оскорбил Слащева в его лучших чувствах, и он просил Врангеля в новой телеграмме дать ему срочный и исчерпывающий ответ на его первое обращение. Барон не отвечал. Ночью Слащев вернулся в Севастополь, но

снова не был принят Врангелем. Слащев недоумевал, ибо еще 11 ноября 1920 года Врангель лично просил его посмотреть обстановку на фронте и доложить о его состоянии. Отчаявшись добиться аудиенции, стараниями морских офицеров Яков Александрович поспешил погрузиться на на возвращенный французским правительством ледокол «Илья Муромец». Прибыв на борт ледокола, Слащев попросил капитана разрешить погрузку оставшихся чинов лейб-гвардии Финляндского полка, в котором он прослужил немало славных лет. Место для его жены уже было выделено на борту крейсера «Алмаз».

Прощание с Крымом

Вечером 13 ноября 1920 года Врангель принял депутацию представителей городского самоуправления. Они выразили озабоченность обстановкой и попросили дозволить им организовать охрану города, портового завода и артиллерийских складов силами рабочих, для которых просили выделить оружие. Главнокомандующий согласился, и по его распоряжению рабочие Севастополя были вооружены. После того как городские депутаты отбыли, Врангеля посетил французский представитель союзников граф де Мартель, принесший вест о том, что правительство его республики готово взять под покровительство всех русских беженцев, остающихся Крым. Для покрытия расходов на их содержание, продолжал де Мартель, Франция готова взять в залог весь русский водный транспорт, на котором беженцы прибдут в Константинополь. Покидая Ставку поздно ночью,

Врангель отдал распоряжение ординарцам перевезти свои вещи в гостиницу «Кист», расположенную на набережной, из Графскую пристань, куда ранее уже переехала оперативная часть штаба Главнокомандующего и где теперь находился штаб генерала Скалона, исполняющего обязанности губернатора Таврии.

Наутро 13 ноября 1920 года из прибывших со стороны Симферополя эшелонов начали выгружаться воинские части и сразу же производить погрузку раненых и больных на пришвартованные в порту суда. Для них было отведено оборудованное под лазарет судно под названием «Ялта». Начальник санитарной части С.Н. Ильин руководил погрузкой и лично отдавал распоряжения, наблюдая за погрузкой, хотя сам был тяжело болен и едва держался на ногах. Закончив накануне посадку учреждений, суда с большой перегрузкой выходили в спокойное без волн море. На рейде дежурили транспорты, ожидавшие погрузки кутеповских частей 1-й армии. В десять утра, по сообщениям в штаб Главнокомандующего, линия фронта подвинулась к Сарабузу. Генерал Туркул, бывший вместе с дроздовцами на передовой, вспоминал: «И тогда-то, на нашем последнем рассвете, 1-й полк перешел в контратаку. В последний раз, как молния, врезались дроздовцы в груды большевиков. Страшно рассекли их. Белый лебедь с отчаянной силой бил крыльями перед смертью. Цепи красных... отхлынули под нашей атакой, когда мы, белогвардейцы, в нашем последнем бою, как и в первом, винтовки на ремне, с погасшими папиросами в зубах, молча шли во весь рост на пулемет-

ты». К слову сказать, упоминающийся образ погибающего «Белого лебедя» возник в литературе эмиграции и в строках молодого белого поэта:

Это было в прошлом на юге,
Это славой теперь поросло.
В окруженном плахюю круге
Лебединое билось крыло.

Когда части дроздовцев, отразив атаку и обратив на прощание в бегство прежде безостановочно наступавших большевиков, грузились на корабли, вместе с ними в плавание по бурным морям эмиграции и Историю уходили и их легендарные командиры, одному из которых было всего 25 лет, а другому 28: «Генерал Туркул и генерал Манштейн — самые страшные солдаты самой страшной Гражданской войны. Генералы Туркул и Манштейн — это дикое безумие дроздовских атак во весь рост без выстрела, это немое бешенство непобедимых дроздовских маршей.

Генерал Туркул и Манштейн — это беспощадные массовые расстрелы, лохмотья кровавого мяса и подбородки, раскрытые вороненой рукояткой нагана, и гарь яростных пожаров, вихрь безумия, кладбищ, смерти и побед» — так написал про них эмигрантский бытописатель дроздовцев, член одной из масонских лож в Париже Иван Сазонтьевич Лукаш.

Части Русской армии, почти не входя в соприкосновение с противником, планомерно совершали отход. Ближе к полудню Главнокомандующий в сопровождении адъютанта совершил пеший обход города, наблюдая за происходящим. Врангель с удивлением вспоминал: «Улицы были почти пусты, большинство магазинов закрыто, изредка встречались... спешившие к пристани одинокие прохожие. При встрече, как всегда, приветливо кланялись».

Во второй половине дня, в ранних осенних сумерках в город прибыл сам генерал

Командование и штаб Русской армии в Галлиполи

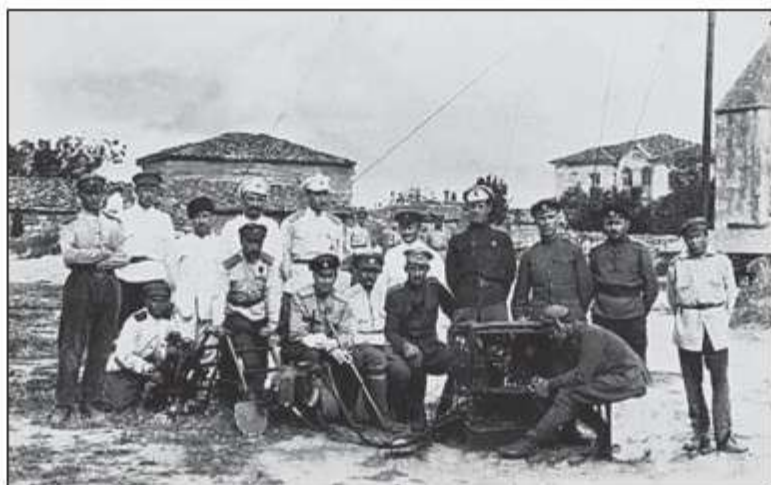
Кутепов с чинами своего штаба. Он сообщил, что погрузка его частей должна закончиться к десяти вечера и что он предоставил свободу выбора всем из чинов своих частей, кто пожелал остаться в Крыму. Таковых, по его словам, было совсем немного. Кутепов доложил также, что им уже выставлены заставы по всей линии железной дороги: до вокзала и далее к морю, — для прикрытия погрузки кораблей. Главнокомандующий приказал генералу Скалону обеспечить прикрытие погрузки на северном направлении — от моря и до железной дороги. Для этого ему были выделены юнкера пехотного Алексеевского, артиллерийского Сергеевского и Донского атаманского училищ. Врангель отправил директиву адмиралу Кедрову завершить погрузку людей к полудню 13 ноября 1920 года, чтобы уже в час дня суда могли выйти на рейд. В 10 часов утра 14 ноября 1920 года на адмиральском катере Кедров отправился для объезда судов, стоявших на рейде, после чего доложил Главнокомандующему, что погрузка войск почти закончилась. Начали сниматься последние юнкерские заставы, и юнкера стали собираться на площади, возле гостиницы «Кист». Главнокомандующий поздоровался с юнкерами, поблагодарил их за службу и, сказав краткую речь, отдал им приказание начинать погрузку.

После того как последние юнкерские заставы погрузились, катер с бароном Врангелем, провожаемый раскатами громогласного «ура», отчалил, наконец, от пристани, взяв курс на крейсер «Генерал Корнилов», на котором по прибытии на его борт Врангеля немедленно взвился флаг Главнокомандующего.

И вот на крейсере поднимается якорь, и огромная стальная машина плавно выходит в открытое море. Следом за «Корниловым» двинулись остальные суда, один за другим покидая порт. «Мы стали на якорь у Стрелецкой бухты и оставались здесь до половины третьего ночи, ожидая погрузки последних людей... и выхода в море всех кораблей, после чего пошли в Ялту, куда и прибыли 15 ноября в 9 часов утра», — вспоминал Врангель день своего отъезда. В Ялте Врангель сошел на берег вместе с начальником штаба адмирала Кедрова Николаем Николаевичем Машуковым. Там они вместе обошли суда, еще стоявшие в порту, чтобы лично побеседовать с прибывавшими для погрузки офицерами и солдатами.

Пока пехота отходила с позиций, конница прикрывала его, а затем, быстро оторвавшись от противника, усиленными переходами сама отошла к Ялте. Неторопливо преследовавшие противника большевики значительно отстали, что давало частям Русской армии некоторое время для обстоятельной и планомерной загрузки людьми и грузами кораблей. Всего из Ялты было эвакуировано 14 тысяч человек. В два часа транспорты с войсками и флагманский крейсер с Врангелем на борту двинулись в порт Феодосии. За ними следовал французский адмирал Дюменаль на крейсере «Вальдек Руссо» в сопровождении миноносца. Погрузка частей в Феодосии проходила менее успешно, чем в других городах. Вечером 12 ноября 1920 года туда прибыл со своим штабом кубанский генерал-майор Михаил Архипович Фостиков. Уже находясь в эмиграции, в своих нехитрых воспоминаниях он

Радиоточка Русской армии в Галлиполи

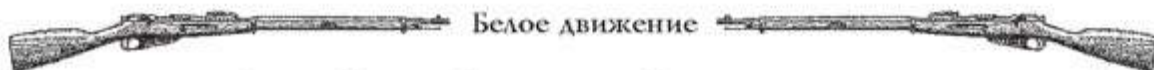
отметил некоторые особенности проходившей погрузки кубанцев: «Вместо пяти пароходов, первоначально мне данных, я имел в распоряжении лишь два — «Дон» и «Владимир», так как «Аскольд» был выделен под раненых и учреждения... К вечеру подошел Кубанский партизанский пеший полк и некоторые части генерала Цыганка. В город непрерывно прибывали все новые партии чинов и части, которые должны были производить посадку в других пунктах... Я связался по радио с генералом Врангелем, донес ему о катастрофическом положении в Феодосии и о неприбытии двух пароходов... просил его отдать распоряжение генералу Абрамову не задерживать пароходы, предназначенные для кубанцев, от себя... просил генерала Абрамова спешно отправить ко мне пароходы, хотя бы к утру...»

Вечером 13 ноября 1920 года небо над Феодосией озарилось заревом пожаров, организованных прокоммунистическим подпольем с целью дестабилизации об-

становки, а наутро 14 ноября пожар запылал в самом порту. Горели вагоны и пакгаузы, между которых лежали ящики со снарядами. Кубанцы Фостикова бросались сбрасывать эти ящики в море. Около часа ночи 15 ноября 1920 года большевиками были взорваны артиллерийские склады на окраине Феодосии и в близлежащем селе Владимировка.

С борта «Генерала Корнилова» Врангель отправил радиogramму в Керчь генералу Абрамову, приказав тому дожидаться и погрузить прибывающую к нему 1-ю дивизию кубанцев генерал-майора Льва Минича Дейнеги, не вместившуюся на суда в Феодосии из-за оказавшегося недостатка мест и ушедшую оттуда пешим порядком в сторону Керчи.

16 ноября Абрамов в ответной радиотелеграмме сообщал Главнокомандующему, что погрузка кубанских и терских частей завершена успешно, однако на многих судах ощущается крайняя перегрузка, а некоторые баржи переполнены людь-

ми сверх всякой меры. Капитан 1-го ранга Машуков лично вышел на ледоколе «Гайдамак» в море, передав приказ на прибывший из Константинополя транспорт «Россия» следовать за ледоколом в Керчь. Там на них были пересажены все те, кому едва хватало мест на отведенных для погрузки судах. Отбывая из Феодосии, наблюдательный Фостиков отмечал: «Что меня поразило при эвакуации Феодосии, так это наличие там массы танков и тяжелой артиллерии. ... Это свидетельствует о том, что эти части на фронте не были, — для чего же они существовали и формировались? Почему эти части не были выдвинуты на Перекоп и к Сивашу после Военного совета и не упоминались в плане генерала Шатилова? Танки и тяжелая артиллерия были свалены с пристани в море по моему приказу, некоторых чинов этих частей пришлось, в силу необходимости, погрузить...»

Настроение эвакуирующихся людей стало крайне нервным. Прямо на пристани некоторые кубанские офицеры стрелялись, другие, кому не хватило места на транспортах, бежали в горы, но были и такие, кто, сняв погоны, разбрелся по городу в надежде тихо пересидеть приход большевиков. Наконец на флагманский корабль в штаб Врангеля пришла радиogramма Машукова: «Посадка закончена, взяты все до последнего солдата. Для доклада главному везу генерала Кусонского. Иду на соединение». В два часа дня французский крейсер «Вальдек-Руссо» произвел 21 выстрел в качестве последнего салюта русскому флагу в водах России и снялся с якоря. «Генерал Корнилов» отвечал. Корабли вышли в море и взяли курс на Босфор. На 126 кораблях из захваченной большевиками России было вывезено 145 693 человека. Из них было более 100 тысяч гражданских беженцев.

Дроздовцы после Галлиполи. 1922 г.

Крым после Врангеля

На полуострове после прихода большевиков уже в декабре 1920-го — январе 1921 года развернулась невероятная по своим масштабам кампания террора по отношению к обывателям и оставшимся чинам Русской армии, тем, которые по личным мотивам не могли уехать за границу. На совещании московского партийного актива в декабре 1920 года Ленин заявил: «В Крыму сейчас 300 тысяч буржуазии. Это — источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам...» Несмотря на объявленный мир и мораторий ВЦИК и СНК от 17 января 1920 года на смертную казнь для политических противников, выезд из Крыма для населявших его граждан был закрыт. Главными падачами Крыма оказались Председатель Крымского ВРК венгерский интернационалист Бела Кун и секретарь Крымского комитета РКП (б) Розалия Самуиловна Землячка, негласно на-

значенные вершить расправу, как это уже случалось в прошлом, когда Землячка во время подавления Донского восстания состояла в РВС 8-й большевистской армии и занималась вопросами истребления «политических противников».

Первоначально звучавшее мирно объявление Крымской советской власти предлагало всем офицерам, находящимся на тот момент в Крыму, явиться на перерегистрацию, согласно приказу № 4 Крымвоенревкома, подписанному Белой Куном и секретарем Яковом Аркадьевичем Яковлевым. Сухие канцелярские строки объявления, казалось, не таили в себе никакой явной угрозы, кроме как в случае ослушания приказа: «...всем офицерам, чиновникам военного времени, солдатам, работникам в Учреждениях Добровольческой армии... явиться для регистрации в трехдневный срок. ... Не явившиеся будут рассматриваться как шпионы, подлежащие высшей мере наказания по законам военного времени».

Дроздовцы в Болгарии. 1922 г.

Многие из офицеров полагали, что повторная регистрация была делом сугубо формальным, и без тени сомнения явились на регистрационные пункты. Протех из врангелевских офицеров, кто добровольно пошел на службу к большевикам, их бывший сослуживец С. Мамонтов высказался впоследствии: «Эти *мерзавцы* не пошли к нам добровольно, не исполнили своего долга. Старались спрятаться и отсидеться. Но они не посмели ослушаться красной власти и пошли ей служить и служили усердно. Это каиново предательство не спасло их от концентрационных лагерей, тюрем, расстрела».

Это утверждение могло бы показаться чрезмерно эмоциональным, если бы не бесстрастная статистика того времени, сообщавшая, что из 1400 генералов и офицеров императорского Генерального штаба на службу к большевикам пошли 13 полных генералов, 30 генерал-лейтенантов, 113 генерал-майоров и 127 штаб-и обер-офицеров. Среди офицеров, оставшихся в Крыму, было немало тех, кто считал, что наконец настало время мирного труда и мирной жизни. Эти люди были готовы пересмотреть свои политические убеждения и попытаться построить жизнь заново. Такие офицеры и приходили на пункты, чтобы быть внесенными в некие списки, тщательно составлявшиеся большевиками. В Феодосии, например, «на регистрацию в установленный срок явилось более 4500 человек, их зарегистрировали и... распустили по домам. — появилась надежда на то, что большевики выполняют обещания Смиаги, Бель Куна и Фрунзе об амнистии сдавшимся и рыцарском отношении к населению,

данные 11 ноября», — пишет А.А. Бобков. Когда вышел новый приказ о перерегистрации, всех, кто в Феодосии явился добровольно, арестовали и под конвоем отправили в Виленские и Крымские казармы, превращенные большевиками в казематы. В них одновременно содержалось до 500 пленных. Утренняя побудка оставшихся в живых начиналась пением «Интернационала» и «политзанятиями». Каждую ночь по команде «Рота! Встать!» комендант казарм будил заключенных, зачитывал списки приговоренных к расстрелу; несчастные отделялись от «личного состава» и отправлялись конвойными командами к месту расстрела. В декабре 1920 года массовые расстрелы проводились прямо во дворе Виленских казарм. Тела убитых сбрасывались в старые генуэзские колодцы. Когда колодцы заполнились, приговоренных выводили за пределы казарм, вели к угольным копиям, там заставляли рыть могилы и с наступлением темноты расстреливали.

Именно там и в эти дни был расстрелян единственный сын Сергей великого русского писателя Ивана Шмелева. Совсем юный, он уже был инвалидом, попав в газовую атаку под Ипром, будучи призван на Первую мировую добровольцем. Не участвуя ни в каких действиях, а проживая с родителями в Алуште, он тоже поддавался на этот провокационный призыв. Иван Сергеевич и его супруга до конца дней не могли оправиться от этой утраты.

Сохранилось пронзительное стихотворение Ивана Савина, два младших брата которого, Михаил и Павел, погибли таким же образом, и процитировать которое в

полном объеме мы считаем необходимым на страницах нашей книги.

Ты кровь их соберешь по капле, мама,
И, зарывав у Богоматери в ногах,
Расскажешь, как зияла эта яма,
Сынами вырытая в проклятых песках,
Как пулемет на камне ждал угрюмо,
И тот в бушлате звонко крикнул:

«Что, начнем?»

Как голый мальчик, чтоб уже не думать,
Над ямой встал и горло проколол гвоздем.
Как вырвал пьяный конвоир лопату
Из рук сестры в косынке и сказал:

«Ложись»,

Как сын твой старший гладил руки брату,
Как стыла под ногами глинистая слизь.
И пылал рассвет ноябрьский над туманом,
И тополь чуть желтел в невидимом луче,
И старый прапорщик, во френче рваном,
С черниальной звездочкой на сломанном

плече

Вдруг начал петь — и эти бредовые
Мольбы бросал свинцовой брызжущей
струей:

Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидеши во царствие твое.

Только лишь единицы приглашенных большевиками для «повторной регистрации» офицеров, усомнившись, бежали в горы, к «зеленым». Большая часть крымского офицерства оказались заложниками воинской дисциплины и доверия к обещаниям советской власти

***

После того как красные части заняли Феодосию, там был сформирован ВРК Феодосийского уезда, занявший помещение городской гостиницы «Астория». Комис-

сар 9-й большевистской дивизии М. Лисовский и Председатель ВРК некто Жеребин провели первые показательные расстрелы пленных уже в ночь с 16 на 17 ноября 1920 года на железнодорожном вокзале города, где находился эшелон с ранеными и выздоравливающими чинами 52-го Виленского полка.

Покончив с расстрелами военных, красные переключились на обывателей и вообще мирное население Крыма. Были арестованы члены семей бывших белогвардейцев, сотрудники гражданских ведомств белой крымской администрации, представители прессы, духовенство. Потом террор распространился на представителей дворянства, считавшихся виновными по определению. Истребив дворян, крымские чекисты перешли к организации массовых облав на людей, имевших несчастье носить приличную одежду, что, по мнению крымских чекистов, свидетельствовало о их принадлежности к «классу буржуазии». Несчастных обладателей добротных вещей обычно под конвоем доставляли в фильтрационный пункт, располагавшийся в городских казармах, проверяли документы и решали, кому быть отпущенному, а кого отправить за город, на расстрел. Жители Крыма не могли спастись от расправ, просто уехав оттуда в Россию или на Украину. Каждый пропуск на выезд из Крыма подписывал лично Бела Кун.

Разместившаяся в Крыму Красная армия стала тяжелым экономическим бременем для полуострова, так как содержание ее большевиками было переложено на плечи местного населения. Сделанные еще при врангелевском правительстве за-

пасы крымского продовольствия были реквизированы большевиками и отданы в армию, ЧК и служащим советских учреждений, потянувшимися нескончаемыми обозами из Центральной России. Местное население, таким образом, было просто обречено погибнуть от голода.

Начинались эпидемии, с которыми большевики не могли, да и не стремились бороться. Отдельные подразделения красных лишь блокировали ту или иную местность, где свирепствовали массовые заболевания, и предоставляли местным жителям самим бороться с болезнями или погибать. В те дни весь Крым походил на один большой концентрационный лагерь, прообраз будущего ГУЛАГа в пределах одного полуострова.

Постепенно разрастающийся террор распространился и на тех, кто работал в железнодорожных депо и занимался ремонтом и эксплуатацией подвижного состава при Врангеле. Так, ушедших с отступающими частями Добровольческой армии из Курска железнодорожников, обосновавшихся в походном лагере недалеко от Феодосии, в ночь с 19 на 20 ноября 1920 года большевики вывели вместе с женами и детьми из лагеря, прогнали пешком до мыса Святого Ильи и там расстреляли. На месте опустевших рабочих бараков Особый отдел 9-й советской дивизии, в соответствии с директивами из РВС Южного фронта, распорядился создать концентрационный лагерь для военнопленных. Очень скоро он заполнился новыми потоками арестованных. Ревком и Особый отдел определили несколько «старост», которым поручалось разделить арестантов на тех, кто когда-

либо служил в Красной армии, и тех, кто воевал лишь на стороне Белой. Последних каждую ночь отправляли в колоннах по 100—150 человек с конвоем на мыс Святого Ильи и городское кладбище и расстреливали из пулеметов. Иногда арестованных связывали колючей проволокой и топили за так называемой Чумной горой в море. На мысе Святого Ильи тех, кто был расстрелян, сваливали в три параллельно вырытые друг другу балки. Места расстрелов охранялись красноармейским батальоном Особого назначения, рассыпанным в цепь, чтобы не допускать родственников убитых забрать тела для погребения. Тех, кто прежде служил в Красной армии, обирали до нитки, снимая даже нательные кресты и порой нижнее белье, и предлагали вступать снова в Красную армию. А если после того обобранный человек не соглашался, его добавляли в колонны, идущие каждую ночь на мыс Святого Ильи или городское кладбище. Впрочем, даже тех из бывших красноармейцев, кто под влиянием увиденных расправ соглашался, направляли в полевые лагеря особых отделов 6-й и 4-й советских армий, располагавшихся под Керчью, Бахчисараем, Джанкоем и Симферополем. Там под предлогом отсутствия продовольствия или солдат для охраны их также расстреливали.

Для упорядочивания деятельности карательного аппарата было инициировано создание Крымской ЧК, во главе которой поставили Станислава Реденса, а начальником его оперативного отдела стал некто Я.П. Бизгал. Комендантом Крымской «чрезвычайки» назначили И.Д. Папанина, чья карьера в ЧК, вслед-

ствие его участия в череде диких крымских расправ, завершилась для него длительным пребыванием в клинике для душевнобольных.

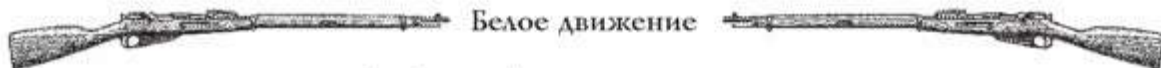
В Крыму в те дни прошло и дополнительное комплектование (на 70 %) Особого отдела 46-й советской дивизии, батальона особого назначения и комендантских команд чинами расформированной Эстонской стрелковой дивизии. Феодосийский Особый отдел возглавил некий Зотов, а его заместитель Островский был человеком явно патологических наклонностей. Особый отдел поместился в картинной галерее Айвазовского, вместе с ними в галерею въехали местные чекисты и за неимением места даже временно служащие Морского отдела. Новоселье три ведомства широко отметили грандиозным пьяным дебошем, в ходе которого были исколоты штыками несколько картин великого художника. Обретя помещение, феодосийские чекисты совместно с Особым отделом 46-й дивизии разработали ежедневный план уничтожения прибывающих арестованных, своего рода конвейер, который не прекращал своей чудовищной работы вплоть до конца апреля 1921 года. По-видимому, осенью 1921 года крымские большевики получили приказ из Москвы уничтожить следы массовых расстрелов на полуострове. Рвы и бабки, куда на протяжении полугода комендантские команды сваливали расстрелянных людей, было приказано поскорее засыпать негашеной известью. Но, как говорят крымские краеведы, «и весной 1996 года дожди вымывали из земли кости». Чины феодосийского ЧК и особого отдела 46-й советской дивизии впоследствии были расстре-

ляны по другому приказу из Москвы, — якобы «за злоупотребления» — выездной оперативной командой КрымЧК.

Исход завершен...

— А суда с беженцами и эвакуированной армией безмолвно застыли на внешнем рейде Константинополя. Со временем, когда уладились все возможные формальности и определился район размещения войск, чины Русской армии были перемещены в Галлиполи — «Голое поле», как метко прозвали это Богом забытое место русские люди. Один из свидетелей расквартирования частей НД Карцов написал: «Взорам находившихся на палубах представилась удручающая картина. По правому борту показались унылые постройки казарменного типа, в которых по соседству с сенегальским батальоном французских колониальных войск предстояло разместить Сергиевское училище. Дальше был маяк, а за ним потянулись серые развалины небольшого городка с редкой чахлой зеленью, неказистыми домиками на набережной...»

Выбор Галлиполи, этого далеко не самого райского уголка земли, был, разумеется, не случаен. Место для размещения лагерей Русской армии, о чем долго проводили переговоры Главнокомандующий Врангель, союзники по Антанте и Турция, было определено сообразно некоторым факторам. Франция и Англия, как победившие державы, получили по Мудроскому соглашению, а впоследствии и по Севрскому договору, европейскую часть Турции, включая Константинополь. Специально созданная союзническая Особая комиссия следила за демилитаризацией

черноморских проливов Босфора и Дарданелл и соблюдения возможности открытого плавания по ним судам всех государств, а потому она получила под свой контроль и полуостров Галлиполи. Этот полуостров, в районе одноименного города, в ширину составлял всего 27 километров, он отделял европейскую часть Турции от ее азиатской части и тянулся узкой полосой почти в 90 километров с северо-востока на юго-запад вдоль Дарданелльского пролива, его и избрали для устройства основного лагеря. Там высаживались и размещались для переформирования все пехотные и артиллерийские части Русской армии, конница, штаб корпуса, военно-учебные заведения и тыловые учреждения.

Ушедшие из Крыма 30 кораблей Черноморского флота с личным составом в шесть тысяч человек, включая последних гардемарин Морского кадетского корпуса, по указанию Французского правительства сосредоточились в тунисском порту Бизерта, на севере Африканского континента. Общее руководство всеми

соединениями и частями лежало на Врангеле. 22 тысячи гражданских беженцев и два кадетских корпуса, после переговоров, были переправлены в Королевство СХС, 4 тысячи удалось переправить в Болгарию. Греция и Румыния, наконец, согласились принять по 2 тысячи человек. Оставшиеся перебрались в другие европейские страны или остались в Константинополе.

Великий исход Русской армии генерала Врангеля завершился, и перед ушедшими за границу полками возникали новые задачи, первойшей из которых было налаживание жизни на новом месте. Впереди их ждали новые разочарования и тяготы, годы тягостного труда и борьбы, для большинства — политической, для избранных — военной. Трагичен был их жизненный подвиг за пределами нашего Отечества, но это тема для отдельного повествования. Борьба с большевизмом продолжалась, принимала новые формы в новых условиях. Продолжается она в той или иной форме и по сей день.

Глава X

ВОЙНА ЗАКОНЧИЛАСЬ?

(1921—1923 гг.)

В 1921 году, на исходе Гражданской войны произошел некий надлом, свидетельствующий об изменении ее природы и все большем превращении ее в войну партизанскую. Белая идея постепенно исчезала, а пришедшие на смену ей шаткие политиканские спекуляции лишь отсрочили успех демагогических обещаний большевиков «рая земного» всему населению России. Подтверждение этому — оценка дальневосточного противостояния тех лет генерала Александра Алексеевича фон Лампе: «Еще в течение полутора лет пытались остатки белых армий установить нормальный порядок в занятых ими областях. Делались попытки образовать новое правительство, создавались новые войсковые части, погибших вождей сменяли новые. Но все это носило уже местный характер и может быть только отчасти причислено к Белому движению в России, которое ставило себе целью свержение коммунистической власти в центре страны. В силу этого и пути верных на Восточном фронте пришли к тому, что и им пришлось покинуть родную страну и рассеяться по Маньчжурии, Китаю и Японии и другим государствам восточной Азии, где в тяжелой тоске по родине они должны были зарабатывать горький хлеб изгнания».

На Дальнем Востоке

Еще в июле 1920 года большевистское правительство почувствовало, что становится хозяином положения в стране, и теперь ему было необходимо приложить некоторые усилия к закреплению своего режима во всех отдаленных «медвежьих углах» России. Одним из таких уголков, на который пока не в полной мере простиралась власть московских большевиков, оставался российский Дальний Восток. 6 апреля 1920 года на территориях Забайкальской, Амурской и Приморской областей была образована так называемая «буферная» (между Россией, Японией и Китаем) Дальневосточная республика (ДВР), просуществовавшая до ноября 1922 года. Ее столицей сначала был Верхнеудинск, а с октября 1920 года — Чита. Армией ДВР командовал В.К. Блюхер. Однако на обширных территориях ДВР еще сохранялось влияние как назначенного Колчаком атамана всех Казачьих войск Семенова, так и других атаманов, руководителей повстанческих сил и просто отдельных людей, вставших на борьбу с большевизмом, сумевших сплотить вокруг себя достаточное количество единомышленников. Семенов пользовался

благосклонностью и поддержкой представителей военных и политических кругов Японии более всех прочих борцов с большевизмом. В бытность Семенова атаманом всех казачьих войск, на Дальнем Востоке нашли себе временное пристанище многие чины колчаковской армии, некоторые ее старшие офицеры и генералитет, некогда принесшие коммунистическим войскам в Сибири немало неприятностей, — такие, как молодой генерал Сергей Николаевич Войцеховский, Борис Владимирович Анненков и многие другие.

К 27 сентября 1920 года большевистским командованием был разработан и принят к осуществлению план так называемой Читинской операции. Основной удар красное командование предполагало обрушить на войска Семенова, чьи силы насчитывали в то время около 29 тысяч человек и в распоряжении которых находилось 9 бронепоездов и артиллерийский парк из двухсот орудий. Для удара по семеновским соединениям и частям большевиками были стянуты дополнительные силы регулярной армии и некоторое количество партизанских отрядов. «Владения» атамана Семенова с севера и востока были надежно прикрыты 2-м и 3-м каппелевскими корпусами, расположившимися от Читы до станции Бырка. Вдоль железнодорожной ветки Чита — Маньчжурия, протянувшейся по юго-западной границе, находился 1-й семеновский корпус.

15 октября 1920 года, когда последний японский эшелон покинул Забайкалье, войскам Амурского фронта ДРВ был отдан приказ о наступлении совместно с

так называемыми «народоармейцами», названными большевиками для простоты «повстанческой армией». Эти многочисленные партизанские отряды, собранные и превосходно вооруженные, действовали по всему Дальнему Востоку. Они наносили неожиданные удары, сбивали боевые порядки каппелевцев, оставляя регулярным красноармейским подразделениям довершать свое дело. Наступление стало совершенной неожиданностью для Семенова и его штаба, но уже спустя два дня, 20 октября 1920 года, каппелевскими частями красным был нанесен, однако, ощутимый контрудар на центральном участке к северу от Читы. Целью большевиков было отрезать семеновские части как можно быстрее от границы и не дать им уйти в Маньчжурию, после чего попытаться окружить и уничтожить. Едва сдерживая непрерывные атаки противника, отходил из Читы корпус генерал-майора Викторина Михайловича Молчанова, отступая в южном направлении. В непрекращающихся боях каппелевские части успели нанести большевикам несколько ощутимых контрударов — под Храшаибири, Хадабулаком и под Борзей. Но все же следовавшие одна за другой атаки большевиков привели к расслоению обороны белых. 1-й семеновский корпус распался на части, самостоятельно продолжившие свой отход к китайской границе. Эти отряды продолжали вести бои с частями 1-го Забайкальского корпуса красных, дав им несколько удачных сражений у железнодорожных станций Борзя и Оловянная. Отступавшие с востока и запада каппелевские и семеновские части сходились вместе у Маньчжур-

ской дороги, постепенно выравнивая фронт и даже переходя в наступление на отдельных его участках. Советскому командарму Василию Константиновичу Блюхеру никак не удавалось окружить белых и, что особенно его расстраивало, воспрепятствовать им продолжить организованный отход за границу, на маньчжурскую территорию.

Учредительное собрание ДВР 1921 года и большевики

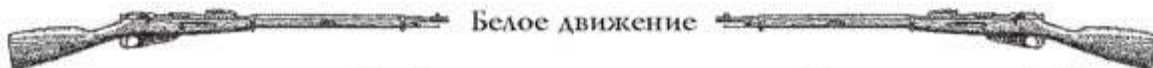
На фоне развернутого красного террора в доступных большевикам частях Дальнего Востока, в самой Дальневосточной Республике прошли демократические выборы в Учредительное собрание, начавшее свою работу в феврале 1921 года. Подавляющее большинство мест в Учредительном собрании досталось крестьянам, поддерживающим коммунистов, за ними, вторыми по численности, шли большевики, чуть меньше — эсэры, и незначительное в процентном отношении количество мест досталось двум наиболее популярным генералам колчаковской армии — Викторину Михайловичу Молчанову и Григорию Афанасьевичу Вержбицкому, не захотевшим приезжать по этому случаю из Китая в Читу. Работа Учредительного собрания затянулась до апреля 1921 года. За два месяца оно приняло «демократическую» конституцию, где определилась территория, называемая Дальневосточной Республикой, занимавшая все пространство от Байкала до Владивостока, а под конец и само Учредительное собрание было переименовано в «Народное». В мае 1921 года образова-

лось коалиционное правительство, призванное продемонстрировать Японии и странам Запада классический «парламентаризм» на территории русского Дальнего Востока. Новое правительство, хотя состояло из представителей разных партий и объединений, но находилось под полным и безраздельным большевистским контролем.

Параллельно с работой парламентских групп набирал новые обороты развязанный большевистскими силами в Забайкалье террор против казаков. Забайкальские казаки начали уходить в ближайшие страны — Монголию и Китай, где за некоторую плату коррумпированным китайским чиновникам им позволялось перегонять скот и строить зимовники. Вскоре начался постепенный отток казаков за границу, пока в Китай не перебравлась почти десятая часть всего Забайкальского казачества. Сравнительно прозрачные границы и легкость их пересечения в двух направлениях позволили большевикам организовать несколько карательных рейдов, направленных против казаков.

В Маньчжурии. Атаман Семенов

21 ноября 1920 года два каппелевских и один семеновский корпус благополучно пересекли границу России и Маньчжурии. Но за пределами своей страны они были остановлены выдвинутыми им на встречу войсками китайцев. Без видимых конфликтов семеновцы дали себя полностью разоружить и оформить пребывание на территории Маньчжурии в качестве беженцев. Позже все они были рас-

пределены по лагерям в Харбине и в полосе КВЖД.

Сам атаман Семенов направился в Приморье, где еще сохранялось влияние японцев и существовало либеральное коалиционное правительство. В ходе своих встреч с представителями местной власти Семенов пытался представлять себя последним хранителем идеи Белого движения на русском Востоке, но по настоянию либерального Владивостокского правительства был депортирован в Китай. Любопытно характеризует Семенова его бывший командир в Великую войну по Нерчинскому казачьему полку барон Врангель: «Семенов, природный забайкальский казак, плотный коренастый брюнет с несколько бурятским типом лица, ко времени принятия мной полка, состоял полковым адъютантом и в этой должности прослужил при мне месяца четыре, после чего был назначен командиром сотни. Бойкий, толковый, с характерной казацкой сметкой, отличный строевик, храбрый, особенно на глазах начальства, он умел быть всегда популярным среди казаков и офицеров. Отрицательными свойствами его были значительная склонность к интриге и неразборчивость в средствах для достижения цели. Неглупому и ловкому Семенову не хватало ни образования (он кончил с трудом военное училище), ни широкого кругозора, и я никогда не мог понять, каким образом мог он выдвинуться впоследствии на первый план Гражданской войны».

В сентябре 1921 года Семенов эмигрировал из Приморья. В добровольном изгнании он проживал сначала в Корее, а затем в Японии и Маньчжурии. Именно

там, в местечке Кахакаши, возле Дайрена, атаман обосновался на двух дачах, подаренных ему некогда японским императором. В 1923 году Семенов предлагал

Атаман Г.М. Семенов с адъютантом

свои услуги по организации казачьих частей китайскому генералу Чжан Цзо Линю.

Кавалер ордена Магомета, рыцарь Святого Гроба Господня, Семенов был пожалован экзотической наградой — Шкурой Белого Бобра и грамотой к ней. Иерусалимский Патриарх наградил Семенова Большим Золотым крестом с частями Животворящего Креста Древа Господня. В эмиграции атаман занимался политической публицистикой, печатался в журнале «Луч Азии» (Харбин) и газете «Голос эмигрантов». Дух творчества и склонность к научному обобщению жиз-

ненных наблюдений оказались совсем не чужды Семенову, и в русской литературной столице Востока Харбине атаман успел издать два сборника стихов и получить ученую степень доктора философских наук. Как утверждали его биографы, в годы эмиграции он нашел применение нескольким языкам, которыми, по их отзывам, неплохо владел. В число наиболее часто употребляемых им языков входили бурятский, монгольский, английский и китайский.

В сентябре 1945 года, после капитуляции Японии и фактического окончания Второй мировой войны, Семенов был захвачен сотрудниками СМЕРШ, этапирован в СССР и вскоре повешен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством Главного военного прокурора Ульриха. Его сын от первого брака, Михаил Григорьевич Семенов, был также захвачен органами советской военной разведки в 1946 году и застрелен при этапировании в Советский Союз. Дочь атамана от второго брака, Елена Григорьевна Семенова, окончившая колледж в Токио, в 1945 году была также захвачена сотрудниками СМЕРШ и отправлена в один из лагерей СССР. В 1948 году из концлагеря ее перевели в психиатрическую лечебницу Ярославля. Еще две дочери от второго брака, Татьяна Григорьевна Семенова (р. 1925 г.) и Елизавета Григорьевна (р. 1929 г.), были также арестованы и по решению Особого совещания получили по 25 лет лагерей в СССР.

Генерал Семенов был, как известно, своеобразным типом бойца, который не следует спешить причислять к образу

классического «белого воина», но совсем по иным причинам, нежели чем «даурского барона» Унгерна. Вот одна из его характеристик, оставленная современником Д.В. Филатьевым. Она добавляет существенные детали к образу атамана Забайкальского казачества: «Человек совершенно беспринципный, не брезговавший никакими средствами, до грабежей и убийств включительно». Могла ли быть успешной война с большевиками под началом подобных личностей? Неудивительно, что окрепшая к тому времени большевистская пропаганда умело обыгрывала темные стороны личностей своих противников, называя войну с ними, как борьбу с бандитизмом, и уже во-вторых, как с политическими противниками. Хорош или плох был бы атаман Семенов в качестве держателя верховной власти в Дальневосточной части бывшей Империи, гипотетически судить трудно, но после того как большевики одержали военную победу над ним, установившаяся повсеместно советская власть вновь ознаменовалась волнами террора в отношении мирного населения в городках и казачьих станицах.

Вспоминая об атамане Семенове, добавим, что им было основано 14 ноября 1920 года Читинское военное училище. Первоначально оно именовалось Военной Школой. Описывая обстановку того времени, один из тогдашних юнкеров вспоминал: «Казенного обмундирования еще не было, и мы явились в том, что носили у себя в частях или дома... пестроты одеяла на кроватях и обилие „собственных вещей“, разложенных у стен без всякого порядка, дополняли впечатление табора. На

первых порах жилось нам довольно скучно. Отпусков не было, занятий не производилось, и мы целыми днями сидели на кроватях или бродили по коридорам...» Первое время преподаватели и юнкера размещались в помещении гостиницы «Селект», откуда затем перешли в здание училища.

Приказом по войскам Отдельной Восточной Сибирской Армии № 134 от 17 апреля 1919 года Читинская Военная Школа переименована в Военное Училище. На основании приказа Главнокомандующего всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского Военного Округа № 141 от 1 февраля 1920 года был произведен первый выпуск. Начальником училища стал молодой офицер выпуска 1912 года — полковник Михаил Михайлович Лихачев. В том, что начальником училища был назначен строевой офицер, не было никакой предвзятости. Как показали иркутские события декабря 1917 года, на опытных начальников школ недавних прапорщиков с трехлетним опытом (например, полковник Хилковский) в случае сложной обстановки рассчитывать было трудно, поэтому выбор пал на офицера, в чьей твердости не было сомнений. Формирование происходило во время полной разрухи: ни материальной части, ни обмундирования, ни учебных пособий не имелось. Все надо было создавать и заводить заново. Тяжелая задача была дана и начальнику училища, и его помощнику по строевой части полковнику Дмитриеву, и инспектору классов полковнику Хилковскому. Состав юнкеров 1-го выпуска так описан одним из них: «Среди всевозможных гимнасте-

рок, френчей, бушлатов виднелись странные в этой военной обстановке тужурки двух-трех студентов и учащихся средне-учебных заведений... В огромном большинстве это был „тертый“, боевой народ, прошедший суровую школу Гражданской войны и хорошо умевший держать винтовку в руках. Среди нас были и почти мальчишки, и солидные „отцы семейств...». Было много кадет из Иркутского, Хабаровского и Сибирского корпусов... Дисциплина сразу же была установлена железная, и, что важнее всего, курсовые офицеры и преподаватели стремились привить юнкерам лучшие традиции военно-учебных заведений былых времен. Большую услугу в этом отношении оказали училищу многочисленные кадеты. Они принесли с собой дисциплину и выучку и, заняв портупей-юнкерские должности, способствовали установлению того истинно воинского духа, которым так отличалось Читинское Военное Училище от обычных школ прапорщиков военного времени...»

В конце июля 1920 года, когда была назначена эвакуация, юнкерам поставили задачу охранять «золотой запас», хранившийся в училище. Он был погружен ночью в багажный вагон, прицепленный в середину бронепоезда «Семеновец». Золото перевозилось на грузовиках: 10 ящиков золота, 7 юнкеров конвоя и грузовик, рыча мотором и поднимая кучу пыли, мчались к вокзалу, в поперечных улицах — пешие и конные патрули; погрузкой распоряжался полк Данилина. В вагоне с золотом поехали юнкера инженерной роты, пулеметная разместилась в броневых коробках, пехотная рота, бата-

рея полковника Вельского и хозяйственная часть ехали в другом эшелоне. Сотня и батарея полковника Иванова остались в Чите. Начинаясь агония училища. 1-го октября 1920 года Читинское атамана Семенова Военное Училище было расформировано. Оставшиеся юнкера зачислены в Отдельный Стрелковый личного конвоя атамана Семенова дивизион. В этом дивизионе уцелевшие от эвакуации и оставшиеся в живых юнкера (дивизион сильно пострадал во время десанта при взятии Владивостока 26 мая 1921 года и позднее при стычках с хунхузами летом), в числе 55 человек, были произведены 8 сентября 1921 года в офицеры: младший курс — в подпоручики, общеобразовательный — в прапорщики.

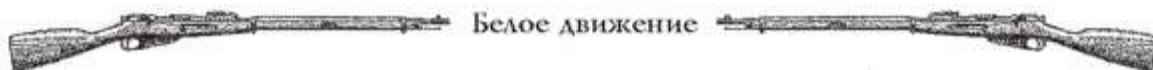
Семиреченская армия и ее командующий

Войсковой старшина Борис Владимирович Анненков был знаком большевикам еще с 1918 года. Весной 1918 года он прибыл с партизанским отрядом в 200 человек в Омск, где отказался подчиняться большевистским приказам. По его дерзкому плану партизаны-анненковцы похитили из Омского кафедрального собора знамя атамана Ермака Тимофеевича, тем самым спасая одну из главных святынь Сибирского казачьего войска от неминуемого надругания. В июле—августе 1918 года, пребывая в чине полковника, Борис Анненков в составе II Степного Отдельного стрелкового корпуса принял деятельное участие в свержении большевистской власти в Сибири, а вскоре и сам сформировал и возглавил целую повстан-

ческую дивизию, численность которой доходила до 10 000 человек. Встав во главе такого крупного воинского соединения, он был пожалован чином генерал-майора в декабре 1918-го. В составе этой так называемой Семиреченской армии, под командованием генерал-лейтенанта Анненкова, действовали бригада полковника Льва Валериановича Молодцова, в 1920 году, захваченного красными и расстрелянного ОГПУ в городе Верный, а также бригада генерал-майора Федора Гавриловича Ярушина, в мае 1921 года захваченного красными в китайском городе Чугучак.

Силы Семиреченской армии и брошенных против нее красных войск были неравными. Исход из пределов России стал для Анненкова единственным, правильным выходом, чтобы предотвратить избиение и уничтожение людей. Перед переходом китайской границы генерал Анненков разрешил всем желающим чинам армии, которым не угрожала опасность со стороны большевистской власти, остаться в России. 27 мая 1920 года он был интернирован китайскими властями у города Джимпань. К этому времени, после переформирования всех имевшихся под его командой частей с ним остался только малочисленный отряд в 700 человек.

После освобождения из непродолжительного плена Анненков отбыл 30 марта 1921 года в Урумчи к местному генерал-губернатору, где снова был арестован китайцами и даже заключен в тюрьму городка Синьцзян. К августу этого же года из 700 оставшихся при нем человек 500 ушло в Пекин. Остав-

шие по-прежнему находились в ожидании атамана, всего в 18 верстах от Урумчи в городе Гучень во главе с бывшим начальником штаба Семиреченской армии генерал-майором Николаем Александровичем Денисовым. В октябре 1922 года в Гучене оставался лишь Денисов с 20 чинами конвоя. В 1924 году Борис Владимирович Анненков был освобожден из китайских застенков. Условием освобождения атамана стало принятие им предложения китайского маршала Фен Юй Сяна о формировании в рядах его войск белогвардейского отряда. В мае 1924 года Анненков проживал некоторое время в Ланьчжоу

вместе с генералом Денисовым под охраной 18 чинов конвоя командующего Семиреченской армией. Пребывая в Китае, Анненков владел конным заводом на паях с губернатором провинции Синьцзян. 25 декабря 1925 года, в результате предательства китайских союзников, он был похищен агентами ОГПУ, а весной 1926 года доставлен в СССР вместе с генералом Денисовым. Генерал занимал к тому времени пост начальника штаба китайской службы при генерал-губернаторе провинции Нансу. В августе 1927 года Анненков и Денисов предстали перед советским судом в Семипалатинске. Судебные заседания

Партизаны отряда Анненкова

проходили в театре «имени А.В. Луначарского». Советский суд приговорил генералов к расстрелу.

Отдельная сводная уссурийская атамана Калмыкова казачья дивизия

Это небольшое белое подразделение на Дальнем Востоке также начало свою историю в марте 1918 года, когда был сформирован отряд уссурийских казаков, численностью в 150 человек. 4 июля 1918 года он освободил станцию Гродеково, а в сентябре того же года, выросший до 1200 человек, освободил от большевиков Хабаровск. В состав дивизии входили Уссурийский казачий полк, Иманская сотня и бронепоезд «Калмыковец».

В освобожденном от красных Хабаровске по приказу атамана Калмыкова было учреждено Хабаровское военное училище для подготовки военных кадров. Начальником нового военного учебного заведения стал бывший директор Хабаровского кадетского корпуса генерал-майор Никонов. В училище было произведено два официальных набора. Первый набор составил 22 человека, из них окончили 21, второй набор — 80 человек, а также был набран класс на Артиллерийские курсы в количестве 60 юнкеров. Курс обучения в училище был рассчитан на полтора года. Училище в качестве учебного заведения было признано Верховным правителем России адмиралом Колчаком в августе 1919 года, после инспекторского посещения его генералом Хорватом. Когда в ноябре 1919 года 4 китайские канонерки пытались, в наруше-

ние русско-китайского договора о плавании по рекам Амур и Сунгари, самовольно пройти в Сунгари, то были встречены орудийным огнем отряда атамана Калмыкова у Хабаровска. После шестичасового боя одна канонерка была потоплена, после чего остальные ушли назад, в Николаевск-на-Амуре. В этом бою юнкера Артиллерийских курсов училища принимали самое деятельное участие. В феврале 1920 года училище эвакуировалось в Маньчжурию. 13 февраля 1920 года белые войска принуждены были оставить город Хабаровск. Походным порядком все двинулись на юг по реке Уссури: военное училище, отряд атамана Калмыкова, морская рота под командой контр-адмирала Василия Викторовича Безуара, верные уссурийские казаки, часть офицеров и солдат 36-го полка и гражданские беженцы. Выступившим пришлось пробивать дорогу с боем под станицами Казакевичи, Невельской и поселком Чиркино. У поселка Куколевского окружение стало таким тесным, что пришлось отходить за китайскую границу. Отход к Китаю оказался невероятно тяжелым; при наступивших морозах пришлось двигаться четыре дня по снежной пустыне, без дорог и жилья. Отступлением всей группы командовал генерал-майор Николай Александрович Суходольский. Положение в походе осложнялось и разногласиями в командовании: Суходольский настаивал на прорыве с оружием в руках в Харбин, до которого было около 400 верст; Василий Викторович Безуар — на сдаче оружия китайцам и соответственно на дальнейшем интернировании всех русских, оказавшихся на их терри-

тории. В результате горячих споров произошло разделение сил: Суходольский с частью верных людей ушел в направлении Харбина, а контр-адмирал Безуар повел оставшихся к ближайшему китайскому городу Фугдину, расположенному на реке Сунгари.

Китайцы при первой же возможности постарались арестовать атамана Калмыкова. Поводов к этому у китайской стороны было немного. Главной целью ареста, безусловно, была месть атаману за бесславную ретираду китайских судов из российских территориальных вод в 1919 году. Оказавшись в китайской тюрьме, атаман, не веря в международные законы и их незыблемость, при первой возможности убежал из нее. Больной, он скрывался некоторое время в доме русского консульства в Гирине, но кем-то выданный был захвачен китайскими жандармами. В те годы китайцы перестали стесняться с экстерриториальностью русских дипломатических учреждений в Китае. 25 августа арестованный атаман Калмыков был увезен ими в неизвестном направлении.

Личность этого атамана мало чем отличалась от многих подобных ему пассионарных людей, волнами смуты выброшенных на поверхность политической жизни Дальнего Востока тех лет. За ним, разумеется, числились и неблагоприятные поступки, такие, как убийство полковника Февралева — его главного соперника в борьбе за атаманскую булаву Уссурийского казачьего войска. Но вместе с тем налицо были и некоторые благородные черты его натуры. Он, например, отказался от комфортабельного переезда в поез-

де в безопасное место под охраной японцев, куда выехал штаб Приамурского военного округа; вместо этого он принял личное участие в походе с отрядом под командой старшего начальника генерала Суходольского. Генерал Суходольский, ушедший со своими людьми на Харбин, позволил желающим остаться в Фугдине и распорядиться своими судьбами в соответствии с собственными убеждениями. Обмороженные и истощенные, эти русские люди чувствовали себя покинутыми на произвол судьбы в Богом забытом уголке китайской цивилизации. Те из беженцев, кто мог и хотел избежать унижений плена, имея деньги или вещи для продажи, поспешили вслед за ушедшим отрядом Суходольского и отправились в Харбин. Немногие оставшиеся в Фугдине были вскоре арестованы китайцами и направлены под конвоем по льду Сунгари в станицу Михаило-Семеновскую на реке Амур. Там их передали советским пограничникам и войскам ОГПУ, которые конвоировали их на территорию СССР, где потом, по слухам местных жителей, их зверски замучили. Больные и раненые из отряда Калмыкова, которых китайская сторона не выдала советским властям, дождались в Фугдине навигации и на пароходе были перевезены в Харбин.

Даурский барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг

Часть перешедшего русско-китайскую границу 1-го семеновского корпуса оказалась впоследствии рассеянной по монгольским, бурятским и тувинским улусам.

Из ее кадров возникали повстанческие партизанские отряды, во главе одного из которых встал «даурский барон», как назвал его позже харбинский поэт Арсений Митропольский, — Роман Федорович Унгерн фон Штернберг. Думается, настало время сказать несколько слов о его загадочной личности, наводившей ужас на большевиков и их пособников, и даже на коррумпированную верхушку белых, знавших отношение барона ко всякого рода интендантам и нечистым на руку чинам белого тыла.

Часть характеристики Унгерна другим вождем Белого движения, бароном П.Н. Врангелем, мы позволим себе привести ниже: «Среднего роста, блондин, с длинными, опущенными по углам рта рожеватыми усами, худой и изможденный с виду, но железного здоровья и энергии, он живет войной. Это не офицер в общепринятом значении этого слова, ибо он не знает самых элементарных уставов и основных правил службы, но сплошь и рядом грешит и против внешней дисциплины и против воинского воспитания — это тип партизана-любителя, охотника-следопыта из романов Майн-Рида. Оборванный и грязный, он спит всегда на полу, среди казаков сотни, ест из общего котла и, будучи воспитан в условиях культурного достатка, производит впечатление человека совсем от него отрешившегося. Тщетно пытался я пробудить в нем сознание необходимости принять хоть внешний офицерский облик. В нем были какие-то странные противоречия: несомненный, оригинальный и острый ум — и рядом с этим поразительное отсутствие культуры и узкий до чрезвычайности кру-

гозор, поразительная застенчивость и даже дикость — и рядом с этим безумный порыв и необузданная вспыльчивость, не знающая пределов расточительности и удивительное отсутствие самых элементарных требований комфорта. Этот тип должен был найти свою стихию в условиях настоящей русской смуты. В течение этой смуты он не мог не быть хоть временно выброшенным на гребне волны, и с прекращением смуты он также неизбежно должен был исчезнуть».

Единоличная власть барона Унгерна в Даурии* поражала современников своей удивительной эффективностью, — как в военных вопросах, так и в вопросах гражданского управления. Когда эту цитадель барона покидала его дивизия, за порядком оставалась наблюдать небольшая часть его войска — сотня казаков под командованием подпоручика Гушина и японская конная сотня под командованием капитана японской же службы Судзуки. Административными вопросами ведал подполковник Леонид Сипайлов, портрет которого мемуарист А.С. Макеев оставил потомкам в том виде, в каком наиболее ярко он запоминался окружающим людям: «Человек, в котором совместились все темное, что окутывает человека: садизм и ложь, зверство и клевета, человеконенавистничество и десть, вопиющая подлость и хитрость, кровожадность и трусость. Сгорбленная маленькая фигурка, издающая ехидное хихиканье, наводила ужас на окружающих». В отсут-

* Даурия — русское название Забайкалья и западного Приамурья; местное население до XVIII в. называлось даурами. — *Ред.*

ствие барона власть этого временщика простиралась почти над всей Даурией, административно входившей в 1-й Забайкальский отдел. Картина местности того времени хорошо описана одним из очевидцев Е. Еленевским: «...За Ононом начиналось царство железного барона генерала Унгерн-фон-Штернберга. Это было сразу же заметно: на станциях чистота и порядок, перед последней к Даурии станцией — Шарасун, по сторонам дороги показались разъезды Азиатской дивизии, наблюдавшие за окрестностями... Станция Даурия — маленькая, 6 путей. На север от станции — ряды красных кирпичных казарм. На юг — маленький поселок, где периодически вспыхивали чумные заболевания: жители охотились на тарбаганов — небольших степных зверьков, ради их шкурки, и ели их мясо, а тарбаганы — переносчики чумы. Большинство казарм пустовало: на Азиатскую дивизию численностью 1000—1200 человек много помещений не требовалось. В казармах, стоявших по краям городка, были замурованы кирпичом все окна и двери нижнего этажа и попасть наверх можно было только по приставной лестнице. Часть крыши с них была снята, и там стояли орудия образца 1877 года. На форту № 6 был укреплен «верх» возможной техники: крепостной прожектор; в этом форту сразу же обосновалась инженерная рота. Пулеметная рота осталась в броневых коробках бронепоезда, на ветке, проходившей посередине города и около церкви, окруженной громадными штабелями снарядных ящиков. Порядок, чистота, дисциплина здесь были заметны в каждой мелочи. О бароне рассказывали чуде-

са: что он спит на досках, поставленных на два ящика с золотом, покрытых потником, с конским седлом в голове. Потом от связных, носивших пакеты барону, узнали, что это вранье: квартира у него — как квартира и кровать хорошая, даже с пружинным матрасом... Барона боялись: юнкера Савельева, зазевавшегося с отдачей чести, он отправил на губу бегом, поэтому как только где-либо усматривали барона, так опрометью кидались в бокковую коробку, закрывали дверь и через бойницы следили, куда продвигается опасность. Зимой барон не сажал на губу: арестованный, одетый в теплую доху, выпроваживался на крышу и там, особенно в пургу, судорожно цеплялся за печную трубу, чтобы не быть сдутым с 20-метровой высоты на чуть припорошенную снегом промерзшую даурскую землю. Трое суток такого сидения превращали в образцовых солдат самых распущенных и недисциплинированных людей».

С самых ранних лет своей военной карьеры Роман Унгерн фон Штернберг, по одной ему лишь известной причине, стремился непременно побывать в Монголии. Эта страна словно бы притягивала его издавна, и когда в 1913 году он получил отказ из военного министерства поехать с группой офицеров Российской императорской армии в качестве инструктора по кавалерийскому делу, барон, недолго размышляя, подал рапорт своему полковому командиру об уходе в запас. Собрав некоторые личные средства, он выехал в Монголию в качестве частного лица и до лета 1914 года пребывал там, путешествуя по Внешней и Внутренней ее части, знакомясь с ламами, изучая ис-

торию и монгольский язык. Его личная экспедиция закончилась так же странно, как и началась. То ли предчувствие надвигавшейся войны, то ли иные весомые причины побудили Унгерна в одиночку, верхом на лошади, спешно преодолеть многие версты, проехав степями и перебравшись через горные хребты, чтобы к июню 1914 года оказаться на русской территории, в Благовещенске. Вскоре, узнав из местных газет, что в Империи объявлена мобилизация, Унгерн, издержав остаток собственных средств, купил себе билет, пошил форму и, обзаведясь необходимым минимумом провизии, отправился на запад, на театр военных действий. Там по прибытии в Восточную Пруссию он был вновь принят на военную службу и определен на должность командира сотни в 54-й донской казачий полк.

Обстоятельства конца лета 1920 года заставили Унгерна перебиваться в поисках пропитания для огромного числа людей и их лошадей, составлявших основную часть Азиатской дивизии. Отсутствие четкого плана действий в долгосрочной перспективе создавало большие трудности для управления всеми подчиненными структурами, а необходимость постоянного движения вынуждала увеличивать штаты чиновников и интендантов. Не имевший академического образования и навыков штабной работы для решения задач по взаимодействию армии и тыла, Унгерн решал эти непростые задачи весьма оригинальным способом. Предоставив слово адъютанту барона А.С. Макееву: «Переправлялись через какую-то речку, и всю муку подмочили. Барон озверел.

Орал на свой штаб, избил ташуром вестового... а потом приказал: „За подмоченную муку чиновника пороть, а потом утопить в этой же речке“. Несчастного выпороли и утопили». Суд Унгерна был скорый, и стеснения в средствах он не ведал: «Вышли в поход и вскоре пришли в Алтан, где и расположились на дневку. Здесь была окончена судьба алтанского священника. По докладу казаков, этот священник очень критически относился к белым, что для барона было достаточно. Правда, он отнесся к священнику на допросе деликатно и лишь приказал ему немедленно покинуть поселок, но о дальнейшем умолчал. Несчастный деревенский попик быстро выехал из поселка, а вслед ему поскакал ротмистр Забиякин с особым приказом Унгерна. Он нагнал священника и застрелил его в телеге». Так, устлая свой путь убийствами и жестокостями в отношении подчиненных, Унгерн вел дивизию в пределы Монголии, избрав пунктом назначения станицу Мензинскую.

Оканчивался хмурый сентябрь, особенно холодный в монгольских степях. На стыке дорог между Ургой и Мензой к Унгерну привели двух монголов, сообщивших барону, что в ургинской тюрьме, по соглашению с большевиками, томится около ста человек русских офицеров, их жен и детей, отловленных и арестованных китайцами в Монголии по просьбе большевиков, не всегда имевших возможность и силы заниматься этим самим. Марш на Мензинскую был немедленно отменен, и вот уже в Ургу понеслись два парламентаря с приказом местному губернатору освободить арестованных. Ответа на приказ

Унгерна не последовало, и, прождав около пяти дней, Унгерн распорядился: «На Ургу! Освободить переметные сумы. Обозам остаться на месте. Переменным аллюром, марш, марш!» Дивизия быстро подошла к Урге и заняла стратегически-важные высоты, откуда начала обстрел города. Унгерн приказал начать наступление. Неудача этого шага была предопределена заранее. Осажденный китайский гарнизон не только обладал численным превосходством в людях, но был еще неплохо вооружен. Две последовательные лобовые атаки наступавших были отражены. Унгерну пришлось отвести дивизию на 60 верст на восток от Урги, дабы перегруппировать силы и произвести необходимые замены в поредевшем офицерском составе. Из-за державшихся низких температур многие чины Азиатской дивизии продрогли и с трудом держались в седлах. В те дни дивизия переживала нелегкие дни, в течение почти месяца запасы продовольствия сошли на нет, исчезла мука и соль, и Унгерну пришлось отдать приказ о задержании торговых караванов, двигавшихся по тракту Урга — Калган, и направить их в расположение стоявшей лагерем дивизии. Свидетель этих мер А.С. Макеев утверждал, что «...скоро в дивизии появилось все, начиная от шелка и кончая монгольскими ножами, жареными курицами и шампанским». В конце октября 1921 года в дивизию, так и не решившуюся на штурм Ургы, пришло неожиданное, но вполне закономерное пополнение. Бурят хорунжий Тубанов привел сотню тибетских всадников. «...Самые настоящие тибетцы, воинственные и свирепые люди на

прекрасных лошадях и хорошо вооруженные. Интересный народ были эти тибетцы, и русские ходили смотреть, как они пьют и едят из особой посуды: из человеческих черепов, края которых были заделаны в золото и серебро». Это, разумеется, была малая толика сил, не способных коренным образом повлиять на успех замысла Унгерна взять Ургу, и поэтому барон решил отвести дивизию «на зимние квартиры» к реке Керуден, впадающей в озеро Долай-нор, дабы там отдохнуть и подготовиться к новому штурму.

В сознании Унгерна борьба против большевиков на время уступила место иным планам. На бивак при Керудене к Унгерну приехали монгольские князья, долго совещавшиеся с ним и испрашивавшие его помощи в одном важном для них деле. Забыв на время обо всем остальном, Унгерн загорелся идеей спасти монгольского Богдо, или «Живого бога», находившегося у хозяйничавших в пределах Монголии китайцев в почетном плену. Освободив его, монгольские князья рассчитывали установить монархию, короновав Богдо, и тем самым положить конец междоусобицам и раздробленности Монголии, чем успешно пользовались китайцы. Какие аргументы приводили Унгерну князья, можно лишь догадываться, но идея эта прочно овладела бароном, и он договорился о совместной наступательной операции с отрядами монголов. Один из участников этих переговоров, владелец типографии, напечатал и разослал по всем монгольским пределам воззвание к народу от имени князей всеми силами содейство-

вать освобождению Богдо и бороться с китайскими захватчиками.

Приказ по Азиатской дивизии гласил: срочное выступление на Ургу должно начаться в считанные часы: дело чрезвычайной важности, а потому необходимо сократить время на сборы; не употреблять спиртного и выступать без промедлений. Дивизия тронулась и в считанные часы форсированным маршем уже подходила к Урге. На подступах к городу Унгерну стало известно, что в нем заправляет некая красная администрация, во главе которой стоят православный священник о. Парников в качестве председателя управы и его заместитель некто Шнейман. Эти двое, по словам очевидца, и явились главными инициаторами безжалостного заточения офицеров и их семей в городской тюрьме. «Когда барон выслушал этот рассказ, — пишет А.С. Макеев, — он весь побелел от гнева и резко сказал присутствующим старшим офицерам: „Я не делю людей по национальностям. Все — люди, но здесь я поступаю по-другому. Если еврей... издевается над русскими офицерами, их женами и детьми, я приказываю: при взятии Урги все евреи должны быть уничтожены... Это им заслуженная месть за то, что не скрутили рук своей гадине. Кровь за кровь!“» Осада Урги была короткой и яростной. Окружив город разномастными конными сотнями, Унгерн направил основные силы со стороны Калганского тракта. Оборонявшиеся китайские заслоны были сбиты атаковавшими их казаками довольно быстро. После небольшого, но ожесточенного сопротивления оставшиеся в живых чины гарнизона бежали, оставив большое

количество винтовок и маузеров атаковавшим унгерновцам.

1 февраля 1921 года все командные высоты над Ургой были взяты. Все части Азиатской дивизии расположились неподалеку от города, на священной для монголов горе Богдо-Ул, в четырех верстах от Урги. Пользуясь общим замешательством китайских властей и представительства большевиков, вызванного дикой атакой Унгерна, хорунжий Тубанов со своими тибетцами проник во дворец и выкрал оттуда именитого пленника Богдо-Гэгена. Получив это известие, барон Унгерн воодушевился и приказал оповестить об этом всех чинов дивизии. В наступавших сумерках над горой Богдо-Ул неслось протяжное русское «Ура!». Однако пока Ургой барон еще не овладел. Там продолжали находиться силы китайского гарнизона численностью в 8 тысяч человек, вооруженные пулеметами и легкими горными орудиями. Эти силы были распределены между Маймаченом и Ургой, и добровольно сдаваться не желали. Две сотни конников под командованием генерал-майора Бориса Петровича Резухина атаковали южные ворота Маймачена, ворвались в пределы города, осыпаясь пудами с крыш и из узких переулков. Сопротивление китайцев подавлялось ручными гранатами, поджогами домов, где засевшие не желали сдаваться. Начался жестокий уличный бой. А в это время сотни войскового старшины Архипова и подполковника Хоботова ворвались в Ургу и устремились к городской тюрьме. Охранявшие ее здание китайские солдаты, дав несколько залпов по приближавшимся всадникам, бросились врассыпную. Спешившись, казаки

прикладами карабинов сбили навесные замки с дверей узилища, и их взорам предстала печальная картина. Здание не отапливалось, и все содержавшиеся там были найдены в ужасном состоянии. Узнав, что освобождены русскими частями, люди ликовали, как могли, на глазах многих блестяли слезы, иные в порыве признательности пытались целовать ноги освободителям. Все до единого узники тюрьмы были выведены казаками и размещены в теплых городских домах и кумирнях Урги. К вечеру 3 февраля 1921 года Урга была освобождена.

Жизнь в Урге налаживалась, и похоже, что менялась к лучшему. Для наведения порядка Унгерн повелев издать приказ от своего имени, что за мародерство или насилие над мирными жителями Урги уличенных в этом ждала смертная казнь. Другой приказ Унгерн касался коммунистов, которых барон приказал вешать, а их имущество сдавать в городскую казну. Распространил он подобные кары и на еврейское население, но если коммунисты были уничтожены все, то нескольких достойных людей еврейской общины были им помилованы. Вскоре Унгерн провел мобилизацию, под страхом смертной казни призывая взрослое мужское население явиться для регистрации в комендантское управление. Эти меры дали приток в количестве 150 человек, немедленно распределенных по различным частям дивизии. Были сформированы 4 полка, включая отдельные Татарский и Монгольский. В Урге постепенно оживала торговля и восстанавливались затихшие до времени базары.

После переговоров с приехавшими монгольскими князьями Унгерн пришел к выводу, что это важное дело им было завершено, и потому в приказе № 15 объявил, что теперь направляется на жестокую и беспощадную борьбу с красными, за царя Михаила Александровича, которого, к слову сказать, не было в живых уже целых три года. Однако прежде этого великого похода Унгерн собирался поучаствовать в коронации Богдо-Гэгена. Для монголов этот факт имел известное историческое значение. Восстановление монархического правления гарантировало стране гражданское спокойствие и государственную целостность. Коронация была назначена на конец февраля 1921 года. Барон Унгерн был пожалован титулом «гуна», монгольского князя, а все офицеры Азиатской дивизии за взятие Урги возведены в ранги монгольских чиновников от 1 до 6 класса включительно.

В мае 1921 года во всех полках Азиатской дивизии трубачи вновь сыграли походные мелодии. Начинался последний поход против большевиков, и новой целью был избран Троицкосавск. На выходе из Ургы дивизия представляла красочное зрелище, запомнившееся свидетелям как зенит ее славы: «Все всадники и офицеры были одеты в шелковые темно-синие монгольские тырлыки, в шелковых фуражках, припашках, винтовках, ташурах. Ташуры — особые бамбуковые палки, каждый упирал одним концом в стремя, а на другом конце лежала рука. На плечах ярко выделялись погоны, украшенные трафаретами из чистого серебра: двуглавый орел, а под ним номер полка. За плечами развивались шелковые разноцветные башлыки: зеле-

ный у татарской сотни, желтый у забайкальской, ярко-алый у бароновского штаба и др. Гремел прекрасный оркестр под управлением капельмейстера И.Д. Чижова, игравший марши, а когда музыка утихла, полилась подголосная, заунывная, как степь, казачья песня, то лихая, то остро-печальная... Барон сиял. Он был весел и, сопровождаемый штабом, сам красочно, по-азиатски одетый, громко бросал горожанам: „Не поминайте, господа, лихом, прощайте!“»

Дивизия шла на Троицкосавск, куда 4 июля должен был подтянуть свои силы генерал-майор Резухин, что позволило бы общими силами отбросить красные части от этого сравнительно крупного стратегического населенного пункта. Продвижение сил Унгерна проходило в ритме переменного алаура, но к назначенному дню подойти не удалось. Резухин, который привел казаков точно 4 июля 1921 года, с ходу атаковал Троицкосавск своими силами, но не смог пробить оборону красных. 6 июля новую попытку атаковать город предприняли подошедшие части Унгерна, но после ряда контратак дивизия была отброшена и отошла в близлежащее ущелье. Ночью красные, окружив ущелье, открыли мощный ружейный и пулеметный огонь по унгерновцам, перебив большое количество людей, лошадей, внеся смуту и панику в ряды дивизии. Выход ее остатков из ущелья сопровождался еще более сильным обстрелом. Уже не дивизия, а отдельные ее остатки устремились прочь, увлекая за собой красных. Погони не ожидал никто. Красные части, перегруппировавшись, делали все новые заходы в тыл отступавшим, пыта-

ясь рассредоточить их и распылить по степи. Преследование обратилось в нестерпимую муку для отступавших: то и дело их ждали засады, кавалерийские группы красных атаковали их внезапными наскоками, окончательно смешав строй и обратив их в панически метавшееся стадо. Одно время группами отступавших чинов Азиатской дивизии не командовал никто. Связь между отступавшими группами была прервана, а Унгерн не мог передавать приказы о новых назначениях, так как обстановка менялась почти каждый час, и потери дивизии непомерно росли.

В этом сумбуре общего развала лишь одно было ясно барону — отступить необходимо в Ургу и именно там найти приют и прибежище. Отход на монгольскую территорию не остановил преследования, которые организовали красные. В пути выяснилось, что Ургу вновь заняли красные, и получалось, что таким образом Унгерн лишался своего тыла. Он приказал двигаться к реке Селенге. Там была устроена небольшая передышка, куда подтянулись Бог весть как отыскивавшиеся обозы, и монголы пригнали скот. От Селенги Унгерн приказал двигаться вверх по ее течению и, дойдя до Гусино-го озера, дать бой красным. Порыв дивизии был столь стремителен, а жажда победы так сильна, что красноармейские части были моментально опрокинуты и смяты. Часть красных бросилась в озеро, надеясь найти защиту в воде, но и там их доставали казачьи пуди. Разгром оказался полным. Это была первая маленькая победа после полосы горестных неудач, и, остановившись на ночлег на бе-

регу озера, чины Азиатской дивизии праздновали успех.

Утром, с песнями, дивизия отправилась на Верхнеудинск, рассчитывая, что переменчивая фортуна, наконец, повернула свой светлый лик. Встречавшиеся по пути красные отряды пытались остановить продвижение этого малочисленного белого отряда, прежде гордо именовавшегося «дивизией», но терпели одно поражение за другим. Там, в Верхнеудинске, Унгерну предстояло вклиниться в тыл большевиков, проложив через него путь к частям атамана Семенова, которые, по некоторым сведениям, в описываемое время выходили из Читы. Но когда до Верхнеудинска оставалось все лишь 60 верст, Унгерн получил сведения, что Семеновские части и не собирались идти на соединение с его силами. Весь Забайкальский край находился в руках большевиков, и атаман Семенов не желал ввязываться в неравную битву.

Взбешенный барон приказал остановить дальнейшее движение и приказал всем двигаться на юго-запад, в дремучий Урянхайский край. Там барон планировал обосноваться, создать новую базу и уже оттуда снова начать делать набеги на красных. Новый дальний поход, общая усталость, отсутствие четких и ясных планов борьбы — все это дало повод для ропота в офицерских кругах. Конечно, и в прежние дни офицеры бежали от Унгерна, но теперь ситуация изменилась, и любой побег становился побегом в никуда. В среде офицеров Азиатской дивизии зрел заговор против своего командира. В бригаде генерала Резухина, вызванный схожими причинами, возник другой за-

говор, в результате которого боевой генерал был застрелен своими офицерами.

17 июля 1921 года офицеры Унгерна решились на «переворот», однако, интуитивно почувствовав опасность, барон бежал прямо из своей походной палатки. В дивизии началась «чистка». Группа решительно настроенных офицеров по очереди убивали любимцев и главных наушников барона. Когда с большинством из них было покончено, уже на марше в восточном направлении дивизию нагнал неведь откуда взявшийся барон. Он кричал, пытаясь найти своих помощников, и ругал всех подряд за неисполнение его приказа идти в Урянхайский край. На крики бывшего командира уже почти никто не обращал внимания. Опасаясь получить пулю от своих же офицеров, Унгерн предпочел исчезнуть в ночи. Под утро конь вывез его к стоянке монголов, покинувших дивизию, чтобы вернуться домой. Монголы сначала обстреляли бывшего командира, но чудом все выпущенные по нему пули просвистели мимо. Это напугало монголов, помнивших, что некогда сами называли его Джиджин-Найоном, то есть «богом войны», и, дабы не сердить внезапно посетившее их божество, они, подобострастно кланяясь, предложили уставшему Унгерну воды и выставили подобие водки — степной напиток «майгало». В довершение всего барону была предложена палатка для отдыха. Хорошо знавший нравы степных народов, Унгерн поступил вопреки своим знаниям и, смягчившись, приказал всем отдыхать, а сам, зайдя в палатку, тотчас же повалился на кошму и заснул глубоким сном. Наскоро посоветовавшись и сознавая, что убивать божество

невозможно, монголы решили крепко связать Унгерна, что и проделали бесшумно и молниеносно, набросив на голову спящего барона чей-то тарлык. Связав его, монголы почтительно поклонились лежавшему на земле богу войны и поспешили ретироваться.

Спустя несколько часов мимо одиноко стоявшей палатки со связанным бароном прошел конный разъезд 5-й армии, и красноармейцы решили поинтересоваться, кто же находится внутри нее. Увидев связанного человека, красноармеец спросил его: «Эй, товарищ, ты кто?» — «Я начальник Азиатской конной дивизии генерал-лейтенант барон Унгерн-Штернберг», — громко и гордо прозвучало в ответ.

Для большевиков, где бы они ни находились, барон Унгерн всегда оставался опасным противником, с авторитетом и значимостью которого не мог состязаться ни один из числа советских командующих. Монархизм Унгерна вызывал дополнительное раздражение большевиков. Последний держался своих убеждений крепко и был необыкновенно последователен в своих карательных действиях в отношении попадавшихся ему большевиков. Обратим внимание и на факт срочного личного вмешательства Ленина в судьбу захваченного в плен Унгерна. В Политбюро ЦК РКП(б) 26 августа 1921 года вождем была направлена телефонограмма. Текст ее гласил: «Советую обратить на это дело побольше внимания, добиться проверки солидности обвинения и в случае, если доказанность полнейшая, в чем, по-видимому, нельзя сомневаться, то устроить публичный суд, провести его с максимальной скоростью и расстрелять».

Отчего Председатель советского правительства буквально требовал расстрела, несмотря на постановление ВЦИК и СНК от 17 января 1920 года об отмене смертной казни «в отношении врагов советской власти»? В целом в этом нет ничего удивительного, если вспомнить массовые убийства пленных врангелевских офицеров и солдат в Крыму осенью и зимой 1920 года, но все же... Главным обвинителем на суде над бароном выступил «главный безбожник» страны, более известный советской публике под партийным псевдонимом Емельян Ярославский. «Основное место в своей речи оратор отвел зверствам барона, убийству коммунистов, советских работников, евреев, служащих Центросоюза, ни в чем не повинных детей», — писал Е.А. Белов. Суд утвердил приговор — расстрел, который был приведен в тот же день в исполнение. Современные биографы барона безапелляционно утверждают: «Могила Унгерна неизвестна».

Степные командиры

В истории антибольшевистских формирований на Дальнем Востоке стали известными отряды под командованием полковника Андрея Степановича Бакича, некогда возглавившего «Голодный поход» остатков Оренбургской армии в Монголию; есаула Александра Петровича Кайгородова; атамана Казанцева; солдата Александра Ивановича Шубина, избранного повстанцами командиром 1-го Иркутского полка численностью в 120 человек, и другие.

Солдат Шубин

Любопытна характеристика деятельности этого отряда, данная Е.А. Беловым, которую можно лишь с известной долей условности отнести вообще к белым: «Шубин грабил монголов, китайцев и русских, время от времени нападал на пограничные советские деревни и села, откуда его изгоняли красноармейские разъезды. В Монголии расстреливал евреев и ненадежных русских». Иркутский полк Шубина вел вспомогательные боевые действия в некотором условном взаимодействии с бароном Унгерном и по замыслу последнего должен был поддержать наступление бывшего офицера инженерных войск полковника Николая Николаевича Казагранди в направлении Иркутска.

По этой причине Шубин отклонил предложение атамана Казанцева о ведении войны с большевиками в Урянхайском крае*. Однако прорваться из Монголии через советскую границу полку Шубина так и не удалось. Напротив, красные, перейдя границу, внезапно атаковали шубинский отряд неподалеку от монгольской заимки Хатхыл. Понеся ощутимые потери, повстанцы Шубина рассеялись, уходя от преследования все дальше в глубь Монголии. Большевики не решились преследовать его далеко, боясь быть окруженными и отрезанными от своей основной

базы другими враждебными им отрядами, и потому возвратились восвояси. Их атака не столько отрезвила Шубина в части его военных способностей, сколько заставила задуматься над смыслом всех усилий в борьбе с российским большевизмом — отсутствии даже малейшего шанса проникновения в Россию. Борьба с монгольскими большевиками, которых он никак не мог отыскать в степных просторах, казалась его практичному крестьянскому уму просто блажью. Связь с бароном Унгерном к тому времени уже утратилась, и надежды на ее восстановление у Шубина не было никакой. Вокруг — безводная монгольская степь, равнодушное кочевое население, поглощенное своим бытом, но главное, что особенно удручало народного вождя, — исчерпанность ресурсов для пополнения его изрядно поредевшего отряда: от России он был отделен километрами, а редкие русские беженцы не горели большим желанием пополнять собой пеструю группу вооруженного сброда.

19 августа 1921 года Шубин решился распустить отряд, разрешив своим повстанцам возвратиться в Россию и даже сдать советским властям тем из них, кто лично посчитал бы для себя такой выход возможным. Сам Шубин скрывался в Монголии вплоть до той поры, пока по наводке своих бывших подчиненных 16 сентября 1921 года Части Особого Назначения не захватили его в 40 километрах от советской границы. Шубина доставили под усиленным конвоем в Иркутск, где 4 октября 1921 года он предстал перед большевистским судом и, разумеется, был приговорен к расстрелу.

* Урянхайский край — в XIX — начале XX века историческое название республики Тува; урянхайцами прежде звали тувинцев. В XIX веке территория находилась в сфере влияния России; с 1914 г. — под протекторатом Российской империи; в 1921 г. — народная республика Танну — Тува — *Ред.*

Атаман Казанцев и его замысел о Урянхайском крае

Предложение атамана Казанцева, оставленное Шубиным без ответа, едва ли бы со временем привело солдат к иному финалу. По убеждению барона Унгерна, захват частями атамана Казанцева Урянхайского края давал возможность отрядам под командованием самого барона сосредоточиться на удобном плацдарме перед дальнейшим походом в Енисейскую область и постепенному вытеснению оттуда большевистской власти. Это было стратегически важное, но не главное направление подготовленного наступления Унгерна. Другое имело в виду покорение есаулом Кайгородовым Алтайской области.

Обстановка в Урянхайском крае осложнялась многолетним шатким статусом русской власти на этой территории, объявленной находящейся под протекторатом Российской империи еще в 1914 году. Населявшие край урянхи не признали над собой власти российского императора. Восточная часть Урянхия — Сальджакский и Тоджинский хошуны — исторически тяготели к Монголии, а хошуны Бэйсэ и Даа подумывали о присоединении к Китаю. И лишь только Ойнарский хошун был не прочь присоединиться к России. В 1920—1921 годах находившиеся в Урянхайском крае русские беженцы и разрозненные группы военных, провидением занесенные в этот «медвежий угол», организовались в отряды самообороны и время от времени вовлекались в вооруженные стычки с красноармейскими отрядами, находившимися в русском селе Усинском, граничившем с Урянхайским краем.

На них и сделал свою ставку атаман Казанцев. Еще до своего похода он обратился к ним с воззванием избавить не только Урянхай и Сибирь, но впоследствии и всю многострадальную Россию от «безбожников, извергов, насильников — коммунистов». Любопытно, но русские беженцы и военные в Урянхье, которые вели вялотекущую войну с красными, не восприняли этого призыва, иными словами, не устремились записываться в ряды отряда атамана Казанцева. Прибыв в июле 1921 года в Урянхай со своим отрядом и значительным обозом, Казанцев объявил мобилизацию, давшую его отряду пополнение в размере 400 человек из урянхцев. Этого ему показалось недостаточным, и атаман стал угрожать силой присоединить все хошуны, без учета их исторических предпочтений, к русскому отряду. Ответом послужило ночное нападение на юрту Казанцева группы урянхцев, едва не забивших атамана подвернувшимися под руку колыями. Чудом вырвавшись из их рук, атаман убежал под мирно горящие над его головой звезды, оседлав коня и в сиреневых ночных сумерках пустил его галопом в сторону Улясутая. Наутро завербовавшиеся в отряд урянхи разошлись по родным хошунам, а русские в недоумении повернули назад, в тщетной надежде отыскать убежавшего атамана в бескрайних монгольских просторах.

Корпус полковника Бакича между Монголией и Китаем

Однако вернемся к «настоящим делам» и к драматическому эпизоду их отхода за пределы Отечества. Части полков-

ника Бакича, прорвав у реки Кобук заслоны красных войск, перешли с территории Китая в Монголию, где после трехдневной осады ими был захвачен городок Шара-Сумэ, в боях за который погибло 1000 человек. Буквально по пятам корпуса Бакича шли конные части монгольских большевиков под командованием Сухе-Батора. Две с лишним тысячи казаков корпуса, не выдерживая переходов и марш-бросков по монгольским пустыням, были вынуждены остановить столь стремительный темп отступления и сдать на милость преследователей. Оставшуюся часть корпуса Бакичу удалось отвести в сравнительно тихий район Монгольского Алтая. Еще одна часть бывшего корпуса, оставшись в Советской России, перешла на службу в Красную армию или подалась в «народные партизанские отряды», участвовавшие впоследствии в красном терроре против «тайных белогвардейцев» и «семеновских шпионов». Вплоть до своей сдачи в плен монголам, части Бакича еще продолжали вооруженную борьбу против большевиков, иногда объединяясь для этого с частями барона Унгерна.

Дальневосточная республика

12 мая 1921 года завершилось формирование правительства Дальневосточной республики, а через две недели ее потряс переворот, в результате которого вся полнота власти перешла к дальневосточным промышленникам — братьям Меркуловым. Братья стали во главе Временного Приамурского правительства, в котором уже отсутствовали представители боль-

шевиков. Это правительство было поддержано японцами.

Для защиты собственной территории от захвата большевиками и гарантии своего более или менее стабильного существования правительство Меркуловых озаботилось вопросами создания боеспособной армии. Они повели переговоры с осевшими у КВЖД и в Харбине представителями каппелевских частей и их руководителями — 29-летним генералом Анатолием Николаевичем Пепеляевым и 35-летним генерал-майором Викторинем Михайловичем Молчановым. Каппелевцы согласились вернуться в Приморье; командовать вновь сформированными частями, насчитывающими 15 тысяч бойцов, правительством был утвержден генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс. Следом за регулярными частями в Приморье из Китая вернулась часть забайкальских казаков. Из них было создано вспомогательное казачье соединение под командованием генерал-майора Фаддея Львовича Глебова, так называемая Дальневосточная Казачья Рать.

28 августа 1921 года в Дальяне была созвана международная конференция по урегулированию отношений на Дальнем Востоке: Японии и Дальневосточной республики, и о выводе японских оккупационных войск с российской территории. Контроль над оккупированной территорией становился все более тягостным финансовым бременем для японской стороны. Гарнизоны оккупантов сосредотачивались лишь на крупных железнодорожных станциях, а прилегающие к ним территории оставались во власти местных партизанских отрядов, досаждавших

японским гарнизонам постоянными нападениями и мелкими стычками. Организация карательных экспедиций, равно как и ведение полномасштабных боевых действий Японией исключались по двум причинам: практическая неуязвимость мелких отрядов, при необходимости растворявшихся в дальневосточных дебрях, и отсутствие уверенности, что другие державы поддержат начало полномасштабной войны.

Правительство Японии сочло за благо оставить Приамурье и отойти в Приморье, где у власти оставались братья Меркуловы. Главной причиной отхода послужило убеждение японского командования, что Приморье было бы легче удержать в случае наступательных операций с запада, а также оттуда будет легче организовать эвакуацию основных сил в случае неудачи. Отвод японских оккупационных войск сопровождался налетами партизанских соединений Дальневосточной республики. Оставленный японскими частями Хабаровск был сразу же «взят» партизанами и поставлен под свой контроль. Путь партизан теперь лежал в Приморье, откуда навстречу им выдвинулись части под командованием генерала Дитерихса, не только отбившие первую волну партизанского натиска, но и перешедшие 30 ноября 1921 года в контрнаступление. В ходе него части Дитерихса, разгромив и разметав остатки дальневосточных партизанских отрядов по окрестностям, обрушившись на «регулярную» народную армию, шедшую за партизанами, и вытеснили ее за Амур. После того прочно утвердился на позициях на северном берегу реки. Видя, что противник

отступает, Дитерихс приказал организовать его преследование вдоль Транссибирской железной дороги.

События в Якутии

Одновременно с успешным наступлением белых на западном направлении, большевикам был нанесен удар и на севере. Дитерихс командировал отряд есаула В.И. Бочкарева, известного у большевиков как главный убийца Сергея Лазо. 6 октября 1921 года отряд есаула занял город Охотск. Этим походом было положено фактическое начало гражданской войны в Якутии. Вскоре вспыхнуло всенародное восстание в Якутии против большевистского ига и произвола местных представителей ЧК, постоянно проводивших расстрелы и экспроприации собственности «якутских богатеев». Восстание возглавил объявленный главнокомандующим «Якутской народной армии» корнет Михаил Яковлевич Коробейников и учитель русской словесности Михаил Артемов.

Создав из якутских охотников небольшие партизанские отряды, они вскоре очистили от представителей советской власти почти всю обитаемую часть Якутии и удерживали ее на протяжении зимы 1921—1922 годов. В ходе боев с красными к «Якутской народной армии» присоединились отряды есаула Бочкарева и Владимира Ксенофонтова, продержавшиеся в мелких стычках и боях с красными до июня 1923 года, до того времени, пока они не были окончательно разгромлены и пленены превосходящими силами большевиков. Корнет Михаил

Яковлевич Коробейников с частью приближенных бежал в Китай, где и проживал до самой своей кончины, последовавшей год спустя. Поражение повстанцев было предрешено, ведь против их отрядов большевики задействовали многотысячную военную группировку под командованием В.К. Блюхера.

«Волочаевские дни»

Еще 5 февраля 1922 года группировка была направлена в наступление, постепенно тесня немногочисленные повстанческие соединения и части. Постепенно она вышла к 10 февраля 1922 года на основной рубеж обороны белых партизан — станцию Волочаевка. Руководство обороной станции сосредоточилось в руках генерала Молчанова. Войска Блюхера неоднократно штурмовали укрепленный район станции, но каждый раз их попытки стойко отбивались его защитниками. В ходе боев, потеряв большое количество оборонявшихся, Волочаевка была все же захвачена свежими силами красных, что вынудило части Молчанова оставить позиции и продолжить отступление на восток.

14 февраля 1922 года большевики вошли в Харбин, теперь, заняв Дальний Восток, они могли спокойно направить свои усилия на подавление восстания в Якутии, для чего командующий 5-й советской армией Уборевич отправил туда Гонготскую кавалерийскую дивизию под командованием недоучившегося студента Тифлисского учительского института, Бог весть какими путями проникшего на русский Дальний Восток, анархиста-ком-

муниста Нестора Александровича Каландаришвили.

Якутская народная армия

Дивизия под командованием несостоявшегося педагога-большевика выдвинулась в Якутск, рассчитывая обрести там легкую победу над «полярными охотниками», но неожиданно для себя угодила в засаду, устроенную оленеводами всего в 30 верстах от пункта назначения. Здесь в короткой, но меткой перестрелке дивизия оказалась полностью истребленной. Каландаришвили погиб вместе со всеми, но до самого конца пребывал в уверенности, что сам факт приближения регулярной армии он должен был навести суеверный ужас на «недалеких аборигенов с охотничьими ружьями». История еще раз показала, что недоучившимся студентам, лезущим со своим уставом в чужие монастыри, во все времена свойственно ошибаться самым роковым для них образом.

Получив известие о гибели карательного отряда Каландаришвили, Иероним Петрович Уборевич был немало раздосадован. Он приказал срочно направить на поиск и истребление повстанческих отрядов подтянутые из Монголии части под командованием еще одного интернационалиста — Карла Карловича Байкалова. В состав его формирований входили артиллерийские батареи и пулеметные команды. Все это воинство было брошено на борьбу с малочисленными якутскими партизанами. Несмотря на хорошую экипировку и вооружение, войска Байкалова повели затяжные и кровопролитные

бои с белыми партизанами, продолжавшие всю весну и завершившиеся лишь в начале лета 1922 года. Лишь путем невероятных усилий войска Байкалова заставили якутских охотников рассеиваться и отходить по одним им ведомым тропам, подальше от прямых столкновений с противником, обладавшим мощными артиллерийскими ресурсами. Здесь-то якуты и показали славному советскому полководцу, что, как говорит мудрая русская поговорка, «мышь копной не придавишь!» Байкалов понял бессмысленность ведения наступательных операций в труднодоступных районах Якутии и был принужден возвратиться ни с чем, предоставив советской пропаганде трубить о невероятных победах большевиков над белогвардейцами.

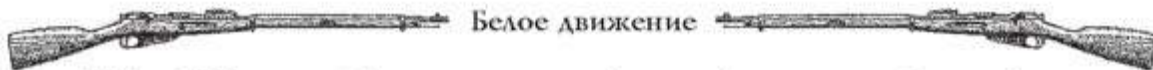
Якутские охотники тем временем малыми группами перемещались на Камчатку, где часть из них, настроенная продолжать борьбу с большевиками, вошла в отряд есаула Бочкарева, а другая часть отправилась к берегам Охотского моря, где они рассредоточились для партизанской борьбы с захватчиками по всему морскому побережью. Еще одна часть их просочилась охотничьими тропами в тайгу, навсегда уйдя от преследователей и вооруженной борьбы, чтобы заняться привычным для себя делом — охотой и рыбной ловлей в недоступных большевикам и безлюдных районах. Пропагандистская, и отчасти военная цель, поставленная перед Байкаловым Уборевичем, могла теперь считаться вполне достигнутой: якутские отряды перестали быть сплоченной организованной силой, и он рапортовал в штаб об «освобождении» Олекминского

и Вилюйского округов. Уборевич, в свою очередь, слал победные репортажи в Кремль.

Советские историки спешили писать тем временем работы о триумфальном шествии советской же власти по России, о чем провидчески написал белый поэт Иван Савин:

...И крови нашей страшный грунт,
Засеяв ложью, шут нарядный
Увьет цветами — русский бунт
Бессмысленный и беспощадный...

После рассеяния якутских партизан и основной части отряда есаула Бочкарева на территории России осталась небольшая группа людей, пожелавшая сложить оружие и прекратить борьбу с Советами. Это были «бочкаревцы», по тем или иным причинам не эвакуировавшиеся из страны со своими соратниками 2 ноября 1922 года; их насчитывалось не более двадцати человек. Семеро — урядники Павел Вдовин, Михаил Вологдин, Федор Гаученов, Филипп Гордеев, ротный писарь Косьма Мальцев, фельдшер Простокшин и капитан Казимир Николаевич Маковецкий — попали в тюрьму сразу же по приходе красных. Там же оказались и другие члены отряда. Судебный процесс советских властей над участниками экспедиции есаула В.И. Бочкарева состоялся в начале февраля 1923 года во Владивостоке. «Революционный трибунал» 1-й Забайкальской стрелковой дивизии 5-й армии вынес следующие приговоры. Служившему особоуполномоченным Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае и руководителем гражданской администрации

в 1921—1922 годах в Петропавловске, Хрисанфу Платоновичу Биричу, а также начальнику Наяханского военного гарнизона подполковнику Александру Леонтьевичу Полищуку был утвержден расстрел. Расстрел утвердили в качестве меры наказания командиру посыльного судна «Свирь», капитану дальнего плавания Роману Яковлевичу Салатко-Петрище, и членам команды судна — прапорщику по Адмиралтейству Василию Александровичу Кулию и коммерсанту Георгию Георгиевичу Беку. Лейтенант флота Григорий Амосович Иваев получил 10 лет лишения свободы.

Организация гражданской обороны. Духовная жизнь на Дальнем Востоке

Прошедшая в апреле—мае 1922 года в Италии Генуэзская конференция дала большевикам новый импульс в усилении подавления последних очагов белой борьбы на Дальнем Востоке. На конференции европейскими державами было впервые де-факто признано Советское правительство. Примечательно, как на участие Советской России в Генуэзской конференции отозвались иерархи Русской Зарубежной Церкви Заграницей, обратившись к представителям мировых держав с воззванием. Приведем часть его: «Среди множества народов, которые получили право голоса на Генуэзской конференции, не будет только представительствован двухсотмиллионный народ русский; потому что невозможно же назвать его представителями, и притом единственными, его же пора-

ботителей, как нельзя было в Средние века признать гуннов представителями франкских и германских племен Европы; хотя среди всех гуннских вождей, конечно, успевали втереться несколько процентов предателей из народов европейских, как и среди наших коммунистов — евреев, латышей, китайцев — втерся известный процент русских, и то преимущественно не на первых ролях. Впрочем, если бы вожди большевиков и не были инородцами и иноверцами, то и тогда какая же логика может признать право народного представительства за теми, кто поставил себе целью совершенно уничтожить народную культуру?.. Завоеватели-большевики казнили сотнями тысяч русских людей, а теперь миллионы их морят голодом и холодом. Где было слышно, чтобы интересы овечьего стада представляли его истребители — волки? Если бы спросить еще не растерзанных волками овец, что бы они желали для своего благополучия, то в ответ послышался бы один дружный вопль: уберите от нас волков. Так было бы, если бы овцы могли говорить; так оно и есть с русским народом, который до того забит и терроризирован, что не может поднять голоса и лишен физической возможности дать себя услышать просвещенной Европе и всему миру...»

Обращение это если и было услышано, то почти проигнорировано всеми мировыми державами.

В августе 1922 года на краю погибшей империи прошли всеобщие выборы. Земский собор, начав свою работу, провозгласил Приморье Независимым Земским краем. Несомненно, что к этому подтол-

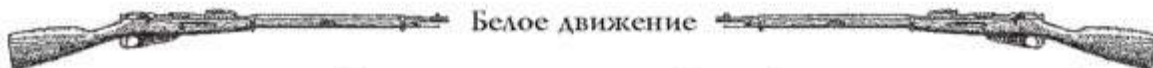
Участники Земского Собора. 1922 г.

кнули не только логика событий на Дальнем Востоке, но и международная Генуэзская конференция. Земский собор был созван 23 июля 1922 года Указом Приамурского Временного правительства № 149 от 6 июня 1922 года. Депутат С.П. Руднев предложил избрать почетным председателем Собора Святейшего Патриарха Тихона. Большинство участников Земского собора высказались в пользу установления сильной военной диктатуры, подтвердив полномочия единоличного правителя генерал-лейтенанта Дитерихса и передав ему всю полноту военной и гражданской власти. Одним из первых указов генерала Дитерихса был указ, объявлявший, что «граждане, не исповедующие чисто и свято никакой религиозной веры, не могут быть гражданами Приамурского края и будут подлежать выселению из его пределов».

22 сентября 1922 года в Никольск-Уссурийске состоялось совещание епископов, обсуждавшее вопрос о созыве Дальневосточного Поместного Церковного Собора. Было принято решение провести Собор 22 октября.

В совещании участвовал назначенный на временную Харбинскую кафедру архиепископ Оренбургский и Тургайский Мефодий, а также Мелентий, епископ Забайкальский и Нерчинский, и Нестор, епископ Камчатский и Петропавловский. (Судьба этого епископа словно бы вместила в себя все мыслимые для XX века испытания. 22 июня 1948 года он был депортирован китайскими властями в СССР. Советским судом владыка Нестор был приговорен к 8-ми годам заключения [в числе обвинений, предъявленных судом архиерею, были и написание святителем ранее книги, и его служение панихиды по убиенным в Алапаевске членам Императорской Фамилии]. Заключение епископ отбывал в концлагере поселка Явас в Мордовии и был освобожден в 1956 году.)

После своего избрания генерал Дитерихс обратился к населению Приморья с призывом к борьбе с большевиками и приветствовал вывод японцами своих войск с русской территории. Японцы объявили о полной эвакуации своей армии не позднее 1 ноября 1922 года — и действительно стали выводить свои час-

ти к морским портам. К отъезду японцев готовились и большевики. В Читу был направлен Уборевич, вновь командовавший 5-й армией. В конце сентября 1922 года он прибыл на передовые позиции для личного руководства ударной операцией.

Между тем Дитерихс также готовился к наступлению. Была сформирована Приуральская Земская Рать. В ее составе было: 6300 штыков, 1700 сабель, 24 орудия, 81 пулемет, 4 тяжелых бронепоезда и 11 аэропланов. 2 сентября 1922 года войска Земской Рати начали наступление из района станций Свиягино и Васильевки, продвигаясь вдоль Уссурийской железной дороги и наступая к востоку от нее в направлении Хабаровска. Дойдя через двое суток до разъезда Краевского, части Земской Рати, под непрерывными атаками красных, были вынуждены вернуться на исходные позиции. Еще через двое суток красные захватили станции Свиягино и Васильевку, а 8 октября начались бои за г. Спасский укрепленный район. 12 октября красные захватили Халкидон, 14 октября — Лучки, Вознесенское и Кремово, 15 октября — Никольск-Уссурийский и станцию Гаенка. 16 октября их части приблизились и заняли Гродеково. В создавшейся ситуации генерал М.К. Дитерихс подготовил приказ-обращение к чинам Земской Рати: «Силы Земской Приамурской Рати сломлены. Двенадцать тяжелых дней борьбы одними кадрами бессмертных героев Сибири и Ледяного похода, без пополнения, без патронов, решили участь Земского Приамурского края. Скоро его уже не станет. Он как тело — умрет. Но только как тело. В духовном отношении... он никогда не ум-

рет в будущей истории возрождения Великой Святой Руси».

До того как последнее сражение с армией Уборевича вступило в свою завер-

Генерал-лейтенант М.К. Дитерихс

шающую фазу, Дитерихс при посредстве Н. Меркулова провел предварительные переговоры с властителем Маньчжурии Чжан Цзо Линем относительно возможной эвакуации войск в случае поражения и о размещении беженцев в полосе КВЖД. Удачей стало формальное согласие китайского правителя, что позволило Михаилу Константиновичу отдать приказ о мобилизации добровольцев в соединения Земской Рати во Владивостоке для организации отпора большевикам, однако результаты работы добровольческих бюро оказались неутешительными. Население совсем не торопилось записываться в ряды Земской Рати, а при случае ста-

ралось избегать и призыва. Обратившись к представителям местных финансовых кругов, Дитерихс с удивлением для себя встретил отказ в финансировании войск и оплате снабжения Земской Рати. Проведя спешный учет боеспособных войск, генерал увидел, что в качестве единственной боеспособной силы у него оставались лишь части каппелевцев и забайкальские казаки, только что вернувшиеся из Китая. Численность этих двух составляющих его армии доходила лишь 9 до тысяч человек, при 24 орудиях, 80 пулеметах и 4 исправных бронепоездах. 4 октября 1922 года 5-я советская армия под командованием Уборевича повела общее наступление против Земской Рати и остатков каппелевских и казачьих соединений. Все атаки большевистских авангардов были отбиты стойкими частями Рати. Наутро в контрнаступление двинулась рота юнкеров Владивостокского Корниловского училища, Приволжский полк, Прикамский конный отряд, Прикамская артиллерийская дружина под общим командованием генерала Молчанова. Столкновение двух противоборствующих сил было мощнейшим и кровопролитным, но не решило исхода в пользу одной из сторон. К вечеру два полка и юнкера были отведены на прежние позиции, а по белогвардейским тылам отправились гулять красные кавалеристы Вострецова и Кондратьева из частей 1-й Забайкальской стрелковой дивизии и 2-й Приамурской стрелковой дивизии большевиков, а также красные партизанские отряды, — в то время как основные силы Уборевича навалились с фронта. В боях у Спасска получили свое первое боевое крещение

юнкера Корниловского училища. 1 октября 1922 года оно вышло на фронт в полном списочном составе в количестве 205 человек. Командование принял полковник Воротников. Начиная с 5 октября юнкера участвовали в боях под поселком Духовским, под станцией Свягином, под самим Спасском. В этих боях юнкера встретились и схватились с главной ударной частью красных — школой курсантов 2-й Приамурской дивизии. Как бы ни были вышколены курсанты, как не были они упоены уверенностью в победе, как не были богаты воинской дерзостью, — в боевом отношении они оказались слабее юнкеров. Училище в этих боях потеряло 75 человек убитыми и ранеными, а у курсантов осталось в живых из 240 человек только 67 — на две трети раненых. Помпезно провозглашавшая «штурмовые ночи Спасска», большевистские историки умалчивали про это мелкое и не заслуживающее внимания обстоятельство.

Командование красных бросало в атаки все новые и новые силы, чередуя атаки артиллерийскими обстрелами оборонявшихся. 9 октября, подтянув свежие силы, Уборевич отправил их на решающий штурм Спасска. Силы Земской Рати таяли буквально по часам, и вскоре большевики захватили почти все укрепленные «форты» города. Ратники отошли на последнюю линию обороны, к цементным заводам на южной окраине города, но очередного штурма решили не дожидаться из-за опасности обхода их сил с флангов и окружения. 10 октября 1922 года Земская Рать начала отступление, ведя жестокие арьергардные бои с

наседавшим противником. Дитерихс пытался сдержать наступательный порыв красных и навязанный ими темп отхода. У станций Мучная и Черниговка, отбиваясь контратаками, ратники продолжали свое движение, но части Уборевича попытались вновь охватить их с флангов и осуществить окружение. Этот маневр красных имел конечной целью не дать отступающим подойти к русско-маньчжурской границе и пересечь ее. Большевистская кавалерия захватила господствующие позиции возле поселка Монастырище и попыталась блокировать отступавшим ратникам путь к границе с Маньчжурией.

14 октября 1922 каппелевцы все же решились на прорыв организованного большевиками заслона, укрепленного красными курсантами, и в яростной схватке пробили в нем брешь. Отходя за реку Суйфун, они уходили пешими порядками за границу, в полосу КВЖД. Об обороне Владивостока было нечего и думать: не подготовленный к длительной обороне город имел в порту общий тоннаж судов, не рассчитанный на взятие на борт огромного количества войск и беженцев. В довершение всего в отсутствие опытного генерал-квартирмейстера и командующего флотом эвакуация из Владивостока рисковала обернуться неминуемой катастрофой и новыми жертвами. Генерал Михаил Константинович Дитерихс, уставший и подавленный известиями о неудачах в ходе непрерывных боев, а также разочарованный в приморских обывателях, не поддерживавших идеи собственной обороны, готовился к отходу.

Владивосток готовится к эвакуации

Положившись на случай и старания контр-адмирала Георгия Карловича Старка, Дитерихс стал горячим сторонником проведения эвакуации оставшихся войск по океану. Флотилия адмирала Старка рассматривалась им в качестве основного средства. До 15 октября 1922 года обстановка во Владивостоке еще оставалась вполне спокойной. Отъезжать за границу на рейсовых пароходах не спешили даже самые осторожные владивостокские обыватели. 17 октября 1922 года большевиками был взят город Никольск-Уссурийский, где, как обычно, большевистское правление началось с грабежей, погромов, после которых следовали расстрелы мирного населения. Слухи об этом долетели до Владивостока, где население мгновенно всполошилось, образовались очереди в конторах судоходных компаний иностранных государств, а цены на билеты вдруг стали продавать пассажирам с 1000 % надбавкой! Иностранные консульства во Владивостоке были переполнены лицами, ожидавшими получение въездных виз, но число выдаваемых виз было директивно сокращено до минимума, чтобы снять ажиотаж, который от этого лишь набирал силу. Сначала отказали в выдаче виз американцы, за ним последовали англичане и французы, потом японцы, а вскоре визы прекратили выдавать даже в китайском консульстве, в котором до сей поры получить визу было проще простого.

19 октября 1922 года, когда большевистские отряды, находившиеся в 20 вер-

стах от Владивостока, ворвались на станцию Угловая, все иностранные консульства в городе объявили о своем закрытии. Консульские работники под охраной своих военных перебирались на стоявшие в порту военные корабли собственных держав. Японцы выслали на железнодорожную станцию Океанская свои военные заслоны, дабы сдерживать рвущихся в город большевиков до окончания погрузки японских учреждений на военные суда. Малочисленные японские отряды даже вступили в бой с передовыми частями большевиков и отбросили их назад на 6 верст. Уборевич решил снять возникшую международную проблему путем переговоров с японским командованием. Японцы на переговорах с Уборевичем обязались покинуть Владивосток не позднее 25 октября 1922 года, однако потребовали отвода большевистских войск на прежние позиции. Уборевич согласился с условиями японцев, и те сообщили контр-адмиралу Старку согласованную с большевиками дату своего последнего дня эвакуации.

Военно-морские учебные заведения Дальнего Востока

Роль военно-морского флота в Гражданской войне трудно переоценить. Главным образом еще и потому, что на плечи моряков легли самые трудные этапы войны — спасение своих сограждан и их эвакуация. Вот почему почти во всех белых армиях на протяжении всей войны главное командование обращало значительное внимание на подготовку новых специалистов в морском деле, не считаясь с

обстановкой и требуемыми затратами. Так как почти весь кадр (преподавательский личный состав этих учреждений) морских офицеров, участвовавших в борьбе с большевизмом, находился на фронте, в белом тылу началось формирование военно-морских учебных заведений. Как выяснилось позже, это был весьма дальновидный шаг. Гардемаринам предоставлялась возможность не только пройти курс морских наук, но даже поучаствовать в учебных плаваниях. Согласимся, что для труднейших условий жизни в тылу, угрозы прорыва фронта подобное самопожертвование морских энтузиастов-воспитателей и местной белогвардейской администрации не может не вызывать уважения.

Больших успехов, разумеется, достигла администрация адмирала Колчака, и здесь, вероятно, свою роль сыграло «морское происхождение» Верховного правителя. В начале ноября 1918 года в освобожденной от советской власти Сибири военно-морским министром адмиралом Колчаком был отдан приказ о сборе и отправке морских кадет, гардемарин, юнкеров флота и воспитанников Морского Инженерного училища во Владивосток. Там планировалось организовать занятия. 19 ноября 1918 года прибыла во Владивосток из Сайгона первая большая партия гардемарин — 62 человека. Сначала гардемарины размещались в казармах 35-го Сибирского стрелкового полка на Русском Острове, затем были переведены в город, в так называемые Шефнеровские казармы. Прибывшая вторая партия гардемарин из Сайгона была профильтрована отборочной комиссией, и часть ее была

определена в военную школу на Русском Острове. В конечном результате получилась целая рота — 129 гардемарин, которые и начали занятия.

Занимались по запискам, — то, что сейчас в академической практике именуется «конспектами», так как учебников не было. Только позднее удалось наладить издание полиграфическим способом некоторых учебников, таблиц логарифмов в местной типографии, в далеком Шанхае. Практические занятия были организованы в хорошо оборудованных портовых мастерских. Все внимание учащихся было обращено на основные предметы, а «второстепенные» отброшены. Гимнастика, фехтование и спорт преподавались постольку, поскольку этого требовала строевая служба. В начале апреля 1919 года гардемарины и офицеры-воспитатели морского училища участвовали в освобождении отряда генерала Волкова, окруженного красными в поселке Владимиро-Александровском. 19 апреля 1919 года гардемарины вернулись обратно во Владивосток, чтобы продолжить занятия.

Летом 1919 года младшая рота гардемарин была отправлена на практические занятия на канонерской лодке «Маньчжур», которую вывели из дока и, приведя в порядок, поставили в бухте Новик на Русском Острове. Там под руководством нескольких специалистов гардемарины работали по приведению его в порядок, и к концу лета «Маньчжур» торжественно под своими парами вернулась во Владивосток. Командовал судном старший лейтенант Анатолий Николаевич Королев, доживший до середины 1970-х годов и скончавшийся в эмиграции, в Токио, а

вышла она под брейд-вымпелом начальника Учебного Отряда. Начальник Морского училища, капитан 1-го ранга Михаил Александрович Китицын добился прикомандирования к Учебному Отряду миноносца «Смелый». Старшая рота гардемарин ушла в плавание на других трех судах учебного Отряда: посыльного судна «Якут» — под командованием старшего лейтенанта Михаила Михайловича Коренева, «Улисс» — под командованием старшего лейтенанта Евгения Петровича Винокурова и «Диомид» — под командованием лейтенанта Иванова. Последние два были ледоколами, которые перед этим гардемарины и рабочие доков вытаскивали из порта, где они стояли у стенки, и привели в порядок. «Якут» поднялся на север дальше других, дойдя до порта Ном на Аляске. Это стало первым случаем, когда воспитанники Морского Корпуса совершили учебное плавание на север, причем путь их лежал в направлении плавания Беринга. Условия этого плавания были нелегкими.

В середине января 1920 года, после того как взбунтовалась Инструкторская Школа на Русском Острове, во всем Приморье надежными частями остались Морское училище и Военно-Морская Учебная команда, состоявшая из 70 матросов под начальством бывшего командира крейсера «Орел», капитана 2-го ранга Николая Владимировича Потолова. Бунт разгорался, и городская администрация попыталась призвать на защиту порядка юнкеров из Артиллерийского училища на станции Раздольная. Два взвода гардемарин, посланные с офицером для установления связи и привода юнкеров во Вла-

дивосток, вернулись с извещением, что на эту часть, как на боевую единицу, рассчитывать нельзя. Тогда командующий морскими силами на Дальнем Востоке контр-адмирал Михаил Андреевич Беренс приказал начальнику училища капитану 1-го ранга Михаилу Александровичу Китицыну сформировать отряд судов особого назначения из всех способных двигаться кораблей Сибирской флотилии, исключив миноносцы. Гардемарины и офицерам училища удалось захватить только суда «Орел», «Якут» и ледокол «Байкал».

Вопрос об эвакуации, таким образом, оказался решенным. Морское училище и Военно-Морская Учебная команда погрузились на корабли, гардемарины снова заняли свои посты по всем специальностям. На миноносцах были сняты замки с орудий — во избежание захвата их красными. На кораблях было взято около 500 человек флотилии с членами их семейств, но с выходом в море еще медлили. Обстановка продолжала оставаться весьма сложной. Помимо разногласий, обнаружившихся между морским и сухопутным командованием, на Владивостокском рейде находилась и эскадра союзников, которая вела двойную игру. Во что бы то ни стало они не хотели разрешить отхода эвакуировавшихся военных и гражданских лиц из Владивостока. Американцы прямо угрожали открыть огонь в случае выхода русских кораблей. Только личное вмешательство японского флагмана вице-адмирала Кавахара разрешило вопрос. Ночью с 30 на 31 января 1920 года контр-адмирал Беренс прибыл на «Орел» и отдал приказ о начале эвакуации. В 5 часов утра ледокол «Байкал»,

ломая лед, стал выводить «Орел» и «Якут» из бухты Золотой Рог. Американский крейсер «Бруклин», наведя орудия и прожекторы, начал угрожать открыть огонь, но японский броненосец «Миказа» сыграл боевую тревогу и, в свою очередь, навел орудия и прожекторы на «Бруклин». Отряд русских судов тем временем, увеличивая скорость, прошел мимо обоих кораблей к выходу из Золотого Рога. Следующая вероятная опасность — артиллерийские батареи Русского Острова, захваченные восставшими, — не проявили в этот утренний час никаких признаков жизни. Ледокол «Байкал», пожелав счастливого плавания выведенным им судам, вернулся затем во Владивосток.

Выйдя из Владивостока, «Орел» и «Якут» направились в Цуругу, имея в наличии небольшой запас провизии, а также консервы и сухие продукты. На судах сохранялся нормальный запас угля, а в каске — остатки расходных сумм училища, которые удалось обменять перед уходом на валюту и 10 000 иен — личный подарок японских морских офицеров с «Миказы». В Цуруге на берег сошли эвакуированные офицеры и их семьи, контр-адмирал Беренс, капитан 2-го ранга Потолов, несколько офицеров училища и несколько гардемаринов. Остальные были сведены в 3-ю кадетскую роту в количестве 60 человек, а всего на кораблях осталось 40 офицеров и 250 кадет и гардемаринов. Из Цуруги суда пошли до Моджи, а оттуда на Гонконг и на Сингапур, где корабли стали в док на починку. В Сингапуре 1-я рота гардемаринов закончила экзамены, и 11 апреля 1920 года 116 старших гардемаринов были произведены в кора-

бельные гардемарины. Взяв фрахты на Калькутту, суда отправились к берегам Индии. По выходе из Калькутты корабли разделились: «Якут» с 3-й ротой отошел на Цейлон, а оттуда выдвинулся в направлении Порт-Саида. На этом переходе «Якут» поставил паруса, что увеличивало ход судна в ветреную погоду до 10 узлов. «Орел» пересек океан напрямик. В Порт-Саиде гардемарины застряли надолго, поскольку агент Добровольного флота, поддержанный российским консулом, требовал передачи «Орла» обратно Добровольному флоту, вследствие чего британские власти не давали разрешения на выход судна из порта. Капитан 1-го ранга Михаил Александрович Китицын поставил тогда ультиматум Верховному британскому комиссару в Египте: если через 36 часов не будет им дано разрешение на выход из порта и все необходимое, то корабли по его приказу будут введены в канал и там затоплены поперек него. Через несколько часов британцами было предоставлено все необходимое русским морякам, и в начале августа 1920 года русские корабли вышли из канала и взяли курс на хорватский Дубровник, куда и пришли 12 августа. В Дубровнике по приказу Штаба Флота в Севастополе «Орел» был передан обратно Добровольному флоту, а «Якут» со 111 гардемаринами направился в Севастополь, куда и пришел за пять дней до начала эвакуации Крыма — 27 октября 1920 года. Часть гардемарин осталась в Югославии. 49 гардемарин, ушедших в Крым, были произведены генералом Врангелем в мичмана на переходе из Севастополя в Константинополь.

На полях и водах Гражданской войны свой след оставили и учащиеся гардемаринских классов Сибирской флотилии на Дальнем Востоке. Эти классы во Владивостоке были созданы в июне 1921 года старшим лейтенантом Сергеем Николаевичем Гарковенко, когда он сформировал первую гардемаринскую группу в 12 человек. В состав группы вошли и кадеты Омского и Хабаровского корпусов, окончившие корпус в том же году. Все гардемарины были размещены в казармах Сибирского флотского экипажа. Курс был предположен в 2 года 8 месяцев. Практическое плавание проводилось на канонерской лодке «Магнит», водоизмещением в 1200 тонн. Плавание началось 1 мая 1922 года и закончилось 27 марта 1923 года в Олонго на Филиппинах. Там учащиеся держали экзамены, и 8 апреля 1923 года выдержавшие их были произведены в корабельные гардемарины. Выходя в поход, «Магнит» был нагружен, как Ноев ковчег: в шлюпках размещены три десятка промысловых собак, на палубе — необходимая живность, в носовом помещении и трюме — правительственные агенты промыслов и рота морских стрелков в количестве 100 человек, отправленная на подкрепление гарнизона города Петропавловска-на-Камчатке. В задачу «Магнита» входила охрана китовых промыслов на Беринговых островах от браконьеров, в первую очередь от японских, которые не только выбивали китов, но, сбрасывая продырявленные банки с нефтью, загаживали лежбища и принуждали китов селиться на лежбищах, находившихся на юге Курильских островов, в японских водах. Высадив в Петро-

павловские морских стрелков, «Магнит» направился в бухту Провидения, где с великой радостью гардемарины высадили промысловых собак, распространявших особый аромат своего корма — рыбы, на весь корабль. От Анадыря гардемарины пошли к берегам Аляски, в Ном, а оттуда вернулись на Беринговы острова, где приступили к охране лежбищ морских котиков: одна браконьерская шхуна была потоплена, другие поспешили убратъся подобру-поздорову в японские территориальные воды. В то время пришло сообщение об эвакуации Владивостока и приказ о возвращении обратно. Вначале «Магнит» двинулся на Петропавловск, где забрал на борт морских стрелков, оттуда судно дошло до Гензана, в котором произошло соединение с остальными русскими кораблями, и уже все вместе суда повернули на Фузан, а оттуда на Шанхай. После полуторамесячной стоянки в Вузунге, укрепления перед Шанхаем, русская флотилия, ссадив на берег большинство морских стрелков, оба кадетских корпуса и беженцев, пошла дальше на Филиппины, где в Олонгопо и позволила себя интернировать американцам.

Миссия адмирала Старка

В это время во Владивосток стали стекаться отступавшие казаки, уходившие вместе с имуществом и семьями. Численность этого военного подразделения, именуемого кроме всего прочего Дальневосточной Казачьей Ратьёу, составляла 200 штыков и 1600 сабель, при 3 орудиях. История этого казачьего подразделения примечательна. Находясь с сентября

1922 года в районе Шкотова, она предприняла попытку наступления на красных, дойдя до поселка Кремово. Действовавшая против нее 2-я Приамурская советская стрелковая дивизия начала теснить казаков, в результате чего единственным путем к спасению людей оказалась немедленная их эвакуация. Командующий казаками генерал-майор Фаддей Львович Глебов начал переговоры об аренде японского транспорта для погрузки своих подчиненных. 24 октября 1922 года завершилась погрузка последних японских войск и учреждений, а также казаков Глебова на транспорты. Эвакуировавшись на трех судах из Владивостока в Шанхай, эта казачья часть простояла на рейде, не сходя на берег, до 1927 года.

25 октября 1922 года на японские корабли погрузились части, закрывавшие войскам Уборевича путь к океану. Транспорты неторопливо выходили из бухты Золотой Рог и брали курс на Японию, а в это время на улицы Владивостока уже вступали большевистские авангарды. Транспорты с русскими беженцами взяли курс на Посьет, где оставалась лишь походная канцелярия Дитерихса, а части каппелевцев уже вышли походным маршем в сторону китайской границы.

Русские части в Китае сразу же разоружили и расформировали, в нарушение предварительных договоренностей между представителем Дитерихса и администрацией Чжао Цзо-линя. Эскадра Старка продолжила свой путь дальше, в порты, которые могли бы принять 10 тысяч казаков и беженцев, находившихся на ее бортах. Эскадра дошла до

местечка Коре, где часть беженцев сошла на берег, надеясь посуху добраться до КВЖД, однако маньчжурская администрация, обеспокоенная наплывом беженцев в этой полосе, распорядилась прекратить выдачу виз русским. Неожиданно на кораблях эскадры появились смутные слухи о том, что Япония готова принимать лишь беженцев, обладавших капиталом не менее полутора тысяч йен на человека.

31 октября 1922 года эскадра адмирала Старка, в составе 25 кораблей, пароходов и катеров снова вышла в открытое море. Воинские части Дальневосточной казачьей группы генерал-лейтенанта Глебова и их семьи были помещены на кораблях «Байкал», «Свирь», «Батарей», «Диомид», «Илья Муромец», «Парис», «Фарватер», «Страж», «Лейтенант Дыдымов», «Охотск» и «Маньчжур». Урало-Егерский отряд генерал-майора Лебедева с семьями был погружен на катера «Стрелок», «Ординарец», «Резвый» и «Надежный». На пароходах «Эльдорадо», «Защитник», «Взрыватель» вышли в море батальон Морских стрелков, Морская десантная рота, Хабаровский и Омский кадетские корпуса и семьи воспитателей, семьи морских офицеров в количестве 150 человек, чины эвакуировавшихся учреждений Морского ведомства и их семьи в количестве 200 человек, милиция Татарского пролива и их семьи, а также Русско-Сербский отряд. На пароходах «Монгулай», «Чифу», «Пушкарь», «Смелчак», «Воевода» и «Тунгуз» плыло неопределенное количество беженцев, которым просто некуда было податься и у которых совершенно не было средств, чтобы путе-

шествовать самостоятельно. По самым скромным подсчетам, на бортах эскадры находилось 8000 русских людей, плывших, по существу, «в никуда».

Контр-адмирал Г.К. Старк

В конце ноября 1922 года эскадра пришвартовалась в порту Фузана, где были пополнены запасы угля, продовольствия и питьевых запасов, но уже 1 декабря 1922 года китайские власти потребовали от адмирала Старка, чтобы эскадра покинула порт. Выйдя в море, корабли отправились вдоль береговой линии, по направлению к Шанхаю, попав в Желтом море в сильнейший тайфун, разметавший суда по всему морю. Адмирал Старк вспоминал: «...Внезапно налетел сильный шквал от норд-веста, превратившийся в

шторм силою восемь-девять баллов». Один из миноносцев, «Лейтенант Дыдымов», погиб при невыясненных обстоятельствах. «Последний раз его видел „Парис“ на закате солнца 4 декабря. „Дыдымов“ сильно штормовал, поворачивая то по волне, то против, не имея почти никакого хода», — отмечал в своем отчете командующий эскадрой. Остальные корабли постепенно собирались в Шанхае, где китайскими властями было объявлено, что члены экипажи и пассажиры судов эскадры на китайской территории являются персонами *non-grata*, и чиновники порта потребовали оставление кораблями эскадры Старка китайских территориальных вод. В это время обосновавшиеся во Владивостоке большевики снарядили флотилию, добравшуюся до Камчатки и высадившую там десант для охоты на отряд есаула Бочкарева. В ходе коротких боев регулярные части красных дошли до Петропавловска и, осадив повстанческий отряд есаула в городе, окружили и разгромили его до основания, объявив в Петропавловске советскую власть.

Оставшиеся суда эскадры Старка, простояв на внешнем рейде Шанхая до января 1923 года, легли на курс в направлении Филиппинских островов, устремившись в порт Манилы. Выбор порта назначения объяснил в записках сам адмирал Старк: «При выборе другого конечного пункта Манилы, что мне советовал и адмирал Дудоров, я мог надеяться на человеколюбивое отношение американцев к беженцам, к личному составу флотилии и их семьям. Но я должен был учитывать, что... им разрешено будет оставаться в

американских водах на любой срок, пока Соединенные Штаты не признают большевиков».

Дружина генерала Пепеляева

В том же году у большевиков неожиданно возникла и еще одна проблема: в Якутске объявился перебравшийся из Харбина туда по Охотскому морю вместе со своей «дружиной», насчитывавшей 533 человека на пароходах «Защитник» и «Батарея», генерал-лейтенант Анатолий Николаевич Пепеляев. Участник антибольшевистской борьбы Е.К. Вишневский бесстрастно вспоминал о партизанах: «...Эти партизанские отряды были мало дисциплинированы; они состояли почти сплошь из людей озлобленных не только против красных, но даже, и чаще всего, против населения, которое при переходах власти из одних рук в другие обычно ненавидело всех, кто причинял им беспокойство... Вот почему до прихода дружины генерала Пепеляева на белых партизан население смотрело не лучше, чем на красных, ибо белые очень часто прибегали к ненужным насилиям». Этой непривлекательной практике были и призваны противопоставить себя регулярные формирования, в частности, Отряд милиции Северной области. О нем очевидец вспоминал: «Отряд милиции Северной области (Сибирской Добровольческой дружины) был сформирован в г. Владивостоке... частью из офицеров и солдат, выделенных из частей Временного Приамурского правительства (Дальневосточной армии), и частью — прибывших из города Харбина

офицеров... Сформированы три батальона стрелков, отдельный кавалерийский дивизион, отдельная батарея, отдельный саперный взвод, инструкторская рота. По прибытии в Аян было сформировано интендантство».

Эти полноценные воинские формирования, где присутствовала даже собственная система снабжения и учреждена интендантская служба во главе с полковником Мальцевым, были достойным ответом хорошо организованным частям Красной армии. Северные милиционеры освобождали целые районы и громили отряды ЧОН и ЧК, так и не успевавшие угнаться за этой маневренной воинской частью. Успехи этих отрядов развивались на протяжении января — февраля 1923 года, ровно до той поры, пока спохватившиеся большевики не стали перебрасывать в Якутию свежие части, организовав настоящую охоту за пепеляевцами.

Незадолго до этого партизанский отряд корнета Коробейникова был выслежен и окружен превосходящими его силами Красной армии, а после отказа капитулировать полностью и без пощады разгромлен. Другие части под общим командованием уже известного читателю красного командующего Карла Карловича Байкалова продолжали еще вести непрерывные стычки с Сибирской добровольческой дружиной, пока, наконец, в марте 1923 года, она не оказалась полностью разбита превосходящими силами красных. Дружина отступила на восток, к побережью Охотского моря, откуда когда-то она начинала свой рейд по Якутии. Весь путь дружинников Пепеляева с

самого начала похода был непомерно труден даже для закаленных сибирских стрелков, составлявших ее основу. Предоставим слово одному из участников похода, Е.К. Вишневному: «...Без теплой одежды, в плохой обуви, и на всем 240-верстном пространстве почти без жилья. Первые дни перехода шел проливной дождь. Особенно тяжело было переправляться через разлившиеся горные бушующие реки, местами проходить сплошные болота. Часть продовольствия бросили в пути, лошади, за отсутствием фуража и тяжелого пути, падали... Уцелевших лошадей поели, и начались для людей тяжелые испытания. Съели в окрестностях всех собак, стреляли ворон... Настроение пало. Люди ходили, как тени...»

С открытием навигации, в июне 1923 года, для окончательного подавления пепеляевцев большевиками была направлена целая флотилия мелких судов, привезшая с собой два батальона советской Приамурской дивизии. Высадившись на берегу, красноармейцы добрались пешим порядком до Охотска и внезапно атаковали город, перебив там незначительный гарнизон дружинников. Далее большевики скрытно двинулись на порт Аян, основанный еще в середине XIX века американской компанией по промыслу морских котиков. Ночью они ворвались в городок со стороны береговой линии, быстро нашли и окружили штаб Дружины, где находился сам Пепеляев, отрезав его от основных сил дружинников. Убедившись в бесполезности сопротивления, Пепеляев приказал отряду сложить оружие и сдаться. Те из офицеров его дружины, которым удалось избежать плена, а

именно полковники Цейловский, Сивко и Катаев, вскоре получили через красных парламентариев обращение генерала, написанное им, возможно, под давлением пленивших его большевиков. Текст обращения гласил: «...Вся советская Россия объединена, прибыла регулярная армия, которой мы взяты в плен. Надеюсь, что вы, не раз смотревшие в глаза смерти, выполните мою последнюю просьбу, во избежание напрасного кровопролития, сложите оружие. Я готов предстать перед судом и благодарю Бога, что все обошлось без пролития братской крови. Генерал-лейтенант Пепеляев». Забрав с собой Пепеляева, приамурские батальоны доставили его во Владивосток, где он был осужден и приговорен к расстрелу, но по решению ВЦИК расстрел ему был заменен 10-летним тюремным заключением. Пепеляев отбывал наказание в советских концентрационных лагерях до 1933 года. После того он был выпущен на волю, продолжал жить в СССР и работал краснодеревщиком в Новосибирске. Через три года Пепеляев был арестован при переходе советско-китайской границы. В 1938 году генерала приговорили к расстрелу по совокупности «прежних грехов» и за его попытку вырваться на свободу.

Последние юнкера Дальнего Востока

В начале войны с «внутренним Китаем» маньчжурский диктатор назначал командующим фронтом генерала Чжан Зун Чана, который пригласил генерал-лейтенанта Константина Петровича Нечаева в

качестве военного советника. Образовалась русская группа войск в составе: пехотная бригада — 2 полка, кавалерийская бригада — 2 полка, отдельные инженерные роты, дивизия броневых поездов и отдельная воздушная эскадрилья. Кроме того, не входящая в состав группы конвойная сотня — личная охрана маршала Чжан Зун Чана в составе 120 шашек при 5 офицерах. С помощью русских военных, закончивших свою Гражданскую войну и охотно откликнувшихся на чужую, генерал Чжан Зун Чан завоевал Пекин, Тяньцзинь — столицу провинции Чили, Цинанфу — столицу провинции Шандун, и Циндао. Став руководителем («тупаном») этих провинций и маршалом, последний заключил союз с другим «тупаном» пяти центральных провинций, маршалом Сун Чуан Фаном, и дошел с русскими частями до города Шанхая.

С развитием боевого успеха на фронте Н.Д. Меркулов стал готовить формирование Военного училища для русской молодежи, и, когда маршал Чжан Зун Чан взял провинцию Шандун, объявив ее столицу Цинанфу своей резиденцией, там же вышел приказ о формировании «Шандунского инструкторско-офицерского отряда», как он был назван по-китайски, в составе четырехзвездной роты для русских с производством в офицеры в будущем, по окончании наук. Намечавшийся первоначально курс длительностью в полгода, а затем и в год, был окончательно утвержден как двухгодичный по программе военных училищ мирного времени. Преподавателями и строевыми офицерами были генералы, штаб- и обер-офицеры Русской армии. Юнкерами за-

числялись молодые люди, как окончившие средние учебные заведения, так и не закончившие, но имевшие не меньше 5 классов гимназии или реального училища. Юнкера и преподаватели носили китайскую форму и состояли в китайских чинах и званиях, жалование получали в серебре, — как офицеры, так и юнкера — выше, чем у китайцев. Училище имело определенные кредиты, на которые довольствовались, одевались, обувались, приобретало всевозможные учебные пособия и содержало весь штат. Через училище прошло 500 человек русской молодежи. Закончили первый выпуск в 1927 году 43 человека, в 1928 году, второй выпуск, — 17. После первого выпуска начальник Российской Духовной Миссии в Китае, митрополит Пекинский и Китайский Иннокентий, предложил маршалу Чжан Зун Чану отправить в училище для получения военного образования албазинцев. Их в училище поступило 60 человек, образовавших отдельную подуроту, под командой капитана Уварова. Специально для 1-го выпуска маршалом Чжан Зун Чаном был сформирован Особый полк из всех трех родов оружия, в котором должности младших офицеров заняли молодые подпоручики. Командиром полка был назначен полковник Квятковский — ротмистр Приморского драгунского полка русской службы, помощником — полковник Шайдицкий. Полк состоял из трех батальонов: стрелкового — 3 роты, технического — рота пулеметная, бомбометная и гренадерская, сводного — эскадрон, батарея и саперная рота.

В 1928 году (при начале краха) Особый полк был выведен и его русские солдаты и

офицеры спасены. В это же время командир роты училища, полковник И.В. Кобылкин, стал во главе училища, вывел его из общей неразберихи и благополучно разружился на территории Маньчжурии. С ликвидацией японцами маршала Чжан Дэо Линя предательски был убит и маршал Чжан Зун Чан. Русская группа войск распалась, понесла огромные потери, и закончило свое существование Русское военное училище.

Эхо Гражданской войны

После своей победы в Гражданской войне большевики на Дальнем Востоке неторопливо расправились с бывшими противниками. В 1921 году на Камчатку прибыло 40 солдат и офицеров генерала Владимира Оскаровича Каппеля, решивших заняться мирным трудом. Они поселились на территории нынешнего Усть-Камчатского района, вели в основном личное хозяйство и не вмешивались в борьбу за власть, бушевавшую там вплоть до 1923 года. Тем не менее месть победителей в гражданской войне не настигла и бывших каппелевцев. В чекистской терминологии этих людей называли «грузчиками». Репрессии против них не утихали вплоть до конца 1930-х годов, пока оставался хоть один из них, пребывающий на свободе. Сохранились имена части каппелевцев, погибших от руки НКВД: Сергей Николаевич Николин, Павел Васильевич Новосельцев, Иван Степанович Мусатов, Николай Петрович Кочетов, Ислам Исангожин, Михаил Сергеевич Горбунов, Григорий Павлович Вахрин, Иван Захарович Аку-

О.Г. Гончаренко

ленко, Василий Нахимович Галямов, Никифор Петрович Федоров. Последнего «белогвардейца» на Дальнем Востоке добили осенью 1941 года. По устоявшейся схеме чины НКВД быстро сфабриковали обвинение в «контрреволюции» и арестовали Леонида Ивановича Павильонова, работавшего до того инженером-нефтяником в поселке Корн. Повод для ареста состоял в том, что инженер в 1920 году целых два месяца добровольно служил в Русской Армии генерал-лей-

тенанта барона П.Н. Врангеля. До суда Павильонов не дожил. Было объявлено о его «самоубийстве» в камере предварительного заключения. Но это было лишь дальним эхом прогремевших расправ над побежденным противником, а тогда, в далеком июне 1923 года, с военным разгромом последней белогвардейской добровольческой дружины в далекой Якутии, была перевернута последняя страница Гражданской войны на территории России.

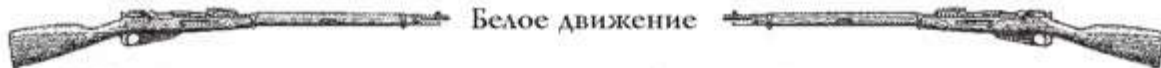
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баумгартен фон А., Литвинов А.А. Кирасиры Ее Величества в Гражданской войне. // Офицеры Российской гвардии в Белой борьбе. — М.: Центрполиграф, 2002.
2. Белая борьба на Северо-Западе России. — М.: Центрполиграф, 2003.
3. Белов Е.А. Барон Унгери фон Штернберг. — М.: Аграф, 2003.
4. Белый архив. Т. 1. — Париж, 1926.
5. Берг фон В.В. Последние гардемарины. — Париж: Изд. Сияльской, 1931.
6. Бобков А.А. Красный террор в Крыму. 1920—1921. // Доклад на международной научной конференции в Севастополе. — М.: Посев, 2002.
7. Вишневский Е.К. Аргонавты Белой мечты. — Харбин, 1933.
8. Волков Е.В. Православное духовенство в войсках А.В. Колчака в годы Гражданской войны. // Гражданская война на Дальнем Востоке России. — М.: Посев, 2003.
9. Врангель П.Н., барон. Записки. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1969.
10. Вырыпаев В.О. Каппелевцы. // Каппель и каппелевцы. — М.: Посев, 2003.
11. Георгиевич М.М. Свет и тени. Первая мировая война. Добровольческая армия. — Сидней, 1968.
12. Гиппиус З. Дневник. — Тбилиси: Мерани, 1981.
13. Головань Г. Марковцы в походе на Москву. // Поход на Москву. — М.: Центрполиграф, 2004.
14. Голубинцев А.В. Русская Вандея. Очерки Гражданской войны на Дону. 1917—1920 гг. — Мюнхен, 1959.
15. Гуль Р. Ледяной поход (с Корниловым). — Берлин, 1923.
16. Давату В.Х. На Москву. — Париж, 1921.
17. Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Т. 3—4. — Берлин, 1924.
18. Деникин А.И. Поход и смерть генерала Корнилова. — М.: Молодая гвардия, 1990.
19. Дрейер фон В.Н. На закате империи. — Мадрид, 1965.
20. Душкин В.Н. Забытые. — Париж: ИМКА-Пресс, 1983.
21. Еленевский А. Военные училища в Сибири. // Военная быль. — Париж, 1963. № 61—64.
22. Елисеев Ф.И. С Корниловским конным полком в 1918—1919 гг. в Закубанье, Ставрополье, Астраханских степях. — Нью-Йорк, 1950.
23. Елисеев Ф.И. С хоперцами от Воронежа до Кубани в 1919—1920 гг. — Нью-Йорк, 1962.

24. Звягинцов В.Н. Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну. — Париж: Изд. Сильской, 1938.
25. Зуров А.Ф. Кадеты. — Рига: Саламандра, 1928.
26. Иляхинский Д. Сестры милосердия в походе. // Первый Кубанский ледяной поход. / Под ред. С.В. Волкова. — М.: Центрполиграф, 2001.
27. Карпов Н.Н. Крым — Галлиполи — Балканы. — М.: Русский путь, 2000.
28. Красный террор в годы Гражданской войны. / Под ред. Д.Г. Фельштинского и Г.И. Чернавского. — М.: Терра — Книжный клуб, 2004.
29. Кузнецов Б.М. 1918 год в Дагестане. — Нью-Йорк, 1960.
30. Куприн А.И. Купола Святого Исаакия Далматского. // Белая борьба на Северо-Западе. — М.: Центрполиграф, 2003.
31. Лампе фон А.А. Пути верных. — Париж, 1960.
32. Ларионов В.А. Последние юнкера. — Франфурт-на-Майне: Посев, 1984.
33. Макеев А.С. Бог войны барон Унгерн. — Шанхай, 1934.
34. Мамонтов С. Походы и кони. — Париж: ИМКА-Пресс, 1981.
35. Марков и марковцы. — М.: Посев, 2000.
36. Матасов В.Д. Белое движение на Юге России. 1917—1920 гг. — Монреаль (Канада): Monastery Press, 1990.
37. Мейерер Г.А. Война на Волге в 1918 году. // Флот в Белой борьбе. — М.: Центрполиграф, 2002.
38. Мельгунов С.П. Красный террор в России. — М.: Постскриптум, 1990.
39. Офицеры русской гвардии в Белой борьбе. М.: Центрполиграф, 2002.
40. Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. Кн. 1. 1917—1918. Кн. 2. 1919—1920. — Париж, 1963.
41. Прянишников Б.В. Незримая паутина. — М.: Яуза, 2004.
42. 50 лет верности России. 1917—1967. Т. 2. — Париж: Изд. марковцев-артиллеристов, 1967.
43. Регельсон А. Трагедия Русской Церкви. 1917—1945. — Париж: ИМКА-Пресс, 1977.
44. Розеншельд-Паулин В.А. Кирасиры Его Величества. Участие в Белом движении. Жизнь за рубежом. — Париж: Изд. объединения Кирасир Его Величества, 1944.
45. Росс Н.Г. Врангель в Крыму. — Франфурт-на-Майне: Посев, 1982.
46. Руденко-Миних В. Дроздовский и дроздовцы: крестоносцы распятой Родины. // Белая Россия. — СПб: М., 2002.
47. Русская Православная Церковь за границей. / Под ред. графа А.А. Соллогуба. Т. 1. — Нью-Йорк, 1968.
48. Рутч (Рутченко) Н.Н. Белый фронт генерала Юденича. — М.: Русский путь, 2002.
49. Савин И.И. Только одна жизнь. Сб. стихов. 1922—1927. — Нью-Йорк, 1988.
50. Старк Г.А. Отчет о деятельности Сибирской флотилии. 1921—1922 гг. // Флот в Белой борьбе. — М.: Центрполиграф, 2002.
51. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Картины Гражданской войны 1918—

1920 гг. /Под ред. И. Лукаша. Изд. 2-е. — Мюнхен: Быль и Явь, 1948.

52. *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири. — Париж: ИМКА-Пресс, 1985.

53. *Фостиков М.А.* Дневники казачьих офицеров. — М.: Центрполиграф, 2004.

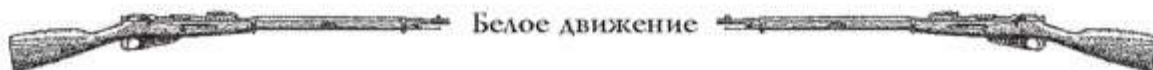
54. *Шкуро А.Г.* Записки белого партизана. — М.: Голос, 1996.

55. *Щавельский о. Георгий.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. — Нью-Йорк: Изд. им. Чехова. Т. 1—2. 1956.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I	
С ДОНА НА КУБАНЬ	5
Архетип добровольца	5
Поиски выхода и заблуждения	6
В поисках сильной руки	7
Генералы в Быхове	9
Генерал Алексеев в действии	10
Дилемма двух генералов	11
Безденежье	13
Первые шаги добровольчества	13
Трудности добровольческого движения	15
Генерал Каледин	16
Казачество медлит. Каледин решает. Добровольцы воюют	17
Прибытие Корнилова и новые разногласия	21
Политическая программа Корнилова	24
«Партизанский фактор»	25
Медленный рост добровольческих сил	26
Казачи и добровольчество	27
Генерал Черепов и его деятельность	28
Гибель атамана Каледина	30
Недолгий век нового Донского атамана	31
Конец казачьего изменника	32
Что было в Ростове?	32
В преддверии «Ледяного похода»	34
Поход начинается... ..	34
Quo vadis?	36
С боями на Кубань	37
Черкесы и большевики	42
Полковник Покровский	42
Тяготы похода	43
И снова Покровский... ..	44

Под Екатеринодаром	45
Потери добровольцев	46
Затишье	47
Гибель Корнилова	48
Глумление большевиков над телом Корнилова	50
Отход белых от Екатеринодара	50
Сестры милосердия и женщины-бойцы в Добровольческой армии	52
Отход	54

Глава II

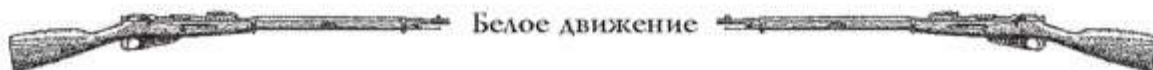
БОРЬБА НА ЮГЕ (о втором Кубанском походе)	57
Добровольцы на Северном Кавказе	57
Казаки становятся под ружье. Новочеркасское восстание	59
Станичные бои	60
Отряд полковника Дроздовского	62
Атаман Краснов	65
Из Новочеркасска в Мечетинскую с Дроздовским	66
Добывание боеприпасов	67
Тыл и политические течения в рядах Добровольческой армии	68
Весенний поход	69
Донской «Ренессанс»	70
С миру по нитке	73
Красные главкомы: Автономов и Снесарев	74
Во Втором Кубанском походе	75
Гибель генерала Маркова	76
«Марковцы» без Маркова и другие полки добровольцев	77
Бои в Великокняжеской и других станицах	78
Под Царицыным	79
Маневр Деникина	80
Взятие Тихорецкой	81
Увеличение численности добровольцев	82
Три направления ударов	83
Кубанские казаки и народы Кавказа	85
Паника в Екатеринодаре	85
«Благодарность» Кубанского правительства Деникину	86
Триумф добровольцев в Екатеринодаре	87
На Ставрополье	88
«Германский» фактор	90

Глава III

СИБИРЬ ВОССТАВШАЯ	91
Адмирал Колчак	91
В далеком Омске.....	92
Кто претендовал стать Верховным правителем России?	93
Избрание Колчака и его первые шаги на новом поприще	94
Министры Верховного правителя	95
Сибирская армия Верховного правителя и «чехарда» военных министров	97
Забота о будущем Сибирской армии	99
Реорганизация Сибирской армии, возрождение православных традиций и роли духовенства	100
Военные планы Верховного правителя	102
Личность Дмитрия Лебедева	103
Судьба Николаевской Академии Генерального штаба	104
Кратковременные успехи Сибирской армии.....	106
Когда удача отворачивается.....	109
Лебедев интригует	110
Большевики наступают	111
Опасения генерала Каппеля	111
Отголоски былых просчетов	112
Последние кадровые ошибки Верховного правителя	113
Развал фронта	115
«Эвакуация» и зловещая роль чехословаков	116
Приближение к тупику. Черeda предательств	117
Финал Верховного правителя	118
Попытка генерала Каппеля	120
Вызов генерала Войцеховского	123
Закатная звезда адмирала	124
СТЕПЬ В ОГНЕ. ЮЖНОУРАЛЬСКАЯ БОРЬБА	126
Попытка сопротивления и опасность безвластия	126
Практика антибольшевистской борьбы	129
Чрезвычайный войсковой круг и состояние Оренбургского войска	130
Большой отход	133
В киргиз-кайсацких степях	134
Оренбуржье под большевиками. Первые восстания	136
Совместная борьба оренбургских и уральских казаков. Возвращение Дутова	137
Северные восстания	140

Глава IV

ОШИБКА «МОСКОВСКОЙ ДИРЕКТИВЫ»	142
Усиление Добровольческой армии	142
Дни и дела командарма Сорокина	144
Внутренние конфликты в большевистском стане	146
Большевики в Ставрополе	147
Гибель генерала Дроздовского	149
Потери добровольцев и лейб-гвардейцы в рядах Белой армии	150
На Южных направлениях	153
Донцы штурмуют Царицын	155
Троцкий против Краснова	156
Диалоги с Антантой	156
Ставрополье сражается	157
На последнем дыхании: донские части под Царицыным.	
Призывы к объединению	157
Антанта в качестве арбитра	158
Создание Вооруженных сил Юга России и трудности альянса с Доном	159
Дела кавказские	161
Переменный успех	162
Нефть, «джихад», британцы и Россия	163
Перемены на Дону	165
Краснов в отставке	166
Казацьи войны	167
Донбасские контрудары	169
Перегруппировка красных сил	170
Блокада Дона	171
«Все на борьбу с ВСЮР!»	171
Разворот в Малороссию и «превентивные меры» Ленина	173
Южно-Русский Церковный Собор	174
Битвы за Дон	176
Без большевиков	176
Роковое решение Деникина	177
Большевики извлекают уроки	179

Глава V

НА СЕВЕРНОМ ФРОНТЕ	180
Русский Север в годы смуты. Генерал Марушевский	180
Деятельность администрации Е.К. Миллера и британский контингент	181

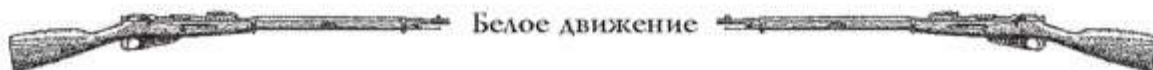

Северная армия к 1919 году	182
Обычная практика большевиков на Севере	183
Плоды либерализма в северных областях	184
Помощь союзных государств	185
В преддверии эвакуации	187
Неудавшееся наступление	188
На «внутреннем» фронте генерала Миллера	188
Надежды 1920 года и развал фронта	189
Спасительные ледоколы	191
Через льды Арктики — в Норвегию	192
Побег отчаянных	193

Глава VI

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ 1919-й и ТРАГИЧНЫЙ 1920-й	195
Большевистская атака на православие	195
Рейд генерала Мамантова	196
Взятие Царицына	200
Усиление Вооруженных сил Юга России	202
Внутренние трудности ВСЮР	202
Военно-морские силы ВСЮР	204
Наступление продолжается	205
Перелом наступает	208
Оболганный герой — генерал Май-Маевский	213
Отступление продолжается	216
Оставление Царицына и разгром марковцев	218
Спасение останков генерала Дроздовского	221
Рейд гвардейской конницы в Ростов-на-Дону	222
Великобритания меняет политику	224
Тыл ВСЮР и казаки	225
Группировка генерала Шилинга и одесская эвакуация	226
Конфликт генералов Деникина и Врангеля	229
Слащев как последнее средство	231
Удаление Врангеля	232
В это время на фронте	232
Перевод Ставки и отход войск	234
Бегство из Новороссийска	236
Избрание нового Главнокомандующего. Последняя утрата А.И. Деникина	238
Перегруппировка сил и создание Русской Армии	239

Глава VII

ДРАМЫ СЕВЕРО-ЗАПАДА (1919–1920 гг.)	240
Прелюдия к авантюре. Генерал Юденич	240
Барон Маннергейм	241
Основная «деятельность» Юденича	242
Прожектерство Юденича	243
Провал Маннергейма и «новая стратегия» Юденича	246
Военные силы Северо-Запада	249
Рига и Псков. Наступление и оборона	249
Ливенцы и германские добровольцы наносят удар	255
Вокруг Митавы и Риги	255
Либавский бунт	257
Взятие Риги	258
Вид на театр военных действий с дачи Гарденина и предложения генерала Родзянко	259
Несколько штрихов к портрету генерала Юденича	261
Неудачи Северо-Западной армии начинаются	265
Конец Северо-Западной армии	267
Ненужные	268
Юденич в оценках современников	269

Глава VIII

ПОПЫТКА БАРОНА ВРАНГЕЛЯ	271
Наследие Деникина и судьба Русской армии	271
Ненадежный тыл	273
Крым весной 1920 года	273
Духовная жизнь Русской армии	275
Барон Врангель на «внутреннем фронте»	278
Мобилизация в рядах Белой и Красной армий	281
Контрмеры командования Русской армии	281
Вырваться из Крыма!	283
Подготовка контрудара	285
Наступление Русской армии	286
Десант полковника Назарова	286
Наступление у Большого Токмака и взятие Орехова	287
Казачи и гвардейцы в наступлении	288
Начало отступления	289
Неприступная Каховка	290

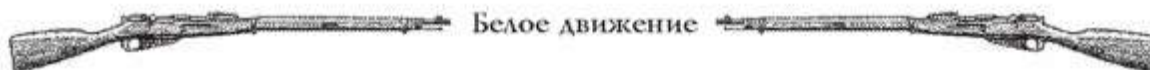
В крымской «бутылке»	291
Азовский десант генерала Улагая и анапский генерала Бредова	291
Десант генерала Харламова	295
Повстанцы генерала Фостикова и грузинские власти	295
Расстановка приоритетов. Новая тактика большевиков	297
С генералом Витковским под Каховкой	298
Второй удар Русской армии	298
Звезда Михаила Фрунзе	299
Марковцы на Хортице	300
Последние кавалерийские сражения	300
Оборонительные мероприятия	302
Неприметный герой — генерал Ткачев	303
Планы Фрунзе в действии	303
В окружении	304
Кутеповский 1-й корпус атакует	305
На последних рубежах	305

Глава IX

ПРОЩАЙ, РОССИЯ!	308
Наступательная операция командарма Фрунзе	308
Судьба Крыма решена	310
Последние бои	313
Агония Русской армии	315
Прощание с Крымом	317
Крым после Врангеля	322
Исход завершен	326

Глава X

ВОЙНА ЗАКОНЧИЛАСЬ? (1921–1923 гг.)	328
На Дальнем Востоке	328
Учредительное собрание ДВР 1921 года и большевики	330
В Маньчжурии. Атаман Семенов	330
Семиреченская армия и ее командующий	334
Отдельная сводная уссурийская атамана Калмыкова казачья дивизия	336
Даурский барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг	337
Степные командиры	346
Солдат Шубин	347
Атаман Казанцев и его замысел о Урянхайском крае	348

Корпус полковника Бакича между Монголией и Китаем	348
Дальневосточная республика	349
События в Якутии	350
«Волочаевские дни»	351
Якутская народная армия	351
Организация гражданской обороны. Духовная жизнь на Дальнем Востоке	353
Владивосток готовится к эвакуации	357
Военно-морские учебные заведения Дальнего Востока	358
Миссия адмирала Старка	362
Дружина генерала Пепеляева	364
Последние юнкера Дальнего Востока	366
Эхо Гражданской войны	367
 СПИСОК ИСПОЛЪЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	 369

Научно-популярное издание

За веру и верность

Гончаренко Олег Геннадьевич

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ.

ПОХОД ОТ ТИХОГО ДОНА ДО ТИХОГО ОКЕАНА

Генеральный директор *А.А. Палько*

Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Редактор *О.А. Шаикова*

Художник *А.В. Акимов*

Корректор *О.Н. Богачева*

Верстка *И.В. Хренов*

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Гигиенический сертификат

№ 77.99.02.953.Д.008287.12.05. от 08.12.2005 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 26.03.2007. Формат 70×100 1/16.

Гарнитура «LazurskiC». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 24. Тираж 3000 экз. Заказ